СОЧИНЕНІЯ

ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО и КОЛОМЕНСКАГО

СЛОВА и РѢЧИ

ТОМЪ II

1821—1826

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5.
1874

Печатать позволяется. Московская Духовная Академія, 18 іюля 1874 года.

Цензоръ Священникъ *Михаилъ Богомюбскій.*

2161
37

Отъ издателей.

При изданіи *втораго тома* словъ и рѣчей почившаго Святителя (1821—1826 гг.) мы пользовались, кромѣ печатныхъ изданій, еще рукописнымъ сборникомъ, принадлежащимъ М М. Евреинову. Слова и рѣчи въ этомъ сборникѣ всѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ и, какъ видно изъ сличенія съ нѣкоторыми сохранившимися подлинными рукописями самаго автора, сходны съ этими рукописями по первоначальному ихъ происхожденію, безъ позднѣйшихъ поправокъ. Это даетъ особенное значеніе сборнику и обязываетъ насъ глубоко благодарить почтеннаго собирателя и за дорогое сбереженіе, притомъ, какъ доселѣ намъ извѣстно, единственно-полное, и за сообщеніе сбереженнаго для печати.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЛОВА и РѢЧИ,

ИЗБРАННЫЯ САМИМЪ ПРОПОВѢДНИКОМЪ ДЛЯ ИЗДАНІЙ
1844, 1848 и 1861 ГОДОВЪ.

(Печатаются съ изданій 1848 и 1861 годовъ.)

1821 годъ.

XLIII.

14. Слово

при вступленіи въ управленіе Московскою паствою.

(Говорено архіепископомъ Московскимъ Филаретомъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, августа 14 дня, напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1821, 1822, 1833, 1844 и 1848 гг.)

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. Рим. I, 7.

Такъ нѣкогда святый апостолъ Павелъ привѣтствовалъ Церковь державнаго Рима, вступая съ нею въ общеніе посредствомъ Посланія. Такъ при семъ первомъ общеніи лицемъ къ лицу привѣтствовать Церковь сего Престольнаго града и я дерзаю.

Но кто я, дерзнувшій возглашать столь великое слово среди столь великія Церкви? среди Церкви, которая кромѣ славы, заимствуемой отъ древняго Царскаго престола, еще прежде имѣла славу нѣкоторымъ образомъ приготовить у себя мѣсто для сего престола и донынѣ сохранила благодать преподавать Вѣнценосцамъ священный Вѣнецъ и помазаніе на Царство; — среди Церкви, которая обыкла слышать живые и сильные гласы Божественнаго Слова, въ которой сіяли столь многіе Свѣтильники Православныя Вѣры, не угасшіе и во гробахъ, но и оттолѣ еще сіяющіе свѣтомъ будущаго вѣка, въ которой предстояли въ молитвахъ, дознанные послѣ, небесные споспѣшники нашихъ земныхъ молитвъ; — здѣсь, гдѣ древняя святыня еще недавно вновь

ознаменовала себя и очистительнымъ посѣщеніемъ, и чудеснымъ избавленіемъ, и праведнымъ отмщеніемъ;—какъ дерзнулъ я предстоять толикому сонму Божію въ священнодѣйствіи таинства вѣры и какъ паки дерзаю начать священнодѣйствіе слова истины? Немощнымъ гласомъ недостойныхъ устъ какъ дерзаю колебать самый сей воздухъ, исполненный благоуханіемъ Святыни?

О, Владыко Господи! Ты видишь глубину сердецъ; Ты слышишь движеніе помышленій; Ты зрѣлъ сіе смятенное сердце, когда только еще даемы были жребіи сего служенія; Ты слышалъ трепетное воспоминаніе онаго древняго гласа: *избери могуща иного, егоже послеши* (Исх. IV, 13). Но когда, по неизслѣдимымъ судьбамъ Твоимъ, чрезъ Священную и Державную Власть, жребій сей пришелъ и не возвратился, *азъ же кто есмь, могій возбранити Бога* (Дѣян. XI, 17)? И нынѣ, Господи, да будетъ воля Твоя, ибо уже и бысть воля Твоя. *Укрѣпи, Боже, сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ* (Псал. LXVII, 29). Ради народа Твоего многаго даруй благодать служенію сему; ради славы Твоей, сугубо дивной въ ничтожныхъ орудіяхъ, *соверши силу Твою въ немощи сей. Даждь гласу Твоему гласъ силы* (2 Кор. XII, 9; Псал. LXVII, 34) и въ недостойныхъ устахъ, да *пріемлющіе слово слышанія Твоего отъ насъ, пріемлютъ не аки слово человѣческо, но якоже есть воистинну, Слово Божіе, и да дѣйствуется оно въ сихъ вѣрующихъ* (1 Сол. II, 13).

Итакъ, Богомъ дарованные намъ Отцы, братія и чада Церкви сея, *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа*!

О, еслибы совершенно исполнилось надъ вами сіе первое желаніе наше! тогда могли бы мы уповать, что Богъ исполнитъ и всѣ во благихъ желанія ваши. Но духовныя желанія совершенно бываютъ дѣйствительны тогда, когда съ волею дающаго благословеніе соединяется воля пріемлющаго. Посему, дабы расположить сердца наши къ соединенію въ единомъ желаніи, достойномъ сего духовнаго общенія, скажемъ нѣчто въ изъясненіе того, почему *прежде всего и паче всего желаемъ вамъ благодати и мира.*

Мы всѣ, когда ни встрѣчаемся одинъ съ другимъ, обыкновенно привѣтствуемъ другъ друга какимъ-либо желаніемъ. Что значитъ сіе обыкновеніе?—Знаменательное указаніе на состояніе

наше, еслибы мы были внимательны! Вообразимъ на минуту, что мы встрѣтились бы не на сей бѣдной и осужденной землѣ, но на небесахъ, или хотя въ земномъ раю: какимъ желаніемъ стали бы мы тамъ привѣтствовать другъ друга? Желаніемъ здравія?—Но тамъ и безъ того нѣтъ болѣзней. Желаніемъ долгоденствія?—Какъ можетъ тамъ быть забота о долгоденствіи, гдѣ есть безсмертіе? Желаніемъ благополучія?—Тамъ уже есть блаженство. Желаніемъ ли, наконецъ, благодати и мира?—И сіе тамъ имѣютъ всѣ, или еще и болѣе—имѣютъ благодать и славу. Изъ сего само собою открывается, что тамъ, вмѣсто изъявленія желаній, обыкновеннѣе всего должно быть изъявленіе радости въ благодарныхъ славословіяхъ преисполнившему всѣ желанія—Богу. Что же теперь значитъ, что здѣсь, на землѣ, мы привѣтствуемъ другъ друга различными желаніями?—То, что всѣмъ намъ недостаетъ многаго, что мы не въ томъ состояніи, въ которомъ должны быть, и къ которому предназначены, что мы здѣсь не въ отечествѣ, но въ землѣ чуждой, не въ пристанищѣ, но на морѣ, не въ истинномъ жилищѣ нашемъ, но въ кратковременной гостинницѣ или на пути, не въ области мира, но среди брани, между врагами, между опасностями, въ изнуреніи, въ лишеніи.

Чѣмъ прямѣе и точнѣе къ исполненію [1]) нашихъ недостатковъ относятся наши желанія, тѣмъ они достойнѣе, тѣмъ они правильнѣе. Приложимъ сію мѣру къ обыкновеннымъ желаніямъ нашимъ.—Желаніе здравія, если при семъ думаютъ о тѣлесномъ, относится только къ низшему совершенству животной природы, общей намъ съ безсловесными,—здѣсь совсѣмъ нѣтъ въ виду потребности собственно человѣческой.—Желаніе долгоденствія, если не получаетъ высшаго значенія въ соединеніи съ другими благороднѣйшими желаніями, не можетъ принести намъ ничего болѣе, какъ только продолженіе нашего земнаго изгнанничества и странствованія, и, если мы не на пути избавленія и возвращенія въ небесное отечество, то еще большее удаленіе отъ онаго; ибо— *слышите и разумѣйте!*—въ семъ мірѣ, въ которомъ все движется и преходитъ, нѣтъ и для насъ неподвижнаго состоянія, и если человѣкъ не старается непрестанно приближаться

[1]) Въ отд. изд. и въ собр. 1821, 1822 и 1835 гг : къ восполненію...

къ небу, то непримѣтнымъ образомъ приближается ко аду.— Желаніе благополучія, если хотятъ получить только благо земли, а не благословеніе Неба, есть обольщеніе, поколику не исполняется,—и еще большее обольщеніе, поколику исполняется: неосторожный странникъ земли, собирая блестящій прахъ, изнемогаетъ подъ пріятнымъ бременемъ, или, гоняясь за мелькающею тѣнію, коснитъ въ безполезной торопливости. Такъ въ обыкновенныхъ человѣческихъ желаніяхъ видно, при всегдашнемъ ощущеніи недостатковъ, достойное сожалѣнія невниманіе къ недостаткамъ существеннымъ и потребностямъ истиннымъ!

И потому, Боголюбезные, для васъ не будетъ чуждымъ и страннымъ тотъ, кто не совѣтуется съ плотію и міромъ, дабы срѣтить васъ желаніемъ по сердцу вашего внѣшняго человѣка, но, въ упованіи обрѣсти сердце ваше *по сердцу Божію*, прежде всего и паче всего взыскуетъ Божественнаго источника, дабы оттолѣ почерпнуть для васъ духовное благословеніе: *благодать и миръ*.

Познаемъ существенный для насъ недостатокъ мира! Возчувствуемъ высокую потребность благодати!

Кто лучше знаетъ, чего намъ недостаетъ, и кто лучше можетъ указать путь желаніямъ нашимъ, какъ не Тотъ, Котораго желаніе нашего блага низвело въ сей лежащій *во злѣ мірѣ*, дабы Самимъ Собою восполнить то, чего намъ недоставало? Но и обыкновенное и торжественное благословляющее желаніе Спасителя нашего было желаніе и благословеніе мира. Приходитъ ли Онъ къ ученикамъ Своимъ, когда уже *дана Ему всякая власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII, 18), и когда они могли ожидать отъ Него дара, достойнаго сея власти? — Онъ приноситъ имъ миръ. *Пріиде Іисусъ, и ста посредѣ, и глагола имъ: миръ вамъ* (Іоан. XX, 19). Отходитъ ли Онъ въ путь креста, когда смущенное сердце друговъ Его требовало сильнѣйшаго врачевства, дѣйствительнѣйшаго утѣшенія?—Онъ оставляетъ имъ врачевство и утѣшеніе мира: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. XIV, 27). Хощетъ ли Онъ послать Апостоловъ для благовѣствованія о Немъ всему міру, и дать имъ довольное для сего пути напутствіе?—Онъ усугубляетъ имъ благословеніе мира. *Рече имъ Іисусъ паки: миръ вамъ, якоже посла Мя отецъ, и Азъ посылаю вы* (Іоан. XX, 21). Завѣщаваетъ ли, какъ должны они вступать во грады и веси, совершая посольство, на нихъ возложенное? — Онъ и имъ повелѣ-

ваетъ приносить съ собою миръ. *Въ оньже аще колиждо градъ или весь внидете: входяще въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему* (Матѳ X, 11. 12).

Послѣ сего примѣра и повелѣнія Христіанинъ не будетъ въ недоумѣніи, правильно ли, паче прочихъ благъ, привѣтствуютъ его миромъ. Если же кто еще не уразумѣлъ, для чего такъ нужно *помышленіе мира*, которое *помышляетъ на него* (Іер. XXIX, 11) Духъ Христовъ, тому не нужно далеко идти на поле брани, или въ осажденный городъ, или на позорище [2]) распрей, чтобы уразумѣть сіе. Человѣкъ! самое близкое къ тебѣ и самое опасное для тебя поле брани есть собственная твоя жизнь и дѣятельность въ мірѣ, если на семъ полѣ не пріобрѣтена еще тобою *побѣда побѣждающая міръ, вѣра* (1 Іоан. V, 4); сердце твое подобно граду, осажденному отвнѣ и таящему крамолу внутри, если *миръ Божій еще не водворился въ ономъ* (Кол. III, 15); въ помышленіяхъ твоихъ непрестанно возобновляется позорище распрей, если еще *не низложено въ тебѣ оружіями, сильными Богомъ, всякое возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и не плѣненъ разумъ твой въ послушаніе Христово* (2 Кор. X, 4. 5). Если тебѣ неизвѣстна сія брань, то, конечно, ты никогда не пробуждался отъ дремоты чувственной жизни къ бодрствованію высшей жизни человѣческой, никогда и главы не возносилъ изъ плѣна и рабства духовнаго. Кто болѣе или менѣе усиливался возникнуть изъ сего рабства въ свободу чадъ Божіихъ, тотъ, безъ сомнѣнія, испыталъ и уразумѣлъ, какъ зло міра нападаетъ на насъ съ оружіемъ скорбей и страданій, дабы низложить насъ уныніемъ и отчаяніемъ; какъ блага міра окружаютъ насъ, дабы взять въ плѣнъ коварствомъ похоти; какъ неудержанныя желанія плоти простираются, повидимому, дабы покорить намъ весь міръ, но въ самомъ дѣлѣ покоряютъ насъ всему, къ чему они прилѣпляются; какъ плоть сражается съ духомъ и сама съ собою, страсти востаютъ большею частію противъ разсудка и не рѣдко одна противъ другой; какъ подъ ногами того, кто болѣе старается примѣчать и обходить преткновенія, болѣе открывается соблазновъ, такъ что весь подвигъ естественной добродѣтели состоитъ почти только въ дознаніи превозмогающаго порока, подобно какъ весь подвигъ естествен-

[2]) Въ отд изданіи: поприще. .

ной мудрости—въ дознаніи превозмогающаго невѣдѣнія. Если при помощи разума и добрыхъ страстей мы являемся иногда побѣдителями на полѣ внѣшней дѣятельности: сіе не пріобрѣтаетъ еще намъ истиннаго мира; позорище брани только переносится далѣе во внутренняго человѣка, и подвигъ становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ сокровеннѣе здѣсь враждебныя силы и оружія. Иногда, напримѣръ, намъ кажется, что мы побѣдили корыстолюбіе или сластолюбіе, совершивъ подвигъ благотворенія или воздержанія; но, въ то же самое время, входя въ глубину сердца, усматриваемъ, что мы тамъ побѣждены тщеславіемъ или гордостію; и тамъ, гдѣ думали стоять подъ защитою совѣсти, сверхъ опасенія, уязвляемся ея палящими стрѣлами. Восходя въ область ума, обрѣтаемъ повую брань помысловъ, оправдывающихъ наши дѣйствія, и паки осуждающихъ, побуждающихъ къ подвигамъ, и паки воспящающихъ, то сомнѣніями, то страхомъ, то разсѣяніемъ, воспаряющихъ къ небесамъ, и низвергающихся во прахъ, свѣтоносныхъ и омрачающихъ, чистыхъ и оскверняющихъ. Внимательные узнаютъ здѣсь ту брань, о которой говоритъ одинъ изъ опытныхъ подвижниковъ, *яко нѣсть наша брань противу крови и плоти, но противъ начальствъ и властей и міродержителей тьмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. VI, 12). Сею-то бранію утомленный, вопіетъ Давидъ: *нѣсть мира въ костехъ моихъ!* Отчего нѣтъ мира у того, который побѣдилъ всѣхъ враговъ народа Божія и создалъ *градъ мира*, Іерусалимъ?—*Нѣсть мира*, говоритъ онъ, *отъ лица грѣхъ моихъ* (Псал. XXXVII, 4). Кто изъ насъ дерзнетъ похвалиться, что въ немъ нѣтъ грѣха? Посему кто не долженъ признаться и въ томъ, что въ насъ нѣтъ собственнаго внутренняго мира, ни мира съ Богомъ, ни мира съ самими собою? *Ты, Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ* (Иса. XXVI, 12)!

Богъ—Отецъ нашъ, и готовъ дать намъ вожделѣнный миръ, братія Христіане! Для сего Самъ Онъ нарекся *Богомъ мира* (1 Сол. V, 23); для сего даровалъ намъ Единороднаго Сына Своего Іисуса Христа, Который *есть миръ нашъ* (Ефес. II, 14); для сего послалъ въ силѣ Духа Своего *благовѣствующихъ миръ* (Рим. X, 15), отъ которыхъ, по непрерывному преданію священнаго рукоположенія, и въ насъ недостойныхъ *положено слово примиренія* (2 Кор. V, 19). Но что говоритъ *Миръ нашъ* благовѣстникамъ мира, которыхъ Онъ послалъ во всякій *градъ*

и домъ,—ко всякой Церкви и ко всякой душѣ?—*Аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ нань; аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится* (Матѳ. X, 13). Такимъ образомъ сколь ни готовъ для насъ миръ отъ Бога: намъ приносятъ его тщетно, если мы недостойны принять его. Что же можетъ содѣлать насъ достойными принять миръ, намъ подаваемый? Между человѣками пріобрѣтается миръ или самою бранію, или правдою, или по милости: — бранію, когда побѣдитель предписываетъ миръ побѣжденному; — правдою, когда ищущій мира или удостовѣряетъ въ справедливости своей, или сдѣланную несправедливость заглаждаетъ удовлетвореніемъ; — по милости, когда тотъ, кто не имѣетъ ни силы, чтобы завоевать миръ, ни правды, чтобы заслужить оный, предается великодушію оскорбленнаго враждою и непритворною покорностію собственною, или притомъ и споручеміемъ вѣрнаго и могущественнаго посредника, пріобрѣтаетъ милость мира. Но *миръ Божій*, кто можетъ, или восхитить силою отъ Всесильнаго, или правдою заслужить отъ Того, *предъ Которымъ не оправдится всякъ живый* (Псал. CXLII, 2)? Кто хотя однажды побѣжденъ грѣхомъ, тотъ уже *рабъ грѣха* (Іоан. VIII, 34) и *виновенъ противу всего закона Божія* (Іак. II, 10), требующаго всецѣлой святости и *совершенства по образу Отца небеснаго* (Матѳ. V, 48); и потому онъ не имѣетъ уже ни силы, ни правды; онъ не можетъ самъ собою изгнать воцарившагося въ немъ зла, и, если дѣлаетъ какое, несовершенное, добро, оно всегда относится къ обязанности настоящей и потому никогда не составитъ удовлетворенія правосудію Божію за зло, прежде содѣланное. Итакъ единая для насъ надежда мира съ Богомъ есть милость Бога мира, по которой Онъ не только не хощетъ мстить намъ за грѣховную противъ Него вражду, но и хощетъ насъ освободить отъ порабощающихъ насъ сею враждою, враговъ Его и нашихъ; не только не взыскуетъ отъ насъ невозможнаго съ нашей стороны удовлетворенія Его правосудію, но и пріемлетъ на Себя удовлетворить оному за насъ ходатайствомъ и крестнымъ подвигомъ Единороднаго Сына Своего; признаетъ насъ достойными наслаждаться *миромъ Его, превосходящимъ всякъ умъ* (Филип. IV, 7), какъ скоро мы признаемъ собственное недостоинство и утверждаемъ надежду нашу въ Его милосердіи. *Благодать Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* есть

единственный для насъ источникъ истиннаго и совершеннаго духовнаго мира. Съ нашей стороны вѣра, молитва и смиреніе открываютъ въ насъ токъ горнему источнику благодати, и тогда Господь *уклоняетъ на насъ аки рѣку мира* (Иса. LXVI, 12), которая потопляетъ въ насъ все враждебное и все существо наше орошаетъ, прохлаждаетъ, оживляетъ, исполняетъ плодами жизни, *возвеселяетъ* чистыми духовными *устремленіями, освящаетъ въ насъ селеніе Вышняго* (Псал. XLV, 5), и, какъ пробистекла изъ вѣчной жизни Божіей, такъ и *течетъ въ насъ въ жизнь вѣчную* (Іоан. IV, 14).

О миръ, вожделѣнный паче всего! О благодать, вожделѣнная прежде всего!—ибо миръ есть единосущное чадо благодати.

Будучи призванъ принести нынѣ Господу начатокъ общенія съ сею Церковію, по волѣ Его, молю всѣхъ, Богоугодно стоящихъ теперь въ семъ общеніи, соединить взаимно всѣ сердца въ крѣпкомъ желаніи *благодати и мира отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа*. Единодушная молитва сопастырей и всѣхъ вѣрныхъ да привлечетъ свыше благодать и миръ новому пастырю, дабы онъ съ силою и дѣйствіемъ могъ возвѣщать паствѣ благодать и миръ. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ, братіе* (Гал. VI, 18); *и миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ* (Фил. IV, 7). *Самъ Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда во всякомъ образѣ* (2 Сол. III, 16), какъ во внутреннемъ, такъ, по дѣйствію внутренняго, и во внѣшнемъ. *Миръ пасущимъ стадо Божіе,*—въ христіанскомъ послушаніи пасомыхъ; миръ пасомымъ,—въ отеческомъ и братскомъ попеченіи пасущихъ. Миръ начальствующимъ, — въ вѣрности подчиненныхъ; миръ подчиненнымъ,—въ мудрости и кротости начальствующихъ. Миръ судящимъ,—въ непритворной искренности судимыхъ; миръ судимымъ,—въ прозорливости и безпристрастіи судящихъ. Миръ продающимъ и купующимъ, — во взаимномъ отвращеніи отъ лукавства и обмана. Миръ дѣлающимъ и трудящимся,—въ благословенномъ успѣхѣ полезнаго дѣланія и въ обильномъ плодѣ труда праведнаго. *Миръ всѣмъ*! Аминь.

XLIV.

15. Слово

въ день торжественнаго вѣнчанія и священнаго помазанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича.

(Говорено въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ сентября 15 дня, напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

Не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ.
Псал. CIV, 15.

Среди торжества о Помазанникѣ Божіемъ, при воспоминаніи помазанія Его, ко времени слово о помазанныхъ Божіихъ.

И какое слово! Пророкъ, между *судьбами Божіими по всей земли*, отличая особенную судьбу помазанныхъ, не довольствуется собственнымъ указаніемъ на то очевидное дѣйствіе сея судьбы, что Богъ *не оставилъ человѣка обидѣти ихъ* (14); Онъ отверзаетъ небо и даетъ услышать оттолѣ творческое слово, созидающее ихъ безопасность: *не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ*.

Подъ именемъ *помазанныхъ* въ семъ изреченіи первоначально разумѣются нѣкоторые начальники избраннаго Богомъ племени. Но поелику тоже имя помазанныхъ тѣмъ же Словомъ Божіимъ усвоено предержащимъ властямъ, отъ Бога поставленнымъ, то мы не погрѣшимъ теперь, если, возведя умъ свой на небо, представимъ себѣ, что Царь царей и Господь господей, съ высочайшаго Престола Своего, указуетъ на всѣхъ помазанныхъ отъ Него властителей, и заповѣдуетъ всѣмъ подвластнымъ: *не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ!*

Не удивительно, что громовымъ гласомъ нужно было возвѣщать сію заповѣдь народамъ языческимъ, глухимъ для кроткаго слова Божія. Кто бы подумалъ, что для Христіанскихъ народовъ нужно будетъ вновь написать ее кровію христіанскихъ народовъ? Но она написана кровію и огнемъ на жесткой скрижали Европы; и въ просвѣщенномъ вѣкѣ есть мудрецы, которые до-

нынѣ еще не умѣютъ прочитать сихъ грозныхъ и вмѣстѣ спасительныхъ письменъ!

Благочестивые Россіяне! кто, какъ вы нынѣ, *творитъ молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за Помазаннаго Царя и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. II, 1. 2): тотъ, если дѣлаетъ сіе искренно и усердно, являетъ дѣломъ, что на сердцѣ его написанъ законъ благоговѣнія и любви къ помазаннымъ Божіимъ. Посему можно быть увѣрену, что здѣсь нѣтъ никого, для кого бы нужно было заповѣдь о неприкосновенности помазанныхъ Божіихъ проповѣдывать, какъ новую заповѣдь. Но какъ во время заразы желающіе предохранить себя умножаютъ очистительный огнь и куреніе, такъ во времена, когда зараженный духъ вѣка распространяетъ мнѣнія тлетворныя, не безполезно и намъ размышленіемъ воздувать хранящуюся у насъ искру истины, дабы чистыми и неповрежденными сохранить чувствованія сердечныя.

Еслибы Слово Божіе не провозглашало неприкосновенности помазанныхъ Божіихъ: тѣмъ не менѣе надлежало бы обществу человѣческому закономъ постановить и освятить неприкосновенность власти государственной. Правительство, не огражденное свято почитаемою отъ всего народа неприкосновенностію, не можетъ дѣйствовать ни всею полнотою силы, ни всею свободою ревности, потребной для устроенія и охраненія общественнаго блага и безопасности. Какъ можетъ оно развить всю свою силу въ самомъ благодѣтельномъ ея направленіи, когда его сила непрестанно находится въ ненадежной борьбѣ съ другими силами, пресѣкающими ея дѣйствіе въ столь многоразличныхъ направленіяхъ, сколько есть мнѣній, предубѣжденій и страстей, болѣе или менѣе господствующихъ въ обществѣ? Какъ можетъ оно предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно дѣлить свое вниманіе между попеченіемъ о благосостояніи общества, и между заботою о собственной своей безопасности? Но если такъ не твердо Правительство, не твердо также и Государство. Такое Государство подобно городу, построенному на огнедышущей горѣ: что значатъ его твердыни, когда подъ ними кроется сила, которая можетъ каждую минуту все превратить въ развалины? Подвластные, которые не признаютъ священной неприкосновенности владычествующихъ, надеждою своеволія побуждаются домогаться своеволія; власть, которая не

увѣрена въ своей неприкосновенности, заботою о своей безопасности побуждается домогаться преобладанія: въ такомъ положеніи Государство колеблется между крайностями своеволія и преобладанія, между ужасами безначалія и угнѣтенія, и не можетъ утвердить въ себѣ послушной свободы, которая есть средоточіе и душа жизни общественной.

Но не простираясь далѣе въ сихъ гражданскихъ соображеніяхъ, обратимъ вниманіе къ Слову Божію, которому внимать мы призваны, и которое немногими чертами или звуками открываетъ великій свѣтъ.

Не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ. Краткая заповѣдь, но премудро соединяющая въ себѣ съ требованіемъ повиновенія глубокое изъясненіе сего требованія и убѣжденіе къ послушанію! *Не прикасайтеся* властямъ предержащимъ, глаголетъ Вседержитель, ибо онѣ суть *Мои*; не прикасайтеся, ибо онѣ суть *помазанныя* отъ Меня.

Итакъ, одно изъ глубокихъ основаній неприкосновенности предержащихъ властей есть то, что онѣ суть Божіи. *Нѣсть бо власть*, какъ говоритъ Апостолъ, *аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII, 1).

При сей мысли, опять удивляюсь и сѣтую, воспоминая; какъ нѣкоторые, вопреки столь ясному ученію первыхъ, истинныхъ, Богодухновенныхъ учителей Христіанскихъ, что *власть отъ Бога*, среди христіанства вздумали учить, что власть отъ народа. Спросилъ бы я сихъ людей, которые сами себя провозглашали мудрецами за то, что по обдуманному плану были совершенными невѣждами въ Христіанствѣ, и учили сему невѣжеству другихъ;—спросилъ бы я ихъ: гдѣ же видѣли вы народъ, который бы сперва не имѣлъ надъ собою власти и потомъ сотворилъ ее для себя? Въ какихъ мѣстахъ? Въ какія времена? Не думаю, чтобы вы рѣшились указать на скопища бѣглецовъ или разбойниковъ, какъ на первоначальный и совершеннѣйшій образецъ общества человѣческаго. Можете ли вы хотя въ другомъ родѣ вещей показать намъ образъ того, какъ, по вашему понятію, происходитъ власть въ обществѣ? Если, напримѣръ, уподобимъ общество зданію, а власть сравнимъ съ основаніемъ, которымъ все поддерживается, или со сводомъ, который все покрываетъ: зданіе ли полагаетъ свои основанія, или возноситъ надъ собою сводъ? Не художникъ ли устрояетъ все сіе? Или, если представимъ себѣ общество въ видѣ членов-

наго тѣла; и власть, какъ орудіе управленія и охраненія, какъ возбудительную силу общественной жизни и дѣятельности, назовемъ главою или сердцемъ: глава и сердце рукамъ ли и ногамъ обязаны своимъ происхожденіемъ и достоинствомъ? Не основательнѣе ли признать общее и высшее начало образованія для всего состава членовъ? — Но поспѣшимъ опять, по совѣту Апостола, *уклониться отъ прекословій лжеименнаго разума* 1) Тим. VI, 20) *и внимать ученію* (1 Тим. IV, 16).

Изыскателю безпристрастному не трудно уразумѣть, какимъ образомъ власть, по ученію Христіанскому, происходитъ отъ Бога. Откуда сіе множество людей, соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ?* Очевидно, что сіе множество *народилось* отъ нѣкоего меньшаго племени, а сіе произошло отъ семейства. Итакъ въ семействѣ, собственно такъ называемомъ, лежатъ сѣмена всего, что потомъ раскрылось и возросло въ великомъ семействѣ, которое называютъ государствомъ. Слѣдственно тамъ должно искать начатковъ и перваго образа власти и подчиненія, видимыхъ нынѣ въ обществѣ. Отецъ, который естественно имѣетъ власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сынъ, который ни способностей своихъ образовать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновенія родителямъ и воспитателямъ, есть природно подвластный. Но какъ власть отца не сотворена самимъ отцемъ и не дарована ему сыномъ, а произошла вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того, Кто сотворилъ человѣка: то и открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее начало первой, а слѣдственно и всякой послѣдующей между человѣками власти есть въ Богѣ. *Изъ Него*, во-первыхъ, какъ изъясняется Апостолъ, *всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Ефес. III, 15); потомъ, когда сыны сыновъ разраждаются въ народъ, и изъ семейства возрастаетъ Государство, необъятное для естественной власти отеческой, Богъ даетъ сей власти новый искусственный образъ и новое имя, и такимъ образомъ Его премудростію *царіе царствуютъ* (Прит. VIII, 15); и далѣе, сколько бы ни продолжались народы, какъ бы ни измѣнялись Государства, всегда посредствомъ вседѣйствующаго Промысла *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ* (Дан. IV, 22). Поелику во времена невѣдѣнія, какъ человѣки забыли Творца своего, такъ и общества человѣческія не познавали вер-

ховнаго своего Владыки: то Богъ, вмѣстѣ съ другими тайнами Своими, и тайну происхожденія предержащихъ властей, даже чувственнымъ образомъ представилъ предъ очи міра въ избранномъ для сего народѣ Еврейскомъ. Въ Авраамѣ чудесно вновь сотворилъ Онъ качество отца и постепенно произвелъ отъ него племя, народъ и царство; Самъ руководствовалъ Патріарховъ сего племени; Самъ воздвигалъ вождей и судей сему народу; Самъ *царствовалъ* (1 Цар. VIII, 7) надъ симъ царствомъ; Самъ воцарилъ надъ нимъ царей и долго являлъ надъ ними чудесныя знаменія Своей верховной власти.

Если такимъ образомъ всякая предержащая власть открыто, или сокровенно, исходитъ отъ Бога, и Ему принадлежитъ: то какъ дерзнуть прикасаться къ ней? Если мы требуемъ, чтобы наше произведеніе неприкосновенно было для другихъ, и наша собственность ненарушима: кто можетъ ненаказанно нарушить устроеніе и собственность Вседержителя?

Другое священное основаніе неприкосновенности предержащихъ властей есть то, что они суть *помазанные* отъ Бога.

Имя *помазанныхъ* Слово Божіе нерѣдко даетъ Царямъ по отношенію къ Священному и торжественному помазанію, которое они пріемлютъ, по Божественному установленію, при вступленіи на Царство. Какъ бы мы ни разсуждали о семъ дѣйствіи, значитъ ли оно посвященіе помазуемаго Богу, или его освященіе отъ Бога, созерцаемъ ли мы въ семъ дѣйствіи таинство, приносящее помазуемому Божественный Духъ и силу духовную, или только видимъ дѣйствіе торжественное, предъ очами народа полагающее на Царя несокрушимую печать Вышняго избранія, — если только имя помазанника Божія не есть слово безъ значенія, то оно представляетъ лице, запечатлѣнное Богомъ, священное, превознесенное, достойное благоговѣнія, и потому неприкосновенное.

Но достойно особаго примѣчанія, что Слово Божіе именуетъ помазанными и такихъ земныхъ владыкъ, которые никогда не были освящены видимымъ помазаніемъ. Такъ Исаія, возвѣщая волю Божію о царѣ Персидскомъ, говоритъ: *сице глаголетъ Господь помазанному Своему Киру* (Иса. XLV, 1); тогда какъ сей царь языческій еще и не родился, и родясь, не познаетъ Бога Израилева, въ чемъ и обличается отъ Него предварительно: *укрѣпихъ тя, и не позналъ еси Мене* (5). Какимъ же образомъ сей

самый Киръ, въ то же время, нареченъ помазаннымъ Божіимъ? Самъ Богъ изъясняетъ сіе, когда предрекаетъ о немъ чрезъ того же Пророка: *Азъ возставихъ его; сей созиждетъ градъ Мой, и плѣненіе людей Моихъ возвратитъ* (13). Приникни здѣсь, Христіанинъ, въ глубокую тайну предержащей власти! Киръ есть царь языческій; Киръ не знаетъ истиннаго Бога: однако Киръ есть помазанникъ истиннаго Бога. Почему? Потому что Богъ, *сотворивый грядущая* (11), назначилъ его для исполненія судьбы Своей о возстановленіи избраннаго народа Израильскаго; сею Божественною мыслію, такъ сказать, помазалъ Духъ его еще прежде, нежели произвелъ его на свѣтъ: и Киръ, хотя не знаетъ, кѣмъ, и для чего помазанъ, движимый сокровеннымъ помазаніемъ, въ царствѣ языческомъ совершаетъ дѣло Царствія Божія. Какъ могущественно помазаніе Божіе! Какъ величественъ помазанникъ Божій! Если только не изглаждаетъ онъ въ себѣ помазанія Божія упорнымъ противленіемъ помазавшему его Богу: то онъ есть живое орудіе Божіе; сила Божія исходитъ чрезъ него во вселенную, и движетъ бо́льшую или меньшую часть рода человѣческаго, къ великой цѣли всеобщаго совершенія. Если таковъ можетъ быть даже невѣдущій Бога: не много ли паче священно величіе тѣхъ помазанниковъ, которые познали Помазавшаго ихъ, и даръ помазанія не только пріяли для другихъ, но и для себя объяли вѣрою и благочестіемъ, какъ Давидъ, Іосія, Константинъ Великій, помазанные для того, чтобы съ собою воцарять благочестіе, и—не усумнимся присовокупить—какъ Александръ Благословенный, помазанный разрушить мятежное могущество нечестія въ сіи послѣднія времена?

О таковыхъ сугубо священныхъ помазанникахъ, еслибы грозная заповѣдь не возвѣщала, благоговѣйная любовь сама собою чувствуетъ, что *касаяйся ихъ, яко касаяйся въ зѣницу ока Господня* (Зах. II, 8).

Храните же внимательно зѣницу ока Господня, *не прикасайтеся Помазаннымъ Его*. Заповѣдь Господня не говоритъ: не возставайте противу предержащихъ властей. Ибо подвластные и сами могутъ понимать, что, разрушая власть, разрушаютъ весь составъ общества, и слѣдственно разрушаютъ сами себя. Заповѣдь говоритъ: *не прикасайтеся* даже такъ, какъ прикасаются къ чему либо безъ усилія, безъ намѣренія, по легкомыслію, по неосторожности; ибо случается нерѣдко, что въ семъ

непримѣтно погрѣшаютъ. Когда власть налагаетъ на подвластныхъ нѣкое бремя, хотя и легкое и необходимое: какъ легко возбуждается ропотъ! Когда подвластные видятъ дѣло власти, несогласное съ ихъ образомъ понятія: какъ стремительно исторгаются изъ устъ ихъ слова осужденія! Какъ часто необученная послушанію мысль подчиненнаго, нечистымъ прикосновеніемъ, касается самыхъ намѣреній власти, и полагаетъ на нихъ собственную свою нечистоту! Клевретъ мой! кто далъ тебѣ власть надъ твоими владыками? Кто поставилъ тебя судіею твоихъ судей? Христіанская душа! ты призвана *повиноватися за совѣсть* (Рим. XIII, 5): елико можно, не прикасайся власти, ниже словомъ ропота, ниже мыслію осужденія; и вѣруй, что *якоже возвеличися душа Помазанныхъ во очію твоею, тако возвеличишься ты предъ Господемъ, и покрыетъ тя, и изметъ тя отъ всякія печали* (1 Цар. XXVI, 24). Аминь.

XLV.

16. Слово

о нетлѣніи святыхъ мощей, на память Преподобнаго Сергія.

(Говорено въ Троицкой Сергіевой лаврѣ сентября 25 дня, напечатано въ собраніяхъ 1821, 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

> И кости твоя утучнѣютъ, и будутъ, яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ, емуже не оскудѣ вода. Исаіи LVIII, 11

Во дни Пророка Исаіи были люди,—какіе, вѣроятно, есть и нынѣ,—которые жаловались на Бога, для чего не награждаетъ Онъ ихъ благочестія. *Что яко постихомся, и не увидѣлъ еси?* Пророкъ отвѣтствуетъ на сіе, что и *постъ и суббота*, и благочестивый подвигъ, и духовное празднованіе, пріятны Богу, если люди *во дни пощеній своихъ не обрѣтаютъ волей своихъ, если не творятъ хотѣній своихъ въ день святый* (3); и, въ награду за сіе непритворное благочестіе, обѣщаетъ между прочимъ,

что *и кости* таковыхъ людей *утучнѣютъ, яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ, емуже не оскудѣ вода.*—Неожиданное обѣщаніе! Кости сего тлѣннаго тѣла, кажется, не тучнѣютъ отъ подвиговъ поста, ниже отъ субботствованія духовнаго.—Подобно сему, другой Богопросвѣщенный мужъ, *восхваляя мужей славныхъ*, между прочимъ говоритъ: *и обогонадесяте Пророковъ да процвѣтутъ кости отъ мѣстъ своихъ* (Сир. XLIX, 12). Но кости сихъ Пророковъ давно уже почивали во гробахъ, когда сіе написалъ о нихъ сынъ Сираховъ Итакъ неужели кости угодившихъ Богу и въ умерщвленіи плоти *тучнѣютъ*, и во гробахъ *процвѣтаютъ?*

Воистинну *тучнѣютъ и процвѣтаютъ!* Тучнѣютъ и процвѣтаютъ кости благочестивыхъ во время житія ихъ, духовно, когда, *яко отъ тука и масти, исполняется душа ихъ радостію* (Псал. LXII, 6) о Богѣ; когда *праведникъ, яко финикъ, процвѣтаетъ* (Псал. XCI, 13) благими дѣлами, приносящими плодъ во святыню; — тучнѣютъ и процвѣтаютъ, несмотря на то, что плоть ихъ увядаетъ и изсыхаетъ отъ подвиговъ воздержанія; ибо, *аще и внѣшній ихъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). По смерти же тучнѣютъ и процвѣтаютъ кости благочестивыхъ славою ихъ добродѣтелей, такъ что они, бывъ нерѣдко умалены и забвенны въ жизни, являются великими и знаменитыми по смерти, такъ что гробы ихъ бываютъ великолѣпнѣе жилищъ, въ которыхъ они обитали.

Но кромѣ сего, въ предлежащихъ намъ священныхъ останкахъ Праведника мы усматриваемъ собственными очами еще образъ, какъ и во гробахъ *тучнѣютъ и процвѣтаютъ* кости праведныхъ. И всѣ тѣла человѣковъ, по смерти ихъ, подобно сѣменамъ, погребеннымъ въ землѣ, и растеніямъ во время зимы, медленнымъ, непримѣтнымъ для насъ прозябеніемъ, среди самаго истлѣнія, постепенно прозябаютъ и приготовляются къ животворной веснѣ общаго воскресенія. Но нѣкоторыя тѣлеса праведниковъ подобятся лавровымъ и нѣкоторымъ другимъ древамъ, во время самой зимы очевидно растущимъ и зеленѣющимъ; *хранимыя Господомъ кости ихъ* (Псал. XXXIII, 21), и послѣ смерти, являютъ въ себѣ, *яко тукъ и масть*, духовную силу жизни, чудесно изливающуюся и на то, что ихъ окружаетъ; ихъ тѣлеса прежде общаго воскресенія *процвѣтаютъ* начатками нетлѣнія.

Библиотек

Отъ чего сіе и для чего? Отъ чего нетлѣнны тѣлеса праведниковъ? Для чего Богъ даруетъ имъ сіе нетлѣніе? Разсужденіе о сихъ вопросахъ можетъ объяснить одну изъ наградъ благочестія, и одно изъ побужденій къ благочестію.

Богъ, какъ говоритъ Премудрый, *созда человѣка въ нетлѣніе* (Прем. II, 23). Духъ его жилъ Словомъ Божіимъ, и потому наслаждался блаженнымъ безсмертіемъ; тѣло его питалось отъ древа жизни, и такимъ образомъ должно было сохраняться въ безболѣзненномъ нетлѣніи. *Единѣмъ человѣкомъ*,—такъ изъясняетъ Апостолъ печальную перемѣну сего состоянія,—*единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша* (Рим. V, 12). Итакъ причина, по которой человѣкъ смертенъ, и тѣло его тлѣнно, есть грѣхъ,—ядъ, который принялъ человѣкъ первоначально душею, но который, въ дальнѣйшемъ дѣйствіи своемъ, отравилъ и тѣло [1]), медленною отчасти, но вообще смертоносною отравою. Изъ сего не трудно усмотрѣть, что возвращеніе человѣка *въ нетлѣніе* возможно только тогда, когда онъ перестанетъ отравлять себя *грѣхомъ*.

Но возможно ли сіе послѣ того, когда *грѣхъ во* весь *міръ вниде*, когда мы, *въ беззаконіяхъ зачинаемся, раждаемся во грѣхахъ* (Псал. L, 7) и, какъ бы по естественной необходимости, *піемъ неправды, якоже питіе* (Іов. XV, 16)? Притомъ для исцѣленія зараженнаго ядомъ потребно нѣчто болѣе, нежели только прекратить употребленіе яда. Никто не можетъ быть творцемъ самого себя: смертно болящій или умершій не можетъ даровать себѣ здравія или жизни, которыхъ источникъ въ немъ затворился. Если и въ неповрежденномъ состояніи своемъ человѣкъ жилъ, какъ мы сказали, словомъ Божіимъ: кольми паче смертнаго возставить въ безсмертіе, и растлѣннаго въ нетлѣніе, не можетъ ничто, кромѣ Творческаго слова Божія.

Слово Творческое вновь изречено въ поврежденное грѣхомъ твореніе Божіе, для его возстановленія, и низведено въ немъ до такой глубины, до какой грѣхомъ низпали человѣки. *Слово плоть бысть* (Іоан. I, 14). Теперь все падшее и отчужденное отъ жизни Божіей получаетъ новый, возвратный ходъ. Источ-

[1]) Въ собр. 1821 и 1822 г.: который человѣкъ, принявъ первоначально душею, отравилъ вслѣдствіе того и тѣло.

никъ Божественный вновь открывается во глубинѣ человѣческой природы и внутренно изливаетъ въ нее благодатный свѣтъ и силу. Здѣсь обрѣтаетъ душа человѣческая врачевство, очищающее и исцѣляющее, которое истребляетъ въ ней смертоносный ядъ грѣха, и вмѣстѣ врачевство укрѣпляющее и предохраняющее, которое не допускаетъ сей заразѣ возобновляться и усиливаться новыми грѣхопаденіями. Животворное дѣйствіе благодати, такъ же какъ нѣкогда смертоносное дѣйствіе грѣха, простирается по всему существу человѣческому отъ духа до тѣла; и поелику сила Божія конечно могущественнѣе, нежели сила грѣха, которая собственно есть немощь, то не удивительно, что благодать, по выраженію Апостола (Рим. V, 20), *преизбыточествуетъ*, паче *умножившагося грѣха*, что она дѣйствительнѣе исцѣляетъ и возстановляетъ, нежели грѣхъ заражаетъ и разрушаетъ. *Аще прегрѣшеніемъ единаго*, разсуждаетъ Апостолъ, *мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова* (Рим. V, 15): *Да якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную, Іисусомъ Христомъ Господемъ нашимъ* (21). Такимъ образомъ Слово Божіе, нисходя до воплощенія, самой плоти открываетъ путь восходить до нетлѣнія и прославленія; Іисусъ Христосъ становится *воскресеніемъ* нашимъ (Іоан. XI, 25), и когда вселяется вѣрою въ сердца наши, тогда и въ самыхъ тѣлесахъ, вѣрою очищенныхъ и освященныхъ, скорѣе или медленнѣе проявляетъ сила Его воскресенія.

Примѣчайте въ цѣломъ бытіи рода человѣческаго, какъ явленіе сея силы воскресенія всегда соразмѣрно было съ постепеннымъ откровеніемъ воплощеннаго Слова Божія. Въ первые вѣки, когда всю тайну Христову находимъ заключенною въ одномъ словѣ *о сѣмени жены, сокрушающемъ главу змія*, и силу воскресенія усматриваемъ во одномъ Энохѣ, который, какъ уединенный орелъ въ обновленной юности, воспаряетъ въ нетлѣніи надъ цѣлымъ міромъ, чрезъ господствующее растлѣніе нравственное приближающимся ко всеобщему истлѣнію естественному. Во времена Пророковъ, когда обѣтованіе о Христѣ, какъ *о сѣмени, въ которомъ благословятся вси народы*, многократно повторенное, и болѣе объясненное, ощутительнѣе возбуждало

вѣру, и потому обильнѣе вселяло въ сердца, хотя и глубоко еще сокровенную силу Христову, и сила воскресенія не только, по подобію Эноха, явилась въ Иліи, при взятіи его на небо, но кромѣ того еще въ продолженіе земной жизни открывалась въ Илии же и Елисеѣ, воскрешеніемъ умершихъ; и даже,—что составляетъ единственный въ священныхъ сказаніяхъ примѣръ прежде пришествія Христова, но согласный со многочисленными сего рода явленіями по пришествіи Христовомъ,—сила воскресенія сверхъ чаянія воздѣйствовала нѣкогда чрезъ кости умершаго уже пророка Елисея. *Бысть*, повѣствуетъ книга Царствъ (4 Цар. XIII, 21), *бысть погребающимъ мужа, и се видѣша воиновъ, и*—отъ страха—*повергоша мужа въ гробъ Елисеовъ: и впаде тѣло человѣка мертва, и прикоснуся костемъ Елисеовымъ, и оживе, и воста на ноги своя.* Когда же, столь давно предреченное, и постепенно предуготовленное, воплощеніе Слова Божія наконецъ совершилось; тогда, кто не знаетъ, какими быстрыми потоками сила воскресенія потекла по сей, еще и не обновленной, землѣ? Сообразно съ цѣлію настоящаго разсужденія, особенно должно указать здѣсь одинъ случай. Когда Іисусъ Христосъ вольнымъ страданіемъ нашего ради спасенія допустилъ низвести Себя въ область смерти для того, чтобы ввести туда собственную силу жизни, и такимъ образомъ разрушить царство смерти въ самыхъ основаніяхъ его: тогда сила Его немедленно проникла все, и въ томъ, что способно было принять ее, тотчасъ ознаменовала себя животворнымъ дѣйствіемъ. Вотъ изъясненіе того, что въ то время *и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Матѳ. XXVII, 52).

Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки (Евр. XIII, 8). Онъ яко Богъ *дѣйствуетъ вся во всѣхъ* (1 Кор. XII, 6), дѣйствуетъ и нынѣ, подобно какъ дѣйствовалъ отъ начала, и дѣйствовать будетъ до конца; дѣйствуетъ въ маломъ, равно какъ въ великомъ, дѣйствуетъ какъ во всей Церкви, которая есть тѣло Его, такъ и во всѣхъ вѣрующихъ, которые суть члены Его. Онъ *воображается въ нихъ* (Гал. IV, 19), *живетъ въ нихъ* (Гал. II, 20), и какъ *въ Немъ* Самомъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесно* (Кол. II, 9), такъ, по нѣкоему образу сего Божественнаго таинства, и Онъ благоволитъ жить въ избранныхъ Своихъ даже тѣлеснѣ, поколику

*

обрѣтаетъ ихъ способными ко внутреннему съ Нимъ общенію. Обрѣтаетъ ли Онъ умъ, постоянно къ Нему обращаемый благоговѣніемъ и молитвою? Онъ *воображается* въ умѣ, и исполняетъ его свѣтомъ Своимъ, истиною Своею, *безвѣстныя и тайныя премудрости Своея являетъ ему* (Псал. L, 8). Обрѣтаетъ ли сердце, отверстое предъ Нимъ покаяніемъ, вѣрою и любовію къ Нему? Онъ *вселяется въ сердце* (Ефес. III, 17), и съ Собою вноситъ въ него новую жизнь, вмѣсто плотской духовную [2]), вмѣсто земной небесную, преображаетъ любовь человѣческую въ Божественную, и свойства человѣческія въ Ангельскія. Обрѣтаетъ ли наконецъ и тѣло, въ сообразность съ душею, непрестанно очищаемое воздержаніемъ и подвигами, и потому способное принимать и сохранять въ себѣ какъ-бы нѣкіе отпечатки и слѣды внутреннихъ движеній благодатныхъ? И оно, нѣкоторымъ образомъ, и даже въ земной еще жизни, начинаетъ быть Богоноснымъ. Сколь бы ни странною казалась для нѣкоторыхъ мысль о Богоносномъ тѣлѣ земнаго человѣка: я не раскаяваюсь, что произнесъ ее; ибо не догадкою и соображеніемъ [3]) составляю сей образъ, но обрѣтаю его на самомъ опытѣ, который представили еще Апостольскія времена, и о которомъ преданіе времена Святыхъ благоговѣйно сохранили. Святый Игнатій Богоносецъ такъ пріобыкъ питать сердце свое любительнымъ воспоминаніемъ сладкаго имени Іисуса Христа, что сіе глубокое душевное впечатлѣніе чувственнымъ образомъ отпечатлѣлось въ тѣлесномъ органѣ, и когда, послѣ мученической кончины его, разсѣчено было его сердце, въ немъ усмотрѣли буквенно изображенное имя Іисуса Христа (Чет. Мин. Дек. 20). Какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія: такъ самое тѣло Христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проницается ею во всемъ составѣ своемъ, и даже благоухаетъ ею для другихъ. И поелику *сила Христова* нетлѣнна, то естественно, что она, *вселяясь* (2 Кор. XII, 9) въ человѣковъ, *иже Христовы суть* (Гал. V, 24), и тѣлесамъ ихъ

---

[2]) Въ собр. 1821, 1822 и 1835 гг.: новую жизнь, вмѣсто естественной благодатную, вмѣсто плотской духовную...

[3]) Въ собр. 1821, 1822 и 1835 гг.: воображеніемъ...

сообщаетъ нетлѣніе; поелику сила Хрістова [4]) всемогуща, то съ естествомъ ея согласно и то, что она чрезъ нихъ чудодѣйствуетъ, когда то благоугодно Господу [5]) , подобно какъ нѣкогда чудодѣйствовала, чрезъ *главотяжи и убрусцы*, которые были на *тѣлѣ* святаго Апостола Павла, и приняли въ себя *потъ* его (Дѣян. XIX, 12), и чрезъ одно *осѣненіе тѣнію* святаго Апостола Петра (Дѣян V, 15).

Какое, братія, дивное воздаяніе за благочестіе, что имъ не только духъ человѣческій возводится къ благодатному общенію со Хрістомъ, но и самое тѣло, которымъ совершаемъ сіи малые подвиги пощенія, молитвеннаго колѣнопреклоненія, братолюбнаго служенія, содѣлывается чрезъ то причастнымъ благодатной силы Хрістовой, животворящей и чудодѣйственной! И если сіе на земли еще, то на небеси какая жизнь, какое могущество, какая слава ожидаетъ благочестивыхъ!

Между тѣмъ примѣчать можемъ, что не всѣ благочестивые, и даже не всѣ Святые участвуютъ въ семъ *первомъ*, такъ сказать, *воскресеніи* (Апок. XX, 6), которое состоитъ въ чудесномъ [6]) на земли нетлѣніи освященныхъ тѣлесъ ихъ; подобно какъ и въ первоначальномъ явленіи сего перваго воскресенія, *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа*, но не всѣ тѣлеса святыхъ усопшихъ. Что значитъ сіе? Неужели не правосуденъ Богъ ко Святымъ Своимъ, однимъ увеличивая мѣру благодати, а другимъ уменьшая, однимъ безсмертіе приближая, а другихъ отдаляя, однихъ прославляя, а другихъ сокрывая? Безъ сомнѣнія, никто, знающій Бога, не можетъ сего помыслить. Итакъ, что значитъ видимое неравенство видимой награды, даруемой Святымъ? Можетъ-быть, оно нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуетъ степенямъ внутренняго ихъ освященія, по которому,—скажемъ словами Апостола,—какъ *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ, такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. XV, 41. 42), и послѣднее, совершительное, и первое, начинательное: но съ большею основательностію изъ неравенства сей предварительной награды Святымъ заключить можемъ, что сія награда имъ даруется не столько въ воздаяніе собственно имъ, сколько

[4]) Въ собр. 1821, 1822 и 1835 гг.: она...
[5]) Въ собр 1821, 1822 и 1835 гг. этихъ словъ нѣтъ.
[6]) Въ собр. 1821, 1822 и 1835 гг.: въ чудесномъ и прославленномъ..

для другой, съ премудростію и благостію Божіею сообразной, цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, для тѣхъ, которые не ищутъ славы человѣческой, и которые увѣрены, что вѣчно будутъ царствовать во славѣ Божіей со Христомъ, велико ли то, чтобы имѣть или не имѣть временныхъ начатковъ сея славы на земли?—Но какъ съ воскресеніемъ Христовымъ *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* для того, чтобы, *по воскресеніи Его, внити во святый градъ, и явитися многымъ* живущимъ, для удостовѣренія ихъ объ открывшейся силѣ воскресенія: такъ и до нынѣ тѣлеса усопшихъ Святыхъ являются въ нетлѣніи, съ силою чудодѣйственною и живоносною, для насъ живущихъ, для удостовѣренія,—если къ стыду времени есть и такіе между нами невѣрующіе,—для удостовѣренія въ воскресеніи Христовомъ и въ нашемъ будущемъ воскресеніи, для укрѣпленія немощныхъ, въ подвигахъ противу грѣха и смерти, для возбужденія невнимательныхъ и нерадивыхъ къ подвигамъ благочестія.

Поминайте наставники ваша, учитъ Апостолъ Христіанъ своего времени, поминайте наставники ваша, *иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII, 7). Какъ бы такъ разсуждалъ онъ: «мы не довольствуемся поучать васъ нашимъ сло«вомъ; не всѣ души довольно отверсты для него, и не всѣ со«храняютъ его, когда пріемлютъ. Для сего указуемъ вамъ еще «на примѣръ *наставниковъ вашихъ*, и въ семъ примѣрѣ на то, «что сильнѣе поражаетъ чувства, и тѣмъ глубже проникаетъ «въ душу,—на *скончаніе жительства* ихъ, запечатлѣнное яс«ными знаменіями вѣры». Зрѣлище подлинно назидательное, и въ молчаніи болѣе обильнаго слова говорящее духу! Но какъ слово наконецъ умолкаетъ; такъ и примѣръ наконецъ скрывается: и память скончавшихся наставниковъ можетъ угаснуть. Что же творитъ Богъ, *хотящій всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. II, 4)? Онъ, такъ сказать, увѣковѣчиваетъ назидательную кончину совершившихся во благочестіи наставниковъ. Проходитъ нѣсколько вѣковъ, и мы все еще видимъ ее собственными очами, взирая на нетлѣнные останки ихъ. Сіе нетлѣніе, сія цѣлебная и живоносная сила, отъ нихъ исходящая, внятнѣе и убѣдительнѣе слова поучаютъ насъ благочестію, и побуждаютъ *подражать вѣрѣ ихъ*

На что болѣе мое скудное слово? — Довольно и для насъ, братія, того неумолкающаго поученія, которое приноситъ сей безмолвный гробъ. Можно ли не слышать сего поученія? Можно ли, слыша, не разумѣть его? «*Взирайте*, глаголетъ самъ скон«чавшійся Наставникъ нашъ, *взирайте на скончаніе моего жи«тельства*, которое я столько вѣковъ представляю предъ очи «моихъ учениковъ, и всѣхъ требующихъ наставленія. Вы всѣ «признаете, что скончаніе жительства моего благословенно и «блаженно; я слышу, въ Богѣ моемъ, какъ вы оное убла«жаете; вижу, какъ стекаетесь торжествовать оное. Для ме«ня ли ублажаете вы кончину мою? Ваши ублаженія не умно«жатъ моего блаженства въ Богѣ моемъ. Но если вы убла«жаете кончину мою: то ублажите и житіе, которое привело «меня къ сей кончинѣ, и ублажите оное для вашего собствен«наго блаженства. Сугубо неизвинителенъ тотъ, кто, видя путь, «уклоняется въ заблужденіе; видя благій примѣръ, во злѣ за«коснѣваетъ. Сугубо бѣдственно, близъ пристанища претерпѣть «кораблекрушеніе и потопленіе, при видѣ награды заслужить «наказаніе, при видѣ блаженства погибнуть. Единственное при«ращеніе, какое вы можете доставить моему блаженству, есть «то, чтобы доставить моей къ вамъ любви радость вашего спа«сенія. Ублажите самихъ себя [7]), подражаніемъ вѣрѣ моей со «всѣми плодами, которые произвела отъ нея благодать Христа «моего и вашего».

Что речемъ на сіе, братія? — Ей, Богоносный Отче нашъ и Наставниче! *Буди намъ по глаголу твоему*. Аминь.

---

[7]) Въ собр. 1821, 1822 и 1835 гг.: Ублажите меня, ублажите самихъ себя.

XLVI.

17. Слово

въ день собора святаго архистратига Михаила.

(Говорено въ Архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ, напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1841 и 1848 гг.)

> Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе? Евр. I, 14.

Торжественно собрался нынѣ соборъ земный, воздать честь Собору небесному; собрался соборъ человѣковъ, воспѣть хвалы Собору Ангеловъ. Для чего? *Не всѣ ли они*, говоритъ Апостолъ, изъясняя высокое превосходство Сына Божія предъ Ангелами, не всѣ ли они *суть служебные духи?* Для чего же Церковь, которая часто изъявляетъ желаніе вмѣстѣ съ Ангелами служить Богу, и славословить Его благость, теперь, такъ сказать, остается позади ихъ, и совершаетъ родъ служенія въ честь ихъ самихъ? Сіе тѣмъ болѣе требуетъ изслѣдованія, что и древній законъ, *вчиненный Ангелами* (Гал. III, 19), не представляетъ никакого торжественнаго установленія въ честь Ангеловъ.

Самое обыкновенное основаніе священныхъ установленій, — говоря сіе, мы не колеблемъ другихъ основаній, глубокихъ и таинственныхъ, — самое, говорю, обыкновенное основаніе церковныхъ установленій есть благочестивое напоминаніе. *Помни день субботный* (Исх. XX, 8), говоритъ заповѣдь. *Будетъ вамъ день сей въ память* (Исх. XII, 14), говоритъ законъ Пасхи. *Сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. XXII, 19), говоритъ Самъ Іисусъ Христосъ, установляя таинство Тѣла и Крови Своей. На семъ основаніи древній законъ не могъ основать особеннаго церковнаго установленія въ честь Святыхъ Ангеловъ въ такія времена, когда человѣки наклонны были воздавать

служебнымъ силамъ честь Божескую, и когда всего болѣе нужно было наиоминать о подобающемъ служенію единому Богу. Нынѣ, подъ закономъ Хрістовымъ, совсѣмъ иныя времена. Единство Божіе какъ солнце, озаряетъ умы: но какъ звѣзды непримѣтны при солнцѣ; такъ при занятіи любомудрствующаго ума одною великою мыслію о Свѣтѣ несотворенномъ [1]), нѣкоторыеуже не примѣчаютъ свѣтовъ сотворенныхъ, малыхъ конечно передъ Онымъ, впрочемъ чистыхъ и благодѣтельныхъ,— не примѣчаютъ *служебныхъ духовъ, посылаемыхъ* отъ Бога въ *служеніе для тѣхъ, которые должны наслѣдовать спасеніе*; а не примѣчая ихъ, устраняются отъ ихъ благодѣтельнаго сообщества и помощи. Для такихъ временъ прозорливо и премудро установила Церковь торжествовать въ честь Собора небесныхъ Силъ, дабы мы немощные земнородные получали назидательное напоминаніе о сихъ споспѣшникахъ нашего спасенія.

Удивительно, что забвеніе о небесныхъ Силахъ въ нѣкоторыхъ изъ Христіанъ простирается до того, что сомнѣваются даже о существованіи невидимаго міра. Если бы не имѣли мы о семъ свидѣтельства въ книгѣ Откровенія: мы могли бы найти оное въ книгѣ природы. На всемъ видимомъ написано свидѣтельство о невидимомъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что *невидимое Божіе, Его присносущая сила и Божество, отъ созданія міра, чрезъ разсматриваніе тварей, есть видимо* (Рим. I, 20): но какъ не все видимое можетъ отнесено быть непосредственно къ невидимой силѣ Божіей; то, на основаніи Апостольскаго изреченія [2]), можно видѣть міръ невидимый, сквозь міръ переходящихъ образовъ — міръ постоянныхъ силъ, посредствомъ которыхъ вседѣтельная сила Божія держитъ, *носитъ* (Евр. I, 3), движетъ, управляетъ и сохраняетъ все видимое. Посмотрите на дерево или траву: то, что вы видите, можетъ только увянуть, засохнуть и разрушиться; а то, что производитъ зелень, ростъ, цвѣтъ и плодъ, не есть ли невидимое? Оглянитесь на самихъ себя: то, что въ васъ чувствуетъ, желаетъ, мыслитъ, не есть ли невидимое? Примѣтьте подобную лѣствицѣ постепенность тварей, которыя

---

[1]) Въ собр. 1822 г.: при сіяніи несотвореннаго Свѣта...

[2]) Въ собр. 1822 и 1835 гг. далѣе слѣдуетъ: можно также сказать, что сквозь міръ видимый...

потолику совершеннѣе одна другой, поколику болѣе открывается въ нихъ дѣйствіе невидимаго; начните отъ земли и камня, въ которыхъ невидимое совершенно погребено; взойдите по лѣствицѣ видимыхъ тварей до человѣка, въ которомъ невидимое можетъ уже господствовать: не естественно ли надъ сею степенью предполагать твари, въ которыхъ видимое совершенно поглощено, — существа, чисто невидимыя, духовныя?

Правда, въ нынѣшнемъ омраченномъ состояніи человѣка и міра, сквозь письмена видимыхъ вещей тускло мелькаетъ свѣтъ міра невидимаго. Но за то въ книгѣ Откровенія очищенное вѣрою око ясно усматриваетъ не только существованіе міра невидимаго, но и его близость, и тѣсный союзъ его съ видимымъ. Тамъ Херувимъ стережетъ путь древа жизни (Быт. III, 24); здѣсь Ангелъ утѣшаетъ отчаянную Агарь (Быт. XVI, 7—12); въ другомъ мѣстѣ Ангелы вмѣстѣ съ Господомъ гостятъ у Авраама (Быт. XVIII); Ангелы спасаютъ Лота изъ погибающаго Содома (Быт. XIX); Ангелъ сохраняетъ жизнь умирающему отъ жажды Измаилу (Быт. XXI, 17—19); Ангелъ и, можетъ быть, болѣе, нежели Ангелъ по существу, однако же Ангелъ по явленію и по наименованію въ священномъ бытописаніи [3]),—удерживаетъ руку Авраама, вознесенную на закланіе Исаака, и осыпаетъ его благословеніями (Быт. XXII, 15. 17); Ангела обѣщаетъ Авраамъ въ руководство рабу своему (Быт. XXIV, 7), и сей рабъ дивно руководствуется въ обрѣтеніи Ревекки. Іаковъ, то спящій во множествѣ видитъ Ангеловъ, по лѣствицѣ восходящихъ на небо, и нисходящихъ на землю (Быт. XXVIII, 12), то бдящій встрѣчается съ полками Ангеловъ (Быт. XXXII, 1). Ангелъ является Моисею въ горящей купинѣ (Исх. III, 2), для приготовленія его къ изведенію Израильтянъ изъ Египта. Ангелъ въ столпѣ огненномъ и облачномъ предшествуетъ Израильтянамъ изъ Египта, заграждаетъ ихъ отъ преслѣдующихъ Египтянъ (Исх. XIV, 19), сопровождаетъ чрезъ Чермное море, и сорокъ лѣтъ непрерывно странствуетъ съ ними по пустынѣ. Подъ *распоряженіемъ Ангеловъ пріемлютъ* (Дѣян. VII, 53) Израильтяне законъ Моисеевъ. *Архистратигъ силы Господни* является Іисусу Навину (Іис. Нав.

---

[3]) Въ собр. 1822 и 1835 гг. этихъ словъ нѣтъ.

V, 14), и распоряжаетъ чудесное завоеваніе Іерихона. Ангелъ, вмѣсто Пророка, проповѣдуетъ Израильтянамъ, и плачущій отъ его проповѣди народъ ознаменовываетъ мѣсто его явленія именемъ *Плача* (Суд. II, 1—6), Ангелъ призываетъ Гедеона къ избавленію Израильтянъ отъ порабощенія (Суд. VI, 11); Ангелъ двукратно посѣщаетъ родителей Сампсона, предсказываетъ необыкновенное рожденіе, и научаетъ воздержаніемъ матери охранять плодъ чрева (Суд. XIII). Ангелъ поражаетъ Іерусалимлянъ за тщеславіе Давида (2 Цар. XXIV, 16), и Ассиріанъ за гордость Сеннахирима (4 Цар. XIX, 35). Пророкъ Илія неоднократно въ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется Ангеломъ (3 Цар. XIX, 5; 4 Цар. I, 15); Елисей показываетъ отроку своему сонмъ Ангеловъ, подобный охранительному воинству (4 Цар. VI, 17). Исаія видитъ Серафимовъ окружающихъ Престолъ Господень, и отъ одного изъ нихъ пріемлетъ огненное очищеніе (Иса. VI); Іезекіиль среди отверстыхъ небесъ созерцаетъ четыре Богоносныя животныя и одушевленныя колеса (Іез. I); Даніилъ зритъ *тысящи тысящь служащихъ* Ветхому деньми, *и тмы темъ предстоящихъ Ему* (Дан. VII, 10); иногда встрѣчаетъ онъ Ангела хранителя и, можетъ быть, болѣе нежели Ангела, въ разженной пещи (Дан. III, 92); иногда во рвѣ львиномъ (Дан. VI, 22); иногда Гавріилъ *паритъ* надъ нимъ, и *прикасается* къ нему, и изъясняетъ ему видѣнія (Дан. IX, 21); иногда въ откровеніяхъ своихъ онъ слышитъ *о Михаилѣ, единомъ отъ первыхъ старѣйшинъ* небесныхъ, и *Князѣ* народа своего (Дан. X, 13. 21). Захарія, кромѣ того, что видитъ и слышитъ Ангеловъ, многократно *въ себѣ* ощущаетъ *Ангела глаголющаго* (Зах. I, 14). О Господи силъ! Какіе воистину Соборы небесныхъ Силъ собираешь Ты для земнородныхъ! Какъ дивно *ополчаешь Ангеловъ Твоихъ окрестъ боящихся Тебѣ* (Пс. XXXIII, 8)! Какимъ содружествомъ, какимъ единствомъ сопрягаешь духи Ангельскіе и человѣческіе!

Можетъ быть, нѣкоторые думаютъ, что Ангеламъ покорены были только ветхозавѣтныя времена тѣней и гаданій, подобно тому, какъ видимыя звѣзды поставлены для обладанія нощію. Посмотримъ. Откроемъ Новый Завѣтъ. Се восходитъ солнце духовъ; является Царь откровеній, Іисусъ Христосъ. Что же? Должны ли исчезнуть звѣзды? Должны ли удалиться служеб-

ные духи Свѣта? Или присутствіе солнца не уничтожитъ звѣздъ, а только сдѣлаетъ ихъ менѣе примѣтными? Или и въ присутствіи Царя, царственные служители будутъ учреждать и облегчать доступъ къ Нему? Но почто вопрошать о семъ? Самъ Царь провозглашаетъ, чему быть надлежитъ: *отселѣ узрите небо отверсто, и Ангелы Божія восходяща и нисходяща къ Сыну человѣческому* (Іоан. I, 51): и дѣйствительно, мы видимъ Ангела, возвѣщающаго неплодное зачатіе Предтечи (Лук. I, 11) и безсѣменное зачатіе Спасителя (Лук. I, 26), цѣлое воинство Ангеловъ, воспѣвающихъ славу рождества Спасителева (Лук. II, 13), Ангела разрѣшающаго недоумѣніе Іосифа (Матѳ. I, 20) и устрояющаго безопасность Младенца Іисуса отъ ищущихъ души Его (Матѳ. II, 13), Ангеловъ служащихъ Іисусу по искушеніи Его въ пустынѣ (Мато. IV, 11), Ангеловъ усвоенныхъ каждому младенцу, *выну видящихъ* [4]) *Отца небеснаго* (Матѳ. XVIII, 10), болѣе двѣнадцати легіоновъ Ангеловъ, готовыхъ ополчиться за Іисуса противъ Іудеевъ (Матѳ. XXVI, 53), Ангела явившагося для укрѣпленія Его въ Геѳсиманскомъ подвигѣ (Лук. XXII, 43), Ангеловъ отверзающихъ гробъ Его (Матѳ. XXVIII, 2), возвѣщающихъ Его воскресеніе (Іоан. XX, 12), [5]), Ангеловъ сопровождающихъ Его вознесеніе и возвѣщающихъ Его паки пришествіе (Дѣян. I, 10. 11), Ангеловъ разрѣшающихъ узы (Дѣян. XII, 7), и отверзающихъ темницы для Апостоловъ (Дѣян. V, 19); наконецъ Ангела только еще возникающему отъ тьмы язычества Корнелію явившагося для того, чтобы указать ему входъ въ Церковь Христіанскую (Дѣян. X, 3—6).

Христіане! Іисусъ Хрістосъ, по изреченію Іоанна Богослова, есть *Святый, истинный, имѣяй ключъ Давидовъ, отверзаяй, и никтоже затворитъ* (Апок. III, 7). Итакъ, если Онъ отверзъ небо: кто же смѣетъ затворить его? Или кто смѣетъ сказать, что теперь уже не время видѣть Ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ по волѣ Сына человѣческаго? *Не вси ли суть служебни дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?* Кто же и нынѣ можетъ утверждать, что они уже безъ дѣла и мы безъ помощи?

---

[4]) Въ собр. 1822 и 1835 гг : *видящихъ лице* ..

[5]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: отверзающихъ (Матѳ. XXVIII, 2) и наполняющихъ (Іоан. XX, 12) живоносный гробъ Его...

Но чѣмъ несомнѣннѣе удостовѣряемся мы о близости къ намъ святыхъ Ангеловъ и о ихъ готовности на помощь намъ: тѣмъ съ большею заботливостію мы должны помыслить о томъ, отъ чего въ наши дни такъ мало слышатъ о сей помощи, а еще менѣе вѣрятъ слышанному о томъ. Или нѣтъ при насъ Ангеловъ; или мы не примѣчаемъ ихъ; или удаляемъ отъ себя. Что ихъ нѣтъ, то не правда, какъ мы видѣли. Слѣдственно правда то, что мы или не примѣчаемъ ихъ, или даже удаляемъ отъ себя.

Какъ въ видимыхъ своихъ явленіяхъ святые Ангелы не рѣдко принимаемы были человѣками за подобныхъ человѣковъ: такъ легко случиться можетъ, что и невидимыя ихъ дѣйствія человѣкъ приметъ за собственныя человѣческія или обыкновенныя естественныя дѣйствія. Не случается ли, напримѣръ, что, среди недоумѣнія или нѣкоего бездѣйствія ума, вдругъ, какъ молнія, просіяваетъ чистая, святая и спасительная мысль; что въ обуреваемомъ или хладномъ сердцѣ мгновенно водворяется тишина, или возгарается небесный пламень любви къ Богу? Если всякое явленіе по роду своему свидѣтельствуетъ о присутствіи дѣйствующей силы, то сіи внутреннія явленія души нашей не свидѣтельствуютъ ли о присутствіи небесныхъ Силъ, по человѣколюбію бросающихъ лучи свои въ нашъ умъ и искры въ наше сердце? Не суть ли это дѣйствія Ангеловъ, по изреченію Пророка Захаріи, *глаголющихъ въ насъ?* Какъ достойно сожалѣнія, если мы не примѣчаемъ сей Ангельской помощи! Ибо, не примѣчая, не пріемлемъ ея, какъ должно, и не пользуемся ею; не пользуясь, остаемся неблагодарными и виновными, не приготовляемъ себя къ другимъ подобнымъ посѣщеніямъ и такимъ образомъ даже удаляемъ отъ себя хранителей нашихъ.

Если мы человѣки удаляемся отъ человѣковъ, которыхъ расположенія противны нашимъ расположеніямъ; если наставникъ наконецъ отрекается отъ ученика, не внемлющаго наставленіямъ, или пѣстунъ отъ воспитанника, отвергающаго руководство; если самый отецъ удаляетъ отъ себя непокорливаго сына: то какъ не удалиться наконецъ отъ насъ святымъ Ангеламъ, когда мы не слѣдуемъ ихъ спасительнымъ внушеніямъ, и оставляемъ безплоднымъ для насъ ихъ служеніе? Какъ не удалиться отъ насъ небеснымъ Силамъ, когда мы предаемся токмо земному? Какъ не удалиться чистымъ духамъ, когда мы живемъ въ нечистотахъ

плоти? Какъ не удалиться Ангеламъ Божіимъ, когда мы непрестанно имѣемъ въ мысляхъ и въ желаніяхъ не Бога и Христа Его, но міръ и самихъ себя?

Чада церкви! Чада Божіи! Будемъ ходить, яко чада послушанія. Не слышимъ ли, какъ матерь ежедневно проситъ намъ у Господа и Отца нашего *Ангела мирна, вѣрна, наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ?* Не отвергнемъ блага, о которыхъ она столько для насъ подвизается. Презримъ земное и приближимся къ небесному Очистимъ чувствія, и узримъ сверхчувственое. Изгонимъ изъ души нашей плотскія желанія и суетные помыслы, и тогда посѣтятъ ее безплотныя Силы, и поведутъ насъ съ собою *отъ силы въ силу*, доколѣ наконецъ и Самъ *явится Господь Богъ въ Сіонѣ* духа нашего (Псал. LXXXIII, 8), и *сотворитъ* въ немъ Себѣ *обитель* (Іоан. XIV, 23). Аминь.

XLVII.

18. Слово

къ воспріемлющимъ обѣтъ сердобольныхъ вдовъ.

(Говорено въ Мариинской церкви Императорскаго вдовьяго дома декабря 12 дня напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

Вдовицы чти сущія истинныя вдовицы (1 Тим. V, 3), пишетъ Апостолъ Павелъ къ Тимоѳею, Епископу Ефесскому. Здѣсь и теперь прилично воспомянуть сію Апостольскую заповѣдь.

Дабы правильно разумѣть изреченіе Апостола, надлежитъ знать, что, въ первыя времена Христіанства, кромѣ извѣстнаго, никогда неизмѣняемаго чина Священноначальственнаго и Священнослужебнаго, учрежденъ былъ въ Церкви нѣкоторый особенный разрядъ служебныхъ лицъ изъ женскаго пола, которыя назывались *вдовицами* потому, что избираемы были дѣйствительно изъ вдовицъ, а иначе *Діакониссами*, то-есть *Служительницами* потому, что должность ихъ была, служить Церкви по нѣкоторымъ ея порученіямъ. Имъ поручаемо было между про-

чимъ попеченіе о бѣдныхъ, хожденіе за больными, и особенно, во времена гоненія на Церковь, посѣщеніе исповѣдниковъ вѣры въ темницахъ. Симъ *вдовицамъ*, и ради сихъ полезныхъ служеній, оказывать уваженіе завѣщавалъ Апостолъ, когда писалъ къ Тимоѳею: *вдовицы чти*.

Прошли времена гоненій. Христіанское человѣколюбіе могло дѣйствовать свободнѣе прежняго. Казалось, менѣе нужными сдѣлались и особенныя *служительницы* Христіанскаго человѣколюбія. Между тѣмъ соблазны между самыми Христіанами умножались. Казалось, нужнѣе сдѣлалось удаленіе отъ обращенія въ смѣшенномъ обществѣ Христіанъ, большею частію слабыхъ и ложныхъ. Апостольское учрежденіе *вдовицъ* скрылось въ уединенныхъ обителяхъ и пустыняхъ.

Теперь смотрите, какъ духъ истиннаго Христіанства, проходя сквозь измѣненія временъ, сквозь разнообразіе народовъ, остается однако всегда одинаковъ и самъ себѣ подобенъ; какъ еще и нынѣ возобновляетъ онъ первыя свои благотворныя дѣйствія въ подобномъ прежнему видѣ и въ подобной силѣ. Монархиня, Матерь Благословеннаго изъ Монарховъ, слѣдственно Благословенная изъ—матерей, съ сей высоты земнаго благополучія, глубоко нисходитъ къ страждущему человѣчеству, и является Матерію сиротъ, вдовицъ, оставленныхъ, безпомощныхъ, болящихъ. Будучи не только человѣколюбива, но изобрѣтательна въ человѣколюбіи, Она изъ призрѣнныхъ человѣколюбіемъ устрояетъ себѣ новыя орудія человѣколюбиваго призрѣнія. Такъ между призрѣнными Ею вдовицами Она взыскиваетъ *истинныхъ вдовицъ*, способныхъ и расположенныхъ вѣрно проходить служеніе человѣколюбія; по чувствованіямъ собственнаго сердца нарекаетъ ихъ *Сердобольными*, и, торжественно посвящая ихъ въ служеніе болящимъ, ради пользы, трудности и святости сего служенія, *чтитъ* ихъ особенною честію, утвержденною Державнымъ соизволеніемъ Благочестивѣйшаго Монарха.

Таковъ жребій, пріемлемый нынѣ вами, Боголюбивыя и человѣколюбивыя сестры о Господѣ! Уже называю васъ Боголюбивыми и человѣколюбивыми, по увѣренію, что вы уже испытаны и обрѣтены достойными торжественнаго служенія Христіанскому человѣколюбію. По долгу же ввѣреннаго мнѣ служенія напоминаю вамъ, что Евангеліе усвояетъ *честь* только *истиннымъ*

вдовицамъ, и сего ради завѣщаваю и молю: готовясь теперь произнести предъ Всевидящимъ Богомъ обѣтъ сердоболія, и принять честь сердобольныхъ вдовицъ, воспріимите, возобновите искреннее и чистое желаніе быть *истинно сердобольными вдовицами*, Боголюбивыми и человѣколюбивыми.

Посмотрите на образъ истинной Христіанской вдовицы, написанный въ Евангеліи: *истинная вдовица и уединенная уповаетъ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ и моленіихъ день и нощь* (1 Тим. V, 5). Если сократить сіе въ одну черту. сіе значитъ, что она должна быть благочестива, или Боголюбива. Далѣе Апостольское учрежденіе при избраніи вдовицы требуетъ о ней изысканія, *аще святыхъ ногъ умы, аще странныя пріятъ, аще скорбныхъ снабдѣ* (10). Сіе значитъ, что она должна быть дѣятельно человѣколюбива. Вотъ образъ вашего служенія! Приближаясь къ сему образцу, вы будете приближаться къ совершенству въ своемъ дѣлѣ. Надобно вамъ часто взирать на сей образъ окомъ ума, и съ новымъ всегда вниманіемъ стараться изобразить оный въ сердцѣ.

Чѣмъ искреннѣе будете вы человѣколюбивы и Боголюбивы въ сердцѣ: тѣмъ менѣе трудности будете вы находить въ дѣлахъ служенія вашего, тѣмъ болѣе успѣха, тѣмъ болѣе блаженства!

Предварительнымъ опытомъ конечно вы узнали уже нѣкоторыя трудности воспріемлемаго вами служенія. Какъ можетъ облегчать ихъ любовь, сіе можно усмотрѣть изъ обыкновенныхъ случаевъ жизни. Отъ чего, напримѣръ, мать часто въ глубокую ночь непринужденно бодрствуетъ надъ своимъ младенцемъ, а кормилица не можетъ побѣдить сна? Не силою ли матерней любви уничтожается трудность долговременнаго бдѣнія? Если такимъ образомъ естественная человѣческая любовь облегчаетъ трудныя дѣла: менѣе ли сильно будетъ благодатное человѣколюбіе, одушевляемое силою любви Божественной? Если будете помышлять, что всѣ человѣки по природѣ суть одно въ первомъ человѣкѣ, и раздѣлясь, какъ потоки одного источника, паки сливаются въ одно по благодати въ Іисусѣ Христѣ; если сообразно съ симъ размышленіемъ будетъ чувствовать и сердце ваше, что между ввѣряемыми попеченію вашему точно нѣтъ ни одного чужаго: то попеченіе о ближнихъ не будетъ разниться отъ попеченія о себѣ; а свое бремя не тяжко, какъ говоритъ опытное

присловіе. Если будете помышлять, что мы не иначе живемъ, и не имѣемъ иной надежды жить, какъ любовію и милостію Отца небеснаго, что каждую минуту Онъ совершаетъ для насъ болѣе благодѣяній милованія, храненія и помощи, нежели мы можемъ совершить для другихъ во всю жизнь нашу: то вы всегда будете чувствовать, какъ мало и ничтожно то, что мы дѣлаемъ для ближнихъ, а потому возжелаете имѣть, и любовь Божія дастъ вамъ *крила огня* (Пѣсн. Пѣсн. VIII, 6), чтобы легко и быстро летѣть на всякое дѣло служенія ближнему.

Въ тоже время, какъ истинная любовь къ Богу и ближнему облегчаетъ трудъ служенія страждущему человѣчеству, она же производитъ отъ сего труда обильные плоды. *Не любящій*, какъ самъ *пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. III, 14), такъ и всякое дѣло его, хотя бы имѣло наружный видъ добродѣтели, есть мертво и безплодно, и слово, *какъ кимвалъ* (1 Кор. XIII, 2), бездушно. Но когда истинная Христіанская любовь пронзаетъ и отверзаетъ сердце: тогда въ немъ, и во всѣхъ его изліяніяхъ являются *исходища жизни* (Прит. IV, 23). Слово утѣшенія, отъ сердца, исполненнаго Христіанскою любовію, какъ потокъ жизни, проливается въ сердце страждущаго; самый взоръ съ такимъ сердцемъ, какъ лучь свѣта, проникаетъ въ душу, омраченную печалію. Если точно сія любовь управлять будетъ вашимъ служеніемъ страждущему человѣчеству: то и тѣлесныя дѣла сего служенія, по тайному благословенію Верховнаго человѣколюбца Бога, спасительны будутъ для тѣла болящихъ, и душевныя ваши расположенія будутъ приносить имъ душевное облегченіе, вожделѣнное само въ себѣ и опять естественно благотворное для здравія тѣлеснаго; но, что еще важнѣе, ваше истинное Христіанское человѣколюбіе будетъ для нихъ непрестаннымъ Христіанскимъ поученіемъ; ваше упованіе на Бога можетъ подкрѣплять ихъ противъ унынія и страха смерти; молитва вѣры вашей можетъ быть цѣлебнѣе всякаго врачевства и для тѣла, и для духа ихъ. Для сего Апостолъ, давъ заповѣдь, *болящему призывать пресвитеры церковныя, да молитву сотворятъ надъ нимъ* (Іак. V, 14), дабы не подумали, что симъ исключается молитва прочихъ, тотчасъ присовокупляетъ общее наставленіе: *молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (16).

Наконецъ, тоже Христіанское благочестіе и человѣколюбіе,

которое одно можетъ сдѣлать служеніе ваше въ высочайшемъ степени благотворнымъ для ближнихъ,—оно же, и оно единое, можетъ совершенно наградить васъ за подвиги, и содѣлать блаженными. Земная почесть и воздаяніе не долго утѣшаютъ и тѣхъ, которые пристрастны къ земному, а еще менѣе тѣхъ, которые безпристрастно полагаютъ цѣну вещамъ. Блаженъ, кто не такъ располагаетъ жизнь и дѣла свои, чтобы только на землѣ, и отъ человѣковъ *воспріять мзду свою* (Матѳ. VI, 2)! Блаженъ, кто, не останавливаясь на земномъ, *простирается къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Фил. III, 14)! Для сего и земная почесть вамъ изъявляется знаменіемъ креста, чтобъ и она вамъ напоминала *о почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ*. Желаете ли вы пріобрѣсть въ несомнѣнной надеждѣ сію почесть, и утвердить ее за собою на вѣки? Дайте любви Христовой располагать дѣлами вашего служенія. Она во-первыхъ сдѣлаетъ для васъ то чудо, что ваше служеніе страждущимъ ближнимъ превратитъ въ служеніе Самому Іисусу Христу, Который далъ ей на то полномочіе, когда сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меншихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 40). Что же можетъ быть выше и сей, хотя еще тайной, почести, что болѣе сего, хотя и сокровеннаго, блаженства, что сладостнѣе одной мысли, — служить Самому Іисусу Христу? Но въ слѣдствіе сего служенія, сердобольная любовь, если вы до конца ей послѣдуете, возведетъ васъ и къ той царственной почести, къ тому высочайшему званію, когда и васъ со всѣми святыми торжественно звать будетъ Царь царствующихъ: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV, 34). Ибо, скажетъ Онъ собственно вамъ: *Я былъ болѣнъ, и вы посѣтили Меня* (36).

Вступите же радостно въ сей благословенный подвигъ, и проходите его неослабно, при содѣйствіи благодати Христовой. Для укрѣпленія себя въ ономъ, каждый разъ, когда будете возлагать на себя крестъ, даруемый вамъ въ знаменіе сердоболія, вспоминайте сердоболіе Господа нашего Іисуса Христа, Который, изъ любви къ страждущему человѣчеству, исцѣлялъ всякій недугъ и всякую болѣзнь, и Самъ волею пострадалъ и умеръ на крестѣ, дабы всѣхъ насъ исцѣлить отъ смертоносной болѣзни

грѣха; воспоминайте сердоболіе Пречистыя Богоматери, которая съ пронзеннымъ сердцемъ предстояла кресту и погребенію Сына своего, подавая намъ примѣръ состраданія. Сими воспоминаніями прививайте себѣ чистую и спасительную болѣзнь человѣколюбиваго состраданія; пусть болитъ ею сердце ваше; сія святая болѣзнь, и для больныхъ и для здоровыхъ, будетъ источникомъ исцѣленія. Аминь.

XLVIII.

19. Слово

на Рождество Хрістово и на воспоминаніе освобожденія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ.

(Говорено въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

И внезапу бысть со Ангеломъ множество воій небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу. Лук. II, 13.

Нынѣ Ангелы проповѣдуютъ вамъ, Христіане, и Ангелы же показываютъ, что вамъ должно дѣлать по ихъ проповѣди: что можетъ быть лучше сего поученія, и нужно ли послѣ сего другое? Ангелъ является, и проповѣдуетъ человѣкамъ: *се благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ, яко родися вамъ днесь Спасъ* (10. 11). Надлежало бы человѣкамъ на сію радостную проповѣдь воскликнуть: *аминь*, и прославить Бога за сіе благовѣстіе. Но съ Ангеломъ проповѣдникомъ Ангелы же являются и слушателями. *И внезапу*, то есть, какъ скоро произнесъ онъ проповѣдь о Рождествѣ Хрістовомъ, они цѣлымъ воинствомъ восклицаютъ: *слава въ вышнихъ Богу*! Восклицаютъ же такъ, что не только горнія, имъ принадлежащія обители, но и дольній міръ оглашается ихъ славословіемъ. Для чего?

*

Безъ сомнѣнія, для того, чтобъ и дольній міръ послѣдовалъ горнему, чтобы къ славословію Ангельскому присоединилось человѣческое славословіе. Итакъ будемъ послушны поученію Ангельскому. *Пріидите возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему* (Псал. XCIV, 1). *Слава въ вышнихъ Богу!* Но вы уже и пришли радоваться о Рождествѣ Спасителя; славословіе, которое Церковь переняла у Ангеловъ, оглашаетъ не только храмы Божіи, но и жилища ваши; проповѣдь Ангельская, не смотря на то, что произнесена за столько вѣковъ, оказала и нынѣ свою силу; дѣло, кажется, совершено.

Надлежало бы теперь земнымъ служителямъ слова умолкнуть и успокоиться, когда дѣйствуютъ проповѣдники небесные. Но ихъ проповѣдь краткая и многозначущая, ихъ славословіе внезапное, невольно возбуждаютъ къ удивленію, а чрезъ удивленіе къ изслѣдованію и размышленію Притомъ всходитъ на мысль, что, когда небесныя Силы проповѣдывали и торжествовали Рождество нашего Спасителя, кромѣ не многихъ пастырей, весь дольній міръ погруженъ былъ во снѣ, и не слыхалъ ихъ проповѣди и славословія. Неужели,—скажутъ, вѣроятно, нѣкоторые,—не ужели и мы среди яснаго дня Господня можемъ продремать великое славословіе Церкви?—Не укоряя симъ никого, я напомню только, что Давидъ, который, безъ сомнѣнія, бодрственнѣе насъ былъ въ славословіи, нужнымъ находилъ иногда пробуждать свою славу: *востани слава моя* (Псал LVI, 9)! Испытаемъ и мы, размышленіемъ о славѣ Божіей въ рожденіи Спасителя нашего, пробуждать нашу славу, или, яснѣе сказать, нашу ревность къ славѣ Божіей.

Слава въ вышнихъ Богу!

Не прежде, какъ при рожденіи Іисуса Христа, земля слышитъ сіе Ангельское славословіе: для чего не прежде? И прежде не имѣлъ ли Богъ славы въ вышнихъ?

Такъ! Богъ имѣлъ высочайшую славу отъ вѣка. По изреченію одного ясновидца славы Его, Онъ есть *Богъ славы* (Дѣян. VII, 2), то есть, съ самымъ именемъ, съ самымъ существомъ Его соединена слава, такъ что Онъ не былъ бы и Богомъ, если бы не имѣлъ славы.

Слава есть откровеніе, явленіе, отраженіе, облаченіе внутрен-

няго совершенства. Богъ отъ вѣчности открытъ Самому Себѣ въ вѣчномъ рожденіи единосущнаго Сына Своего, и въ вѣчномъ исхожденіи единосущнаго Духа Своего; и такимъ образомъ единство Его во Святой Троицѣ сіяетъ существенною, непреходящею и неизмѣняемою славою. Богъ Отецъ есть *Отецъ славы* (Ефес. I, 17); Сынъ Божій есть *сіяніе славы Его* (Евр. I, 3) и Самъ *имѣетъ у Отца Своего славу, прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5); равнымъ образомъ Духъ Божій есть *Духъ славы* (1 Петр. IV, 14). Въ сей собственной, внутренней [1]) славѣ живетъ блаженный Богъ превыше всякія славы, такъ что не требуетъ въ оной никакихъ свидѣтелей, и не можетъ имѣть никакихъ участниковъ. Но какъ, по безконечной благости и любви Своей, Онъ желаетъ сообщить блаженство Свое, имѣть благодатныхъ [2]) причастниковъ славы Своея: то подвизаетъ Онъ Свои безконечныя совершенства, и онѣ открываются [3]) въ Его твореніяхъ; Его слава является небеснымъ силамъ, отражается въ человѣкѣ, облекается въ благолѣпіе [4]) видимаго міра; она даруется отъ Него, пріемлется причастниками, возвращается къ Нему, и въ семъ, такъ сказать, кругообращеніи славы Божіей, состоитъ блаженная жизнь и благобытіе тварей. Такъ Херувимы стоятъ предъ престоломъ Господнимъ, въ полнотѣ славы Его, и во славу Пресвятыя Троицы взываютъ другъ ко другу трисвятую пѣснь: *святъ, святъ, святъ Господь Саваовъ* (Исаіи VI, 3); они *закрываютъ лица свои*, потому что существенная слава Божія есть *свѣтъ неприступный* (1 Тим. VI, 16) и для вышнихъ тварей; они *окрестъ и внутрьуду исполнены очей*, потому что желаніе, созерцаніемъ пріобщаться славы Божіей, все существо ихъ дѣлаетъ окомъ; они *покоя не имутъ день и нощь* (Апок. IV, 8), не потому, чтобы имъ возбраненъ былъ покой, но потому, что блаженство, которымъ преисполняетъ ихъ созерцаніе и причастіе славы Божіей, какъ будто изъ переполненнаго сосуда, непрестанно изливается въ радостномъ журчаніи славословія, и такимъ образомъ *слава, яже отъ единаго Бога* (Іоан V, 44), возвращается къ Богу. Такъ человѣкъ, въ

[1]) Въ отд. изд. и въ собр. 1822 г. этого слова нѣтъ.
[2]) Въ отд. изд. и въ собр. 1822 г. этого слова нѣтъ.
[3]) Въ собр 1822 г.: далѣе открываются....
[4]) Въ собр. 1822 г.: въ образы....

своемъ первобытномъ состояніи, былъ *образъ и слава Божія* (1 Кор. XI, 7), и безъ одежды не зналъ наготы, будучи одѣянъ сею славою. Такъ и видимыя небеса *повѣдаютъ славу Божію; день дни отрыгаетъ* о ней *глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ* (Псал. XVIII, 2. 3).

Но если такимъ образомъ слава Божія пребываетъ отъ вѣка въ Богѣ; и въ самыхъ тваряхъ, не только въ невидимыхъ, но даже и въ видимыхъ, возвѣщается давно и непрестанно: то для чего при Рождествѣ Іисуса Христа новымъ и нечаяннымъ образомъ провозглашается оная съ неба на землю, какъ нѣчто непзвѣстное и неслыханное? Христіанинъ! здѣсь твоя чреда быть *окомъ*, и особенно *внутрьуду*, стани добрѣ, и созерцай: здѣсь есть слава и тайна,—слава заключенная въ тайнѣ, тайна открытая въ славѣ.

Человѣкъ остановилъ въ себѣ присноживотное обращеніе славы Божіей, рѣшась не возвращать ея Богу, но присвоить ее себѣ, въ надеждѣ, по обѣщанію обольстителя, самому *быть, яко Богъ*. Отъ сего въ духовномъ человѣкѣ произошло нѣчто подобное тому, что происходитъ въ чувственномъ человѣкѣ, когда останавливается обращеніе крови. Человѣкъ духовно умеръ для славы Божіей, или по крайней мѣрѣ, омертвѣлъ такъ, что въ немъ остались слабыя, въ сравненіи съ прежнимъ состояніемъ, движенія жизни душевной, омраченной, обнаженной, болѣзненной и тлѣнной. Поелику же и во всемъ видимомъ мірѣ слава Божія распространялась преимущественно чрезъ человѣка, отражаясь въ немъ, какъ въ образѣ Божіемъ: то, сокрывшись отъ человѣка, она уже не столь ясно, какъ въ началѣ, просіяваетъ и во всемъ видимомъ мірѣ. Хотя очистившій чувствія Псалмопѣвецъ и послѣ сего слышалъ глаголъ *небесъ, повѣдающихъ славу Божію*, и *звукъ* [5]) *ихъ проходящій по всей землѣ*: но сей звукъ, безъ сомнѣнія, уже не такъ высокъ и великолѣпенъ, какъ былъ въ началѣ; ибо тогда слышны были только величественные и сладостные звуки жизни и согласія, а нынѣ къ нимъ примѣшиваются раздирающіе звуки страданія и шумъ разрушенія. Сіе печальное затмѣніе славы Божіей въ мірѣ, омраченные грѣхомъ человѣки довершили тѣмъ, что, всѣ

[5]) Въ отд. изд.: *звукъ струнъ*....

желанія и помышленія свои погрузя въ твари, *измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и четвероногъ, и гадъ* (Рим. I, 23).

Богъ славы, вѣдая, что безъ славы Его нѣтъ блаженства для Его тварей, употреблялъ, скажемъ по человѣчески, многоразличныя и необыкновенныя усилія, дабы паки проявить ее въ человѣкахъ: но сіи усилія долго казались тщетными, и въ самомъ дѣлѣ были только болѣе или менѣе отдаленными и частными приготовленіями къ дѣйствительному, всеобщему, единственно возможному явленію славы Его между тѣми, которые *лишены ея* потому, *что вси согрѣшиша* (Рим. III, 23). Въ самыя первыя минуты отлученія человѣка отъ славы Божіей, Богъ искалъ его, дабы возвратить къ ней: *Адаме, гдѣ еси?* но грѣшникъ не могъ сносить ея присутствія; бѣжалъ, и крылся отъ нея. Послѣ, дабы содѣлать ее доступною человѣкамъ, Богъ облекалъ ее иногда въ явленія Своихъ Ангеловъ: но и сіе приводило въ ужасъ человѣческую природу, и не могло посредствовать въ общеніи ея съ славою Божіею. *Увы мнѣ, Господи, Господи*, вопіетъ Гедеонъ, *яко видѣхъ Ангела Господня лицемъ къ лицу* (Суд. VI, 22). *Смертію умремъ*, взываетъ Маное, *яко Бога видѣхомъ* (Суд. XIII, 22). Народъ Израильскій, сколь ни тщательно, по наставленію Самаго Бога, чрезъ Моисея, приготовленъ былъ къ явленію славы Божіей на Синаѣ, даже стоя въ отдаленіи, не выдержалъ сего явленія; *и рекоша Моисею: глаголи ты съ нами, и да не глаголетъ къ намъ Богъ, да не когда умремъ* (Исх. XX, 19). Что сказать о тѣхъ явленіяхъ славы Божіей, когда по исполненіи мѣры беззаконій человѣческихъ, на восходящій къ Богу вопль, не могъ Онъ, не измѣня святости Своей, отвѣтствовать гласомъ любви и милосердія, но отвѣтствовалъ грозными и карающими судьбами Своего правосудія, какъ было, напримѣръ, въ осужденіи Каина, во всемірномъ потопѣ, въ истребленіи Содома?—*Богъ славы гремѣлъ* (Псал. XXVIII, 3); земля трепетала; человѣкъ исчезалъ: гдѣ было радоваться? Кому славословить?

Что же наконецъ творитъ неистощимый въ средствахъ милованія и спасенія Богъ, дабы возстановить человѣка *въ упованіе славы*? Поелику человѣкъ не дерзалъ приближиться къ Богу, и пріобщиться славы Его: Богъ приближается къ человѣку, и пріі-

общается его уничиженія. Дабы грѣшникъ не убѣгалъ болѣе присутствія Божія, Сынъ Божій является ему *въ подобіи плоти грѣха* (Рим. VIII, 3). Дабы немощная тварь не исчезла отъ славы всемогущаго Творца, Онъ уже не *облекается во исповѣданіе и въ велелѣпоту* (Псал. CIII, 1), но въ немощное и нѣмотствующее младенчество и въ убогія пелены. Какъ искусный врачь, видя, что болящій страшится сильнаго врачевства, скрываетъ сіе врачевство подъ инымъ видомъ; и такимъ образомъ врачевство принято, и больной спасенъ: такъ и Небесный Врачь душъ и тѣлесъ, видя, что человѣчество, зараженное смертоносною болѣзнію грѣха, страшится Божественнаго, между тѣмъ какъ ничѣмъ не можетъ быть изліѣчено, кромѣ Божественнаго, заключаетъ Божество Свое въ образъ человѣчества, и такимъ образомъ человѣческій родъ, прежде нежели узналъ, дѣйствительно вкусилъ Божественное, всецѣлебное врачевство благодати. Какъ же скоро Божество въ человѣчествѣ: то и *вся намъ Божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію, поданы* (2 Петр. I, 3); и потому наша немощь восполнена будетъ силою Божіею; наша неправда изглаждена будетъ правдою Божіею; наша тьма просвѣщена будетъ свѣтомъ Божіимъ; наша смерть упразднена будетъ жизнію Божіею; въ самомъ сокрытіи для насъ славы Божіей мы получаемъ надежду славы; и когда слава сія откроется, она не ослѣпитъ, не устрашитъ, не разрушитъ насъ, но, просіявъ въ насъ, просвѣтлитъ и весь міръ, въ которомъ мы ее затмили. *Христосъ въ васъ, упованіе славы* (2 Кор. XIII, 5), обнадеживаетъ Апостолъ. Се славная тайна и таинственная слава настоящаго дня! Небесные служители свѣта прежде насъ увидѣли зарю сея славы, и тотчасъ, обратясь къ намъ, воскликнули: *слава въ вышнихъ Богу*! Теперь уже не заря, но полный день сея славы: да востанетъ и наша слава; да взыдетъ взаимно къ небожителямъ; да вознесется въ радостномъ восхищеніи сердецъ къ самому престолу Всевышняго: *слава въ вышнихъ Богу!*

Братія! Помыслите, что Ангелы такъ торжественно прославляютъ Бога не за ихъ спасеніе, но за наше. Съ какою же ревностію должны мы прославлять Его за себя самихъ! Кто дастъ мнѣ искру небеснаго огня, Ангельской любви къ Богу, чтобы я могъ возжечь ею сердца ваши къ Ангельскому, неумолкному,

не имѣющему покоя славословію? Ибо знаю, что міръ уже готовится заглушить въ душѣ вашей отголосокъ Ангельскаго славословія, шумомъ празднующихъ, суетными бесѣдами, пѣніемъ растлѣвающимъ чистоту духа, *отягчить сердца ваши объяденіемъ и піянствомъ* (Лук. XXI, 34). Берегитесь, чтобы Бога Спасителя своего, прославляемаго словомъ во храмѣ, не оскорбить дѣлами въ домѣ. *Зане токмо прославляющія Мя прославлю*, глаголетъ Онъ, *и уничижаяй Мя безчестенъ будетъ* (1 Цар. II, 30). И не испыталиль уже мы недавно сего безчестія тяжкимъ опытомъ, такъ что Господь не только домы наши предалъ хищенію и огню, но и храмы Свои уничижилъ? За что иначе, если не за то, что мы жизнію, недостойною славы Его, уничижили Его въ домахъ нашихъ, и нерадѣніемъ о благочестіи уничижили Его во храмахъ? Но се, Онъ и паки помиловалъ и прославилъ насъ: прославимъ Его, чтобы вновь не подвигнуть на себя Его негодованія, которымъ столь необыкновенно мятущійся чинъ природы уже намъ угрожаетъ. *Дадите славу Богови* (Псал. LXVII, 35)! *Прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ* (1 Кор. VI, 20)! Аминь.

1822 годъ.

XLIX.

20. Слово

въ день Алексія Митрополита, и въ недѣлю сыропустную.

(Говорено въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, февраля 12 дня, напечатано въ собр. 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

Овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ: и по Мнѣ грядутъ, и Азъ животъ вѣчный дамъ имъ. Іоан. X, 27. 28.

Въ сихъ словахъ Іисусъ Христосъ, истинный Пастырь и Посѣтитель душъ, и Образъ всѣхъ духовныхъ пастырей, изображая Себя и Своихъ овецъ, даетъ наставленіе всѣмъ намъ, каковъ долженъ быть Пастырь для своихъ овецъ, и въ какомъ союзѣ должны быть овцы съ своимъ Пастыремъ. *Овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ: и по Мнѣ грядутъ, и Азъ животъ вѣчный дамъ имъ.*

Какъ радостно видѣть теперь,— и Пастыря по сему образу, и овецъ въ семъ союзѣ съ Пастыремъ! Христоподобный Пастырь, Святитель Алексій, конечно, зналъ и знаетъ овецъ сего словеснаго стада, и его духовную потребность, и вѣрность его послушанія, когда предоставилъ и предоставляетъ ему донынѣ сей безцѣнный залогъ,— свои священные останки; конечно желалъ и желаетъ намъ жизни вѣчной, когда въ самомъ гробѣ своемъ открылъ и не престаетъ открывать источникъ благодатныхъ

исцѣленій и надежду вѣчной жизни. Се, и новыя овцы древняго стада его, сколь ни давно уже онъ безмолвствуетъ, еще слушаютъ гласа его; хотя онъ здѣсь—покоится на ложѣ своемъ, а тамъ—далеко шествуетъ въ небесахъ, еще приходятъ лобызать слѣды его. О, если бы всѣ овцы сего великаго стада таковы были къ Пастырю своему, каковы предстоящія теперь въ сей священной оградѣ! О, если бы предстоящіе здѣсь, каковы въ сей торжественный часъ, таковы были во всю жизнь свою, во-первыхъ къ Пастыреначальнику Іисусу Христу, а по Немъ и ко всякому отъ Него поставленному Пастырю!

Можетъ быть на сіе скажутъ: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. IV, 23)! Пріемлю совѣтъ; признаю немощь; желаю уврачеванія; ищу врачевства во врачебномъ хранилищѣ слова Христова, и, какъ извѣстно, что и поставленные врачевать другихъ не могутъ врачевать сами себя, избираю врачемъ Богоноснаго Алексія, дабы его рукою, то есть, посредствомъ его предстательства и его примѣра, почерпнуть изъ слова Христова духъ и силу Пастыря.

Азъ знаю ихъ, говоритъ Іисусъ Христосъ объ овцахъ Своихъ. И такъ свойство истиннаго Пастыря есть знать своихъ овецъ; или, если совершенное знаніе принадлежитъ токмо испытующему сердца Іисусу, [Который потому и есть *единый Пастырь* (Іоан. X, 16), коего пастырства отчасти причащаются всѣ пастыри], по крайней мѣрѣ истинный Пастырь, по образу Христову, долженъ употреблять всѣ возможныя усилія, чтобы знать своихъ овецъ и внутреннее ихъ состояніе. Подлинно, сіе необходимо. Если Пастырь не знаетъ своихъ овецъ: онъ, можетъ быть, вздумаетъ преслѣдовать чужихъ—суетный трудъ, и оставитъ своихъ—погибель! Если онъ не знаетъ особеннаго состоянія нѣкоторыхъ изъ нихъ: статься можетъ, что новорожденнымъ, вмѣсто *словеснаго нелестнаго млека, отъ котораго бы онъ расли во спасеніе* (1 Пет. II, 2), онъ предложитъ *твердую пищу* (Евр. V, 14), а крѣпкихъ захочетъ питать млекомъ; удалитъ отъ воды жаждущихъ; простретъ жезлъ на немощныхъ; не дастъ покоя имѣющимъ во чревѣ. Кажется, притча ясна, истина очевидна; не нужно изъясняться о семъ болѣе, для тѣхъ, которымъ должно разумѣть всѣ притчи.

Пастырю Алексіе! Какъ ты зналъ овецъ дарованныхъ, и даже

издалеча проразумѣвалъ даруемыхъ тебѣ отъ Пастыреначальника, особенно дивнымъ образомъ открылось въ совершившемся тобою исцѣленіи Агарянскія царицы. Предпріемля для сего путь въ страну, омраченную зловѣріемъ, воистинну ты былъ Евангельскій Пастырь, оставившій девятьдесять и девять овецъ, и шедшій искать заблуждшія. Кто могъ думать, что исканіе сіе будетъ не тщетно? Кто, кромѣ живущаго въ тебѣ Духа Божія, могъ предвозвѣстить тебѣ, что сія новая Сирофиникіянка, по вѣрѣ, отъ нея неожиданной, способна получить отъ Христа, еже хощетъ? Онъ вѣрно предвозвѣстилъ тебѣ сіе; и мы можемъ думать, что, отверзши ей чудеснымъ образомъ очи тѣлесныя, ты бросилъ ей въ сердце и нѣкія искры свѣта духовнаго, и превратилъ козлище въ агницу.

Но мы, пасущіе тамъ, гдѣ ты послѣ пастырскаго подвига почиваешь, какъ мало ревнуемъ о духовномъ дарованіи прозорливости! Такъ мало, что нѣкоторые изъ насъ, можетъ быть, и не почитаютъ ея потребностію своего званія. Нѣкоторые изъ насъ, къ сожалѣнію, не имѣютъ, и, къ осужденію своему, не стараются имѣть даже обыкновеннаго познанія о внутреннемъ состояніи овецъ, имъ ввѣренныхъ. По слабому понятію о своемъ званіи, нѣкоторые почти все дѣло пастыря ограничиваютъ свиряніемъ на свирѣли, предками настроенной; другіе превозносятъ искусство гласа и слова; иные полагаются на крѣпость жезла: или, сказать безъ притчи, одни думаютъ, что все дѣло священника состоитъ въ священнослуженіи по древнему чиноположенію; другіе выше всего поставляютъ искусственную проповѣдь; иные надѣются спасти духовное стадо свое одною властію вязать и рѣшить, какъ бы ни была она употребляема. Необходимо и спасительно все, и священнослуженіе, и проповѣдь, и власть вязать и рѣшить: но все сіе требуетъ мудрыхъ рукъ и разсудительнаго употребленія, и не то или другое по случаю, но все совокупно и въ порядкѣ приводитъ ко спасенію. Что, если мы только свиряемъ, а овцы требуютъ пищи; если мы хотимъ дать имъ пищу въ словѣ нашемъ, но съ трапезы нашей сыплются только сухія плевы, или цвѣты, увеселяющіе, но не питающіе; если мы угрожаемъ жезломъ, гдѣ надлежало бы утѣшать, или разрѣшаемъ, гдѣ надлежало бы устрашить вѣчными узами?—Пастырю истинный! пріими сіе исповѣданіе недостат-

ковъ нашихъ; научи насъ примѣромъ Твоимъ *разумѣ разумѣвать души стада нашего* (Прит. XXVII, 23), и ходатайствуй о насъ предъ Пастыреначальникомъ, да даруетъ намъ и ревность и искусство, знать овецъ, отъ Него намъ ввѣренныхъ, дабы мы умѣли и *изнемогшее подъять, и болящее уврачевать, и сокрушенное обязать, и заблуждающее обратить, и погибшее взыскать* (Езек. XXXIV, 4), Его спасительною благодатію.

Азъ животъ вѣчный дамъ имъ, говоритъ еще Пастыреначальникъ объ овцахъ Своихъ. Очевидно, что сего не можетъ сказать никто, кромѣ Его: ибо единъ Онъ *имѣетъ ключи ада и смерти* (Апок. I, 18). Но какъ Онъ во всякомъ дѣлѣ, которое совершилъ, и во всякомъ словѣ, которое произнесъ на земли, *даетъ намъ образъ, да якоже Онъ творилъ, и мы творимъ* (Іоан. XIII, 15), по мѣрѣ даруемой отъ Него благодати и ввѣряемаго намъ служенія: то и въ семъ случаѣ, когда Онъ открываетъ въ Себѣ свойство добраго Пастыря, дающаго вѣчную жизнь овцамъ Своимъ, чрезъ сіе самое Онъ поучаетъ насъ, и заповѣдуетъ намъ, для ввѣренныхъ отъ Него словесныхъ овецъ не имѣть инаго намѣренія, какъ пріобрѣтеніе имъ вѣчной жизни. Сія мысль должна воспламенять наши молитвы, одушевлять слова, управлять поступками. Сію цѣль должно намъ имѣть въ виду, во всѣхъ отношеніяхъ нашихъ къ словеснымъ овцамъ, учимъ ли во храмѣ, бесѣдуемъ ли въ домѣ, утѣшаемъ ли въ скорби, разрѣшаемъ ли отъ грѣховъ, даже связуемъ ли,—и въ семъ послѣднемъ случаѣ, угрожая вѣчною смертію, мы должны имѣть въ намѣреніи вѣчную жизнь, дабы и стоящихъ на краю погибели *страхомъ спасти отъ огня восхищающе* (Іуд. I, 23).

Такъ ли ходимъ мы въ служеніи пастырскомъ? Сюда ли точно устремлены всѣ наши мысли и желанія? *Приставили ль* мы, по изреченію Соломона, *сердце наше ко стаду нашему* (Прит. XXVII, 23)? Стараемся ли, непрестанно умножать силу духа, дабы отъ себя и другихъ отрѣвать прахъ суеты, возметаемый вихремъ легкомыслія, и разгонять облако житейскихъ попеченій, коими закрывается отъ очей міра свѣтъ жизни духовной и вѣчной? Не случается ли напротивъ, что нѣкоторые изъ насъ, занимаясь менѣе важными дѣлами пастырскаго служенія, и то не съ довольнымъ вниманіемъ, теряютъ изъ вида великую послѣднюю цѣль онаго? Обезпечивая себя мыслію, что Датель жизни

вѣчной есть единый Пастыреначальникъ, равнодушно смотрятъ на то, живутъ ли ввѣренныя имъ овцы жизнію благодати, заражены ли болѣзнію грѣха, или совсѣмъ духовно умираютъ. Были нѣкогда и такіе пастыри, которыхъ въ исканіи одной собственной корысти, вмѣсто спасенія овецъ, обличилъ Самъ Пастыреначальникъ: *се млеко ядите, и волною одѣваетеся, и тучное закалаете, а овецъ Моихъ не пасете. Пасоша пастыри самихъ себе, а овецъ Моихъ не пасоша. Се Азъ на пастыри* (Іез. XXXIV, 3. 8. 10)! О, если бы мы могли быть увѣрены, что не встрѣтимъ болѣе столь невѣрныхъ пастырей, *непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе* (1 Тим. VI, 5), осужденныхъ Пастыреначальникомъ!

Добрый и вѣрный Пастырю Алексіе! Сохрани насъ молитвами твоими отъ опаснаго небреженія и пагубной невѣрности предъ Пастыреначальникомъ. *Да подвизаемся*, по Апостолу, *добрымъ подвигомъ вѣры, да емлемся за вѣчную жизнь, въ нюже и званы есмы* (1 Тим. VI, 12). *Никтоже*, и наипаче никто изъ пастырей, *своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. X, 24). *Да сокровиществуемъ себѣ*, и другимъ, *основаніе добро въ будущее, да вси пріимемъ вѣчную жизнь* (1 Тим. VI, 19).

Но тогда, какъ я врачую себя, когда у ногъ Богоноснаго Пастыря поучаюсь обязанности Пастыря,—въ сей самый часъ я останусь виновнымъ противъ сей обязанности, если и для сего словеснаго стада не поищу слова исцѣленія и жизни. Благослови, Пастырю нашъ, и для овецъ твоихъ воспріять слово Пастыреначальника; чрезъ тебя же да изыдетъ въ нихъ сила благовѣстія.

Овцы Моя гласа Моего слушаютъ, говоритъ Іисусъ Христосъ. И такъ свойство истинныхъ овецъ есть слушать своего Пастыря. Подлинно, если овцы не будутъ слушать Пастыря, сіе будетъ тоже, какъ бы совсѣмъ не было надъ ними Пастыря. Оглашаетъ ли онъ звукомъ свирѣли, взываетъ ли гласомъ устъ, возноситъ ли жезлъ, все сіе не принесетъ пользы и спасенія овцамъ, если онѣ, удалясь, не видятъ и не слышатъ, или упорствуя, не слушаютъ, или не бывъ пріучены, не внимаютъ. Овца, не слушающая Пастыря, есть вѣрная добыча хищнаго звѣря. Разрѣшимъ притчу. Христіане суть овцы пажити Христовой; Пастырь, котораго должны они слушать, первоначально и

существенно есть Самъ Іисусъ Христосъ, а по Немъ и тѣ, кто бы ни были они, которые видимо представляютъ Его невидимое пастырство, и дѣйствуютъ ввѣренною отъ Него властію; ибо *Онъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *далъ есть* Церкви *пастыри и учители, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія* (Ефес. IV, 11. 12); и чтобы узнавали данныхъ отъ Него, Онъ поставилъ признакъ: *входяй дверьми, пастырь есть овцамъ* (Іоан. X, 2), то-есть, вступающій въ сіе служеніе посредствомъ благодатнаго избранія; и чтобы сихъ служебныхъ пастырей слушали, какъ-бы Самого верховнаго, Онъ провозгласилъ, что слушать ихъ и Его есть едино: *слушаяй васъ Мене слушаетъ* (Лук. X, 16). Дворъ овчій и духовная пажить, гдѣ слышимъ гласъ Пастыря, гдѣ пища и спасеніе овецъ, есть Церковь. Гласъ Пастыря есть молитва, ученіе, тайнодѣйствіе, управленіе, совѣтъ душеполезный. Если люди, называющіе себя Христіанами, оставивъ Церковь, блуждаютъ по дебрямъ расколовъ, *влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Ефес. IV, 14); если вмѣсто истиннаго Пастыря, входящаго дверьми, слушаютъ *прелазящихъ инудѣ* (Іоан. X, 1), которые, по суду Пастыреначальника, *татіе суть и разбойницы*; или если, и не отлучаясь отъ Церкви явно, не прилѣпляются однакоже къ ней искреннимъ, послушнымъ сердцемъ; не радятъ слушать Пастыря молящагося, учащаго, тайнодѣйствующаго; не ищутъ духовнаго совѣта; мечтаютъ, по невѣжеству и гордости, что они сами себя могутъ пасти и спасти: таковые, и подобные имъ, поелику не слушаютъ истиннаго Пастыря, то и не суть истинныя овцы; уклоняясь отъ послушанія спасительному гласу Пастыреначальника, они непримѣтно идутъ на встрѣчу льву, который *рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8).

Сего ради, вы, предстоящіе здѣсь, въ священной оградѣ Пастыреначальника Христа, и избраннаго Пастыря Его Алексія! если, какъ самое присутствіе ваше свидѣтельствуетъ, сохраняете себя отъ болѣзни невниманія и непослушанія; какъ предохранительное врачебное средство, пріимите слово Пастыреначальника: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ*, дабы воспоминаніемъ о семъ словѣ всегда возобновлялось и усиливалось ваше къ Нему сердечное вниманіе и послушаніе, и дабы шумъ и соблазны

міра не увлекли инуды вашего сердца и помышленій. А тѣмъ, которыхъ душевное вниманіе отвлечено отъ Христа соблазнами, заглушено шумомъ суетъ, удалено заблужденіями, разсѣяно по прелестямъ міра и плоти, понесите отсюда, какъ врачевство противъ сей болѣзни духа, сіе слово Христово: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ*. Да познаютъ они гласъ истиннаго Пастыря своего, и да возвратятся къ Нему раскаяніемъ и твердымъ намѣреніемъ слушать Его неуклонно.

Слушать неуклонно! Ибо, глаголетъ Пастыреначальникъ, *овцы Моя* не только *слушаютъ гласа Моего*, но и *по Мнѣ грядутъ*. Для чего иначе и слушать овцамъ пастыря, если не для того, чтобы неуклонно послѣдовать его водительству? Слушать Пастыря есть начало послушанія, но и то не всегда; ибо иногда слышатъ пастыря и хищные звѣри, но сіе не дѣлаетъ ихъ овцами: совершенное же послушаніе есть вѣрно послѣдовать слышанному. Спасительный гласъ указуетъ спасеніе; услышавъ его, мы еще не спасены: только тогда, когда твердыми стопами пойдемъ на сей гласъ, мы достигаемъ спасенія. И потому, слышишь ли Пастыря молящагося: не слушай только, но молись и ты; изъ дома молитвы приноси духъ молитвы и въ твой домъ и освящай имъ тайную храмину твою Слышишь ли Пастыря учащаго: не слушай только, но и слагай глаголы его въ сердцѣ твоемъ; и какъ овцы, послѣ того, какъ примутъ пищу свою, отрыгаютъ ее изнутри, и повтореннымъ жваніемъ совершеннѣе приготовляютъ ее, дабы она превратилась въ ихъ плоть и кровь; такъ и ты, послѣ того, какъ пріемлешь пищу слышимаго слова, отрыгни ее паки отъ сердца твоего, и прилѣжнымъ размышленіемъ о слышанномъ преврати оное себѣ въ плоть и кровь, или лучше сказать, въ духъ и жизнь, и, въ крѣпости духовной яди сей, твори дѣла не мертвыя и плотскія, но живыя и духовныя. Сіе заповѣдывалъ и древній строгій законъ, которымъ пасомъ былъ Израиль, когда провозглашалъ о заповѣдяхъ: *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Левит. XVIII, 5). Къ сему призываетъ и свободный законъ Евангельскій: *приникій въ законъ совершенъ свободы, и пребывъ, сей не слышатель забытливъ бывъ, но творецъ дѣла, сей блаженъ въ дѣланіи своемъ будетъ* (Іак. I, 25).

И въ семъ-то, слушатели, нужно и намъ, которые мнимся

быть послушными, прилѣжно себя испытывать, не забытливые ли мы слушатели, по выраженію Апостола, *прельщающіе себя самихъ* (Іак. I, 22). Чего въ семъ случаѣ не можемъ опасаться мы, недостойные служители слова, когда, непосредственно Богомъ руководимый въ словѣ, Пророкъ испыталъ сіе непостоянство слушателей? Израильтяне говорили о Іезекіилѣ у забралъ и во вратахъ домовъ: *соберемся, и услышимъ исходящая изъ устъ Господнихъ* (Іез. XXXIII, 30). Но въ сіе самое время Сердцевѣдецъ открылъ Пророку, что его слушать будутъ, какъ слушаютъ искуснаго пѣвца, изъ любопытства, безъ пользы: *и будеши имъ, яко гласъ пѣснивца сладкогласнаго благозвучнаго, и услышатъ глаголы твоя, и не сотворятъ ихъ* (32). Подумайте и вы, не для того ли только собираетесь слушать исходящая изъ устъ Господнихъ, чтобъ слышать и судить, какъ мы говоримъ, не заботясь о исполненіи того, что мы предлагаемъ?—Увы намъ, Слове Божій! то, чѣмъ Ты Себя именуешь, что Ты еси, чѣмъ сотворилъ Ты вселенную, чѣмъ возвеличилъ человѣка, чѣмъ является мудрость, чѣмъ подается жизнь,—слово, священное, Божественное слово, мы сдѣлали зрѣлищнымъ игралищемъ!

Повторяю: прилѣжно испытывать должно намъ, не любопытные ли только, не забытливые ли мы слушатели слова, прельщающіе себя самихъ. И чтобы дать вамъ краткій способъ сего испытанія на сей самый день, присовокуплю краткое слово: въ сей день, священный самъ по себѣ, и достойный особеннаго вниманія, по пріуготовленію ко днямъ воздержанія и покаянія, внимайте Христу, а не суетѣ міра, послѣдуйте Христу, а не обуявшимъ рабамъ плоти. Кто нынѣ сохранитъ себя вѣрнымъ сему слову: о томъ и надѣемся, и съ надеждою молимъ, да и впредь будетъ *не слышатель забытливъ*, но творецъ дѣла, и наконецъ совершенно *блаженъ въ дѣланіи своемъ будетъ*. Аминь.

L.

21. Слово

въ недѣлю крестопоклонную.

(Говорено въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, марта 5 дня, напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

> Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ. Марк VIII, 34.

Нѣкогда Іисусъ Христосъ наименовалъ Себя *Путемъ*, *Истиною и Жизнію* (Іоан. XIV, 6). Теперь, соотвѣтственно съ первымъ изъ сихъ наименованій, указуетъ Онъ намъ путь. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.*

Евангелистъ замѣчаетъ при сихъ словахъ, что Іисусъ Христосъ произнесъ ихъ, *призвавъ народы со ученики Своими.* Сіе показываетъ, что Его воззваніе относится не къ однимъ особенно избраннымъ, но ко всѣмъ безъ исключенія.

Кто бы ты ни былъ, слушающій сіе, надобно и тебѣ подумать о пути. Въ видимомъ и временномъ мірѣ, въ которомъ ты живешь, нѣтъ ничего неподвижнаго, но все идетъ, и проходитъ. И твоя жизнь идетъ, и проходитъ; ты покоишься иногда, по видимому, тѣломъ, но твои сокровенныя помышленія, твои тайныя желанія непрестанно въ движеніи: а потому если ты не идешь путемъ спасенія, то вѣрно идешь путемъ погибели, или, если не идешь, то падаешь,—падаешь изъ жизни духовной въ плотскую, изъ жизни человѣческой въ скотскую, и не примѣтишь, какъ обрушишься въ жизнь адскую, въ смерть сугубую,—невозвратно! Подумай же о своемъ пути!

Какъ вождь и царь свободныхъ, Іисусъ Христосъ не приневоливаетъ никого къ пути, который Онъ указуетъ, но приглашаетъ желающихъ вступить въ оный: *иже хощетъ по Мнѣ ити.*

Спроси себя, Христіанинъ, спроси такъ, чтобы отвѣтствовать рѣшительно, хочешь ли ты идти за Іисусомъ Христомъ?

Христіанину не хотѣть идти за Христомъ? Какая нелѣпая мысль! Какъ она противорѣчитъ сама себѣ! Однако есть люди, которые понимаютъ, какъ нелѣпа сія мысль, но не чувствуютъ, какъ преступно сіе дѣло. Почему же мы и Христіане, когда не послѣдуемъ Христу?—Мы потому Христіане,—скажутъ нѣкоторые, прислушавшись къ словамъ первоначальнаго ученія Христіанскаго, но не уразумѣвъ силы ихъ,—мы потому Христіане, что вѣруемъ во Христа.—Хорошо. Но если ты вѣруешь во Христа; то конечно вѣруешь и въ слово Христово: ибо то и другое есть одно. Если ты вѣруешь въ слово Христово; то долженъ и поступать по сему слову: ибо вѣровать въ слово, и не поступать по нему, есть пагубная дерзость и безуміе. Изъяснимъ сіе примѣромъ: еслибы тебѣ, блуждающему въ неизвѣстныхъ и опасныхъ мѣстахъ, сказалъ нѣкто: вотъ тропинка, по которой ты можешь придти въ безопасное мѣсто; и если бы ты, не имѣя причины сомнѣваться въ семъ указаніи, сталъ медлить, или пошелъ въ противную сторону, можетъ быть на встрѣчу звѣрю или разбойнику: не была ли бы то пагубная дерзость и безуміе? — Но что̀ говоритъ тебѣ слово Іисуса Христа, въ Котораго, и въ которое ты вѣруешь?—*Аще хощеши совершенъ быти, гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX, 21). Послѣ сего чѣмъ отзовешься отъ послѣдованія Іисусу Христу? Развѣ тѣмъ, что ты не домогаешься совершенства? Но сего именно требуетъ отъ тебя Тотъ, въ Котораго ты вѣруешь: *будите вы совершени*, говоритъ Онъ; и притомъ какъ? *якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ V, 48). Если ты отрекаешься отъ стремленія къ совершенству: то Онъ отъемлетъ у тебя надежду царствія небеснаго: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. V, 20). Если ты не хочешь быть съ Нимъ:—а какъ быть съ Нимъ, если не поступать по слову Его, и не послѣдовать Ему во всемъ?—то Онъ признаетъ тебя врагомъ Своимъ, и отрекается тебя предъ лицемъ неба и земли: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть* (Матѳ. XII, 30); *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда придетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк VIII, 38).

*

И такъ одно изъ двухъ: или ты долженъ идти за Христомъ, послѣдовать [1]) Его слову и Его примѣру; или ты напрасно называешься Христіаниномъ.

Не трудно было бы признать и принять обязанность идти за Христомъ, если бы не останавливала мысль: куда идти за Нимъ? Куда же?—Посмотримъ, куда Онъ идетъ. *Се восходимъ*, возвѣщаетъ Онъ идущимъ въ слѣдъ Его (Марк. X, 33. 34), *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ Архіереомъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадятъ Его языкомъ, и поругаются Ему, и уязвятъ Его, и оплюютъ Его, и убіютъ Его.* Страшный подлинно путь Христовъ! Самые Апостолы, которые, будучи непосредственно Имъ руководимы, за Нимъ слѣдовали, не могли спокойно проходить путемъ симъ. *Бяху*, повѣствуетъ Евангелистъ, *на пути восходяще во Іерусалимъ; и бѣ варяя ихъ Іисусъ, и ужасахуся, и въ слѣдъ идуще, боящуся* (Марк. X, 32). И что еще? Есть на семъ пути поприще, которое Самъ Іисусъ Христосъ проходилъ не безъ ужаса: *начатъ ужасатися и тужити* (Марк. XIV, 33).

Но не напрасно ли открываю я весь ужасъ пути Христова, котораго и безъ того страшатся многіе?—Нѣтъ, Христіане, *утѣшеніе наше*, скажемъ со Апостоломъ, *не отъ прелести, ни отъ нечистоты, ни лестію* (1 Сол. II, 3). Не хотимъ скрывать отъ васъ трудности, которая неизбѣжна: но изъ самой трудности вы можете усмотрѣть, что не трудно преодолѣть ее. Отъ чего ужасался Іисусъ Христосъ, Его же вся боятся и трепещутъ, Которому некого бояться, потому что нѣтъ силы, которая бы могла быть страшна для Всемогущаго? Отъ чего тужилъ Тотъ, Который есть источникъ радости и блаженства для всего, что̀ можетъ быть причастно радости и блаженства? Очевидно, что не Его собственно былъ сей ужасъ, и сія туга: но подвергся Онъ имъ потому, что *Онъ недуги наша пріятъ, и болѣзни понесе* (Матѳ. VIII, 17). Но для чего пріялъ Онъ и понесъ наши недуги и болѣзни, если не для того, чтобы уврачевать ихъ, или по крайней мѣрѣ, до совершеннаго уврачеванія, облегчить такъ, чтобы не оставить насъ *искуситися паче, еже мощи* (1 Кор. X, 13)? Слѣдственно ужасъ и скорбь, если не совсѣмъ отъяты отъ пу-

---

[1]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: во всемъ послѣдовать...

ти Христова, то много уменьшены тѣмъ самымъ, что Онъ уже совершилъ путь сей, и проложилъ его для насъ. Посему и Апостолы не всегда, какъ въ началѣ, боялись идти за Христомъ; но пришло послѣ время, когда они тѣмъ же страшнымъ и скорбнымъ путемъ проходили съ радостію. Они, пишетъ повѣствователь ихъ дѣяній, *идяху радующеся, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян V, 41) Какъ могло статься, что тѣ же люди, на томъ же пути, сперва боялись, а потомъ радовались? Боялись, когда Іисусъ Христосъ еще не совершилъ сего пути, и не привелъ его въ безопасность; радовались, когда Онъ прошелъ путемъ симъ, и на Себѣ унесъ трудности его. Боялись, когда взирали только на сіи трудности, не проникая далѣе; но возрадовались, когда ясно усмотрѣли конецъ пути Христова. Ибо куда наконецъ приводитъ путь сей? Онъ приводитъ на небеса, къ Самому Богу Отцу, какъ Самъ Іисусъ Христосъ, изображая весь путь Свой, отъ начала до конца, сказуетъ: *изыдохъ отъ Отца, и пригдохъ въ міръ, и паки оставляю міръ, и иду ко Отцу* (Іоан. XVI, 28). Сей путь вводитъ въ славу Божественную: *подобаше пострадати Христу, и внити въ славу Свою* (Лук. XXIV, 26). Не ужели и мы, скажетъ не разумѣющій таинъ Христовыхъ, не ужели и мы возведены будемъ къ Самому Богу Отцу, и внидемъ въ славу Единороднаго Сына Божія? Такъ, братія! Ибо вѣренъ Тотъ, Который сказалъ: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. XII, 26). И такъ, если Господь нашъ идетъ къ Богу Отцу Своему: то приведетъ къ Нему съ Собою и насъ. Если Христосъ входитъ въ Свою Божественную славу: то введетъ съ собою и Христіанъ, и содѣлаетъ, какъ изъясняется Апостолъ, *причастниками Божественнаго естества* (2 Петр. I, 4) Не говорите, что толикая высота недосязаема для земнородныхъ: намъ должно только съ твердою рѣшимостію вступить въ ту часть пути Христова, которую прошелъ Онъ, и проложилъ для насъ на земли; когда надобно будетъ вознестись превыше земнаго, и восходить къ небесному и Божественному, тогда Онъ Самъ подъиметъ насъ, яко *на крилѣхъ орлихъ* (Исх. XIX, 4), по Своему великому обѣщанію: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. XII, 32).

При сихъ размышленіяхъ, надѣемся о насъ, братія, что серд-

це ваше говоритъ Вождю и Спасителю своему: *Господи! гиду по Тебѣ, аможе аще идеши* (Матѳ. VIII, 19); только Ты, Сердцевѣдче, не отрини сего желанія, какъ нѣкогда отвергнулъ оное въ устахъ нѣкоего, безъ сомнѣнія, потому, что не отъ полноты сердца оно изливалось.

Если же вы желаете идти за Христомъ: то время сказать вамъ, какъ должно вамъ идти за Нимъ. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.*

Во-первыхъ, желающій послѣдовать Христу долженъ *отречься самого себя*, то есть, отвергнуть свое самолюбіе, не быть привязанъ къ собственной чести, собственной выгодѣ и собственному удовольствію, но все сіе, по образу путешественника, встрѣчать мимоходомъ, и вскорѣ оставлять позади себя; во всемъ поступать по сему наставленію Апостола: *да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ: и плачущіися, якоже не плачущіи: и радующіися, якоже не радующеся: и купующіи, яко не содержаще: и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. VII, 29—31). Какъ можно, скажутъ, дойти до такого самоотверженія? Можно такъ же, какъ воинъ отрекается отъ пріятностей домашней жизни, когда выходитъ на поле брани; какъ онъ отрекается и отъ самой жизни, когда вступаетъ въ сраженіе, безъ каковаго отреченія не могъ бы онъ быть ни мужественнымъ, ни побѣдоноснымъ. Если сіе можно дѣлать для тлѣннаго вѣнца и временной славы: чего не можно и не должно сдѣлать для вѣнца нетлѣннаго и славы вѣчной?

Во-вторыхъ, для послѣдованія Христу должно *взять крестъ свой.* Крестъ Христовъ составляютъ *Его страданія, искушенія и убіеніе* (Марк. VIII, 31). Претерпѣвъ единъ все сіе для насъ, Онъ имѣетъ совершенное право требовать, чтобы каждый изъ насъ претерпѣлъ все сіе для Него. Но дабы не сокрушить насъ тяжестію сего бремени, подъ которымъ Онъ Самъ являлся изнемогающимъ, Онъ не возлагаетъ на насъ Своего великаго креста, но заповѣдуетъ только взять каждому свой собственный, то есть, быть готовымъ перенести столько страданій, искушеній, внѣшнихъ, внутреннихъ, сколько на каждаго въ особенности наведетъ наказующая, очищающая, и вмѣстѣ милующая судьба всѣмъ управляющаго Провидѣнія. Не ужели сіе неизбѣж-

но? вопіютъ изнѣженныя души —Успокойтесь и разсуждайте. Если *подобаше пострадати Христу*, безгрѣшному и всемогущему, дабы *внити въ славу Свою*: какъ можемъ мы, осквернённые и разслабленные грѣхомъ, дойти до сея славы, не бывъ очищены искушеніями и укрѣплены страданіями? Ибо что̀ живетъ въ насъ нынѣ? Если самолюбіе препятствуетъ признанію: обличимъ себя признаніемъ Апостола: *не живетъ во мнѣ, сирѣчь во плоти моей, доброе* (Рим. VII, 18). Въ насъ живетъ, со времени перваго грѣха, ветхій Адамъ, съ его страстями и похотями: какъ же можно совлещись его, и облещись въ новаго человѣка,—что̀ есть цѣль нашего стремленія,—не говорю, безъ страданія, но даже безъ смерти? Должно взять крестъ не для того только, чтобы подвизаться въ ношеніи онаго, но чтобы наконецъ совсѣмъ *распять плоть со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24), *умертвить уды наша, сущія на земли* (Кол. III, 5), *умереть* таинственно, чтобы *животъ* нашъ *былъ сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. III, 3).

Таково, Христіане, ученіе креста, ученіе столь нужное и существенное въ Христіанствѣ, что Церковь, не довольствуясь часто возвѣщать оное гласомъ, еще чаще представляетъ оное въ изображеніяхъ и знаменіяхъ. При самомъ крещеніи она возлагаетъ на насъ изображеніе креста; при каждой молитвѣ повелѣваетъ намъ полагать на себѣ знаменіе креста; и отъ времени до времени, какъ и въ настоящій день, торжественно предлагаетъ намъ для поклоненія и цѣлованія знаменіе креста. Будемъ внимательны; пріимемъ, не яко отъ устъ человѣческихъ, но яко отъ устъ Самого распятаго Спасителя нашего сію заповѣдь, да *отвержемся себе, и возмемъ крестъ свой, и послѣдуемъ Ему*. Аминь.

LI.

22. Слово

въ пятую недѣлю великаго поста.

Говорено въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, Марта 19 дня, напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

> Она же рѣста Ему: даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошую Тебе, сядева во славѣ Твоей. Іисусъ же рече има, не вѣста, чесо просита. Марк. X, 37. 38.

Случай, какого не надлежало, по видимому, ожидать, представляется намъ въ сихъ словахъ Евангелія. Лучшіе ученики наилучшаго изъ Учителей, предъ самымъ окончаніемъ обученія, оказываются незнающими! Извѣстно, что двѣнадцать учениковъ, иначе называемые Апостолами, избраны Божественнымъ Учителемъ, Іисусомъ Хрістомъ, преимущественно предъ тысящами другихъ явныхъ и тайныхъ учениковъ Его. Можно примѣчать, что Іаковъ и Іоаннъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, между самыми двѣнадцатью Апостолами были особенно избранные: ибо имъ, и кромѣ ихъ одному Петру, оказалъ Онъ ту высокую довѣренность, что допустилъ ихъ быть свидѣтелями Своего славнаго Преображенія на Ѳаворѣ, и Своего тяжкаго подвига въ саду Геѳсиманскомъ. Около трехъ лѣтъ сіи счастливые ученики почти неразлучно пребывали съ единственнымъ своимъ Учителемъ, слушая отъ Него глаголы жизни вѣчной. Приближалась минута, когда Онъ скажетъ имъ: *вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (Іоан. XV, 15). И такіе ученики, и въ такое время, не знаютъ, что говорятъ! *Не вѣста, чесо просита.*

Что же при такомъ просвѣщеніи повергло ихъ въ такое [1]) невѣдѣніе?—Желаніе быть выше другихъ, и быть почти равными

---

[1]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: въ столь мрачное...

Тому, Который превыше всего. *Даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе, сядева во славѣ Твоей.*

Не уничижимъ, братія, сихъ ближайшихъ послѣдователей Христовыхъ за то, что и они претыкались на пути своемъ, когда еще сошествіе Святаго Духа не озарило ихъ свѣтомъ незаходимымъ, и не укрѣпило силою непобѣдимою. Но видя, какъ иногда самый *свѣтъ міра* (Матѳ. V, 14) подверженъ былъ затмѣнію, самые *столпы* (Гал. II, 9) Церкви колебались, помыслимъ, какъ нужно намъ бодрствовать надъ собою, и непрестанно взывать о свѣтѣ и силѣ къ Отцу свѣтовъ и Господу силъ. *Мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X, 12).

Апостолъ Павелъ, говоря о грѣхопаденіяхъ и наказаніяхъ Евреевъ, при образованіи изъ нихъ народа Божія подъ руководствомъ Моисея, замѣчаетъ, что *сія вся образи прилучахуся онѣмъ*; *писана же быша въ наученіе наше* (1 Кор. X, 11). Подобно сему и объ искушеніяхъ первыхъ послѣдователей Христовыхъ, въ которыя влекла ихъ поврежденная въ Адамѣ природа, и въ которыя неисповѣдимый, но всегда премудрый и благій Промыслъ попускалъ имъ впадать въ то самое время, когда надлежало изъ нихъ образоваться новому народу Божію, можно сказать, что все сіе случилось съ ними, какъ образъ или примѣръ для послѣдующихъ за ними, и описано въ Евангеліи, для наставленія нашего. Такъ, приключеніе Іакова и Іоанна, которые домогались первыхъ мѣстъ предъ Апостолами, научаетъ насъ познавать и отвращать искушеніе, которое заключается *въ желаніи быть выше другихъ.*

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ слышимъ притчу: худой тотъ воинъ, который не желаетъ быть военачальникомъ. Не Соломонова это притча; не мудрость это, но мудрованіе плотское и суетное. Истинная притча говоритъ: *иже высокъ творитъ свой домъ, ищетъ сокрушенія* (Прит. XVII, 16). И еще: *не чистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Прит. XVI, 5). Съ симъ согласна притча и Того, Который болѣе Соломона: *всякъ возносяйся, смирится* (Лук. XVIII, 14).

Трудно понять, какъ не понимаютъ сихъ ясныхъ свидѣтельствъ истины мудрователи вѣка сего, которые, не преставая называться послѣдователями Христовыми, вопреки слову Христову,

желаніе вознести себя выше другихъ, однимъ словомъ, честолюбіе, полагаютъ правильною чертою благороднаго духа. Они думаютъ даже Апостола Павла поставить проповѣдникомъ честолюбія, поймавъ его изреченіе: *добрѣе мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. IX, 15). Но вслушайтесь внимательнѣе въ проповѣдь Апостола, вы, проповѣдники честолюбія, и узнайте разность между ревностію къ похвалѣ, которая одушевляетъ его, и между алчностію къ чести, которая васъ снѣдаетъ. Вы думаете исполненіемъ должности заслужить честь: онъ говоритъ, что исполненіе священнѣйшей должности, благовѣствовать небесную истину, не приноситъ ему никакой похвалы, какъ дѣло необходимой обязанности: *аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы; нужда бо ми належитъ* (1 Кор. IX, 16). Вы за каждый подвигъ желаете награды: онъ полагаетъ свою награду въ томъ, чтобы оставаться безъ награды, на которую имѣетъ право: *кая убо ми есть мзда? да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣствованіе Христово, во еже не творити ми по области моей въ благовѣствованіи* (18). Вы усиливаетесь исторгнуться изъ подчиненія, и получить свободу и власть надъ другими: а онъ, имѣя полную свободу, отрекается отъ нея, и порабощаетъ себя всѣмъ: *свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ* (19). Да умретъ, вопіете вы, или по крайней мѣрѣ, да накажется гордымъ презрѣніемъ тотъ, кто коснется нашей чести предъ человѣками, но Апостолъ говоритъ: пусть умру я, если кто уничижитъ [2]) похвалу мою предъ Богомъ; лучше мнѣ умереть, нежели потерять благоволеніе Божіе: *добрѣе мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ*. Возможно ли сію святую ревность о безкорыстномъ служеніи Богу и ближнимъ, смѣшивать съ страстію честолюбія? Спросите ваше честолюбивое сердце, каково было бы ему, еслибы заставили его почувствовать, что вы худшіе изъ людей одинакаго съ вами состоянія, что вы первые изъ всѣхъ достойны презрѣнія и осужденія? Но Апостолъ Павелъ сіе самое чувствованіе сердца непринужденно исповѣдуетъ предъ цѣлою Церковію: *азъ есмь мнѣй Апостоловъ, и недостоинъ нарещися Апостолъ, первый отъ грѣшныхъ есмь азъ* (1 Кор. XV, 9). Если

[2]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: уничтожитъ...

вамъ кажется невѣроятнымъ, чтобы столь уничижительное признаніе столь великаго изъ Святыхъ могло произойти отъ внутренняго убѣжденія: то знайте, что не иная какая причина, какъ честолюбіе же препятствуетъ вамъ вѣрить тому, что чувствуетъ духовный человѣкъ во глубинѣ своего смиренія. *Како можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. V, 44)?

Но возвратимся къ Іакову и Іоанну, и снимемъ нѣкоторыя черты, которыми ознаменовалось въ нихъ желаніе превознести себя надъ другими.

Во-первыхъ, сіе желаніе побудило ихъ къ домогательству странному и нимало несообразному съ обстоятельствами, въ которыхъ они находились. *Даждь намъ,* говорили они Іисусу Христу, *даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе, сядева во славѣ Твоей.* Но время ли было говорить сіе? Предъ симъ самымъ говорилъ имъ Іисусъ Христосъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ Архіереомъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадятъ Его языкомъ и поругаются Ему* (Марк. X, 33). И вскорѣ надлежало исполниться сему предсказанію. Какая же несообразность! Онъ идетъ на мѣсто поруганія и смерти: а они хотятъ дѣлить между собою первыя мѣста во славѣ Его. Настаетъ время подвига: а они просятъ вѣнца. Надлежало бы просить вѣры, чтобы не быть ни первыми, ни послѣдними въ оставленіи Господа своего, когда Онъ преданъ будетъ: а они предлагаютъ странное требованіе, быть ближе всѣхъ къ Тому, Котораго вскорѣ оставятъ! Не такія же ли запутанности, въ разныхъ видахъ, представляетъ и нынѣ желаніе превознести себя надъ другими? Домогаются высокаго мѣста: но не примѣчаютъ пропастей, то есть, опасностей, которыя находятся на пути къ нему, или окружаютъ оное. Иной, напримѣръ, говоритъ: дайте мнѣ сѣсть на мѣсто правосудія: но не помышляетъ, что, можетъ быть, мѣсто сіе обложено сѣтями клеветы, подкопано мздоимствомъ, что оно ждетъ не того, кто бы на немъ, какъ на престолѣ, являлъ себя въ блескѣ славы, но того, кто бы на немъ, какъ на жертвенникѣ, принесъ въ жертву справедливости свое спокойствіе, свои выгоды, а иногда благоволеніе многихъ сильныхъ, чтобы спасти одного безсильнаго. Не многіе ли стараются до-

стигнуть сего престола, тогда какъ готовы бѣжать отъ сего жертвенника? Что̀ сказать о томъ родѣ честолюбія, котораго нелѣпость чувствуютъ нѣкоторые изъ самыхъ честолюбцевъ,—о честолюбіи тѣхъ, которые стараются дойти до священнаго сѣдалища правды путемъ неправды и святокупства, достигнуть высшей степени въ обществѣ низкими средствами человѣкоугодія, лести и раболѣпства?—Не сдѣлаемъ несправедливости никому изъ честолюбивыхъ, если скажемъ всѣмъ имъ безъ исключенія то же, что сказалъ Первый и Послѣдній Своимъ искателямъ первенства: *не знаете вы, чего ищете.*

Во-вторыхъ, желаніе превозношенія обнаружило въ Іаковѣ и Іоаннѣ тотъ недостатокъ, что они не довольно вникали въ самихъ себя, въ свои способности и въ свое внутреннее состояніе. Ибо въ семъ сокровенно ихъ обличаетъ Господь, когда вопрошаетъ притчею: *можета ли пити чашу, юже Азъ пію, и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, креститися* (Марк. X, 38)? Сія чаша Христова есть та самая, о которой Онъ молился въ саду Геѳсиманскомъ: *Отче мой! аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI, 39); то есть, чаша страданія и смерти. Сіе крещеніе Христово есть крещеніе кровію, проліянною на крестѣ. Слѣдственно вопросъ, предложенный Іакову и Іоанну, вводитъ ихъ въ испытаніе самихъ себя, способны ли они участвовать въ страданіяхъ и крестѣ Христовомъ. И хотя они, совершенно или несовершенно выразумѣвъ сіе, провозгласили себя способными, что, по видимому, призналъ и Господь, когда сказалъ имъ: *чашу убо, юже Азъ пію, испіета; и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, креститася* (Марк. X, 39): но послѣдующія событія показываютъ, что Господь обѣщалъ только имъ на будущее время даръ участія въ Его страданіяхъ, что̀ и совершилось наконецъ усѣченіемъ Іакова и заточеніемъ Іоанна; въ самое же то время, когда они такъ рѣшительно утверждали, что могутъ пить чашу Христову, они весьма далеки были отъ сей возможности; ибо когда Іисусъ Христосъ предъ сею чашею стоялъ въ молитвѣ, они не могли и единаго часа пребыть съ нимъ во бдѣніи; а когда Іудеи возложили на Него руки, тогда они вмѣстѣ съ прочими, *оставльше Его, бѣжаша* (Марк. XIV, 50). Таковое незнаніе себя, и мѣры своихъ силъ и способностей, есть обыкновенный недостатокъ

людей, коими обладаетъ желаніе превозношенія. Они готовы занять всякое мѣсто, которое обѣщаетъ удовлетвореніе сему желанію: а того не знаютъ, что, можетъ быть, первый трудъ, котораго потребуетъ сіе мѣсто, приведетъ ихъ въ изнеможеніе, первая опасность обратитъ въ бѣгство. Спроси себя, ищущій того, что выше тебя, можешь ли ты пить чашу, къ которой простираешь руку? Если ты думаешь, что тебѣ надлежитъ возсѣсть у самаго кормила правленія обществомъ: то можешь ли правильно обращать сіе великое орудіе, и крѣпко удержать во время бури? Если желаешь быть именованъ мужемъ совѣта въ собраніи старѣйшинъ: то имѣешь ли въ себѣ потребную для сего званія мудрость и духъ совѣта? Если порываешься выйти изъ круга простыхъ гражданъ, и вступить въ сословіе благородныхъ мужей: то подлинно ли благородствомъ духа надѣешься ты поддержать себя на ряду съ другими, принадлежащими къ сему сословію, или одною суетною пышностію и наружнымъ блескомъ, который только обнаружитъ то, чего тебѣ недостаетъ, и, вѣроятно, истощитъ то, что имѣешь? Чѣмъ болѣе кто имѣетъ истиннаго познанія о себѣ: тѣмъ менѣе почитаетъ себя способнымъ устоять въ таковомъ испытаніи, а потому и пріемлетъ въ законъ своего поведенія правило Мудраго: *высшихъ себе не ищи* (Сир. III, 21). Напротивъ того, чѣмъ усильнѣе и дерзновеннѣе кто ищетъ того, что выше его: тѣмъ несомнительнѣе можно заключать, что онъ или не испыталъ [3]) себя, или обманулся въ семъ испытаніи, и обманетъ надежду тѣхъ, которые будутъ благопріятствовать исполненію его желанія.

Въ-третьихъ, желаніе превозношенія, воздѣйствовавъ въ Іаковѣ и Іоаннѣ, сопровождалось нарушеніемъ мира между Апостолами. *И слышавше десять, начаша негодовати о Іаковѣ и Іоаннѣ* (Марк. X, 41). Евангельская Исторія не изъясняетъ, какого рода было сіе негодованіе: огорчились ли Апостолы неблаговременнымъ стуженіемъ Учителю своему о преимуществахъ во славѣ, когда Онъ приготовлялся и приготовлялъ ихъ ко вступленію въ трудное поприще креста; оскорблялись ли несправедливостію, которая обнаруживалась въ томъ, что изъ двѣнадцати, которые равнымъ образомъ оставили все для Іису-

[3]) Въ собр. 1822 г.: не испытывалъ...

са, и пребыли съ Нимъ въ напастяхъ Его, и которымъ потому всѣмъ равно обѣщаны дванадесять престоловъ въ царствіи Его, двое хотятъ восхитить нѣкій особенный степень славы; или наконецъ и въ прочихъ десяти дѣйствовалъ тотъ же духъ превозношенія, такъ какъ нѣкоторые, по видимому, могли представить свои особенныя права на предпочтеніе прочимъ, какъ на примѣръ, другой Іаковъ то, что онъ былъ сродникъ Господень по плоти, Андрей то, что онъ первый рѣшился послѣдовать Іисусу (ибо и въ одномъ и томъ же подвигѣ важнѣе подать первый примѣръ, нежели послѣдовать примѣру другихъ), — Петръ то, что онъ первый исповѣдалъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ. Но какъ бы то ни было: довольно ясно въ наставленіе наше написано въ сей исторіи то, что между Апостолами никогда не видно было взаимнаго негодованія, доколѣ не являлось между ими желаніе первенства; но какъ скоро возникло сіе желаніе, въ слѣдъ за нимъ открылось и взаимное негодованіе. Сіе значитъ, что ближайшее порожденіе духа превозношенія и честолюбія есть духъ несогласія и раздора. Апостолъ, предрекая о послѣднихъ временахъ, между прочимъ сказуетъ, что тогда *за преумноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ* (Матѳ. XXIV, 12). Не много нужно проницанія, чтобы усмотрѣть между нами сіе печальное знаменіе: а съ симъ вмѣстѣ можно примѣчать и то, что изъ всѣхъ беззаконій, едва ли не болѣе всѣхъ, изсушается любовь гордостію и честолюбіемъ. Роскошный легко дружится съ роскошнымъ; корыстолюбивый, если не въ сообществѣ съ корыстолюбивымъ, то убѣгаетъ его: но честолюбивый честолюбиваго старается низринуть и истребить, и не оставляетъ въ мирѣ и покоѣ никого, потому что послѣдняя цѣль его есть видѣть всѣхъ подъ ногами своими.

Познаемъ, Христіане, въ страстномъ желаніи быть выше другихъ, тяжкую и опасную болѣзнь человѣческаго духа и язву общества Познавъ же сіе, пріимемъ или къ исцѣленію, или къ предохраненію нашему, и тѣ врачевства, которыми врачевалъ оную Врачь душъ и тѣлесъ въ ученикахъ Своихъ.

Іисусъ, призвавъ ихъ, глаголя имъ: вѣсте, яко мнящіися владѣти языки соодолѣваютъ имъ, и велицыи ихъ обладаютъ ими, не такоже будетъ въ васъ (Марк. X, 42 43). Первымъ врачевствомъ противъ духа превозношенія и преобладанія должна

быть мысль, что это есть духъ, свойственный язычникамъ. Это ихъ несчастіе, что они плѣняются славою человѣческою, потому что не знаютъ славы Божіей; усиливаются превознести себя на земли, потому что не имѣютъ упованія взыти на небо. Мы ли, Христіане, познавъ истинную славу, будемъ гоняться за ложною? Нѣтъ, братія! *Не тако да будетъ въ васъ.*

Но какъ же должны поступать Христіане? Божественный Наставникъ нашъ продолжаетъ: *иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга* (43). Желаешь ли превосходства и совершенства? старайся преимущественно и совершенно служить благу ближнихъ Если ты уже выше другихъ по твоему званію; тѣмъ болѣе старайся служить благу ихъ, чтобы ты не былъ ниже своего званія: но если ты и ниже другихъ; также ревностно старайся служить благу ихъ, и тогда никто здравомыслящій не скажетъ, что ты въ низкомъ состояніи; поелику и высочайшая земная власть, по понятію Христіанскому, не иное что есть, какъ *Божій слуга во благое* (Рим. XIII, 4).

Наконецъ, если, не смотря на сіе, ветхій Адамъ, нѣкогда восхотѣвшій быть яко Богъ, еще тоскуетъ въ тебѣ, когда ты умаленъ предъ человѣками, или, когда ты возвышенъ предъ нѣкоторыми изъ нихъ, вновь льститъ тебѣ мечтою, что ты можешь быть Божествомъ надъ ними: то войди во врачебницу новаго Адама, и пріими противу сей древней болѣзни вѣчноживотное врачевство. Іисусъ Христосъ предлагаетъ тебѣ во врачевство Самого Себя: *ибо Сынъ человѣчь не пріиде, да послужатъ Ему, но да послужитъ, и дастъ душу Свою избавленіе за многи* (Матѳ. XX, 28). Христіанинъ! Не ужели ты думаешь вознестись выше Христа твоего? *Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его* (Матѳ. X, 25). Но Божественный Учитель нашъ, будучи Господь всѣхъ, смиряетъ Себя и служитъ рабамъ Своимъ: кольми паче да смиримъ себя мы, и послужимъ другъ другу любовію, *честію другъ друга больша себе творяще* (Филип. II, 3). Аминь.

LII.

23. Слово

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

(Говорено въ Благовѣщенской Церкви Чудова Монастыря; напечатано въ собр. 1822, 1835, 1844 и 1848 годовъ).

Рече же Маріамъ: се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему. Лук. I, 38.

Не великія, по видимому, слова, но великое дѣло въ нихъ заключается.

И всѣ мы нерѣдко называемъ себя *рабами*, даже рабами человѣковъ, правда не всегда съ готовностію на самомъ дѣлѣ быть тѣмъ, чѣмъ себя называемъ; но иногда и самымъ дѣломъ, даже безъ нужды и обязанности, раболѣпствуемъ человѣкамъ. Трудно ли, по видимому, назвать себя *рабомъ* или *рабынею Господа*, Которому мы всѣ, по необходимости, рабы, желаемъ ли, или не желаемъ быть и называться таковыми? *Глаголомъ Его* все сотворено въ началѣ, и донынѣ, когда ни посылаетъ Онъ глаголъ Свой на землю, глаголъ сей не можетъ возвратиться къ Нему тощь. Посему не трудно, кажется, и то, чтобы на посланный отъ Него глаголъ отвѣтствовать изъявленіемъ согласія, *да будетъ по глаголу Его*, такъ какъ сіе уже должно быть непремѣнно.

Разсуждая такимъ образомъ, безъ вниманія оставили бы многіе, а, можетъ быть, нѣкоторые и оставляютъ безъ вниманія, слова Маріами: но дѣло, которое открывается въ слѣдъ за ея словами, должно пробудить все вниманіе каждаго мыслящаго. Во дни творенія міра, когда Богъ изрекалъ Свое живое и мощное: *да будетъ*, слово Творца производило въ міръ твари: но въ сей безпримѣрный въ бытіи міра день, когда Божественная Маріамъ изрекла свое кроткое и послушное *буди*,—едва дерзаю

выговорить, что̀ тогда содѣлалось,—слово твари низводитъ въ міръ Творца. И здѣсь Богъ изрекаетъ Свое слово: *зачнеши во чревѣ и родиши Сына* (Лук. I, 31);—*Сей будетъ великъ* (32);—*воцарится въ дому Іаковли во вѣки* (33): но,—что опять дивно и непостижимо,—самое слово Божіе медлитъ дѣйствовать, удерживаясь словомъ Маріи: *како будетъ сіе* (34)? Потребно было Ея смиренное: *буди*, чтобы воздѣйствовало Божіе величественное. *да будетъ*. Что жъ за сокровенная сила заключается въ сихъ простыхъ словахъ. *се раба Господня*: *буди Мнѣ по глаголу Твоему*, и производитъ столь необычайное дѣйствіе?—Сія чудная сила есть чистѣйшая и совершенная *преданность* Маріами Богу, волею, мыслію, душею, всѣмъ существомъ, всякою способностію, всякимъ дѣйствіемъ, всякою надеждою и ожиданіемъ.

Христіане! О если бы каждый изъ насъ, хотя помалу пріобщился сей Богодѣйственной силы, молитвами Преблагословенныя Дѣвы! Се раби Господни, и раби Твои, Мати Господня! Буди намъ по образу Твоему!

Да будетъ, братія, примѣръ Пресвятыя Дѣвы наставникомъ нашимъ въ *истинной Богу преданности*.

Преданность Богу есть такое расположеніе духа, по которому человѣкъ всего себя, все, что ему принадлежитъ, все, что съ нимъ случиться можетъ, предоставляетъ волѣ и провидѣнію Божію, такъ что самъ остается только стражемъ своей души и тѣла, какъ стяжанія Божія [1]). Къ сему расположенію приготовляетъ человѣка внимательное наблюденіе надъ собственными усиліями сдѣлать себя совершеннымъ и благополучнымъ. Желаетъ онъ сдѣлаться мудрымъ; образуетъ свои способности; напрягаетъ силы ума; подкрѣпляетъ себя силами другихъ избранныхъ умовъ; составляетъ себѣ образъ вѣдѣнія: что же? Между тѣмъ, какъ онъ старается уяснять для себя въ семъ образѣ одну черту, другая въ немъ затмѣвается, пресѣкается, исчезаетъ: по той мѣрѣ, какъ расширяетъ кругъ своихъ познаній, за чертою знаемаго еще обширнѣе открывается область недовѣдомаго; истина, давно признанная за достовѣрную, приводится въ

[1]) Въ собр 1822 и 1835 гг. далѣе слѣдуетъ: только орудіемъ собственныхъ дѣйствій, только свидѣтелемъ собственныхъ приключеній.

сомнѣніе вновь открытою истиною; конецъ самодѣятельныхъ изысканій, по признанію безпристрастнѣйшаго изъ древнихъ мудрецовъ, есть открытіе того, что человѣкъ самъ собою ничего не знаетъ. Желаетъ онъ сдѣлаться добрымъ; старается познать законъ справедливости; возбуждаетъ сердце свое къ добродѣтельнымъ чувствованіямъ; предпріемлетъ добрыя дѣла: что же и здѣсь? Опытъ доказываетъ, что желаніе быть добрымъ нерѣдко бываетъ слабѣе страсти, влекущей къ пороку, и ею побѣждается; что познанный законъ предлагаетъ добро, но не даетъ силы творить оное; что добродѣтельныя чувствованія, изъ жестокаго сердца, какъ огонь изъ кремня, высѣкаются съ трудомъ, а легко угасаютъ, въ мягкомъ же сердцѣ, хотя и скоро возгараются, какъ огонь во льну, но такъ же тлятся слабо и не долго; что дѣла, внѣшнею своею стороною добрыя, со внутренней стороны своей часто бываютъ осквернены нечистыми побужденіями: своекорыстіемъ, самоуслажденіемъ, тщеславіемъ; что природа человѣческая, какъ принужденъ былъ признать въ новѣйшія времена одинъ изъ самыхъ ревностныхъ почитателей, такъ называемаго, нравственнаго разума, изъ самаго корня своего зло производитъ. По таковымъ опытамъ, что могутъ обѣщать и усилія сдѣлать себя благополучнымъ? — Гдѣ недостаетъ истиннаго блага: тамъ истинное благо получіе конечно невозможно. Правильное слѣдствіе сихъ опытовъ, тщательно и безпристрастно наблюдаемыхъ, должно быть то, что человѣкъ потеряетъ надежду на самого себя, и, если не хочетъ погибнуть,—поелику внѣ дѣйствительнаго благополучія, и внѣ надежды, ничего не льзя найти, кромѣ погибели,—какъ бы по необходимости вознесетъ желаніе и надежду свою къ Богу, и, еще не предвидя, и не предчувствуя, какимъ образомъ она можетъ совершиться, предастъ себя Ему, какъ разстроенную собственность, которою владѣтель располагать не у мѣетъ.

Начавъ предаваться Богу, человѣкъ встрѣчаетъ другіе опыты, совсѣмъ противоположные тѣмъ, которые имѣлъ онъ, управляя самъ собою. Прежде собственныя усилія познать истину едва производили въ немъ слабый, кратковременный свѣтъ, оставлявшій по себѣ сугубую тьму: теперь изъ самой тьмы, въ которой онъ повергается предъ Отцемъ свѣтовъ, раждается для него

внезапный свѣтъ: а если остается [2]) онъ иногда и во тьмѣ, то и въ ней познаетъ непостижимую близость Того, Который есть Свѣтъ превыше свѣта. Прежде усилія дѣлать добро или совсѣмъ подавляемы были въ немъ злыми склонностями, или производили несовершенное дѣйствіе: теперь, когда онъ положилъ сердце свое въ силу Божію, въ самой немощи его начинаетъ совершаться сила Божія, разрушающая зло и созидающая благо. Прежде наилучше обдуманныя предначертанія его къ устроенію своего благополучія или не исполнялись, или въ самомъ исполненіи оказывались неудовлетворительными: теперь онъ не дѣлаетъ никакихъ собственныхъ предначертаній, но со дня на день болѣе усматриваетъ великій чертежъ Провидѣнія, по которому, не смотря ни на какія препятствія,—кромѣ одного препятствія, которое полагало прежде его упорство и невѣріе,—постепенно устрояется его спасеніе. Прежде успѣхи надмѣвали его, неудачи повергали въ уныніе, прошедшее терзало раскаяніемъ, настоящее озабочивало, будущее устрашало: теперь и благопріятныя событія пріемлетъ онъ съ чистою радостію, потому что видитъ въ нихъ милость и даръ Божій, и неблагопріятныя съ надеждою, потому что усматриваетъ въ нихъ обличеніе своего недостоинства, наставленіе къ смиренію, очищеніе и приготовленіе къ лучшему; раскаяніе не есть уже огнь, пожирающій душу его, но тихій дождь, ее орошающій, потому что онъ погрузилъ грѣхи свои въ кровь и воду, истекшую изъ ребра Спасителева; нѣтъ для таковаго человѣка слишкомъ тяжкой [3]) заботы, потому что онъ всю печаль свою возвергъ на Господа; нѣтъ страха, потому что онъ живетъ подъ кровомъ Всемогущаго; прошедшее для него не потеряно, настоящее безопасно, будущее вѣрно,—въ рукахъ Вѣчнаго. Прежде въ самыхъ дѣлахъ благоугожденія Богу, онъ суетился, подобно изображенной въ Евангеліи Маѳѣ, и производилъ много молвы, не пріобрѣтая тѣмъ совершеннаго благоволенія Божія: теперь, подобно Маріи, безмолвенъ и недвижимъ, пребываетъ онъ у ногъ своего Спасителя, и, съ минуты на минуту наполняясь жизнію слова Его, во глубинѣ души своей обрѣтаетъ свидѣтельство, что онъ *избралъ*

[2]) Въ собр. 1822, 1835 и 1844 гг · оставляется....
[3]) Въ собр. 1822 и 1835 гг. этихъ словъ нѣтъ.

*

благую часть, которая не будетъ отнята у него (Лук. X, 42). Такимъ образомъ преданность Богу, зачатая отъ убѣжденія ума, перераждается въ живое чувство сердца; вынужденная, такъ сказать, уступка того, чего не умѣли сберечь, превращается въ свободное даяніе того, что симъ единственно способомъ надѣются сохранить; человѣкъ повергаетъ себя невозвратно, какъ убогую ленту, въ сокровищницу Божества, не мечтая увеличить ею сокровище Божіе, но вѣруя и уповая, что тамъ она не будетъ потеряна, и, сколь ни малоцѣнна, употреблена будетъ, вмѣстѣ съ безчисленными талантами, на созиданіе живаго храма живому Богу.

Говорятъ, что это значитъ сложить навсегда руки, сѣсть, и ожидать своего спасенія. Совсѣмъ нѣтъ! Если кто въ самомъ дѣлѣ такое составилъ себѣ понятіе о преданности Богу, и поступаетъ по сему понятію: тотъ въ заблужденіи; онъ предается не Богу, но лѣности. Человѣкъ, не преданный Богу, не тѣмъ отличается, что онъ дѣйствуетъ, но тѣмъ, что дѣйствуетъ по собственной волѣ, полагаясь на собственный разумъ; подобно и преданный Богу не тѣмъ отличается, что не дѣйствуетъ, но тѣмъ, что не дѣйствуетъ по собственной волѣ и разуму. Какъ не преданный Богу можетъ быть въ бездѣйствіи: такъ напротивъ и преданность Богу не исключаетъ дѣйствованія, —дѣйствованія по волѣ Божіей и по Духу Божію. Положить талантъ свой въ землю, безъ сомнѣнія, не то, что положить его въ руку торжника [4]). Ты отдалъ сокровище свое въ искусныя и вѣрныя руки; ты себя обезпечилъ: но сверхъ того можешь сему самому торжнику предоставить и свои руки, дабы онъ употребилъ ихъ по своему искусству къ совершенію своихъ оборотовъ; и тогда получишь сугубое пріобрѣтеніе. Такъ желающій стяжать душу свою, предаетъ сіе сокровище Искупителю душъ, и успокоевается въ Немъ вѣрою, надеждою и любовію: но въ тоже время сему всеобщему Стяжателю всѣ свои способности и силы представляетъ въ дѣятельныя орудія къ совершенію великаго оборота, чрезъ который цѣною земнаго, тлѣннаго, ничтожнаго должно быть пріобрѣтено небесное, нетлѣнное, Божественное.

---

[4]) По Еврейн. сборн.: искуснаго торжника.

Если послѣ сего найдетъ еще кто нужнымъ спросить, почему собственно для усовершенія и облаженствованія человѣка требуется преданность Богу? вотъ отвѣтъ:—по тому, что человѣкъ потерялъ совершенство и блаженство, похитивъ себя у Бога, Который не только, по всеобщему праву Вседержителя, обладалъ имъ, но и особенно усвоилъ его Себѣ, положивъ на немъ Свою печать,—Свой образъ. Собственная воля твари отторгла третію часть неба, и зажгла въ ней адъ; собственная воля заразила природу человѣческую грѣхомъ и смертію, и весь міръ проклятіемъ; и дотолѣ не престанетъ производить всѣ виды зла, доколѣ не будетъ всецѣло предана Богу, Который единъ силенъ вновь проникнуть ее благословеніемъ, жизнію, святынею и блаженствомъ небеснымъ.

Посему слово Божіе часто напоминаетъ намъ о сей преданности, въ отношеніи ко внутреннему и внѣшнему, ко временному и вѣчному. *Открый ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворитъ* (Псал. XXXVI, 5). *Приближи ко Господу дѣла твоя, и утвердятся помышленія твоя* (Притч. XVI, 3). *Смиритеся подъ крѣпкую руку Божію, да вы возноситъ во время, всю печаль вашу возверше нань, яко Той печется о васъ* (1 Петр. V, 6. 7). *Отче нашъ! Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Матѳ. VI, 9. 10).

Все великое, что представляетъ намъ слово Божіе, совершилось великою преданностію Богу.

Кто не знаетъ Авраама и его великой жертвы? Какъ возмогъ онъ поднять смертоносную руку на сына, о которомъ получилъ потомственныя обѣтованія? Какъ не усомнился онъ? Какъ не сказалъ Богу: не Ты ли, Господи, обѣщалъ, что *во Исаакѣ наречется* мнѣ *сѣмя* (Быт. XXI, 12)? Гдѣ же будетъ сіе сѣмя, когда отрокъ Исаакъ сгоритъ на жертвенникѣ? Патріархъ не имѣлъ въ сіе время ни помышленія, ни желанія, ни дѣйствія собственнаго; все предалъ онъ Богу, *паче упованія во упованіе вѣруя* (Рим. IV, 18); и такимъ образомъ и вожделѣнную жертву принесъ, и вожделѣннаго сына не лишился, и благословеніе надъ собою усугубилъ. *Воистинну*, сказано ему, *благословляя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое,—и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII, 17. 18). Такимъ образомъ преданность есть лучшая Богу жертва и вѣрнѣйшій залогъ Его благословеній.

Кто не слыхалъ о Іовѣ, котораго добродѣтель проповѣдывалъ Самъ Богъ предъ собраніемъ небесныхъ силъ? Но въ чемъ состоитъ сила его добродѣтели, если не въ преданности Богу. Котораго непостижимымъ судьбамъ съ благодарностію предалъ онъ себя, и дѣтей, и богатство, и здравіе, и чрезъ то содѣлалъ ничтожными всѣ усилія врага добродѣтели и блаженства человѣческаго? *Господь даде, Господь отъятъ: буди имя Господне благословено* (Іов. I, 21). Такая преданность Богу есть безопасная ограда отъ всѣхъ искушеній

Посмотрите и на Моисея въ ужасную минуту, когда предъ нимъ море, а за нимъ войско Египетское. Народъ вопіетъ къ Богу; ропщетъ на вождя: но что вождь? Онъ не приготовляетъ народъ къ брани, не ищетъ пути къ бѣгству, не воздвигаетъ чудодѣйственнаго жезла, не произноситъ даже ни одного молитвеннаго слова къ Богу. Что сіе значитъ?—Онъ предался Богу, и вводитъ народъ въ сію преданность: *Господь поборетъ по васъ, вы же умолкните* (Исх. XIV, 14). Все умолкло: но молчаніе сіе громко раздалось на небесахъ, и подвигло чудодѣйственную силу Божію. *И рече Господь къ Моисею: что вопіеши ко Мнѣ? рцы сыномъ Израилевымъ, и да путешествуютъ;—и да внидутъ сынове Израилевы посредъ моря по суху* (Исх. XIV, 15. 16). Здѣсь видно, что преданность Богу есть самая крѣпкая и дѣйственная молитва.

Но,—чтобы вкратцѣ сказать все для Христіанина, — чѣмъ начинается высочайшее дѣло Христово?—Преданностію Сына Божія волѣ Бога Отца Своего. *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Псал. XXXIX, 9), глаголетъ Онъ, нисходя къ воплощенію. Чѣмъ оканчивается сіе дѣло?—Тою же преданностію. *Не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI, 39). *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* (Лук. XXIII, 46). Итакъ преданность Богу есть и начало, и совершеніе Христіанства и вѣчнаго спасенія.

Заключимъ сіе ученіе увѣщаніемъ, которымъ Церковь заключаетъ большую часть молитвенныхъ провозглашеній, дабы непрестанно питать въ насъ духъ преданности, которымъ дышетъ и живетъ истинное Христіанство: *пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и приснодѣву Марію со всѣми Святыми помянувше, сами себе, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ.* Аминь.

LIII.

24. Слово

въ день Святыя Пасхи.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ апрѣля 2-го дня; напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

Христосъ воскресе!

Сколь ни много уже разъ повторяли мы нынѣ, но и еще не утомляемся повторять, уповаемъ же, что и вы не утомляетесь такъ часто слышать одно и тоже слово: *Христосъ воскресе!*

Какое чудесное слово! Какъ измѣняется отъ него видъ всего, что существуетъ!

До сихъ поръ многіе изъ человѣковъ знали только землю, на которой они являются на краткое время, и вскорѣ скрываются, неизвѣстно, куда; иные нѣчто еще слыхали объ адѣ, какъ о пропасти, которая всѣхъ угрожаетъ поглотить, и никого не отдаетъ обратно; не многіе помышляли о небѣ, какъ о такомъ горнемъ жилищѣ, къ которому лѣствицу только во снѣ видѣлъ нѣкто, и только такую, по коей видны были восходящіе [1]) Ангелы Божіи, а человѣковъ не примѣчено.

Теперь, когда *Христосъ воскресе*, чѣмъ оказывается земля?— Она есть разсадникъ для неба; кратковременная и разрушеніемъ оканчивающаяся жизнь человѣка въ тѣлѣ,—скажемъ словами то, что наблюдаемый между нами при взаимномъ изъявленіи радости воскресенія обрядъ выражаетъ вещію,—жизнь человѣка въ тѣлѣ есть начинающаяся жизнь птенца въ яицѣ, которому, по сокрушеніи скорлупы, открывается высшій и обширнѣйшій кругъ жизни; надобно только, чтобы зародышъ птенца объятъ, проникнутъ и возбужденъ былъ теплотою крови матерней; то есть, надобно, чтобы зародышъ небесной жизни въ человѣкѣ

[1]) По Еврейн. сборн.: восходящіе и нисходящіе....

объятъ, приникнутъ и возбужденъ былъ животворящею силою крови Христовой.

Теперь, когда *Христосъ воскресе*, и когда Ему, яко Богочеловѣку, *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Мато. XXVIII, 18), не только небо сдѣлалось досязаемымъ, но даже соединилось съ землею такъ, что трудно найти между ними предѣлъ и различіе; ибо и на земли является Божество, и на небеси человѣчество; Ангелы, которыхъ Іаковъ видѣлъ восходящихъ и нисходящихъ по лѣствицѣ небесной, теперь сонмами ходятъ по земли, какъ вѣстники Сына человѣческаго, Который владычествуетъ на небеси.

Что и адъ послѣ того, какъ, по сошествіи во адъ, *Христосъ воскресе*? Крѣпость, въ которую подъ видомъ плѣнника вошелъ побѣдитель; темница, у которой врата сокрушены, и стражи разсѣяны; вотъ подлинно, по изображенію Христову, чудовище, которое поглотило сверженнаго съ корабля Пророка; но, вмѣсто того, чтобы пожрать и истребить его, сдѣлалось для него другимъ, хотя не столь покойнымъ, кораблемъ, чтобы вынести его на брегъ жизни и безопасности. Теперь становится понятнымъ, какъ надѣялся нѣкто чрезъ самый адъ пройти безопасно: *аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. XXII, 4),—Ты, Который для насъ сшелъ съ неба [2]), подобно намъ, ходилъ по земли, и, подобно намъ, низшелъ въ сѣнь смертную, дабы и оттолѣ проложить Твоимъ послѣдователямъ путь во свѣтъ жизни.

Наконецъ, и насъ самихъ не иными ли уже, противу прежняго, содѣлало воскресеніе Христово?—Повѣримъ одному изъ вѣрныхъ свидѣтелей воскресенія Христова, что и насъ оно переродило, если не самымъ дѣйствіемъ, по крайней мѣрѣ, надеждою. *Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа*, восклицаетъ Апостолъ Петръ, *Иже по многьй Своей милости порождей насъ во упованіе живо воскресеніемъ Іисусъ Христовымъ отъ мертвыхъ* (1 Петр. I, 3)!

Но, если мы порождены воскресеніемъ Христовымъ только еще *во упованіе*; а за нашимъ упованіемъ слѣдуетъ упованіе и всея твари, *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ* (Рим.

---

[2]) Въ собр. 1822, 1835 и 1848 гг.: оставя небо,...

VIII, 19): то всѣ чудеса, которыя произвело воскресеніе Христово, суть только еще начатки дальнѣйшихъ чудесъ, которыя оно будетъ открывать въ продолженіи, особенно въ концѣ временъ, и даже въ безконечной вѣчности

По симъ неистощимымъ чудесамъ совершившимся, и долженствующимъ совершиться [3]), воскресеніе Христово есть для насъ источникъ размышленія, созерцанія, удивленія, радости, благодарности, надежды, всегда полный, всегда новый, сколь ни давно, сколь ни часто изъ него почерпаемъ; оно есть вѣчная новость. И по сему-то, сколь ни увѣрены мы другъ о другѣ, что каждому изъ насъ извѣстно воскресеніе Христово, еще однако желаемъ тысящекратно возвѣщать другъ другу, какъ неслыханную вѣсть, яко *Христосъ воскресе*; сколь ни удостовѣрены въ истинѣ сего событія, засвидѣтельствованнаго очевидцами Воскресшаго, доказаннаго знаменіями и чудесами, не оспоримаго врагами Христіанства, еще однако жаждемъ слышать подтвержденіе. яко *воистинну воскресе Христосъ*.

Если слово есть пища, по реченному, яко *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, живъ будетъ человѣкъ* (Втор. VIII, 3): то слово о воскресеніи Христовомъ, подобно маннѣ, какъ изображаетъ ее Премудрый, есть *хлѣбъ всякое услажденіе въ себѣ имѣющій, и ко всякому сличный вкушенію* (Прем. XVI, 20). Изпуренъ ли ты грѣхомъ, и алчешь правды? Пріиди, насыщайся: *Христосъ воскресе, Иже преданъ бысть за беззаконія наша, и воста за оправданіе наше* (Рим. IV, 25). Утомленъ ли ты безотраднымъ игомъ закона, и желаешь прейти отъ сего рабства въ благодатную свободу? Приступи, вкуси пасху, тобою желаемую: *ибо пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ* (1 Кор. V, 7); *свободою убо, еюже свободи насъ Христосъ, стойте, и не паки подъ игомъ работы держитеся* (Гал. V, 1). Недугуешь ли ты страхомъ смерти? Пріими врачевство противъ сей болѣзни: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV, 20). Изнемогаешь ли во брани противу враговъ твоего спасенія? *Вкуси добраго глагола* воскресенія, и въ немъ побѣдоносъ-

---

[3]) Въ собр. 1822 и 1835 гг: совершившимся, совершающимся и долженствующимъ совершиться,...

ной *силы грядущаго вѣка*; *воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его* (Псал. LXXVII, 2)! Прельщаетъ ли тебя ложный вкусъ душевный, и побуждаетъ искать пищи желаніямъ въ тлѣнныхъ и суетныхъ вещахъ міра? Исправь оный причастіемъ силы воскресенія: *аще воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя* (Кол. III, 1). Или уже и *возжадала душа твоя къ Богу крѣпкому, живому*, и томится желаніемъ, *когда пріидешь и явишься лицу Его* (Псал. XLI, 3)? Живое упованіе воскресенія и утолитъ томленіе сея жажды, и сохранитъ самую жажду, яко здравую и спасительную, представляя уму, что *егда Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Кол. III. 4).

Видишь, Христіанинъ, какое обиліе, какое разнообразіе духовной пищи представляетъ намъ Пасха наша, воскресшій Христосъ. Питается ли теперь ею душа твоя? Дѣйствительно ли *вкушаешь* ты, *яко благъ Господь?* Ощущаешь ли въ себѣ внутренно силу воскресенія Христова, разрѣшающую отъ грѣховъ, и отъ проклятія за нихъ, низлагающую страсти и похоти ветхаго человѣка, созидающую въ тебѣ сердце чистое, и духъ правый обновляющую во утробѣ твоей, подкрѣпляющую тебя въ вѣрѣ и надеждѣ, воспламеняющую любовію къ Жизнодавцу? Или при самой трапезѣ Господней ты гладенъ и жаждущъ, и душа твоя не услаждена и пуста?—Впрочемъ, не хотимъ чрезъ сіе испытаніе привести тебя въ смущеніе и унынie. Нѣтъ! Хотя печаль, яже по Бозѣ, спасительна: но теперь не время печали, а радости, которая также можетъ имѣть свое спасительное дѣйствіе: *ибо радость Господня, сія есть сила наша* (Неем. VIII, 10). И такъ, вкусилъ ли ты благости Воскресшаго? *Да возрадуется душа твоя о Господѣ* (Псал. XXXIV, 9), и сія радость да подвигнетъ тебя къ тѣснѣйшему съ Нимъ соединенію. Не вкусилъ ли еще ты благости Его? Все однако возрадуйся, что Онъ не отлучаетъ тебя отъ сего вкушенія, но и призываетъ къ сему, дая тебѣ слышать благовѣстіе Своего воскресенія, и быть между собравшимися во имя Воскресшаго, гдѣ по обѣтованію Своему и *Онъ посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 20). Если чувствуешь себя и недостойнымъ радости: возрадуйся о той дивной благости, которая и недостойнаго не отчуждаетъ отъ участія въ радости. Радость же о воскресеніи Господа нашего да введетъ во всѣхъ насъ и силу воскре-

сенія Его живоносную и спасительную. *Пбо радость Господня, сія есть сила наша.* Аминь.

LIV.

25. Слово

при освященіи храма Живоначальныя Троицы, созданнаго тщаніемъ княгини Евдокіи Николаевны Мещерской, и при открытіи основаннаго ею, Высочайше утвержденнаго Борисоглѣбскаго женскаго общежитія.

(Говорено мая 4 дня, напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы. 1 Кор. III, 17.

Слава Богу *дивному во святилищѣ Своемъ*! Еще мѣсто содѣлалось Святымъ и Божіимъ; еще отверзлось небо на земли; еще дано прибѣжище молитвамъ; еще явился престолъ Благодати.

Нѣкогда во всей вселенной былъ одинъ только храмъ истиннаго Бога; и былъ нѣкто, который восхищался отъ одной мысли, что онъ можетъ идти въ домъ Господень: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. CXXI, 1). Какъ не радоваться теперь, когда, такъ сказать, домъ Божій приходитъ къ намъ изъ невидимаго вездѣсущія Божія, чтобы намъ ближе было приступать къ Богу?

Давидъ, возжелавъ создать храмъ Богу, клялся не имѣть покоя, доколѣ не найдетъ мѣста угоднаго Богу: *клятся Господеви, обѣщася Богу Іаковлю: аще дамъ очима моима сонъ, и вѣждома моима дреманіе, и покой скраніама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви* (Псал. CXXXI, 2. 4. 5); а до самого созданія храма и дожить ему не суждено было. Какъ пріятно сердцу, которому не только желаніе создать храмъ Богу, но и совершеніе сего желанія даровано,—какъ пріятно предъ Богомъ сердца успокоиться въ любви и благодарности!

Есть нынѣ здѣсь и еще радость. Вмѣстѣ съ обновленіемъ сего дома Божія, обновляется близъ его домъ Богоугоднаго жительства; такъ что радость благочестія получаетъ новое пространство, соединяясь съ радостію человѣколюбія, и радость человѣколюбія пріемлетъ освященіе отъ радости благочестія. Знаменіе во благо сотворилъ Богъ, устроивъ сіе такимъ образомъ: благо убогимъ, когда они видятъ себя у Бога.

Соединимъ каждый свою радость въ общее славословіе. Благословенъ, дающій благія желанія, укрѣпляющій въ намѣреніяхъ, устрояющій исполненіе! Благословенъ *Богъ, приближающійся* къ намъ Своею благодатію, когда мы не могли бы приближиться къ Нему по нашей немощи и недостоинству! Благословенъ *Отецъ сирыхъ и Судія вдовицъ, Богъ во святомъ Своемъ жилищи* (Псал. LXVII, 6. 7), Который *вселяетъ единокихъ въ домъ*, Который, даруя пришельцамъ обитель, ищетъ въ нихъ обители Себѣ Самому!

Впрочемъ, сколь ни чистъ источникъ нашей радости предъ Богомъ, намъ заповѣдано и *радоваться* Господу *съ трепетомъ* (Псал. II, 11). И естественная осторожность побуждаетъ, съ радостію о желанномъ пріобрѣтеніи соединять заботу о томъ, какъ беречь и какъ употреблять пріобрѣтенное. И отъ Апостола слышимъ грозное слово на того, кто не сохранитъ столь драгоцѣннаго пріобрѣтенія, какъ храмъ Божій: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ.*

И такъ великое вниманіе потребно на то, чтобы пользоваться храмомъ Божіимъ, и не повреждать его.

Обыкновенно потолику бережемъ вещь, поколику знаемъ ея достоинство. Посему Апостолъ, убѣждая не разорять храма Божія, указываетъ на его достоинство, которое называетъ святостію: *храмъ бо Божій святъ есть* (Псал. LXIV, 5).

Мысль о святости храма Божія онъ находитъ столь очевидною, что для удостовѣренія въ ней не присовокупляетъ ничего, а самую сію мысль полагаетъ въ основаніе удостовѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, что храмъ Божій долженъ быть святъ, сіе столь же свойственно думать, какъ то, что день долженъ быть свѣтелъ. День безъ свѣта не былъ бы днемъ: храмъ безъ святости не былъ бы храмомъ, но или простымъ домомъ, или даже капищемъ.

Но что такое свѣтъ дня? Что такое святость храма?—Здѣсь подъ очевидностію скрывается тайна, которой иные не проникаютъ, и либо въ невѣдѣніи остаются, либо уклоняются во мнѣнія погрѣшительныя, и даже иногда, какъ говоритъ Апостолъ, *елика не вѣдятъ, хулятъ* (Іуд. 10). Нѣкоторые, на примѣръ, особенную святость храма полагаютъ въ древности его, или находящихся въ немъ священныхъ вещей. Почтенна древность, и мысль о ней величественна; въ ней созерцаемъ мы образъ вѣчности, которая сама въ себѣ превышаетъ наше созерцаніе: почему и Самъ Богъ въ видѣніи Пророческомъ является въ образѣ, и нарицается именемъ *Ветхаго деньми* (Дан. VII, 9) Однако мысль о святости храма отнюдь не должна быть смѣшиваема съ мыслію о древности. Храмъ Соломоновъ былъ новъ, когда Богъ явился Соломону [1]), и сказалъ: *освятихъ храмъ сей, егоже создалъ еси* (3 Цар. IX, 3): храмъ сей былъ древенъ, когда сей же Богъ предалъ его язычникамъ на осквернение и разрушение. Горница Іерусалимская содѣлалась первымъ новымъ храмомъ Христіанскимъ, по вознесеніи Господнемъ: но когда въ ней получили Апостолы изліяніе Святаго Духа, тогда, безъ сомнѣнія, она имѣла въ себѣ несравненно болѣе святости, нежели древній въ то время храмъ Іерусалимскій.

Чтобы взойти къ истинному и общему началу святости, принадлежащей храму Божію, должно вспомнить, что первый создатель святаго храма (который названъ тогда скиніею, поелику былъ устроенъ по подобію шатра, такъ какъ и народъ Божій въ то время обиталъ въ шатрахъ, странствуя въ пустыни),—что создатель сего храма былъ Самъ Богъ; что чертежъ сего перваго храма принесенъ былъ съ небесъ, какъ заповѣдано Моисею: *виждь, да сотвориши по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исх. XXVII, 8); что по сему же самому образу, только съ новымъ великолѣпіемъ, созданъ послѣ храмъ Соломоновъ; что наконецъ послѣ того, какъ съ Христіанствомъ открылось, представленное прежде въ чувственныхъ видахъ, поклоненіе Богу духомъ и истиною, храмъ Христіанскій содержитъ ту же святыню въ духѣ и силѣ, которая въ храмѣ Моисеевомъ или Соломоновомъ представлена была въ образѣ и явленіи. Что

[1]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: ему...

же было источникомъ святыни въ храмѣ Моисеевомъ и Соломоновомъ?—Омовеніе и помазаніе, употребительныя и въ древности, какъ нынѣ составляли[2]) только приготовительное освященіе; самая Святыня ознаменовывалась тогда, когда чудесный облакъ осѣнялъ скинію или храмъ; когда небесный огнь нисходилъ на жертвы, словомъ, когда являлось присутствіе Всемогущаго Бога. Такъ святыню храма изъясняетъ Соломону Самъ Богъ: *освятихъ храмъ сей, егоже создалъ еси.*—Но какъ, Господи?—*Еже положити имя Мое тамо во вѣки, и будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX, 3). Посему и нынѣ въ совершительномъ дѣйствіи освященія возвѣщается присутствіе Божіе, когда возглашается вратамъ, чтобы онѣ *возвысили верхи свои, да внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII, 7).

И такъ глубокое основаніе святости храма Божія есть присутствіе Божіе во храмѣ, таинственное и непостижимое, но тѣмъ не менѣе истинное и дѣйствительное. *Господь* Самъ *во храмѣ святѣмъ Своемъ* (Псал. X, 4).

Напрасно люди, которые думаютъ мудрствовать выше, нежели учитъ премудрость Божія, говорятъ, что имъ не нужно искать присутствія Божія во храмѣ, потому что они познали вездѣсущіе Божіе. Что вы говорите? Развѣ Богъ не знаетъ Своего вездѣсущія? Не сказалъ ли Онъ чрезъ Пророка: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ; кій домъ созиждете Ми, и кое мѣсто покоища Моего* (Иса. LXVI, 1)? Не ужели Онъ забылъ о семъ вездѣсущіи Своемъ, когда Самъ сказалъ Соломону о храмѣ: *будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни!* Конечно никакое особенное мѣсто не нужно для вездѣсущія Божія: но для ограниченности человѣческой нужно, по крайней мѣрѣ до нѣкотораго степени усовершенія, имѣть извѣстный предѣлъ, гдѣ бы совершалось прикосновеніе къ безпредѣльному. Знаемъ и мы, что будетъ нѣкогда *святый градъ*, въ которомъ не *видно будетъ храма*; *Господь бо Богъ Вседержитель храмъ ему есть* (Апок. XXI, 22). Но градъ сей долженъ *снити отъ Бога съ небеси* (10): не созиждетъ его надменное мудрованіе человѣческое, которое мнимымъ познаніемъ вездѣсущія Божія хочетъ разрушить храмъ Божій; ничего не созиждетъ оно, кромѣ Вавилона.

---

[2]) Въ собр. 1835 и 1844 гг.: составили...

Можетъ быть, найдутся и такіе, которые скажутъ: какъ найдемъ мы во храмѣ присутствіе Божіе, когда оно уже не является ни въ облакѣ осѣняющемъ, ни въ огнѣ сходящемъ съ неба? Таковымъ отвѣтствуемъ на сіе словомъ Христовымъ: *аще знаменій и чудесъ не видите, не имате вѣровати* (Іоан. IV, 48)! Какъ-бы такъ сказалъ Онъ: бѣдные маловѣры! Вы все требуете, чтобы вѣра ваша питаема была непрерывными видимыми чудесами, подобно какъ слабыя растенія сохраняютъ искуственною теплотою, вмѣсто естественной солнечной —Теперь уже не зима, или хладная древняя ночь; теперь лѣто Господне пріятно, и ясный день спасенія. Не то уже время, когда надлежало слабое растеніе вѣры сохранять и живить силою внѣшнихъ чудесъ, время уже вѣрѣ вашей, живой во Іисусѣ Христѣ, безъ внѣшнихъ подпоръ укрѣпляться, и самой производить чудесные плоды. Вѣруйте, не требуя видимыхъ чудесъ, и вы увидите несравненно высшей степени чудеса невидимыя. На что вамъ Синайскіе громы, когда вы слышите здѣсь въ Евангеліи живое слово живаго Бога? На что вамъ облакъ осѣняющій, въ которомъ древніе, какъ говоритъ Апостолъ, *крестились въ Моисея* (1 Кор. X, 2), когда здѣсь имѣете вы крещеніе, облекающее васъ во Христа, и осѣненіе отъ Духа Святаго? На что вамъ огнь, ниспадающій съ неба и поядающій кровавыя жертвы, когда здѣсь есть Божественный огнь, нисходящій на безкровную жертву, и ее, не разрушая, превращающій въ Божественную плоть и кровь, въ пищу жизни вѣчной? Найдите только здѣсь хотя одну общую молитву вѣрныхъ; и тогда вы нашли здѣсь истинное[3]) присутствіе Божественнаго Спасителя, по Его непреложному обѣщанію: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь и Азъ посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 20). Вѣруйте присутствію Его: и тогда, если нужно будетъ, Онъ покажетъ вамъ Свое присутствіе и видѣніемъ, какъ показалъ многоразлично многимъ, начиная отъ посѣщенія Апостольской храмины, дверемъ затворенным. Но безъ нужды не домогайтесь видѣнія: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX, 29).

Христіане! Въ какой бы то ни было сокровенности, только, если мы имѣемъ во храмѣ такое сокровище, какого драгоцѣн-

---

[3]) Въ собр 1822 и 1835 гг.. истинное, существенное...

нѣе и небеса не имѣютъ, то есть, святое и благодатное присутствіе Божіе: то съ какимъ вниманіемъ, съ какимъ благоговѣйнымъ страхомъ должны мы здѣсь обращаться, чтобы оное не было у насъ отнято, чтобы не было сказано и намъ, какъ нѣкогда сказано поклонникамъ дома Божія въ Іерусалимѣ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Лук. XIII, 35)!

Вы стоите здѣсь предъ Богомъ: точно ли стоите вы непоколебимо въ Его присутствіи, не убѣгаетъ ли мысль ваша за стѣны храма, не обращается ли сердце ваше отъ Бога къ тварямъ, хотя и въ домѣ человѣческомъ вы почитаете неприличнымъ оставить господина, и предпочтительно предъ нимъ обращаться съ рабами? Берегитесь, чтобы Великій Владыка сего высокаго дома въ свою чреду не отвратился отъ васъ, какъ вы отъ Него, и чтобы не остался для васъ домъ сей пустъ.

Вы участвуете здѣсь въ молитвахъ: изрекаетъ ли внутренно духъ вашъ то, что внѣшно говорятъ уста? Чувствуетъ ли сердце, что слышитъ ухо? Или вы думаете, что Богъ будетъ внимать молитвѣ, которой вы сами не внимаете? Берегитесь, чтобы домъ молитвы не остался для васъ пустъ.

Что убо сотворимъ, предстоящіе во храмѣ, что сотворимъ, дабы не нарушить святыни храма?—Каждый изъ насъ долженъ печись о созданіи, объ освященіи, о святомъ употребленіи въ общемъ храмѣ своего собственнаго храма Богу. Ибо, говоритъ Апостолъ, *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. III, 17). То есть, вы признаете, что храмъ Божій святъ, и что раздражаетъ Бога тотъ, кто нарушаетъ святыню его: но сей храмъ—вы. Если святыня его не имѣетъ иного начала, кромѣ Бога, то [4]) не имѣетъ иной цѣли, кромѣ васъ [5]); въ васъ открывается духъ, заключенный въ образахъ его; въ васъ постигается значеніе знаменій его. *Вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. VI, 16). Тайна глубокая, *сокровенная*, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ, *отъ вѣкъ и родовъ въ Богѣ и нынѣ являемая только святымъ Его, иже есть Христосъ въ васъ* (Кол. I, 26. 27)! Тщетно усиливались бы мы нѣмотствованіемъ плотскаго языка изъяснить духовныя и Божественныя чудеса,

[4]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: го его освященіе....

[5]) Въ собр. 1844 г.: вы, если святыня его не имѣетъ иного начала, кромѣ васъ;...

заключенныя въ сей тайнѣ. Не пытливостію, но вѣрностію пріобрѣтается открытіе тайны. Будемъ вѣрны въ томъ, что уже открыто намъ: такъ приготовимъ себя и къ высшему откровенію сокровеннаго Тебѣ уже сказано, что ты храмъ Божій: примѣчай же все, что есть, и что совершается, во храмѣ Божіемъ, и сообразно съ симъ располагай себя, и наипаче свою внутренность. Видишь здѣсь изображенія дѣлъ Божіихъ и Святыхъ Его: наполняй и ты умъ твой и память, яко духовными образами, назидательными помышленіями о великихъ дѣлахъ Божіихъ, и о Богоугодныхъ дѣлахъ Святыхъ Его. Видишь свѣтильникъ предъ святымъ изображеніемъ: старайся, чтобъ и въ тебѣ святыя помышленія о Богѣ раждали свѣтъ вѣры, и возжигали огнь любви къ Богу. Видишь куреніе кадила: *да исправится молитва твоя, яко кадило, предъ Богомъ* (Псал. CXL, 2.) Слышишь слово Божіе: внимай такъ, чтобы оно *вселилось въ тебя* (Кол. III, 16), чрезъ ученіе и вразумленіе себя самого. Слышишь пѣніе во славу Божію: *воспѣвай* и ты *въ сердцѣ твоемъ Господеви*. Видишь Священнослужителей предстоящихъ Престолу Таинъ, и возвѣщающихъ, что мы *изобразуемъ* собою *Херувимовъ*, предстоящихъ Животворящей Троицѣ: *отлагай* же и ты *житейскія попеченія*; *да молчитъ* въ тебѣ *все плотское*, и да навыкнетъ духъ твой съ Давидомъ *зрѣть Господа предъ собою выну* (Псал. XV, 8).

Тако, братія, *приходя*, здѣсь *ко Христу, камени живу, и сами зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоугодны Богови Іисусъ Христомъ* (1 Петр. II, 5). Со Апостоломъ *молю вы, братіе* и сестры, *щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, чисту, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше*. Аминь.

LV.

26. Слово

въ день Святителя Николая.

(Говорено въ Николаевскомъ Перервинскомъ Монастырѣ, мая 9 дня, напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. XIII, 7.

Сіе пишетъ Апостолъ Павелъ къ Евреямъ, то есть, къ обратившимся въ Христіанство изъ Еврейскаго народа, и вѣроятно, къ тѣмъ, которые жили въ Іудеѣ. Посему догадываться можно, что наставники, которыхъ онъ имѣлъ въ мысляхъ, суть именно Апостолы Іаковъ, братъ Іоанна, и Іаковъ, братъ Господень. Первый изъ сихъ скончался отъ меча, подъятаго на Церковь Іерусалимскую Иродомъ; а второй пострадалъ отъ Іудейскаго первосвященника Анны и его скопища Естественно, что дѣти Церкви съ горестію воспоминали столь бѣдственную потерю столь великихъ наставниковъ Сіе-то расположеніе духа исправляетъ и возвышаетъ Апостолъ, поучая воспоминать кончину благочестивыхъ наставниковъ не съ печалію, но съ благоговѣніемъ, не для оплакиванія, но для подражанія. *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.*

Поелику Апостолы говорили то, что подаваемо было имъ отъ Духа Святаго: то послушныя дѣти Церкви наставленія ихъ принимали какъ законы, и слово ихъ обращали въ дѣло Отсюда обыкновеніе торжественно воспоминать отшедшихъ къ Богу наставниковъ Христіанскихъ, и, когда уже не поучаютъ они словомъ, поучаться ихъ примѣромъ.

---

[1]) Въ собр. 1822, 1835 и 1844 гг.: премудрости...

Иные наставники просіяли словомъ мудрости [1]), иные иными дарованіями духовными, на пользу Церкви. Воспоминаемый нынѣ наставникъ, Святитель Николай, ознаменовалъ себя преимущественно сильною вѣрою и ревностію по вѣрѣ.

Вспоминайте же его такъ, чтобы при томъ поучаться, и самымъ дѣломъ подражать его *ревности по вѣрѣ.*

Ревность есть духовный огнь. Какъ мудрость свѣтитъ въ умѣ, какъ любовь согрѣваетъ сердце: такъ ревность, сложное дѣйствіе оныхъ двухъ силъ, воспламеняетъ все существо, въ которомъ она есть. Она является въ немъ напряженною дѣятельностію, которая все, что можетъ ей покориться, могущественно направляетъ къ своей цѣли, — способное къ очищенію очищаетъ [2]), смѣшенное раздѣляетъ, нечистое и тлѣнное разрушаетъ, противоборствующее отражаетъ и разсыпаетъ. Такъ ревность Самого Бога изображаетъ Апостолъ, когда называетъ ее *ревностію огня, поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X, 27).

По сему образу, ревность человѣка въ отношеніи къ вѣрѣ есть такое качество и расположеніе духа, по которому человѣкъ съ пламеннымъ желаніемъ и живѣйшею дѣятельностію старается, истинную вѣру, которую онъ позналъ и возлюбилъ, сохранить, распространить, очистить отъ примѣшенія суевѣрій и соблазновъ, и враговъ ея или умягчить и обратить, или довести до невозможности вредить ей.

Ревность по вѣрѣ есть *алчба и жажда правды* въ вѣрѣ, которая поколику обрѣтаетъ вѣру правую, потолику насыщается и блаженствуетъ; а когда или не обрѣтаетъ правыя вѣры, или видитъ ее ослабляему нерадѣніемъ ложныхъ Христіанъ, колеблему раздорами, угрожаему бѣдами, тогда *снѣдаетъ* (Іоан. II, 17) самого ревнителя. Соломонъ, изображая сію огненную или снѣдающую силу ревности, говоритъ: *жестока, яко адъ, ревность* (Пѣсн. VIII, 6). Аду ее уподобляетъ не потому, чтобы она хотѣла кого либо низринуть во адъ;— ибо сего не можетъ быть отъ истинной ревности, поелику въ составѣ ея есть любовь; — но или потому, что она, видя возлюбленныя творенія Божія на пути ко аду, и съ живѣйшимъ

---

[2]) Въ собр. 1822, 1835 и 1844 гг.: очищаетъ и возвышаетъ,...

состраданіемъ представляя себѣ погибель, имъ предстоящую, сама въ себѣ чувствуетъ ихъ адъ; или потому, что ревность, съ избыткомъ растворенная любовію, готова бываетъ раздѣлить даже адскую участь съ тѣми, по которыхъ ревнуетъ, дабы облегчить участь сію для нихъ, и своею опасностію исхитить ихъ отъ опасности. Такъ Апостолъ Павелъ, ревнуя по Израильтянахъ *ревностію Божіею*, побужденъ былъ сказать, что онъ *молилбыхся самъ отлученъ быти отъ Христа по братіи своей* (Рим. IX, 3), то есть, дабы они во Христа увѣровали.

По сему и подобнымъ примѣрамъ, нѣкоторые, можетъ быть, думаютъ, что сія святая ревность не есть общая и всегдашняя обязанность, но даръ, низпосылаемый благодатію не многимъ, на нѣкоторые особенные случаи, когда необыкновенныя опасности вѣры требуютъ необыкновенныхъ усилій для ея сохраненія и утвержденія. Подозрѣніемъ въ семъ образѣ разсужденія не касаемся мы тѣхъ, которые охладѣли въ вѣрѣ до такой степени, что не исполняютъ и обыкновенныхъ, всѣми признанныхъ, ея обязанностей: какъ искать ревности по вѣрѣ у тѣхъ, у которыхъ и самой вѣры въ дѣлахъ найти не можно? Нѣтъ ли такихъ, которые чтятъ вѣру, желаютъ, и употребляютъ нѣкоторыя усилія исполнять ея обязанности, поколику знаютъ ихъ, но у которыхъ ни въ исчисленіи должностей, ни въ спискѣ добродѣтелей не найдешь имени ревности? Не думаютъ ли, что намъ нѣтъ нужды въ ревности Павла, когда мы не назначены сражаться съ упорствомъ Іудеевъ, ни въ ревности Моисея, или Финееса, или Иліи, когда мы не живемъ среди мерзостей язычества?

Конечно, не всякому быть Моисеемъ или Финеесомъ, Илією или Павломъ; когда и Моисей въ извѣстное время не могъ быть Финеесомъ, ни Финеесъ Моисеемъ. Но если Моисей въ одномъ, а Финеесъ въ другомъ случаѣ, спасли цѣлый народъ Божій своею ревностію: не лучше ли было бы еще, когда бы такихъ ревнителей было болѣе? А изъ сего уже и видно, что если святая ревность не есть необходимая обязанность, по крайней мѣрѣ она есть желательная добродѣтель.

Но осмотримся внимательнѣе, не найдемъ ли мы ревности и между необходимыми нашими обязанностями. Что можетъ быть необходимѣе и повсемственнѣе обязанностей, которыя Самъ

Богъ возложилъ на насъ десятью заповѣдями? Здѣсь ищу я закона ревности, и сіе искаше нѣтъ нужды простирать далѣе первой заповѣди. *Азъ есмь Господь Богъ твой: да не будутъ тебѣ бози иніи*: слышите ли вы въ сихъ словахъ, вмѣстѣ съ заповѣдію вѣры и любви, заповѣдь ревности? Вслушайтесь разборчиво. Когда небесный Законодатель провозглашаетъ Себя *Господомъ* и *Богомъ*: Онъ возвѣщаетъ Свою власть, и требуетъ нашей покорности; возвѣщаетъ Свое величіе, и поставляетъ насъ въ благоговѣніе предъ Нимъ. Когда же *не стыдится*, какъ выражается въ семъ самомъ предметѣ Апостолъ (Евр. XI, 16), *нарицаться* Господомъ и *Богомъ нашимъ*: что являетъ Онъ намъ въ Себѣ, какъ не любовь, и что возбуждаетъ въ насъ къ Себѣ, какъ не любовь? Ибо что можетъ быть полнѣе любовію отъ лица говорящаго, что любезнѣе для слышащаго, какъ сказать, какъ услышать говорящаго: *Я есмь твой*. И такъ вотъ заповѣдь любви. Но что далѣе? *Да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене*. Что сіе значитъ, какъ не то, что Богъ, постановивъ между Собою и человѣкомъ союзъ любви, желаетъ укрѣпить его и возвысить до такого совершенства, чтобы любовь сія исключала всякую другую любовь, которая съ нею не согласна, и ей не подчинена, или, что тоже, открываетъ Свою ревность, и ревность намъ заповѣдуетъ? И такъ вотъ заповѣдь ревности. Изъясненіе сіе не вымышлено, а дано Самимъ Творцемъ закона, въ продолженіи десятословія: *Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель* (Исх. XX, 5).

Изъ сего не трудно усмотрѣть, какъ то, что обязанность, быть ревностнымъ по Богѣ и по вѣрѣ въ Него, лежитъ на каждомъ человѣкѣ, такъ и то, что обязанность сія простирается на всѣ времена и случаи: поелику заповѣдь ревности неразрывно связана Высочайшимъ Законоположникомъ съ заповѣдію любви къ Богу, которая никогда никакому исключенію подвержена быть не можетъ.

Но дабы ближе въ самомъ дѣйствіи усмотрѣть, какъ далеко можетъ и должна простираться святая ревность, вопрошаю: должно ли быть ревнительну по такомъ Богослуженіи, которое хотя и было правильное и Богомъ установленное, но, по Его же судьбамъ, уже начало терять свое достоинство и значеніе, и вскорѣ совершенно должно быть разрушено? Какъ многія души,

не воспламененныя Божественнымъ огнемъ, подумали бы, что онѣ, не нарушая своихъ обязанностей, съ хладнымъ равнодушіемъ смотрѣть могутъ на какое бы то ни было уничиженіе такого Богослуженія! Не подумаютъ ли нѣкоторые, что въ такомъ случаѣ ревность была бы даже неумѣстна и неразсудительна, успливаясь подкрѣплять то, что непремѣнно должно быть разрушено? Примѣчайте же здѣсь, какъ много можетъ обмануть насъ мнимое благоразуміе, лишенное живаго чувствованія сердечнаго, или лучше сказать, нерадѣніе, прикрытое видомъ благоразумія. Не такъ мыслилъ, не такъ поступалъ Тотъ, Который есть самая Премудрость, и вмѣстѣ самая Любовь, и потому, чистѣйшій образецъ ревности. Іерусалимское Богослуженіе, состоявшее изъ тѣней и гаданій, должно было прекратиться, когда явился Іисусъ Христосъ, Свѣтъ тѣней и разрѣшеніе гаданій; и самому храму вскорѣ надлежало быть предану язычникамъ для конечнаго разрушенія. Но что въ сіе время чувствовалъ, что сказалъ, что сдѣлалъ Іисусъ Христосъ, когда увидѣлъ во храмѣ недостойное храма? Онъ чувствовалъ то, что изображено у Пророка: *ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ Меня. Не творите*, говорилъ Онъ, *дома Отца Моего домомъ торговли.* И самымъ дѣломъ *изгналъ* продающихъ изъ храма (Іоан. II, 14—17).

Видите, Христіане, примѣръ святыя ревности въ такомъ случаѣ, по которому должно заключить, что и каждому изъ насъ не будетъ недостатка въ случаяхъ къ подвигамъ ревности. И сей образъ ревности показанъ точно всѣмъ: ибо Іисусъ Христосъ поступилъ въ семъ случаѣ, не яко принадлежащій храму, по особенной къ нему обязанности, поелику извѣстно, что Онъ никогда не поставлялъ Себя въ такое положеніе, но во всѣхъ случаяхъ, для исполненія обязанностей установленнаго Богослуженія, даже очудодѣйствованныхъ Имъ, отсылалъ къ Священникамъ; Онъ дѣйствовалъ здѣсь по свободной, всеобщей ревности.

И такъ, Христіанинъ, если ты вѣруешь, и желаешь быть вѣренъ твоей вѣрѣ: то надлежитъ тебѣ быть и ревнителемъ по вѣрѣ. Не отрицайся отъ сего тѣмъ, что ты не видишь враговъ вѣры, и не встрѣчаешь предметовъ ревности. Іисусъ Христосъ нашелъ предметъ ревности въ самомъ храмѣ истиннаго Бога.

Встрѣчается и въ истинной Церкви Христіанской то, что ревностнаго Христіанина снѣдаетъ ревностію.

Можно ли равнодушно видѣть многихъ изъ чадъ вѣры, живущихъ въ такомъ невѣдѣніи о томъ, во что они вѣруютъ, что имъ точно можно сказать сказанное Самарянамъ: *вы кланяетеся, Егоже не вѣсте* (Іоан IV. 22)? Если Богъ даровалъ тебѣ истинный свѣтъ вѣры и разумѣніе тайны Христовы: то возревнуй по таковыхъ со Апостоломъ *Божіею ревностію* (2 Кор. XI, 2), и *болѣзнуй* спасительною болѣзнію, *дондеже вообразится въ нихъ Христосъ* (Гал. IV, 19).

Не встрѣчаемъ ли Христіанъ, которые право такъ именовать себя основываютъ токмо на исполненіи нѣкоторыхъ наружныхъ, по легкости предпочтительно воспріемлемыхъ, обязанностей, безъ внутренняго исправленія сердца, безъ очищенія совѣсти, безъ возвышенія духа къ общенію съ Богомъ? Если ты Христіанинъ не по одному имени, но по духу и силѣ; скажи хотя одному изъ таковыхъ, кому можешь: почто ты, Христіанинъ сый, Іудейски, или даже языčески, живеши?

Трудно было бы окончить, если бы мы захотѣли продолжать исчисленіе подобныхъ случаевъ къ святой ревности, которые внимательный Христіанинъ ежедневно можетъ встрѣчать, обращаясь съ подобными себѣ Христіанами. Но еще не далеко ли мы оныхъ ищемъ, когда ищемъ далѣе самихъ себя?

Обратись, Христіанинъ, въ собственную твою храмину, войди въ себя самого: не найдешь ли и здѣсь того, что должно снѣдать тебя ревностію?

Если умъ твой *прилагается въ наученія странна и различна* (Евр. XIII, 9), и не хочетъ отдать себя въ свободный плѣнъ и блаженное послушаніе вѣрѣ: то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого ревность святыхъ Отцевъ, которые силою вѣры *низлагали взимавшіяся на разумъ Божій возношенія* (2 Кор. X, 5) гордаго разума ересеначальниковъ?

Если корысть или суета наполняетъ сердце твое предметами міра, и оно занимается ими болѣе, нежели Богомъ, для Котораго сотворено: то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого ревность Моисея и Иліи, обличавшихъ и истреблявшихъ идолослуженіе?

Если чувства твои отверсты къ удовольствіямъ растлѣва-

ющимъ и оскверняющимъ душу: то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого ревность Финееса, дабы, если можно, рѣшительнымъ ударомъ *умертвить уды сущія на земли, страсть и похоть злую* (Кол. III, 5)?

Ревнуя поревнуй по Господѣ Богѣ твоемъ (3 Цар. XIX, 10). Не одному Финеесу ревность принесла завѣтъ священства вѣчнаго. И намъ, если будемъ чистыми и неизмѣнными ревнителями и поборниками по царствіи Божіемъ въ насъ и въ ближнихъ нашихъ, сія ревность принесетъ обѣтъ, или, лучше, самое исполненіе обѣта, да *сотворитъ насъ* Христосъ *цари и іереи Богу Отцу Своему. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ, Аминь.* (Апок. I, 6).

LVI.

27. Слово

въ день Святаго Мученика Благовѣрнаго Димитрія Царевича.

(Говорено въ Архангельскомъ Соборѣ, маія 15 дня, напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

Тѣмже и страждущіи по волѣ Божіей, яко вѣрну Зиждителю да предадятъ души своя во благотвореніи. 1 Петр. IV, 19.

Для чего такъ часто Церковь возобновляетъ предъ нами зрѣлища неповиннаго страданія, торжественно возобновляя память невинно пострадавшихъ? Для чего само Провидѣніе поспѣшествуетъ [1]) въ семъ Церкви, —для чего и оно такъ долго и непрерывно представляетъ намъ зрѣлища неповиннаго страданія, чудесно сохраняя [2]), предъ нами, нетлѣнные останки невинно пострадавшихъ?

---

[1]) Въ собр. 1822, 1835 и 1844 гг.: споспѣшествуетъ....

[2]) Въ собр. 1822, 1835 и 1844 гг.: сохраняя и являя,...

Для чего, святое Отроча, багрянородное въ жизни земной, по крови Царской, багрянородное и въ жизни небесной, по крови мученической,—для чего еще оставляешь между нами твои разсѣченные члены, и такимъ образомъ содѣлываешь потомковъ очевидцами того, какъ ты пострадалъ, безъ сомнѣнія, не безъ воли Божіей, хотя то было по волѣ и дѣйствіемъ забывшихъ Бога человѣковъ?—Домышляюсь. Губители принесли тебя въ печальную жертву законопреступному властолюбію, на погибель законной власти Царской; и дивный въ судьбахъ Своихъ Богъ попустилъ быть сему, дабы беззаконіемъ вельможи обличить и наказать грѣхи народа: но дабы не вотще пролита была чистая кровь твоя, Онъ сберегъ ее ко времени; повелѣлъ ей, какъ Авелевой, вопіять противъ мятежниковъ и похитителей Царскаго вѣнца; и такимъ образомъ содѣлалъ тебя священною жертвою, агнцемъ, закланнымъ за спасеніе законной власти Царской.

Только сіе нужно на время. Для чего же и теперь еще призываемся мы быть свидѣтелями, болѣе, нежели за два вѣка предъ симъ совершившагося неповиннаго страданія? Для чего такъ открыто, по изреченію Церкви, *сіяются мощи мучениковъ по всей вселенной*? Для того, какъ она же говоритъ, чтобы отъ нихъ *прозябалъ плодъ исцѣленій*? — Правда. Но для чего и даръ исцѣленій дается невинно пострадавшимъ, и притомъ иногда такимъ, которые не совершили великихъ подвиговъ добродѣтели, какъ сіе, впрочемъ благословенное, Отроча? Для чего, повторяю, даръ исцѣленій? Для тѣла ли только, когда самое тѣло не для себя, но для души?

Какъ однимъ концемъ нити разрѣшается многосплетенный узелъ: такъ всѣ сіи вопросы разрѣшаются одною простою мыслію, что Богъ сохраняетъ и украшаетъ дарованіями чудесъ останки невинно пострадавшихъ, а Церковь, таинница путей и намѣреній Божіихъ, возобновляетъ и прославляетъ память ихъ, на тотъ конецъ, чтобы пріучить насъ къ мысли о неповинномъ страданіи, и содѣлать насъ готовыми предать на сіе души наши, если на то будетъ воля Божія. Мнѣ кажется, на каждомъ гробѣ мучениковъ написано то, что написалъ Апостолъ Петръ при мысли о Стефанѣ, Апостолѣ Іаковѣ и другихъ мученикахъ первенствующей Христіанской Церкви: *и такъ страж-*

дущіе по волѣ Божіей, Ему, *какъ вѣрному Создателю, да предаютъ души свои, дѣлая добро.*

Должно признаться, что не легко привыкнуть къ мысли о неповинномъ страданіи. Противъ нея возстаетъ нѣкоторымъ образомъ вся природа, какъ человѣческая, такъ и прочихъ тварей Божіихъ. Поелику все сотворилъ единый, премудрый и всеблагій Богъ: то все сотворено въ единствѣ, расположено по закону порядка и направлено къ блаженству; *смерти же Богъ не сотворилъ* (Прем. I, 13). И такъ естественно, что никакая вещь не расположена къ тому, чѣмъ разсѣкается единство, чѣмъ нарушается порядокъ, что уклоняетъ отъ блаженства. Такимъ образомъ всякая жизнь любитъ жить, и не хочетъ смерти; всякое орудіе познанія или ощущенія желаетъ находить свою пищу и радость въ предметахъ, сообразныхъ съ его устроеніемъ, а не страдать отъ тѣхъ, которые несообразны съ его свойствами, и разрушительны для его состава

Въ человѣкѣ, кромѣ естественнаго отвращенія отъ страданія, противъ мысли о неповинномъ страданіи возстаетъ чувство справедливости, свойственное высшей его природѣ. Если чувственная природа, по началу своего устроенія, требуетъ, чтобы жизнь пользовалась безопасностію: то нравственная природа, по началу свободы и правды Божіей, въ ней впечатлѣнному, еще сильнѣе требуетъ, чтобы невинный былъ безопасенъ. И потому какъ видъ разрушенія приводитъ въ содроганіе чувственную природу: такъ нравственную природу приводитъ въ сугубый трепетъ и смятеніе видъ незаслуженнаго страданія.

Но вотъ странность и противорѣчіе природы самой себѣ, которое должно погрузить размышляющаго въ безутѣшное уныніе и отчаянную скорбь, если онъ не откроетъ источника утѣшенія и надежды выше природы! Та же природа, которая внушаетъ отвращеніе и ужасъ отъ страданія, особенно неповиннаго, та же самая природа возвѣщаетъ, что страданіе, даже и неновинное, неизбѣжно. Пройдите по всѣмъ степенямъ видимыхъ тварей, пройдите по всѣмъ областямъ земной природы: гдѣ нѣтъ страданія? Что не страждетъ? И не болѣе ли страждетъ то, въ чемъ болѣе видны черты невинности? Агнецъ трепещетъ отъ волка, кроткая птица отъ хищной; сильнѣйшія животныя, то

по естественному побужденію и необходимости, то по случаю, истребляютъ слабѣйшихъ, а иногда и сильнѣйшихъ хитрѣйшія; то, что есть лучшаго въ растеніяхъ, терзается и разрушается животными, составляя ихъ пищу. Всякое благо, всякая радость, всякое удовольствіе въ природѣ, болѣе или менѣе дорого, покупается страданіемъ. Зерно должно расторгнуться, и совсѣмъ погибнуть, чтобы родилось растеніе и плодъ; чувство чадолюбія, источникъ живѣйшей радости въ животной природѣ, очевидно растворено и въ безсловесныхъ тоскою и заботами; пріятность питанія и насыщенія почти соразмѣрна бываетъ съ предшествовавшимъ изнуреніемъ глада, и сладость сна, — съ утомленіемъ бдѣнія. Во всѣхъ и самыхъ благодѣтельныхъ силахъ природы открыты источники страданія и разрушенія. Солнце согрѣваетъ, но и палитъ зноемъ; хладъ укрѣпляетъ, но и убиваетъ; вода орошаетъ, но и потопляетъ; вѣтеръ освѣжаетъ, но и наноситъ болѣзни; земля приноситъ человѣку хлѣбъ, но требуетъ у него пота. Человѣкъ родится, живетъ и умираетъ также подъ закономъ страданія, и еще болѣе прочихъ тварей покоренъ сему закону. Раждающая мучится, раждаемое плачетъ; умирающій страдаетъ, плачутъ оставшіеся послѣ умершаго. Съ начала жизни человѣкъ страждетъ отъ недостатка силъ, отъ несовершеннаго развитія способностей; подъ конецъ жизни, отъ утраты силъ и способностей: если между сими крайностями есть какая средина, она черезъ край наполняется страданіями отъ того, что человѣкъ никогда не находитъ способностей и желаній своихъ удовлетворенными. А сколько разнообразныхъ случайностей! Болѣзни, страсти, оскорбленія отъ людей, безпомощная бѣдность, обременительное богатство, тяжкая подчиненность, разстроенное управленіе, — сколько стрѣлъ, или точнѣе, сколько туловъ, наполненныхъ стрѣлами, на уязвленіе сердца человѣческаго!

Какая участь! Страдать не хочется; но страдать надобно! Несносно; а неизбѣжно!

Что же дѣлать? «Тяжело, говоритъ одинъ размышляющій язычникъ, но терпѣніемъ облегчается то, чего перемѣнить не можно». Сей примѣръ показываетъ, что и язычники признавали необходимость пріучать себя къ мысли о страданіи, и

даже къ готовности на страданіе неповинное. Но *языцы, не имущіе упованія* (Ефес. II, 12), не знали *терпѣнія*, которое *упованіе содѣлываетъ* (Рим. V, 4), и учили терпѣнію отчаянному. «Терпи охотно, говорили они; иначе невольно терпѣть будешь». Или: «погибай великодушно; потому что все погибаетъ; пріятно пасть подъ огромными развалинами». Горькія утѣшенія! какъ будто горькая чаша можетъ сдѣлаться сладкою отъ соединенія съ моремъ той же горечи, и отъ той мысли, что она менѣе горька быть не можетъ! Такъ мало можетъ человѣкъ усладить чашу судьбы своей безъ познанія Того, Который есть *утѣха Израилева* и *чаяніе языковъ* (Лук. II, 25. Быт. XLIX, 10)!

Только въ истинномъ благочестіи, однимъ словомъ, только въ Христіанствѣ можно найти чудесный камень, превращающій мрачное желѣзо въ чистое золото, горечь въ сладость, зло въ добро, смерть въ жизнь, страданіе въ блаженство. *И такъ страждущіе по волѣ Божіей, Ему, какъ вѣрному Создателю, да предаютъ души свои.*

И отъ сей мысли, что мы *страждемъ по волѣ Божіей*, невѣрующій ужаснулся бы, и возропталъ бы на вѣрнаго Создателя. Но вѣрующій, углубляясь въ сію мысль, обрѣтаетъ въ ней обильный источникъ утѣшенія, который растворяетъ сладостію всякую горесть. Одобряющая и обнадеживающая мысль о *волѣ Божіей*, о волѣ *вѣрнаго Создателя*, миритъ вѣрующаго съ угрожающею мыслію о неповинномъ *страданіи*.

Мы страждемъ по волѣ Божіей, по волѣ Того, отъ Котораго *всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ сходитъ свыше* (Іак. I, 17); по волѣ Того, Который питаетъ птицу, не стоющую ассарія, Который траву сельную одѣваетъ великолѣпнѣе, нежели Соломонъ облачался въ славѣ своей, и Который чрезъ Единороднаго Сына Своего увѣряетъ насъ, что мы, даже мы маловѣры, дороже у Него какого нибудь крина или врабія; по волѣ Того, Который *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѳ. V, 45), и заповѣдуетъ намъ подражать совершенству Своего милосердія. Какъ же можно, чтобы Тотъ, Который есть, и отъ Котораго происходитъ, единое благо, имѣлъ волю поставить насъ въ такое состояніе, въ которомъ нѣтъ ничего кромѣ зла? Какъ можно,

чтобы Тотъ, Который бережетъ врабія и травное быліе, не хранилъ человѣка, хотя бы проводилъ его сквозь огнь и воду, когда то находитъ нужнымъ? Какъ можно, чтобы Тотъ, Который являетъ милосердіе Свое даже злымъ, не явилъ даже правосудія Своего невинно страждущимъ? Если Благій посылаетъ страданіе: то конечно и въ страданіи есть нѣкоторое благо Если Милователь и Питатель нашъ *питаетъ насъ хлѣбомъ слезнымъ, и напаяетъ слезами* (Псал. LXXIX, 6): то конечно есть нужда и польза приготовить намъ такую пищу, подобно какъ находятъ нужнымъ, съ тукомъ или сладостію обыкновенной пищи соединять остроту соли, кислоту, или горечь. Если безконечно Милосердый безконечнымъ милосердіемъ не удерживается отъ того, чтобы *показать людемъ Своимъ жестокая* (Псал. LIX, 5): то конечно не можетъ статься, чтобъ Онъ допустилъ сіе вопреки правосудію. Скажутъ: посему и не было бы неправеднаго и неповиннаго страданія? И не знаю, есть ли въ отношеніи къ Богу неповинное страданіе, кромѣ страданія Того, Который *язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша* (Иса. LIII, 5). Кромѣ Его *вси согрѣшиша* (Римл. V, 5): и потому всѣ повинны страданію; а вмѣстѣ съ виновными человѣками и покоренная имъ тварь покорена суетѣ неволею, и отъ того вмѣстѣ съ ними совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ, въ надеждѣ очищенія и освобожденія вмѣстѣ съ ними. Если же и есть страждущіе неповинно въ отношеніи къ себѣ и своимъ дѣламъ: правосудіе и благость Божія съ избыткомъ являются надъ ними въ дѣлахъ Божіихъ чудесныхъ и спасительныхъ, совершаемыхъ въ воздаяніе за неповинное страданіе. Осязательный образъ сего представленъ намъ въ Евангельскомъ слѣпорожденномъ: если слѣпота его была темною загадкою въ отношеніи къ понятію о правосудіи наказательномъ: *сей согрѣши, или родителя его, да слѣпъ родися* (Іоан. IX, 2)? то загадка сія совершенно разрѣшена правосудіемъ воздаятельнымъ: *ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ* (3). Тяжко ли, не видѣть нѣсколько лѣтъ свѣта тѣлеснаго, чтобы въ награду за сіе узрѣть свѣтъ духовный, Божественный, просвѣщающій всякаго человѣка къ жизни вѣчной?

Но если мысль о Богѣ, *яко вѣрномъ Создателѣ*, можетъ об-

легчить для насъ неповинное страданіе: то мысль о Іисусѣ Христѣ, яко возлюбленномъ Спасителѣ, можетъ сдѣлать страданіе любезнымъ, сладостнымъ, блаженнымъ. Кто имѣетъ сердце: тотъ знаетъ, что есть страданіе изъ любви и благодарности, и какъ сладостно сіе страданіе. Христіанинъ! Кто можетъ такъ любить тебя, и кто такъ достоинъ любви твоей и благодарности, какъ Тотъ, Который изъ любви къ тебѣ оставилъ славу небесную, вкусилъ всѣ скорби и горести земныя, пострадалъ на крестѣ, прошелъ даже сквозь адскія мученія, дабы исхитить тебя изъ ада и возвратить въ славу Божественную? Можешь ли ты отречься, если нужно изъ любви къ Нему, вкусить нѣсколько капель изъ чаши, которую Онъ для тебя испилъ безъ остатка? Что я говорю? Не чувствуешь ли ты неизъяснимой сладости сей чаши, которая такъ обильно растворена Божественною любовію, что горечь страданія составляетъ въ ней едва примѣтную пряность? Ахъ! если ты сего не чувствуешь; то духовный вкусъ твой тупъ и мертвъ: болѣзнь, для уврачеванія которой опять не иное что нужно, какъ умножить горечь въ чашѣ твоей участи!

И такъ, ученики пострадавшаго, въ наказаніе ли, въ залогъ ли милости, въ наслажденіе ли, или во исцѣленіе, только непремѣнно нужно намъ пріобщиться страданія. *Христу пострадавшу за ны плотію, и вы въ туже мысль вооружитеся: зане пострадавый плотію, преста отъ грѣха* (1 Петр. IV, 1). *Возлюбленніи, не дивитеся еже въ васъ раждеженію ко искушенію вамъ бываему, яко чужду вамъ случающуся: но попеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтеся, да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящеся* (12). *Аще укоряеми бываете о имени Христовѣ, блажени есте: яко славы и Божій Духъ на васъ почиваетъ. Да не кто отъ васъ постраждетъ, яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣститель: аще ли же яко Христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей* (12—17). Аминь.

LVII.

28. Слово

въ день обрѣтенія мощей Святителя Алексія.

Говорено въ Чудовѣ Монастырѣ мая 20 дня, напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.)

> Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его. 2 Тим. IV, 8.

Необыкновенно смѣлыя слова! Можно [1]) подумать, что этотъ человѣкъ забывается и мечтаетъ, когда прежде суда Божія предъ Богомъ себя оправдываетъ, и самъ себѣ назначаетъ вѣнецъ отъ Бога. Но такъ думать не позволяетъ извѣстная его скромность и глубоко смиренное о себѣ мнѣніе. Ибо сей самый человѣкъ въ другое время называлъ себя *наименьшимъ изъ Апостоловъ*, *недостойнымъ имени Апостола* (1 Кор. XV, 9), *гонителемъ* Церкви, *хульникомъ* и *досадителемъ*, единственно по благодати *помилованнымъ*, *первымъ изъ грѣшниковъ* (1 Тим. I, 13. 15).

Какъ же случилось, что человѣкъ, который такъ любитъ уничижать себя, съ такимъ дерзновеніемъ себя возвеличиваетъ?—Безъ сомнѣнія, вѣра дала ему предчувствовать то, что уготовано ему: а открыть сіе предчувствіе, думаю, любовь его побудила. *Злопостражди*, написалъ онъ предъ симъ возлюбленному чаду своему Тимоѳею: и тотчасъ, дабы сію горькую заповѣдь растворить утѣшеніемъ, указуетъ ему на примѣръ своего злостраданія: *азъ уже жренъ бываю*; и на свою несомнѣнную награду: *прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія*. Но едва

[1]) Въ собр. 1822, 1835 и 1844 гг.: можно бы....

любовь къ ученику исторгла изъ сердца учителя тайну высокой надежды; немедленно приходитъ смиреніе, и поставляетъ высокаго учителя на ряду съ послѣдними учениками: *не токмо же мнѣ вѣнецъ правды, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его.*

И всѣ человѣки Божіи не любятъ быть въ славѣ между человѣками: а если являются между ими въ славѣ, или являютъ въ себѣ чаяніе славы; то для того, чтобы, показуя имъ вѣнецъ правды, привлечь ихъ на путь правды. И ты, Духоносный преемникъ и подражатель Апостоловъ, *дѣло сотворившіи благовѣстника, подвигомъ добрымъ подвизавшійся*, когда нѣкоторыми лучами твоего небеснаго вѣнца и здѣсь на земли сіяешь,— и ты, Алексіе, по кончинѣ своей, какъ Павелъ предъ кончиною своею, проповѣдуешь намъ надежду вѣнца небеснаго, и поощряешь насъ искать его. *Не токмо мнѣ вѣнецъ правды, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его.*

Достойно примѣчанія, Христіане, что Апостолъ обѣщаетъ вѣнецъ правды *всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Господне.* Чрезъ сіе научаетъ онъ насъ, что, между прочими спасительными подвигами, для достиженія вѣнца отъ Господа, потребно то, чтобы мы *возлюбили явленіе Его*, то есть, прилѣжно размышляли о пришествіи Христовомъ, ожидали его непрестанно, желали сердечно, готовились къ нему дѣятельно.

Когда Іисусъ Христосъ возносился на небо, и Апостолы, хотя уже и предваренные о Его восхожденіи ко Отцу Своему, стояли съ устремленными въ слѣдъ Его взорами, въ изумленіи ли отъ дивнаго [2]) событія, въ недоумѣніи ли о его послѣдствіяхъ, въ сѣтованіи ли о разлученіи съ Божественнымъ Спасителемъ: тогда успокоить ихъ волнуемыя мысли и чувствованія [3]), посланы были Ангелы. Что же они дѣлаютъ? Какое употребляютъ врачевство?—Какъ крѣпкое [4]) врачевство, употребляютъ они мысль о будущемъ явленіи сокрывшагося отъ взоровъ Іисуса. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. I, 11). И какъ вѣрно помогло [5]) сіе духовное врачевство! *Возвратишася*, по-

[2]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: нечаяннаго ..

[3]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: возстановить и оживить пораженныхъ и привести въ порядокъ ихъ смятенныя мысли и чувствованія,...

[4]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: крѣпкое и оживляющее....

[5]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: скоро и сильно воздѣйствовало....

вѣствуетъ Евангелистъ о Апостолахъ, по вознесеніи Господнемъ, *возвратишася во Іерусалимъ съ радостію великою* (Лук. XXIV, 52).

Видно, что, принявъ поданное Ангелами врачевство, Апостолы дѣйствительно и обильно вкусили въ немъ силы грядущаго вѣка. Отъ того такъ часто подаютъ они тоже врачевство и другимъ человѣкамъ, то есть, даютъ вкушать надежду будущаго явленія Христова, нужно ли очистить зараженныхъ, или укрѣпить слабыхъ, или облегчить страждущихъ. *Христосъ*, пишетъ Апостолъ Павелъ ко Евреямъ, *единою принесеся, во еже вознести многихъ грѣхи, второе безъ грѣха явится, ждущимъ Его во спасеніе* (Евр. IX, 28). Наставляя Тита преподавать ученіе спасительной благодати, онъ говоритъ, что сія благодать *научаетъ насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ:* но какъ возможемъ исполнить столь великія требованія благодати?—Въ отвѣтъ на сіе онъ присовокупляетъ: *ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II, 11—13). Поощряя Тимоѳея *успѣвать въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви, терпѣніи, кротости, подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры*, онъ *завѣщаваетъ ему соблюдать сію заповѣдь чисто и неукоризненно*,—долго ли? спросилъ бы, можетъ быть, иногда изнуренный подвижникъ; и прозорливый наставникъ, предупреждая сіе, указуетъ радостный предѣлъ подвиговъ: *даже до явленія Господа нашего Іисуса Христа* (1 Тим. VI, 11—14). Подобно и Апостолъ Петръ, воззывая пастырей къ истинному пастырскому подвигу:—*образи бывайте стаду*,—возбуждаетъ въ нихъ ревность къ подвигу не инымъ чѣмъ, какъ мыслію о явленіи Вѣнцедателя Пастыреначальника: *и явльшуся Пастыреначальнику, пріимете неувѣдаемый славы вѣнецъ* (1 Петр. I, 3. 4). Сею надеждою растворяетъ онъ и горькую чашу страждущихъ: *понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ; радуйтеся, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетеся, веселящеся* (1 Петр. IV, 13). Апостолъ Іоаннъ требуетъ отъ Христіанина высочайшаго *очищенія себя, якоже* Самъ Христосъ *чистъ есть*. Какимъ же не разрушающимъ огнемъ, или какою огненною водою думаетъ онъ произвесть сіе коренное очищеніе? Надеждою явленія Христова. *Вѣмы*, говоритъ, *яко, егда явится, подобни Ему*

будемъ: ибо узримъ Его, якоже есть: и всякъ имѣяй надежду сію нань, очищаетъ себе, якоже Онъ чистъ есть (1 Іоан. III, 2. 3).

Можно сказать, что мысль объ ожидаемомъ явленіи Христовомъ была въ первоначальномъ Христіанствѣ всеобщимъ основаніемъ, которымъ поддерживалось все зданіе, всеобщею силою, которою одушевлялось все тѣло, всеобщимъ двигательнымъ орудіемъ, которымъ производились дѣйствія великія и чистыя. Но для чего я сказалъ: въ первоначальномъ Христіанствѣ? Когда и какое Христіанство можетъ стоять безъ сего основанія, жить безъ сея силы, дѣйствовать безъ сего орудія? *Упованіемъ спасохомся* (Рим. VIII, 24), говоритъ Апостолъ; мы спасены въ надеждѣ, а не въ полномъ совершеніи спасенія. Что значитъ *спасеніе въ надеждѣ?—Ожиданіе*, какъ опредѣляетъ тотъ же Апостолъ, *блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II, 13). И такъ, гдѣ нѣтъ сего ожиданія, тамъ нѣтъ надежды; гдѣ нѣтъ надежды, тамъ нѣтъ спасенія; гдѣ нѣтъ спасенія, тамъ нѣтъ Христіанства.

Если кому сіи заключенія кажутся не довольно ясны потому, что выведены изъ свидѣтельства наставника въ Христіанствѣ, а не изъ простыхъ и очевидныхъ началъ разума;—хотя въ дѣлахъ вѣры гораздо надежнѣе полагаться на свидѣтельства знающихъ, нежели на собственныя изысканія естественнаго разума, кичливаго и суетнаго, который въ такихъ случаяхъ, со всѣми своими вопросами и недоумѣніями, не заслуживаетъ иного отвѣта, какъ обличительный отвѣтъ Христовъ Никодиму: *еже вѣмы, глаголемъ; и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ; и свидѣтельства нашего не пріемлете* (Іоан. III, 11)!—если, говорю, несмотря на сіе, желаетъ кто собственнымъ разсужденіемъ изслѣдовать, до какого степени надежда и непрестанное ожиданіе явленія Христова входитъ въ существо Христіанства: пусть совѣтуется съ лучшимъ своимъ разумѣніемъ и совѣстію. Кто чувствуетъ въ себѣ грѣхъ: тому не существенно ли потребна твердая надежда совершеннаго прощенія и очищенія? Безъ сего не угрожало ли бы ему отчаяніе, которое есть адъ въ душѣ, прежде нежели низведетъ во адъ душу? Кто страждетъ: тому не существенно ли нужна отрадная надежда лучшаго состоянія? Кто испытываетъ, или хотя видитъ, несправедливость: тотъ, для успокоенія сердца и совѣсти, не имѣетъ ли также нужды въ

надеждѣ правосудія? Кто подвизается до изнуренія: не имѣетъ ли нужды въ ободряющей надеждѣ воздаянія?

Христіанинъ знаетъ, что прощеніе и очищеніе грѣховъ пріобрѣтено ему кровію и смертію Христовою: однако чувствуетъ и то, что корень грѣха еще не исторгнутъ изъ него, какъ признавался и Апостолъ, что онъ чувствуетъ *живущій въ себѣ грѣхъ*, и что *не живетъ во плоти его доброе* (Рим. VII, 17. 18). Можно даже сказать, что святый болѣе грѣшника чувствуетъ въ себѣ грѣхъ, потому что сіе внутреннее чувство не заглушается въ немъ ни внѣшними чувственными удовольствіями, ни усыпленіемъ совѣсти: посему, что было бы съ Христіаниномъ, если бы онъ не надѣялся и не ожидалъ непрестанно явленія Христова, которое во всѣхъ частяхъ, даже до тѣла смиренія, должно преобразить его въ славный образъ Христовъ, при чемъ безъ сомнѣнія и малѣйшіе останки нечистоты грѣховной исчезнутъ, и всякая брань грѣха, всякое искушеніе на вѣки прекратится?

Христіанинъ страждетъ, и страждетъ едва ли не болѣе прочихъ человѣковъ; ибо ему, сверхъ общихъ, для растленнаго естества человѣческаго неизбѣжныхъ страданій, въ особенный жребій данъ крестъ, подобный тому, на которомъ пострадалъ Христосъ: сколь же несчастенъ былъ бы Христіанинъ, если бы не думалъ, если бы не чувствовалъ въ своемъ страданіи, что *страданіемъ Вошедшій во славу* (Лук. XXIV, 26) ежеминутно приближается, чтобы осіять славою страдальцевъ?

Христіанинъ и видитъ надъ другими, и надъ собою испытываетъ несправедливость міра, по предреченію Истины: *якоже отъ міра нѣсте, сего ради ненавидитъ васъ міръ* (Іоан. XV, 19); и чѣмъ яснѣе разумѣваетъ онъ правду Божію, тѣмъ пламеннѣе *ревнуетъ*, тѣмъ болѣзненнѣе снѣдается ревностію, *зря миръ грѣшниковъ* (Псал. LXXII, 3) и бѣдствія праведныхъ: истаялъ бы онъ отъ собственной ревности, если бы, какъ гласъ хлада тонка, не дышала на него прохладная надежда правосудія: *се гряду скоро, и мзда Моя со Мною воздати комуждо по дѣломъ его* (Апок. XXII, 12).

Наконецъ Христіанинъ подвизается; ибо съ тѣхъ поръ, какъ грѣхъ воцарилъ въ мірѣ зло, никакое добро не пріобрѣтается въ немъ иначе, какъ подвигомъ, бранію и побѣдою; и долженъ подвизаться, по примѣру Подвигоположника, иногда и до кро-

*

ваваго пота, и до истощенія всѣхъ силъ: что же необходимѣе для ободренія его въ подвигѣ, и для обновленія силъ его, какъ то, чтобы окомъ надежды усматривать въ концѣ поприща Самого Подвигоположника, являющагося уже Вѣнцедавцемъ;—не потому, чтобы въ истинномъ подвижникѣ была корысть или тщеславіе, алкающее вѣнца, но потому, что душа его жаждетъ Самого Возлюбленнаго Подвигоположника и Вѣнцедавца, за Котораго истинный подвижникъ *во всьхъ препобѣждаетъ*, яко *за возлюбьшаго ны* (Рим. VIII, 37)? Если бы истинный Христіанинъ не имѣлъ сей единственной падежды: то всякая другая надежда могла бы привести его въ отчаяніе *Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа: окаяньйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. XV, 19).

Все показываетъ, что съ истиннымъ Христіанствомъ существенно должно быть соединено упованіе и ожиданіе явленія Христова. Что же посему должно сказать о тѣхъ, въ которыхъ или совсѣмъ нѣтъ сего упованія и ожиданія, или оно слабо и по большей части покрыто забвеніемъ?—То, что или въ нихъ нѣтъ истиннаго Христіанства, или Христіанство ихъ слабо, и они забываютъ, чѣмъ обязаны сему имени.—*Еда азъ есмь?*—можетъ быть, помыслитъ при семъ истинный ученикъ, страшась преступленія.—*Еда азъ есмь?* скажетъ и ложный, убѣгая обличенія. Не можемъ никому подать обличительнаго знака: но, для имѣющихъ очи, дѣла все обличаютъ. *Отъ плодъ ихъ познасте ихъ* (Матѳ. VII, 16).

Коснитъ Господинъ мой пріити, говоритъ упоминаемый въ притчѣ злый рабъ, *и начинаетъ бити клевреты своя, ясти же и пити съ піяницами* (Матѳ. XXIV, 48. 49). *Коснитъ женихъ* (Матѳ. XXV, 5), думаютъ юродивыя дѣвы, и спятъ безпечно, между тѣмъ какъ послѣднія капли елея догораютъ въ лампадахъ ихъ. Такъ въ слабыхъ или ложныхъ Христіанахъ забвеніе о предстоящемъ пришествіи Господа и праведномъ судѣ Его влечетъ за собою всѣ дѣла, противныя духу Христіанства, и до конца истощаетъ всѣ добродѣтели Христіанскія. Коснитъ *Князь царей земныхъ* (Апок. I, 5), говоритъ сильный земли, прельщенный властолюбіемъ, и начинаетъ попирать слабыхъ. Коснитъ, вопіютъ мятежные народы, и замышляютъ безначаліе. Коснитъ Царь терноваго вѣнца, говоритъ сынъ чувственныхъ утѣхъ, и, увѣнчавъ себя цвѣтами, засыпаетъ на цвѣтахъ, ко-

торые вскорѣ должны увянуть, и оставить по себѣ одно будущее терніе. Коснитъ Царь Запмодавецъ, говоритъ рабъ сребролюбія или лѣности, и глубже зарываетъ въ землю талантъ, котораго лихвою могло быть царствіе Коснитъ Женихъ, говоритъ душа, обрекшая себя небесному Жениху, и дремлетъ, не примѣчая, что въ ея духовномъ сосудѣ елей умиленія и любви Божественной оскудѣваетъ; а потому и свѣтъ разумѣнія вскорѣ угаснуть можетъ. Коснитъ, кричатъ ругатели; *гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? отнелиже бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія;* и въ надеждѣ на сіе коснѣніе, или лучше сказать, въ отчаяніи, *ходятъ по своихъ похотѣхъ* (2 Петр. III, 3. 4).

Нѣтъ, лукавые рабы и рабыни легкомысленныя, *не коснитъ Господь обѣтованія, якоже нѣціи коснѣніе мнятъ, но долготерпитъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ* (2 Петр. III, 9). И кто знаетъ, не наполнилась ли уже мѣра Его долготерпѣнія?—Примѣчайте, Христіане, какъ со дня на день умножаются знаменія Его пришествія, Имъ Самимъ предназначенныя: туга языковъ, глады и пагубы и трусы по мѣстомъ, множество соблазновъ, предательство другъ друга, умноженіе беззаконія, изсякновеніе любви,—и то уже знаменіе, что такъ многіе дремлютъ, не обращая вниманія на поразительныя знаменія времени; ибо, по преждереченнымъ глаголамъ отъ святыхъ Пророковъ и Апостолъ вашихъ, *пріидетъ день Господень, яко тать въ нощи* (10).

Се грядетъ со облаки, и узритъ Его всяко око (Апок. I, 7)! Блаженъ, кто можетъ отъ всего сердца сказать: *ей, гряди, Господи Іисусе* (Апок. XXII, 20)! *Вѣнецъ возлюбльшимъ явленіе Его!* Аминь.

LVIII.

29. Слово

въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, при посѣщеніи города Коломны.

(Говорено въ тамошнемъ Успенскомъ Соборѣ, маія 28 дня; напечатано въ собраніяхъ 1822, 1833, 1844 и 1848 гг.).

> Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ Матѳ. X, 37.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, видя себя вновь посреди сего града, въ которомъ суждено было мнѣ въ первый разъ увидѣть свѣтъ, и отъ котораго теченіемъ происшествій увлеченъ я былъ такъ, что никогда уже видѣть его не чаялъ,— сверхъ чаянія, вновь находясь посреди братій и ближнихъ, въ сообществѣ которыхъ получилъ первыя пріятныя ощущенія жизни, — желалъ бы я совершенно предаться сильному влеченію любви къ отчизнѣ,—любви, по которой, какъ изъясняется нѣкто изъ Іерусалимлянъ, дѣти Іерусалима *благоволиша каменіе его, и персть его ущедрятъ* (Псал CI, 15), то есть, самые камни отечественнаго града имъ любезны, милъ даже прахъ путей его. Сердце мое готово теперь воспѣвать сему граду пѣснь, которую они воспѣвали своему Іерусалиму: *вопросите, яже о мирѣ Іерусалима: и обиліе любящимъ тя! Буди же миръ въ силѣ твоей, и обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ. Ради братій моихъ и ближнихъ моихъ, глаголахъ убо миръ о тебѣ* (Псал. CXXI, 6—8). Но что слышу? Сію сладкую пѣснь пресѣкаетъ грозный гласъ заповѣди Хрістовой, которая, какъ будто по особенному намѣренію, нынѣ оглашаетъ меня среди сего храма. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже*

любитъ сыни или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ. Что же буду дѣлать? Воспріиму пную пѣснь пѣснопѣвца Израилева: *не Богу ли повинется душа моя* (Псал. LXI, 2)? Покорю любовь къ ближнимъ и братіямъ,—покорю любви къ Богу и Христу; *забуду люди моя, и домъ отца моего,* и потщуся помнить токмо людей Господнихъ и домъ Отца небеснаго. Въ семъ расположеніи духа и прерванную Іерусалимскую пѣснь продолжать мнѣ позволено: *дому ради Бога нашего взыскахъ благая тебѣ* (Псал. CXXI, 9), Боголюбезный граде! Ради святыя Церкви, которая есть домъ Божій, ради православныхъ чадъ ея, которые суть присные Богу, желаю я тебѣ благъ; и поелику желаю для Бога, то и благъ желаю Божественныхъ, *мира Божія, превосходящаго всякъ умъ, вѣры Божіей,* которая есть *Божій даръ, любви Божіей, изливающейся въ сердца наши Духомъ Святымъ.*

Но не оскорбляю ли братій и ближнихъ столь скорымъ отреченіемъ отъ любви отечественной?—Тотчасъ увидите, братія, что нѣтъ въ семъ несправедливости. Ибо и отъ васъ не инаго требую расположенія, какъ того же, въ которое себя поставить желаю. Если желаете быть достойны любви Бога и Христа: возлюбите Бога и Христа паче отца и матери, паче братій и сестръ, паче всего, что вамъ любезно. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.*

Когда, послѣдуя Евангелію, возвѣщаю вамъ священную обязанность любить Бога и Христа превыше всего: сіе не значитъ того, чтобы я опасался найти въ комъ либо изъ слышащихъ сіе прямую вражду противъ Бога и Христа. Есть и сего расположенія люди, о которыхъ *плача говоритъ* (Фил. III, 18) Апостолъ, о которыхъ и я воспоминаю съ ужасомъ, *враги креста Христова,* которые не хотятъ покорить ни разума своего вѣрѣ Его, ни сердца закону Его, и говорятъ съ изображенными въ притчѣ мятежниками: *не хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами* (Лук. XIX, 14)! Но не сомнѣваюсь, что противъ таковыхъ каждый изъ правовѣрующихъ воспріиметъ ревность Апостола, и не поколеблется, вмѣстѣ съ нимъ, отвергнуть ихъ всею силою духа. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа: да будетъ проклятъ, маран-аѳа* (1 Кор. XVI, 22).

Есть иной родъ людей, между самыми вѣрующими во Христа, и признающими надъ собою власть закона Божія, которые

ужасаются мысли поставить себя врагами противъ Бога и Христа, но которые не довольно ясно познаютъ, не довольно глубоко чувствуютъ, свою обязанность любить Бога и Христа, и потому не достигаютъ всего блаженства, въ сей любви заключеннаго. Они знаютъ обязанность вѣровать,—съ покорностію собственнаго разума принимать тайны, которыя открываетъ Слово Божіе, потому что разумъ человѣческій, ограниченный и поврежденный, не можетъ уразумѣть ума Божія, всесовершеннаго и безконечнаго; пріемлютъ обязанность жить по закону Божію,—служить истинному Богу извѣстнымъ образомъ Богопочтенія, не обижать ближнихъ хищеніемъ, татьбою и подобными несправедливостями; чувствуютъ обязанность приносить покаяніе,—обличать себя предъ Богомъ во грѣхахъ, въ надеждѣ прощенія ради Того, Котораго Богъ, *не вѣдѣвшаго грѣха, по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. V, 21); признаютъ обязанность молиться,—призывать имя Божіе, дабы низвести на себя благословеніе и спасительную силу Божію; поражаются страхомъ суда Божія, когда видятъ себя нарушившими которую нибудь изъ сихъ обязанностей; а когда думаютъ, что исполняютъ оныя, тогда успокоиваютъ себя надеждою царствія небеснаго, какъ заслуженнаго воздаянія. Не правда ли, что у нѣкоторыхъ, и, можетъ быть, у многихъ Христіанъ, въ семъ заключается весь образъ ихъ благочестія, такъ что имъ и на мысль не приходитъ, что̀ бы еще за симъ оставалось. Нѣтъ, это не все еще, братія; много еще за симъ остается,—такъ много, что безъ остающагося все прочее не приведетъ васъ къ истинной цѣли вашей, то есть, къ вѣчному спасенію вашему. Сколь бы ни высоко восходила лѣствица вашихъ добродѣтелей, она не возведетъ васъ на небо, и, сверхъ опасенія, бѣдственно можетъ обрушиться съ вами, если вверху ея нѣтъ послѣдней степени, которая одна крѣпко и непоколебимо прикасается къ небу. Спросите ваше сердце, любитъ ли оно Того, Котораго вѣру и законъ пріемлетъ, Которому приноситъ покаяніе и молитву; чувствуете ли вы точно, что сія *любовь изліялась въ сердце ваше Духомъ Святымъ* (Римл. V, 5), подобно какъ вы точно чувствуете ліющуюся въ сердце любовь дѣтскую, родительскую, братскую, при видѣ родителей, дѣтей и братьевъ? Если совѣсть и духъ не свидѣтельствуютъ вамъ, что вы точно и живо чувствуете внутренно сіе Божественное

изліяніе Божественной любви: то нужно вамъ прилѣжно учиться сей любви у единаго Божественнаго Учителя Іисуса Христа. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.*

Ты вѣруешь, и надѣешься спастися вѣрою. Не оспориваю сей надежды. Вѣрѣ спасеніе предоставляетъ въ удѣлъ Самъ Спаситель. *Вѣра твоя спасе тя* (Матѳ. IX, 22), часто говорилъ Онъ тѣмъ, надъ которыми совершалъ чудесныя исцѣленія. И всѣмъ безъ исключенія обѣщалъ: *иже вѣру имѣетъ и крестится, спасенъ будетъ* (Марк. XVI, 16). Но всякая ли вѣра одинакова? Нѣтъ ли различія между вѣрою и вѣрою? Какова, на примѣръ, та вѣра, которую столь ужасною похвалою хвалитъ Апостолъ, когда говоритъ: *ты вѣруеши, яко Богъ единъ есть; добрѣ твориши; и бѣси вѣруютъ и трепещутъ* (Іак. II, 19). Кто можетъ быть доволенъ такою вѣрою? Какая же та вѣра, которая могла бы спасти человѣка?—*Вѣра, любовію поспѣшествуема* (Гал. V, 6), опредѣляетъ Апостолъ. Если нѣтъ любви: то вѣра не имѣетъ силы и успѣха, и не достигаетъ спасенія. Вѣра безъ любви есть образъ безъ жизни: любовь, какъ дыханіе Святаго Духа, одушевляетъ вѣру и творитъ ее дѣятельною и спасительною. Если желаешь спасенъ быть вѣрою: возлюби Того, въ Кого вѣруешь.

Ты живешь по закону. Въ семъ, кажется, есть уже и любовь: ибо Самъ великій Наставникъ въ любви Божественной сказалъ: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. XIV, 21). Но вникай, и разумѣй поистинѣ то, что говоритъ Истина. Какъ любовь собственно есть чувствованіе сердца; и какъ испытующій сердце Наставникъ провидитъ, что нѣкоторые слабые ученики помыслятъ, будто чувство сіе можетъ быть сохранено и безъ помощи дѣятельности, съ симъ чувствомъ сообразной: то, предупреждая сіе превращеніе истинной любви во мнимую, и поучая *любить дѣломъ и истиною* (1 Іоан. III, 18), Онъ говоритъ, что *любящій Его есть тотъ, кто имѣетъ заповѣди Его, и соблюдаетъ ихъ.* А того совсѣмъ не могъ сказать исполненный любви Наставникъ, будто для учениковъ Его довольно только внѣшно исполнять дѣла Его заповѣдей, и будто сіе вмѣнится имъ вмѣсто любви къ Нему, хотя бы они ея и не чувствовали: подобно какъ любящему дѣтей

родителю не свойственно сказать къ своимъ дѣтямъ, что онъ позволяетъ и не любить себя, только бы они дѣлали, что онъ прикажетъ. И что значитъ безъ любви соблюденіе заповѣдей? Кто столь не свѣдущъ о самомъ себѣ, или столь не искрененъ, чтобы не признаться, что онъ иногда, въ чемъ нибудь, погрѣшаетъ противъ заповѣдей? Если же такимъ образомъ зданіе собственной правды, созидаемое на основаніи заповѣдей, имѣетъ слабыя мѣста: то найдетъ [1]) громъ проклятія законнаго, и однимъ ударомъ разрушитъ все зданіе: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законнѣй, яко творити я* (Гал. III, 10). И еще сильнѣе: *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ: бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. II, 10). Гдѣ же теперь спасеніе въ исполненіи заповѣдей? Оно есть; но для тѣхъ, которые исполняютъ заповѣди не по писмени, а по духу: духъ же закона есть любовь. Хочешь ли избѣжать проклятія законнаго? Желаешь ли имѣть краткій и вѣрный способъ исполнить весь законъ? Сей краткій и вѣрный способъ есть любовь. *Любяй*, говоритъ Апостолъ, *законъ исполни; исполненіе закона любы есть* (Римл. XIII, 8—10). Не въ томъ разумѣ сіе сказано, будто любовь позволяетъ оставить законъ безъ исполненія; нѣтъ! Она есть исполненіе закона потому, что она есть душа закона; а душа и все тѣло оживляетъ и движетъ: такъ любовь исполняющему законъ даетъ силу, и заповѣди творитъ легкими къ исполненію. Сынъ, который бѣжитъ увидѣть возлюбленнаго родителя, чувствуетъ ли усталость отъ пути? Такъ сынове Божіи, любящіе Бога человѣки, не утомляются никакими подвигами на пути жизни, поспѣшая къ вѣчнымъ обителямъ, гдѣ надѣются узрѣть Отца, отъ Котораго рожденіе дало имъ столь высокую область,—*чадами Божіими быти* (Іоан. I, 12), и Котораго въ нихъ любовь сильнѣе всякой любви, земной и небесной.

Ты каешься. И въ семъ случаѣ ты на добромъ пути; и сія стезя проложена ко спасенію, по реченному: *покаяніе нераскаянно во спасеніе* (2 Кор. VII, 10). Но примѣчай и здѣсь глубокій разумъ слова Павлова: *покаяніе нераскаянно*, говоритъ онъ, то есть, покаяніе, послѣ котораго человѣкъ не перемѣняетъ воспріятыхъ имъ лучшихъ мыслей опять на худшія, не возвра-

[1]) Въ собр. 1822 г.: найдетъ ихъ ..

щается на прежніе грѣхи, не ослабѣваетъ въ ревности жить по волѣ Божіей,—такое покаяніе, бываетъ *во спасеніе* Здѣсь паки, братія, требую я для васъ свидѣтельства отъ васъ самихъ. Не примѣчаемъ ли мы за собою, что благія намѣренія, воспріемлемыя нами въ покаяніи, по времени колеблются иногда и падаютъ, и мы, частію отъ безпечности, а частію и при нѣкоторой заботѣ о своемъ исправленіи, впадаемъ во грѣхи, въ которыхъ многократно каялись? Какая же въ семъ случаѣ надежда спасенія въ покаяніи, если *нераскаянное* только *покаяніе* бываетъ *во спасеніе?* И что дѣлать намъ съ нашими духовными болѣзнями, когда самое врачевство, при частомъ ихъ возобновленіи часто употребляемое, какъ бы притупляется въ своемъ дѣйствіи?—И въ помощь врачевству, и противъ возобновленія болѣзни,—и въ помощь покаянію, и противъ возобновленія грѣховъ, дѣйствительнѣйшее средство есть истинная любовь къ Тому, *Который не хощетъ смерти грѣшника*, и Который даже умеръ за спасеніе грѣшника; истинная, говорю; ибо то не любовь, когда непотребный сынъ расточаетъ имѣніе родителя, въ надеждѣ на его снисхожденіе; но то любовь, когда нѣжный сынъ, и тѣмъ, что позволено ему, осмотрительно пользуется, сохраняя благоволеніе возлюбленнаго родителя. Евангельская Исторія представляетъ намъ разительный примѣръ спасительной силы, которую истинная любовь даетъ покаянію. Жена, въ цѣломъ городѣ извѣстная, какъ грѣшница, приступаетъ къ Іисусу Христу, помазуетъ мѵромъ ноги Его, омываетъ ихъ слезами, отираетъ власами своими, словомъ, являетъ знаменія покаянія, хотя не слышно изъ устъ ея словъ покаянія; и Тотъ, Котораго Іудеи называли укоризненно, а Христіане радостно [2]) называть должны *другомъ грѣшниковъ* (Матѳ. XI, 19), разрѣшаетъ ее, не смотря на множество ея грѣховъ: *отпущаются грѣси ея мнози.* Но какимъ образомъ столь совершенно воздѣйствовало покаяніе, которое даже не разрѣшилось еще открытымъ исповѣданіемъ грѣховъ? Оно воздѣйствовало посредствомъ совершенной любви къ Рѣшителю грѣховъ: *отпущаются*, говоритъ Онъ, *грѣси ея мнози, яко возлюби много* (Лук. VII, 47).

Ты молишься. Кто не похвалитъ и сего духовнаго упражне-

---

[2]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: Іудеи называли съ презрѣніемъ, а Христіане съ восхищеніемъ...

нія? Но и о семъ вопрошаю: какою молитвою ты молишься? Ибо есть и суетная молитва, о которой сказано: *приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же чтутъ Мя* (Матѳ. XV, 8. 9). Что значитъ *приближаться* къ Богу *устнами*, а *сердцемъ* далеко *отстоять* отъ Него?—Произносить устами, или принимать слухомъ изъ устъ другихъ—молитвенныя къ Богу слова, но не соединять съ ними сердечнаго вниманія и духовной теплоты, короче, молиться безъ любви. Не трудно суетность такой молитвы обнаружить даже простымъ, естественнымъ разсужденіемъ и побужденіемъ природы. Что дѣлаетъ дитя, только начинающее мыслить, дабы получить желаемую вещь отъ отца или матери? Не соединяетъ ли оно для сего съ своими прошеніями всѣхъ, какія знаетъ, выраженій дѣтской любви и нѣжности? И такъ не должны ли мы признать себя несмысленнѣйшими болѣе самыхъ дѣтей, когда думаемъ нашими хладными, безъ вниманія, безъ любви, безъ сердца произносимыми прошеніями что-либо получить отъ Отца небеснаго, Который именно *зритъ на сердце*, вмѣсто того, что *человѣкъ зритъ на лице* (1 Цар. XVI, 7)? Скажемъ ли, что небесный Отецъ благъ паче земныхъ родителей, и потому *дастъ блага просящимъ у Него?* Правда; но Онъ и праведенъ паче ихъ, и потому не можетъ дать недостойнымъ; и даже, по самой благости, не можетъ дать блага злѣ просящимъ, дабы они не осквернили самаго блага: но злѣ конечно просимъ мы, когда безъ любви просимъ, у Всеблагаго и Вселюбящаго. Но что еще говоритъ законъ духовный?—Онъ показываетъ, что не только исполненіе молитвы, но и самая молитва, истинная и чистая, безъ истинной и чистой любви не возможна. *О чесомъ бо помолимся*, учитъ Апостолъ, *якоже подобаетъ, не вѣмы, но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ, воздыханіи неизглаголанными: испытаяй же сердца, вѣсть, что есть мудрованіе Духа, яко по Богу ходатайствуетъ о святыхъ.* И дабы кто, слыша сіе, не остался въ недоумѣніи о томъ, какъ можно пріобрѣсти сіе высокое ходатайство, Апостолъ немедленно присовокупляетъ: *вѣмы же, яко любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое* (Рим. VIII, 26—28). Любовь къ Богу все обращаетъ въ средства къ нашему спасенію и блаженству; безъ нея всѣ средства не достигаютъ сей цѣли. Не будетъ свѣтить свѣтильникъ безъ елея:

и молитва не озаритъ духа безъ любви. Не взыдетъ безъ огня куреніе кадила: и молитва безъ любви не взыдетъ къ Богу.

Что сказать о побужденіяхъ къ добродѣтели, которыми замѣняютъ любовь не познавшіе силы ея,—о страхѣ суда и надеждѣ воздаянія?—Подпоры необходимыя для созидающихъ домъ душевный: но не на нихъ лежитъ высота и красота зданія духовнаго. Работающій изъ страха есть рабъ; трудящійся за воздаяніе есть наемникъ. Рабъ, говоритъ Іисусъ Христосъ, *не пребываетъ въ дому во вѣкъ*,—можно присовокупить: и наемникъ;—ибо только *сынъ пребываетъ во вѣкъ* (Іоан. VIII, 35). *Страхъ муку имать*, говоритъ возлюбленный ученикъ; *бояйся не совершися въ любви*: за то *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. IV, 18). Другой Апостолъ Христіанамъ, въ противоположеніи съ Іудеями, говоритъ: *не пріясте духа рабства паки въ боязнь, но Духа сыноположенія, о немже вопіемъ· Авва Отче* (Рим. VIII, 15). И такъ духъ рабства,—но также и наемничества духовнаго,—есть удѣлъ Іудеевъ: а жребій истинныхъ Христіанъ есть духъ сыновней любви къ Богу и Спасителю. Можно даже, безъ прекословія Апостолу, сказать, что истинный духъ и Ветхаго Завѣта былъ духъ любви, если бы не облекла его рабствомъ жестоковыйность Іудеевъ. Свидѣтельствуюсь въ семъ самыми заповѣдями закона Моисеева. *Возлюбиши Господа Бога твоего*, пишетъ онъ. Дивлюсь особенно сей заповѣди, когда сравниваю ее съ заповѣдію о родителяхъ: *чти отца твоего и матерь твою*. Какъ? Отца *почитать*, а Бога *любить*? Мы обыкновенно любимъ то, что къ намъ ближе и намъ подобнѣе; а что выше насъ, то почитаемъ. Посему, кажется, свойственнѣе было бы требовать *любви къ отцу*, и *почтенія къ Богу*. Нѣтъ, говоритъ Божественный законъ: *чти отца*; *возлюбиши Бога*. Какъ бы такъ сказано: отца любить тебѣ свойственно и безъ заповѣди, также и чтить Великаго Бога; заповѣдь учитъ тебя тому, что трудно было бы тебѣ уразумѣть безъ нея; и такъ отца не только люби по естеству, но и чти по волѣ Отца небеснаго; Бога не только чти по внушенію естества и совѣсти; но дерзай приступить къ Нему ближе, чего не дерзнулъ бы ты сдѣлать безъ благодатной заповѣди; возлюби Бога, яко Отца; нареки Его *твоимъ Богомъ*, *Богомъ сердца твоего, и частію твоею во вѣкъ* (Псал. LXXII, 26). О возлюбленная заповѣдь любви! Какъ достойно сожалѣнія, что такъ долго не разумѣли силы твоей, сокрушали зубы о жесткую

кору писмени, и не умѣли вкусить сладкаго зерна, въ ней заключеннаго!—Такъ долго, что когда сама Любовь явилась на земли, Она обрѣла заповѣдь любви совсѣмъ забытою, и проповѣдала ее, какъ новую: *заповѣдь новую, даю вамъ, да любите* (Іоан. XIII, 34);—*Якоже возлюби Мя Отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ, будите въ любви Моей* (Іоан. XV, 9).

Христіане! Богъ влечетъ насъ въ любовь Свою болѣе, нежели одною заповѣдію, однимъ повелительнымъ изъявленіемъ Своея воли: Онъ лучше насъ вѣдаетъ, что любовь не пріобрѣтается однѣми повелѣніями. Онъ ищетъ любви насъ грѣшныхъ и недостойныхъ Своею святою и высочайшею любовію. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). Надобно ли повелѣвать, или учить, чтобы мы любили Того, Кто умеръ для пріобрѣтенія намъ вѣчной жизни? Если чувствуемъ, что мы обидѣли бы отца, если бы больше, нежели его, возлюбили рабовъ его: какъ не чувствовать, что мы оскорбляемъ Отца Небеснаго, когда къ человѣкамъ, которые всѣ сдва достойны нарещися рабами Его, наше сердце удобнѣе отверзается, и прилѣпляется тѣснѣе, нежели къ Нему? Возревнуемъ быть достойными Его. Скажемъ сердцу нашему: мы не отнимаемъ тебя у родителей, присныхъ и ближнихъ: но и тебя и ихъ вмѣстѣ, отдаемъ Богу сердца [3]) на вѣки. Аминь.

---

[3]) Въ собр. 1822, 1835 и 1844 гг.: сердца нашего....

LIX.

30. Слово

при посѣщеніи города Серпухова.

(Говорено въ Высоцкомъ Монастырѣ, іюня 2 дня; напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1848 гг.).

Когда Святый Апостолъ Павелъ, съ сотрудникомъ Варнавою, бывъ воззваны Духомъ Святымъ изъ Антіохіи для проповѣданія Евангелія въ странахъ языческихъ, основали нѣкоторыя новыя Церкви Христіанскія, и возвратились въ Антіохію, гдѣ они жили: *по нѣкихъ днехъ*, какъ повѣствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ, рече Павелъ къ Варнавѣ: *возвращшеся подобаетъ посѣтити братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихже проповѣдахомъ слово Господне, како пребываютъ*. И дѣйствительно Павелъ *прохождаше Сѵрію и Киликію, утверждая церкви* (Дѣян. XV, 36. 41). Сіе дѣлалъ прозорливый наставникъ, или, лучше сказать, Самъ Духъ Святый побуждалъ его дѣлать сіе въ предосторожность, чтобы новопросвѣщенные вѣрою, или по привычкѣ, не обратились къ суевѣріямъ языческимъ, или по простотѣ, не были совращены съ пути истины коварствомъ лжеучителей, или по дѣйствію обыкновенныхъ въ мірѣ соблазновъ, не уклонились отъ святости житія Христіанскаго.

Поелику же не въ новыхъ только, но и давно устроенныхъ Церквахъ могутъ являться лжеученія; а соблазны міра и никогда не прекращаются, доколѣ міръ есть то, что онъ есть: то преемники Апостоловъ, *назидая* вѣрующихъ *на основаніи Апостолъ и Пророкъ* (Еф. II, 20), то есть, уча поступать, и сами поступая такъ, какъ учили и поступали Апостолы, заповѣдали всѣмъ пастырямъ Церквей, отъ времени до времени, *посѣщати братію свою во всѣхъ градѣхъ*, надъ которыми они поставлены право правити слово истины, *како пребываютъ*.

Сей самый жребій служенія, по священному преемству дошедшій и до нашего недостоинства, привелъ насъ и къ вамъ, бра-

тія, посѣтити васъ, да увѣмы, *како пребываете*, вѣрные, въ вѣрѣ истинной, — *како пребываете*, Христіане, въ житіи Христіанскомъ. И добрая о васъ помышляти убѣждаетъ насъ ваше ревностное стеченіе во храмы, ваше благоговѣйное вниманіе ко всему, что носитъ на себѣ знаменіе святыни, и частое воспоминаніе о Царствіи небесномъ, слышанное нами въ самыхъ привѣтствіяхъ вашихъ. Господь, Благодатію Своею да сотворитъ чтителей храма и святыни Его живыми храмами Святаго Духа, и съ вѣрою воспоминающихъ о Царствіи Его да помянетъ во Царствіи Своемъ, и да содѣлаетъ истинными сынами сего блаженнаго Царствія!

Но когда я новопришедшій, по долгу моему, вникаю въ то, *како пребываете*, должно думать, что и вы, по долгу вашему, готовы внимать отъ меня тому, *како пребывати вамъ подобаетъ*, дабы симъ взаимнымъ сличеніемъ ученія и житія можно было и вамъ и мнѣ *соутѣшитися*, какъ говоритъ Апостолъ, *вѣрою общею, вашею же и моею* (Рим. I, 12).

Какимъ же краткимъ, но вѣрнымъ словомъ могу изобразить вамъ то, какъ подобаетъ вамъ пребывати?—Слышу Божественнаго Пастыреначальника, Который говоритъ: *Мое ученіе нѣсть Мое, но пославшаго Мя* (Іоан. VII, 16). Кольми паче намъ человѣкамъ недостоитъ преподавать ученіе, какъ наше. И такъ поставлю вамъ учителемъ вѣрнымъ и всякаго пріятія достойнымъ — спасительную Благодать Отца небеснаго, посылающаго земныхъ учителей. *Явися бо*, говоритъ Апостолъ, *Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ*. Если явилась спасительная Благодать: то конечно явнымъ содѣлала она и путь спасенія. И подлинно, продолжаетъ Апостолъ: *явися Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ*, то есть, *научая насъ*. Чему же научаетъ спасительная Благодать?— *Да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнѣмъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II, 11. 12. 13).

Благодать, прежде нежели вводитъ насъ въ спасительную жизнь, какую мы должны провождать, внушаетъ намъ, чтобы мы оставили жизнь погибельную, какую провождаемъ безъ Благодати. *Отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей.*

Какъ?—скажетъ человѣкъ, не испытавшій благодатной жиз-

ни, а потому не чувствующій глубокаго растлѣнія жизни обыкновенной, естественной,—не ужели внѣ благодати вся мірская жизнь наша состоитъ только изъ *нечестія* и *похотей*?—Сколь ни странно сіе для такого человѣка: но истина Божія велитъ намъ утверждать, что это такъ *Все, еже въ мірѣ*, говоритъ Апостолъ Іоаннъ, *похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. II, 16). Примѣчайте, какъ сильно изъясняется здѣсь Апостолъ. *Все, еже въ мірѣ, похоть*. Все, что ни есть въ мірѣ, есть одна похоть. Что не живетъ похотію, то уже не въ мірѣ, но въ благодати, въ Богѣ; что не въ Богѣ, не во благодати, но въ мірѣ: то живетъ похотію.

Кто не совсѣмъ ослѣпленъ пристрастіемъ къ самому себѣ, и не совсѣмъ увлеченъ отъ себя самого разсѣяніемъ въ суетахъ мірскихъ: тотъ можетъ видѣть сіе самъ въ себѣ, и самъ для себя быть свидѣтелемъ сей строгой истины. Испытатели естества человѣческаго знаютъ, что мыслями управляетъ сердце (какъ и Слово Божіе говоритъ: *отъ сердца исходятъ помышленія* (Матѳ. XV, 19): а сердце управляется желаніями; и потому воля, или господствующее желаніе есть господствующее начало, или движущая сила всякой жизни. Смотрите же, какія желанія управляютъ мірскимъ человѣкомъ въ мірской жизни? Многоразличны онѣ въ отношеніи къ частнымъ случаямъ: но если взойти къ общимъ ихъ источникамъ, то усматриваются слѣдующія коренныя желанія: желаніе собственнаго удовольствія чувственнаго, желаніе владѣть тѣмъ, что видимъ, желаніе быть выше другихъ; — тоже короче: плотоугодіе, корыстолюбіе, честолюбіе,—тоже словами Апостола: *похоть плотская, похоть очесъ, и гордость житейская*.

Поелику похоть или не слушаетъ разума, или слушаетъ его только притворно: то плотоугодникъ ищетъ наслажденія, не разсуждая, что тѣмъ повреждаетъ, и даже разрушаетъ въ себѣ созданіе Божіе; корыстолюбецъ домогается пріобрѣтенія, не разсуждая, что похищаетъ у ближняго принадлежащую ему часть даровъ Божіихъ; честолюбецъ стремится къ превознесенію себя столь неудержимо, что если можетъ взойти выше всего, что есть на земли, ни мало тѣмъ не удовлетворяясь, скажетъ, подобно изображенному Пророкомъ царю Вавилонскому: *на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой* (Иса. XIV, 13); или подобно царю Египетскому: *кто есть Господь, Егоже послушаю гласа* (Исх. V, 2)? А изъ сего не трудно усмотрѣть

что вмѣстѣ съ *похотями* жизнь мірскихъ человѣковъ если не ознаменована явно, по крайней мѣрѣ сокровенно заражена и *нечестіемъ*.

И такъ, если желаемъ вести жизнь достойную истинныхъ Христіанъ: то должны мы во-первыхъ, какъ учитъ спасительная Благодать, *отвергнуться нечестія и мірскихъ похотей*. По той мѣрѣ, какъ мы стараемся успѣвать въ семъ ученіи отреченія отъ жизни мірской, Благодать вводитъ насъ въ высшее познаніе и въ самый опытъ дѣйствительной жизни Христіанской. *Да цѣломудренно, праведно и благочестно поживемъ*.

Жизнь человѣческая въ своей дѣятельности движется между тремя предѣлами, къ которымъ приражаясь неправильно, приводитъ она въ замѣшательство собственныя движенія, и повреждаетъ сама себя. Сіи духовные предѣлы суть: самъ человѣкъ, ближній и Богъ. Чтобы дать жизни во всѣхъ сихъ отношеніяхъ вѣрное направленіе къ истинной цѣли, то есть, къ вѣчному спасенію и блаженству, спасительная Благодать даруетъ, и научаетъ употреблять три силы: *цѣломудріе*, чтобы человѣкъ плотоугодіемъ не повреждалъ самъ *себя*, *правду*, чтобы онъ корыстолюбіемъ не приражался къ *ближнему*, *благочестіе*, чтобы онъ гордостію и нечестіемъ не оскорблялъ *Бога*.

Подъ именемъ *цѣломудрія*, Благодать учитъ болѣе, нежели одной тѣлесной чистотѣ, какъ и Тотъ, Которымъ *Благодать бысть*, въ ученіи Своемъ говоритъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. V, 28). Жить цѣломудренно, въ точномъ знаменованіи сего слова, значитъ жить подъ управленіемъ *цѣлаго*, неповрежденнаго, здраваго *мудрствованія*, не позволять себѣ никакого удовольствія, которое не одобряется здравымъ разсужденіемъ, соблюдать умъ не оскверненный нечистыми мыслями, сердце не зараженное нечистыми желаніями, тѣло не растлѣнное нечистыми дѣлами.

И естественный разумъ мірскихъ человѣковъ не можетъ не признать достоинства такой жизни. Ибо кто можетъ утверждать, что не хорошо имѣть чистую мысль, чистое сердце и чистыя дѣла? Но это, говорятъ они, слишкомъ строго, и даже невозможно. Бѣдные! не ужели это строго, что желаютъ содѣлать васъ подобными чистымъ небеснымъ Силамъ и пречистому Богу? Не ужели вамъ пріятно было бы то списхожденіе, чтобы

васъ оставили въ похоти плоти быть подобными безсловеснымъ животнымъ? Что касается до того, что совершенная чистота кажется вамъ невозможною: это правда; *у человѣкъ сіе невозможно есть* (Матѳ. XIX, 26). Посему-то и поставляемъ мы наставникомъ въ сей чистотѣ не разумъ человѣческій, но Благодать Божію: *явися Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ*. Благодать же Божія не имѣетъ нужды спрашивать, что по силамъ человѣку. *Невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога* (Лук. XVIII, 27).

Правду, по изъясненію весьма обыкновенному, полагаютъ въ томъ, чтобы *отдавать всякому свое*. Изъясненіе правды, основанное на томъ не довольно твердомъ основаніи [1]), что человѣкъ присвоилъ себѣ нѣчто, какъ свое, когда онъ *ничего не имѣетъ, чего бы не пріялъ* (1 Кор. IV, 7) отъ Бога. Не удивительно, что держась сего понятія, человѣки не научаются сами собою [2]) правдѣ Божіей, которой научаетъ Благодать Божія. Любить любящихъ, благотворить благотворящимъ, взаимъ давать для воспріятія равнаго, почитаютъ правдою. Фарисейскою правдою называетъ сіе Правда Божія, и такою правдою, которая не вводитъ въ Царство праведныхъ. *Аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и Фарисей*, говоритъ Божественный Праведникъ, *не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. V, 20). Что сказать о правдѣ, которую нѣкоторые думаютъ найти въ томъ, чтобы воздавать оскорбленіемъ за оскорбленіе, ненавистію за ненависть, зломъ за зло? Если любовь къ однимъ любящимъ названа Фарисейскою правдою: то ненависть и злобу противъ ненавидящихъ, должно признать ниже, нежели языческою правдою [3]). Познайте истинную, небесъ достойную правду въ благодатномъ ученіи Евангелія: *вся, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Матѳ. VII, 12). Хочешь, чтобы тебя любили человѣки? люби человѣковъ. Хочешь, чтобы тебѣ дѣлали добро всѣ безъ изъятія? дѣлай и ты добро всѣмъ безъ изъятія. Пріятно было бы тебѣ, если бы съ тобою всѣ обращались кротко и смиренно? будь самъ кротокъ и смиренъ предъ всѣми. Кто не вкусилъ еще, сколь сладостна

---

[1]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: на той неправдѣ, ..

[2]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: не научаютъ и не научаются...

[3]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: не знаю, какъ назвать иначе, развѣ адскою правдою.

*

такая жизнь правды: тому можемъ мы только сказать, что если бы люди управлялись сею правдою; то не было бы ни обидъ, ни судовъ, ни хищеній, ни убійствъ, ни распрей, ни войны, ни убожества. Какое благополучіе для Христіанина уже и въ томъ, что онъ можетъ надѣяться увидѣть сію жизнь правды, если еще не видитъ ея! *Мы ждемъ блаженнаго упованія* (Тит. II, 13) [4]). *Будетъ едино стадо и единъ Пастырь* (Іоан. X, 16). *Нова небесе и новы земли по обѣтованію Его чаемъ, въ нихже правда живетъ* (2 Петр. III, 13).

Высочайшій предметъ ученія спасительной Благодати есть *Благочестіе. До Бога высоко*, говоритъ наше народное присловіе. Жаль, если такая мысль имѣетъ силу въ народѣ, которому приближеніе къ Богу открыто Благодатію Божіею. Но внѣ Благодати, Богъ и Его достойное благочестіе, то есть, истинное Богопознаніе и Богопочтеніе, подлинно есть высота недостижимая. Въ язычествѣ неспособность достигать сея высоты оказалась въ такой крайности, что люди сдѣлали себѣ боговъ изъ дерева и камня, или обоготворили презрѣнныхъ животныхъ, и для изъявленія имъ почтенія, подобныхъ себѣ людей закалали предъ ними въ жертву. Умы болѣе тонкіе едва вознеслись до того, чтобы принять за Божества небесныя свѣтила и тонкія силы тѣлеснаго міра. Нашелся, по свидѣтельству Пѣснопѣвца Божія, нашелся безумецъ, который *рече въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. XIII, 1). Примѣчаю, что не сказалъ онъ сего въ умѣ своемъ, то есть, не могъ убѣдить свой умъ къ принятію сей нелѣпости, но вопреки ему въ сердцѣ своемъ отвергъ Бога, Котораго сіе растлѣнное сердце не хотѣло имѣть, не желая покоряться Его законамъ. Какое впрочемъ ужасное растлѣніе сердца, которое, вопреки убѣжденію собственнаго ума, можетъ отвергать Бога! Лучше ли и нынѣ поступаютъ тѣ, которые не хотятъ отъ Благодати принять ученія благочестія? Не есть ли любимое ихъ ученіе, что Божество, по недосязаемой высотѣ Своей, не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ земнымъ благочестіемъ Слѣпые мудрователи! вы не видите, что даже тѣлесная природа обличаетъ ложь вашего ученія. Солнце, по своей высотѣ, для земли конечно не досязаемое, не ужели не имѣетъ

---

[4]) Въ собр. 1822 и 1835 гг. далѣе слѣдуетъ: *Будутъ царствія міра, Господа нашего Іисуса Христа* (Апок. XI, 15).

ничего общаго съ землею? Не обращается ли она къ нему непрестанно, чтобы для всего, на ней живущаго, принять отъ него свѣтъ и теплоту жизни? Почему вы можете думать, что духовное существо человѣка менѣе имѣетъ нужды въ духовномъ свѣтѣ, и въ духовной теплотѣ Высочайшаго существа, въ просвѣщеніи и благодати Божіей? А если оно имѣетъ сію высокую потребность: то не должно ли обращаться свободно, и всею силою стремиться къ своему вѣчному Солнцу? Или, — когда оно сего сдѣлать не можетъ, поелику *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу* (Прем IX, 15), и она, отягченная чувственностію, какъ птица съ отягченными свинцомъ крыльями, только бьется о землю, вмѣсто того, чтобы возноситься къ небу, — не должно ли уповать, что Благодать Всеблагаго существа Божія снидетъ къ немощному существу человѣческому, и просвѣтитъ омраченный умъ, и согрѣетъ хладное сердце, и привлечетъ къ Себѣ и упокоитъ обремененную разтлѣніемъ душу? Такъ и дѣйствительно *явися Благодать Божія спасительная, наказующи насъ, да благочестно поживемъ*—да *кланяемся Богу* Духу *духомъ, и истиною*, да *возлюбимъ Его всѣмъ сердцемъ, всею душею и всѣмъ помышленіемъ*, да обымемъ Его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ не пріявшіе Благодати отвергаютъ Его. Самая же утѣшительная, и собственно спасительная часть благодатнаго ученія о благочестіи, состоитъ въ томъ, что въ немъ обрѣтаемъ мы средство, котораго никакой сотворенный умъ не могъ изобрѣсть, — средство, не только благоугождать Богу достойнымъ Его служеніемъ, но и въ оскорбленіи Его нашими похотями и нечестіемъ получить прощеніе; не только творить волю Божію, но и получать отъ Него все, чего просимъ, даже до причастія Его Божественнаго естества, — именемъ и ходатайствомъ Единороднаго Сына Его, воплотившагося и умершаго за насъ, дабы *вся намъ Божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію, поданы были познаніемъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелію* (2 Петр. 1, 3).

Таково, братія, *ученіе жизни*, которое преподаетъ намъ *Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ*; и не только преподаетъ, но и принимать оное даетъ способность, и исполнить [5]) даруетъ силу. О, если бы въ каждомъ изъ васъ сіе Божественное сѣмя прозябло, и возрасло, и принесло плодъ, угодный Наса-

[5]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: исполнять...

дителю благихъ, и для васъ сладостный и живоносный! *Молимъ, не вотще Благодать Божію пріяти вамъ* (2 Кор. VI, 1). Послѣдуемъ ея наставленію, не въ нѣкоторыхъ только дѣлахъ или упражненіяхъ нашихъ, но во всемъ *пребываніи* нашемъ, во всей жизни нашей. *Поживемъ цѣломудренно, праведно и благочестно въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.* Аминь.

LX.

31. Слово

въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія.

(Говорено въ лаврѣ его, іюля 5 дня; напечатано въ собраніяхъ 1822, 1835, 1844 и 1884 гг.)

> Проидоша въ милотехъ, и въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще озлоблени, ихже не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ. Евр XI, 37. 38.

Что это за люди, которыхъ столь несообразными, по видимому, чертами описываетъ Апостолъ? Онъ цѣнитъ ихъ дороже цѣлаго міра: *ихже не бѣ достоинъ весь міръ*; но въ тоже время показываетъ, что они брошены такъ, какъ бы ничего не стоили, потому что не имѣютъ ни порядочной одежды, ни пищи, ни безопасности, ни жилища: *проидоша въ милотехъ, и въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ.*

Можетъ быть, міръ не узнаетъ, или не захочетъ узнать сихъ добровольныхъ изгнанниковъ міра: но вамъ не должно быть трудно узнать ихъ, обитатели священной пустыни! Это наши предшественники, хотя, можетъ быть, большая часть изъ насъ отстали отъ нихъ такъ далеко, что мы оскорбляемъ ихъ, называясь ихъ послѣдователями. Если нужно указать на лица: та-

ковъ былъ Илія Θесвитянинъ, котораго, какъ примѣтно, Апостолъ особенно имѣлъ предъ очами, когда писалъ свое изображеніе великихъ странниковъ міра;—Илія, который затворялъ и отверзалъ небо, низводилъ дождь и огнь, призывалъ гладъ и плодородіе, а самъ едва находилъ пропитаніе, иногда чрезъ пустыннаго врана, иногда чрезъ убогую вдовицу: словомъ истреблялъ живыхъ, дуновеніемъ воскрешалъ мертвыхъ, но самъ убѣгалъ въ *пустыню души ради своея*, то есть, по причинѣ опасности жизни, и, утомленный преслѣдованіями враговъ, *просилъ души своей смерти* (3 Царст. XIX, 3. 4). Таковъ былъ Іоаннъ Креститель, котораго *болій не воста въ рожденныхъ женами* (Матѳ XI, 11.), по свидѣтельству самой Истины, но который жилъ въ дикой пустынѣ, носилъ грубую одежду, питался акридами, окончилъ свое поприще темницею и мечемъ. Таковы были послѣ Павелъ Θивейскій, Антоній Великій, Макарій Египетскій, Ефремъ Сирійскій и множество другихъ, которые изъ мрака пустынь, какъ звѣзды, просіяли свѣтомъ духовнымъ, и озарили вселенную.

Но на что, для очевидцевъ самаго дѣла, собирать многихъ постороннихъ свидѣтелей? Таковъ и сей дивный мужъ, который пришелъ сюда въ безлюдную и непроходимую пустыню; долго жилъ здѣсь во всякомъ лишеніи, одинъ съ единымъ Богомъ; потомъ, когда нашлись люди, которые, узнавъ цѣну его, предпочли міру его пустыню, и предали ему самихъ себя въ послушаніе и управленіе, былъ первый въ трудахъ и подвигахъ, и послѣдній въ успокоеніи, носилъ одежду, которую отвергали другіе; ѣлъ гнилой хлѣбъ; вмѣсто изгнанія непокоривыхъ, изгонялъ отъ нихъ самъ себя; и что же наконецъ?—По слову Пророка, *создались пустыни его вѣчныя; содѣлались основанія его вѣчныя родамъ родовъ, и прозвался онъ здатель оградъ* (Иса LVIII, 12). Не только немощные и сильные земли приходили въ пустыню его просить отъ него благословенія, совѣтовъ, чудесныхъ исцѣленій и побѣдъ на преобладавшихъ враговъ, но и Царица небесъ, ближними Царя царствующихъ сопровождаемая, нисходила въ его святое уединеніе, чтобы утвердить въ его пустынѣ благословеніе неба, которое въ послѣдствіи времени враждебныя силы міра, при всемъ видимомъ ихъ могуществѣ, тщетно покушались разрушить.

Кто бросаетъ драгоцѣнности?—Почему же люди, *ихже не бѣ достоинъ весь міръ*, которые, при высокомъ внутреннемъ досто-

инствѣ, собственно для міра должны быть драгоцѣнны по многимъ благотворнымъ для него дѣйствіямъ,—почему они, въ такомъ, по видимому, небреженіи, разсыпаны *по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли?* Міръ ли, не давъ имъ цѣны, отвергнулъ ихъ; или они, узнавъ его цѣну, не захотѣли принадлежать ему?

Гордость міра не позволяетъ ему признаться, что онъ оставленъ, какъ недостойный: и потому онъ старается увѣрить тѣхъ, которые легковѣрно его слушаютъ, что онъ самъ, какъ ни къ чему неспособныхъ, отвергаетъ тѣхъ, которые оставляютъ его; или что они, оставляя его добровольно, оставляютъ безразсудно. Но истина и опытъ говорятъ вопреки ему, что не столько онъ ихъ отвергаетъ, сколько они оставляютъ его; и что онъ безразсуденъ и несправедливъ, поколику отвергаетъ ихъ, а не они, поколику отъ него удаляются.

Думаютъ упрекнуть насъ, когда говорятъ, что нѣкоторые изъ древнихъ благочестивыхъ пустынножителей приведены были къ сему образу жизни страхомъ гоненій. Но противъ чего возставали гонители? — Противъ благочестія. Для чего убѣгали въ пустыни гонимые?—Для сохраненія благочестія. Кто же здѣсь заслуживаетъ укоризну? Воинъ, который, увидѣвъ себя одного въ непріятельскомъ станѣ, умѣлъ безопасно удалиться, и невредимо сохранить знамя, ему ввѣренное, не ужели есть безчестный бѣглецъ? Не есть ли онъ нѣкоторымъ образомъ побѣдитель? Если міръ хочетъ уничижить насъ, называя послѣдователями такихъ бѣглецовъ: то пусть осмотрится, не поставляетъ ли онъ тѣмъ самого себя въ достоинство—послѣдователя гонителей?

Справедливо ли ненавидѣть тѣхъ, которые всегда вамъ добра желаютъ? И такъ справедливъ ли міръ, когда онъ ненавидитъ людей, которые, оставляя его на всю жизнь, въ тоже время на всю жизнь обреклись желать ему истиннаго добра въ непрестанныхъ молитвахъ? Не совершенно ли безразсудно отвергать тѣхъ, которые не только желаютъ намъ добра, но и могутъ самымъ дѣломъ доставить намъ то, чего желаютъ? Но не сіе ли самое дѣлаетъ міръ, когда отвергаетъ тѣхъ, которые подвигами благочестія и чистыми молитвами отводятъ отъ него громы раздраженнаго неба, и низводятъ на него могущественныя и дѣйственныя благословенія? Если онъ не постигаетъ тайны духовныхъ благословеній: укажемъ ему на благословенія видимыя и

чувственныя. Смотрите, дикая пустыня превращается въ цвѣтущую, вѣковую обитель: безлюдная пустыня даетъ бытіе многолюдному селенію; пустынная обитель стоитъ непоколебимо противъ устремленія враговъ, уже низложившихъ столицу, становится щитомъ уже уязвленнаго царства и сокровищницею его спасенія; и все сіе—отъ одного пустынножителя! Дадимъ послѣ сего міру судить о семъ родѣ людей хотя по однимъ временнымъ выгодамъ. Если онъ все еще отвергаетъ ихъ: онъ отвергаетъ свою пользу. Если онъ еще почитаетъ ихъ ни къ чему не полезными: онъ не знаетъ собственныхъ выгодъ.

Сколь несправедливо поступаетъ міръ въ томъ, что унижаетъ [1]) и отвергаетъ сихъ людей: столь же напрасно льститъ онъ себѣ тѣмъ, будто отчаяніе въ его благоволеніи заставляетъ ихъ отъ него удалиться. Тщетно Фараонъ сталъ бы хвалиться, что онъ изгналъ Израильтянъ въ пустыню; хотя подлинно *нуждаху Египтяне людей со тщаніемъ изринути ихъ отъ земли* (Исход. XII, 33). Не отчаяніе, но надежда вывела Израильтянъ изъ Египта; они воспользовались своимъ изгнаніемъ, какъ средствомъ своего избавленія, и за свое бѣгство воспѣли Богу побѣдную пѣснь. Истинно отрекающіеся отъ міра, если испытываютъ его неблаговоленіе, пользуются тѣмъ, какъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе удалиться отъ него: а часто, и не испытавъ отъ него никакой видимой непріязни, оставляютъ его совсѣмъ не потому, чтобъ онъ отвергалъ ихъ, но потому, что пустыня ихъ призываетъ, и тихій, частію даже печальный, гласъ ея для нихъ стократно вожделѣннѣе, нежели шумныя радости міра. Кто гналъ изъ міра сіе чудное отрочa, которое оставило его прежде, нежели имѣло случай узнать его? *Отроча растяше, и крѣпляшеся духомъ, и бѣ въ пустыняхъ* (Лук. I, 80). Зналъ ли міръ и сего Варѳоломея, прежде нежели содѣлала его извѣстнымъ пустыня: и могъ ли отвергнуть его, прежде нежели онъ самъ отвергся міра? Міръ узналъ уже оставившаго міръ Сергія, по его подвигамъ и чудодѣйствіямъ; и не столько отвергалъ, сколько привлекалъ его: но даже и тогда, когда былъ онъ привлекаемъ въ такое состояніе, которое хотя и въ мірѣ, но не отъ міра, и не для міра,—самое послушаніе [2]), столь свято хранимое Сергіемъ во

[1]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: уничижаетъ...

[2]) Въ собр. 1822 и 1835 гг.: и не столько отвергалъ, сколько привлекалъ

всѣхъ другихъ случаяхъ, не могло привести его къ тому, чтобы разстаться съ сладкою пустынею.

Какая же тайная сила влекла сихъ людей изъ міра, и заставляла ихъ, оставя все въ немъ пріятное, скитаться по пустынямъ въ лишеніи, въ скорбяхъ, въ озлобленіи? Узпаемъ сію тайну отъ Апостола, который изобразилъ сихъ непостижимыхъ для міра людей. Сія тайна есть *вѣра*. *Вѣрою*, говоритъ онъ, *побѣдиша царствія, содѣяша правду*,—и далѣе: *проидоша въ милотехъ*,—*въ пустыняхъ скитающеся;* и паки заключаетъ: *вси сіи послушествовани вѣрою* (Евр. XI, 33—39). Вѣра представила имъ, что они *странніи и пришельцы суть на земли* (13), мысль, которую знаютъ и невѣрующіе, но и слыша [3]) пропускаютъ мимо ушей, или, лучше сказать, мимо сердца, и потому, хотя ежедневно, видятъ подобныхъ себѣ умирающихъ, однако живутъ въ такой безпечности о будущемъ, съ такою привязанностію къ земному, какъ бы имъ жить здѣсь вѣчно!— Вѣра вдохнула вѣрнымъ своимъ послѣдователямъ глубокое чувство тлѣнности міра и краткости жизни, а въ слѣдствіе сего и пламенное желаніе отечества небеснаго; научила ихъ *невидимому* Богу *предстоять, какъ бы видя Его* (27), *взирать на Начальника вѣры и совершителя Іисуса, Иже вмѣсто предлежащія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же Престола Божія сѣде* (XII, 2); указала имъ на *мздовоздаяніе* (XI, 26), и для нихъ уготованное. При сихъ несродныхъ міру чувствованіяхъ, при сихъ высокихъ видахъ, красоты міра для нихъ померкли, сладости чувственныя преогорчились, земныя сокровища превратились въ уметы, міръ явился для нихъ пустынею, а пустыня раемъ,—и они побѣжали. Побѣжали, какъ Израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, какъ плѣнники изъ Вавилона. Побѣжали отъ міра, гдѣ сообщество съ мірскими человѣками, и тварь, суетою и злоупотребленіемъ искаженная, непрестанно разсѣвали ихъ мысль, порабощали желанія, возмущали душу и совѣсть. Побѣжали въ пустыню, гдѣ поколику болѣе устранялись отъ тварей, пото-

---

его,—привлекалъ даже въ такое состояніе, которое хотя и въ мірѣ, но не отъ міра, и не для міра,—привлекалъ священными узами; но при всемъ томъ, самое послушаніе...

[3]) Въ собр. 1822 г. этихъ словъ нѣтъ.

лику ближе могли ощущать Бога; отреклись отъ земнаго брака, дабы вмѣсто того, тѣмъ свободнѣе, уготовлять себя къ единому небесному *браку Агнца* (Апок. XIX, 7); облеклись мрачною одеждою, дабы желаніе украшенія не имѣло инаго предмета, какъ *виссонъ оправданія святыхъ* (8); осудили себя на гладъ и жажду, дабы чувственное насыщеніе не притупило глада и вкуса къ духовной *вечери* (9) Царствія Божія; удалились, такъ сказать, на самую границу видимаго и невидимаго міра, и, въ сообразность съ назначеніемъ къ невидимому, добровольно и благовременно перенесли туда и мысль и сердце; и если принуждены оставить здѣсь бренное тѣло, то по крайней мѣрѣ стараются, постомъ, бдѣніемъ и другими подвигами, очищать и утончать его такъ, чтобы не столько оно *отягощало душу* (Прем. IX, 15), сколько душа облегчала его и воскрыляла, чтобы оно, сколько можно, менѣе препятствовало имъ подражать жизни безплотныхъ, и принимать благодатныя посѣщенія Святаго Духа.

Вотъ, братія и сообитатели пустыни, краткій, но истинный чертежъ пути, которымъ истинные предшественники наши удалились отъ міра, и не на случай скитались по пустынямъ, но на вѣрное странствовали *ко граду, основанія имущему, егоже художникъ и содѣтель Богъ* (Евр. XI, 10). Входить о семъ въ подробности не время теперь, и не нужно, можетъ быть, для тѣхъ, которые сами дѣятельно идутъ путемъ симъ. Но дабы намъ, нерадѣніемъ или прельщеніемъ духа заблужденія, не совратиться съ истиннаго пути во слѣдъ тѣхъ, которые блуждаютъ *по непроходнымъ, а не по пути* (Псал. CVI, 40), нужно намъ прилѣжно всматриваться въ слѣды нашихъ предшественниковъ, и повѣрять шествіе наше. Очень нужно намъ испытывать себя, точно ли потому мы удалились отъ міра, что возжелали благоугождать единому Богу, а не потому, что міръ намъ не благопріятствовалъ? Въ самомъ удаленіи отъ міра, не унесли ли мы съ собою, какъ Рахиль изъ дома Лаванова, боговъ, которымъ служатъ въ мірѣ, —идоловъ гордости, корыстолюбія и плотоугодія? Или въ самой пустынѣ, подобно Израильтянамъ, не сліяли ль себѣ новыхъ идоловъ, вмѣсто тѣхъ, которыхъ оставили въ Египтѣ? Чувствуемъ ли мы себя ближе къ Богу внутренно, съ тѣхъ поръ, какъ наружно стали далѣе отъ міра? Отрекшись отъ преимуществъ и обладанія въ мірѣ, не

искушаемся ли желаніемъ преимуществъ и старѣйшинства между собратіями? Жизнь, предназначенную исключительно для подвиговъ духовныхъ, не обращаемъ ли въ одно успокоеніе плоти? Благословенъ мирный сынъ пустыни, которому при таковомъ испытаніи *не зазираетъ сердце его: онъ будетъ имѣть дерзновеніе къ Богу* (1 Іоан. III, 21). Благо и тому, коему, при сознаніи нѣкоторыхъ претыканій и паденій, покаянная мысль и сокрушенное сердце обѣщаютъ надежду прощенія и утѣшенія. Горе сѣятелю соблазновъ, который, въ самую пустыню принесши съ собою міръ и его скверны, нарушаетъ ея духовную святыню! Троякій судъ падетъ на главу его: судъ грѣха, судъ нарушенія обѣтовъ, и судъ ядовитаго соблазна.

Должно сказать нѣчто и къ благонамѣреннымъ посѣтителямъ священной пустыни. Когда мы, послѣдуя Апостолу, говоримъ о пустынножителяхъ, что вѣра увлекла ихъ изъ міра: не подумайте, будто вамъ, оставшимся въ мірѣ, мы уже не оставляемъ вѣры и надежды спасенія. Нѣтъ! *Вѣра есть побѣда, побѣдившая* и побѣждающая *міръ* (1 Іоан. V, 4. 5). Можно и жить *въ мірѣ*, но не быть *отъ міра* (Іоан. XV, 19). Не всѣмъ заповѣдалъ Іисусъ Христосъ то, что совѣтовалъ нѣкоему юношѣ: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX, 21), то есть, для послѣдованія Христу, не только оставь беззаконія и страсти міра, но и всякій съ живущими въ мірѣ союзъ расторгни. Напротивъ того всѣмъ проповѣдывалъ Онъ покаяніе, вѣру въ Евангеліе и надежду Царствія небеснаго. Онъ Самъ жилъ и въ мірѣ и въ пустынѣ: училъ въ мірѣ, а для молитвы удалялся въ пустыню.

Яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю (Марк. XIII, 37). Какъ никого не спасаетъ одно внѣшнее пребываніе въ пустынѣ: такъ и не погубляетъ никого внѣшнее жительство въ мірѣ. Пустая пустыня, когда во внѣшней нѣтъ внутренней пустыни; для внутренней же пустыни есть, хотя не столь свободное, мѣсто и въ мірѣ, если кто найти его потрудится. *Ѣда молишися, вниди въ клеть твою*, то есть, въ уединенную храмину души твоей, *и затворивъ двери твоя*, то есть, удержавъ отъ разсѣянія твои мысли и чувства, *помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ* (Матѳ. VI, 6). — *Не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. II, 15). Содѣлайте сердце ваше пустынею, въ коей бы

не было ни богатствъ. ни красотъ міра, ни нечистыхъ плотскихъ желаній, ни страстныхъ помышленій. Вотъ и для пустынножителей, и для живущихъ въ мірѣ, общая священная пустыня, въ которую *приходитъ*, и въ которой *творитъ обитель* (Іоан. XIV, 23) Себѣ возлюбленный Господь нашъ Іисусъ Христосъ, со Единосущнымъ Своимъ Отцемъ и Святымъ Духомъ, къ истинному блаженству нашему, во славу имени Своего Трисвятаго. Аминь.

1823 годъ.

LXI.

32. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ.

(Говорена августа 25 дня; напечатана отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.).

Предъ Богомъ срѣтаемъ Тебя, благочестивѣйшій государь! и благодаримъ Его, что утѣшаетъ насъ Тобою; и молимъ Его, да утѣшитъ и Тебя нами.

Воззри еще на сей царелюбивый народъ, и утѣшься его любовію, которая и сокрываемому въ глубокой нощи пришествію Твоему не допустила утаиться, но воспріяла Тебя гласомъ восторга

Воззри еще на сей много-вѣковый царственный градъ, который дано Тебѣ, въ краткое время, изъ развалинъ и пепла возродить; и утѣшься симъ, какъ знаменіемъ того, что Богъ, посѣтившій неправды наши, еще сохранилъ здѣсь благословеніе праведныхъ: ибо въ *благословеніи правыхъ возвысится градъ*, говоритъ Слово правды (Притч. XI, 11).

Богъ благословеній да споспѣшествуетъ Тебѣ выну и въ важнѣйшемъ царственномъ зиждительствѣ Твоемъ,—въ зиждительствѣ и возвышеніи нравственнаго и духовнаго порядка, въ утвержденіи вѣры и правды, которыми и цари велики, и царства непоколебимы.

Господи! спаси царя, и благослови, и *сохрани вхожденіе Его и исхожденіе Его*, ко спасенію царства.

LXII.

33. Рѣчь

Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Павловичу, въ день тезоименитства Его Величества.

(Говорена въ Успенскомъ Соборѣ, августа 30 дня, напечатана отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

Благочестивѣйшій Государь!

Тогда какъ вся Россія приноситъ Богу радость о благоденствіи Твоемъ, и молитву о продолженіи онаго, мы, обитатели сей столицы, имѣемъ еще то дополненіе радости, что видимъ Тебя Самого участвующаго въ нашей молитвѣ, и что Ты можешь видѣть нашу радость.

Тотъ, который обѣщалъ исполнить молитву двухъ или трехъ человѣкъ, приносимую въ вѣрѣ и единодушіи, да совершитъ молитву, которую нынѣ единодушно приносятъ о Тебѣ многіе милліоны Твоихъ вѣрноподданныхъ; а намъ да даруетъ чаще наслаждаться сею полнотою радости въ Твоемъ лицезрѣніи.

LXIII.

34. Слово

въ день вѣнчанія на царство, и мvропомазанія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ 15 сентября; напечатано отдѣльно и въ Христіанскомъ Чтеніи 1840 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ.)

Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. 1 Тим. II, 1. 2.

О чемъ такъ настоятельно проситъ Апостолъ ученика своего Тимофея, Епископа Ефесскаго: или лучше сказать, что такъ непремѣнно заповѣдуетъ чрезъ Епископа и всей церкви: то самое, Христіане, съ особенною торжественностію исполняемъ мы нынѣ въ семъ домѣ молитвы. Совершая молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, особенно мы приносимъ оныя за помазаннаго нынѣ Богомъ Царя нашего, который не только скипетромъ и мечемъ ограждаетъ нашу жизнь и безопасность, но духомъ и всею жизнію своею подвизается, *дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ.* [1])

Не благодарно было бы предъ Богомъ и предъ нимъ, не вспомнить теперь, какой не давно примѣръ подалъ онъ намъ въ дѣлѣ молитвы, когда, не смотря ни на утомленіе отъ пути, ни на многоразличныя занятія кратковременнаго пребыванія въ обширномъ городѣ, въ шесть дней четырекратно посѣтилъ здѣшніе храмы въ часы возношенія безкровной жертвы.

---

[1]) Въ отд. изд. и въ Христ. Чт.: честности.

Какъ пріятно должно быть подданнымъ молиться за Царя, который такъ прилѣжно молится за подданныхъ!

Но между тѣмъ, какъ дѣло сіе совершается усердіемъ всѣхъ и каждаго, Церковь не почитаетъ излишнимъ, часто среди самаго дѣла молитвы, повторять намъ заповѣдь Апостола о молитвѣ; *молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Посему неизлишнимъ почелъ и я, не только повторить сію заповѣдь, но и разрѣшить ее на содержащіяся въ ней особенныя наставленія о молитвѣ.

Первое наставленіе въ изреченіи Апостола о молитвѣ есть то, что онъ поставляетъ дѣло молитвы прежде всего: *молю прежде всѣхъ творити молитвы.*

Много дѣлъ благихъ, которыхъ требуетъ отъ Христіанина Христіанство, и которыя оно въ немъ совершаетъ: но дѣло молитвы должно быть прежде всѣхъ; потому что безъ него не можетъ совершиться никакое другое дѣло благое. Найти и самымъ дѣломъ пройти путь Господень, уразумѣть истину, увидѣть жизнь, или иначе сказать, покаяніемъ распять плоть со страстями и похотями, чтобы очистить себя отъ всякія скверны плоти и духа, посредствомъ вѣры воскреснуть и просвѣтиться въ сердцѣ свѣтомъ Христовымъ, наконецъ Божественною любовію быть вознесену къ соединенію съ Божествомъ и къ обоженію посредствомъ сего соединенія: вотъ въ немногихъ словахъ сокращеніе великихъ дѣлъ, которыя должны совершиться въ Христіанинѣ; и какъ можно имъ совершиться, когда низшее изъ оныхъ не можетъ быть совершено безъ высшихъ; а высшее, обыкновенно, недостижимо для того, кто не могъ еще вступить на низшій степень? Какъ можетъ найти путь тотъ, кто не видитъ истины? Или, какъ можетъ идти путемъ тотъ, въ комъ нѣтъ жизни? А истиною и жизнію не прежде можетъ для насъ содѣлаться Іисусъ Христосъ, развѣ когда содѣлается путемъ: ибо въ семъ точно порядкѣ обѣщалъ Онъ намъ открыться, когда сказалъ: *Азъ есмь путь и истина и животъ* (Іоан. XIV, 6). Какъ же разрѣшить сей многосплетенный узелъ, котораго всѣ концы скрываются внутри его? Какъ отверзть сію заключенную сокровищницу, которая съпер-

ваго взгляда не представляетъ ни ключа, ни отверзтія, гдѣ бы оный влагался? Главная нить, которою разрѣшается весь узелъ духовныхъ тайнъ, и ключъ, которымъ отверзаются всѣ сокровища благодати, есть молитва. Молись съ Давидомъ: *скажи мнѣ, Господи, путь, въ оньже пойду, яко къ Тебѣ взяхъ душу мою* (Псал. CXLII, 8):—и откроется тебѣ истинный путь Господень *Аще кто отъ васъ лишенъ есть премудрости*, или, что тоже, познанія спасительной истины: *да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ нелицепріемнѣ, и не поношающаго, и дастся ему* (Іак. I, 5). Если кто и *живота просилъ есть у Тебѣ*, Господи, молитвою крѣпкою и чистою: *далъ еси ему* (Пс. XX, 5), и даруешь всегда, *исполняя во благихъ желанія* любящихъ Тебя (Псал. CII, 5). И что есть самая молитва въ сущности своей, какъ не дыханіе Божественной жизни въ человѣкѣ, по реченному: *самъ Духъ воздыхаетъ въ насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. VIII, 26)? Гдѣ есть хотя слабые начатки дыханія, тамъ есть признаки жизни: а гдѣ нѣтъ дыханія, тамъ нѣтъ и жизни. Такъ, въ комъ есть хотя начатки молитвы, въ томъ есть признаки жизни духовной: состояніе человѣка безъ духа молитвы есть состояніе бездыханнаго по внутреннему человѣку. Посему, какъ для жизни естественной прежде всего нужно возбудить дыханіе: такъ для жизни духовной прежде всего нужно возбуждать духъ молитвы.

Второе наставленіе въ разсматриваемомъ теперь изреченіи Апостола заключается то, что онъ даетъ понятіе о разныхъ видахъ молитвы. *Молю*, говоритъ онъ, *творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія.*

Молитвы должны мы приносить Богу, яко Богу, моленія, какъ Судіи, прошенія, какъ Царю, благодаренія, какъ Творцу и Подателю благъ Прошеніями можемъ просить отъ Него благъ, преимущественно вѣчныхъ, а частію и временныхъ; моленіями нужду имѣемъ умолять Его, да избавитъ насъ отъ золъ, отъ грѣха и отъ наказанія за грѣхъ; за исполненіемъ прошеній и моленій естественно слѣдуютъ благодаренія; молитва въ собственномъ [2]) и высшемъ ея знаменованіи забываетъ нѣкоторымъ образомъ и зло и собственное благо, и устремляется къ созерцанію верховнаго и всеобщаго блага въ Богѣ, такъ что въ ней

[2]) Въ отд. изд. и въ Христ. Чт.: особенномъ....

душа человѣка, по выраженію таинственнаго Пѣснопѣвца, *восходитъ* къ Богу, *аки стебло дыма кадильнаго* (Пѣсн. Пѣсн. III, 6). Моленія сѣтуютъ предъ Богомъ и утѣшаются: прошенія дерзаютъ и смиряются предъ Нимъ; благодаренія веселятся и торжествуютъ; молитва благоговѣетъ предъ Нимъ, и горитъ въ любви, какъ жертва всегда живая и всесожигаемая. Молитва вообще есть душа всѣхъ особенныхъ моленій, прошеній и благодареній; впрочемъ и сіи, смотря по состоянію Христіанина, соединять съ молитвою не только позволительно для него, но полезно и даже необходимо.—Кто не приноситъ моленій о прощеніи грѣховъ, тотъ или по невѣжеству не знаетъ ихъ, или закрываетъ ихъ отъ себя гордостію, какъ Фарисей, и, въ томъ и другомъ случаѣ, не принадлежитъ къ царствію Божію, которое, съ тѣхъ поръ, какъ *вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. III, 23), не пріемлетъ никого, кромѣ умоляющихъ и помилованныхъ —Кто никогда не приноситъ Богу прошеній, тотъ мало вѣруетъ въ Его благость и силу, или совсѣмъ не вѣруетъ. *Доселѣ* — такъ обличаетъ въ семъ недостаткѣ молитвы самихъ Апостоловъ Іисусъ Христосъ — доселѣ *не просисте ничесоже во имя Мое: просите и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ* (Іоан. XVI, 24). Кто не приноситъ благодареній, тотъ оказываетъ небесному Подателю всѣхъ благъ такую несправедливость, которая и между человѣками, въ отношеніи къ земнымъ благодѣтелямъ, осуждается и наказуется общимъ презрѣніемъ.

Третіе наставленіе разсматриваемаго изреченія Апостольскаго состоитъ въ томъ, что онъ опредѣляетъ, за кого и въ какомъ порядкѣ должно совершать молитвы. *Молю*, говоритъ онъ, *творити молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть.*

Слыхалъ я нѣкоторыхъ, которые говорятъ: «гдѣ уже намъ за другихъ молиться, когда мы за себя умолить не можемъ?» Такіе люди, конечно, думаютъ, что за себя должно молиться прежде всего, а за другихъ можно и не молиться. Что должны они подумать, что должны думать и всѣ мы, когда слышимъ, что Боговдохновенный наставникъ въ молитвѣ заповѣдуетъ молиться за всѣхъ другихъ безъ изъятія: *за вся человѣки*; заповѣдуетъ молиться за нѣкоторыхъ преимущественно: *за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть*; а о молитвѣ за себя самихъ со-

всѣмъ не упоминаетъ? Что сіе значитъ? То, что молитва о себѣ самихъ, взятая отдѣльно отъ молитвы за другихъ, какъ плодъ духовнаго своекорыстія, не можетъ составить чистой Христіанской добродѣтели, а потому и не стоитъ особенной заповѣди; между тѣмъ какъ молящійся о всѣхъ молится въ то же время и о себѣ, и тѣмъ съ большею чистотою и безкорыстіемъ, чѣмъ менѣе отдѣляетъ свое особенное благо и спасеніе отъ всеобщаго блага и спасенія всѣхъ человѣковъ. Посему и Самъ Іисусъ Христосъ далъ всѣмъ намъ одну молитву, не каждому за себя, но всѣмъ и каждому за всѣхъ, повелѣвъ просить *у Отца нашего* небеснаго *воли Его* для всей *земли*, и *насущнаго хлѣба*, *прощенія долговъ*, *избавленія отъ искушеній* для всѣхъ *насъ* (Лук. XI, 2. 3. 4). Даже въ частныхъ нашихъ случаяхъ Онъ желалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, *два или тріе совѣщались просить о всякой вещи Отца небеснаго* (Матѳ. XVIII, 19). И такъ, не отрекайся отъ молитвы за другихъ подъ предлогомъ опасенія, что за себя умолить не можешь: но въ самомъ дѣлѣ опасайся, что не умолишь о себѣ, если за другихъ молиться не будешь. Если каждый о себѣ только молиться будетъ; то каждый останется только съ своею молитвою, хладный съ хладною, немощный съ немощною: но если каждый будетъ молиться за всѣхъ; то каждый вспомоществуемъ будетъ многомощною молитвою всея Церкви Христовы и всѣхъ Святыхъ Божіихъ. *Молю убо творити молитвы за вся человѣки.*

Что касается до молитвъ, предписанныхъ въ особенности *за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть*: не безполезно въ настоящее время обратить вниманіе на то, что когда писалъ Апостолъ сію заповѣдь къ Церкви Ефесской, тогда цари и власти, отъ которыхъ могло зависѣть ея внѣшнее благосостояніе, были не христіане, а язычники, не защитники, а большею частію гонители Церкви. Если за таковыхъ молиться есть обязанность Христіанская: то сколь противно было бы Христіанству нерадѣть о молитвѣ за Царя, который есть Христовъ помазанникъ, и который властію и примѣромъ утверждаетъ и распространяетъ благочестіе! Нерадѣніе сіе не можетъ остаться ненаказаннымъ по той сокровенной связи, которою Провидѣніе Божіе въ судьбѣ царей и народовъ не всегда близко, но всегда дивнымъ образомъ точно соединяетъ благочестіе съ благоденствіемъ, и пороки съ бѣдствіями. Почему столь благочестивые и благодѣтельные

*

цари, какъ Езекія и Іосія, не могли отвратить погибели царства Іудейскаго?—Потому, что недостойный народъ не хотѣлъ вмѣстить духа благочестія, который они въ немъ возбудить столь усильно старались

Четвертое наставленіе въ разсматриваемомъ изреченіи Апостола есть то, что онъ постановляетъ для дѣла молитвы правильную цѣль: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ*.

Послѣдствія молитвы, съ неправильною цѣлію приносимой, изображаетъ другой Апостолъ, когда говоритъ: *просите и не пріемлете, зане зль просите, да въ сластехъ вашихъ ждивете* (Іак. IV, 3). Онъ показываетъ молитву безплодную: *просите, и не пріемлете*. Но почему она безплодна?—Потому что не имѣетъ потребной доброты и достоинства: *зане зль просите* А почему она недостойна?—Потому что молящіеся имѣютъ неправильную цѣль, дабы удовлетворить собственнымъ вожделѣніямъ: *да въ сластехъ вашихъ ждивете*. Предупреждая сіе злоупотребленіе и, можно сказать, оскверненіе святыни, какова есть молитва, святый Павелъ предписываетъ, чтобы мы при молитвахъ и прошеніяхъ нашихъ имѣли въ виду не собственныя вожделѣнія, но общее всѣхъ Христіанъ житіе, благосостояніе Церкви и отечества; чтобы предметомъ желаній нашихъ была не жизнь пріятная, для угожденія грубому или тонкому сластолюбію, не жизнь изобильная, для удовлетворенія корыстолюбію, не жизнь блистательная и славная, которая питала бы нашу гордость и честолюбіе; но жизнь тихая и безмятежная; чтобы наконецъ и сія самая не была послѣднею цѣлію желаній, такъ какъ мы, не имѣя въ сей временной, внѣшней жизни *пребывающаго града* (Евр. XIII, 14), не можемъ здѣсь поставить послѣдней меты для нашего стремленія, но чтобы мы, достигая тихаго и безмятежнаго состоянія временной и внѣшней жизни, тѣмъ безпрепятственнѣе простирались къ достиженію дальнѣйшихъ успѣховъ въ жизни внутренней, для пріобрѣтенія права на жизнь вѣчную въ грядущемъ небесномъ градѣ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ*.

Воспользуемся, братія, сими Апостольскими наставленіями, если кто до сихъ поръ не довольно ими пользовался.

Не попустимъ, чтобы праздность или суетныя увеселенія

удаляли насъ отъ священнаго дѣла молитвы общественной и частной, церковной и домашней; не допустимъ самыя дѣла мірскія разрушать въ насъ сіе дѣло Божіе Есть *время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. III, 1): какъ не быть времени для молитвы, которая есть первая вещь подъ небесемъ? Есть время для зрѣлищъ: какъ не быть времени для храма? Если поспѣшаешь и на добрыя и на законныя дѣла: поспѣши еще паче предварить ихъ молитвою, чтобы доброе и законное содѣлалось святымъ; ибо *все освящается молитвою* (1 Тим IV, 5). *Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы.*

Будемъ, сколько можно, внимательны къ разнымъ случаямъ, къ которымъ благоразумно примѣняемое дѣло молитвы становится полнымъ и совершеннымъ Чувствуя себя повинными предъ правосудіемъ Божіимъ, принесемъ Ему моленія, да проститъ намъ долги наши; а если бы и все повелѣнное сотворили, не престанемъ и тогда умолять о милости, признавая себя рабами неключимыми, которые ничего еще не заслужили, исполнивъ только должное. Мысль, что небесный Отецъ знаетъ наши нужды, сія сладкая пища Христіанской надежды, да не превращается у насъ въ пищу лѣности или невѣрія; то, что Отецъ всевѣдущъ, да не препятствуетъ чадамъ быть искренними; будемъ приносить Ему дѣтскія прошенія наши, дабы Тотъ, Который по Своему всевѣдѣнію предвидѣлъ оныя, могъ исполнить оныя сообразно съ правдою Своею. Но какъ чада послушанія, получимъ ли просимое въ полную мѣру прошенія, или совсѣмъ не получимъ онаго, или даже лишимся и того, что имѣли, во всѣхъ сихъ случаяхъ не престанемъ приносить наши благодаренія Отцу, Который сколько щедръ тогда, когда подаетъ хлѣбъ, столько же благъ и тогда, когда не даетъ горящаго угля несмысленному дѣтищу, или отъемлетъ у него смертоносное орудіе Дерзнемъ приступать ближе и ближе къ сему всеблагому Отцу, даже безъ посредства нашихъ нуждъ и Его даровъ: довольно услышать одно слово Его, или одно имя Его, *да изыдетъ душа наша въ слово Его* (Пѣсн. Пѣсн. V, 6), и вся изліется предъ Нимъ въ молитвѣ любви и радости. Тако *молю творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія.*

Расширимъ сердце наше молитвою, и объимемъ ею всѣхъ человѣковъ. Въ ней и отдаленное да содѣлается близкимъ, и чуждое собственнымъ, высокое и низкое равнымъ предъ лицемъ Все-

вышняго; въ ней да угаснетъ вражда, и любовь да воспламенится болѣе сильнымъ и чистымъ пламенемъ. Особенно взыщемъ чрезъ молитву блага тѣмъ, которыхъ Богъ поставилъ особенными подвигами созидать наше благо. Кто знаетъ, сколько можетъ молитва вѣры за Царя и отечество? Нѣкогда молитва одного Елиссея для царя и царства Израильскаго была сильнѣе войска; ибо привела цѣлое непріятельское войско плѣннымъ въ столицу Израиля. *Молю убо творити молитвы за вся человѣки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть.*

Наконецъ, будемъ остерегаться, чтобы нечистое намѣреніе, какъ червь, не повредило плода молитвы въ самой его внутренности. Какъ недостойна была бы, напримѣръ, молитва за Царя, если бы кто предсталъ въ ней съ прочими только для того, чтобы исполнить обычай и гражданскую обязанность! Нѣтъ! Не того требуетъ Христіанство; не того достоинъ Царь. Искреннимъ сердцемъ, и всею душею да приносимъ *молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть,* съ чистымъ намѣреніемъ, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ* (1 Тим. II, 1. 3.), Которому да воздается молитва непрестанно, благодареніе за все, и слава во вѣки. Аминь.

LXIV.

35. Слово

при открытіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

(Говорено въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, Декабря 2 дня, напечатано отдѣльно въ 1823 и 1824 гг. и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.)

> Да узрятъ нищіи, и возвеселятся: взыщите Бога, и жива будетъ душа ваша. Яко услыша убогія Господь, и окованныя Своя не уничижи. Псал LXVIII, 33. 34.

Нѣкогда богатый милостію Господь нашъ Іисусъ Христосъ возвѣщалъ о Себѣ, что Онъ посланъ *благовѣствовать нищимъ;*

и не просто посланъ, но нѣкимъ особеннымъ тайнымъ дѣйствіемъ Святаго Духа *помазанъ*, или посвященъ, въ сіе служеніе. *Духъ Господень на Мнѣ*—сіи слова Пророка Исаіи относитъ Онъ къ Себѣ—*Духъ Господень на Мнѣ; Ѥюже ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцемъ* (Лук. IV, 18). Если небесное и Божественное посольство частію имѣло предметомъ благовѣствовать нищимъ; если Святѣйшему Посланнику Божества надлежало принять особенное посвященіе для сего служенія: то какъ важно служеніе — благовѣствовать нищимъ! Правда, Іисусъ Христосъ благовѣствовалъ преимущественно нищимъ духомъ, и предлагалъ имъ духовное богатство благодати: впрочемъ Онъ благовѣствовалъ также и нищимъ плотію, исцѣлялъ больныхъ и разслабленныхъ, милосердовалъ о народѣ не имѣющемъ, чесо ясти, и не разъ подавалъ ему хлѣбную милостыню, напитавъ пять тысячь пятью, и четыре тысячи семью хлѣбами. Для чего Самъ Онъ посланъ былъ отъ Отца Своего: для того же преемственно посылаетъ учениковъ Своихъ. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (Іоан. XX, 21). Блаженъ, кто такимъ образомъ посланъ и помазанъ отъ Него, чтобы духовную нищету ближнихъ исполнять духовнымъ богатствомъ благодати! Но и то не есть ли благое участіе въ Его посланничествѣ и въ Его помазаніи, когда можемъ благовѣствовать хотя нищимъ плотію, облегчать ихъ бѣдствіе словомъ утѣшенія и надежды, а по мѣрѣ возможности, и дѣломъ помощи?

На сей разъ духъ человѣколюбія Христова посылаетъ меня благовѣствовать нищимъ, именно, вашимъ, братія, служители Олтаря. Сей духъ въ Благочестивѣйшемъ Помазанникѣ Господнемъ и въ Святѣйшемъ Соборѣ Правительства церковнаго подвигся на помощь безпомощнымъ вашимъ, изнуреннымъ старостію, окованнымъ болѣзнію, сиротствующимъ, вдовствующимъ; нынѣ полагается основаніе постояннаго призрѣнія ихъ чрезъ составляемое для того изъ васъ же Попечительное Сословіе; средства для сего частію дало само Правительство, по мѣрѣ его возможности, частію же оно уполномочило насъ прибѣгнуть для сего къ человѣколюбію вѣрныхъ и послушныхъ дѣтей Церкви. *Да узрятъ нищіи, и возвеселятся! яко услыша убогія Господь, и окованныя Своя не уничижи.*

Прежде нежели сіе веселіе нищихъ принесемъ мы предъ

Бога въ благодарственномъ моленіи, какъ то заповѣдалъ намъ Святѣйшій Сунодъ, бросимъ хотя легкій наблюдательный взоръ на многоразличную скорбь нищихъ, ожидающую себѣ утѣшенія.

Нищета есть одинъ изъ горькихъ плодовъ проклятія, которое на лицѣ всея земли грѣхъ человѣческій посѣялъ, а гнѣвъ Божій допустилъ произрастать. Какъ видимый предметъ перваго грѣха составляла пища,—плодъ запрещеннаго древа; и первое обнаруженіе грѣховной заразы, проникнувшей человѣка, была искуственная одежда,—листвіе смоковничное, вмѣсто естественнаго одѣянія свѣта, отъ котораго человѣкъ обнажился грѣхомъ,—одежда также грѣхомъ осквернённая, потому что обнаруживала лукавое и лицемѣрное желаніе скрыть послѣдствіе грѣха: соотвѣтственно съ сими дѣйствіями грѣха, на тѣхъ же двухъ предметахъ, на пищѣ и одеждѣ человѣка, особеннымъ образомъ оказалось дѣйствіе проклятія; такъ что онъ въ отношеніи къ симъ предметамъ сдѣлался бѣднѣе послѣднихъ земныхъ тварей. Жилище созидаетъ себѣ человѣкъ; созидаютъ себѣ и прочія животныя: въ семъ они равны между собою. Но для пищи—*птицы небесныя не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы*: а человѣку въ день проклятія [1]) сказано: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*, и посѣянное, сжатое, собранное въ житницы, еще не пища для него, если не придетъ въ помощь жерновный камень, сила дрождей, огня и многоразличное искусство; самый духъ благодати, упраздняющій проклятіе, хотя разрѣшаетъ насъ отъ заботливаго попеченія о пищѣ: *не печытеся, что ясте*; но еще не освобождаетъ отъ труда для снисканія пропитанія: *до нынѣшняго часа труждаемся*. [2]) И для одежды—*крины сельные не труждаются, ни прядутъ*, также и безсловесныя животныя; ихъ одежда, безъ всякаго ихъ усилія, вырастаетъ изъ самаго ихъ тѣла, и такимъ же образомъ, когда обветшаетъ, замѣняется новою: а человѣкъ не только не найдетъ себѣ въ цѣломъ мірѣ готовой одежды; не только имѣетъ нужду въ трудной и долговременной работѣ, чтобы составить себѣ одежду: но даже принужденъ для сего или грабить, или убивать другія твари, на примѣръ, обнажить овцу отъ естественной ея одежды, чтобы одѣться ея волною, или совсѣмъ убить ее, чтобы

[1]) Въ отд. изд. 1823 г. этихъ словъ нѣтъ.
[2]) Въ отд. изд 1823 г. этихъ словъ нѣтъ.

одѣться ея кожею. Но не станемъ болѣе распространяться словомъ о всеобщей нищетѣ человѣческой, на которую я только мимоходомъ указываю для того, чтобы внимательные могли примѣчать, какъ самыми обыкновенными предметами въ жизни обличаются дѣйствія первороднаго грѣха, и съ самою природою смѣшеннаго поврежденія человѣческаго рода: и дабы никто не осмѣливался презирать нищеты, которая въ нѣкоторомъ степени есть общій жребій человѣковъ, всѣхъ безъ изъятія уничижающій, предъ самыми низкими тварями. Посмотримъ ближе на частную нищету, происшедшую изъ того, что человѣки всеобщую нищету свою, по неизбѣжному ли послѣдствію общежитія, или по дѣйствію корыстолюбія и другихъ страстей, не по равну между собою раздѣлили.

Скорбь нищеты есть одна изъ тяжкихъ скорбей потому, что стѣсняетъ жизнь въ самыхъ необходимыхъ ея требованіяхъ: не такъ какъ многія другія скорби, которыя раждаются отъ неудовлетворенія случайнымъ только, или даже только мнимымъ потребностямъ. Унижаютъ меня, или возвышаютъ надо мною низшихъ меня: могу скорбѣть и много и мало, почти столько, сколь велико или мало мое честолюбіе; а могу и совсѣмъ побѣдить скорбь, побѣдивъ честолюбіе; живутъ и въ самомъ низкомъ состояніи спокойно и благополучно. Клевещутъ на меня, лишаютъ меня добраго мнѣнія: и сіе бѣдствіе, когда не простирается далѣе мнѣнія, есть мнимое: ибо мнѣніе другихъ обо мнѣ, каково бы ни было, не отнимаетъ у меня власти оставаться честнымъ, если я честенъ, благомыслящимъ и боящимся Бога, если я таковъ; а для того, кто имѣетъ сокровище, тяжка ли та скорбь, что другіе думаютъ, будто онъ не имѣетъ? Но когда лишенъ я пищи, одежды: тогда никакая Философія не можетъ увѣрить меня, что я не голоденъ и не нагъ: здѣсь одна вещественная помощь состраданія можетъ облегчить вещественное страданіе.

Собственная тягость нищеты увеличивается тѣмъ, что сіе бѣдствіе очень часто служитъ сѣменемъ или пищею другихъ бѣдствій. Если съ нищетою встрѣчается болѣзнь: онѣ усиливаютъ одна другую, чтобы совокупно подавлять бѣдное человѣчество: нищета не допускаетъ отражать болѣзнь врачеваніемъ; болѣзнь не оставляетъ мѣста трудолюбію сражаться съ нищетою. Если нищета постигаетъ начальника семейства: тя-

жесть бѣдствія умножается надъ нимъ по числу домашнихъ его, между тѣмъ какъ и надъ каждымъ изъ нихъ тоже бремя тяготѣетъ; для сына его нѣтъ воспитанія; для дочери его нѣтъ супружества. Не скажу, чтобы нищета прямо пролагала путь порокамъ, преступленіямъ и послѣдующимъ за ними бѣдствіямъ; ибо неоспоримо сказанное, что *отъ сердца исходятъ помышленія злая* (Матѳ. XV, 19), а не изъ пустаго влагалища: впрочемъ внимательно наблюдающіе сердце человѣческое, могутъ примѣчать, что тайное въ немъ слово беззаконія, или подавляется внутри его, или произникаетъ во внѣшнія дѣла, при содѣйствіи внѣшнихъ обстоятельствъ; такимъ образомъ крайняя скудость изощряетъ искушеніе къ неправедному пріобрѣтенію; привычка къ неблаговидной наружности, столь обыкновенной въ нищетѣ, представляетъ не слишкомъ отвратительными неблагородные поступки, и, по странному превращенію причины въ ея послѣдствіяхъ, отъ нищеты тѣлесной иногда не менѣе бѣдствуетъ душа, какъ и тѣло;—бѣдствуетъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ менѣе чувствуетъ тяжесть сего духовнаго бѣдствія въ сравненіи съ тѣлеснымъ.

Понравится ли чадамъ изобилія, когда еще скажу? Скажу однако, повинуяся истинѣ, въ наставленіе намъ, не испытавшимъ нищеты, изъ которыхъ многіе смотрятъ на нее съ большимъ, нежели должно, равнодушіемъ,— что тяжесть особенно подавляющая нищихъ братій нашихъ есть именно наше изобиліе и роскошь. *Богъ живый даетъ намъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *вся обильно въ наслажденіе* (1 Тим. VI, 17): отъ чего же иной не имѣетъ даже насущнаго хлѣба на сей день? — Отъ того, что другой заперъ у себя *многа блага, лежаща на лѣта многа*, или въ одинъ день истребляетъ болѣе годоваго пропитанія бѣднаго. Не властенъ ли я, скажетъ онъ, беречь или употреблять по произволу законную собственность?—Властенъ; но и беречь и употреблять также законно, по закону надежды на Бога, Который употребленное для нищихъ пріемлетъ въ заемъ Себѣ, и безъ сомнѣнія не оставитъ въ нуждѣ Своего заимодавца; — по обычаю, если можно, совершенныхъ вѣрующихъ, которые *раздаяху всѣмъ, егоже аще кто требоваше*, и отъ того *не бяше нищь ни единъ въ нихъ* (Дѣян. II, 45; IV, 34);—по крайней мѣрѣ по законамъ благоразумія и умѣренности, по законамъ человѣколюбія и состраданія, которые не менѣе понятны для ни-

щихъ, какъ для тебя твой законъ собственности. Или, если угодно, не станемъ оспоривать у богатыхъ права располагать законною собственностію такъ безпорядочно, какъ они хотятъ: желательно только, чтобы сердце ихъ почувствовало, какъ иногда, думая невинно играть своею собственностію, глубоко пронзаютъ они сердца нищихъ *Вы вѣсте*, говоритъ Моусей Израильтянамъ, побуждая ихъ не оскорблять пришельца,—*вы вѣсте душу пришельчу: понеже сами бысте пришельцы въ земли Египетстѣй* (Исх. XXIII, 9). Мы, которые сами, по щедротамъ Божіимъ, не были нищими, знаемъ ли душу нищаго? Знаемъ ли, что онъ думаетъ и чувствуетъ, проходя, на примѣръ, близъ обширныхъ хранилищъ богатаго, или близъ огромнаго дома зрѣлищъ, или встрѣчаясь съ одѣтымъ въ драгоцѣнную одежду, не по требованію званія, или обоняя чадъ тучнаго пира, или слыша мусикійскій громъ изъ чертоговъ роскоши, и видя въ нихъ въ полночь полуденный свѣтъ?—«Если бы—вѣроятно, думаетъ онъ—«если бы сіи обширныя хранилища не наполнялись тѣмъ, «что богатому совсѣмъ не нужно: какъ многіе, подобные мнѣ, «могли бы получить отъ него необходимое, котораго теперь мы «не имѣемъ! Если бы сей широкій кровъ не былъ нуженъ на «нѣкоторые часы праздности, чтобы подъ нимъ собирались ви«дѣть притворство, и слушать вымыслы: сколько можно было «бы собрать и водворить подъ нимъ такихъ, которые теперь не «имѣютъ, гдѣ главы подклонити, или не живутъ, а губятъ «жизнь въ нечистыхъ, нездоровыхъ, полуразрушенныхъ и па«деніемъ угрожающихъ жилищахъ! И тогда бы здѣсь не ложныя «дѣйствующія лица произносили вымышленныя восклицанія стра«стей, но непритворные дѣйствователи неухищреннаго зрѣлища «возносили къ небесамъ благодарственныя воскликновенія, и са«мые камни возвѣщали дѣйствительную добродѣтель человѣко«любія. Если бы носящій сію рѣдкую иноземную одежду согла«сился промѣнять ее на обыкновенную отечественную: онъ и «тогда былъ бы одѣтъ прилично, и помогъ бы многимъ изъ «насъ промѣнять рубище на одежду. Если бы съ сего стола, «котораго продолжительностію скучаютъ собесѣдники, снять одну «перемѣну пищи или питія· изъ сего можно было бы состаавить новый пиръ для нѣсколькихъ, теперь алчущихъ и жаждущихъ. Сколько сладкихъ или гремящихъ звуковъ въ чертогѣ роскоши въ часъ веселія: столько можно было бы утишить

«воплей и стоновъ бѣдствія, если бы на тотъ часъ отказать «искусству, и отдать нищетѣ то, что ему обѣщано. Тамъ игра «богатыхъ несравненно дороже цѣнится, нежели трудъ бѣдныхъ: «и тѣмъ, которые платятъ сію цѣну иногда безпрекословнѣе, «нежели плату работающему, или долгъ заимодавцу, не прихо- «дитъ на мысль, что за сію цѣну можно было бы выиграть бла- «годенствіе бѣднаго семейства и нѣсколько сердецъ признатель- «ныхъ. У сего свѣтлаго чертога можно бы отнять нѣсколько изъ «многочисленныхъ его свѣтильниковъ такъ, чтобы онъ еще «оставался свѣтлымъ: но чрезъ то можно было бы наполнить «елеемъ утѣшенія свѣтильникъ жизни, который отъ нищеты «истощается, и можетъ вскорѣ совсѣмъ угаснуть». — Если въ сихъ размышленіяхъ сколько нибудь угадываю я душу нищаго: то помыслите, какова должна быть ея скорбь, когда онъ чувствуетъ свое бѣдствіе, видитъ вокругъ себя средства, могущія прекратить оное, и удобность употребить ихъ, но въ тоже время видитъ и то, что употреблять ихъ не хотятъ, и ему то не позволено; — стоитъ среди текущей рѣки чужаго изобилія; но вода чужая проходитъ близъ устъ его, и оставляетъ его жаждущимъ! Такъ и Евангеліе въ сказаніи о Лазарѣ самою сильною чертою бѣдствія его полагаетъ то, что онъ бѣдствовалъ у прага изобилія: *лежаше предъ враты его гноенъ, и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго* (Лук. XVI, 20. 21) [3]).

Кто пожелаетъ разсматривать нищету въ разныхъ общественныхъ званіяхъ, тотъ еще откроетъ разныя черты страданія, и новыя побужденія къ состраданію: и въ семъ разсмотрѣніи нищета нашего званія, думаю, представится внимательнымъ наблюдателямъ особенно достойною сострадательнаго участія. Въ другихъ званіяхъ нищета не рѣдко происходитъ отъ лѣности, отъ предпріимчивой жадности къ пріобрѣтенію, отъ расточительности, и потому есть не бѣдствіе, но наказаніе: въ званіи служителей Олтаря, почти всеобщій жребій его составляющая бѣдность превращается въ нищету обыкновенно болѣзнію, старостію, или смертію начальника семейства, доставлявшаго себѣ и ему пропитаніе. Въ иномъ званіи сирота и вдовица безпрепятственно, по крайней мѣрѣ, укрываются подъ осиротѣвшимъ кро-

[3]) Въ отд. изд. 1823 г. этихъ словъ нѣтъ.

вомъ отца и супруга· въ нашемъ званіи сиротство и вдовство, даже болѣзнь и старость, заграждая источникъ пропитанія, по большей части отъемлютъ у нищаго и жилище, которое, по установленіямъ, должно всегда принадлежать дѣйствительно служащему Церкви.

Наконецъ — *сей нищій воззва, и Господь услыша и* (Псал. XXXIII, 7). *Да узрятъ нищіи, и возвеселятся!*

Правда, и теперь нищіе наши могутъ видѣть у насъ только еще приготовленіе къ облегченію ихъ участи; могутъ веселиться только еще надеждою. Ибо средства призрѣнія ихъ меньшею только частію подаетъ намъ человѣколюбивая рука Правительства, большею же частію онѣ скрыты еще въ рукахъ частнаго человѣколюбія. Совершится ли и съ сей стороны надежда убогихъ, и будетъ ли радость ихъ дѣйствительно исполнена? Узрятъ ли они въ участникахъ одного званія одинъ духъ братолюбія, и столь же искреннюю попечительность о бѣдности званія, какъ о бѣдности собственнаго семейства? Узрятъ ли въ чадахъ Церкви возвѣщаемую Апостоломъ *вѣру чистую и нескверную предъ Богомъ и Отцемъ, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ* (Іак. I, 27), и во-первыхъ, сирыхъ и вдовицъ, оставленныхъ служителями сея чистыя вѣры? При ходатайствѣ за сихъ вдовицъ и сирыхъ, вспомните ли вы, чада вѣры, что тѣ, отъ которыхъ онѣ остались, провели и окончили жизнь въ молитвахъ за васъ и въ служеніи спасенію душъ вашихъ? Подумаете ли, что сіи вдовицы и сироты пастырей вашихъ потому не получили наслѣдства, и самые сіи пастыри потому не собрали запаса на старость или болѣзнь, что *посѣщали стадо Божіе не нуждею, но волею, и по Бозѣ, ниже неправедными прибытки, но усердно* (1 Петр. V, 2)? Пожелаете ли на ваше изобиліе, на ваше великолѣпіе, на ваши увеселенія, которыя поистинѣ часто дѣлаетъ нечистыми неумѣренность,—пожелаете ли положить на оныя добровольную очистительную дань человѣколюбію и нищелюбію?

Будемъ надѣяться, что Начный дѣло благо въ насъ, и совершитъ оное благодатію Своею, чрезъ благоугодныя Ему орудія. Возблагодаримъ Его за начало: воззовемъ къ Нему о совершеніи. *Взыщите Бога, и жива будетъ душа ваша. Услыша* — и еще услышитъ — *убогія Господь, и окованныя Своя не уничижитъ*. Аминь.

1824 годъ.

LXV.

36. Слово

въ недѣлю по Воздвиженіи *).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Иже бо аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ; и сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы Святыми Марк. VIII, 38.

Отецъ Небесный не судитъ никому, но весь судъ отдалъ Сыну Своему. Смотрите, какъ дивенъ судъ Его. Какъ онъ точенъ и строгъ! Ибо наказаніе съ преступленіемъ измѣряется одною и тою же мѣрою. Если человѣкъ постыдится Христа; вотъ преступленіе:—и Христосъ постыдится человѣка;—вотъ наказаніе. Но какъ вмѣстѣ и снисходителенъ судъ сей! Сколько дерзновенный рабъ захочетъ унизить предъ очами своими Господа славы: столько, а не болѣе, Господь славы хочетъ унизить предъ Собою раба дерзновеннаго: *иже аще постыдится Мене: и Сынъ человѣческій постыдится его.*

Но какимъ бы въ семъ случаѣ ни являлся намъ Верховный Судія, строгимъ ли, дабы устрашить насъ, и страхомъ спасти отъ преступленія и осужденія, снисходительнымъ ли, дабы устыдить насъ, и стыдомъ спасительнымъ предупредить стыдъ за-

*) По Евреиновскому сборнику сіе слово значится произнесеннымъ въ Чудовѣ Монастырѣ въ недѣлю крестопоклонную марта 9.

конопреступный, самое преступленіе, на которое произносится судъ, кажется, можетъ возбудить въ насъ весь ужасъ отвращенія, и все вниманіе осторожности. Какъ? Будутъ люди, которые подумаютъ, что Сынъ человѣческій и словеса Его, то есть, Хрістосъ и Христіанство, дѣлаютъ имъ стыдъ?—Къ сожалѣнію невозможно въ семъ сомнѣваться. Будетъ то, что предсказываетъ Истина. Всевѣдущій Судія не провозглашалъ бы наказанія, если бы не предвидѣлъ преступленія.

Чтобы нѣкогда Господь нашъ не постыдился насъ, Христіане, нужно намъ, въ предосторожность нашу, внимательно размыслить, что значитъ *постыдиться Сына человѣческаго и словесъ Его*, и какъ можно впасть въ сіе преступленіе.

Иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми.

Стыдятся обыкновенно нечистаго, низкаго, презрѣннаго. Какъ же можно постыдиться Іисуса Хріста всечистаго, превознесеннаго, препрославленнаго? Что значитъ въ семъ случаѣ *постыдиться?*

Дабы опредѣлить разумъ сего слова въ устахъ Іисуса Хріста, надлежитъ вспомнить, что предъ тѣмъ говорилъ Онъ о крестѣ. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* Но что былъ крестъ въ очахъ людей, прежде нежели крестная смерть и воскресеніе Спасителя нашего, представили оный и по внутреннему знаменованію величественнымъ, и чрезъ то купно и по внѣшнему знаменованію священнымъ? Онъ былъ орудіе смерти для осужденныхъ, и между осужденными для рабовъ, или для людей, признаваемыхъ достойными вмѣстѣ и наказанія и поруганія. Посему вѣроятно, что люди, привыкшіе цѣнить вещи цѣною народнаго мнѣнія, услышавъ ученіе о крестѣ, тотчасъ подумали, какъ трудно послѣдовать Учителю, Который готовится и готовитъ учениковъ своихъ къ такому необыкновенному позору; вѣроятно, что люди отличной образованности и изящнаго вкуса по своему времени, стыдились даже стоять между слушателями такого Учителя, Который преподаетъ столь странное ученіе. На сіи помышленія и чувствованія испытующій сердца Учитель отвѣтствуетъ: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ человѣческій по-*

стыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми. Изъ сего можно заключить, что *стыдиться Сына человѣческаго* опредѣлительно значитъ стыдиться Іисуса Христа, яко распятаго; и что стыдиться *словесъ* Его значитъ стыдиться ученія о крестѣ. Предостереженіе противъ сего стыда очевидно нужно было для временъ, въ которыя господствовало Іудейство и язычество, и въ которыя для опроверженія Христіанской вѣры, и для осмѣянія Христіанъ, какъ безумныхъ, довольнымъ почитали сказать, что они вѣруютъ въ Распятаго;—какъ безумныхъ, говорю я: ибо точно сіе говоритъ Апостолъ: *слово крестное погибающимъ юродство есть;—мы проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллинамъ же безуміе* (1 Кор. I, 18. 23); и посему тотъ же Апостолъ, вмѣсто того, чтобы объявить себя пріемлющимъ ученіе Христово, вѣрующимъ ему, благоговѣющимъ предъ нимъ, почелъ довольнымъ сказать, что не стыдится онаго: *не стыждуся благовѣствованіемъ Христовымъ; сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. I, 16).

Должно замѣтить, что то же преступленіе, которое Іисусъ Христосъ называетъ стыдомъ имени Его и ученія, иначе называетъ Онъ *отверженіемъ Его*, или отреченіемъ отъ Него: *иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ.* Стыдиться Христа есть начало, а отречься отъ Него есть совершеніе одного и того же преступленія. Какъ *сердцемъ вѣруется въ правду; усты же исповѣдуется во спасеніе* (Рим. X, 10): такъ сердцемъ стыдятся Христа въ осужденіе, чувствуютъ тягость и затрудненіе отъ Его ученія, какъ несообразнаго съ понятіями гордаго разума, съ похотями плоти, съ обычаями вѣка сего; и вслѣдствіе таковыхъ внутреннихъ расположеній, устами, дѣлами и всею жизнію отрекаются отъ Него къ погибели.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый благомыслящій Христіанинъ чувствуетъ важность сего преступленія, разсматриваемаго во всемъ его пространствѣ: и можетъ быть, нѣкоторые думаютъ, что самая тяжесть онаго избавляетъ ихъ отъ опасенія, чтобы не впасть въ оное. Не удивляюсь, если благонамѣренные, но не опытные въ Христіанствѣ, такъ думаютъ. Такъ думалъ Апостолъ Петръ, когда на предсказаніе Іисуса Христа, что всѣ Апостолы соблазнятся о Немъ въ слѣдующую ночь, сказалъ Господу: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогда же соблазнюся* (Матѳ.

XXVI, 33). И еще на предсказаніе о его троекратномъ отреченіи отъ Христа: *аще ми есть и умрети съ Тобою, не отвергуся Тебе.* Такъ и всѣ Апостолы думали: *такожде и вси ученицы рѣша* (35). Но извѣстно, что было въ слѣдующую ночь: *тогда ученицы вси оставльше Его, бѣжаша* (56). И Петръ, который менѣе всѣхъ опасался паденія, палъ бѣдственнѣе всѣхъ прочихъ. Отчего же сіе случилось? Отъ того наиболѣе, что Петръ не опасался пасть такъ глубоко; а того еще не извѣдалъ, какъ древній человѣкоубійца тростіемъ и изгребіемъ закрываетъ пропасти, чтобы навести на нихъ и низринуть неосторожнаго. Если бы кто изъ явныхъ и сильныхъ враговъ Христовыхъ напалъ на Петра: онъ увидѣлъ бы опасность, и вооружился бы мужествомъ. Если бы прямо сказали ему: отрекись отъ Христа: онъ ужаснулся бы сего преступленія, и, можетъ быть, подлинно рѣшился бы въ ту же минуту, до смерти стоять въ исповѣданіи осуждаемаго на смерть Іисуса. Вмѣсто того, *приступи къ нему едина рабыня*: чего тутъ опасаться? Она ничего не говоритъ, и вѣроятно, ничего не понимаетъ, ни о вѣрѣ во Христа, ни о исповѣданіи Его; а только любопытствуетъ о томъ, кого видали съ Нимъ вмѣстѣ: *и ты былъ еси со Іисусомъ Галилейскимъ.* Петръ подумалъ, можетъ быть, что не стоитъ труда входить въ разговоръ о Христѣ съ людьми, которые такъ далеки отъ Его таинъ, и что сіе значило бы метать бисеръ предъ свиніями. По видимому, онъ старался только прекратить рѣчь. *Не вѣмъ, что глаголеши*, сказалъ онъ; я тебя не понимаю: и не свѣдалъ, какъ постыдный для Апостола стыдъ Сына человѣческаго прокрался [2]) въ сердце Апостола. Нападеніе повторено сильнѣе прежняго: ибо другая рабыня указала его *сущимъ тамо.* Надлежало усилить отпоръ: и Петръ сказалъ *съ клятвою, яко не знаю человѣка.* Такимъ образомъ уклоненіе отъ разговора о Іисусѣ не примѣтно превратилось въ отреченіе отъ Его лица. Еще нападеніе и улика,—и Петръ *начатъ ротитися и клятися, яко не знаю человѣка,* то есть, всѣми силами отрицаться отъ Него. Сіе нечаянное и глубокое паденіе Петра, горько имъ оплаканное, попущено Провидѣніемъ Божіимъ не для его только испытанія, но и въ наставленіе

[2]) По Евр. сборн.: какъ постыденъ для Апостола стыдъ Сына человѣческаго, который прокрался...

всѣмъ намъ, Христіане. Онъ преткнулся, дабы мы научились осторожно ступать по пути спасенія *Мнiйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X, 12). Если мы думаемъ, что рѣшились бы пожертвовать жизнію за Христа, когда бы то нужно было: то дабы симъ пріятнымъ увѣреніемъ, подобно Петру, не обмануть самихъ себя, мы должны тщательно смотрѣть за собою, какъ поступаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для неизмѣннаго исповѣданія Христа нужно пожертвовать чѣмъ либо гораздо менѣе важнымъ, нежели жизнь

Подходитъ рабыня суетныхъ приличій, и ни на чемъ добромъ не основанныхъ обычаевъ, называемая въ мірѣ образованностію или людскостію (какъ будто безъ нея люди и людьми бы не были, и образа не имѣли), и говоритъ человѣку, желающему быть послѣдователемъ распятаго Іисуса: не ужели подлинно ты хочешь оставить путь столь многихъ людей разумныхъ, разборчивыхъ, сильныхъ, богатыхъ, почитаемыхъ, любезныхъ, которыхъ образъ жизни столько же пріятенъ для нихъ самихъ, сколько и всѣми одобряемъ? Не ужели откажешь себѣ въ удовольствіяхъ и нѣкоторыхъ вольностяхъ, которыя почти у всѣхъ почитаются невинными? Не ужели рѣшишься быть страннымъ въ очахъ свѣта и притчею общества? Не ужели будешь мучить себя подвигами, убивать постомъ, изнурять строгостями, которыя въ самыхъ отшельникахъ суть дѣйствіе излишней, можетъ быть, и не разсудительной ревности? До кого изъ желающихъ итти путемъ Христовымъ не доходятъ такія рѣчи? Къ кому не приходятъ иногда такіе помыслы? Что же скажемъ на сіе, Христіане? Кажется, здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы отречься отъ Христа; насъ хотятъ только пристыдить подозрѣніемъ, *не были ль мы со Іисусомъ Галилейскимъ*, или не хотимъ ли вмѣсто свѣтскаго вечера, быть съ Нимъ на всенощномъ бдѣніи Его въ саду Геѳсиманскомъ, гдѣ и Самъ Онъ былъ съ тугою и скорбію съ болѣзненнымъ, хотя притомъ совершенно свободнымъ и охотнымъ пожертвованіемъ Своея воли. Нѣтъ,—говорятъ иные въ тайныхъ помыслахъ,[3]) я совсѣмъ не понимаю, что значитъ быть въ саду Геѳсиманскомъ; я знаю, и хочу знать только такое Христіанство, которое утѣшаетъ, а не такое, которое учитъ

---

[3]) По Евр. сборн.: съ болѣзненнымъ преломленіемъ Своея воли. Нѣтъ, — говорятъ въ семъ случаѣ многіе,...

лишаться, страдать, и какимъ-то непонятнымъ образомъ умирать самому себѣ: *не вѣмъ, что глаголеши*. Ахъ! Побережись, желающій спасти душу свою! Если такъ говоришь ты: то уже ты послѣдователь не Іисуса, возставляющаго падшихъ, но Петра падающаго. Если ты сказалъ теперь объ отреченіи отъ міра и отъ самого себя, о участіи въ страданіяхъ Христовыхъ и о крестномъ словѣ: *не вѣмъ, что глаголеши*: можно ли быть увѣрену, что не скажешь вскорѣ о Самомъ Христѣ: *не знаю человѣка*?

Войдемъ въ какое нибудь изъ обыкновенныхъ собраній, въ домѣ или *на преддверіи*: поищемъ Христіанъ между сынами вѣка сего[4]); вслушаемся въ разговоры. Тотчасъ услышимъ ласкательство, злорѣчіе, голосъ тщеславія, корысти, смѣхъ легкомыслія, вопли нетерпѣливости, сужденія о всемъ, что знаютъ, и чего не разумѣютъ. Но скоро ли найдемъ бесѣду, и въ бесѣдѣ человѣка, который бы свободно произносилъ слово, солію мудрости Евангельской растворенное, разсуждалъ съ чадами плоти о душѣ, и сынамъ вѣка сего напоминалъ о вѣчности? Отъ чего же такъ рѣдко говорятъ Христіане языкомъ Христіанскимъ?— Они боятся, чтобы ихъ не узнали, какъ Христіанъ, и за то не поругались имъ сыны вѣка сего; чтобы имъ не сказали: *бесѣда твоя явъ тя творитъ*. И такъ они таятся и молчатъ;—и не примѣчаютъ, что стыдятся Сына человѣческаго, и что ихъ молчаніе иногда довольно внятно говоритъ міру о Іисусѣ: *не знаю человѣка*!

По симъ примѣрамъ каждый можетъ указать самъ себѣ многіе случаи въ жизни, въ которыхъ мы болѣе или менѣе приближаемся къ опасности постыдиться Сына человѣческаго, или совсѣмъ отречься отъ Него. Будь осмотрителенъ, Христіанинъ, старайся благовременно примѣчать, гдѣ врагъ спасенія твоего ставитъ тебѣ ковы на пути послѣдованія Іисусу Христу, дабы или осторожно миновать оные, или мужественно разрушать. Или пусть бы не входилъ Петръ во дворъ Архіереевъ на столь близкую опасность; или, вошедши, уже не отступалъ бы такъ далеко назадъ отъ Того, Которому хотѣлъ такъ близко послѣдовать. И ты, Христіанинъ, или не приближайся, если можно,

---

[4]) Но Евр. сборн.. войдемъ въ какое нибудь изъ обыкновенныхъ въ нынѣшнемъ такъ называемомъ свѣтѣ собраній, въ домъ или *на преддверіи*; посидимъ Христіане между сынами вѣка сего...

къ людямъ, которые имѣютъ безстыдство стыдить тебя тѣмъ, что составляетъ твою славу: или, если необходимо приближиться къ нимъ, *глаголи о свидѣніяхъ* Христовыхъ предъ кѣмъ бы то ни было, *и не стыдися* Не являй своего дѣла благочестія, не провозглашай своего слова о спасеніи, когда не призываетъ тебя къ сему никакая обязанность, и не вызываетъ на то слава твоего Спасителя, чтобы тебѣ не впасть въ лицемѣріе или тщеславіе но не оставляй Богоугоднаго дѣла потому, что міру кажется оно страннымъ; и когда захотятъ отлучить тебя отъ участія въ скорбяхъ, страданіяхъ и поношеніяхъ распятаго Іисуса, скажи съ благородною твердостію: *знаю человѣка*, и желаю съ Нимъ жить и умереть, чтобъ и по смерти жить съ Нимъ какъ съ моимъ Спасителемъ и Богомъ*). Не постыдись, когда крестомъ Христовымъ хочетъ стыдить тебя *родъ прелюбодѣйный и грѣшный*, да не будешь постыженъ *предъ Ангелами Святыми, предъ Сыномъ человѣческимъ во славѣ Его, и предъ Отцемъ Его небеснымъ*, но да внидешь во славу Того, Которому подобаетъ слава во вѣки. Аминь.

LXVI.

37. Слово

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

(Говорено въ Благовѣщенской Церкви Чудова Монастыря 25 марта; напечатано отдѣльно и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 гг.).

> И рече Маріамъ: величитъ душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы Своея· се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди. Лук. I, 46—48.

Наконецъ безмолвная Маріамъ говоритъ; и слово Ея, исполненное духомъ, какъ рѣка, течетъ и играетъ, какъ ѳиміамъ,

*) По Евр. сборн. этихъ словъ нѣтъ.

восходитъ и благоухаетъ, какъ молнія, сіяетъ и озаряетъ. Прочитанное теперь начало торжественнаго слова, произнесеннаго Ею, когда Елисавета въ первый разъ привѣтствовала Ее наименованіемъ *Матери Господа*, какъ много уже въ себѣ заключаетъ! Она славитъ Бога, и возноситъ къ Нему не гласъ, но самую душу Свою. *величитъ душа Моя Господа*. Радуется, и радость Свою превращаетъ въ молитву и жертву духовную: *возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ*. Смиряется, и проповѣдуетъ снисхожденіе Всевышняго: *призрѣ на смиреніе рабы Своея*. Пророчествуетъ, и пророческій взоръ Ея проницаетъ сквозь всѣ времена до самаго конца ихъ: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роди*. Такъ и надлежало содѣлаться плодовитой словомъ Той, въ Которую отнынѣ вселилось Слово; прежде нежели Оно изыдетъ изъ Нея, какъ плодъ чрева, Оно является въ Ней, какъ плодъ устенъ, исповѣдающихся Господеви: *рече Маріамъ*.

Дивно слово Маріами: но величественно и Ея молчаніе. Предоставимъ благоговѣйнымъ и внимательнымъ, самимъ углублятся въ разумъ слова Ея, которое такъ часто слышится въ Церкви: обратимъ вниманіе на то, что не столь открыто вниманію. Вслушаемся въ молчаніе Маріино, и поучимся отъ Нея бережливо употреблять сокровище слова.

О безмолвіи, въ которомъ Пресвятая Дѣва возрасла и воспитана, говорить не буду: потому что сіе закрыто молчаніемъ Святыхъ Евангелистовъ. Кто слышалъ, что говоритъ о семъ преданіе: тотъ имѣетъ образъ совершеннѣйшаго благочестиваго воспитанія, и можетъ судить, соотвѣтствуетъ ли сему образу, и обѣщаетъ ли благословенные плоды, разсѣянность, столь охотно позволяемая дѣтямъ въ наше время.

День *Благовѣщенія*, то есть, радостнаго возвѣщенія о предстоящемъ воплощеніи Сына Божія, начинаетъ открывать сокровенную въ Богѣ жизнь Богоматери. Слово Ангела обнаруживаетъ въ Ней добродѣтель молчанія. Внезапно входитъ онъ въ Ея уединеніе, и говоритъ Ей: *радуйся, благодатная: Господь съ Тобою; благословенна Ты въ женахъ*. Сколько вопросовъ представлялось при семъ удивленной Маріами! Кто сей неизвѣстный? Какое имѣетъ онъ право, нарушать уединеніе Дѣвы? Что значитъ неслыханное привѣтствіе, которое безвѣстную Дѣву поставляетъ превыше всѣхъ женъ въ мірѣ? Но ничто не выводитъ Ея изъ обычнаго Ей безмолвія. Она чувствуетъ движеніе духа:

по уста Ея не движутся. Не спѣшитъ Она отвѣтствовать на привѣтствіе; молчитъ, и размышляетъ *Смутися о словеси сіе, и помышляше.*

Ангелъ, успокоивъ духъ Ея однимъ словомъ: *не бойся*,—ибо слова небесныхъ Силъ не бываютъ безъ силы, и потому не остаются безъ дѣйствія, — продолжаетъ начатое благовѣщеніе. Въ изъясненіе наименованія *Благодатной*, присовокупляетъ, что Она *обрѣла благодать у Бога.* Потомъ предсказываетъ Ей зачатіе во чревѣ, рожденіе Сына, Его спасительное имя, Его достоинство Божественное, воцареніе чудесное, царство безконечное. Сколько еще предметовъ для испытанія и разглагольствія! Но Благодатная не желаетъ испытывать таинъ благодати. Благословенная не дерзаетъ разглагольствовать о томъ, что выше слова и разума. И теперь не прервала бы Она Своего молчанія, если бы любовь къ дѣвству не исторгла изъ сердца Ея краткаго слова: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* Чтобы правильно разумѣть сіе слово, необходимо должно, во-первыхъ предположить, какъ и преданіе сказуетъ, что Маріамь еще прежде обязала Себя обѣтомъ, во всю жизнь Свою хранить дѣвство: ибо не обязанная симъ обѣтомъ, и обрученная мужу, какую имѣла бы причину вопрошать о возможности родить сына: *како будетъ сіе?* Во-вторыхъ, надлежитъ взять въ соображеніе законъ Моусеевъ (Числ. XXX), по которому обѣтъ дѣвы или жены могъ быть уничтоженъ однимъ словомъ отца или супруга, и только тогда становился твердымъ, когда отецъ или супругъ слышалъ о немъ, и не отвергъ онаго. Изъ сего соображенія должно заключить, также согласно съ преданіемъ, что обѣтъ дѣвства, который, на предсказаніе [1]) о рожденіи Сына, заставилъ Марію сказать: *како будетъ сіе?* былъ уже тогда извѣстенъ Іосифу, и признанъ имъ; и что онъ обручилъ себѣ Пречистую Дѣву съ тѣмъ, чтобы, подъ именемъ супруга, быть стражемъ Ея дѣвства, которому нужно было таиться подъ наружнымъ покровомъ брачнаго союза въ такомъ народѣ, который, привлекаясь видимымъ благословеніемъ брака, не постигалъ высоты дѣвства По симъ обстоятельствамъ, сколь ни далека была Маріамь отъ того, чтобы не вѣровать, или сомнѣваться, или прекословить, или любопытствовать, принуждена однако была вопросить Ангела: *како*

[1]) По Еврейн. сборн.: при обѣщаніи...

будетъ сie, идѣже мужа не знаю? Хотя имѣю мужа по обряду обрученія: но у меня нѣтъ мужа по обѣту дѣвства; обѣтъ сей произнесенъ, утвержденъ; сколько я не желаю отмѣнить его, столько не позволяетъ законъ, который говоритъ: *человѣкъ, иже аще обѣщаетъ обѣтъ Господу, или заклянется клятвою, или опредѣлитъ предѣломъ о души своей, не осквернавитъ словесе своего; вся, елика изыдутъ изъ устъ его, да сотворитъ* (Числ. XXX, 3); Господь не нарушаетъ Своихъ законовъ: какъ же будетъ то, что и обѣтъ дѣвства сохранится, и законъ исполнится, и сынъ родится?—Видите, что крайняя только необходимость расторгаетъ священныя узы Ея молчанія, или лучше сказать, сама благодать изливается во устахъ Ея; открывается тайна Ея обрученія съ Іосифомъ, дабы подъ сею тайною скрыть другую, глубочайшую тайну обрученія съ Богомъ; отреченіе Маріами отъ земнаго мужа подаетъ Ангелу случай возвѣстить Ей достоинство Богоневѣсты, къ которому Она предопредѣлена: *Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя.*

Благовѣщеніе принято; Ангелъ отшелъ; Слово воплотилось; Дѣва зачала; оказались признаки зачатія: *обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята. Отъ Духа свята,* пишетъ Евангелистъ Матѳей: но Іосифу долго не была возвѣщена сія тайна, и онъ не зналъ болѣе того, что являло чрево: *обрѣтеся имущи во чревѣ.* Ибо если бы онъ зналъ тайну Богоневѣсты: то могъ ли бы онъ думать о Ея *обличеніи*, могъ ли бы рѣшиться *отпустить* Ее? А онъ думалъ о первомъ, и рѣшился было на послѣднее. *Не хотя Ея обличити, восхотѣ тай пустити Ю.* Здѣсь столько чудесъ молчанія, что не знаю, достанетъ ли у насъ слова, чтобъ изглаголать молчаніе. Іосифъ видитъ въ Маріами, чего не ожидалъ, и чего понять не можетъ: но молчитъ, и не вопрошаетъ Ея. Маріамъ видитъ Себя въ опасности подвергнуться тяжкому подозрѣнію, и даже осужденію: но молчитъ, и не открываетъ Своей тайны Гдѣ и Ангелъ благовѣстникъ Маріами? Почто молчитъ онъ, и не успокоиваетъ Ея отъ новаго смущенія? Гдѣ и Ангелъ хранитель Іосифа? Почто онъ такъ долго не является, и не предохраняетъ праведника, когда чистая душа его столь удобно можетъ омрачиться мыслію неправеднаго, и даже богохульнаго подозрѣнія? И—если не дерзновенно вопрошать о семъ—почто такъ долго безмолствуетъ и Самъ, Посылающій Ангеловъ? Почто медлитъ просвѣщать Сво-

его праведника, и спасать Ту, въ Которой спасеніе міра? — *Зри*, восклицаетъ Святый Златоустъ, указуя на Іосифа въ сихъ обстоятельствахъ, зри *мужа кротость: не токмо, яко не мучи, но яко ниже изрече кому, ниже самой зазираемой, но въ себѣ помышляше, и отъ самыя Дѣвы тщася укрыти вину. Ниже бо рече, яко отринути Ю хотяше, но отпустити. Толико бѣ кротокъ и тихъ мужъ.* И еще: *егда бо держати Ю въ дому, законопреступно быти видяшеся; обличити же и на судище вести, смерти предати нужда бяше: онъ же ничтоже отъ сихъ творитъ, но выше закона уже себе устрояетъ. Подобаше бо, благодати пришедшей, многимъ быти уже высокаго жительства знаменіямъ* (на Матѳ. Бесѣд. 4). Подлинно, видно, сердце праведника уже предчувствовало Христовы заповѣди, чтобъ имѣть *око простое* (Матѳ. VI, 22) *и не судить, дабы не быть судимымъ* (Матѳ. VII, 1). Потому, онъ видитъ признаки матери, и однако не хочетъ предаться помысламъ подозрѣнія о Дѣвѣ; имѣетъ законъ, уполномочивающій супруга, и однако не хочетъ судить обрученную. *Не хотя Ея обличити, восхоть тай пустити Ю* [2]). Видите, какія возвышенныя добродѣтели заключаетъ въ себѣ молчаніе Іосифа. Но еще выше молчаніе Маріами. Тотъ молчаніемъ облегчаетъ затрудненіе чужое, и въ тоже время находитъ средство прекратить свое затрудненіе: а Сія въ молчаніи носитъ Свою опасность, и съ каждымъ днемъ молчанія увеличиваетъ Свое затрудненіе. Что же значитъ сей непонятный подвигъ молчанія?—То, что Маріамъ есть совершенный сосудъ Благодати. Ибо какъ вещественный сосудъ негоденъ, когда онъ течетъ; такъ и духовный сосудъ не достоинъ, если не хранитъ вліянной въ него Благодати въ ненарушимомъ, смиренномъ молчаніи, но течетъ и выдыхается безъ нужды и безъ пользы словомъ празднымъ, или нескромнымъ, или нетерпѣливымъ, или тщеславнымъ: и напротивъ, какъ вещественный сосудъ совершенный былъ бы тотъ, который бы не только влитое въ него, но и самый духъ онаго заключалъ во внутренности своей безъ малѣйшей утраты, и котораго бы ни ударъ не могъ сокрушить, ни воздухъ или огонь разрушить: такъ совершенный сосудъ духовный есть тотъ, кто *имѣя таинство*

---

[2]) По Евреин. сборн.: видитъ, и не подозрѣваетъ; знаетъ законъ, и не судитъ.

вѣры въ чистой совѣсти (1 Тим. III, 9), въ мирѣ сердца, и въ безмолвіи всего существа своего, хранитъ ввѣренную ему благодать съ такою твердостію, которой никакіе удары бѣдъ сокрушить, никакая страсть, никакое искушеніе разрушить не могутъ Если Марія говорила о Своей тайнѣ съ Елисаветою: то потому, что Елисаветѣ уже открыта была сія тайна Духомъ Святымъ, и Онъ Самъ говорилъ устами обѣихъ: а если бы Она стала говорить о семъ съ Іосифомъ; то или по человѣческой довѣренности, или по человѣческому страху, и слѣдственно не по Божественному побужденію говорила бы о тайнѣ Божественной. Теперь Она таится отъ того, которому, вѣроятно, болѣе всѣхъ на земли открыто было сердце Ея, поелику Она избрала его стражемъ Своего дѣвства; таится съ явною для Себя опасностію не только *обличенія*, но, какъ изъясняетъ Святый Златоустъ, съ опасностію *суда* и *смерти*: такое молчаніе достовѣрнѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Она воспріятое въ нѣдра Свои Слово крѣпко держитъ, хранитъ совершенно, любитъ паче избраннаго и обрученнаго мужа, паче всякаго земнаго утѣшенія, паче самой жизни Своей; въ семъ молчаніи совершается непрестанная, чистая, великая жертва Богу Слову. Не удивительно, что и Божественное откровеніе на время безмолвствовало, чтобы дать созрѣть, и въ наставленіе наше открыться, столь великимъ добродѣтелямъ. Безмолвная жертва Маріами совершилась; мысль Іосифа рѣшительно утвердилась въ безстрастіи; тогда слово небесное приспѣло увѣнчать подвигъ молчанія, прекращеніемъ затрудненія Маріами, и открытіемъ Іосифу великой тайны благочестія. *Сія же ему помышлившу, се Ангелъ Господень во снѣ явися ему, глаголя: не убойся пріяти Маріамь жены твоея; рождшеебося въ Ней отъ Духа есть Свята* (Матѳ. I, 20).

Кто будетъ имѣть довольно постояннаго вниманія, чтобы слѣдовать за Маріею по всему пути жизни Ея: тотъ можетъ усматривать въ Ней всегда тотъ же характеръ глубокой молчаливости, совершеннаго безмолвія, ничѣмъ не развлекаемаго сосредоточенія во внутренности своей, словомъ—жизни, сокровенной въ Бозѣ. Ни высочайшая радость, ни глубочайшая [3]) скорбь не могла измѣнить сей главной черты Ея духа.

Раждается Слово, Ангелы славословятъ; пастыри проповѣду-

[3]) По Евреин. сборн.: величайшая....

ютъ; Матери ли Слова безмолвствовать и не торжествовать словомъ? Но Она безмолвствуетъ, и не расточаетъ словъ, а только соблюдаетъ слышанное. *Маріамъ же соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцы Своемъ* (Лук. II, 19).

Симеонъ ли пронзаетъ душу Ея грознымъ пророчествомъ; Самъ ли Іисусъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, оставляетъ Матерь, и какъ бы отрекается отъ Нея, возвѣщая, что Ему *въ тѣхъ, яже Отца Его, достоитъ быти:* Матерь Слова не прекословитъ, но безмолвствуетъ. *Мати Его соблюдаше вся глаголы сія въ сердцы Своемъ* (Лук. II, 49. 51).

Наконецъ *стоитъ* Она при *крестѣ* (Іоан. XIX, 25) возлюбленнаго Сына Своего, и предреченное Симеономъ оружіе дѣйствительно проходитъ душу Ея. Чужіе не могли оставаться равнодушными; и еще тогда, какъ Онъ только несъ крестъ Свой, *идяше во слѣдъ Его народъ многъ людей, и жены, яже и плакахуся и рыдаху Его*; и по распятіи *вси пришедшіи народи на позорь сей, видяще бывающая, біюще перси своя возвращахуся* (Лук. XXIII, 27. 48) Чего надлежитъ ожидать отъ Матери Распятаго, стоящей при крестѣ Его? Рыданій, жалобъ, воплей, терзаній?—Ничего таковаго не видимъ и не слышимъ; самовидецъ не пересказываетъ намъ даже ни одного слова Ея. Она страдала, безъ сомнѣнія, какъ никто никогда не страдалъ на земли, кромѣ Самого Распятаго: но бездна Ея страданій не обуревала и не потопляла Ея, непрестанно упадая въ столь же неизмѣримую бездну Ея терпѣнія, смиренія, вѣры, надежды, безусловной преданности судьбамъ Божіимъ.

Взирай, Христіанская душа, на священный образъ духовнаго молчанія, представленный тебѣ Евангеліемъ, частію и въ лицѣ Іосифа, наипаче же въ лицѣ Маріами, и познавай сокровенную, величественную красоту души Ея, о которой написалъ Пророкъ: *вся слава дщере царевы внутрь* (Псал. XLIV, 14); познавай, и возлюби сію духовную красоту; возлюби, и подвизайся, чтобъ и тебѣ, хотя отчасти, облечься сею красотою дщере царевы, и по слѣдамъ Ея добродѣтели достигнуть ея блаженства; ибо *приведутся царю дѣвы во слѣдъ ея.*

Встрѣчаешь ли непонятное въ вѣрѣ? Не спѣши любопытствовать или прекословить: но въ молчаніи внимай глаголу вѣры, и терпѣливо жди времени, когда глаголющій въ притчахъ удостоитъ тебя изъясненія оныхъ живымъ словомъ и опытомъ.

Примѣчаешь ли въ словахъ или дѣлахъ ближнихъ нѣчто странное, и, какъ тебѣ кажется, неправильное? Не торопись обличать и судить, если не призываетъ тебя къ сему должность отца, или пастыря, или наставника, или начальника. Не будь праведенъ, какъ Фарисей, который себя одного находилъ такимъ въ цѣломъ свѣтѣ: *инъсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы*; но будь *праведенъ*, какъ Іосифъ, *сирѣчь*,—изъясняетъ Святый Златоустъ,—*благъ и кротокъ* (на Матѳ. Бесѣд. 4).

Опасаешься ли, что какое нибудь твое дѣло вѣры или любви подвергнется превратнымъ сужденіямъ и нареканію? Не провозглашай для сего твоей добродѣтели, чтобы, охраняя славу ея, не утратить чистоты ея *Открый* не къ человѣкомъ прекословіемъ, но *ко Господу* молитвою *путь твой и Той сотворитъ: и изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал XXXVI, 5. 6).

Посѣщаетъ ли тебя благополучіе, и радость разширяетъ сердце твое? Не расширяй устъ для тщеславія; но слагай въ благодарномъ сердцѣ глаголы благодѣющаго Провидѣнія.

Постигаетъ ли тебя бѣдствіе, и скорбь наполняетъ душу твою? Не умножай воплей и стоновъ, во множествѣ которыхъ по большей части слышны бываютъ отголоски упорства и непокорности судьбамъ Вышняго; но *потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое* (Псал. XXVI, 14).

Ни въ какомъ случаѣ не расточай безразсудно слова, словесная тварь Слова Творческаго! Если Словомъ Богъ сотворилъ все; а человѣкъ сотворенъ по образу Божію: то какія величественныя дѣйствія надлежало бы производить слову человѣка! Въ самомъ дѣлѣ, оно исцѣляло болящихъ, воскрешало мертвыхъ, низводило съ неба огнь, останавливало солнце и луну, и, что всего важнѣе, содѣлавшись орудіемъ Воплощеннаго Слова Божія, оно претворяло и претворяетъ растлѣнныхъ грѣхомъ человѣковъ въ новую тварь, чистую и святую. Такъ дѣйствуетъ слово человѣческое, когда крѣпко бывъ заключено въ горнилѣ благоговѣйнаго молчанія, и разжигаемо тайною внутреннею молитвою, получаетъ свойственную ему чистоту и силу, или лучше сказать, становится причастнымъ силы Слова Божія и Духа Святаго. И сіе ли могущественное, зиждительное, священное орудіе, мы обращаемъ на дѣйствія нечистыя, разрушительныя, святотатственныя, — на злорѣчіе, клевету, хуленія; или легкомыслі-

емъ раздробляемъ оное въ легкій прахъ, и разсыпаемъ по вѣтру въ суетномъ празднословіи?...

Нѣкто сказалъ о себѣ: *девять помышленій ублажихъ въ сердцы моемъ, а десятое изреку языкомъ* (Сир. XXV, 9). Такъ берегутъ слово знающіе цѣну его. По крайней мѣрѣ, Христіанинъ, *не скоръ буди усты твоими* (Еккл V, 1); давай себѣ размыслить, во благо ли тебѣ и другимъ будетъ слово, которое ты раждаешь въ міръ, и которое, какъ бы ни казалось малымъ или ничтожнымъ, будетъ жить до послѣдняго суда и предстанетъ на немъ во свидѣтельство или о тебѣ, или противъ тебя. Прими совѣтъ Апостольскаго слова: *всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но точію еже есть благо къ созиданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ; и не оскорбляйте Духа Святаго Божія, Имже знаменастеся въ день избавленія* (Ефес. IV, 29. 30). Аминь.

LXVII.

38. Бесѣда

о нищетѣ духовной [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.).

Блажени нищіи духомъ: яко ваше есть царствіе Божіе. Лук. VI, 20.

Вотъ начальное ученіе, которое преподалъ Божественный Учитель и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, когда на нѣкоемъ *мѣстѣ равнѣ* окружалъ Его *народъ учениковъ Его, и множество много людей отъ всея Іудеи и Іерусалима, и поморія Тирска и Сидонска, иже пріидоша послушати Его, и исцѣлитися отъ недугъ своихъ* (ст. 17. 18).

И мы здѣсь *на мѣстѣ равнѣ*: потому что здѣсь и высокій

---

[1]) По Евреин. сборн: Слово въ день Святителя Николая, говоренное въ Николаевскомъ Перервинскомъ Монастырѣ маія 9 дня 1824 года.

вельможа не выше прочихъ, и низкій простолюдинъ не ниже прочихъ, предъ Богомъ, Который въ вышнихъ живетъ, и на смиренныя призираетъ. И здѣсь *народъ ученикъ Его:* ибо всѣ Христіане суть ученики Христовы. Сіе *множество много людей пришло* сюда, чтобы приближиться, и, поколику можно, прикоснуться святынѣ и силѣ Божіей, и чрезъ то *исцѣлитися* [2]) *отъ недугъ своихъ*, какіе кто чувствуетъ душевно или тѣлесно: надѣюсь, что пришло, или, по крайней мѣрѣ, должно было притти, и съ тою мыслію, дабы *послушати* ученія Христова.

Не постыдитесь, давніе, и, такъ сказать, прпродные ученики Христовы, если предложимъ вамъ начальное ученіе Христово: но тѣмъ съ большимъ вниманіемъ *послушайте* ученіе, которое давно пора вамъ исполнить, и въ которомъ остаться незнающими не только стыдно было бы, но и погибельно.

Блажени нищіи духомъ: яко ваше есть царствіе Божіе.

Благословенъ возлюбленный Учитель за сіе начало ученія! Если бы Онъ, предпріемля говорить народу о царствіи Божіемъ, всѣмъ безъ различія вдругъ сказалъ то, что наединѣ сказалъ человѣку, который самъ почитался *учителемъ Израилевымъ*: *аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія*: то къ вопросамъ Никодимовымъ: *како можетъ человѣкъ родится старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися* (Іоан. III, 3. 4)? сколько бы еще присоединилось вопросовъ неудоборазрѣшимыхъ для плотскихъ человѣковъ! Или, если бы не приготовленнымъ ученикамъ предложилъ Онъ ученіе о крестѣ, которое, и послѣ приготовленія, самые Апостолы съ трудомъ уразумѣли *не разумѣша глагола сего, бѣ бо прикровенъ отъ нихъ, да не ощутятъ его* (Лук. IX, 45): какъ трудно было бы слушать Его, и принимать слышанное! Теперь снисходя къ немощи слушающихъ, Онъ не поражаетъ высотою, не устрашаетъ трудностію ученія: но прежде всего дѣлаетъ оное любезнымъ, и привлекаетъ къ нему сердца сладкими именами *блаженства, царствія Божія.*

Кто не ищетъ блаженства, гдѣ и какъ умѣетъ? Кто не желаетъ царствія Божія? Какой безумный или безчувственный мо-

---

[2]) По Евр. сборн.: почтить память праведника Святителя и Чудотворца и при его предстательствѣ вознести молитву къ дивному во Святыхъ Богу, дабы *исцѣлитися*....

жетъ быть холоденъ или невнимателенъ, когда ему предлагаютъ блаженство, когда ему обѣщаютъ царствіе Божіе? Смотрите же. Вотъ путь къ блаженству; вотъ дверь въ царствіе Божіе — нищета духа *Блажени нищіи духомъ: яко тѣхъ есть царствіе Божіе.* Не правда ли, что можно бросить цѣлый міръ, чтобы пріобрѣсть сію нищету, которая доставляетъ блаженство и царствіе Божіе?

Христіанинъ! Ученикъ блаженства! Ученикъ царствія Божія! Не пронзаютъ ли уха твоего сіи первые звуки ученія Христова? Не расширяется ли сердце твое, чтобы поглотить оное! Не жаждетъ ли умъ твой познать, что такое нищета духа? Не пробуждаетъ ли тебя духъ къ спасительной заботѣ, какъ бы тебѣ содѣлаться однимъ изъ блаженныхъ нищихъ духомъ? Слушай и учись.

Блажени нищіи духомъ: яко ваше есть царствіе Божіе.

Паки благословенъ Премудрый Учитель, что премудрое ученіе облекаетъ простотою слова, такъ что утаенное отъ премудрыхъ и разумныхъ открывается даже младенцамъ. Что болѣе загадочно, какъ блаженство, котораго всѣ вездѣ ищутъ, и никто нигдѣ не находитъ? Что непостижимѣе царствія Божія, потому что все Божіе непостижимо? Просто ли по сему изъяснить способъ достигнуть блаженства и Царствія Божія? Напротивъ того, что знакомѣе и простѣе, какъ нищета, которую повсюду между собою встрѣчаемъ? И ею-то безпримѣрный Учитель изъясняетъ тайну, какъ достигнуть блаженства и царствія Божія. Смотри на бѣдственную нищету плоти, размышляй, и уразумѣешь блаженную нищету духа.

Нищій не имѣетъ ничего, а всего ищетъ у другихъ, и, какъ милости, проситъ необходимаго для жизни, какъ-то: пищи, одежды, жилища. Если духъ твой, воспоминая райское жилище, изъ котораго онъ въ прародителяхъ изгнанъ, райскую одежду свѣта, отъ которой грѣхомъ обнаженъ, райскую пищу отъ древа жизни, которой лишенъ, чувствуетъ себя въ крайней скудости всякаго добра, и въ опасности умереть вѣчною смертію; а потому непрестанно прибѣгаетъ и припадаетъ къ Богу, ищетъ и проситъ себѣ духовнаго жилища — въ Церкви Его, духовной одежды—въ благодати Сына Его Іисуса Христа, дабы, въ Него крестившись, въ Него и облещись, духовной пищи —во всякомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ: по таковымъ расположе-

ніямъ Богъ, богатый милостію, видитъ и пріемлетъ тебя, какъ нищаго духомъ, и, даруя тебѣ просимыя блага, даруетъ въ нихъ самое царствіе Божіе. Признавать, что въ насъ, и для насъ въ мірѣ, нѣтъ истиннаго духовнаго блага, и усердно просить духовной милости отъ Подателя всѣхъ благъ Бога есть дѣло нищаго духомъ. Смиренная молитва и молящееся смиреніе составляютъ нищету духа.

Если судить по тому, что лишеніе райскихъ и духовныхъ благъ есть общій отъ прародителей жребій всѣхъ живущихъ на земли: то надлежало бы, кажется, всѣмъ безъ изъятія быть нищими духомъ. И подлинно, по сему разсужденію богатыхъ духомъ собственно нѣтъ между человѣками: но, что всего хуже, есть *богатящіеся*, то есть, нищіе, которые выдаютъ себя за богатыхъ Они бываютъ, если можно такъ изъясниться, богаты гордостію, тщеславіемъ, лицемѣріемъ, невѣжествомъ и слѣпотою; и потому не приходятъ въ спасительное ощущеніе духовной нищеты. Одинъ сдѣлалъ нѣсколько добрыхъ или благотворительныхъ дѣлъ; и думаетъ, что уже обогатился добродѣтелями. Другаго похвалили; и онъ увѣряетъ себя, что уже достигъ совершенства. Иной умѣлъ только скрыть свои пороки: и за тѣмъ уже не нуждается въ добродѣтеляхъ. Иной, привыкши удовлетворять только требованіямъ плоти, почти не знаетъ потребностей духа, изобиліемъ благъ земныхъ закрываетъ отъ себя недостатокъ благъ небесныхъ, удовольствіями чувственными притупляетъ вкусъ духовный, и, если домъ его полонъ, одежда украшена, тѣло насыщено или пресыщено онъ весьма доволенъ; и, точно какъ богатый на нищихъ, смотритъ на людей, которые говорятъ ему о гладѣ духовномъ, о наготѣ грѣховной, о бѣдственномъ земномъ изгнанничествѣ нашемъ изъ нерукотвореннаго и нетлѣннаго дома Отца небеснаго. *Имѣяй ухо, да слышитъ, что на сіе Духъ глаголетъ. Глаголеши, яко богатъ есмь, и обогатихся и ничтоже требую, и не вѣси, яко ты еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищь, и слѣпъ, и наг* (Апок. III, 13. 17). Да слышимъ и то, какая судьба опредѣлена отъ Бога таковымъ ложно и мечтательно богатящимся *Алчущія исполни благъ, и богатящіяся отпусти тщи* (Лук. I, 53). Чему и быть иному! Кто думаетъ, что онъ богатъ; тотъ не чувствуетъ нужды: кто не чувствуетъ нужды; тотъ не проситъ: кто не проситъ; тотъ не пріемлетъ, по реченному Апо-

столомъ: *не имате, зане не просите*: ибо небесный Податель благъ, какъ намъ не велитъ метать бисеръ предъ свиніями, такъ и Самъ сего не дѣлаетъ; и съ другой стороны, не просящій отъ Бога благодати не способенъ принять ее, имѣя заключенное сердце. Посему сказано еще: *просяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкующему отверзается* (Матѳ. VII, 8) внутрь сокровенное царствіе Божіе.

Христіане! Тотъ, Который въ Евангеліи поучаетъ насъ нищетѣ духовной, *насъ ради, богатъ сый, обнища, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. VIII, 9). Если бы изъ послушанія къ Нему, изъ благодарности, для участвованія въ пріобрѣтенномъ Имъ для насъ безчисленномъ богатствѣ, то есть, въ безконечномъ блаженствѣ царствія Божія, надлежало намъ изъ богатыхъ сдѣлаться нищими: чего жалѣть? Но намъ нечего терять по внутреннему нашему, духовному человѣку, если не обогатила насъ благодать Христова; содѣлаться нищими духомъ значитъ только познать ясно, и признать искренно нищету, которая съ нами родилась и живетъ съ нами. Можно ли нерадѣть о семъ? Можно ли упорствовать противъ сего? Если тебѣ и кажется, что ты стяжалъ нѣкоторыя добродѣтели: *что имаши, его же нѣси пріялъ?* Не отъ Бога ли пріялъ ты законъ добра, свѣтъ ума, въ которомъ ты увидѣлъ сей законъ, чувство сердца, которымъ ты возлюбилъ его, свидѣтельство совѣсти, которое не позволило тебѣ отречься отъ него, или забыть его, силу воли, которою ты подвигся къ исполненію его, средства, которыми ты могъ исполнить его? *Аще же пріялъ еси; что хвалишися, яко не пріемь* (1 Кор. IV, 7)? Оточти и отложи изъ присвояемаго тобою духовнаго богатства то, что пріялъ ты отъ Бога: и осмотрись, остается ли у тебя что, кромѣ твоей наслѣдственной нищеты? А что, если плоды правды твоей, какъ внутреннимъ червемъ, повреждены нечистыми намѣреніями и побужденіями? Что, если противъ нѣсколькихъ динаріевъ, которые ты считаешь въ духовномъ твоемъ сокровищѣ, Богъ и ближніе могутъ считать на тебѣ многія тысячи динаріевъ долговъ, то есть, грѣховъ и неправдъ? Не должно ли въ семъ случаѣ признаться, что ты изъ нищихъ нищій? Если, вмѣсто сего признанія, ты заглушаешь чувствованіе сей нищеты, полагая свое удовольствіе въ тлѣнномъ земномъ богатствѣ, или отягчая сердце свое объяденіемъ и піянствомъ, и предаваясь другимъ

чувственнымъ и скотскимъ [3]) вожделѣніямъ: ты дѣлаешь то, что изображенный въ Евангеліи распутный сынъ, когда онъ въ недостаткѣ пищи, свойственной человѣку, *желаше насытитися отъ рожецъ, яже ядяху свинія* (Лук. XV, 16).

Возчувствуемъ, участники всеобщей нищеты, возчувствуемъ каждый во своемъ духѣ нищету нашу въ благахъ духовныхъ и смиримся; признаемъ нашу грѣховность, и покаемся; будемъ часто прибѣгать къ дому Отца небеснаго, и просить отъ Него духовной милости, ради Христа, Единороднаго Сына Его для насъ обнищавшаго, и намъ богатство благодати стяжавшаго кровію Своею; нѣтъ сомнѣнія, что по сему ходатайству *дастъ* Онъ *Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. XI, 13) съ вѣрою, и сей Утѣшитель паче слова опытомъ научитъ насъ, какъ *блажени нищіи духомъ*, и что воистину *ихъ есть царствіе Божіе*. Аминь.

LXVIII.

39. Слово

въ день Вознесенія Господня.

(Говорено въ Архангельскомъ Соборѣ 15 Маія; напечатано отдѣльно и въ Христіанскомъ чтеніи 1838 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.) [1]).

> И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се мужа два стаста предъ нимъ во одеждѣ бѣлѣ, иже и рекоста: мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо? Дѣян. I, 10. 11.

А мнѣ удивительнымъ кажется то, что вы, свѣтоносные мужи, вопрошаете сихъ мужей Галилейскихъ, для чего смотрятъ они на небо. Какъ имъ не смотрѣть на небо, куда вознесся

---

[3]) По Евр. сборн.: плотскимъ....

[1]) Сіе слово, по обязательному сообщенію о. Ректора Моск. Дух. Академіи Протоіерея А. В. Горскаго, мы имѣли въ рукописи самаго автора, которая вмѣстѣ со многими другими передана имъ при жизни въ Академическую библіотеку.

Іисусъ, куда перенесено [2]) ихъ сокровище, куда взята ихъ надежда и радость, гдѣ жизнь ихъ сокрылась? Если бы теперь смотрѣли они на землю: тогда надлежало бы спросить ихъ,— и надлежитъ спросить всѣхъ послѣдователей Іисуса Христа [3]), которые пристрастнымъ окомъ смотрятъ на землю: что смотрите на землю? Чего вамъ искать на ней послѣ того, какъ единственное ваше, и ея, Сокровище, найденное въ Виолеемѣ, разсыпанное по всей Іудеи и Самаріи, прошедшее чрезъ руки разбойниковъ въ Геѳсиманіи, въ Іерусалимѣ, на Голгоѳѣ, скрытое подъ камнемъ въ саду Іосифа Аримаѳейскаго, взято и отнесено въ сокровищницу небесную? Вамъ сказано, и такъ должно быть, да *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. VI, 21): и такъ, если сокровище ваше на небесахъ, тамъ должно быть и сердце ваше; туда [4]) должны быть устремлены взоры ваши, помышленія ваши, желанія ваши.

Два мужа во одежди бѣлѣ, которые тотчасъ, по вознесеніи Господнемъ, явились Апостоламъ, и вопрошали ихъ, для чего смотрятъ они на небо, безъ сомнѣнія, сами были небесные жители: потому не льзя думать, чтобы сіе было имъ непріятно, и чтобы они куда нибудь инуды хотѣли обратить взоры мужей Галилейскихъ. Нѣтъ! Они хотятъ только прекратить бездѣйственное изумленіе Апостоловъ: *что стоите зряще на небо*? Пробудивъ ихъ отъ сего изумленія, они вводятъ въ размышленіе, и наставляютъ Апостоловъ,—и насъ, съ какими мыслями должно взирать на небо во слѣдъ Господа Іисуса, Который туда вознесся. *Сей Іисусъ*, продолжаютъ они, *вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо.*

Хотя многократно Господь нашъ, по воскресеніи Своемъ, являлся Апостоламъ, и становился невидимъ; и потому они могли нѣкоторымъ образомъ привыкнуть къ симъ чудеснымъ нечаянностямъ: но когда, разлучаясь съ ними на горѣ Елеонской, не просто удалился Онъ, или сдѣлался невидимъ, а восходя видимо превыше облаковъ, только по причинѣ безмѣрной высоты, пересталъ быть видимъ ими; нѣтъ сомнѣнія, что сей но-

---

[2]) Въ рукописи авт., въ Евр. сборн., отд. изд. и въ Христ. чт.: похищено.

[3]) По рукописи авт. и Евр. сборн.: вознесшагося Іисуса,...

[4]) По рукописи авт. и Евр. сборн.: если тамъ сердце ваше, туда....

вый образъ отшествія Его показался имъ, и послѣ привычки къ чудесному, необычайнымъ, и особенно знаменательнымъ. Имъ представилось тогда ясное [5]) исполненіе словъ Его, которыя имъ пересказала Марія Магдалина: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. XX, 17). Должно было заключить, что сіи радостныя посѣщенія Его, сіи поучительныя собесѣдованія съ Нимъ, сіи ощутительныя общенія съ Его Богочеловѣчествомъ, продолжавшіяся четыредесять дней, прекращаетъ настоящая минута. Когда руки и голосъ не могли уже достигнуть Возносящагося: Его преслѣдовали взорами, желающими удержать Его. *Взирающе бяху на небо, идущу Ему.* Можно вообразить, какое безмѣрное лишеніе должны были ощутить Апостолы [6]), по удаленіи на небо Іисуса, Который Единъ былъ для нихъ все въ мірѣ. И сіе-то безмѣрное лишеніе поспѣшаютъ восполнить [7]) небесныя силы. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, пріидетъ.*

Христіанинъ! Если ты сколько нибудь позналъ Господа Іисуса, и *вкусилъ, яко благъ Господь* (Псал. XXXIII, 9): то конечно болѣе или менѣе примѣчаешь, какая безъ Него пустота въ мірѣ, чувствуешь, какая безъ Него пустота въ сердцѣ. Такъ и должно быть: потому что все, что есть въ мірѣ, *суета суетствій;* а суета не можетъ наполнить сердца, сотвореннаго Истиною для истины: *все, еже въ мірѣ,* есть *похоть,* или предметъ, приманка похоти въ разныхъ видахъ; и какъ *міръ преходитъ и похоть его* (1 Іоан. II, 16. 17), или иначе сказать, предметы, возбуждающіе похоть, вскорѣ исчезаютъ, то сколь ни великъ міръ, сколь ни разнообразны блага его, сколь ни обильны потоки удовольствій его, все сіе не можетъ наполнить малаго сосуда сердца человѣческаго, которое, будучи безсмертно, только вѣчною жизнію наполнено быть можетъ. Если, при таковомъ ощущеніи пустоты въ тваряхъ, тебѣ кажется, что Господь, Который есть твоя истина, твоя жизнь, твое желаніе и полнота всѣхъ желаній, удаляется отъ тебя, скрывается, остав-

---

[5]) По Евр. сборн.: чувственное. Въ рукописи автора по зачеркнутому «чувственное» написано «явственное».

[6]) Въ рукописи авт., въ Евр. сборн. отд. изд. и Христ. Чт.: какая пустота оставалась въ сердцахъ Апостоловъ, и для нихъ въ цѣломъ мірѣ,...

[7]) Въ рукописи авт., въ Евр. сборн., отд. изд. и Христ. Чт.: И сію то ужасную пустоту, вдругъ, единымъ словомъ, наполняютъ....

*

ляетъ тебя не только безъ утѣшенія, но и въ скорби, не только одинокимъ, но и среди враговъ твоего спасенія; если утомленный взоръ твой не проницаетъ небесъ, закрытыхъ облакомъ, и недомыслимыя судьбы Всевышняго представляютъ тебѣ одну неизвѣстность: прими отъ небесныхъ Силъ исполненное силы слово, которое можетъ наполнить твою пустоту, облегчить скорбь, прекратить одиночество, прояснить мракъ, разрѣшить неизвѣстность, оживить духъ твой надеждою необманчивою и нетлѣнною. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо,—пріидетъ.*

Къ утѣшительному и спасительному свидѣтельству о будущемъ пришествіи Вознесшагося Господа, небесные вѣстники Его присовокупляютъ нѣкоторое изъясненіе того, какимъ образомъ послѣдуетъ сіе пришествіе. Они сказываютъ, что пришествіе Господа подобно будетъ отшествію Его, или вознесенію. *Такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* Небесные проповѣдники вѣрно не празднословятъ, какъ иногда мы земные; но и малымъ словомъ подаютъ великое наставленіе внимательнымъ. Будемъ внимательны!

Такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо По сему указанію, обращаясь къ обстоятельствамъ отшествія Іисуса Христа на небо, во-первыхъ, можемъ примѣтить благословеніе, въ то время Имъ преподанное Апостоламъ. *Бысть*, повѣствуетъ Евангелистъ Лука, *егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо* (Лук. XXIV, 51). Сіе обстоятельство восшествія Своего на небо, и разлученія съ избранными Своими, Господь Самъ приведетъ имъ на память, *егда пріидетъ во славѣ Своей*, и вновь срѣтясь съ ними, будетъ призывать ихъ къ дѣйствительному обладанію царствіемъ Его: *ибо тогда речетъ Царь сущимъ одесную Его: пріидите благословеннїи Отца Моего* (Матѳ. XXV, 34).

Какой безконечный токъ благословенія Христова открывается предъ нами, Христіане! Онъ начинаетъ благословеніе, и, не окончивъ онаго, возносится. *Бысть, егда благословляше ихъ,—возношашеся.* Такимъ образомъ и вознесшись, Онъ еще продолжаетъ невидимо преподавать благословеніе. Оно течетъ и нисходитъ непрестанно на Апостоловъ; чрезъ нихъ преливается на тѣхъ, которыхъ они благословляютъ во имя Іисуса Христа; получившіе Христово благословеніе чрезъ Апостоловъ, распространяютъ оное на другихъ; такимъ образомъ всѣ принадлежащіе

ко Святой, Соборной, Апостольской Церкви, дѣлаются причастными единаго благословенія Іисуса Христа и Отца Его, *благословляющаго насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ* (Ефес. I, 3); какъ роса *Аермонская, сходящая на горы Сіонскія* (Псал. CXXXII, 3), сходитъ сіе благословеніе мира на всякую душу, восходящую выше страстей и похотей, выше суетъ и попеченій міра; какъ неизгладимая печать, знаменуетъ тѣхъ, кои Христовы суть, такъ что въ кончину вѣка по сему знаменію вызоветъ Онъ ихъ изъ среды всего рода человѣческаго: *пріидите благословенніи!*

Помыслимъ, братія, какъ нужно намъ попещись нынѣ, чтобы пріобрѣсть и сохранить благословеніе Вознесшагося Господа, нисходящее и на насъ чрезъ Апостоловъ и Церковь Апостольскую. Если мы получили и сохранимъ оное: то и мы со Апостолами и со всѣми Святыми въ будущее пришествіе Іисуса Христа призваны будемъ къ участію во царствіи Его: *пріидите благословенніи!* А если тогда, какъ Онъ призывать будетъ *благословенныхъ Отца Своего*, или не обрящется на насъ благословенія, или мы будемъ имѣть только ложное благословеніе людей, которые сами не наслѣдовали благодатно и таинственно благословенія Отца небеснаго: то что̀ будетъ съ нами? Ей, глаголю вамъ, помыслимъ и попечемся о семъ благовременно!

Другое обстоятельство вознесенія Господня, примѣчаемое [8]) въ соображеніи съ ожидаемымъ пришествіемъ Господнимъ, есть то, что Господь вознесся предъ очами учениковъ Своихъ явно и торжественно. *Зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ*. Что за облакъ?—Облакъ свѣта и славы, какой осѣнялъ и наполнялъ нѣкогда скинію Моисееву и храмъ Соломоновъ. Тамъ видѣли славу, но не видѣли Господа славы; послѣ и Его видѣли, но не въ славѣ, и потому не узнали Его, и не прославили: здѣсь и слава не скрываетъ Славимаго, и Славимый не скрываетъ славы. Апостолы зрѣли славу Вознесшагося [9]) Господа: Пророкъ также и слышалъ ее, когда и самъ торжественно воскликнулъ: *взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласъ трубнъ* (Псал. XLVI, 6). И такъ, когда свѣтоносные проповѣдники возвѣстили намъ, что Онъ такъ же пріидетъ, какъ ви-

---

[8]) По рукописи авт. и Евр. сборн.: примѣчательное ...

[9]) По рукописи авт. и Евр. сборн.: Возносящагося....

дѣли Его идущимъ на небо: чрезъ сіе они дали намъ разумѣть, что Онъ пріидетъ явно и торжественно. Такъ точно предрекъ и Господь о Себѣ, что *пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Мато. XXV, 31). Такъ и Апостолъ изъясняетъ, что *Господь въ повелѣніи*, или по предвозвѣщеніи, *во гласъ Архангеловъ, и въ трубѣ Божіи сниидетъ съ небесе* (1 Сол. IV, 16).

Но для чего, подумаетъ иной, замѣчаются сіи подробности, повидимому, болѣе возбуждающія любопытство, нежели подающія наставленіе: ибо предсказываютъ для того, чтобы можно было узнать, и принять съ вѣрою, посылаемое отъ Бога событіе; а славнаго пришествія Христова кто не узнаетъ, хотя бы и не былъ предваренъ о его подробностяхъ? — Не спѣши, возлюбленный, заключать о излишествѣ сихъ подробностей. Нѣтъ! Апостолы, Ангелы, Самъ Господь не говорятъ ничего для любопытства, но все для наставленія. Что пришествіе Христово будетъ явное и торжественное, сіе предсказано для того, что будутъ провозвѣстники противнаго сему, когда на недостойныхъ, невѣрныхъ и развращенныхъ Христіанъ посланъ будетъ духъ обольщенія. *Грядетъ часъ*, или время искушенія (можетъ быть *и нынѣ есть*) когда скажутъ: *се здѣ Христосъ, или онде! Се въ пустыни есть! Се въ сокровищахъ* (Матѳ. XXIV, 23. 26)! Вотъ Онъ у насъ, говорятъ отщепенцы [10]), которые, оставя градъ Божій, духовный Іерусалимъ, Апостольскую Церковь, убѣгаютъ не въ истинную пустыню мира и тишины, но въ запустѣніе духовное и чувственное, гдѣ нѣтъ ни здраваго ученія, ни святости таинствъ, ни добрыхъ правилъ жизни частной и общественной. Вотъ Онъ у насъ, говорятъ скрытно еретичествующіе, указуя на свои тайныя сборища [11]), какъ будто солнцу должно свѣтить только подъ землею; какъ будто не Онъ сказалъ и повелѣлъ: *еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцыте во свѣтѣ; и еже во уши слышите, проповѣдите на кровляхъ* (Матѳ. X, 27).

Слыша таковые вопли или шептанія, вспомните, Христіане, Ангельскій гласъ и проповѣдь о Вознесшемся Господѣ: *такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо*, такъ же

---

[10]) По Евр. сборн.: люди,... Это же слово было и въ рукописи автора, но исправлено имъ.

[11]) По Евр. сборн.: кроющіеся въ вертепахъ и пещерахъ, или въ тайныхъ храминахъ,... Такъ же было и въ рукописи автора, но исправлено имъ.

явно, также торжественно. И потому, *аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или ондѣ не имите вѣры.* Ни грубые вопли, ни хитрыя шептанія, не походятъ на провозвѣщеніе Архангела и на трубу Божію. *Не исходите* въ слѣдъ зовущихъ васъ изъ града Господня; оставайтесь на мѣстѣ своемъ, и берегите вѣру вашу для истиннаго пришествія Христова, славнаго и торжественнаго.

Третіе обстоятельство Вознесенія Господня, примѣчательное для будущаго, есть то, что оное было для учениковъ Его нечаянно и непредвидѣнно. Сіе произошло, сколько можно узнать изъ краткихъ повѣствованій Евангельскихъ, такимъ образомъ, что Онъ, явясь имъ въ Іерусалимѣ, какъ бывало многократно, и отходя, велъ ихъ за Собою, какъ сопровождающихъ, бесѣдуя съ ними, какъ обыкновенно, о царствіи Божіемъ, и наипаче о приближающемся сошествіи Святаго Духа; *изведъ же ихъ вонъ изъ Іерусалима до Виѳаніи, и воздвигъ руцѣ Свои, и благослови ихъ; и бысть егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо.* Не только по собственному изволенію не предварилъ Онъ ихъ о семъ великомъ событіи; но даже на вопросъ ихъ о временахъ великихъ событій царствія Его, рѣшительно имъ отказалъ въ семъ познаніи. *Рече же къ нимъ: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. I, 7). Сей отказъ въ разумѣніи временъ, очевидно, простирается и на время будущаго пришествія Христова, и преимущественно къ сему относится. Еще и прежде Онъ внушалъ ученикамъ Своимъ внезапность сего событія, уподобляя оное молніи, которая есть разительнѣйшій въ природѣ образъ совершенной внезапности. *Якоже молнія исходитъ отъ востокъ, и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. XXIV, 27). Подобно сему и Апостолъ изъясняетъ: *пріидетъ день Господень, яко тать въ нощи* (1 Сол. V, 2).

Изъ сей внезапности будущаго Своего пришествія Господь Самъ извлекаетъ для насъ, Христіане, спасительное предостереженіе. *Бдите убо,* глаголетъ, *яко не вѣсте, въ кій часъ Господь пріидетъ* (Матѳ. XXIV, 42). Не увлекайтесь любопытствомъ, или легковѣріемъ, когда Христіане, думающіе знать болѣе, нежели сколько дано отъ Христа, будутъ исчислять вамъ времена царствія Его, и опредѣлять лѣта чаемаго явленія Его: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта;* старайтесь лучше познавать

грѣхи свои, исчислять паденія, и находить имъ предѣлы въ покаяніи. Наипаче же берегитесь, если услышите, что скажутъ предсказанные Апостоломъ ругатели: *гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? Отнелѣ же бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. III, 4). Берегитесь, чтобы мрачныя грезы сыновъ вѣка сего, смежающихъ очи отъ свѣта грядущаго вѣка, не омрачили вашего сердца, не ослѣпили ума, не усыпили духа къ тому вожделѣнному и страшному часу, когда *пріидетъ день Господень, яко тать въ нощи.*

Возлюбленніи! сихъ чающе, потщитеся нескверни и непорочни Тому обрѣстися въ мирѣ (2 Петр. III, 14). Аминь.

LXIX.

40. Рѣчь

при открытіи дома трудолюбія въ Москвѣ.

(Говорена августа 10 дня; напечатана въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.).

> Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ: яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лицо Отца Моего небеснаго. Пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати, и спасти погибшаго Матѳ. XVIII. 10. 11.

Предпріемлющіе нынѣ призрѣніе малыхъ сихъ, знаютъ, кто сей Великій Сынъ Человѣческій, который такъ заботится о малыхъ дѣтяхъ человѣческихъ, что не просто запрещаетъ презирать ихъ, но велитъ беречься сего презрѣнія, какъ бѣды, или преступленія [1]), и слѣдственно заповѣдуетъ пещись о нихъ съ любовію и уваженіемъ.

Какъ же скоро вы знаете, кто даетъ сію малую заповѣдь пещись о малыхъ: сего уже довольно, чтобы она содѣлалась для

---

[1]) По Евр. сборн. этихъ словъ нѣтъ.

васъ великою и любезною. Если пріятно услышать и исполнить облагодѣтельствованному слово благодѣтеля, помилованному слово помилователя, избавленному отъ погибели слово спасителя: то какъ должно быть пріятно услышать и исполнить Христіанину слово Хрістово? Благочестивые предки наши знали силу и увлекающую сладость сего чувствованія. Отъ слова: *подай Хріста ради*, отверзались желѣзныя двери сокровищницъ. Отъ слова: *прости Хріста ради*, сокрушались [2]) оковы, и мечь упадалъ изъ руки правосудія. Уповаю, что и предпріемлющимъ сіе призрѣніе бѣдныхъ дѣтей, дѣло сіе пріятно, какъ исполненіе заповѣди Того, Который, будучи *Богъ Благословенный во вѣки*, насъ ради содѣлался не только сыномъ человѣческимъ, но бѣднѣйшимъ на земли младенцемъ

Но не оставимъ безъ особеннаго вниманія тѣхъ побужденій къ призрѣнію малыхъ, которыя Онъ предлагаетъ [3]).

Первое побужденіе не презирать малыхъ: *яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца небеснаго.*

Смотря на дѣтей очами плоти, мы усматриваемъ въ нихъ немощь, несовершенство, часто даже неблагообразіе и нечистоту. Отъ того люди, склонные [4]) къ нѣгѣ, мало иногда пекутся даже о тѣхъ дѣтяхъ, съ которыми связаны узами природы. Отъ того лучшее въ отношеніи къ малымъ симъ естественное чувствованіе, можетъ быть, есть жалость о ихъ безпомощности, а не уваженіе къ сему малому и слабому существу: но сего-то уваженія требуетъ Господь [5]). *Блюдите, да не презрите.* Что же дѣлаетъ Онъ, дабы вдохнуть сіе Благодатное чувствованіе человѣколюбія?—Отъемлетъ завѣсу плоти; отверзаетъ предъ нами духовный міръ, и, на мѣстѣ младенца и няни, показываетъ намъ душу и Ангела ея. Теперь осмѣлимся ли пренебрегать? И что еще сказываетъ онъ? —*Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Почему говоритъ Онъ о ихъ только Ангелахъ? А мы возрастные развѣ не имѣемъ также Ангеловъ? Развѣ наши Ангелы не *выну видятъ лице Отца не-*

---

[2]) По Евр. сборн.: отъ слова *прости Хріста ради*, разрывались узы, сокрушались...

[3]) По Евр. сборн.: которыя предлагаетъ Самъ Сынъ человѣческій.

[4]) По Евр. сборн.: люди, получившіе вкусъ къ изяществу чувственному и склонные...

[5]) По Евр. сборн.: Сынъ человѣческій.

бесплотію? Не вси ли суть служебніи духи, въ служеніе посылаеми, за хотящихъ наслѣдовати спасеніе? Ахъ! трудно говорить о нашихъ Ангелахъ такъ, какъ [6]) объ Ангелахъ младенцевъ. Кто знаетъ, не уклоняются ли уже отъ насъ Духи свѣта, будучи отражаемы темными [7]) дѣлами и помышленіями нашими? Можетъ быть и тогда, когда они приближаются къ намъ для нѣкоего служенія, принуждены ограждать себя облакомъ отъ нашей нравственной нечистоты, несносной для нихъ и не могущей сносить прикосновенія чистаго свѣта ихъ. Но Ангелы Хранители младенческаго сердца, еще не омраченнаго страстію, не растлѣннаго порокомъ, безъ препятствія обращаются между малыми сими и Отцемъ небеснымъ, и пріемлемымъ отъ Него свѣтомъ ограждаютъ ихъ отъ мрачныхъ силъ, и своимъ сообщеніемъ съ ними даютъ имъ то, что въ дѣтяхъ и незнающіе Ангеловъ признаютъ Ангельскимъ. Итакъ благо человѣкамъ, которые Христіанскимъ попеченіемъ о малыхъ сихъ входятъ въ участіе небеснаго Ангельскаго служенія, охраняя ихъ и руководствуя со стороны видимаго міра, подобно какъ Ангелы охраняютъ ихъ и руководствуютъ со стороны міра невидимаго. Сіе значитъ дружиться съ ихъ и своими Ангелами небеснымъ содружествомъ.

Другое побужденіе не презирать малыхъ: *пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго.*

Помышленіе о цѣли пришествія Сына Божія на землю есть самый обильный, самый чистый источникъ благотворительныхъ расположеній во всякомъ родѣ. Если Сынъ человѣческій *пріиде взыскати и спасти погибшее*, то, что уже погибло: то можно ли послѣдователямъ Его, то, что Имъ такъ чудесно спасено, по нерадѣнію вновь предавать опасности погибнуть? Если Онъ съ небесъ пришелъ на землю искать погибшаго: простительно ли было бы намъ не перейти отъ одного состоянія человѣческаго къ другому состоянію, дабы приблизиться къ тому, что имѣетъ нужду въ помощи или сохраненіи? Если Онъ оставилъ Божественное блаженство, чтобы доставить спасеніе бѣдному человѣчеству: велико ли, когда мы удѣлимъ часть дарованныхъ отъ Него временныхъ благъ на призрѣніе малыхъ сихъ, которые

---

[6]) По Евр. сбор.. такъ утвердительно, какъ...

[7]) Въ собр. 1844 г. этого слова нѣтъ. По Евр. сборн.: мрачными...

равно съ нами суть наслѣдники вѣчнаго блаженства? И какъ великое дѣло, симъ малымъ средствомъ, совершиться можетъ! Спасенные Великимъ Спасителемъ становятся орудіями спасенія, и, такъ сказать, малыми спасителями для малыхъ сихъ, и, если не дерзновенно сіе сказать, нѣкоторымъ образомъ благодѣтелями [8]) своего Спасителя: ибо Онъ сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.* Если вы призрѣніемъ и попеченіемъ спасли жизнь, здравіе, благоденствіе, чистоту сердца, одному изъ малыхъ сихъ: вы сдѣлали благодѣяніе [9]) Мнѣ. *Мнѣ сотвористе.*

Да благословитъ Господь открывающееся здѣсь нынѣ учрежденіе къ призрѣнію и воспитанію малыхъ сихъ. Да дастъ благодать всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ сего призрѣнія и воспитанія, чтобы они творили дѣло сіе въ Духѣ Христовомъ [10]). Да дастъ благодать призираемымъ, чтобы они познали Отца небеснаго, Который далъ имъ земныхъ родителей, и теперь даруетъ еще другихъ, въ замѣнъ первыхъ, и чтобы, возрастая по внѣшнему человѣку, сохранили младенческую чистоту и простоту сердца, любезную человѣкамъ и Ангеламъ, и которой Царь и Судія небесный присудитъ право на Царствіе Небесное.

LXX.

41. Рѣчь

къ Преосвященному Епископу Дмитровскому Кириллу, по рукоположеніи его.

(Говорена въ Успенскомъ Соборѣ, октября 26 дня; напечатана въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Многое и великое совершилось нынѣ надъ тобою: и отъ тебя востребовалось многое и великое Ты принялъ великій даръ: и далъ великіе обѣты. Въ преподанномъ тебѣ дарѣ заключает-

---

[8]) По Евр. сборн.: спасителями...

[9]) По Евр. сборн.: спасительное дѣло ..

[10]) По Евр. сборн.: въ Духѣ Сына человѣческаго.

ся для тебя залогъ многихъ благъ: а данные тобою обѣты призываютъ тебя ко многимъ подвигамъ. Привѣтствую тебя, ущедреннаго великимъ даромъ Божиимъ: страшусь вмѣстѣ съ тобою, испытуя бремя общихъ намъ обѣтовъ.

Съ какими же помышленіями, съ какими чувствованіями отпущу тебя отсюда, послѣ совершившагося надъ Тобою таинодѣйствія? Съ помышленіями страха? Но церковь, призвавшая тебя въ служеніе мира для нея, не имѣла намѣренія взять отъ тебя твой собственный миръ; и притомъ возмущеніе духа страхомъ трудностей и опасностей не уменьшаетъ трудностей, не отвращаетъ опасностей, если не приближаетъ и не увеличиваетъ оныхъ. Съ чувствованіями радости? Боюсь на земли радости, которая думаетъ, что ей нечего бояться. Умѣрь страхъ вѣрою во благодать, тебя посѣтившую, и надеждою на Того, Который избралъ и пріялъ тебя: умѣрь радость, недовѣріемъ къ самому себѣ, и ненадѣяніемъ на собственныя силы, и между страхомъ и радостію, какъ между двумя оградами отъ уныніи и дерзости, узкимъ, но безопаснымъ путемъ, *иди въ міръ!*

Дабы вѣрнѣе утвердиться на пути служенія, на который ты нынѣ поставленъ, обрати взоры твои туда, гдѣ путь сей начинается. Начинается онъ, сколько я могу видѣть, отъ Іерусалима, и въ немъ отъ нѣкоего дома, *идѣже, сущу поздѣ, во едину отъ субботъ, и двереи затворенныи, бяху собрани ученицы* (Іоан. XX, 19) Пастыреначальника нашего. Виждь Его тамо, ставшаго посредѣ ихъ, оглашающаго ихъ миромъ, дающаго имъ осязать Его воскресшее тѣло, исполняющаго ихъ страхомъ и радостію, дышущаго на нихъ Духомъ Святымъ, и такимъ образомъ, убитыхъ смертію Его воскрешающаго и возраждающаго въ причастіе воскресшей Его жизни, и тотчасъ указующаго имъ путь, который они въ сей силѣ Духа протекать должны. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (21). Виждь потомъ сихъ посланниковъ, протекающихъ вселенную, сѣющихъ слово истины и спасенія раздающихъ сокровище благодати Святаго Духа, и, по достиженіи предѣла своего земнаго поприща, тоже посланничество предающихъ Богоноснымъ Отцамъ нашимъ. Виждь Богоносныхъ Отцевъ, простирающихъ Апостольское преданіе изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, непрерывно и неизмѣнно, такъ что и до тебя нынѣ дошедшій жребій есть тотъ же, который вышелъ изъ рукъ Апостольскихъ;

и тебѣ предлежащій нынѣ путь есть продолженіе того же пути, который проложили первые посланники Христовы. Какая дивная цѣпь посланничества! *Якоже посла Отецъ Небесный* Сына Своего Единороднаго; и Единородный Сынъ Божій послалъ Апостоловъ; и Апостолы, или паче Духъ Святый чрезъ Апостоловъ, послалъ Богоносныхъ Отцевъ нашихъ, а сіи паки другихъ, преемствовавшихъ имъ; и такимъ образомъ наконецъ и мы, аще и бренные или скудельные, присоединены къ златой чистой [1]), и Божественной цѣпи посланниковъ Господнихъ. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы.*

Мысль о Божественномъ посланничествѣ Господа нашего Іисуса Христа, какъ первоначальномъ образѣ воспріемлемаго нынѣ тобою служенія, да будетъ тебѣ всегдашнимъ напутствіемъ въ прохожденіи [2]) онаго. *Отецъ посла Сына Спасителя міру*: подвизайся, послѣдуя Единому Верховному Спасителю, быть орудіемъ спасенія душъ человѣческихъ. *Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Матѳ. XX, 28): по сему совершеннѣйшему примѣру, тщися и ты, какъ можно болѣе служить ради любви, а ради смиренія, какъ можно менѣе допускать, да послужатъ тебѣ; воспріими духъ пастыря добраго, душу свою полагающаго за овцы. *Азъ*, говоритъ Господь Пилату, *на сіе родихся, и на сіе пригдохъ, да свидѣтельствую истину* (Іоан. XVIII, 37): дерзай и ты за Нимъ на сіе идти, да свидѣтельствуешь истину, не страшась враговъ ея, и не смущаясь видомъ сильныхъ земли: *глаголи о свидѣніяхъ* Его *предъ цари, и не стыдися* (Псал. CXVIII, 46). По образу кротости Его, берегись, чтобы *и трости сокрушенны не преломить, и льна курящася не угасить* (Матѳ. XII, 20): а если обрящешь продающія и купующія въ Церкви, тебѣ ввѣренной; помяни снѣдавшую Его ревность Дома Божія. Если бы затрудненія и даже опасности тебя встрѣтили: вспомни, что и предъ Нимъ была чаша, которая еще прежде крестнаго страданія испивала кровь Его; и однако ни крайняя опасность не была Ему смертоносна, ни даже самымъ дѣломъ совершившаяся смерть [3]) не была Ему опасна; притомъ

---

[1]) По Евр. сборн.: нетлѣнной...

[2]) По Евр. сборн.: въ продолженіе....

[3]) По Евр. сборн.: совершившееся погубленіе....

помысли, что Прошедшій сквозь всякую опасность и самую смерть [4]) въ жизнь воскресенія и нынѣ посредѣ насъ; что Его дуновеніе, подающее Духа Святаго, и сюда простирается отъ Іерусалима; что слово: *Азъ посылаю вы*, не умолкло до нынѣ, а сіе слово есть творческое, слѣдственно, когда мы *по Христѣ посольствуемъ* (2 Кор. V, 20), должно несомнѣнно вѣровать и уповать, что Посылающій насъ въ тоже время творитъ намъ силу, и приготовляетъ истинную, духовную безопасность: *Жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь* (Псал. CIX, 2).

Таковыми размышленіями укрѣпляясь, благодушествуй, возлюбленный о Господѣ братъ, вступая на поприще тебѣ открытое; и помощію твоею облегчай мнѣ часть бремени, столько же и мнѣ, какъ тебѣ, страшнаго, но вмѣстѣ, ради Возложившаго и ради тѣхъ, которыхъ тяготы носить намъ должно, возлюбленнаго [5]) бремени.

Се вручаю тебѣ и жезлъ, какъ знаменіе силы, посылаемой тебѣ отъ Господа, частію какъ знаменіе пастырскаго попеченія о словесномъ стадѣ, отъ тебя ожидаемаго.

Возмогай о Господѣ, и нестѣсненнымъ сердцемъ, возноси къ горнему Престолу Его молитвы о святой Церкви Его, и о Благочестивѣйшемъ Помазанникѣ Его, и о послужившихъ настоящему твоему освященію.

---

[4]) По Евр. сборн.: погибель....

[5]) По Евр. сборн.: возложеннаго....

LXXI.

42. Слово

на Рождество Хрістово.

(1) Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ. се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ: еже есть сказаемо, съ нами Богъ. Матѳ. I, 22. 23

Неоднократно замѣчаетъ Святый Евангелистъ Матѳей, что всѣ обстоятельства и происшествія, которыми ознаменовалось рожденіе на земли воплощеннаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Хріста, были не просто стекшіяся обстоятельства и происшествія, но точныя событія пророческихъ предсказаній. Замѣчаніе, важное не для однихъ Іудеевъ, которые и на то, что можно разсмотрѣть простыми глазами, не иначе хотѣли смотрѣть, какъ сквозь зрительное стекло Пророковъ, но и для всякаго, кто желаетъ въ перепутанныхъ случайностями путяхъ человѣческихъ [2]) открывать слѣды Провидѣнія, и въ происшествіяхъ міра усматривать дѣла Божіи. Не очевидно ли Божіе дѣло, когда предсказанное за нѣсколько столѣтій точно сбывается, и особенно, когда сбывается то, что по обыкновеннымъ понятіямъ и соображеніямъ представлялось несбыточнымъ [3])?

Какъ будто на предстоящую предъ очами [4]), указываетъ Исаія на преблагословенную Дѣву Марію: *се дѣва*; тогда какъ не только сія дѣва, но и ея родители и прародители не произошли еще на свѣтъ. *Се дѣва*, говоритъ Онъ, *во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына.*

---

[1]) По Евр. сборн говорено въ Успенскомъ соборѣ.
[2]) По Евр собр.: въ темныхъ стезяхъ случая....
[3]) По Евр. сборн : несбыточное?
[4]) По Евр. сборн.: на представленную предъ очи....

Что глаголеши, Пророче? Можетъ ли дѣва пріять во чревѣ? Можетъ ли родившая быть дѣвою? Если сіе и сбыточно: какъ сбудется сіе у народа, которому ты предсказываешь сіе событіе? Если даже и сбудется: какъ можетъ быть сіе *знаменіемъ*, очевиднымъ, удостовѣрительнымъ, какое ты предвѣщаешь: *дастъ Господь Самъ вамъ знаменіе* (Иса. VII, 14) Если [5])? ты подлинно видишь сію дщерь Давидову, на которую указываешь: *се дѣва*; если видишь ее въ отдаленномъ отъ родины Давидовой, и въ презрѣнномъ *Назаретѣ*, въ сиротствѣ, въ убожествѣ, безъ всякихъ знаменій царской ея породы, обрученную древодѣлю: скажи, какъ *дастъ Господь* сіе *знаменіе*, чтобы она явилась дѣвою рода Давидова, раждающею въ домѣ и отечествѣ Давидовомъ, именно, по назначенію другаго пророка, въ *Виѳлеемѣ*?

Смотрите же, какъ подлинно *Господь Самъ* отвѣтствуетъ за вѣрность слова пророческаго. *Духъ Святый найде* на Марію, *и сила Вышняго осѣни* ее (Лук I, 35): и она пріяла во чревѣ, пребывая дѣвою, и содѣлавшись матерію Сына, тѣмъ не менѣе осталась дѣвою. Чтобы незнающіе тайны сего зачатія не могли оскорбить [6]) зачавшую, она обручена мужу прежде сего зачатія: а дабы всякому здравомыслящему явно было сіе знаменіе Господне, что дѣва зачала безъ мужа, зачатіе послѣдовало за обрученіемъ, *прежде даже не снитися имъ* (Матѳ. I, 18), прежде нежели Іосифъ *пріялъ жену свою* (24) въ домъ свой. Іосифу, чтобы онъ не остался въ недоумѣніи [7]), открыть сію тайну, и указать сіе знаменіе, посланъ былъ Ангелъ: а для прочихъ, которые не могли видѣть и слышать Ангеловъ, не менѣе Ангела вѣрнымъ свидѣтелемъ знаменія и вѣстникомъ тайны, былъ самый Іосифъ, всѣмъ извѣстный, какъ *праведный* (19), который потому не могъ обманывать людей, и тѣмъ еще болѣе не могъ клеветать на Бога и на Святаго Духа. Но какъ сдѣлать, чтобы знаменіе, уже открывшееся въ языческомъ почти *Назаретѣ*, дано было, по предреченію Исаіи, *дому Давидову* (Иса. VII, 13); чтобы дѣва, которая, по пріятіи во чревѣ отъ Духа Свята, и послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ домѣ одной род-

[5]) По Евр. сборн.: Если дѣва зачнетъ во чревѣ, не бывъ отдана мужу: ее почтутъ бракоокрадованною и побіютъ каменіемъ. А если она зачнетъ, бывъ отдана мужу: какъ узнаютъ, что не жена зачнетъ и родитъ, но дѣва? Если...

[6]) По Евр. сборн.: преслѣдовать....

[7]) По Евр сборн.: не остался въ невѣдѣніи и не пришелъ въ сомнѣніе,...

ственницы, до послѣдняго времени чревоношенія оставалась жить въ *Назаретѣ*, не помышляя ни о какомъ путешествіи, ни о какомъ переселеніи,—чтобы она родила Вождя Израилева, по пророчеству Михея, *въ Виѳлеемѣ* (Мих. V, 2)? Подлинно здѣсь, какъ намекаетъ опять Исаія, *трудъ данъ Господеви* (Иса. VII, 13), то есть, надлежало произвести трудныя, по человѣческому понятію, и необъятныя дѣла, чтобы предсказанное знаменіе совершилось. Дабы Марію, по совѣту Ангела, наконецъ принятую въ домъ Іосифовъ, привесть изъ Назарета въ Виѳлеемъ, и достовѣрно и торжественно показать происхожденіе Сына ея отъ Давида, къ сему избрана средствомъ всенародная перепись; но какъ такая перепись въ народѣ Божіемъ не была въ употребленіи, даже запрещена была закономъ, то надобно было народъ Божій предать власти другаго народа И такъ Богъ поколебалъ почти всѣ царства міра, и покорилъ ихъ Риму; надъ Римомъ воздвигъ Августа; Августу далъ всемірный миръ, чтобы полномочіе и удобство подали ему мысль [7]), и чтобы отъ него вышло *повелѣніе, написати всю вселенную* (Лук. II, 1), предъ тѣмъ временемъ, когда надлежало родиться Сыну дѣвы; сія перепись сколько нечаянно, столько же необходимо повлекла Іосифа въ отечественный ему городъ Виѳлеемъ; Марія должна была слѣдовать за Іосифомъ; земный родъ Еммануила открылся въ то самое время, какъ приспѣло Его рожденіе; и, — что не многими днями ранѣе казалось еще несбыточнымъ,—Онъ родился точно, по предсказанію пророческому, въ Виѳлеемѣ.

Подлинно, все сдѣлано, чтобъ исполнилось предсказаніе, и чтобы сквозь малыя и великія дѣла человѣческія видно было единое великое знаменіе господствующаго надъ ними дѣла Божія. *Сіе все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ: се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ.*

При семъ разсужденіи о точномъ исполненіи пророческихъ словъ, относящихся къ Рождеству Господа нашего Іисуса Христа, можетъ кто-либо спросить: почему не столь, по видимому, точно исполнилось предсказаніе о Его имени? Поелику пророкъ

---

[7]) По Евр. сборн.: на досугѣ пришла ему мысль,...

Исаія преднарекъ Ему имя *Еммануила*: но вмѣсто того Ангелъ повелѣлъ нарещи Ему имя: *Іисусъ*.

На сіе, во-первыхъ, отвѣтствую, что если прочія предсказанныя подробности о Сынѣ Дѣвы, а въ числѣ ихъ и менѣе существенныя, каково, напримѣръ, есть назначеніе мѣста рожденія Его, сбылись въ точности: возможно ли, чтобы Творецъ Пророчества, Духъ Святый, допустилъ оному быть неточнымъ въ томъ, что составляетъ сущность, духъ и цѣль всѣхъ предсказанныхъ подробностей, именно, что въ Сынѣ Дѣвы сближается *съ нами Богъ*, или иначе сказать, что мы Имъ *спасаемся*!

Во-вторыхъ, признаю, что, при сличеніи Пророчества о имени Еммануила съ событіемъ, усматривается нѣчто неточное, по наружности [8]), въ словахъ: но при семъ не обинуясь утверждаю, что сія видимая неточность не только не есть недостатокъ или несовершенство въ пророчествѣ, или въ событіи, но даже принадлежитъ къ совершенству, и новымъ образомъ открываетъ Божественное происхожденіе того и другаго. Приведите себѣ на мысль то, что Еммануилъ и предсказанъ, и пришелъ на землю по предсказаніямъ, для вѣрующихъ; а гдѣ вѣра, тамъ не все должно быть ясно видимо, но должно нѣчто предполагать сокровенное, поелику *вѣра*, по Апостолу, *есть обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI, 1), открытое же и полное видѣніе не оставило бы мѣста вѣрѣ. Посему вы согласитесь, что Еммануилъ, въ пришествіи Своемъ на землю, долженствовалъ быть и столько видимъ, чтобъ Его можно было узнать, и столько сокровенъ, чтобы въ Него можно было вѣровать, и чтобы невѣрующіе не могли проникнуть въ тайны Его, и повредить дѣлу Божію [9]), которое совершить Ему надлежало. Посему, что Пророкъ открывалъ вѣрующимъ въ необыкновенномъ имени Еммануила, то же самое Ангелъ представилъ міру подъ покровомъ не столь необыкновеннаго для слуха Евреевъ имени Іисуса, которое имѣли уже прежде одинъ Судія, и одинъ Первосвященникъ, также не безъ таинства для вѣрующихъ, и также утаеннаго отъ невѣрующихъ.

Въ-третьихъ, если, не останавливаясь на одномъ видимомъ, съ помощію вѣры, или прозрѣнія въ невидимое, сличимъ назначенное въ пророчествѣ имя *Еммануила*, и явившееся въ собы-

---

[8]) По Евр. сборн.: по видимому, по наружности,....

[9]) По Евр. сборн.: разрушить дѣло Божіе,...

тіи имя *Іисуса*: то не трудно усмотрѣть въ нихъ не только точную, взаимную сообразность внутреннюю, но и единство. Что препятствуетъ намъ человѣкамъ, да будетъ *съ нами Богъ? Грѣси ваши* (Иса. LIX, 2), говоритъ Пророкъ, *разлучаютъ между вами и между Богомъ* И такъ разлученіе отъ Бога, и состояніе грѣховное, есть одно и тоже. Слѣдственно приближеніе къ Богу, и спасеніе отъ грѣховъ, есть опять одно и тоже. Слѣдственно *Еммануилъ—съ нами Богъ*, и *Іисусъ—Спаситель отъ грѣховъ*, также есть одно и тоже. Слѣдственно и пророчество точно, и событіе вѣрно пророчеству [10]). *Еммануилъ* есть *Спаситель*; *Іисусъ* есть *съ нами Богъ*.

Познаемъ, Христіане, глубокую мудрость сего пророчества, и восчувствуемъ высокое блаженство сего событія!

Съ нами Богъ во *Іисусѣ*, по самому воплощенію: поелику въ Немъ естество *Божеское* и *наше* человѣческое, не только сближены, но соединены нераздѣльно, впрочемъ и неслиянно, во единое лице Богочеловѣка; и потому Онъ *не стыдится* (Евр. II, 11), какъ говоритъ Апостолъ, *братію нарицати* насъ.

Съ нами Богъ во *Іисусѣ*, по искупленію: поелику безъ Іисуса съ нами былъ грѣхъ, который мы и отъ Адама наслѣдовали, и сами творить не переставали; а *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. VIII, 34); съ нами былъ діаволъ, ибо *творяй грѣхъ* (1 Іоан III, 8) *отъ діавола есть*; но Іисусъ, пришедши на землю, жизнію Своею исполнилъ законъ Божій, который мы нарушали; страданіемъ Своимъ загладилъ грѣхъ, который мы творили, смертію Своею умертвилъ смерть, на которую мы за грѣхъ осуждены были; сошествіемъ Своимъ во адъ освободилъ насъ отъ темныя власти діавола; воскресеніемъ Своимъ вновь пріобрѣлъ намъ *жизнь Божію* (Ефес. IV, 18), отъ которой мы грѣхомъ *отчуждены были*.

Съ нами Богъ во *Іисусѣ*, по дару Святаго Духа: поелику Сынъ Божій, пришедшій на землю для искупленія насъ, возвратился на небо, *да умолитъ Отца, и иного Утѣшителя дастъ намъ, да будетъ съ нами въ вѣкъ, Духъ истины* (Іоан. XIV, 16).

Съ нами Богъ чрезъ *Іисуса*, въ нашемъ умѣ и познаніи: поели-

---

[10]) По Евр. сборн.: и пророчество не погрѣшаетъ, и событіе не уклоняется отъ пророчества.

ку *Бога никтоже нигдѣже видѣ; Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда* (Іоан. I, 18).

Съ нами Богъ чрезъ *Іисуса*, въ нашемъ сердцѣ и чувствіи: поелику *Христосъ вселяется вѣрою въ сердца наши* (Ефес III, 17), и съ тѣмъ вмѣстѣ *любы Божія изливается въ сердца наши Духомъ Святымъ, данным намъ* (Римл. V, 5).

Съ нами Богъ чрезъ *Іисуса*, во всей нашей жизни и дѣлахъ, если только мы совершенно предаемъ себя Ему: поелику тогда *живемъ не ктому мы, но живетъ въ насъ Христосъ* (Гал. II, 20); и *Богъ дѣйствуетъ въ насъ еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Филип. II, 13).

Съ нами Богъ чрезъ *Іисуса*, если только желаемъ того, во всѣхъ состояніяхъ и приключеніяхъ жизни нашей; такъ что даже, страждемъ ли, можемъ *съ Нимъ страдать, да и съ Нимъ прославимся* (Римл. VIII, 17); умираемъ ли, можемъ *умирать Господеви* (XIV, 8).

О имени Господа нашего Іисуса Христа, съ нами Богъ, Христіане, всегда и во всемъ; только мы да не престанемъ быть съ Богомъ, чрезъ памятованіе о Немъ, чрезъ молитву къ Нему, чрезъ вѣру и любовь, чрезъ непрестанное упражненіе въ томъ, что угодно Богу, и что [11]) къ Богу насъ приближаетъ. Аминь.

---

[11]) По Евр. сборн.: потому....

1825 годъ.

LXXII.

43. Слово

въ недѣлю Ваій.

(Говорено въ Чудовѣ Монастырѣ 22 Марта, напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1837 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Сіе же все бысть, да сбудется реченное Пророкомъ, глаголющимъ: рцыте дщери Сіоновѣ: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, и всѣдъ на осля и жребя, сына подъяремница. Матѳ. XXI, 4. 5.

Какъ пріятно видѣть образъ солнца въ чистомъ потокѣ, гдѣ онъ, хотя не столь сильнымъ, какъ въ небесахъ, но за то болѣе приступнымъ для зрителя свѣтомъ сіяетъ: такъ пріятно въ чистыхъ источникахъ Израилевыхъ, то есть, въ проистекшихъ отъ Духа Божія глаголахъ пророческихъ, духовнымъ окомъ, то есть, Богомыслящимъ умомъ, созерцать образъ Солнца правды, Господа нашего Іисуса Христа, представленный хотя не въ такомъ полномъ свѣтѣ, какъ въ Евангеліи, впрочемъ въ такихъ чертахъ, въ которыхъ внимательный созерцатель удобно можетъ усматривать Его Божественныя свойства, чудесныя дѣйствія, глубокія и спасительныя таинства.

Самъ святый Евангелистъ Матѳей почелъ не излишнымъ для Евангелія показать славу и таинство настоящаго дня въ изображеніи Пророка Захаріи. Прочитаемъ точныя слова Пророка, нѣсколько сокращенныя Евангелистомъ. *Радуйся зѣло, дщи Сіоня,*

проповѣдуй дщи Іерусалимля: се Царь твои грядетъ тебѣ праведенъ и спасаяй, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна (Зах. IX, 9). Два предмета можно здѣсь разсматривать: дивное событіе пророчества, и новое пророчество событія.

Если бы еще и не открыто было событіе пророчества Захаріина: по самому сему пророчеству можно примѣчать, что имъ обѣщается дивное событіе. Кто бы могъ ожидать, чтобы какой нибудь царь, въ царственный городъ, торжественнымъ шествіемъ вступилъ на юномъ жребяти, рожденномъ отъ подъяремныя ослицы? И если бы кто явился въ такомъ видѣ съ именемъ царя, можно ли было думать, что его примутъ съ искреннимъ веселіемъ и торжественными восклицаніями, а не съ посмѣяніемъ или пренебреженіемъ [1])? Издревле цари побѣдоносные шествовали на коняхъ; мирные вельможи, по простотѣ древнихъ обычаевъ, путешествовали, правда, на ослицахъ; но на осля, рожденное отъ *подъяремныя*, то есть, отъ работной, посящей тяжести ослицы [2]), и притомъ на осля юное, необученое, не отвыкшее отъ матери, царю возсѣсть, свойственно ли, вѣроятно ли было [3])? Какъ же пришло на мысль Захаріи предсказывать торжественное шествіе и срѣтеніе Царя, *всѣдшаго на подъяремника и жребца юна*? Какъ могло исполниться такое предсказаніе? И то и другое не могло быть иначе, какъ необыкновеннымъ, отъ Бога устроеннымъ образомъ. По сей необычайности предсказываемаго дѣйствія, самые Іудеи признаютъ издревле до нынѣ, что пророчество Захаріи о кроткомъ Царѣ относится къ Мессіи, или иначе ко Христу, хотя не узнаютъ Его, бѣдные, въ кроткомъ Іисусѣ.

Но если въ самомъ пророчествѣ Захаріи уже можно усматривать необычайность событія, имъ возвѣщаемаго: то внимательное разсматриваніе самаго событія еще болѣе можетъ открыть чудеснаго и прямо Божественнаго.

Когда какому царю надлежитъ торжественно вступить въ царственный городъ: торжественность сія составляется посредствомъ предварительныхъ распоряженій и приготовленій. Но ничего

---

[1]) По Евр. сборн. и Христ. Чт.: съ смѣхомъ и презрѣніемъ?

[2]) По Евр. сборн.: худой рабочей породы,...

[3]) По Евр. сборн.: повидимому не царю, но развѣ скотопитателю для обученія, или отроку для игры возсѣсть можно было.

таковаго не видимъ у Господа нашего, до самаго дня,— почти до самаго часа, царскаго вшествія Его въ Іерусалимъ [1]). Вчера онъ вечерялъ въ Виѳаніи, гдѣ воскресилъ Лазаря: и, при помазаніи ногъ Его мѵромъ, говорилъ о предварительныхъ распоряженіяхъ не къ воцаренію, а къ погребенію своему. Было тамъ не мало народа, но *не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ* (Іоан. XII, 9). Сегодня поутру идетъ Онъ въ Іерусалимъ, сопровождаемый учениками, также какъ и въ другіе дни. *Идяше преди*, пишетъ святый Лука, *восходя во Іерусалимъ* (Лук XIX, 28). Нѣтъ никакихъ приготовленій. Никто не думаетъ о Его воцареніи. *Сихъ же не разумѣша ученицы Его прежде* (Іоан. XII, 16). Внезапно сіе начинается, и вдругъ совершается. *И бысть*. Не доходя до Виѳсфагіи, не далеко уже и отъ самаго Іерусалима, даетъ Онъ неожиданное [2]) повелѣніе: *и бысть, яко приближися къ Виѳсфагію и Виѳанію, къ горѣ нарицаемѣй Елеонъ, посла два ученикъ своихъ, глаголя: идита въ прямую весь: и въ нюже входяща обрящета жребя привязано, на неже никтоже николиже отъ человѣкъ всѣде* (Лук. XIX, 29. 30), — по другому Евангелисту обстоятельнѣе: *осля привязано, и жребя съ нимъ* (Мат. XXI, 2). Примѣчайте внимательно, какъ поистинѣ Божественно дѣйствуетъ Божественный Царь нашъ. Онъ видитъ пророчество; видитъ близкую минуту, когда ему надлежитъ исполниться: но еще нѣтъ орудій къ исполненію онаго. Онъ взираетъ не тѣлеснымъ окомъ Своимъ, но Своимъ всевѣдѣніемъ: и потребное тотчасъ обрѣтается. *Абіе обрящета осля привязано и жребя съ нимъ*. Чудесно, какъ найдено сіе орудіе, но и то не менѣе чудесно, какъ оно взято. *Отрѣшивша, приведита Ми*, глаголетъ Онъ двумъ ученикамъ. Господи!—могли бы сказать посылаемые,—какъ можно сіе сдѣлать,—отрѣшить чужое осля, неизвѣстнымъ посланникамъ, и вести, куда не знаетъ хозяинъ? Подлинно, сіе могло затруднить Апостоловъ; подлинно, видимая несбыточность повелѣваемаго могла сопровождаться непослушаніемъ по-

[1]) По Евр. сборн.: распоряженій: заранѣе назначается для сего день; возвѣщается о томъ народу; предписывается порядокъ; назначаются предшествующіе и послѣдующіе; приготовляются украшенія. Напротивъ того, посмотрите на кроткаго царя Іисуса въ день торжественнаго вшествія Его въ Іерусалимъ.

[2]) По Евр сборн. и Христ. Чт.: странное....

сылаемыхъ, если въ другомъ случаѣ встрѣченное ими затрудненіе сопровождалось и бѣгствомъ [6]) и отреченіемъ отъ Господа; и тогда бы дѣло разрушилось, и пророчество не исполнилось. Но и здѣсь Божественное вѣдѣніе Царя нашего провидѣло готовность посылаемыхъ, а Божественная власть Его надъ сердцами укрѣпила ихъ противъ всякаго сомнѣнія. То же вѣдѣніе провидѣло вопросъ хозяина осляти: *почто отрѣшаета*? Та же власть надъ сердцами предварительно дала на сіе, по видимому, ни мало не убѣдительный для незнакомаго, но на самомъ дѣлѣ непреоборимымъ оказавшійся отвѣтъ: *Господь требуетъ* (Лук. XIX, 31). И посланные взяли, и привели осля, не зная, чье; и хозяинъ осляти отдалъ его, не зная, кому и на что. Между тѣмъ народъ многъ, не царски созванный, но *пришедый въ праздникъ* (Іоан. XII, 12) не по гласу провозвѣстника, но по славѣ воскресенія Лазарева, исходитъ въ срѣтеніе Іисусу; и, объятый внезапнымъ восторгомъ, вмѣсто приготовленныхъ украшеній, постилаетъ ему ризы, вмѣсто царскихъ знаменій и оружія, вземлетъ вѣтви древесныя; предшествуетъ, послѣдуетъ, восклицаетъ кроткому Царю, безъ всякой царской пышности несомому спокойно ослятемъ, котораго никакая человѣческая рука не пріобучала до сей минуты ни къ какому бремени. Какъ произошли всѣ сіи нечаянности? — Поистинѣ, сіе все бысть, да *збудется реченное пророкомъ*. Сбылось несбыточное, дабы ясно было видно, что дѣйствуетъ Тотъ, у Котораго *не изнеможетъ всякъ глаголъ* (Лук. I, 37).

Видимъ дивное событіе пророчества Захаріина. Изощримъ взоръ, и увидимъ въ самомъ событіи новое пророчество еще болѣе дивнаго событія.

Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ царскій входъ Господень въ Іерусалимъ? Для чего столь дивное предсказаніе [7])? Для чего такое множество чудесъ? Какое намѣреніе столь необычайныхъ распоряженій [8])? Какое послѣдствіе сихъ Божественныхъ дѣй-

---

[6]) По Евр. сборн.: Не возмутъ ли насъ, какъ татей? И враги Твои которые ищутъ уловить Тебя и въ словѣ и въ дѣлѣ, не уловятъ ли сего случая, чтобъ обвинить Тебя, какъ посылающаго татей? Подлинно, сіе было возможно и вѣроятно; могло сіе затруднить Апостоловъ; опасеніе ихъ могло сопровождаться непослушаніемъ, если въ другомъ случаѣ сопровождалось бѣгствомъ....

[7]) По Евр. сборн. далѣе слѣдуетъ: Для чего столь чудесное событіе?

[8]) По Евр. сборн.: усилій?

ствій? Какой плодъ столь величественнаго, но столь скоропреходящаго явленія Царя Сіонскаго? Какъ молнія, открывается надъ Іерусалимомъ царствіе небесное, и какъ молнія, поглощается областію темною. Только еще собирается народъ, чтобы идти въ срѣтеніе Царю *праведному и спасающему*; неправда уже замышляетъ погибель и Ему, и прославившему [9]) Его Лазарю: *совѣщаша же Архіерее, да и Лазаря убіютъ* (Іоан XII, 10). Еще отроки отъ полноты чистыхъ сердецъ восклицаютъ въ церкви: властители и мудрецы, *Архіерее и книжницы уже негодуютъ* (Мат. XXI, 15), и отъ избытка злобы не могутъ скрыть своего негодованія. Сегодня говорятъ дщери Сіоновой: *се Царь твой грядетъ тебѣ*: а чрезъ нѣсколько дней таже дщерь Сіонова, то есть, народъ Іерусалимскій скажетъ: *не имамы царя* (Іоан XIX, 15), и самый сей Царь отречется отъ видимаго призрака царства: *царство Мое*, скажетъ Онъ, *нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36). Сегодня: *осанна сыну Давидову* (Матѳ. XXI, 9), а вскорѣ послѣ сего: *распни Его* (Іоан. XIX, 15)! На что же сіе блистательное, но исчезающее зрѣлище! Ты сказалъ уже, возразятъ мнѣ, что *сіе все бысть, да сбудется реченное пророкомъ*. Я сказалъ, что сіе такъ дивно предсказано для того, чтобы можно было узнать въ предсказаніи слово Божіе; и такъ дивно исполнилось, чтобы можно было узнать въ событіи дѣло Божіе. Но почто и слово Божіе предваряло, и дѣло Божіе послѣдовало? Когда Богъ, Который *рече,—и быша* (Псал. XXXII, 9), *и се вся добра зѣло* (Быт. I, 31), посылаетъ слово Свое, да сбудется потомъ и самое дѣло Его: надобно, чтобы отъ сего произошло нѣкое существенное и твердое благо, а не одинъ мгновенный призракъ. Иначе, почто предпріемлется дѣло Божіе? Почто исходитъ слово Божіе, и почто нисходитъ оно даже до такихъ ничтожныхъ, по видимому, подробностей, какъ возрастъ осляти? Но, можетъ быть, изысканныя [10]) сіи вопрошенія начинаютъ уже казаться дерзновенными, а еще не обрѣтаютъ искомаго. По крайней мѣрѣ, не примѣчаете ли, что въ славѣ настоящаго дня должна быть сокрыта нѣкая тайна, хотя мы не дошли еще до ея открытія? Не имѣете ли уже загадки, хотя еще не угадываете ея разрѣшенія? Дойдя до сего, чтобы не выйти

---

[9]) По Евр сборн. и Христ. Чт.: толико прославившему....

[10]) По Евр. сборн.: изыскательныя....

изъ предѣловъ вашего вѣроятія, умолкаю. Пусть говоритъ вмѣсто меня, и разрѣшитъ вамъ загадку, и откроетъ вамъ тайну, святый Златоустъ.

Здѣ, говоритъ онъ, изъясняя таинство входа Господня въ Іерусалимъ, *Церковь чрезъ жребя изъявляется, и новые люди, прежде убо нечистіи, егда же всѣде Іисусъ, чисти содѣлавшіися. И зри всюду подобіе соблюдаемо. Ученицы бо отрѣшаютъ ослята: отъ Апостолъ бо и оніи* (то есть, Іудеи), *и мы* (то есть, Христіане изъ язычества), *призвахомся. Отъ Апостолъ приведохомся, понеже и наше благонскуство оныхъ къ ревности подвиже* [11]). *Сегоради является осля, послѣдуя жребяти Егда бо всядетъ Христосъ на языки, тогда пріидутъ и Іудее ревнующе имъ. И сіе являя Павелъ глаголаше: яко ослѣпленіе отчасти Израилеви бысть, дондеже исполненіе языковъ внидетъ, и тако весь Израиль спасется. Яко бо пророчество бѣ, явственно есть отъ реченныхъ. Не бо было бы тщаніе пророку, съ толикимъ опасствомъ осляти возрастъ рещи, аще бы не сіе было. Не сія же токмо изъясняются реченными, но яко и со удобствомъ ихъ приведутъ Апостоли. Якоже бо здѣ никтоже сопротивъ рече хотящимъ взяти: тако и о языцѣхъ никто же возможе возбранити еллющимъ ихъ Апостоломъ прежде Не всѣдаетъ же на нагаго жребца, но на ризы Апостольскія. Понеже бо жребя отъ иныхъ пріяша, то и своя уже вся отдаютъ, якоже Павелъ глаголаше: азъ же въ сладость ижду и ижду и ижду буду по душахъ вашихъ. Смотри же послушность жребца, како не обученъ сый, и узды не искусенъ, не возскака, но благочинно идяше. И сіе пророчество будущаго есть, покорность языкъ являющее и незапное ихъ къ благочинію преложеніе. Ибо вся содѣла слово глаголюще: отрѣшивша приведита Ми: да безчинная благочинна, и нечистая уже чиста будутъ* (На Матѳ. бесѣд. 66).

До здѣ святый Златоустъ. Повторимъ ученіе сего таинства [12]) Христова такъ, чтобы, если можно, сдѣлать оное болѣе внятнымъ. Входъ Господень въ Іерусалимъ не есть простое изъявленіе настоящаго, но паче пророчество и предзнаменованіе будущаго воцаренія Его. Царство Его не есть сей Іерусалимъ,

[11]) По Евр. сборн. Христ. Чт. и въ собр. 1844 г.: *опять поревнови.*

[12]) По Евр сборн. Христ. Чт. и въ собр. 1844 г.: таинника.

который вскорѣ разрушатъ, или земля Іудейская, которую вскорѣ поработятъ и опустошатъ, но Церковь, которой и *врата адова не одолѣютъ* (Матѳ. XVI, 18). Осля и жребя, на которомъ Онъ возсѣдаетъ для царскаго Своего шествія, означаютъ два рода людей, надъ которыми Онъ пришелъ духовно царствовать,— Іудеевъ и язычниковъ. Осля подъяремное есть образъ Іудеевъ, долго носившихъ на выяхъ своихъ иго закона, *иго, его же*— признается лучшій изъ нихъ — *ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести* (Дѣян. XV, 10), и которое потому нужно было перемѣнить на иго Христа благое, и бремя Его легкое. Жребя необученное знаменуетъ язычниковъ, неукрощенныхъ ученіемъ, незнающихъ закона. Апостолы безпрепятственно берутъ осля и жребя: то есть, Апостолы, не смотря на препятствія, покаряютъ царствію Христову Іудеевъ и язычниковъ. Господь возсѣдаетъ на жребя; осля за нимъ послѣдуетъ: то есть, сперва покаряются царствію Христову большею частію язычники, а когда предопредѣленные изъ язычниковъ войдутъ въ полноту Церкви, тогда и отставшіе Іудеи обратятся и постигнутъ ихъ. Необученное жребя благочинно несетъ на себѣ Царя: то есть, невѣжественные и своевольные прежде язычники вскорѣ образуются ученіемъ и заповѣдями Христовыми. Ризы постилаютъ Царю: то есть, совершенные послѣдователи Христовы все свое отдаютъ Ему. Дѣти пріемлютъ и славословятъ Царя: то есть, сердца, дѣтскія по простотѣ и искренности, пріемлютъ Христа вѣрою, прославляютъ Его любовію.

Христіане, сынове царствія Христова! Если видимъ славу, или проникаемъ тайну настоящаго торжества: не попустимъ, чтобы оно прошло мимо насъ, какъ постороннее для насъ зрѣлище; ибо въ семъ случаѣ мы остались бы посторонними и чуждыми для царствія Христова. Посылаетъ ли кого изъ насъ Господь на какое служеніе? Будемъ безъ испытанія послушны, какъ Апостолы. Требуетъ ли отъ насъ чего? Предадимъ Ему все безпрекословно, какъ неизвѣстный, при имени Господа, отдалъ свою собственность, предадимъ добровольно, хотя бы то было съ лишеніемъ потребнаго для насъ, какъ то сдѣлали постилавшіе ризы свои. Ходилъ ли кто до нынѣ въ волѣ сердца своего? Преклонись отънынѣ подъ иго Христово. Думаетъ ли кто, что образовалъ себя исполненіемъ нравственнаго закона? Послѣдуй за Христомъ, *аще хощеши совершенъ быти* (Матѳ. XIX, 21). Всѣ

воззовемъ дѣтскимъ, искреннимъ сердцемъ: *осанна сыну Давидову! Хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами* (Лук. XIII, 14) во вѣки. Аминь.

LXXIII.

44. Слово.

въ день Святыя Пасхи.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ 29 марта, напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи 1842 года и въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ).

Христосъ воскресе!

Тогда отверзе имъ умъ. Лук. XXIV, 45.

Сколько храминъ отперто, сколько дверей отворено нынѣ однимъ *ключемъ Давидовымъ*, и однимъ его движеніемъ!

Въ домѣ укрѣпляютъ и запираютъ двери, чтобы не допустить татя, или чтобы удержать буйнаго домочадца. Такъ и въ домѣ Божіемъ. Когда воздѣлыватель и стражъ рая Божія похитилъ плодъ съ древа познанія: тогда онъ изгнанъ, рай отъ него запертъ, и у входа поставленъ сильнѣйшій его стражъ съ пламеннымъ оружіемъ. А поелику, сверхъ того, преступника надлежало наказать, притомъ и послѣ его изгнанія продолжалъ господствовать въ родѣ его духъ преступническій и мятежный [1]): то какъ онъ, такъ и его потомки, одинъ по другомъ, чрезъ дверь смерти, препровождаемы были въ темницу, гдѣ заключались не на дни, но на вѣки. Отсюда само-собою видно и то, какъ загражденъ и заключенъ былъ отъ недостойнаго домочадца самый домъ Господень, то есть, небо, къ которому надлежало итти чрезъ садъ Едемскій

Наконецъ Единородный Сынъ Домувладыки небеснаго, по Его

[1]) По Евр. сборн.: и поелику духъ преступническій и мятежный продолжалъ и послѣ его изгнанія господствовать во всемъ родѣ его.

милосердію и по Своему человѣколюбію, приходитъ освободить заключенныхъ, и возвратить изгнанныхъ. *Ключъ Давидовъ*, отпирающій всѣ двери, есть Богочеловѣчество І. Христа, Которымъ какъ Божество проникаетъ во всѣ состоянія человѣчества, такъ и человѣчество входитъ во внутренняя Божества. Всеотверзающее движеніе сего ключа есть воскресеніе Христово. Имъ отверзается темница, и отдаетъ заключенныхъ; отверзается рай, и пріемлетъ изгнанныхъ; отверзается небо, и ожидаетъ избранныхъ. Что сказалъ я теперь во уши ваши, то говоритъ церковь и глазамъ вашимъ, представляя вамъ здѣсь, во все продолженіе настоящаго праздника, отверзтыя двери къ престолу Божественныхъ таинствъ.

Примѣтимъ и еще дверь, которую тотъ-же ключъ Давидовъ, и въ то же время, отверзаетъ, дверь, можетъ быть, не большую, но которая ведетъ въ великую сокровищницу Божію. *Тогда отверзе имъ умъ*, пишетъ святый Евангелистъ. Тогда отверзъ Господь умъ Апостоламъ. Когда? Тогда, какъ воскресъ, явился имъ, показалъ имъ раны Свои, яде предъ ними, когда совершенно утвердилъ вѣру ихъ во Свое воскресеніе. *Тогда отверзе имъ умъ, разумѣти писанія; и рече имъ: яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченше отъ Іерусалима.* Да отверзется умъ каждаго слышащаго сіе, дабы принять открывающуюся важную истину, что воскресеніе Христово, и вѣра въ сіе воскресеніе, отверзаетъ заключенный умъ человѣческій къ истинному разумѣнію высокихъ и спасительныхъ предметовъ знанія.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ давно уже *начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное* (Матѳ. IV, 17)! И ранѣе всѣхъ прочихъ начали слушать сію проповѣдь Апостолы. Какъ давно и сами они посланы съ такою же проповѣдію: *ходяще, проповѣдуйте глаголюще: яко приближися царствіе Божіе* (Матѳ. X, 7)! Итакъ они долго и слушали проповѣдь о покаяніи и о царствіи Божіемъ, и сами о семъ проповѣдывали: но еще умъ ихъ былъ заключенъ? Почти не вѣроятно, и однако, по слову Господню, справедливо. Не прежде, какъ по воскресеніи Своемъ, — *тогда отверзе имъ умъ, разумѣти писанія*, и уже какъ разумѣвающимъ, *рече*

имъ: яко тако подобаше проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ. До сего времени они знали покаяніе, какъ подвигъ: теперь глубже познаютъ *покаяніе во имя Іисуса*, какъ духъ и силу подвига. Они знали покаяніе болѣе, какъ нужду и должность: теперь совершеннѣе познаютъ его плодъ и награду, *отпущеніе грѣховъ*. Они могли проповѣдывать *приближеніе* царствія небеснаго: теперь могутъ свидѣтельствовать о дѣйствительномъ его явленіи предъ ними и въ нихъ самихъ

Какъ рано также, какъ многократно и какъ подробно предсказалъ Господь Апостоламъ и страданіе Свое и воскресеніе! Иногда облекалъ Онъ сіе предсказаніе притчею, какъ напримѣръ, когда сказалъ Іудеямъ: *разорите церковь сію, и тремя днми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). Они при сихъ словахъ думали о храмѣ: *Онъ же глаголаше о церкви тѣла Своего* (21). Впрочемъ и притча о семъ была у него иногда почти столько же понятна, какъ простое слово, какъ напримѣръ: *якоже бо Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Мато. XII, 40). Но сего не довольно. Такъ говорилъ Онъ при Апостолахъ постороннимъ, а самимъ Апостоламъ неоднократно говорилъ о семъ безъ притчи, ясно, точно, подробно, напримѣръ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и скончаются вся писанная Пророки о Сынѣ человѣчестѣ; предадятъ бо Его языкомъ, и поругаются Ему, и укорятъ Его, и оплюютъ Его, и бивше убіютъ Его, и въ третій день воскреснетъ* (Лук. XVIII, 31—34). Можно ли говорить яснѣе? Можно ли, кажется, не понять сего? И не ужели, скажете вѣроятно, не ужели сего не поняли? Святый Евангелистъ предвидѣлъ сіе сомнѣніе; и потому съ особеннымъ напряженіемъ слова удостовѣряетъ, что подлинно не поняли. *И тіи*, говоритъ онъ, то есть, Апостолы, *ничесоже отъ сихъ разумѣша, и бѣ глаголъ сей сокровенъ отъ нихъ, и не разумѣваху глаголемыхъ.* Другой Евангелистъ повѣствуетъ, что нѣкогда, услышавъ отъ Господа о воскресеніи Его, Апостолы такъ затруднились въ разумѣніи словъ Его, что, какъ будто на неразрѣшимой притчѣ, остановились на нихъ, и состязались между собою о ихъ знаменованіи. *И слово удержаша въ себѣ стязающеся, что есть, еже изъ мертвыхъ воскреснути* (Марк. IX, 10). Итакъ, точно не прежде, какъ по воскресеніи Госпо-

да, — *тогда отверзе имъ умъ разумѣти писанія, яко тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день.*

Опасаюсь, что, не смотря на столь ясныя свидѣтельства Евангельскія, столь закрытое состояніе [2]) ума въ Апостолахъ прежде воскресенія Христова, и столь внезапное озареніе цѣлой области разумѣнія ихъ однимъ лицезрѣніемъ воскресшаго Христа, будетъ для нѣкоторыхъ глаголомъ сокровеннымъ. О, если бы Господь и намъ отверзъ умъ,—сказать нѣчто вразумительное, и услышать нѣчто наставительное о томъ, какъ отверзается умъ свѣтомъ воскресшаго Христа и вѣрою въ Него!

Слово Божіе умъ называетъ окомъ, разумѣніе видѣніемъ, невѣдѣніе слѣпотою, какъ на примѣръ въ семъ изреченіи Господа: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. IX, 39). Извѣстно, что пришествіе Христово въ міръ никого не сдѣлало слѣпымъ глазами, но многіе оказались во время онаго слѣпы умомъ. Послѣдуемъ же указанію слова Божія на состоянія и дѣйствія ума чрезъ состоянія и дѣйствія ока. Око видитъ вещи, частію по свойству самыхъ вещей, какъ на примѣръ: свѣтъ видитъ свѣтлымъ; частію по образу своего устроенія, и по своему особенному состоянію, какъ напримѣръ: око слѣпаго, постепенно отверзаемое, *сперва видитъ человѣки, яко древіе ходящя*, по совершенномъ же исцѣленіи, *зритъ ясно все*; частію по дѣйствію общаго посредствующаго между зрителемъ и зримыми вещами свѣта, какъ на примѣръ· иное видѣть вещи при свѣтѣ лунномъ или звѣздномъ, а иное—при солнечномъ. Подобно сему духовное око видитъ духовные предметы, или, иначе сказать, умъ разумѣваетъ ихъ, частію по свойству самыхъ предметовъ,—такъ *невидимая Божія отъ созданія міра твореніи помышляема видима суть* умомъ; частію по образу своего внутренняго устроенія и по своему особенному состоянію: такъ младенчествующій умъ видитъ предметы болѣе чувственно, поверхностно, большею частію безъ союза и порядка въ понятіяхъ, а умъ образованный видитъ менѣе чувственно, болѣе углубляется въ предметы, и открываетъ между ими союзъ и порядокъ; частію по дѣйствію посредствующаго между умомъ и предметами свѣта, который можетъ быть или естественный,

[2]) По Евр. сборн : глубокое омраченіе...

или сверхъестественный, или свойственный міру, въ которомъ мы живемъ, смѣшенный изъ чувственнаго и духовнаго, или чисто духовный и даже Божественный, по реченному. *во свѣтѣ Твоемъ*, Господи, *узримъ свѣтъ*. Устроеніе ока тѣлеснаго не ко многимъ родамъ и степенямъ свѣта приспособлено, такъ что нѣкоторое уменьшеніе свѣта лишаетъ оное силы видѣнія, и нѣкоторое увеличеніе свѣта ослѣпляетъ оное. Устроеніе ума, какъ орудія духовнаго, несравненно пространнѣе и разнообразнѣе. Одинъ и тотъ же умъ человѣческій можетъ сдѣлаться или своего рода нощною птицею, которой только темнота даетъ зрѣніе, и у которой свѣтъ отъемлетъ оное, или звѣремъ, который при лунномъ и звѣздномъ свѣтѣ ходитъ восхитить пищу себѣ, или, какъ свойственно человѣческому естеству, при свѣтѣ дня дѣлать дѣло свое и разсматривать многообразныя красоты міра. Онъ исходитъ, и заключается въ области чувственной; восходитъ, и становится способнымъ къ свѣту духовному, очищается и отверзается для принятія свѣта Божественнаго.

Кто желаетъ видѣть духовные предметы, для того, безъ сомнѣнія, не довольно открыть глаза тѣлесные и зажечь свѣтильникъ тѣлеснаго свѣта. Чѣмъ возвышеннѣе предметы видѣнія, тѣмъ возвышеннѣе должно быть состояніе ока и свѣтъ, который ему посредствуетъ въ видѣніи. Слѣдственно для созерцанія предметовъ Божественныхъ потребенъ и свѣтъ Божественный, и устроеніе ума съ тѣмъ сообразное. *Во свѣтѣ Твоемъ*, Господи, *узримъ свѣтъ*.

Слово Божіе, тайны царствія Божія, спасительное ученіе и спасительныя дѣла Христовы, безъ сомнѣнія, суть предметы Божественные: слѣдственно, чтобы созерцать оные ясно и чисто, потребенъ человѣку свѣтъ Божественный, свѣтъ Христовъ, свѣтъ Духа Святаго и отверзтіе ума силою сего свѣта. Доколѣ сіе не совершилось въ человѣкѣ, дотолѣ онъ, хотя и слышитъ слово Божіе, и даже видитъ его дѣйствующимъ, не постигаетъ его пространства, высоты и глубины, поелику духовное око его стоитъ въ низшемъ свѣтѣ естественномъ, и къ сему только свѣту приспособлено. Вотъ почему Апостолы послѣ того, какъ уже видѣли тѣлесными очами воскрешеніе сына вдовы Наинской, не могли еще возвыситься созерцающимъ умомъ до разрѣшенія вопроса: *что есть, еже изъ мертвыхъ воскреснути*. Вотъ почему и Господь сказалъ Апостоламъ: *еще много имамъ глагола-*

ни вамъ, но не можете носити нынѣ. Когда же, Господи, могутъ они носити слово Твое и разумѣти дѣла Твоя? Онъ отвѣтствуетъ *егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан, XVI, 12. 13). Но что препятствуетъ скорѣе пріити Духу истины? Опять отвѣтствуетъ Евангеліе: *не у бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ.* Наконецъ Онъ воскресаетъ. Вмѣсто того, что до сего времени Божественное въ Немъ погружалось въ человѣческое, съ сего времени человѣческое въ Немъ восходитъ въ Божественное. Такимъ образомъ отверзается Его человѣчество и преисполняется уже не сокровеннымъ, но являемымъ свѣтомъ Божества, и разливаетъ оный окрестъ себя; Богочеловѣкъ является солнцемъ всего человѣчества, и начинаетъ раздѣлять облака и мракъ, облежащій оное; Божественный свѣтъ Его ударяетъ въ очи, которыя вѣра въ Его воскресеніе отверзла и устремила къ созерцанію, и еще отверзаетъ оныя, или возвышаетъ къ новому, небесному, Божественному зрѣнію или разумѣнію слова Божія и дѣлъ Божіихъ. *Тогда отверзе имъ умъ разумѣти.*

Если сіе отверзтіе ума, или духовное озареніе, представляется скорымъ и внезапнымъ, сіе не только не должно казаться страннымъ, но и весьма свойственно свѣту, особенно духовному. Солнце, когда восходитъ, отверзаетъ цѣлый міръ разнообразныхъ красотъ: удивительно ли, что и свѣтъ благодатный, свѣтъ Духа Святаго, котораго дѣйствіе *въ сердцахъ* Апостолъ уподобляетъ *дню озаряющему и деннице возсіявающей*, скоро и внезапно отверзаетъ безпредѣльную область духовнаго разумѣнія. Впрочемъ какъ естественный свѣтъ, такъ и свѣтъ Божественный,—имѣютъ въ отношеніи къ освѣщаемымъ свою зарю и свой полный день: для Апостоловъ ясная заря взошла тогда, когда Господь *дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ свять* (Іоан. XX. 22); полный же день открылся въ сошествіи Святаго Духа въ огненныхъ языкахъ.

Но, если око наше еще слабо, чтобы въ полнотѣ наслаждаться свѣтомъ, которымъ воскресшій Господь отверзаетъ умы: обратимъ на минуту взоры на противоположную оному тьму, чтобы тѣмъ паче возлюбить *чудный* поистинѣ *свѣтъ*, въ который мы призываемся. Посмотрите, какъ въ то самое время, когда вѣра въ Воскресшаго отверзаетъ умъ Апостоловъ, невѣріе въ Воскресшаго заключаетъ умъ Іудеевъ во тьму осязаемую, до

невѣроятности грубую. Что думаютъ, что говорятъ они о воскресеніи Господа? *Промчеся слово сіе въ Іудеехъ даже до сего дне.* Какое слово? — слово, которому ихъ Архіереи со старцами научили вопновъ, стражей гроба Господня: *ученицы Его нощію пришедше украдоша Его, нами спящими* (Мато. XXVIII, 13). Итакъ сіе-то слово промчалось между Іудеями, и они ему повѣрили? Возможно ли? Какъ можно было украсть Его, когда вы окружили гробъ Его воинами? Они спали, говорятъ Іудеи. Военные стражи спали! Такъ, по мнѣнію Іудеевъ. Не ужели всѣ до одного? Такъ. Не ужели ни одинъ не проснулся, когда для взятія тѣла необходимо было отвалить камень *велій зѣло*, для чего потребно было нѣсколько человѣкъ, и что не могло быть безъ шума? Ни одинъ не проснулся. Но кто же свидѣтельствуетъ о томъ, что тѣло украдено? Тѣ же стражи. Какъ? тѣ же стражи, которые спали и не проснулись, свидѣтельствуютъ о томъ, что произошло во время сна ихъ, и чего они не слыхали? Кто можетъ имѣть дерзость разглашать такую басню? Невѣрующіе Іудеи. Кто можетъ имѣть безуміе вѣрить ей? Невѣрующіе. Спросимъ еще, какъ могло статься, чтобы ученики Іисуса, которые, при первомъ видѣ предстоящей Ему опасности, обратились въ бѣгство, — какъ могло статься, чтобы они рѣшились на дерзкое и безполезное предпріятіе, — украсть тѣло умершаго Учителя своего изъ гроба запечатаннаго и окруженнаго стражею, по повелѣнію правительства? Невѣріе не разсуждаетъ; оно мчитъ по всему свѣту слова, которыя ему нравятся потому только, что дышатъ невѣріемъ. Но если сдѣлалось извѣстно, что сдѣлано похищеніе изъ-за стражи, изъ-подъ печати правительства, и похитители извѣстны: то преданы ли суду стражи и похитители? Отнюдь нѣтъ. Военный начальникъ стражей не заботится, стражи безпечальны, мнимые похитители не менѣе осьми дней остаются въ Іерусалимѣ, и никто изъ строгихъ до сего времени начальниковъ Іудейскихъ не требуетъ ихъ къ суду за столь важное похищеніе Возможно ли, чтобъ и послѣ сего баснь о похищеніи тѣла Іисусова еще носилась между Іудеями, какъ нѣчто достойное выслушанія? Возможно, потому что закоснѣлый въ невѣріи умъ, какъ нощная птица, видитъ только во тьмѣ невѣрія, любитъ только свои грезы, и убѣгаетъ отъ свѣта истины, который жжетъ ему глаза. *Промчеся слово сіе во Іудеехъ даже до сего дне.*

Христіане! Воскресшій Христосъ отверзъ умъ Апостоламъ, и чрезъ вѣру просвѣтилъ ихъ свѣтомъ Божественнымъ, не для нихъ только самихъ, но и для того, чтобъ они отверзли намъ умъ, и чтобъ мы чрезъ вѣру сдѣлались сынами свѣта. Онъ допустилъ, чтобъ и до насъ донеслось нелѣпое слово, обличающее крайнюю слѣпоту невѣрующихъ Іудеевъ, дабы мы страшились невѣрія Не говорите съ Ѳомою: *аще не вижу, не имамъ вѣры.* Помните слова Господа: *вѣруемши, больша сихъ узрите; блаженни невидѣвшіи и вѣровавше. Вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете* (Іоан. XII, 36). Вѣра и любовь да привлекутъ къ вамъ возсіявшій отъ гроба свѣтъ животный; сей свѣтъ да отверзетъ умъ вашъ, къ разумѣнію таинъ вашего спасенія, и сердце—къ ощущенію царствія Божія, которое внутрь васъ есть; въ отверзтомъ царствію Божію сердцѣ да отверзется вамъ и рай и небо. Да не затворимъ сами отъ себя грѣхомъ и невѣріемъ того, что для насъ отверзаетъ ключъ Давидовъ. Аминь.

LXXIV.

45. Слово

въ день Вознесенія Господня [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ).

Зрящимъ имъ взяшася, и облакъ подъятъ
Его отъ очію ихъ. Дѣян. I, 9.

Зрящимъ одиннадцати Апостоламъ вознесся Господь. Безъ свидѣтелей воскресъ: при свидѣтеляхъ возносится. Каменный, запечатанный гробъ скрывалъ славу воскресенія во мгновеніе воскресенія: свѣтлый, прозрачный облакъ являетъ славу вознесенія, когда оно совершается. Отъ чего сія разность?—Отъ того, можетъ быть, что, какъ воскресеніе Господа, послѣ сошествія

[1]) По Евр. сборн.: говоренное въ Вознесенскомъ Монастырѣ маія 7-го дня.

Его во адъ, было шествіе изъ ада въ Рай, то нѣгдѣ было поставить свидѣтелей, [2]) а надлежало свидѣтелями онаго быть отшедшимъ отъ земной жизни Патріархамъ и Пророкамъ: вознесеніе же Господа, какъ шествіе отъ земли на небо, естественно могло имѣть свидѣтелями Апостоловъ, стоящихъ на землѣ, и взирающихъ на небо. Притомъ, довольно было видѣть Воскресшаго послѣ воскресенія, чтобы свидѣтельствовать о самомъ воскресеніи: а вознесеніе съ земнородною плотію на небо, надобно было видѣть въ самомъ дѣйствіи, чтобы послѣ о томъ свидѣтельствовать. Возможно ли, скажетъ плотскій разумъ, чтобы земнородная плоть вознеслась на небо? — Мы отвѣтствуемъ: нѣтъ нужды умствовать о возможности дѣла, когда самое дѣло видѣли и засвидѣтельствовали люди, которые за истину сего свидѣтельства умереть не отреклись. *Зрящимъ имъ взятся.* Но только ли для увѣренія невѣрующихъ показалъ Господь Свое вознесеніе?—Безъ сомнѣнія, и для поощренія вѣрующихъ. *Аще убо воскреснусте со Христомъ*, говоритъ Апостолъ: если, —скажемъ еще,—вы видѣли Его возносящагося на небо, и въ семъ новомъ торжествѣ Его также участвовать желаете: *вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя: горняя мудрствуйте, а не земныя* (Кол. III, 1. 2).

Что значитъ *горняя мудрствовать?* Не правда ли, что сіе не довольно понятно? А если ты сего не понимаешь: то, хочешь или не хочешь, ты долженъ признаться и въ томъ, что сего не дѣлаешь, то есть, не мудрствуешь горняя: ибо кто дѣлаетъ, тотъ уже знаетъ дѣло, которое онъ дѣлаетъ. Если же не мудрствуешь горняя, то и не взойдешь въ горняя, туда, *идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* Но если ты не взойдешь туда, гдѣ Христосъ одесную Бога: то, подумай, земнородный, что съ тобою будетъ, когда видимыя небо и земля прейдутъ, и внѣ горняго царствія Христова ничего не останется, кромѣ ада? Смотри, какъ земля [3]) подъ тобою рушится, и адъ разверзается: нѣтъ инаго средства спасенія, какъ всею силою держаться за горнее Надобно учиться *горняя мудрствовать, а не земныя.*

---

[2]) По Евр сборн.: земныхъ свидѣтелей,...

[3]) По Евр. сборн.: то, когда видимое небо и земля прейдутъ, и внѣ горняго Царствія Христова ничего не останется кромѣ ада, подумай, земнородный, гдѣ тогда ты останешься? Когда земля ..

Учиться *мудрствовать*!—Не устрашился бы кто сего требованія. Не подумалъ бы [4]), что его хотятъ подвергнуть многоразличнымъ трудностямъ, съ которыми сопряжено пріобрѣтеніе того, что на земли называютъ мудростію; и къ которымъ должно причислить самыя средства мірской мудрости,—множество учителей, одинъ другому противорѣчущихъ, множество книгъ, не рѣдко дѣйствующихъ какъ на глазъ, такъ и на умъ, только вредною пылью [5]). Не опасайтесь. Учиться мудрствовать по Евангелію не то, что учиться мірской мудрости. Мудрствованіе горнее не столь зависимо отъ внѣшнихъ средствъ, не требуетъ столь многихъ пособій, не такъ ограждено трудностями, какъ мудрость мірская, хотя и оное пользуется внѣшними средствами, не отвергаетъ пособій, не изъято и отъ трудностей своего рода. Апостолъ, который написалъ намъ заповѣдь, *горняя мудрствовать*, пользовался средствами и пособіями земной мудрости, бывъ *воспитанъ при ногахъ ученаго Гамаліила*: но потомъ все сіе, равно какъ и другія преимущества, отвергъ, какъ *тщету* и *уметы, за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса, и да Христа пріобрящетъ* (Фил. III, 7. 8); слѣдственно возвышался въ мудрствованіи горнемъ, не смотря на то, что въ то же время отвергалъ [6]) средства и пособія земной мудрости. Другіе Апостолы только рыбарскія сѣти вязать, а не книжныя мудрованія распутывать учились: но сіе не препятствовало имъ, не только успѣвать въ мудрствованіи горнемъ для себя, но и содѣлаться наставниками онаго для самыхъ мудрецовъ. Такъ и послѣ Апостоловъ. Василій Великій пріобрѣлъ мудрость Аѳинскую, и отдалъ ее въ рабыню мудрованію Евангельскому. Арсеній, также Великій, обладая ученостію Еллинскою и Римскою, находилъ себя довольно несвѣдущимъ, а старца, необразованнаго Египтянина, довольно свѣдующимъ, чтобъ учить-

---

[4]) По Евр. сборн.: иной устрашится сего требованія. Подумаетъ,...

[5]) По Евр. сборн.: что ему нужно будетъ взять многихъ учителей, которыхъ слова не безъ справедливости можно назвать золотыми, хотя не по внутреннему ихъ достоинству, но по цѣнѣ, какую за нихъ платятъ; что его непремѣнно погрузятъ въ груду пыльныхъ книгъ, и заставятъ почерпать изъ нихъ знаніе, которое нерѣдко бываетъ для ума тѣмъ же, что пыль для глаза.

[6]) По Евр. сборн.: слѣдственно тѣмъ выше восходилъ въ мудрствованіи горнемъ, чѣмъ рѣшительнѣе отвергалъ....

ся у него начаткамъ духовной мудрости [7]). И такъ мудрствованіе горняго, хотя и для мудрецовъ, еще высоко, но вмѣстѣ и для младенцевъ довольно просто. *Яко* Ты, *Отче Господи небесе и земли, утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ* (Мато. XI, 25).

Что же значитъ *горняя мудрствовать*?—Повторяю: если ты сего не понимаешь; то видно, что ты сего не дѣлаешь. А если ты не мудрствуешь *горняя*: то нѣтъ сомнѣнія, что мудрствуешь *земная*, и слѣдственно это ты уже знаешь. И такъ, что ты дѣлаешь, когда мудрствуешь земное, на примѣръ, когда умудряешься, какъ бы сдѣлаться богатымъ?—Ты желаешь богатства; часто думаешь о немъ; вымышляешь средства для пріобрѣтенія и умноженія онаго; самымъ дѣломъ употребляешь сіи средства; что ни дѣлаешь, дѣлаешь съ намѣреніемъ пріобрѣсть и умножить богатство: въ обладаніи богатствомъ полагаешь свое благополучіе. По сему примѣру, можно сказать вообще, что *мудрствовать земная*, значитъ земнаго желать, о земномъ думать, земное дѣлать, земное имѣть въ намѣреніи, въ земномъ полагать благополучіе. Перемѣни предметъ, и окажется, что значитъ *мудрствовать горняя*. Сіе значитъ горняго, то есть, небеснаго, или иначе, духовнаго и Божественнаго, желать, о небесномъ думать, небесное дѣлать, или, по изреченію Евангельскому, *дѣлать дѣла Божія*, небесное имѣть въ намѣреніи, въ небесномъ полагать блаженство.

Какъ трудно!—подумаютъ нѣкоторые. Чтобы небесное имѣть и въ мысляхъ, и въ желаніяхъ, и въ дѣлахъ, для сего надобно земному человѣку перемѣнить и дѣла, и желанія, и самыя мысли. Не спорю, что это нужно, и что это не совсѣмъ легко [8]). Но что же дѣлать? Взойти на высоту труднѣе, нежели упасть въ бездну. И такъ лучше ли упасть въ бездну?

Трудно мудрствовать горняя: но не трудно ли мудрствовать и земное? Легко ли, напримѣръ, для человѣка любостяжательнаго принятое имъ мудрованіе? Онъ трудится день и ночь; лишаетъ себя пищи и покоя; иногда оставляетъ домъ; удаляется

---

[7]) По Евр. сборн.: Антоній, такъ же великій по мудрствованію горнему, не читалъ, по собственному его сказанію, никакой книги, кромѣ нерукописной и для некнижныхъ открытой книги, которой первой листъ есть—небо, а другой—земля.

[8]) По Евр. сборн.: не легко сіе.

отъ близкихъ сердцу; проходитъ сушу; пускается въ море; нисходитъ въ глубину земли; мучится то алчбою пріобрѣтенія, то заботою сбереженія, то страхомъ возможной, или отчаяніемъ дѣйствительной потери Если такія трудности заставляетъ переносить мысль, обогатиться на земли сокровищемъ тлѣннымъ, на краткое время: не ужели не стóитъ подвига мысль, пріобрѣсть горнее сокровище, нетлѣнное, на вѣки?

Трудно земному человѣку мудрствовать горняя: однако жъ и зерно пшеницы, погребенное въ землѣ у ногъ твоихъ, не мудрствуетъ ли горняя своимъ образомъ? Оно развергается; пробивается росткомъ сквозь землю вверхъ, борясь съ ея и своею тяжестію; растетъ выше и выше, и, стремясь непрестанно горѣ, процвѣтаетъ и приноситъ плодъ. Не ужели ты думаешь, что земному человѣку, меньше, нежели пшеничному зерну, дано силы возникнуть въ горнюю область по роду своему?

Трудно земному человѣку мудрствовать горняя: но полно земной ли ты, человѣче? То ли собственно человѣкъ, что изъ земли берется, и въ землю возвращается? Не есть ли сіе только одежда твоя, или, если угодно, темница твоя? А ты самъ, истинный человѣкъ,—ты дыханіе жизни, происшедшее изъ устъ Самого Бога, по реченному: *вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу* (Быт. II, 7). И такъ если, какъ земному, трудно, то, какъ горнему, не легко ли тебѣ мудрствовать горняя? Трудно ли огню итти горѣ, гдѣ его естественная область? Трудно ли камню падать на землю, гдѣ онъ родился? Трудно ли духу человѣческому стремиться къ горнему, приближаться ко Всевышнему? Если паденіе ветхаго Адама превратило стремленіе человѣка отъ горняго къ дольнему и преисподнему: то воскресеніе и вознесеніе новаго Адама, Богочеловѣка, Іисуса Христа, не съ сугубою ли силою обратило сіе стремленіе въ первоначальное направленіе, не поставило ли лѣствицу къ небесамъ? Сошествіе Святаго Духа не возжгло ли въ человѣчествѣ духовно горящій огнь, естественно горѣ идущій, и горѣ влекущій то, въ чемъ онъ обитаетъ?

Еще ли трудно и послѣ сего мудрствовать горняя, хотя бы для сего надлежало и дѣла, и желанія, и мысли перемѣнить?

Но какъ оставить земныя дѣла, желанія и мысли, когда земное насъ окружаетъ, когда земное намъ необходимо для земной жизни? Примѣчай за собою, какъ оставляешь ты горнее, для

земнаго мудрованія, и найдешь очень простой способъ оставлять земное для горняго Ты сокращаешь для себя время [9]) дѣлъ благочестія, чтобы имѣть болѣе времени для дѣлъ мірскихъ; иногда идешь во храмъ Божій, а между тѣмъ еще думаешь о томъ, что занимаетъ тебя въ домѣ твоемъ, даже иногда въ то время, какъ стоишь тѣломъ во храмѣ молитвы, мысль твоя уходитъ туда, куда влечетъ ее земное мудрованіе, или страсть въ тебѣ господствующая; самыя духовныя упражненія твои повреждаются приходящими среди ихъ земными воспоминаніями. Поступай противнымъ сему образомъ. Дѣлай дѣла, необходимыя для земной жизни: но старайся не простирать ихъ далѣе необходимости, и по мѣрѣ возможности освобождать себя отъ сей работы, въ свободу дѣлъ благочестія. Не только предстоя Богу во храмѣ, удерживай мысль отъ уклоненія къ земнымъ вещамъ, но и внѣ онаго, когда по необходимости занимаешься вещами земными, отвлекай отъ нихъ мысль и желаніе, и возводи къ небесамъ и къ Богу. Когда идешь на дѣло мірское: воспоминай Бога, и проси Его благословенія и помощи; когда входишь въ покой отъ сего дѣла, воспоминай Бога, и благодари Его за помощь въ трудѣ и за даръ покоя. Такъ можно со всякимъ земнымъ, закону Божію не противнымъ, упражненіемъ соединять духовное мудрствованіе, и, такъ сказать, все земное и видимое превращать въ горнее и духовное *Егда воззриши на солнце*, учитъ святый Макарій, *нищи истиннаго солнца, яко слѣпъ еси. Когда простреши взоръ на свѣтъ, обратися оттуда очами къ душѣ твоей, и виждь, имѣеши ли въ ней истинный и благій свѣтъ, сирѣчь Господа* (Бесѣда 33).

Свѣтъ Господа нашего Іисуса Христа да просвѣщаетъ, духъ Его да укрѣпляетъ, послѣдованіе слову и житію Его да возводитъ каждаго изъ насъ къ мудрствованію горнему на земли, а чрезъ то и къ блаженному лицезрѣнію Его на небесахъ, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. [10]) Аминь.

---

[9]) По Евр. сборн : Ты стараешься уменьшать для себя время ..

[10]) По Евр. сборн.: Свѣтъ Господа нашего да просвѣтитъ, духъ Его да укрѣпитъ, послѣдованіе слову и жигію Его да возведетъ каждаго изъ насъ къ мудрствованію горнему на земли, а чрезъ то и къ блаженному съ Нимъ жительству на небесахъ.

LXXV.

46. Бесѣда

о прикосновеніи вѣры ко Христу [1]).

Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг).

И весь народъ искаше прикасатися Ему: яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся Лук VI, 19.

Чудное зрѣлище показываетъ намъ Святый Евангелистъ Лука. Господь Іисусъ, послѣ всенощной молитвы на горѣ, и по избраніи себѣ утромъ двѣнадцати Апостоловъ, сходитъ на равнину; Апостолы слѣдуютъ за Нимъ; соборъ прочихъ учениковъ Его, встрѣчаетъ и принимаетъ Его; великое множество людей, не только изъ многолюднаго Іерусалима, но изъ всей земли Іудейской, и даже изъ приморскихъ мѣстъ Тирскихъ и Сидонскихъ, окружаетъ Его. Хотятъ слышать Его ученіе; хотятъ получить отъ Него исцѣленія: но какъ обыкновенно многолюдство затрудняетъ само себя; то что дѣлаетъ народъ? Онъ тѣснится къ Учителю и Цѣлителю, уже не для того, чтобы слушать, или вопрошать, не для того, чтобы просить исцѣленій, и ожидать, или возложенія рукъ, или слова, разрѣшающаго грѣхи; но бросается къ Нему, какъ кому случится, только чтобы достигнуть до Него, и прикоснуться или къ живоносному тѣлу Его, или къ освященнымъ и, такъ сказать, напоеннымъ текущею изъ Него спасительною силою одеждамъ Его. *Весь народъ искаше прикасатися Ему: яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся.*

Зрѣлище по истинѣ чудное, и достойное не просто удивленія, но и благоговѣйнаго размышленія, и не только размышленія, но

[1]) По Евр. сборн.: Слово въ день Святителя Николая, говореннное въ Николаевскомъ Перервинскомъ Монастырѣ, маія 9 дня 1825 года

и поревнованія. Кто не возжелалъ бы спасительнаго прикосновенія къ Господу, отъ Котораго исходитъ сила исцѣляющая все? Посмотримъ же въ Евангеліи, какъ достигали сего желавшіе, и увидимъ, какъ и намъ достигать сего должно.

Дабы желавшіе спасительнаго прикосновенія къ Іисусу Христу могли самымъ дѣломъ сего достигнуть, для сего нужно было со стороны Его снисхожденіе, и снисхожденіе крайнее. Когда Онъ былъ на горѣ: они не могли прикасаться къ Нему: ибо, вѣроятно, даже не знали, гдѣ найти Его, и какъ приблизиться къ Нему. Надобно было, чтобы Онъ сошелъ съ горы на мѣсто ровное, гдѣ ожидалъ [2]) Его народъ: и сіе сошествіе было только малый, чувственный образъ Его великаго и многоразличнаго снисхожденія. Подумайте, что надлежало Ему оставить на горѣ —сладкое и блаженное молитвенное собесѣдованіе съ Отцемъ Своимъ небеснымъ: однако жъ Онъ нисходитъ. А что найдетъ Онъ внизу?—смѣшенное многолюдство, въ которомъ иные хотятъ слушать Его, а иные, можетъ быть, уловить Его въ словѣ; въ которомъ каждый готовъ приступить къ Нему съ своимъ требованіемъ, но, вѣроятно, есть и не вѣдающіе, чего просятъ; во множествѣ ищущихъ прикоснуться къ Нему, вѣроятно, есть и такіе больные, къ которымъ мы, подверженные подобнымъ немощамъ, не захотѣли бы приблизиться, есть и такіе грѣшники отъ которыхъ мы, будучи также грѣшники, удалились бы, если бы видѣли сердца ихъ, какъ Онъ видитъ. Однако жъ Онъ нисходитъ; Онъ приближается. И что еще? Сіи несчастные и погибающіе, которые имѣютъ въ Немъ нужду, какъ въ Помощникѣ и Спасителѣ, поступаютъ съ Нимъ, повидимому, съ нарушеніемъ должнаго къ Божественному Чудотворцу благоговѣнія, и очевидно съ нарушеніемъ обыкновеннаго человѣческаго уваженія и приличія. Они, какъ въ другомъ случаѣ о подобномъ дѣйствіи народа изъяснился одинъ изъ самыхъ Апостоловъ, *одержатъ* Его *и гнѣтутъ*; обезображенные болѣзнями, покрытые ранами [3]), вергутся на Него безъ разбора, бѣснуемыхъ влекутъ и привергаютъ къ Нему другіе: все терпитъ Онъ; всему снисходитъ. Какъ чистая и глубокая рѣка пріемлетъ всѣхъ почерпающихъ изъ нея, не возмущаясь и не истощаясь:

[2]) По Евр. сборн : гдѣ съ учениками ожидалъ...

[3]) По Евр. сборн.: обезображенные отвратительными болѣзнями, покрытые смрадными ранами,...

такъ безконечная спасительная сила Его допускаетъ всѣхъ приступающихъ къ Нему, не истощаясь множествомъ ихъ, не возмущаясь ихъ недостоинствомъ. *Сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся.*

Христіане! Если нужно снисхожденіе Божественнаго Спасителя, какъ и безъ сомнѣнія оно нужно,—дабы и мы могли спасительно прикасаться къ Нему· то со стороны Его не будетъ въ семъ недостатка. Не съ горы только сошелъ Онъ на мѣсто, равное для нѣсколькихъ тысячъ народа Іудейскаго и сосѣдственнаго съ Іудеею: Онъ сошелъ съ высоты небесъ для всѣхъ милліоновъ людей живвшихъ, живущихъ, и когда бы то ни было, имѣющихъ жить на землѣ. Поелику Божественная сила Его, будучи выше самыхъ небесъ, и чище самыхъ небесъ, недостижима была низкому и недостойному естеству человѣческому: Онъ низвелъ ее въ самое человѣчество; влилъ ее въ сосудъ плоти подобострастной намъ, кромѣ грѣха, для исцѣленія отъ коего и потребна намъ особенно сія сила; по избытку милосердія Своего къ намъ, Онъ, такъ-сказать, переполнилъ сосудъ пречистыя плоти Своея, Своею Божественною силою, такъ что ею оросилась самая [4]) одежда Его, и уврачевала кровоточивую; а когда, по воскресеніи, *дадеся* Ему *всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ XXVIII, 18), когда воспріятую Имъ плоть нашу вознесъ Онъ съ Собою, и посадилъ одесную Бога Отца, тогда *сшедый и возшедый превыше всѣхъ небесъ, исполнилъ всяческая* (Ефес. IV, 10), слѣдственно, и всю землю, на всѣ времена, Своею Божественною, спасительною, не только тѣлесно, но и наипаче духовно *вся исцѣляющею силою.* Желаете ли и нынѣ даже чувственнаго доказательства близости и снисхожденія къ намъ Іисусъ-Христова? — Мы имѣемъ оное каждый день на семъ Олтарѣ, гдѣ Онъ всегда ту же, какъ и прежде, Божественную и спасительную силу Свою, сіе *исполненіе Божества живущее въ Немъ тѣлесно* (Колос. II, 9), покрываетъ видомъ хлѣба и вина, и допускаетъ насъ не только прикасаться къ Нему, но Плоть Его ясти, и Кровь Его пити во исцѣленіе и жизнь вѣчную.

Но мы видимъ далѣе въ Евангеліи, что для достиженія спасительнаго прикосновенія къ Господу Іисусу, нужно было не

---

[4]) По Евр. сборн.: нѣкогда...

только со стороны Его снисхожденіе. но и взаимно со стороны желающихъ сего блага, —исканіе и приближеніе. *Весь народъ искаше прикасатися Ему.* Исканіе же не должно разумѣть здѣсь просто; и приближеніе не должно воображать только тѣлесно. Были ищущіе, которые искали Іисуса—убити; были приближающіеся къ Нему,—чтобы ударить Его въ ланиту: безъ сомнѣнія, не для такихъ людей исходила отъ Него всеисцѣляющая сила. Самъ Христосъ ясно различаетъ приближеніе ко всеисцѣляющей Его силѣ, отъ всякаго другаго къ Нему приближенія, когда, тѣснимый множествомъ окружающаго народа, не чувствуетъ ничьего приближенія, кромѣ приближенія одного человѣка: *прикоснуся*, говоритъ, *Мнѣ никто*; *Азъ бо чухъ силу изшедшую изъ Мене* (Лук. VIII, 46). Въ чемъ же состоитъ сей особенный образъ приближенія ко Христу, сопровождаемый не мертвымъ праженіемъ, но живымъ прикосновеніемъ, извлекающимъ изъ Него спасительную силу?—Сіе также ясно показываетъ Господь въ лицѣ кровоточивой, которая, изъ множества тѣснящагося къ Нему народа, одна умѣла къ Нему приближиться и прикоснуться, и чрезъ прикосновеніе получила исцѣленіе. Ибо что говоритъ Онъ ей?—*Дерзай дщи, вѣра твоя спасе тя* (48). И такъ то, что предъ очами тѣлесными было приближеніе и *прикосновеніе*, по созерцанію духовному, Господь называетъ *вѣрою*. Такъ должно разумѣть и то исканіе, приближеніе, прикосновеніе, въ слѣдствіе котораго надъ множествомъ народа ознаменовалась сила Господня исцѣляющая всѣхъ По вѣрѣ искали Его, съ вѣрою приближались къ Нему, вѣрою духовно прикасались къ Его силѣ, прикасаясь тѣлесно къ Его пречистому тѣлу или ризамъ. Такъ *весь народъ искаше прикасатися Ему*, или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ народа, которые по вѣрѣ своей послужили образцемъ для другихъ. И какая вѣра видна въ сихъ людяхъ! Не та малая и какъ—бы непримѣтная, которой бы нужно было доискиваться, какъ и подлинно Господь Самъ искалъ ее въ двухъ слѣпцахъ, просившихъ зрѣнія, вопрошая ихъ: *вѣруета ли, яко могу сіе сотворити* (Матѳ. IX, 28)? Не та вѣра слабая и колеблющаяся, съ которою отецъ отрока бѣснуемаго и просилъ отъ Господа помощи, и въ то же время не надѣялся: *аще что можеши, помози*; которую онъ и признавалъ въ себѣ, и въ то же время не вѣрилъ собственному признанію: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* (Марк. IX, 22. 24) Не та вѣра медленная и

полумертвая, которая въ слѣпцѣ Виѳсаидскомъ, послѣ живоноснаго плюновенія Господня на очи его, по двукратномъ возложеніи рукъ Его, едва пробудилась къ принятію совершеннаго исцѣленія. Вѣра искавшихъ прикасатися Іисусу не ожидаетъ себѣ возбужденія отъ Него, не колеблется сомнѣніемъ о Его силѣ, не смущается мыслію о своемъ недостоинствѣ, не требуетъ отъ Него никакого дѣйствія, ниже слова; прямо, твердо и свободно идетъ Она къ Источнику благодати, и почерпаетъ изъ него: какъ будто силою похищаетъ она всеисцѣляющую силу Спасителя. *Сила отъ Него исхождаше и исцѣляше вся.* Но что въ такомъ чрезвычайномъ избыткѣ открывало сію цѣлебную силу?—Не иное что, какъ чрезвычайное дерзновеніе вѣры народной: *народъ искаше прикасатися Ему.*

Послѣ сего, Христіанинъ, если скажешь, что и ты желалъ бы сподобиться спасительнаго прикосновенія ко Господу; отвѣтъ на сіе не трудепъ. Ищи, приближайся, прикасайся: только по вѣрѣ ищи, съ вѣрою приближайся, вѣрою прикасайся. Гдѣ мнѣ, скажешь, искать Господа? какъ приближаться и прикасаться къ Нему? Ищи Его мыслію—на небесахъ, любовію—въ сердцѣ, благоговѣніемъ—въ храмѣ, вездѣ ищи Его—дѣлами, для Него предпріемлемыми и совершаемыми. Приближайся къ Нему, какъ оный вѣрующій народъ, желаніемъ послушати Его, и желаніемъ исцѣлитися, то есть, поученіемъ въ словѣ Его. и молитвою къ Нему. Прикасайся къ Нему въ священныхъ знаменіяхъ и Таинствахъ, которыми Онъ, какъ ризою, облекаетъ въ Церкви свою Божественную и спасительную силу, наипаче же прикасайся Ему въ таинствѣ Тѣла и Крови Его Отъ тебя самого зависитъ болѣе или менѣе успѣвать въ таковомъ исканіи; въ твоей волѣ болѣе, или менѣе воспользоваться таковымъ приближеніемъ и прикосновеніемъ ко Господу, для твоего спасенія и блаженства. Каковы бы ни были твои душевные недуги: чѣмъ совершеннѣе увѣруешь, тѣмъ совершеннѣе получишь отъ нихъ исцѣленіе силою Христовою, которая и слѣпотствующее око ума твоего просвѣтитъ познаніемъ истины, и разслабленныя силы духа твоего укрѣпитъ для добродѣтели, и отъ духовъ искусителей тебя избавитъ, и отъ мертвыхъ дѣлъ воскреситъ въ жизнь духовную и святую. Но если ищешь Его невнимательно, приближаешься къ Нему только устами, прикасаешься святынѣ Его только наружно, безъ живой вѣры и усердія: то ты уподобляешься тому народу, который толь-

ко угнѣталъ идущаго Іисуса, но не достигалъ Его спасительной силы.

Горькій упрекъ сдѣлалъ Самъ Господь нѣкоторымъ неправильно, то есть, не по вѣрѣ искавшимъ Его. *Аминь, аминь глаголю вамъ, ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко ядосте хлѣбы и насытистеся* (Іоан. VI, 26). О, если бы никто изъ пришедшихъ нынѣ взыскать Господа во храмѣ семъ, не заслужилъ подобнаго упрека, невниманіемъ къ сокровищу вѣры и благодати, исканіемъ только видимыхъ и временныхъ благъ и чувственныхъ утѣшеній [5])! Присоединимъ къ воспоминанію Господня обличенія, Господне и наставленіе: *дѣлайте брашно не гибнущее; дѣлайте дѣла Божія; се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Егоже посла Онъ* (27—29). Аминь.

LXXVI.

47. Слово

въ день Святителя Алексія [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.).

Тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежащя. Лук. XXIV, 12.

Евангеліе, повѣствуя о воскресеніи Господа Іисуса, излагаетъ между прочимъ сіи обстоятельства, что камень отъ гроба Его

---

[5]) По Евр. сборн.: и прикоснуться къ чудодѣйственному изображенію Святителя Христова, въ которомъ Христова же сила живетъ и дѣйствуетъ ко исцѣленію вѣрующихъ,—о если бы никто изъ пришедшихъ на праздникъ сей не заслужилъ подобнаго упрека превращеніемъ торжества вѣры и благодати въ тѣлесное только ястіе и насыщеніе, въ чувственное и воздержаніемъ не управляемое веселіе!

[1]) По Евр. сборн. «Слово въ день обрѣтенія мощей иже во Святыхъ Отца нашего Алексія Митрополита Московскаго и всея Россіи Чудотворца, говоренное въ Чудовѣ Монастырѣ мая 20-го дня» Въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг. оно значится произнесеннымъ «въ день Воскресный и Святителя Алексія». Но 20-е мая 1825 г. не было днемъ Воскреснымъ. Не было ли повторено сіе слово потомъ, когда день Свят. Алексія приходился въ день Воскресный?

былъ отваленъ Ангеломъ, котораго сошествіе для сего съ неба сопровождаемо было землетрясеніемъ; что жены Мѵроносицы нашли сей гробъ открытымъ; что Петръ, и послѣ него Іоаннъ, посмотрѣвъ во гробъ, увидѣли лежащія ризы Господа, то есть, плащаницу, которою при погребеніи обвито было тѣло Его, сударь, или платъ, который былъ на главѣ Его, и, вѣроятно, препоясаніе, которое было на Немъ во время Его распятія. *Петръ же вставъ тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежащя.*

Что значитъ, что Евангельское повѣствованіе такъ занимается ризами Господа, которыя уже не нужны Воскресшему? Что значитъ, что и Воскресшій оставилъ и сохранилъ ризы Свои во гробѣ, чтобы ихъ видѣли?—Сіе значитъ то, что и ризы Господа долженствовали быть въ числѣ свидѣтелей Его воскресенія. Если скажутъ Іудеи, что тѣло Господа украдено учениками; если бы самые ученики подумали, какъ на время думала Магдалина, что тѣло Господа перенесено кѣмъ-то: ризы Его вопіютъ противъ клеветниковъ, и вразумляютъ погрѣшающихъ. Время ли похищающему тѣло развивать съ него плащаницу и сударь, и опять свивать ихъ, и укладывать порознь въ порядкѣ? Какая нужда переносящему тѣло погребенное, обнажать оное, когда напротивъ и обнаженное одѣть надлежало, какъ для удобнѣйшаго перенесенія, такъ и сообразно съ мнѣніемъ Іудеевъ о прикосновеніи къ мертвымъ? Такимъ образомъ и безжизненныя ризы Господа проповѣдывали Его воскресеніе.

И мы, собравшіеся здѣсь нынѣ, притекли ко гробу Христова служителя и подражателя. И сей гробъ открытъ въ слѣдствіе потрясенія, которое трудно вообразить сбывшимся безъ содѣйствія руки Ангельской: ибо древяный храмъ, подъ которымъ нѣсколько десятилѣтій скрытъ былъ гробъ сей, внезапно палъ во время священнослуженія, но симъ паденіемъ никто не пораженъ, а только поданъ случай къ открытію гроба сего И что видимъ мы въ открытомъ гробѣ семъ?—Не погрѣшимъ, если скажемъ, что *видимъ ризы лежащя*, не ризы тѣла, но самое тѣло видимъ, какъ ризы только, какъ облаченіе безсмертнаго духа, которое онъ оставилъ здѣсь, восходя въ жизнь небесную: видимъ ризы лежащія благочинно, не поверженныя и не раздранныя, то есть, видимъ тѣло, не подверженное тлѣнію и разрушенію, но не вредимо и мирно почивающее.

Что же значитъ, что подражатель Христу въ жизни, подра-

жаетъ Ему и по смерти въ томъ, что и гробъ Свой открытый, и нетлѣнную ризу плоти Своея видимую, намъ представляетъ?— Какъ безмолвныя ризы Господа возвѣщали Его воскресеніе: такъ безмолвные нетлѣнные останки сего подражателя Христова, не какъ неизвѣстное возвѣщаютъ, но какъ въ суетѣ настоящей жизни не рѣдко забываемое, приводятъ намъ на память будущее наше воскресеніе.

О безсмертіи души человѣческой, и о будущемъ воскресеніи самого тѣла человѣческаго, если бы надлежало говорить къ незнающимъ: то, для составленія понятія о безсмертіи, можно было бы обратить вниманіе на самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ, и что умираетъ. То, что видимъ умирающимъ, есть видимое, грубое тѣло: а то, что живетъ въ человѣкѣ, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называемъ душею. Тѣло само изъясняетъ свою смертность; поелику очевидно на части дѣлится, и разрушается: душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и несліянномъ единствѣ, никакъ несовмѣстномъ съ свойствами дѣлимаго вещества. Тѣло еще въ продолженіе жизни умираетъ, и конечно нѣсколько разъ, по частямъ, ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую; между тѣмъ душа, во все продолженіе жизни, чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни, какъ бы по неволѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души, и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію: душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою, не зависимую отъ тѣла, жизнь и дѣятельность.

Свидѣтелями безсмертія души человѣческой можно бы поставить лучшую, и наибольшую часть рода человѣческаго, и цѣлые народы, отъ наиболѣе просвѣщенныхъ, до наименѣе образованныхъ, такъ что въ семъ случаѣ самыя заблужденія могутъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать о истинѣ. Сколь ни чувственны понятія о будущей жизни у послѣдователей Магомета; сколь ни грубы сказанія объ оной у язычниковъ; сколь ни поразительна власть духа тьмы и злобы надъ нѣкоторыми изъ сихъ, у которыхъ почитается за добродѣтель живому отдать себя на

сожженіе для умершаго; но и въ семъ превращеніи и смѣшеніи понятій и чувствованій, и въ семъ преобладаніи скотскихъ и звѣрскихъ свойствъ надъ человѣческими, еще, какъ искра въ грудѣ пепла, не совсѣмъ угасла истина,—та истина, что послѣ настоящей есть для человѣка жизнь будущая. Если древніе, или новые, Саддукеи силятся отвергать сію истину: то потому только, что она препятствуетъ имъ быть Саддукеями, то есть, безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями; поелику мысль о безсмертіи требуетъ и смертной жизни, сообразной съ будущею безсмертною.

Можно бы, для удостовѣренія о будущей жизни человѣка, заставить говорить даже безсловесную и безжизненную природу. Ибо въ цѣломъ мірѣ нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ, и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни: человѣкъ ли, вѣнецъ земли, и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?

Можно бы еще отъ внѣшнихъ вещей обратить человѣка во глубину сердца его, и тамъ дать услышать ему предвѣстіе о жизни по смерти. Все живущее на земли, кромѣ человѣка, по внушенію природы, печется только о настоящей жизни; кромѣ того случая, когда дѣйствуетъ предчувствіе жизни будущей, какъ на примѣръ, въ червѣ, который устрояетъ себѣ шелковый или

паутинный гробъ, въ надеждѣ воскреснутъ бабочкою: отъ чего происходитъ, что человѣкъ, даже тогда, какъ забываетъ о собственной будущей жизни, многое дѣлаетъ для, такъ называемаго, безсмертія въ потомствѣ? Сіе стремленіе человѣческаго сердца не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія,—отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня?—Также, всякое сердце человѣческое признаетъ, а чѣмъ оно благороднѣе, тѣмъ сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что, въ настоящей жизни, добро и правда очень часто страждутъ отъ зла и неправды: откуда же происходитъ сіе глубокое въ естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть, если не отъ глубочайшаго, сокровеннаго ощущенія царства добра и правды, которое граничитъ съ настоящею жизнію посредствомъ гроба?

Но, можетъ быть, погрѣшаю я и въ томъ, что мимоходомъ говорю сіе предъ Христіанами, для которыхъ будущее воскресеніе не требуетъ никакихъ изслѣдованій и удостовѣреній, какъ дѣло вѣрнаго, засвидѣтельствованнаго и признаннаго опыта. *Аще бо вѣруемъ*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV, 14). *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV, 20). Если кто, имѣя сей опытъ воскресенія, вздумаетъ самъ себя затруднять сомнѣніемъ, какъ можетъ оно совершиться, когда образъ разрушенія многихъ умершихъ тѣлъ, по видимому, не оставляетъ мѣста для мысли о ихъ возобновленіи: тотъ же Апостолъ уполномочиваетъ меня не только разрѣшить сіе затрудненіе разсужденіемъ, основаннымъ на естествѣ извѣстныхъ вещей, но притомъ изъявить негодованіе за сомнѣніе, которое и вѣру оскорбляетъ, и разуму, его изобрѣтшему, чести не приноситъ *Безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ. Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло* (36—39).

Думаю, что не изъяснять, или доказывать нужно намъ безсмертіе, воскресеніе и жизнь будущаго вѣка: но напоминать о сихъ важныхъ предметахъ, которые, какъ можно примѣчать, многихъ, въ продолженіе многаго времени, меньше занимаютъ, нежели самыя мелочи.

Апостолы называютъ себя *свидѣтелями воскресенія* (Дѣян. II, 32) Христова, хотя должность ихъ была свидѣтельствовать не о воскресеніи только, но и о всемъ ученіи Его. Такъ важною почитаютъ они истину воскресенія. И подлинно, какъ скоро утверждена сія истина, то симъ самымъ утверждена истина всего, что творилъ, и чему поучалъ Господь нашъ Но какъ важна истина воскресенія Христова для вѣры: такъ истина воскресенія нашего важна для жизни. Какъ скоро утверждена сія истина то симъ самымъ непоколебимо утверждены всѣ правила жизни святой и Богоугодной.

Да ямы и піемъ, утрь бо умремъ (1 Кор. XV, 32).—Сіе правило, которое Апостолъ, отъ лица не знающихъ, или не хотящихъ знать воскресенія мертвыхъ, произнесъ въ поруганіе имъ, которое очень годилось бы для нравственной философіи безсловесныхъ, если бы они имѣли преимущество философствовать, въ самомъ дѣлѣ составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, всѣ законы, если бы удалить отъ нихъ мысль о будущей жизни. Тогда, не прогнѣвайся, ближній и братъ, если и ты сдѣлаешься пищею людей, которые любятъ ясти и пити: ибо если не стоитъ труда благоучреждать собственную жизнь, потому что *утрь умремъ*; то также не стоитъ труда щадить и жизнь другаго, которую завтра безъ остатка поглотитъ могила. Такъ забвеніе о будущей жизни ведетъ къ забвенію всѣхъ добродѣтелей и обязанностей, и превращаетъ человѣка въ скота, или звѣря.

О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей, и чтобъ забываемое тобою безсмертіе, не убило тебя на вѣки, если оно тебѣ, не ожидающему его, и не готовому, внезапно явится.

Не говори отчаянно: *утрь умремъ*, чтобы тѣмъ необузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни: говори съ надеждою и страхомъ: утрѣ умремъ на земли, и родимся или на небесахъ, или во адѣ; и такъ надобно поспѣшать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому, рожденію.

Что есть начало къ небесному рожденію?—Слово и духъ, и сила воскресшаго Христа, Который есть и наше воскресеніе и

*

жизнь Принимай сіе Божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любовію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и Богомыслемъ; питай или напаяй слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели.

Чтобъ истребить въ себѣ плевельныя сѣмена жизни адской, и жить наконецъ чистою и полною жизнію Воскресшаго: умирай всему, кромѣ Его жизни, то есть, не дѣйствуй ни въ какомъ качествѣ, Ему противномъ; не живи міру и плоти, страстямъ и похотямъ; не прилагай сердца къ богатству; не возносись гордостію житейскою. Съ Павломъ *вмѣняй вся уметы быти, да Христа пріобрящеши,* то есть, *яже вѣрою Іисусъ Христовою, сущую отъ Бога правду,* или праведность, *въ вѣрѣ, еже разумѣти Его, и силу воскресенія Его, и сообщеніе страстей Его, сообразуяся смерти Его,* дабы *достигнуть въ воскресеніе мертвыхъ* (Филип. III, 8—11). Если такъ поживешь и умрешь: то и ты, оставивъ во гробѣ обветшавшія ризы земныя, получишь на небесахъ новыя, убѣленныя въ крови Агнца, и въ день брака Его *облечешися въ виссонъ чистъ и свѣтелъ: виссонъ бо оправданія святыхъ есть* (Апок. XIX, 8). Аминь.

LXXVII.

48. Слово

въ день первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ).

Первоверховнымъ Апостоламъ празднуемъ: вникнемъ въ духъ и силу настоящаго празднованія.

Подъ именемъ *первоверховныхъ Апостоловъ* Церковь соединяетъ Петра и Павла.

---

[1]) По Евр. сборн значится говореннымъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ.

Что сіе отличительное наименованіе приличествуетъ Святому Петру, въ томъ не трудно убѣдиться изъ Евангельской исторіи. Во всякомъ собраніи, даже равныхъ между собой людей, обыкновенно кто нибудь имѣетъ нѣкоторое первенство, или по избранію и назначенію, для порядка, или по превосходству своихъ способностей и особенному присутствію духа: и во многихъ[2]) случаяхъ, когда Евангельская исторія представляетъ Петра въ собраніи Апостоловъ, имя его первенствуетъ въ порядкѣ именъ Апостольскихъ, и лице его первенствуетъ между Апостолами, то въ словѣ, то въ дѣйствіи. Когда, на примѣръ, Святый Матѳей хочетъ составить списокъ избранныхъ въ званіе Апостольское; онъ пишетъ: *Двинадесятихъ же Апостоловъ имена суть сія: первый Симонъ, иже нарицается Петръ* (Матѳ. X, 2,);—и потомъ именуетъ прочихъ Апостоловъ. Когда Самъ Божественный Учитель, по нѣкоторомъ времени ученія, испытываетъ избранныхъ учениковъ Своихъ въ главномъ предметѣ Своего ученія, и вопрошаетъ: *кого Мя глаголете быти?* — Петръ предупреждаетъ всѣхъ Богомудрыхъ отвѣтомъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго*; и за то первый не только похваляется, но и ублажается: *блаженъ еси Симоне*; ему первому сказуется: *на семъ камени созижду церковь Мою*, хотя впрочемъ не исключительно ему, потому что Церковь *назидается на основаніи Апостолъ и Пророкъ сущу краеугольну самому Іисусу Христу* (Еф. II, 20); онъ первый получаетъ ключи Царства Небеснаго и власть вязать и рѣшить (Мат. XVI, 16—19), хотя впрочемъ въ слѣдъ за симъ и всѣмъ Апостоламъ таже власть дарована (Матѳ. XVIII, 18) [3]). И въ то бѣдственное время, когда, при пораженіи Пастыря, разсѣялись овцы стада, когда самые [4]) столпы ея поколебались, самые камни основанія подвиглись отъ мѣстъ своихъ, потому что сатана просилъ, дабы сѣять ихъ, яко пшеницу;—что тогда камень Петръ? — Правда, не усто-

---

[2]) По Евр. сборн.: во всѣхъ....

[3]) По Евр. сборн.: первый полагается въ основаніе зданія Церкви Христовы, первый получаетъ ключи Царства Небеснаго и власть вязать и рѣшить, простирающуюся отъ земли до неба.

[4]) По Евр. сборн : когда краеугольный камень Церкви содѣлался камнемъ соблазна, и съ тѣмъ вмѣстѣ самые....

ялъ и онъ, даже бѣдственнѣе другихъ былъ низринутъ: но съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ преимущество особенною молитвою Христовою быть воздвигнутъ на прежнее мѣсто свое, и ему предоставлено утвердить братію [5]) *Азъ*, сказано ему, *молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя; и ты никогда обращшися, утверди братію твою* (Лук. XXII, 32). Подлинно, когда воскресеніе Господа прежде всѣхъ открылось Мироносицамъ; сіе не утвердило Апостоловъ въ вѣровании оному: *и явишася предъ ними яко лжа глаголы ихъ* (Лук. XXIV, 11). Но когда Воскресшій явился Петру: то и прочіе Апостолы, прежде общаго всѣмъ имъ явленія, уже съ твердостію говорили: *воистинну воста Господь, и явися Симону* (34). Наконецъ должно ли наполнить пустоту, оставленную въ ликѣ Апостольскомъ чрезъ отпаденіе Іуды?—Первый примѣчаетъ сіе Петръ, и первый печется о семъ. Должно ли, непосредственно, по сошествіи Святаго Духа, торжественно начать проповѣдь Евангельскую?—*Ставъ Петръ со единонадесятьми*, первый изъ нихъ *воздвиже гласъ свой* (Дѣян. II,14). Должно ли положить основаніе Церкви Христіанской между язычниками, также какъ между Іудеями?—Петръ креститъ Корнилія; и уже не въ первый разъ просто изъясняется событіями, много затрудняемое толкованіями слово Христово [6]): *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою.*

Но чѣмъ яснѣе [7]) такимъ образомъ первенство Святаго Петра между Апостолами: тѣмъ болѣе требуетъ изслѣдованія [8]) то, что Церковь и Святаго Павла присоединяетъ къ нему подъ общимъ для обоихъ наименованіемъ Первоверховныхъ Апостоловъ,—Павла, очень мало, по видимому, соединеннаго съ Петромъ въ Апостольствѣ. Извѣстно, что Господь избралъ сперва двѣнадцать Апостоловъ, а потомъ другихъ семьдесять. Двѣнадцать, въ сравненіи съ семидесятью, всѣ могутъ быть названы верховными Апостолами. Но извѣстно также, что Святый Павелъ не былъ въ числѣ сихъ. Когда они въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ учились наукѣ Апостольства у Божественна-

[5]) По Евр. сборн.: хотя неустоялъ и онъ, хотя и глубоко низверженъ слабою рукою рабыни; однако имѣлъ то преимущество, что молитвою Христовою первый воздвигнутъ на прежнее мѣсто свое, для утвержденія и прочихъ.

[6]) По Евр. сборн.: исполняется надъ нимъ слово Христово....

[7]) По Евр. сборн.. очевиднѣе....

[8]) По Евр. сборн.: тѣмъ удивительнѣе казаться можетъ...

го Учителя: тогда, вѣроятно, Павелъ продолжалъ еще учиться у законоучителя Іудейскаго Гамаліила. Когда онп воплощенною Премудростію Божіею торжественно произведены въ учители всѣхъ народовъ: *шедше научите вся языки*: Павелъ все еще оставался только ученикомъ Гамалиила. Когда они единодушно ждали, и всѣ совокупно получили Духа Святаго, и содѣлались Его непосредственными орудіями и верховными на земли раздаятелями даровъ Его: и тогда Павла между ими не было. Когда они начали созидать и распространять Церковь Хрістову: Павелъ еще былъ ея гонителемъ и разрушителемъ. Какъ же случилось, что столь далеко, по видимому, отставшій отъ сонма верховныхъ Апостоловъ, пріемлетъ нынѣ отъ Церкви честь, не только равную съ верховными, но и преимущественную, вмѣстѣ съ первоверховнымъ изъ нихъ?

Посмотримъ, нѣтъ ли способа сблизить сихъ двухъ мужей, и уразумѣть помышленіе Церкви, которая соединяетъ ихъ въ настоящемъ празднованіи.

Нѣтъ нужды пространно изъяснять, или доказывать, что Апостольство Павла столь же величественно и Божественно по своему началу, какъ Апостольство Петра и прочихъ Апостоловъ. Довольно для сего сказать, что Призвавшій Петра и прочихъ къ Апостольству во время пребыванія Своего на земли,—Самъ призвалъ къ тому же Павла, преклонясь къ нему изъ отверстыхъ небесъ. *Павелъ Апостолъ, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Хрістомъ и Богомъ Отцемъ*, или какъ еще онъ изъясняется, *явленіемъ Іисусъ Хрістовымъ* (Гал. I, 1. 12).

Если великъ тотъ, кто изъ глубокаго невѣдѣнія въ краткое время восходитъ къ высокой и Божественной мудрости: менѣе ли великъ и тотъ, кто изъ смертельной вражды противъ Божественной истины вдругъ прелагается въ любовь къ ней, такжс, яко смерть, крѣпку? Вчера рыбарь; а нынѣ первый и единственный Богословъ: *Ты еси*, говоритъ, *Хрістосъ Сынъ Бога живаго*:—[9]) вотъ величіе Петра! Вчера гонитель Хрістовъ, а нынѣ Апостолъ Хрістовъ;—*гоняй насъ иногда*, говорятъ вѣрные, *нынѣ проповѣдуетъ вѣру, юже иногда разрушаше* (23):—вотъ величіе Павла! Если верховность духа Петрова надъ прочими

---

[9]) По Евр. сборн. далѣе слѣдуетъ: чего ни одинъ изъ книжниковъ не понималъ, что самые Пророки едва нѣкимъ гаданіемъ постигали·—

Апостолами видна въ томъ, что онъ нѣкогда утвердилъ братію свою, поколебавшуюся въ вѣрѣ не также ли видна верховность духа Павлова надъ самимъ Петромъ, когда Павелъ примѣтилъ непримѣченный Петромъ соблазнъ, предстоящій Церкви, по причинѣ его устраненія отъ вѣрующихъ изъ язычниковъ, въ угожденіе вѣрующимъ изъ Іудеевъ, и исправилъ въ семъ случаѣ дѣйствія Петровы? *Егда*, говоритъ, *пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противу стахъ, яко зазоренъ бѣ* (Гал. II, 11). Если Апостольское дѣйствованіе [10]) Петра является преимущественно великимъ въ томъ, что какъ между Іудеями, такъ и между язычниками, онъ полагаетъ первыя основанія Церкви Христовы; чрезъ него наипаче, какъ чрезъ сильнѣйшее орудіе благодати, соборъ Апостольскій дѣйствуетъ изъ Іерусалима не только на всѣ Церкви Палестинскія, но и на многія другія: не обширнѣе ли еще область Апостольства Павлова, простирающаяся отъ Іерусалима и Сиріи до Македоніи, до Греціи, до Иллирика, отъ Антіохіи до Рима, и, можетъ быть, до Испаніи, при томъ такъ, что и онъ большею частію *не на чужемъ основаніи созидалъ* (Рим. XV, 20), но проповѣдывалъ тамъ, гдѣ до него не было произносимо имя Христово? Посмотрите, какъ сіи, безъ войска и безъ оружія всемірные завоеватели, дѣлятъ между собою народы, не уступая другъ другу, не въ томъ, кому болѣе владѣть вселенною, но кому болѣе страдать за спасеніе вселенныя: *увѣрено ми бысть*, сказуетъ Павелъ, *благовѣстіе необрѣзанія*, то есть язычниковъ, *якоже Петру обрѣзанія* (Гал. II, 7), то есть Іудеевъ. Поелику же во время сего, не раздѣляющаго, но соединяющаго раздѣла, во вселенной не было ничего, кромѣ *обрѣзанія* и *необрѣзанія*, кромѣ Іудеевъ и язычниковъ: то Петръ и Павелъ раздѣлили ее между собою безъ остатка, и потому въ цѣломъ мірѣ некому оспоривать у нихъ достоинства первоверховныхъ.

Впрочемъ, и тогда, какъ дѣйствительно есть нѣкоторая первоверховность Апостольская въ превосходствѣ даровъ, высотѣ добродѣтелей и обширности подвиговъ, можно еще спросить: для чего такъ торжественно возвѣщается первоверховность проповѣдниковъ вѣры, которые полагали, и другихъ научали полагать свое торжество не въ верховности, но въ смиреніи, и первенство въ

[10]) По Евр. сборн.: могущество..

служеніи другимъ?—Дабы на сіе отвѣтствовать, вспомнимъ притчу Христову: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѳ. V, 14). Градъ на верху горы, здѣсь означаетъ душу возвышенную, наполненную и украшенную совершенствами и добродѣтелями: подобно какъ въ другихъ случаяхъ Слово Божіе душу Боголюбивую и благочестивую называетъ обителію Божіею, или домомъ Божіимъ. Какъ градъ на вершинѣ горы стоящій, сколь ни скромны его зданія, тѣмъ не менѣе виденъ издалека: такъ душа, отвергшая міръ и плоть со страстями и похотями, долу влекущими, приближенная къ небеснымъ Силамъ, вознесенная на гору Закона Божія, чистотою, вѣрою и любовію въ Богѣ обитающая, и содѣлавшаяся обителію благодати Божіей [11]), сколь ни скромно ея слово, сколь ни смиренны ея дѣйствія, и въ смиреніи своемъ открываетъ свою возвышенность, и скромностію не можетъ скрыть своей внутренней славы отъ очей сколько нибудь очищенныхъ. И какъ путешествующіе, усматривая градъ на горѣ, останавливаются и сами на нѣкоторомъ возвышеніи, откуда удобнѣе видѣть его, указуютъ его другъ другу, замѣчаютъ особенныя возвышенности его, бесѣдуютъ о красотахъ его, наслаждаясь величественнымъ зрѣлищемъ, а иногда и управляя имъ путь свой, и поощряясь достигнуть видимаго вдали: такъ Богомудрые Отцы и руководители наши въ пути спасенія, останавливаютъ насъ на извѣстномъ поприщѣ времени, чтобы, какъ два величественные града, указать намъ великія души Петра и Павла; замѣчаютъ намъ преимущественную возвышенность ихъ совершенствъ и добродѣтелей; даютъ случай чистымъ душамъ насладиться созерцаніемъ двухъ высокихъ обителей Святаго Духа, или единой высокой благодати Апостольства, обитающей въ двухъ тѣлесныхъ обителяхъ; побуждаютъ очищаемыхъ [12]), по возможности, хотя издалека, разсматривать сіе духовное зрѣлище и по нему направлять и ускорять путь свой ко спасенію ревностнымъ подражаніемъ усматриваемымъ подвигамъ и добродѣтелямъ; а дабы и неочищенныхъ отъ праха мірскихъ суетъ очистить нѣкоторымъ

[11]) По Евр. сборн.: душа, міръ и плоть со страстями и похотями, долу влекущими, отвергшая, на гору Закона Божія вознесенная, чистотою къ небеснымъ Силамъ приближенная, вѣрою и любовію въ Богѣ обитающая и благодатію Божіею обитаемая, ..

[12]) По Евр. сборн.: требующихъ очищенія,...

предварительнымъ очищеніемъ, и отъ бренія плоти возвысить, для удобнѣйшаго умнымъ окомъ разсматриванія духовныхъ высотъ, они старались какъ бы на нѣкое духовное возвышеніе возвести насъ стезею поста, настоящій день предварившаго.

Ничего не скажу чистымъ и возвышеннымъ созерцателямъ, чтобы не препятствовать имъ наслаждаться тѣмъ, что нынѣ видятъ они на горѣ Божіей, на высотѣ Церкви Христовы. Станемъ добрѣ и мы, едва, можетъ быть, возникающіе духомъ отъ плоти и міра; воспользуемся высокимъ духовнымъ зрѣлищемъ, которое Церковь нынѣ намъ представляетъ и указуетъ —Если ты еще привязанъ къ міру, къ мірскимъ стяжаніямъ или удовольствіямъ, къ мірскимъ знаніямъ, къ мірской чести: воззри на Петра, который оставилъ все, чтобы слѣдовать за Христомъ; воззри на Павла, который, повидимому, и не совсѣмъ мірскія знанія Іудейскаго законника и Фарисея, и славу сихъ знаній, вмѣнилъ за уметы, чтобы пріобрѣсть спасительное буйство и поношеніе Христово. Если не можешь оставить имѣнія· оставь по крайней мѣрѣ любостяжаніе и скупость. Если не можешь еще возлюбить поношеніе: отвергни по крайней мѣрѣ любочестіе. Иначе какой ты ученикъ Апостоловъ? Какой сынъ Апостольской Церкви?—Если ты грѣшникъ, знающій свое беззаконіе; и грѣхъ твой, будучи предъ тобою выну, не даетъ покоя твоей совѣсти· хотя и низко въ семъ случаѣ ты стоишь, но и ты воззри на высокихъ Апостоловъ. И первоверховный Петръ не былъ ли на время отрекшимся [13]) отъ Христа? И первоверховный Павелъ не былъ ли нѣкогда гонителемъ Церкви? Но слезы покаянія и глубоко падшаго Петра возстановили въ верховное Апостольство: а покаяніе Павла, еще и не начатое, но провидѣнное, принято простертыми съ небесъ объятіями Спасителя грѣшниковъ: что же ты унываешь, грѣшникъ, и отягчаешь себя отчаяніемъ? Возми крестъ покаянія и надежды, и лети на высоту благодати.

Довольно сего для примѣра, какъ можемъ и мы, униженные въ Церкви [14]), разсматривать высокія совершенства Апостоловъ, и размышленіемъ о нихъ питать душу свою, и одушев-

[13]) По Евр. сборн.: отступникомъ...

[14]) По Евр. сборн.: Дабы не обременить слушающихъ продолженіемъ слова, сего довольно для примѣра, какъ можемъ и мы, уничиженные въ Церкви....

лять жизнь свою. Въ семъ состоитъ истинный праздникъ Апостоловъ. Благословеніе Святыхъ Апостоловъ и Святыя Церкви Апостольскія почіетъ на празднующихъ симъ образомъ Аминь.

LXXVIII.

49. Слово

въ день Преподобнаго Сергія, о судѣ Святыхъ.

(Говорено въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ Іюля 5, напечатано въ собраніяхъ 1814 и 1818 годовъ.)

Не вѣсте ли, яко святіи мірови имутъ судити? 1 Кор. VI, 2.

Мірови имутъ судити!—Слово Апостольское весь міръ предаетъ суду Святыхъ: кто же и куда можетъ уклониться отъ суда сего? Весь человѣческій родъ представляется раздѣленнымъ на двѣ части: на судей, которые суть *Святые*, и на подсудимыхъ, которые суть всѣ прочіе человѣки, подъ именемъ *міра*. Некуда уклониться изъ числа подсудимыхъ, какъ развѣ въ число судей. Если не поставимъ себя самопроизвольно въ санъ судей, что было бы весьма дерзновенно, и безъ дальнѣйшаго суда достойно осужденія: то по необходимости мы должны увидѣть себя во множествѣ подсудимыхъ.

Святіи судити имутъ! — Что же о судѣ семъ должны подумать мы грѣшные? О судѣ человѣческомъ, обыкновенномъ говорятъ, что не должно бояться суда, но судьи боятся должно; потому что судъ, по существу своему, какъ дѣйствіе правосудія, угрожаетъ только нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ, то есть, виновнымъ, а судья, по невѣжеству, по лицепріятію, по мздоимству, и невинныхъ, не менѣе виновныхъ, опасности подвергаетъ: о судѣ Святыхъ — не знаю что и сказать, судей ли болѣе, или самаго суда страшиться должно. Чѣмъ менѣе могли бы невинные опасаться сихъ судей, въ которыхъ не льзя предполагать ни невѣдѣнія, ни пристрастія, превращающихъ судъ: тѣмъ болѣе грѣшные должны страшиться сихъ судей; ибо въ

нихъ не льзя предполагать ни непроницательности, которая бы не примѣтила грѣха, ни лицепріятія, которое бы покрыло грѣшника. Если они не страшны потому, что благи и милосерды: то страшны по тому самому, что суть Святые, а потому совершенною ненавистью ненавидятъ грѣхъ, и конечно съ совершенною правдою осудятъ его. Если же сіи судіи міра строги въ правдѣ; а *міръ весь во злѣ лежитъ* (1 Іоан. V, 19); и *никтоже чистъ отъ скверны* грѣха и неправды, *аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. XIV, 4. 5): то какъ страшенъ долженъ быть по необходимости судъ Святыхъ надъ міромъ!

И Ты, у котораго мы нынѣ витаемъ и покоимся, какъ птенцы подъ крилами кокоши, къ которому прибѣгаемъ, какъ врачу немощей, какъ утѣшителю въ скорбяхъ, какъ сокровищехранителю милосердія, какъ раздаятелю щедротъ, какъ предстателю за насъ предъ Всевышнимъ Судіею,—и Ты наконецъ долженъ быть однимъ изъ сихъ грозныхъ судей надъ нами!

О ищущіе милости! Устрашимся суда, котораго избѣжать не можемъ, и предъ которымъ устоять не имѣемъ силы. Устрашимся же не страхомъ малодушія, ведущимъ къ отчаянію, но страхомъ благоразумія, внушающимъ осторожность. Уранимъ поставить себя мысленно предъ симъ судомъ, чтобы не опоздать намъ оправданіемъ предъ нимъ, когда онъ откроется внезапно и торжественно. Не вѣсте ли, *яко святіи мірови имутъ судити?*

Апостолъ Павелъ Христіанамъ своего времени кратко напоминаетъ о судѣ Святыхъ, какъ о дѣлѣ, въ которомъ онъ полагается на ихъ собственное знаніе. *Не вѣсте ли?* Не ужели вы не знаете? Безъ сомнѣнія вы сіе знаете. Спрашиваю: можно ли и Христіанамъ настоящаго времени повторить напоминаніе Апостольское съ такою же благонадежностію? Можемъ ли мы на сіе отвѣтствовать: да, мы знаемъ судъ Святыхъ? Или, посовѣтуясь съ своею совѣстію, не большая ли часть изъ насъ должны признаться, что мы почти ничего не знаемъ объ ономъ? Въ семъ случаѣ, опять спрашиваю: что значитъ сіе незнаніе? Незнаніе о судѣ означаетъ или простоту невиннаго человѣка, которому нѣтъ дѣла до суда;—но сіе не есть наше состояніе въ отношеніи къ суду Святыхъ, какъ уже изъ вышесказаннаго разумѣть можно;—или нерадѣніе и закоснѣніе грѣшника, который избѣгаетъ мысли о неизбѣжномъ судѣ потому, что всегда занимается помыслами и дѣлами грѣховными. О судъ, котораго познаніе устрашаетъ,

и котораго незнаніе обличаетъ и посрамляетъ насъ; о которомъ размышленіе угрожаетъ осужденіемъ, и о которомъ забвеніе ведетъ прямо къ осужденію! Откройся намъ со страхомъ твоимъ, прежде нежели откроешься съ неизбѣжнымъ осужденіемъ нашимъ.

Не вьсте ли, говоритъ Святый Апостолъ вѣдающимъ о судѣ Святыхъ. Мы съ невѣдущими обратимся къ источнику вѣдѣнія. Первое и главное свѣдѣніе о судѣ Святыхъ почерпаемъ изъ словъ Самого Сына Божія, Которому Богъ Отецъ *весь судъ даде, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. V, 22. 23), и Который въ Свою чреду раздѣляетъ судъ Свой съ Апостолами: *аминь глаголю вамъ, яко вы шедшіи по Мнѣ, въ пакибытіе, егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолъ славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяти престолу, судяще обьма надесяте колѣнома Израилевома* (Матѳ. XIX, 28). Въ семъ изреченіи должно замѣтить, во-первыхъ, что судъ Святыхъ откроется торжественно *въ пакибытіе*, во вторичное бытіе человѣковъ, то есть, по воскресеніи мертвыхъ, и слѣдственно, судъ сей будетъ всемірный не только въ отношеніи къ человѣкамъ послѣднихъ временъ, но и въ отношеніи къ роду человѣческому отъ начала временъ до конца ихъ. Во-вторыхъ, что судъ сей откроется торжественно, *егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолъ славы Своея*: но какъ сіе будетъ, по другому изреченію Его, тогда, *егда пріидетъ Сынъ человѣческій въ славѣ Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Матѳ XXV, 31); слѣдственно судъ Святыхъ произведенъ будетъ не только предъ родомъ человѣческимъ, но и предъ Ангелами Божіими. Въ-третьихъ, что послѣдователи Христовы *сядутъ на престолахъ* для суда въ тоже время, *егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своея*: слѣдственно судъ ихъ будетъ соединенъ съ Его судомъ; они порознь будутъ орудіями, или подчиненными, частными дѣйствователями Его единаго, всеобщаго и верховнаго суда. Въ-четвертыхъ, что Апостолы *сядутъ на двоюнадесяте престолу, судяще обьма надесяте колѣнома Израилевома*: но какъ за симъ остается еще множество народовъ и племенъ, которые предстанутъ всемірному суду; то можно изъ сего заключать, что кромѣ сихъ дванадесяти судей, и еще многіе судіи должны будутъ явиться. Сіе догадочное заключеніе оказывается ясною и утвержденною истиною въ изреченіи Апостола, который говоритъ, что не одни Апостолы, но вообще *святіи мірови имутъ судити*. Пророкъ

еще съ большею опредѣленностію сказуетъ, что всѣ Святые Божіи безъ изъятія возведены будутъ въ достоинство судей, дабы произвесть судъ надъ языками и людьми, надъ царями и славными ихъ: *сотворити въ нихъ судъ написанъ: слава сія*, то есть, слава быть судіями въ семъ судѣ, *будетъ всѣмъ преподобнымъ Его*. Присовокупимъ къ сему свидѣтельство очевидца сего суда: ибо Святый Іоаннъ уже видѣлъ оный въ откровеніи. *Видѣхъ*, пишетъ онъ, *престолы и сѣдящія на нихъ, и судъ данъ бысть имъ* (Апок. XX, 4).

Трудно вообразить, какъ произведется одинъ, согласный и неподверженный никакому прекословію судъ толикаго множества судей, надъ еще большимъ множествомъ подсудимыхъ, по столь многимъ разнообразнымъ и тонкимъ предметамъ суда, каковы суть всѣ явныя и тайныя дѣла, слова, желанія, и помышленія каждаго человѣка въ продолженіи всей его жизни. Въ изъясненіе сего находимъ нѣчто у Псалмопѣвца, который говоритъ, что преподобные сотворятъ *судъ написанный*, и у Тайновидца, который пишетъ такъ: *и видѣхъ мертвецы малыя и великія стоящя предъ Богомъ, и книги разгнушася; и ина книга отверзеся, яже есть животная; и судъ пріяша мертвецы отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ ихъ* (Апок. XX, 12). Какъ обыкновенно между человѣками употребляется написанный судъ, частію для удобности въ отношеніи къ высшимъ судіямъ, поелику онъ не только слова и дѣйствія подсудимыхъ, со всѣми ихъ обстоятельствами и подробностями, но и множество въ разныхъ мѣстахъ находящихся свидѣтелей и другихъ доводовъ суднаго дѣла представляетъ въ нѣсколькихъ написанныхъ листахъ; частію для вѣрности, поелику слово сказанное мгновенно скрывается, и можетъ быть пересказано иначе, а слово написанное остается видимымъ и непремѣннымъ: такъ и судъ Святыхъ представляется написаннымъ въ книгахъ, и особенно въ книгѣ жизни, въ ознаменованіе того, что имъ данъ будетъ отъ Верховнаго Судіи способъ такъ же удобно и вѣрно, или лучше сказать, несравненно удобнѣе и вѣрнѣе, видѣть всю внѣшнюю и внутреннюю жизнь каждаго судимаго ими, нежели какъ обыкновенный судія видитъ поступки подсудимаго въ написанномъ полномъ судномъ дѣлѣ; и что потому судимымъ грѣшникамъ не останется никакого способа не признаться въ томъ, въ чемъ обличатъ и осудятъ ихъ Святые. Но кто, и

когда пишетъ книгу нашей жизни для будущаго суда Святыхъ?— Думаю, что пишемъ ее мы сами, и пишемъ непрерывно, въ то самое время, когда что дѣлаемъ или говоримъ, желаемъ или помышляемъ: такъ должно быть для того, чтобы мы не имѣли предлога отрицаться отъ нея на судѣ, и говорить, что въ ней кѣмъ-то, когда-то написано, чего мы не знаемъ, и чего отъ насъ не было. Но гдѣ лежитъ сія книга?—Кто знаетъ, въ какомъ мѣстѣ хранитъ Судія написанный судъ, доколѣ придетъ время открыть его всенародно? Впрочемъ надѣюсь, не погрѣшимъ, если скажемъ, что въ сердцѣ каждаго изъ насъ лежитъ книга жизни для будущаго суда нашего,—тамъ, гдѣ не только знающіе Бога, и законъ Его, и благодать Его, но и язычники *являютъ дѣло законное написано, сосвидѣтельствующей имъ совѣсти, и помысломъ другъ друга осуждающимъ или оправдывающимъ* (Рим. II, 15), ибо сіе внутреннее явленіе не иное что есть, какъ—большее или меньшее открытіе книги жизни, которая наконецъ вся, отъ начала до конца, откроется, и изъ нашей же внутренности освѣтится или тихимъ свѣтомъ, или пожирающимъ огнемъ, *въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ*. Можно еще сказать, что и въ самомъ тѣлѣ нашемъ, которое подъ покровомъ тлѣннаго [1]) уготовляется къ воскресенію, какъ—бы въ нѣкоей книгѣ, мы пишемъ жизнь нашу неприметными нынѣ, но явственными для будущаго суда нашего чертами: *каковая бо нынѣ*, говоритъ Святый Макарій, *сокровища внутрь себе стяжала душа, таковая откроются и явятся тогда на тѣлѣ* (Бесѣд V, 8), можетъ быть, также и на другихъ созданіяхъ Божіихъ;—ибо у Тайновидца сказано, что кромѣ особенной книги животной, есть еще книги, которыя должны разгнуться для суда по написанному въ нихъ,—можетъ быть, говорю, и на другихъ созданіяхъ Божіихъ, нами беззаконно употребляемыхъ, оскверняемыхъ, повреждаемыхъ, окажется по частямъ написанный судъ настоящей жизни нашей, на примѣръ, наши грубыя нечистоты на землѣ и водѣ, наши праздныя слова на воздухѣ, слѣды злобы нашей въ томъ, что было предметомъ или орудіемъ злобныхъ дѣйствій, улики соблазновъ нашихъ въ тѣхъ, которыхъ мы соблазнили. Такъ необличенное

---

[1]) По Евр. сборн.: во внутреннемъ тѣлѣ нашемъ, которое подъ покровомъ внѣшняго тлѣннаго.. .

живыми свидѣтелями братоубійство Каиново написано на землѣ кровію Авеля: и небесный Судія точно сими кровавыми, не только явственными для прочтенія, но даже говорящими письменами, уличилъ непризнававшагося преступника. *глась крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли* (Быт. IV, 10). Такъ одинъ изъ будущихъ судей Божіихъ ржу золота и сребра предварительно принимаетъ въ качествѣ свидѣтеля противъ сребролюбцевъ: *ржа ихъ*, говоритъ, *въ послушество на васъ будетъ* (Іак. V, 3). Наконецъ самая благодать, вселившаяся во Святыхъ, которой мы не приняли не по чему другому, какъ по самопроизвольному нерадѣнію или упорству, ихъ вѣра, ихъ подвиги, ихъ добродѣтели, которыя мы долго имѣли предъ очами въ сихъ подобострастныхъ намъ людяхъ, по которымъ не подражали, явясь въ день суда въ полномъ свѣтѣ, произведутъ то, что дѣйствіе суда Святыхъ само собою окажется надъ нами, посредствомъ совѣсти нашей: подобно какъ Ной, не поставляя судилища, не производя судебнаго изслѣдованія, тою самою вѣрою, которою самъ спасся отъ погибели въ потопѣ, осудилъ невѣровавшій первый міръ: *вѣрою*, говоритъ Апостолъ, *отвѣтъ пріимъ Ное, о сихъ, яже не у видѣ, убоявся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своего: ею же*, то есть, вѣрою, *осуди весь міръ*.

Вотъ нѣкіе малые, какіе съ глубокимъ невѣдѣніемъ нашимъ совмѣстны, начатки познанія о великомъ судѣ Божіемъ и Святыхъ Божіихъ надъ всѣми нами: малые для того, чтобы ввести насъ въ тайны будущаго, но можетъ быть, уже не малые для того, чтобы возбудить насъ къ спасительному страху будущаго. Если мы страшимся обнаруженія нѣкоторыхъ, не совсѣмъ уже тайныхъ, грѣховъ нашихъ предъ нѣкоторыми человѣками, подобно намъ грѣшными; если смущаемся предъ тайнымъ свидѣтелемъ и судіею нашей совѣсти, котораго Церковь даетъ намъ не столько для осужденія, сколько для изглажденія грѣховъ нашихъ: то какъ снесемъ мы обнаруженіе всѣхъ, даже въ самой глубинѣ души нашей сокровенныхъ грѣховъ, предъ вселенскимъ по истинѣ Соборомъ Святыхъ, при всѣхъ знаемыхъ и незнаемыхъ человѣкахъ предъ чистѣйшими взорами Ангеловъ, въ открытомъ присутствіи сѣдящаго на престолѣ славы Своея, тогда какъ обнаруженія грѣховъ нашихъ требовать будутъ не покаяніе и прощеніе, но адъ и огнь вѣчный? Если одинъ лучь строгой истины, освѣтившій одно слово беззаконія въ книгѣ со-

вѣсти нашей, какъ стрѣла, пронзаетъ нашу внутренность: то каковы должны быть наши ощущенія, когда вся книга жизни нашей, отверзется, всѣ, по видимому, изгладившіяся черты грѣха въ ней сдѣлаются явственными, все, что есть въ существѣ нашемъ, представитъ написанный судъ нашей прошедшей жизни, а все, насъ окружающее, явится полчищемъ свидѣтелей противъ насъ? О судъ, о которомъ помышленіе колеблетъ и потрясаетъ меня! Какъ устою я, когда ты въ самомъ дѣйствіи откроешься?—*Что сотворимъ, мужіе братіе?*

Если толико страшенъ судъ: устрашимся грѣха, который одинъ виною того, что судъ толико страшенъ. А поколику мы уже виновны во грѣхѣ: то какъ угрожаемые явнымъ и торжественнымъ судомъ человѣческимъ предварительно иногда прибѣгаютъ къ имѣющему власть судить, и, чтобы избѣжать явнаго и строгаго суда и наказанія, добровольно подвергаютъ себя тайному и снисходительному суду и исправленію, такъ и мы ускоримъ прибѣгнуть къ имѣющимъ судити міру, и къ Самому Верховному Судіи, взыскуя себѣ суда тайнаго прежде явнаго, суда милосердія прежде суда правосудія, суда исправленія прежде суда наказанія. Подлинно, есть предварительный судъ Святыхъ, судъ милосердія и исправленія, чрезъ который предупреждается и отвращается страхъ послѣдняго суда ихъ, суда правосудія и наказанія. *Что убо есть*, вопрошаетъ Святый Макарій, *еже Господь рекъ: сядете на двоюнадесяте престолахъ, судяще обьманадесяте кольномъ Израилевомъ?* И отвѣтствуетъ: *сіе находимъ исполнившееся уже на земли, по вознесеніи Господнемъ на небеса: снизпославъ бы Онъ Духа Утѣшителя на обанадесять Апостоловъ и святую силу, яже пришедши вселилася въ нихъ, и возсѣла на престолахъ разумовъ ихъ. Но зане предстоящіи глаголаху быти ихъ піяныхъ; сего ради нача Петръ судити ихъ, глаголя о Іисусѣ, яко мужа сильна въ словесѣхъ и знаменіихъ вы распясте, повѣсивши на древѣ* (Дѣян. II).—*Чего ради*, продолжаетъ Святый Макарій, *покаялися многіе, научившеся отъ Петра, дабы быти имъ новымъ и Богу избраннымъ міромъ. Видиши ли, како явилось начало суда? Тамо бо показася новый міръ. И хотя и еще будутъ сидѣти и творити судъ въ пришествіе Господне, въ воскресеніе мертвыхъ: обаче и здѣ сіе сбысться, Духу Святому возсѣдшу на престолахъ разумовъ ихъ* (Бес. VI).

Какъ Петръ, одинъ изъ Судей Божіихъ надъ колѣнами Израилевыми, повинный Богу родъ Израильскій, исполненнымъ духовной силы словомъ судилъ не къ осужденію и погибели, но къ покаянію и спасенію: такъ Ты, Судія Божій въ языцѣ нашемъ, Преподобне Сергіе, исполненнымъ благодати примѣромъ житія твоего суди исполненную грѣхами жизнь нашу къ очищенію, исправленію и обновленію. Твоимъ воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти суди нашу роскошь и нѣгу, и исправи насъ по крайней мѣрѣ въ здравую умѣренность и простоту въ удовлетвореніи потребностямъ тѣлеснымъ. Твоимъ неусыпнымъ трудолюбіемъ суди нашу лѣность и праздность, и возбуди насъ къ полезной дѣятельности и къ безропотному исполненію нашихъ обязанностей. Твоею кротостію и смиреніемъ суди нашу гордость и презорчивость, и научи насъ не мудрствовати о себѣ паче, еже подобаетъ мудрствовати. Твоею вольною нищетою суди нашу любостяжательность, и наставь насъ быть довольными тѣмъ, что кому даруетъ Промыслъ Божій, и не прилагать сердца къ богатству, аще и течетъ оно. Наипаче, живущимъ въ тебѣ духомъ благодати суди и осуди плотское наше мудрованіе, и мудрованіемъ симъ угашаемый духъ благодати возжги въ насъ неугасимо Предстательствуй о насъ предъ престоломъ Верховнаго Судіи, Господа нашего Іисуса Христа, да пріимемъ участіе въ искупленіи отъ суда смертнаго животворящею Его кровію, и, если не можетъ прейти насъ судъ и наказаніе, пусть нынѣ *судими отъ Господа наказуемся* временно, *да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI, 32) на вѣки. Аминь.

LXXIX.

50. Бесѣда [1])

о упокоеніи труждающихся и обремененныхъ.

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ).

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Матѳ XI. 28.

Слышите, зовутъ: надобно ли кому итти на сей зовъ? Призываютъ *труждающихся и обремененныхъ*: есть ли здѣсь таковые? Или намъ легко и не трудно, и потому нѣтъ дѣла до сего призыванія? Обѣщаютъ *упокоить*: надобенъ ли кому покой? Или не стоитъ труда итти за нимъ; а хочется намъ радости, веселія, забавы?

Спросимъ нѣсколько иначе: желаете ли вы быть благополучны? Безъ сомнѣнія, никто не отречется отъ сего. Но какъ назовете вы душевное состояніе человѣка благополучнаго? Мнѣ кажется, нѣтъ сему приличнаго имени болѣе, какъ одно изъ двухъ: спокойствіе, радость. Но дѣйствіе радости, обыкновенной на земли, подобно дѣйствію вина; состояніе радости есть состояніе упоенія; а упоеніе не продолжительно, и оставляетъ по себѣ чувство лишенія, или даже тягости. Спокойствіе есть состояніе души здравой и трезвой; оно чувствуется не такъ живо, какъ радость, но за то болѣе постоянно. Итакъ не прогнѣвайтесь, любители радости, веселія, забавы: мы желаемъ,—и думаемъ, что для вашего благополучія обязаны желать вамъ,—болѣе спокойствія, нежели радости, веселія, забавы. А кто такъ пріучилъ свой вкусъ къ земнымъ радостямъ, такъ легко нахо-

---

1) По Евр. сборн.: Слово на память Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія, Радонежскаго Чудотворца, говоренное въ Троицкомъ Сергіевой Лавры Соборѣ сентября 25 дня 1825 года.

дить веселіе, такъ неутомимо замѣняетъ трудъ забавами, что ни въ какую цѣну не ставитъ спокойствія: тому,—хотя, можетъ быть, сіе уже и слишкомъ суровымъ покажется,—желаемъ даже того, чтобы онъ нѣсколько испыталъ состояніе *труждающихся и обремененныхъ*. Въ сей суровости желанія мы подражаемъ нѣкоторому, весьма доброжелательному впрочемъ мужу: *исполни*, такъ молилъ онъ Бога—исполни *лица ихъ безчестія, и взыщутъ Имени Твоего, Господи!*

Но можетъ быть, состояніе труждающихся и обремененныхъ, и не рѣдко, и не чуждо многимъ изъ насъ: а въ такомъ случаѣ и успокоенія искать [2]) нужно, и къ Упокоителю поспѣшить должно.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи,—воззвалъ Господь Іисусъ, когда предъ очами Его находились Іудеи, среди которыхъ Онъ проповѣдывалъ. Какое на нихъ Онъ могъ видѣть иго, которое бы затрудняло ихъ, и бремя, которое бы ихъ отягчало?—Во-первыхъ, бремя грѣховъ, подъ которымъ и сильный Царь Израилевъ изнемогалъ подобно рабу, страждущему болью въ костяхъ отъ несоразмѣрнаго силахъ ношенія тяжестей: *нѣсть мира въ костехъ моихъ*, говорилъ Онъ, *отъ лица грѣхъ моихъ; яко беззаконія моя превзыдоша главу мою; яко бремя тяжкое, отяготѣша намнѣ* (Пс. XXXVII, 4. 5). Во-вторыхъ, иго *закона Моисеева*, который Апостолъ Петръ именно называетъ *игомъ, его же*—говоритъ Онъ въ изъясненіи сего названія—*ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести* (Дѣя. XV, 10); котораго при томъ тяжесть, въ послѣдніе дни Іудейства, удвоена и утроена была ученіями и заповѣдями человѣческими отъ книжниковъ и фарисеевъ; *связуютъ бо*, глаголетъ о нихъ Господь, *бремена тяжка и бѣднѣ носима, и возлагаютъ на плеща человѣческа* (Матѳ. XXIII, 4). Въ-третьихъ, иго и бремя многихъ и различныхъ золъ и бѣдъ, лежавшихъ на Іудейскомъ народѣ вообще, и упадавшихъ на многихъ изъ онаго порознь: напримѣръ, иго власти языческой, изъ-подъ котораго хотя и силились гордые Іудеи восклонять голову, и вопіять: *сѣмя Авраамле есмы, и никому же работахомъ николи же* (Іоан. VIII, 33), но которое тѣмъ не менѣе тяготѣло на выѣ ихъ, и восходило выше головы ихъ, поелику—лежало

[2]) По Евр. сборн.: и средства успокоенія познавать...

даже на Первосвященствѣ ихъ, и на самомъ облачении первосвященническомъ, которое Римляне держали запертымъ въ своей крѣпости;—иго Синагоги, которая преслѣдовала исповѣдающихъ истину, не угодную ея предразсудкамъ и властолюбію;—наконецъ, частныя бремена нищеты, угнѣтенія отъ сильныхъ, неправеднаго суда, болѣзней, печалей.

Таковыми и подобными бременами отягченныхъ, трудностями утомленныхъ, всѣхъ призывалъ къ Себѣ Господь Іисусъ Христосъ: и поелику призывалъ всѣхъ безъ изъятія; поелику Богъ *Отецъ послалъ* Его *Спасителя міру* (1 Іоан IV, 14), а не одному народу или времени, поелику *словеса Его не прейдутъ* даже и тогда, когда *прейдутъ небо и земля* (Мар. XIII, 31): то и теперь Онъ еще глаголетъ, и между нами *труждающихся и обремененныхъ* ищетъ, и къ Себѣ призываетъ.

Человѣкъ, знающій за собою грѣхъ! Не *труждаешься* ли ты? Не *обремененъ* ли? Чувствуя уязвленную совѣсть, не усиливаешься ли ты бѣжать самъ отъ себя, безплоднымъ однакожъ усиліемъ: подобно какъ израненный елень бѣжитъ по лѣсу, но уже не можетъ убѣжать отъ раны, которую несетъ съ собою, а только истощается въ силахъ? Не мечешься ль иногда, какъ рыба поглотившая уду, безполезными однако же порывами: потому что иго, тебя вяжущее, и бремя тяготящее, находится внутри тебя? Не есть ли для тебя грѣхъ, частію бремя; поколику тяготитъ душу воспоминаніемъ содѣяннаго; частію иго, поколику лишаетъ тебя свободы, затрудняетъ, изнуряетъ привычкою, подобно какъ ярмомъ связуется, затрудняется, изнуряется работное животное? Если же тогда, какъ живешь во грѣхѣ, ты еще не знаешь и не чувствуешь въ немъ ига и бремени: тѣмъ не лучше. Въ семъ случаѣ ты подобенъ дикому подъ ярмомъ и бременемъ животному, которое несется по стремнинамъ, и чѣмъ менѣе испытываетъ затрудненія, чѣмъ менѣе чувствуетъ тяжесть, тѣмъ скорѣе можетъ низринуться въ пропасть, и совсѣмъ погибнуть: и потому въ семъ случаѣ, — какъ сказано и прежде,—желательно, чтобы ты лучше вошелъ ощутительно въ непріятное состояніе *труждающихся и обремененныхъ*, нежели оставался въ опасномъ состояніи необузданности. Но ты, знающій беззаконіе свое, какъ иго и бремя, не медли узнать и надежду облегченія: *пріиди, труждающійся и обремененный.*

Человѣкъ, подвизающійся въ добродѣтели! Не *труждаешься*

ли и ты? И ты не *обременень* ли? Правда, если участь грѣшника есть иго и бремя: то удѣломъ добродѣтели должна быть легкость и свобода. Но какъ иго и бремя грѣха ощущается уже послѣ того, какъ онъ сдѣланъ: такъ и добродѣтель даетъ чувствовать легкость и свободу тогда, когда уже совершена будетъ. А легко ли достигнуть въ ней совершенства? Путь ея идетъ на гору; крутъ, узокъ, усѣянъ терніемъ. И познавать путь духовнаго совершенства, и дѣйствительно восходить по нему, трудно уже и по тому одному, что, какъ говоритъ опытный подвижникъ мудрости и добродѣтели, *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу, и земное жилище обременяетъ умъ многопопечителенъ* (Прем. IX, 15). Тѣло же, кромѣ того, что тлѣнно, и потому не выдерживаетъ всего напряженія безсмертной души, но, или ее въ ея стремленіи задерживаетъ, или подвергается опасности отторгнуться отъ нея и разрушиться,—кромѣ сего, заражено грѣхомъ, связано привычками, противными добродѣтели: а также и умъ, кромѣ того, что развлекается попеченіями о земномъ жилищѣ своемъ,—кромѣ сего связуется предразсудками, помрачается и увлекается страстями сердца, вводится въ обманъ призраками чувствъ и воображенія. А сколько еще постороннихъ препятствій подвигу въ добродѣтели! Обиліе благъ земныхъ прельщаетъ, недостатокъ ихъ искушаетъ, примѣры совращаютъ съ пути; неправыя сужденія людей полагаютъ претыканія; гоненія устрашаютъ; тамъ, гдѣ, по видимому, кончится *брань къ плоти и крови*, вновь начинается брань *къ началамъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего духовомъ злобы поднебеснымъ*. Кто подвизается не для того только, чтобы достать вѣнецъ добродѣтели отъ людей, но для того, чтобъ одержать истинную, внутреннюю побѣду надъ страстями и пороками: тому понятны жалобы, которыя слышимъ изъ устъ одного изъ самыхъ ревностныхъ подвижниковъ: *не живетъ во мнѣ, сирѣчь во плоти моей, доброе. Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю. Не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.—Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ.—Окаяненъ азъ человѣкъ* (Рим. VII, 18—24). Познай же и ты, для котораго самый законъ добра есть [3]), какъ

3) Въ собр. 1844 г. далѣе слѣдуетъ: какъ иго для вьи необученныя,..

бремя на хребтѣ безсильнаго,—познай и нужду и надежду твоего или облегченія, или укрѣпленія: *пріиди, труждающійся и обремененный.*

Человѣкъ, постигнутый бѣдствіемъ, страданіемъ, печалію! Тебя не нужно испытывать, находишься ли ты, и полагаешь ли себя, въ числѣ *труждающихся и обремененныхъ.* Опасаться должно не того, что ты не довольно сіе знаешь, но того, не чрезмѣрно ли сіе чувствуешь; и избыткомъ сего чувствованія не затрудняешь ли самъ для себя познаніе средствъ успокоенія. Единственное вѣрное средство само себя тебѣ открываетъ; собери остатки расточенныхъ силъ; приближься узнать и принять оныя: *пріиди труждающійся и обремененный.*

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ— глаголетъ Іисусъ Христосъ—*упокою вы.* Прибѣжище вѣрное! Пристанище безопасное! Помощь всесильная! Защита всепобѣждающая! Облегченіе небесное! Покой Божественный! Только пріидите. Только не отрекитесь.

Іисусъ Христосъ облегчаетъ отягченныхъ бременемъ грѣховъ: ибо хотя бы грѣхи цѣлаго міра на тебѣ лежали, Онъ подъемлетъ съ тебя все сіе бремя, переноситъ оное на Себя, и тѣмъ уничтожаетъ. *Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.* Если ты побѣжденъ грѣхомъ: Агнецъ Божій побѣждаетъ его въ тебѣ. Если ты проданъ подъ грѣхъ: искупляетъ тебя. Если ты связанъ грѣхомъ, какъ ярмомъ: разрѣшаетъ тебя. Если ты падаешь подъ бременемъ грѣха: возставляетъ тебя. Если даже ты умерщвленъ грѣхомъ: Богъ воскресившій Христа, и *мертваго* тебя *прегрѣшеньми сооживитъ Христомъ* (Еф. II, 5); *кровь Христова, иже Духомъ Святымъ себе принесе непорочна Богу, очиститъ совѣсть твою отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити тебѣ Богу живу и истинну* (Евр. IX, 14.).

Іисусъ Христосъ упокоиваетъ труждающихся подъ игомъ закона, тѣхъ, которые, подвизаясь въ добродѣтели, болѣе испытываютъ тягость и препоны подвига, нежели успѣхи онаго, и съ продолженіемъ онаго болѣе, повидимому, изнемогаютъ, нежели возмогаютъ: ибо Христосъ, Божія сила и Божія Премудрость, даруетъ и свѣтъ чистаго познанія, и силу совершеннаго исполненія, и подвигъ облегчаетъ, и подвижника укрѣпляетъ, и препоны отъемлетъ, и помощь посылаетъ, и сквозь опасности безвредно проводитъ, и враговъ нашихъ въ насъ побѣждаетъ, и

Свою въ насъ побѣду вѣнчаетъ. Подвижникъ, который недавно въ изнеможеніи, почти безъ надежды, вопіялъ: *окаяненъ азъ человѣкъ*! приближается ко Христу, и уже не находитъ въ себѣ инаго чувства, кромѣ благодарности къ Нему за свое успокоеніе: *благодарю Бога моего*, восклицаетъ онъ, *Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ!* Со Христомъ подвизующемуся, *заповѣди Божіи тяжки не суть* (1 Іоан. V, 3). *Иго бо* Христово *благо, и бремя* Его *легко есть*. Съ Нимъ и самый безсильный можетъ сказать: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV, 13).

Іисусъ Христосъ облегчаетъ и упокоиваетъ бѣдствующихъ, страждущихъ, печальныхъ· ибо не только, яко избавитель, всегда можетъ Онъ отвратить или пресѣчь бѣдствіе, прекратить страданіе, уничтожить причину печали; но, яко совершенный побѣдитель зла, въ самой области зла устрояющій Собственное царство блага, Онъ можетъ среди самаго бѣдствія открыть въ человѣкѣ чувство благополучія, самое страданіе растворить удовольствіемъ, самой печали дать вкусъ радости. Его сіе дѣло, что Іовъ, послѣ безвинной [4]) потери имѣнія и дѣтей, благословляетъ Бога, и въ несносной болѣзни, на гноищѣ, не соглашается роптать; что Петръ, въ темницѣ, и въ оковахъ, какъ будто въ праздникъ, поетъ всенощную пѣснь; что Павелъ радуется въ страданіяхъ; что Кипріанъ, на смертный о себѣ приговоръ, отвѣтствуетъ: *слава Богу!*

Таковъ, Христіане, поистинѣ еще на земли небесный, и прежде смерти безсмертный и блаженный *покой душъ нашихъ*, который *обрѣтается* во Христѣ; и котораго искать, если бы мы собственною нуждою нашею не вразумились, то всеблагій и всемилостивый Спаситель нашъ Самъ ищетъ и призываетъ всѣхъ насъ, чтобы даровать намъ покой Свой.

Можно сказать, что мы и приведены уже, и неоднократно приводимся къ покою душъ нашихъ во Христѣ: когда приведены къ Нему крещеніемъ, и каждый разъ, когда приходимъ къ Нему въ молитвѣ, въ покаяніи, въ общеніи Тѣла и Крови Его. Что жь? Вкусили ль мы покой сей? Сохранили ль, и сохраняемъ ли въ себѣ силу онаго? Или опять мы безпокойны, опять *труждающіяся и обремененны*? Долго ли же? Не ужели дотолѣ, какъ

---

[4]) По Евр. сбори.: бѣдственной....

наконецъ, столь долго тщетно призывавшій насъ Христосъ, оставитъ не внемлющихъ, или непостоянныхъ; а напротивъ адъ, въ угодность котораго мы труждаемся въ суетѣ, и обременяемся грѣхами, приступитъ, и скажетъ: довольно вы для меня трудились, и носили мои бремена; теперь придите, я упокою васъ, какъ знаю: постелю подъ вами огнь не угасающій, и покрою васъ червемъ не умирающимъ?

Послѣдуемъ лучше, братія, благодатному призыванію Христову; перестанемъ откладывать; послѣдуемъ рѣшительно; перестанемъ возвращаться вспять *Да убоимся*, со Апостоломъ говорю, *да не когда оставлену обѣтованію внити въ покой Его, явится кто отъ васъ лишився* (Евр. IV, 1). *Днесь*, говорилъ Духъ Святый еще *въ Давидѣ;—днесь*, говорилъ Онъ чрезъ нѣсколько вѣковъ потомъ въ Павлѣ;—дивно Божіе долготерпѣніе, что и теперь еще есть время сказать: *днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ* (Евр. III, 7).

Пріидемъ отнынѣ ко Христу ревностнымъ и не уклоннымъ послѣдованіемъ Его ученію и житію; *внидемъ въ покой Его вѣровавшіи* вѣрою сердечною, живою и дѣятельною, предшествуемые сущими отъ вѣка подвижниками вѣры и добродѣтели, истинными послѣдователями Іисуса Христа, отъ всякаго ига и бремени земнаго обрѣтшими у Него покой небесный, къ которому и насъ примѣромъ своимъ приглашаютъ, да купно съ ними славимъ Единаго Упокоителя и *Спасителя всѣхъ человѣковъ, паче же вѣрныхъ* [*]) Аминь.

---

*) По Евр. сборн.: предшествующу намъ и возбуждающу насъ примѣромъ сему крѣпкому подвижнику вѣры и добродѣтели, сему истинному послѣдователю Іисуса Христа, упокоившемуся въ Немъ отъ всякаго ига и бремени, отъ всякаго зла и бѣдствія такъ, что и намъ отъ избытка своего благодатнаго покоя подаетъ неоскудно во славу верховнаго Упокоителя и *Спасителя всѣхъ человѣковъ, паче же вѣрныхъ*.

LXXX.

51. Бесѣда [1])

изъ притчи о плевелахъ.

(Говорена 8 ноября, напечатана въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ).

Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду убо имать плевелы? Матѳ. XIII, 28.

Подъ руководствомъ притчи Евангельской *о плевелахъ* нѣчто говорить хочу: призовемъ въ помощь верховнаго Сѣятеля добраго сѣмени, чтобы не плевелы посѣялись чрезъ слово сіе, но чтобы въ ничтожныхъ плевелахъ нашихъ обрѣлось зерно добраго сѣмени, способное прозябнуть въ мягкой землѣ послушныхъ сердецъ, и принести плодъ для жизни вѣчной.

А на чтобы и говорить о плевелахъ? — подумаетъ кто-либо. Призванному сѣять доброе сѣмя не лучше ли и заниматься только добрымъ сѣменемъ, а не плевелами негодными?—И я желалъ бы поступить такимъ образомъ. *О, да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (Псал. XVI, 4)! О если бы я могъ не говорить о дѣлахъ человѣческихъ, суетныхъ и погибельныхъ, а только о дѣлахъ Божіихъ, благихъ и спасительныхъ! Дерзаю догадываться, что и Самъ Творецъ и первоначальный Истолкователь притчи о плевелахъ не желалъ бы говорить о плевелахъ. Но что дѣлать? Если есть опасность, что тогда, какъ сѣется доброе сѣмя, родятся и плевелы; или, если тогда, какъ посѣвъ уже взошелъ, дѣйствительно явились и плевелы: какъ въ сихъ случаяхъ не заниматься и плевелами? Какъ не подумать, что̀ съ ними дѣлать?

Рабы, не знающіе таинъ небеснаго земледѣлія, хотѣли бы тотчасъ полоть, силою исторгать и истреблять плевелы: но

[1]) По Евр. сбори : слово въ день Архистратига Михаила, говоренное въ Архангельскомъ Соборѣ.

Премудрый Господинъ поля не позволяетъ. *Ни: да некогда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу.*

Что же однако дѣлать, чтобы плевелы не усилились, и не заглушили пшеницы?—О семъ думаю я извлечь нѣкоторое наставленіе изъ разсматриванія того, что такое плевелы, и откуда онѣ взялись на полѣ.

Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду убо имать плевелы?

Что такое плевелы?—Въ изъясненіе сего Самъ Творецъ *притчи плевелъ сельныхъ* глаголетъ: *плевелы суть сынове непріязненніи*; или, по ближайшему преложенію изреченія Господня, какъ оно написано у Евангелиста Матѳея на Греческомъ: *плевелы суть сынове лукаваго*. Въ семъ изъясненіи не трудно примѣтить,—и примѣтить сіе нужно для дальнѣйшаго разумѣнія,—что притча подъ именемъ плевелъ заключаетъ нѣкоторыхъ человѣковъ, не по существу человѣческому: подобно какъ и въ другомъ изъясненіи, что *доброе сѣмя, сіи суть сынове царствія*, наименованія добраго сѣмени и сыновъ царствія относятся не къ существу человѣческому. По существу своему всѣ человѣки равно происходятъ первоначально отъ Бога Творца, послѣдовательно отъ подобныхъ себѣ человѣковъ родителей: въ жизни раздѣляются они на доброе сѣмя и плевелы, становятся сынами царствія, или сынами лукаваго. *Сѣявый доброе сѣмя* не новое поколѣніе на земли посѣялъ; но въ томъ поколѣніи, какое нашелъ въ мірѣ, посѣялъ сыновъ царствія, и распространилъ ихъ во всѣ поколѣнія міра. Изъ сего должно заключить, что доброе сѣмя означаетъ духъ и свойство сыновъ царствія; почему и сказано, согласно съ симъ изъясненіемъ, въ изъясненіи другой притчи, что *сѣмя есть слово Божіе* (Лук. VIII, 11); поелику отъ слова Божія происходитъ въ человѣкахъ духъ и свойство сыновъ царствія. А посему и въ противоположную сторону притчи также должно заключить, что плевелы означаютъ духъ и свойство сыновъ лукаваго въ нѣкоторыхъ человѣкахъ. Какъ развитіе добраго духовнаго сѣмени въ человѣкѣ есть истина вѣры, благо любви, сила надежды, чистая мысль, непорочное желаніе, здравое слово, праведное и святое дѣло, духовная, небесная, Ангельская, Хрістова жизнь: такъ напротивъ прозябеніе душевныхъ плевелъ есть ложь невѣрія или суевѣрія, зло пслюбленія, ложная сила самопадѣянія или безсиліе отчаянія, нечистая

мысль, порочное желаніе, не вѣрное или не цѣломудренное слово, неправедное и беззаконное дѣло, жизнь плотская, земная, скотская, адская, или,—тоже однимъ словомъ,—не Христіанская.

Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ Твоемъ? Ты сѣялъ на земли то, что принесъ на нее съ Собою съ небесъ: а принесъ Ты съ Собою на землю духъ Божественный, свойство небесное. Селомъ Твоимъ, или полемъ Твоимъ были сердца избранныхъ человѣковъ; Ты посѣялъ въ нихъ слово Божіе; согрѣлъ оное въ нихъ теплотою Духа Святаго; напоилъ Твоею Божественною кровію. Оно прозябло, процвѣло, принесло плодъ въ жизнь вѣчную, *ово сто, овоже шестьдесятъ, ово тридесятъ*, въ Апостолахъ, въ Мученикахъ, во Святыхъ всякаго рода, чрезъ нихъ засѣяло страны, народы, вѣки. Сверхъ сего, чтобы сѣмя Твое, для поля Твоего, сохранить всегда чистымъ, и никогда неоскуднымъ, Ты *завѣщалъ наполнить гоморъ отъ манны сея въ скровъ въ роды наша* (Исх. XVI, 32),—наполнить, то есть, опредѣленную мѣру священныхъ Писаній словомъ Божіимъ, такъ, чтобы, какъ нѣкогда, изъ Божественныхъ рукъ Твоихъ, отъ немногихъ хлѣбовъ, брали и насыщались тысящи алчущихъ, но количество хлѣба отъ того не уменьшалось, а увеличивалось, подобно сему, изъ немногихъ Книгъ Божественныхъ, тысящи тысящь научились, но тайны, и откровенія таинъ премудрости Твоея отъ того не истощались, а непрестанно становились обильнѣе.

Господи! Коль *доброе сѣмя*, и съ какимъ премудрымъ попеченіемъ о его добротѣ и чистотѣ, *сѣялъ еси на селѣ Твоемъ!*

Откуду убо имать плевелы? На Твоемъ, Господи, полѣ, откуда взялись плевелы? Если бы они явились тамъ, гдѣ ничего не сѣяно; или если бы злое растѣніе взошло тамъ, гдѣ злое и сѣмя сѣяно: не чему дивиться. Если между язычниками заблужденія и пороки: чего иного и ждать отъ сей земли дикой и не воздѣланной? Но на полѣ Христіанства, которое воздѣлано крестомъ Богочеловѣка, насѣяно Словомъ Божіимъ, откуда плевелы языческіе? Откуда заблужденія ума между вами, ученики Слова Божія? Откуда пороки сердца между вами, питомцы Духа Святаго?

На сіи не легкіе, но не безполезные вопросы, есть у насъ легкіе, но весьма вредные отвѣты. Заблужденія, говорятъ, отъ

ограниченности человѣческой; пороки отъ слабости человѣческой. Прекрасное родословіе заблужденій и пороковъ,—прекрасное для того, чтобы люди, преданные заблужденіямъ, и погрязшіе въ порокахъ, люди, которыхъ Евангельская притча называетъ *сынами лукавааго*, могли увѣрять себя и другихъ, что они не худаго рода! Невинное дѣло быть ограниченнымъ; не стыдно признавать слабость силъ человѣческихъ: а изъ сего заключаютъ, что и быть суевѣрнымъ или безвѣрнымъ, также невинное дѣло; что и въ порокахъ пребывать [2]) также не стыдно.

Заблужденія отъ ограниченности? — Полно правда ли, что ограниченность есть мать заблужденій? Ограниченность есть неплоды; она не раждаетъ ничего; потому что и сама не есть нѣчто, а только предѣлъ, край, недостатокъ существенности. Возмемъ въ примѣръ способность зрѣнія. Глазъ твой ограниченъ: по сей причинѣ удаляющійся отъ тебя предметъ въ извѣстномъ разстояніи ты перестаешь видѣть, и болѣе ничего. Но если глазъ твой вводитъ тебя въ заблужденіе, представляя окружающіе тебя предметы въ ложномъ движеніи кружащимися и падающими, отъ чего и ты падаешь: напрасно сталъ бы ты искать сему причины въ ограниченности глаза; причины сему должно искать въ твоемъ головокруженіи, происшедшемъ отъ употребленія одуряющаго зелія, или вина въ излишествѣ. По сему разсуждай и о духовномъ зрѣніи ума. Умъ твой ограниченъ: по сей причинѣ удаленные отъ мысленныхъ взоровъ его предметы для него неизвѣстны, или непонятны, и болѣе ничего. Но если въ умѣ твоемъ оказываются понятія, которыя противны естественному, всѣми здравомыслящими согласно примѣчаемому и признаваемому порядку вещей, которыми ты думаешь всю вселенную обратить вверхъ дномъ, но вмѣсто того низвергаешь самъ себя въ нелѣпости: можно ли сіе изъяснить ограниченностію, которая не есть начало дѣйствующее, и которая есть недостатокъ, общій всѣмъ человѣкамъ? Не должно ли, напротивъ, по необходимости производить сіе отъ упоенія нечистымъ и бродящимъ виномъ, или одуряющимъ зеліемъ такой мудрости, которая хотя по области явленія ея называется земною и человѣческою, но которой источникъ хуже, нежели что нибудь просто земное, которой корень ниже человѣчества?

---

[2]) По Евр. сборн.: признаваться...

Пороки отъ слабости!—По этому, чтобы добродѣтельнымъ быть, надобно быть исполиномъ! А мы, напротивъ, какъ изъ священныхъ сказаній знаемъ, что когда *исполни бяху на земли, тогда умножишася злобы человѣковъ на земли* (Быт. VI, 4. 5); такъ и нынѣ видимъ не рѣдко, что люди, и крѣпостію духа болѣе другихъ хвалящіеся, и менѣе другихъ имѣющіе причины жаловаться на тѣлесныя слабости или недостатки, впадаютъ въ пороки болѣе тѣхъ, которые и тѣлеснымъ немощамъ и недостаткамъ болѣе другихъ подвержены, и отличной крѣпости духа себѣ не приписываютъ Пороки отъ слабости!—А напротивъ, даже язычникъ замѣтилъ, что *мы тогда бываемъ лучше, когда немощнѣе.* Пороки отъ слабости!—Согласимся, что и сіе бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ: напримѣръ, когда голодный нищій крадетъ кусокъ хлѣба у богатаго. Но когда напротивъ того видимъ, что богатый, не только отказываетъ въ кускѣ хлѣба нищему, но и грабительствуетъ, и разоряетъ бѣдныхъ, между тѣмъ какъ есть нищіе, которые сохраняютъ безкорыстіе: какъ можно изъяснить сіе одною слабостію человѣческою? Не видны ли здѣсь двѣ противоположныя силы: въ одномъ сила добра, можетъ быть выше, нежели человѣческая, въ другомъ сила зла, безъ сомнѣнія хуже, нежели человѣческая?

Перестанемъ обманываться; отложимъ о происхожденіи нашихъ заблужденій и пороковъ такія мнѣнія, которыя способны только уполномочивать заблужденія и пороки; не будемъ почитать плевелъ обыкновеннымъ порожденіемъ и естественною принадлежностію пшеницы. И если не можемъ догадаться, откуда они подлинно: то вопросимъ о семъ Господа, и отъ Него примемъ вразумленіе. *Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ Твоемъ? Откуду убо имать плевелы?*—Онъ отвѣтствуетъ: *врагъ человѣкъ сіе сотвори,—спящимъ человѣкомъ пріиде врагъ его, и всѣя плевелы посредѣ пшеницы, и отъиде*;—*врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ.*

Мнѣ кажется, что если бы мы чаще и съ большею вѣрою думали о семъ происхожденіи нашихъ душевныхъ плевелъ: то не такъ легко попускали бы имъ разраждаться и разрастаться. *Врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ*: онъ посѣялъ ихъ въ легкомысленныхъ или зломысленныхъ сочиненіяхъ, въ изнѣженныхъ пѣсняхъ, въ соблазнительныхъ зрѣлищахъ, въ вольномъ обращеніи, въ нескромныхъ и не постоянныхъ обычаяхъ. За симъ врагъ скрывается: *всѣя плевелы посредѣ пшеницы, и отъиде.* Ты думаешь,

что позволяешь себѣ невинныя, только не совсѣмъ строгія, удовольствія зрѣнія, слуха, воображенія, чувствованія: но будь внимателенъ; сквозь сіи удовольствія сѣются плевелы лукаваго, адское сѣмя внѣдряется въ сердце; возчувствуй отвращеніе; убойся; возпріими осторожность.

Осторожность: ибо притча говоритъ, что *спящимъ человѣкомъ пріиде врагъ*. Что значитъ здѣсь сонъ, сего Творецъ въ притчи не изъясняетъ: но безъ опасенія погрѣшности полагать можно, что сонъ значитъ здѣсь безпечность и недостатокъ бдительнаго вниманія къ себѣ самому, и къ своимъ дѣйствіямъ. Спятъ человѣки духовно, когда безпечно смежаютъ очи ума, и не стараются взирать на свѣтъ истины Евангельской и закона Божія, чтобы непрестанно имъ просвѣщаться, и просвѣщать пути жизни своей; когда, подобно во снѣ мечтающимъ, не управляютъ мыслями своими, не обуздываютъ желаній своихъ, попускаютъ воображенію своему блуждать по предметамъ чувственнымъ и суетнымъ. Такъ спятъ они: а врагъ между тѣмъ не дремлетъ; онъ крадется во тмѣ забвенія о Богѣ и законѣ Его, и сѣетъ въ пшеницѣ плевелы, во снѣ человѣкомъ мечты адскія, въ легкомысленномъ нерадѣніи о добродѣтели и спасеніи, мысли нечистыя, желанія грѣховныя, дѣла беззаконныя и погибельныя. Не спи, или пробудись, возлюбленная душа; изощряй выну око твое ко свѣту Божію; ходи въ присутствіи Божіемъ; смотри бдительно не только за дѣлами, но и за желаніями и за помышленіями своими; просвѣщайся внутренно Словомъ Божіимъ и молитвою, дабы и во время сна тѣлеснаго заря духа не угасала въ сердцѣ твоемъ, и не допускала до тебя врага темнаго, сѣющаго плевелы

Сынове царствія, въ которыхъ посѣяно сѣмя доброе! Притча сказуетъ, что плевелы становятся виднѣе, по мѣрѣ возрастанія и созрѣванія пшеницы, по мѣрѣ приближенія жатвы. О, какъ уже нынѣ видны плевелы на нивѣ Господней! Не близка ли потому и великая жатва? Ибо точно, по сказанному: *соберите первѣе плевелы, и свяжите ихъ въ снопы,*—плевелы уже начинаютъ сами себя приготовлять къ послѣднему связанію въ снопы для сожженія [3]): люди, которые предавались нечестію и беззаконіямъ каждый по себѣ, время отъ времени болѣе и крѣпче

[3]) По Евр. сборн.: связываться въ снопы...

связываются въ сообщества, въ скопища, въ соумышленія. Да не снимъ, братія, но да бодрствуемъ; и да стережемъ и возращаемъ каждый въ сердцѣ своемъ зерно духа, которое Божественный Сѣятель посѣялъ въ насъ крещеніемъ и поученіемъ Евангельскимъ.

А вы, небесные жатели, Ангели Божіи! Прежде нежели явитесь предъ нами съ трубнымъ гласомъ, возвѣстить жатву, вожделѣнную и страшную, глаголите къ намъ тихимъ гласомъ кроткаго возбужденія къ покаянію и бдѣнію духовному, *да не когда уснемъ во грѣхѣ въ смерть. Ополчайтесь окрестъ* насъ, и избавляйте насъ отъ врага, сѣющаго въ насъ плевелы, пищу огня геенскаго. Аминь.

LXXXI.

52. Слово

въ день знаменія Пресвятыя Богородицы [1]).

Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ.

> И воздохнувъ духомъ Своимъ, глагола: что родъ сей знаменія ищетъ? Аминь глаголю вамъ, аще дастся роду сему знаменіе. Марк. VIII, 12.

Роду Іудейскому, невѣрному и развращенному, Господь угрожаетъ, что не дастся ему знаменіе. А мы, Христіане, родъ избранный, не должны ли уповать напротивъ, что дастся намъ знаменіе во благо и во спасеніе?

Да! Было время, когда Христіане обильно [2]) сѣяли не въ землю и въ плоть, но въ духъ и въ небо; и соотвѣтственно съ тѣмъ въ обиліи получали плоды [3]) духовные и небесные:

---

[1]) По Евр. сборн. значится произнесеннымъ въ Знаменскомъ Монастырѣ ноября 27.

[2]) По Евр. сборн. этого слова нѣтъ.

[3]) По Евр. сборн.. а потому и плоды получали...

сѣяли вѣру, и пожинали знаменія и чудеса, благотворныя и спасительныя, питающія и укрѣпляющія духъ для жизни вѣчной. И взаимно Богъ сѣялъ съ небесъ знаменія и чудеса; и они приносили на земли, между человѣками, плоды покаянія, исправленія, вѣры, надежды, благодаренія Богу, добродѣтелей всякаго рода. Богъ не рѣдко творилъ чудеса [4]), не только чрезъ святыхъ человѣковъ, но и чрезъ святыя знаменія, или чрезъ видимые знаки и воспоминательные образы святыни, какъ то, чрезъ чистыя тѣлеса Святыхъ, чрезъ святыя иконы: и творилъ Онъ чудеса [5]) столь очевидно и торжественно, что Церковь торжественному воспоминанію нѣкоторыхъ чудесъ или чудодѣйственныхъ знаменій [6]) особенные дни посвятила.

А нынѣ, уже не по воспоминаніямъ ли только извѣстны намъ знаменія? Не ищемъ ли мы оныхъ, какъ рѣдкости? Не тщетно ли оныхъ ищемъ?

Итакъ не опять ли сѣтуетъ Господь на родъ сей? Не опять ли съ грозною рѣшительностію отказываетъ въ знаменіи? *Что родъ сей знаменія ищетъ? Аминь глаголю вамъ, аще дастся роду сему знаменіе.*

Замѣчаніе, что мы не видимъ нынѣ чудесъ, такъ обыкновенно, и столь разными, не рѣдко странными, сопровождается сужденіями, что не безполезно размыслить, отъ чего мы нынѣ чудесъ не видимъ.

Нѣкоторые говорятъ рѣшительно, что мы не видимъ чудесъ, поелику ихъ нѣтъ, да и быть имъ въ наше время не должно. Ибо чудеса употреблены Богомъ, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры: и потому, когда вѣра довольно распространена, и утверждена безопасно, то и чудеса для нея сдѣлались не нужными.

Соглашаюсь, если угодно, съ сими умствователями, что чудеса употребляются Богомъ, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры. Но должно ли заключить изъ сего, что чудеса уже не нужны въ наше время, предоставляю разсудить безпристрастнымъ. Если есть невѣрующіе: то не излишни средства для распространенія вѣры. Если есть враждующіе противъ вѣры, и силящіеся поколебать ее: то не излишни средства для утверж-

[4]) По Евр. сборн.: знаменія или чудеса, ..

[5]) По Евр. сборн.: знаменія...

[6]) По Евр. сборн.: нѣкоторыхъ изъ нихъ...

денія вѣры. Но какъ невѣрующіе и враждующіе противъ вѣры, къ прискорбію и къ опасности вѣрующихъ, дѣйствительно въ наше время есть, и даже въ самомъ нѣдрѣ видимаго Христіанства, какъ змія въ пазухѣ: то должно ли, повторяю, заключить, что чудеса, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры, въ наше время уже не нужны?

Но, чтобы не угождать самонадѣяннымъ умствователямъ съ оскорбленіемъ истины, изслѣдуемъ ихъ мысль, что чудеса употребляются Богомъ, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры. Есть чудеса, которыя очевидно направлены къ распространенію вѣры. Таково, напримѣръ, *дарованіе языковъ*, или чудесно сошествіемъ Святаго Духа дарованная Апостоламъ способность говорить неизвѣстными имъ дотолѣ языками. Очевидно, что намѣреніе сего чуда было, дать всѣмъ народамъ ближайшую удобность услышать ученіе вѣры. Исторія Христіанства показываетъ, что дарованіе языковъ сильно дѣйствовало въ началѣ Христіанства, что посредствомъ онаго вѣра съ скоростію молніи проникла во всѣ народы міра; но что вскорѣ, когда каждый принявшій вѣру народъ началъ имѣть въ себѣ знающихъ ея ученіе, и могущихъ сообщать оное на природномъ языкѣ, при пособіи обыкновеннаго изученія языковъ, на которыхъ писали человѣки Божіи, чудесное дарованіе языковъ скрылось. Въ семъ случаѣ не безъ основанія утверждать можно, что чудо прекратилось, какъ уже не нужное. Но есть другія чудеса, которыя не столь тѣсно связаны съ распространеніемъ вѣры; которыя и тамъ, гдѣ вѣра уже распространена и утверждена, могутъ быть употреблены во благо и спасеніе человѣковъ. Таково, напримѣръ, дарованіе исцѣленій, или чудесная способность исцѣлять отъ болѣзней молитвою, словомъ, возложеніемъ рукъ, и при посредствѣ нѣкоторыхъ другихъ знаменій. Для чего Царь Езекія поднятъ со смертнаго одра чрезъ Пророка Исаію, и возвращенъ къ жизни на пятнадцать лѣтъ? Для того ли, чтобы слава о семъ знаменіи вѣры дошла до невѣрнаго Вавилона, и привлекла оттуда сколько ласкательное, столько же опасное посольство, которое ввело Царя въ искушеніе тщеславія и было случаемъ къ предсказанію страшныхъ событій? Не о семъ молился и плакалъ Езекія. *Господи*, взывалъ онъ, *помяни, яко истиною ходихъ предъ Тобою, и сердцемъ совершеннымъ, и угодная предъ очима Твоима сотворихъ.* И Богъ ему отвѣтствовалъ чрезъ Пророка: *услышахъ*

молитву твою, и видѣхъ слезы твоя: се Азъ исцѣлю тя (4 Цар. XX, 3. 5). Итакъ сіе знаменіе было со стороны Божіей дѣло непзреченнаго человѣколюбія и крайняго снисхожденія, въ отношеніи къ Езекіи награда вѣры и добродѣтели; для другихъ вѣрующихъ, но немощныхъ въ вѣрѣ, побужденіе къ крѣпкой вѣрѣ и упованію на Бога. Почему и Самъ Іисусъ Христосъ воскресилъ сына вдовицы Наинской? Евангелистъ не показываетъ иной сему причины, кромѣ той, что Господь сжалился надъ вдовицею. *Видѣвъ ю Господь, милосердова о ней* (Лук. VII, 13). Когда могутъ быть излишними такія чудеса, по такимъ побужденіямъ, для такихъ цѣлей? Когда Апостолъ Іаковъ, предписавъ *болящему призывать пресвитеры церковныя, да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне*, присовокупляетъ обѣщаніе, что *молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь* (Іак. V, 14. 15): что сіе значитъ, какъ не то, что онъ увѣковѣчиваетъ въ Церкви Христовой дарованіе исцѣленій, данное отъ Господа въ началѣ Апостоламъ? На время ли и Самъ Господь далъ вѣрующимъ сей законъ и сіе право: *вѣруяй въ Мя дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12)? *Вѣруяй—сотворитъ*: слѣдственно, доколѣ есть на земли вѣрующіе, дотолѣ должны быть творящіе дѣла Христовы, *и больша сихъ*, а въ числѣ сихъ великихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, заключаются и знаменія или чудодѣйствія. Скажемъ еще свободнѣе: какъ всегда есть Богъ, такъ всегда есть и чудеса: ибо какъ всегда Богъ существуетъ, такъ всегда же и дѣйствуетъ; если Онъ дѣйствуетъ, то очевидно есть дѣла Божіи: дѣла собственно Божіи суть чудеса. *Ты еси Богъ творяй чудеса* (Псал. LXXVI, 15)! Тщетно дерзновенное мудрованіе твари хочетъ похитить у Тебя сіе вѣчное преимущество и выраженіе Творческаго всемогущества. *Ты еси Богъ творяй чудеса* [7])!

Но если посему и нынѣ можно и должно быть чудесамъ,

---

[7]) По Евр. сборн.: доколѣ есть Богъ, дотолѣ непремѣнно есть и чудеса: ибо когда есть Богъ, то безъ сомнѣнія Онъ дѣйствуетъ; когда Онъ дѣйствуетъ, очевидно, что есть дѣла Божіи; дѣла собственно Божіи суть чудеса. *Ты еси Богъ творяй чудеса* (Псал. LXXVI. 15). Никогда твари не воспретятъ сего Творцу; ихъ буйство не переучитъ премудрости Твоея; ихъ дерзость не обезоружитъ Твоего всемогущества. *Ты еси Богъ творяй чудеса*!

*

отъ чего же мы ихъ не видимъ? Не станемъ изъяснять сего догадками, которыя обманчивы. Посовѣтуемся съ опытами, которые вѣрны.

Въ то время, которое всѣ называютъ временемъ знаменій и чудесъ, во время земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, видѣли ль знаменія? Были ль чудеса? Вы можете смѣяться надъ сими вопросами. Но спросите Фарисеевъ того времени, спросите вообще людей рода того: видѣли ль они знаменія? Были ль тогда чудеса?—Не видали; не было. Такъ по необходимости должно имъ отвѣтствовать. Ибо, если бы они видѣли знаменія: то на что бы имъ *искать знаменія*, и симъ исканіемъ *искушать Господа*, какъ они сіе дѣлали: *изыдоша Фарисеи, и начаша стязатися съ Нимъ, ищуще отъ Него знаменія съ небесе, искушающе Его* (Марк. VIII, 11)? Если не удостовѣряетъ васъ притворное исканіе Фарисейское: пусть удостовѣритъ васъ непритворный отказъ Іисусовъ. *Что*, глаголетъ Онъ, *что родъ сей знаменія ищетъ? Аминь глаголю вамъ, аще дастся роду сему знаменіе.* Если Онъ сказалъ, что не дастся чуда роду тому: то вѣрно такъ и сдѣлалъ, и потому не было чуда для рода того.

Что глаголеши Господи? Какъ *не дастся роду сему знаменіе?* Не далъ ли Ты ему безчисленныхъ Божественныхъ знаменій? Не слышиши ли, какъ исповѣдуетъ ихъ единъ отъ рода того: *никтоже можетъ знаменій сихъ творити, яже Ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. III, 2)? И что же, какъ не знаменія и чудеса, указуешь Самъ Ты ученикамъ Іоанновымъ: *слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, и глусіи слышатъ: мертвіи востаютъ, и нищіи благовѣствуютъ* (Матѳ. XI, 5)?

Что же все сіе значитъ? Мы думали разрѣшить вопросъ примѣромъ; но въ семъ примѣрѣ нашли новый мысленный узелъ. Видятъ знаменія и чудеса Христовы, и не видятъ ихъ; онѣ есть, и нѣтъ ихъ. Найдемъ концы сего узла: и все развяжется. Никодимъ видитъ чудеса Христовы. Фарисеи не видятъ ихъ. Немногимъ ученикамъ Іоанновымъ даетъ Господь многія знаменія: но роду тому или ни одного, или одно *знаменіе Іоны Пророка*, то есть, Свою крестную смерть и воскресеніе. Не трудно изъ сего усмотрѣть, что такъ должно быть и во всѣ времена. Для вѣрующихъ есть знаменія и чудеса, и они видятъ

ихъ: для невѣрующихъ частію не даются знаменія, частію и совершающихся чудесъ они не видятъ, какъ—бы ихъ не было.

Одна изъ причинъ, по которымъ чудеса бываютъ невидимы, находится въ самихъ Чудотворцахъ. Истинные Чудотворцы не любятъ показывать чудеса свои. Самъ Іисусъ Христосъ, Глава и совершеннѣйшій образъ чудотворцевъ, Который для того и пришелъ на землю, чтобы чрезъ Него человѣки познали спасительно чудодѣйствующую силу Божію, Который, дѣйствуя открыто для славы Божіей, не имѣлъ нужды остерегаться искушенія славы человѣческой, имѣя противъ сего искушенія силу и славу Божественную,—и Онъ однако не столько, по видимому, открывалъ, сколько сокрывалъ Свою чудодѣйственную силу. Кромѣ торжественно-обѣщаннаго и даннаго всему роду тому, или и всѣмъ родамъ и народамъ *знаменія Іоны Пророка*, то есть, чуда смерти и воскресенія Христова, которое необходимо нужно было поставить въ свѣтѣ и славѣ, какъ солнце на тверди чудесъ, и кромѣ немногихъ еще знаменій, каковы на примѣръ, воскрешеніе Лазаря и небесный гласъ надъ Сыномъ Божіимъ, прославляющій въ Немъ имя Божіе, въ которыхъ видна открытая торжественность чудодѣйствія, — большая часть чудесъ Христовыхъ совершена не только безъ усилія огласить оныя, но и съ нѣкоторымъ стараніемъ скрыть оныя. Исцѣлилъ прокаженнаго: и тотчасъ *глагола ему Іисусъ: виждь, никому же повѣждь* (Матѳ. VIII, 4). Воскресилъ дщерь Іаира, и когда родители дивились, и готовы были прославлять Его,—*Онъ же повелѣ има никому же повѣдати бывшаго* (Лук. VIII, 56). Преобразился на Ѳаворѣ во славу, предъ тремя только избранными учениками: но и симъ *сходящимъ съ горы заповѣда Іисусъ глаголя: никому же повѣдите видѣнія, дондеже Сынъ человѣческій изъ мертвыхъ воскреснетъ* (Матѳ. XVII, 9). Для чего такая скрытность?—Для того, чтобъ, по Его притчѣ, *не метать бисера предъ свиніями* (Матѳ. VII, 6), чтобы святыя дѣла Божіи не были оскорблены нечистыми и хульными устами грѣшниковъ или попраны презрѣніемъ невѣждъ;—для того, чтобы дѣйствію тайны, глаголанной ко уху, не повредить преждевременнымъ проповѣданіемъ на кровѣхъ;—для того, чтобы намъ оставить образъ, не вдаваться славѣ человѣческой, опасной для добродѣтели. Сей премудрой и святой скрытности чудодѣйствующаго Богочеловѣка, и по долгу, и по страху искушенія, послѣдуютъ

всѣ чудодѣйствующіе человѣки, во всѣ времена, во всемъ мірѣ Укажемъ на домашній примѣръ: пока жилъ Преподобный Сергій, хотя по нѣкоторымъ его дѣйствіямъ не укрылась въ немъ чудодѣйственная сила, но его важнѣйшее чудодѣйствіе, — воскрешеніе отрока, закрыто было строгою заповѣдію отцу воскрешеннаго.

Другая причина, по которой чудеса не только не бываютъ видимы, но и совсѣмъ не совершаются, есть невѣріе, или маловѣріе — или тѣхъ, которымъ надлежало бы совершать оныя, или тѣхъ, для которыхъ бы они совершались, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Сказано, что *вся возможна вѣрующему* (Марк. IX, 23): чрезъ сіе сказано и то, что маловѣрному мало возможно, а невѣрующему невозможно ничего такого, для чего нужна мощь, высшая человѣческой. Однажды Апостолы не могли изгнать бѣса. *Почто мы не возмогохомъ изгнати его?* вопрошали они Господа. *Іисусъ же рече имъ: за невѣрствіе ваше* (Матѳ. XVII, 19. 20). Но, что еще удивительнѣе, и Всесильный Господь Іисусъ, пришедъ нѣкогда во отечествіе Свое, *не сотвори ту силъ многихъ, за невѣрство ихъ* (Матѳ. XIII, 58). Не ужели и всемогущество изнемогаетъ противъ невѣрія? Нѣтъ! Оно всегда остается всемогуществомъ: но или ожесточенное сердце не пріемлетъ благодатной силы, подобно какъ грубый, неблагородный камень не пріемлетъ въ себя свѣта; или святая сила, по милосердой предосторожности, не прикасается къ недостойному, какъ огнь—къ соломѣ, чтобы она въ немъ не исчезла.

Сіи общія разсужденія о чудесахъ обратите, если угодно, въ особенности на наше время, и на себя самихъ.

Отъ чего мы не видимъ чудесъ?—Кто можетъ, пусть отвѣтствуетъ иначе: а мнѣ кажется, что мы по необходимости приведены къ сему отвѣту: не видимъ чудесъ, или рѣдко видимъ ихъ, или потому, что они скрываются отъ насъ, какъ недостойныхъ довѣренности, или потому, что и не совершаются по нашему невѣрію или маловѣрію.

Какъ чудодѣйствовать надъ нами молитвѣ, когда молитва наша и кратка, и хладна, и невнимательна, и не столько по вѣрѣ и сыновней любви къ Богу, сколько по нѣкоторой невольной покорности закону Его приносится?

Какъ чудодѣйствовать надъ нами слову духовному, когда сердце наше, какъ одичавшая нива плевелами, тѣсно засѣяно

и зарощено словами суеты, желаніями плоти, помыслами беззаконія?

Какъ чудодѣйствовать надъ нами таинствамъ, если мы приступаемъ къ нимъ только по неизбѣжной необходимости, безъ тщательнаго [s]) предварительнаго очищенія, безъ пламеннаго стремленія къ соединенію съ Богомъ? Апостолъ Павелъ, обличая Коринѳянъ въ недостойномъ причащеніи Тѣла и Крови Христовы, заключаетъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и усыпаютъ довольни* (1 Кор. XI, 30), то есть, многіе поражаются внезапною смертію за оскорбленіе святыни. Мнѣ кажется, для многихъ изъ насъ и то уже есть чудо милосердія Божія, если въ подобныхъ случаяхъ подобныя казни насъ не постигаютъ.

Прибѣгнемъ, братія, къ чудодѣйствующему непрестанно во спасеніе наше Господу, и каждый о всѣхъ, и всѣ о каждомъ, воззовемъ къ Нему со Апостолами: *Господи, приложи намъ вѣру* (Лук. XVII, 5). И потомъ уже съ Давидомъ: *сотвори со мною знаменіе во благо: и да видятъ ненавидящіи мя, и постыдятся, яко Ты, Господи, помогль ми и утѣшилъ мя еси* (Псал. LXXXV, 17). Аминь.

[s]) По Евр. сборн.: должнаго...

LXXXII.

53. Слово

предъ присягою для избранія судей [1])

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ).

Рече же Моисей· молюся ти, Господи; избери могуща иного, егоже послеши. Исх. IV, 13.

Такъ отрицался Моисей, когда избираемъ былъ въ представителя и вождя народа Израильскаго. Хотя избирающій былъ Богъ, всеблагій, слѣдственно избраніе безъ сомнѣнія имѣло цѣль благотворную,—всевѣдущій,—слѣдственно не могъ Онъ погрѣшить въ избраніи,—всемогущій,—слѣдственно могъ дать избираемому всѣ потребныя средства оправдать избраніе; хотя Богъ, открывая Свое избраніе, и спасительное намѣреніе сего избранія Моисею открылъ, и Свое присутствіе и помощь ему обѣщалъ, и познаніемъ Своего имени просвѣтилъ его, и чудодѣйственною силою вооружилъ: не смотря на все сіе Моисей отрицался отъ избранія. *Молюся Ти, Господи; избери могуща иного, егоже послеши.*

Но къ чему сіе теперь, думаютъ, можетъ быть, предстоящіе здѣсь, собравшіеся испросить отъ Бога помощь и произнести предъ Олтаремъ обѣтъ вѣрности въ начинающемся дѣлѣ избранія? Надобно ли, чтобы тѣ, на которыхъ падетъ избраніе, отреклись отъ избранія, и привели въ затрудненіе избирателей?

Знаю, что если бы всѣ отреклись отъ избранія въ должности начальниковъ и судей; то некому было бы начальствовать и судить, и жизнь общественная лишилась бы благородныхъ орудій, посредствомъ которыхъ она правильно движется и сохраняется

---

[1]) По Евр. сборн. значится произнесеннымъ въ Казанскомъ Соборѣ декабря 16.

отъ повреждения и разрушения. Но и напротивъ, должно знать, что если бы всѣ захотѣли начальствовать и судить; сіе вело бы къ тому, чтобы не было подчиненныхъ, слѣдственно и управленія, не было бы признающихъ надъ собою судъ, слѣдственно не было бы мѣста правосудію.

Между сими крайностями,—отъ которыхъ да сохранитъ насъ Богъ!—посмотримъ, не укажетъ ли намъ безопасной средины отреченіе Моисеево, которое однакожъ кончилось покорностію избранію, и не дастъ ли сей примѣръ полезныхъ наставленій, не только избираемымъ, но и самымъ избирателямъ.

Расположеніе избираемаго въ общественную должность можетъ быть троякое въ отношеніи къ избранію: или онъ ищетъ и домогается избранія, или уклоняется отъ онаго и убѣгаетъ, или, въ ожиданіи куда падетъ жребій избранія, остается равнодушнымъ и спокойнымъ.

Кто въ семъ случаѣ равнодушенъ и спокоенъ: того безпокоить и колебать не станемъ. Пусть его душевныя силы и склонности стоятъ въ безмятежномъ равновѣсіи. Желаемъ только, чтобы средоточіемъ, на которомъ сіе равновѣсіе должно покоиться, была довѣренность къ избранію видимому, но съ тѣмъ вмѣстѣ и невидимому жребію, который никогда не падаетъ слѣпо, и которому, примѣтно ли, не примѣтно ли, слѣдуетъ, слѣпой иногда, шаръ видимаго избирателя.

А кто ищетъ и домогается избранія въ общественныя должности, особенно высшія: тому не обинуясь скажемъ: вотъ къ чему приводится примѣръ Моисея; вотъ къ чему повторяются его слова: *избери могуща иного!*

Еще до избранія можно было примѣчать, а по избраніи открылось ясно, кто былъ Моисей, и къ чему Онъ былъ способенъ. Онъ былъ Мудрецъ и Пророкъ. Онъ былъ способенъ одною рукою и жезломъ, защитить цѣлый народъ угнѣтенный, отразить цѣлый народъ угнѣтающій. Онъ былъ способенъ не только руководствовать народъ, и судить по законамъ уже принятымъ, но и начертать, подъ непосредственнымъ руководствомъ Всевышняго Законодателя, новые законы, и ввесть ихъ въ употребленіе. Духъ его былъ чреватъ необъятновели кими дѣлами: а чувствовалъ себя малымъ и ничтожнымъ, подобно какъ желудь не знаетъ, что изъ него родится дубъ.

Таково свойство людей, истинно способныхъ, и душъ воз-

вышенныхъ. Чѣмъ больше ихъ способность, чѣмъ возвышеннѣе ихъ понятія и чувствованія: тѣмъ въ большемъ свѣтѣ, тѣмъ выше надъ собою, представляютъ они то, что называютъ совершенствомъ; слѣдственно тѣмъ далѣе отъ совершенства внутренно видятъ себя самихъ, тѣмъ менѣе на себя полагаются, тѣмъ болѣе смиряются, тѣмъ менѣе ищутъ видимаго возвышенія, и даже иногда уклоняются отъ онаго и убѣгаютъ. *Избери могуща иного!*

Желательно, чтобы въ сіе зеркало пристально посмотрѣлись отважные и неутомимые искатели начальственныхъ должностей, дабы лучше узнать, какимъ представляется образъ духа ихъ въ чистомъ свѣтѣ истины. Почему они усильно ищутъ начальствованія? Не потому ли, что сильно чувствуютъ свою способность къ оному? Но истина показываетъ, что присутствіе отличной способности оказывается совсѣмъ инымъ, даже противоположнымъ тому образомъ. Испытатель природы спокойно разсматриваетъ луну, опредѣляетъ ея путь, изслѣдываетъ свойства и дѣйствія; младенецъ со слезами требуетъ, чтобы ее сняли съ неба, и дали ему въ руки: отъ избытка ли способности происходитъ въ семъ случаѣ нетерпѣливое желаніе?

Нѣтъ ли такихъ искателей права начальствовать или судить, которые не затрудняютъ себя заботливымъ размышленіемъ, способны ли они начальствовать, или судить, а довольствуются пріятными мыслями, что будутъ носить почетныя званія начальниковъ, или судей, достигать преимуществъ, пользоваться выгодами? Не станемъ и мы, если такъ имъ угодно, затруднять ихъ дальнимъ изслѣдованіемъ ихъ образа мыслей; удовольствуемся подать имъ легко понимаемую мысль, что судъ не есть торговля, и почетныя званія и преимущества учреждены для должностей, достоинствъ, заслугъ, а не для тщеславія.

Если не принимаемъ труда размышлять: примемъ по крайней мѣрѣ готовое размышленіе и совѣтъ, который давно для насъ обдумалъ мудрый и опытный мужъ. *Не проси у Господа владычества, ниже отъ Царя сѣдалища славы.—Не ищи, да будеши судія, егда не возможеши отъяти неправды: да не когда убоишися лица сильнаго, и положиши соблазнъ въ правости твоей* (Сир. VII, 4. 6).

Впрочемъ, кто и *не ищетъ, да будетъ судія*, и даже уклоняется отъ начальствованія: и тому, чтобы симъ безопаснымъ,

повидимому, путемъ, не уклонился онъ въ соблазнъ, и не впалъ въ неправду, не безполезно указать надежнаго предшественника въ пути отреченія, опять того же, который сказалъ: *изберн могуща иного.*

Почему отрицается Моисей отъ избранія? Не потому ли, что имѣетъ много собственныхъ дѣлъ, которыя даетъ ему возрастающее семейство его, управляемое имъ хозяйство сродника, и нужда помышлять о устроеніи собственнаго хозяйства?—Нѣтъ. Не потому ли, что сей воспитанникъ дочери Фараоновой, бывъ такъ близко къ престолу, и добровольно удалясь отъ него, находитъ послѣ сего уже скучнымъ, или низкимъ для себя, предводительствовать не славнымъ племенемъ скотопитателей и плиноводѣлателей?—Нѣтъ. Стараясь отклонить избраніе отъ себя *иному могущему*, онъ признаетъ чрезъ сіе свою немощь, и на семъ признаніи основываетъ свое отреченіе. Притомъ онъ не отвергаетъ избранія дерзновенно и упорно: а проситъ освобожденія отъ онаго кротко и смиренно: *молюся Ти, Господи!* Какъ же скоро Всевышній Избиратель явилъ Себя непреклоннымъ въ Своемъ изволеніи: тотчасъ избранный преклонился предъ Его судьбою, пошелъ, и оправдалъ избраніе.

Такъ люди достойные оказываютъ въ себѣ новое достоинство, когда отрекаются отъ достоинства. Они уклоняются отъ общественныхъ должностей не потому, что находятъ ихъ не довольно сообразными съ своею личною пользою, не довольно пріятными, не довольно почетными: но по чистому смиренію. Они не смѣютъ принять избранія, когда оно приближается: но также не смѣютъ не принять избранія, когда оно совершилось.

Судите посему, на правомъ ли пути тотъ, кто безъ особенной нужды, по желанію только собственной выгоды, или покоя, убѣгаетъ отъ дѣлъ общественныхъ къ своимъ личнымъ и домашнимъ. Скажите, благородные и просвѣщенные мужи, просвѣщенный ли то образъ мыслей, благородный ли то образъ чувствованій, если для меня мое важнѣе общественнаго, и я дороже отечества? Неужели я удобнѣе могу обойтись безъ общества, нежели общество безъ меня? Могутъ ли быть устроены и приведены въ безопасность мои дѣла, если общественныя будутъ пренебрежены и допущены до разстройства?

Какъ не высока и сія мысль, когда нѣкоторые люди, нѣкоторыя степени общественнаго избирательнаго служенія находятъ

низкими для себя, и потому не принимаютъ избранія! О, Боже Всевышній! Какъ же для Тебя не низко управлять симъ дольнимъ міромъ? *Что есть человѣкъ, яко помниши его? Или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его* (Псал. VIII, 5)? Если бы Ты положилъ въ умѣ Твоемъ, что сіе низко: Ты бы его забылъ, и онъ изчезъ! Но когда для Всевышняго Бога не низко, помнить и посѣщать, хранить и терпѣть, миловать и спасать сію бренную и грѣшную, и потому конечно весьма низкую, тварь: ты, сынъ человѣческій, который думаешь, что пещись о нѣкоторыхъ подобныхъ тебѣ человѣкахъ, и даже начальствовать надъ ними, для тебя низко,—не ужели ты выше Всевышняго?

Кто любитъ высокое: тотъ пусть узнаетъ истинное средство сдѣлать высокимъ свое общественное служеніе. *Иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти: да будетъ вамъ слуга* (Матѳ. XX, 26).

Сего, по скудости нашей, довольно для избираемыхъ. Обратимъ остатокъ слова на избирающихъ.

Не разъ Моисей отрицался отъ избранія: даже до того, что за сіе *разгнѣвался яростію Господь на Моисеа* (Исх. IV, 14). Но гнѣвъ на отрицаніе не побѣдилъ благоволенія къ достоинству: и отрицаніе избираемаго не воспрепятствовало Всевышнему Избирателю совершить дѣло избранія. Моисей отрицался; напротивъ того Корей, Даѳанъ, Авиронъ, съ цѣлымъ сонмомъ единомысленниковъ, домогались: отрицавшійся избранъ, а домогавшіеся отвержены.

На сіи *образы, прилучавшіеся древнимъ, а написанные въ наставленіе наше*, взирайте, благонамѣренные избиратели, внимательно: и поучайтесь важному дѣлу избранія. Для великаго ли, для малаго ли общества, не малая разница, Моисея избрать, или Корея. Старайтесь узнать Моисея, или ему подобныхъ: умѣйте отъ нихъ различить Корея, или его подражателей. Не рѣдко Моисей убѣгаетъ и скрывается: надобно найти его, и узнать достоинство сквозь покровъ скромности и смиренія. Можетъ случиться, что онъ будетъ отрицаться отъ избранія: не должно тотчасъ мстить за сіе отверженіемъ, должно разсудить спокойно, справедливѣе ли уважить отрицаніе, или полезнѣе настоять на избраніе. Корей, напротивъ, ходитъ изъ кущи въ кущу; набираетъ соумышленниковъ для своего избранія; старается предупредить въ свою пользу *начальниковъ сонма*, и для всѣхъ простираетъ сѣти льстивыхъ речей, *яко весь сонмъ, вси святи*

(Числ. XVI, 3): будьте осторожны, не дайте уловить себя. Избирайте не того, кто ищетъ должности, но кого должность ищетъ. Дайте обществу вѣрныхъ блюстителей порядка и правосудія: а не предайте общества искателямъ власти, либо корысти.

Какое доброе учрежденіе, какая довѣренность верховной Власти къ сословіямъ подданныхъ, когда имъ даровано право [2]) избирать для себя непосредственныхъ блюстителей порядка и правосудія изъ среды себя! Упрочьте доброе учрежденіе добрымъ исполненіемъ; оправдайте довѣренность; употребите данное право [3]) такъ, чтобы верховная Власть не имѣла причины раскаяваться, даровавъ оное. *Усмотрите себѣ*, скажу наконецъ съ однимъ изъ древнихъ совѣтниковъ, усмотрите себѣ *мужи сильны, Бога боящіяся, мужи праведны, ненавидящія гордости* (Исх. XVIII, 21).

Въ намѣреніи таковаго избранія произнесите нынѣ обѣтъ вашъ предъ сердцевѣдцемъ Богомъ. Онъ, непогрѣшительный во временномъ, какъ въ вѣчномъ своемъ избраніи, да благословитъ и совершитъ предпріемлемое избраніе, ко благу всѣхъ и каждаго. Аминь.

---

[2]) По Евр. сборн.: какая для нихъ свобода, когда имъ дано право....
[3]) По Евр. сборн.: свободу....

LXXXIII.

54. Рѣчь

при всенародномъ открытіи, хранящагося въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, завѣщательнаго акта въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, о назначеніи на наслѣдственный Всероссійскій Престолъ Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича Императора и Самодержца Всероссійскаго.

(Говорена декабря 18 дня, напечатана отдѣльно, и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1825 года и въ собраніяхъ 1835, 1844 и 1848 годовъ).

По собраніи въ большомъ Успенскомъ Соборѣ Правительствующаго Сената, Военныхъ и Гражданскихъ Чиновъ и народа, Архіепископъ Московскій, въ полномъ облаченіи, въ предшествіи прочаго духовенства, вышелъ изъ святаго Олтаря, неся надъ головою сребряный ковчегъ, остановился у приготовленнаго на предъолтарномъ Амвонѣ стола, и, имѣя предъ собою ковчегъ, говорилъ

Внимайте, Россіяне!

Третій годъ, какъ въ семъ Святомъ и освящающемъ Царей Храмѣ, въ семъ ковчегѣ, который вы видите, хранится великая воля Благословеннаго Александра, назначенная быть послѣднею Его волею. Ему благоугодно было закрыть ее покровомъ тайны: и хранители не смѣли прежде времени коснуться сего покрова.

Прошла послѣдняя минута Александра; настало время искать Его послѣдней воли: но мы долго не знали, что настало сіе время.

Внезапно узнаемъ, что Николай, съ наслѣдованною отъ Александра кротостію и смиреніемъ, возводитъ старѣйшаго Брата; и въ тоже время повелѣваетъ положить новый покровъ тайны на Хартію Александра.

Что намъ было дѣлать? Можно было предугадывать, какую тайну заключаетъ въ себѣ Хартія, присоединенная къ прежнимъ Хартіямъ о наслѣдованіи Престола. Но не льзя было не усмо-

трѣть и того, что открыть сію тайну въ то время, значило бы раздрать на двое сердце каждаго Россіянина. Что же намъ было дѣлать?

Ты видишь, Благословенная Душа, что мы не были невѣрны Тебѣ: но вѣрности нашей не оставалось инаго дѣла, какъ стеречь сокровище, которое не время было вынести на свѣтъ,— какъ оберегать молчаніемъ то, что не позволено было провозгласить. Надлежало въ семъ ковчегѣ, какъ бы во гробѣ оставить Царственную тайну погребенною, и Небесамъ предоставить минуту воскресенія.

Царь Царствующихъ послалъ сію минуту. Теперь ничто не препятствуетъ намъ сокрушить сію печать, раскрыть сей, Государственную жизнь сокрывающій, гробъ Великая воля Александра воскреснетъ.

Россіяне! двадцать пять лѣтъ мы находили свое счастіе въ исполненіи Державной воли Александра Благословеннаго. Еще разъ вы ее услышите, исполните, и найдете въ ней свое счастіе.

Послѣ сего снята съ ковчега печать, вынутъ изъ него пакетъ, и по освидѣтельствованіи на немъ печати и собственноручной надписи въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, открытъ и прочитанъ Архіепископомъ Высочайшій Манифестъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича съ приложеннымъ при немъ оригинальнымъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отреченіемъ отъ права на наслѣдованіе Престола. За симъ приступлено къ присягѣ на вѣрность подданства Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, съ установленною торжественностію.

LXXXIV.

55. Слово

къ новоизбраннымъ судіямъ предъ произнесеніемъ присяги [1]).

(Напечатано въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.)

Боящіися Господа обрящутъ судъ, и оправданія, яко свѣтъ, возжгутъ. Сир. XXXII, 18.

Избраніе искало судей, и обрѣло ихъ: теперь избраннымъ судіямъ надлежитъ искать суда, и — о, если бы они *обрѣли судъ, и оправданія, яко свѣтъ, возжгли!* О, если бы нашли они для себя, и употребили для общества, такое искусство судить, чтобы оправданіе невиннаго, и обвиненіе виновнаго, ясно было, какъ свѣтъ; чтобы вѣрное познаніе истины возжигало въ нихъ самихъ живую ревность къ порядку и благу общественному, и распространяло сей священный огнь во всемъ кругѣ ихъ дѣйствованія!

Народъ ищетъ суда у поставленныхъ судей: гдѣ же поставленнымъ судіямъ искать суда, такъ чтобы онъ былъ у нихъ готовъ для всякаго человѣка, для всякаго дѣла, для всякаго случая? Не въ законахъ ли? Безъ сомнѣнія, всего ближе искать онаго тамъ Ибо для чего и написаны законы, если не для того, чтобы судіи обрѣтали въ нихъ готовый судъ, который бы оставалось имъ только прилагать къ извѣстнымъ лицамъ, дѣламъ и случаямъ?

Но мнѣ кажется, что исканіе суда въ близкомъ, по видимому, хранилищѣ, каковы суть книги законовъ, не безъ затрудненія

[1]) По Евр. сборн. значится произнесеннымъ въ Чудовѣ Монастырѣ, декабря 26.

для судіи новопоставленнаго. Чтобы обрѣтать судъ въ законахъ, надлежитъ изучить ихъ; но вѣроятно, что не каждый новоизбранный судія изучилъ законы предварительно, такъ какъ не каждый предназначалъ себя къ званію судіи: какъ же скоро кто избранъ въ сіе званіе, онъ долженъ тотчасъ вступить, не въ училище судей, а въ самое судилище; а судилище не позволяетъ судить сперва, какъ случится, доколѣ научатся судить, какъ должно. Кромѣ сего, разнообразное множество законовъ не рѣдко затрудняетъ и свѣдущихъ и опытныхъ въ законоискусствѣ; а ежедневно раждающіеся новые законы, въ изъясненіе и дополненіе прежнихъ, показываютъ, что разнообразіе дѣлъ и случаевъ, простираясь гораздо далѣе разнообразія законовъ, ежедневно представляетъ, и будетъ представлять, новыя дѣла и случаи, на которые готоваго суда въ законахъ не находится.

Гдѣ же поставленнымъ судіямъ искать болѣе готоваго суда? Не въ здравомъ ли разумѣ? Подлинно, разумъ судилъ людей, когда ни одного закона не было еще написано; потомъ разумъ же написалъ законы для суда; и наконецъ въ тѣхъ, которые обязаны судить по законамъ писаннымъ, живетъ еще тотъ же человѣческій разумъ, который произвелъ всѣ человѣческіе законы.

Но мнѣ кажется, и въ разумѣ, хотя каждый носитъ съ собою сію сокровищницу истины, — и въ собственномъ разумѣ найти готовый судъ не безъ затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы удобно было каждому судіи обрѣтать судъ въ собственномъ разумѣ: то не для чего было бы писать законы. Поелику же найдено нужнымъ написать законы: то сіе показываетъ, что найдено неудобнымъ почерпать судъ изъ одного собственнаго разума: такъ какъ сей источникъ у иныхъ не открытъ, у иныхъ безводенъ, у иныхъ наполненъ бреніемъ, или засыпанъ прахомъ, то есть, инымъ недостаетъ образованія, инымъ способности, у иныхъ предразсудки или страсти заглушаютъ здравый смыслъ и естественное чувство справедливости. Законъ есть опытомъ утвержденный разумъ не одного человѣка, но правительства, цѣлаго народа, многихъ поколѣній: какъ можетъ сравниться съ нимъ личный разумъ одного какого либо человѣка? Законъ тѣмъ чище видитъ умственно, тѣмъ вѣрнѣе показываетъ отрѣшенную истину суда, что онъ не развлекается видомъ чувственной личности подсудимыхъ и прикосно-

венныхъ къ суду; для него нѣтъ [2]) ни лица сильнаго, ни врага, ни друга, ни даровъ: напротивъ того личный разумъ судіи тѣмъ удобнѣе ослѣпляется духовно, чѣмъ болѣе видитъ чувственно; при видѣ сильнаго возмущается страхомъ, для друга смягчается, и, думая снисходить, впадаетъ въ слабость; на врага раздражается, и строгость простираетъ до жестокости; дарами прельщается, и, преслѣдуя воздаяніе, непримѣтно теряетъ изъ вида правосудіе.

Гдѣ же и легко, и вѣрно, найдутъ судіи судъ законный, при обыкновенныхъ неудобствахъ со стороны законовъ, благоразумный при обыкновенныхъ несовершенствахъ человѣческаго разума? Кто постигнетъ сію тайну суда? Кто, подобно Высочайшему и Совершеннѣйшему Судіи Богу, *изведетъ, яко свѣтъ, правду*, которую затьмѣвать между человѣками соединяются искусство и невѣдѣніе, сила и немощь, живущая въ судіи страсть и мертвый разумъ законовъ? Да не оскорбятся законовѣдцы и мудрецы; но паче да вразумятся; не ихъ собственно званію повѣряетъ Верховный Судія великую тайну суда; есть другое, болѣе дѣйствительное званіе, тайныхъ Его совѣтниковъ, званіе боящихся Господа. *Боящіися Господа обрящутъ судъ, и оправданія, яко свѣтъ, возжгутъ.*

Боящійся Господа имѣетъ законъ, въ которомъ все множество законовъ заключается, все разнообразіе законовъ согласуется. Ибо если цѣль всѣхъ законовъ есть правда, порядокъ, благо; и если всеобщее основаніе всякаго блага, порядка, правды лежитъ во благой, премудрой и святой волѣ Божіей: то всеобщее основаніе и корень законовъ есть не дѣлать и не попускать ничего противнаго волѣ Божіей, а сіе-то и есть бояться Господа.

Боящійся Господа находится у самаго источника разума и премудрости: поелику *начало премудрости страхъ Господень.*

Боящійся Господа въ судѣ не страшится сильнаго: ибо страшенъ ли стукъ колесницы во время грома? И старшій между рабами великъ ли въ присутствіи царевомъ?

---

[2]) По Евр. сборн.: Законъ тѣмъ чище видитъ, тѣмъ вѣрнѣе показываетъ духовную истину суда, что совершенно слѣпъ онъ для чувственной личности подсудимыхъ и прикосновенныхъ къ суду и для разныхъ околичностей; не видитъ онъ...

Боящійся Господа не повредитъ суда по любви къ другу или по ненависти къ врагу: поелику онъ никого не любитъ паче Бога, и по любви къ Нему храпитъ судъ; а враговъ онъ не имѣетъ, потому что, боясь Бога, боится и закона Божія, повелѣвающаго любить враговъ.

Боящійся Господа въ судѣ не прельстится дарами: поелику онъ боится потерять благодать Божію и Царство небесное; гдѣ же найти такое сокровище, для котораго бы онъ могъ рѣшиться на такую потерю?

Такъ важенъ для праваго суда и правосуднаго начальствованія страхъ Господень. Посему-то, пріявшіе жребій общественныхъ служеній судебныхъ и начальственныхъ, посему-то и поспѣшаютъ васъ оградить страхомъ Господнимъ, чрезъ священную клятву предъ Словомъ Господа, предъ крестнымъ изображеніемъ Господа, предъ олтаремъ Господа, предъ лицемъ невидимаго, по видящаго сердца и помышленія Господа.

Со страхомъ Божіимъ приступите къ клятвѣ: съ усугубленнымъ клятвою страхомъ Божіимъ отъидите на служенія ваши. Страхъ Господень да вспомоществуетъ вамъ *обрѣтать судъ, и оправданія возжигать, яко свѣтъ*. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВА и РѢЧИ,

НАПЕЧАТАННЫЯ

ПРИ ЖИЗНИ ПРОПОВѢДНИКА, НО НЕ ВНЕСЕННЫЯ ВЪ СОБРАНІЯ 1844, 1848 И 1861 ГОДОВЪ.

(Находящееся здѣсь слово взято для печати изъ журн. „Христіанское Чтеніе“).

1824 годъ.

LXXXV.

24. Слово

въ день Святыя Пасхи.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ апрѣля 6 дня, напечатано отдѣльно и въ Христіанскомъ Чтеніи 1836 года).

Христосъ воскресе!

Воистину *вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Своихъ* (Псал. CXLIV, 13). Сказалъ ученикамъ, отходя на вольное страданіе: *паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. XVI, 22); и вотъ, послѣ страданія, смерти и воскресенія, когда дѣло Его на землѣ совершено, когда самая плоть не удерживаетъ Его на землѣ, будучи освобождена отъ смертности, когда во всемъ существѣ Своемъ Онъ чувствуетъ стремленіе взыти къ Отцу Своему небесному, *восхожду*, говоритъ, *ко Отцу Моему* (Іоан. XX, 17),— Онъ медлитъ однако на землѣ, чтобы дать обѣщанную радость Своимъ земнымъ братіямъ. Является ученицамъ, которыя одержимы были то печалію, то страхомъ; и врачуетъ болѣзни сердецъ ихъ словомъ радости: *се Іисусъ срѣте я, глаголя: радуйтеся* (Матѳ. XXVIII, 9). Является ученикамъ, которые отъ невидимой брани сатаны, *просившаго, дабы сѣялъ* ихъ, *яко пшеницу* (Лук. XXII, 31), и отъ видимаго нападенія Іудеевъ, обратились было въ бѣгство, разсыпались, скрылись; и прекращаетъ опасности брани вѣстію мира: *пріиде Іисусъ, и ста посредѣ, и*

глагола имъ: миръ вамъ (Іоан. XX, 19) Точно, по Его предсказанію, они видятъ Его, и сердце ихъ радуется: *возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа* (Іоан XX, 20). Если же хотите видѣть и то, что радость ихъ точно неотъемлема· посмотрите, какъ сіи люди, которые недавно собственнымъ малодушіемъ побѣждены были, прежде нежели сдѣланное на ихъ Учителя нападеніе дошло до нихъ, изъ которыхъ самый твердый отъ ничего незначущаго слова рабыни, какъ листъ отъ вѣтра востресталъ и палъ,—какъ послѣ сіи же люди идутъ изъ верховнаго судилища своей земли, получивъ отъ него раны и запрещеніе говорить о имени Іисуса: *они же убо идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. V, 41).

Что радость воскресенія Христова никѣмъ и никогда неотъемлема у тѣхъ, которымъ даруетъ ее Воскресшій, не можно ли видѣть и теперь на самомъ опытѣ, когда послѣ столь многихъ оборотовъ временъ, послѣ столь различныхъ перемѣнъ людей, родовъ и народовъ, и нынѣ, также какъ въ первый свой день, она жива, полна и совершенна въ сердцахъ истинно вѣрующихъ?

Блаженъ, чье сердце обрѣло неотъемлемую радость Воскресшаго Спасителя своего, и не теряетъ ея! Ибо всегда имѣетъ сію радость соборъ всѣхъ учениковъ Христовыхъ, или однимъ словомъ, Церковь: но каждый ученикъ въ особенности, или что тоже, каждый членъ Церкви, можетъ имѣть оную, и не имѣть, можетъ найти ранѣе и позже: такъ изъ самыхъ Апостоловъ Ѳома осмью днями позже прочихъ обрѣлъ полную радость воскресенія Христова. Никакою силою не можетъ быть отнята сія радость у тѣхъ, которые благоразумно и крѣпко хранятъ ее въ сердцахъ своихъ: но воленъ безразсудный промѣнять сію безцѣнную Божественную радость на какую нибудь мірскую [1]), ничтожную, или потерять оную нерадѣніемъ.

Христіане! если судить по признакамъ наружнымъ: то можно заключить, что мы всѣ, или по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ наибольшая часть, обрѣли радость воскресенія. Она въ нынѣшнюю священную полночь просвѣтила всю Церковь полуденнымъ свѣтомъ, дала каждому изъ насъ горящій свѣтильникъ, и поставила насъ въ чинѣ мудрыхъ дѣвъ, исходящихъ во срѣтеніе Жениху

[1]) Въ отд. изд.: радость мірскую,...

небесному; она почти всему Богослуженію нашему даетъ нынѣ образъ торжественнаго пѣнія и воскликновеній; она цвѣтетъ на лицахъ, на одеждахъ, часто является написанною на устахъ, и запечатлѣвается лобзаніями.

Пріятныя знаменія: но той ли точно радости, которую обѣщалъ Виновникъ нашей радости? Есть ли въ нашей радости тотъ признакъ истинной радости, что она неотъемлема: *радости вашея никтоже возметъ отъ васъ?* Продолжится праздникъ; и, можетъ быть, продолжится только въ томъ, что мы будемъ оставаться праздными отъ дѣлъ общественнаго званія, и отъ тѣлесныхъ работъ, или еще обратимся къ упражненіямъ неблагороднымъ, къ удовольствіямъ чувственнымъ, къ забавамъ суетнымъ; а не въ томъ, чтобы мы, упразднясь отъ всякаго заботливаго или пристрастнаго занятія тварями, празднымъ отъ чувственныхъ впечатлѣній умомъ принимали свѣтъ Божій чрезъ молитву и духовное ученіе, и неработающимъ никакому земному вожделѣнію сердцемъ успокоивались въ любви Божіей, посредствомъ вѣры и надежды. Пройдетъ праздникъ; настанутъ будни, которыя будутъ насъ рано будить на дѣла мірскія и плотскія, для потребностей и выгодъ нашей смертной жизни: тогда, можетъ быть, радость воскресенія не только воздремлетъ, но и умретъ въ сердцѣ нашемъ, и погребена будетъ въ прахѣ и бреніи житейскихъ попеченій. Не должны ли мы признаться, что можетъ сіе случиться съ нами? А если такъ: то должно признать, что нынѣшняя обыкновенная радость наша есть не болѣе, какъ видимый, несовершенный образъ, или только тѣнь истинной, внутренней, совершенной, неотъемлемой радости, которую даруетъ Воскресшій Господь вѣрнымъ рабамъ, или изъ рабовъ избраннымъ другамъ своимъ. Блаженъ, скажу паки, кому даровано *внити въ* сію *радость Господа своего* (Мат. XXV, 21); кто и тогда, какъ угасаютъ праздничные свѣтильники, не остается во мракѣ духомъ своимъ; и тогда, какъ умолкаетъ торжественное пѣніе, не престаетъ *воспѣвать и пѣть въ сердцѣ своемъ Господеви* (Ефес. V, 19)!

Можетъ быть, завидуя ли тѣмъ, которые наслаждаются сею безсмертною радостію, или сожалѣя о тѣхъ, которые лишаются столь вожделѣннаго наслажденія, кто нибудь спроситъ: почему же не всѣмъ дарована сія радость?—Отвѣтствую: единственный Виновникъ всеобщей радости съ Своей стороны предоставляетъ

ее всѣмъ безъ изъятія; поелику Онъ за всѣхъ умеръ, и для всѣхъ воскресъ, а потому и плодъ Его смерти и воскресенія,— безсмертная радость есть достояніе всеобщее: но не всѣ достигаютъ того, что всѣмъ предоставлено; не всѣ вступаютъ въ обладаніе всеобщимъ достояніемъ.—Можно ли, кажется, не воспользоваться благомъ, которое предлагаютъ, и отдаютъ во власть?— Но нѣтъ мѣста сомнѣнію о томъ, что видно на самомъ дѣлѣ. И Ѳомѣ прочіе Апостолы преподавали радость воскресенія: но онъ сказалъ: *не имѹ вѣры* (Іоан. XX, 25); и тѣмъ самымъ не принялъ радости дотолѣ, какъ наконецъ дивный въ правдѣ и милости Господь, наказавъ малое невѣріе краткимъ лишеніемъ радости, но видя, что при всѣмъ томъ Ѳома не уклоняется отъ прочихъ учениковъ Его, и отъ слова Его, и отъ любви Его, явился особенно для Ѳомы; позволилъ ему собственными, такъ сказать, руками взять радость воскресенія изъ живоносныхъ ранъ воскресшаго тѣла; обратилъ кратковременное невѣріе въ вѣчное доказательство истины, и осквернепныя словомъ невѣрія уста Апостольскія очистились сильнымъ исповѣданіемъ вѣры: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. XX, 28)!

Сіе приключеніе Ѳомы подаетъ случай къ новому вопросу: почему бы и для многихъ не употребить тогоже средства удостовѣренія и обрадованія, какое для него употреблено, то есть, ощутительнаго присутствія или очевиднаго откровенія Воскресшаго, такъ какъ Онъ Самъ радость полагаетъ непосредственнымъ дѣйствіемъ Своего присутствія: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше* (Іоан. XVI, 22)? Вопросъ дерзновенный! Кто можетъ требовать отъ Господа отчета въ образѣ Его дѣйствованія, или дать сей отчетъ вмѣсто Его? И гдѣ же возмемъ мы отвѣтъ, который однако нуженъ для укрощенія дерзости нѣкоторыхъ вопрошающихъ, гораздо болѣе, нежели Ѳома, зараженныхъ невѣріемъ? Слышу почти тотъ же вопросъ, о которомъ говоримъ, изъ устъ Апостоловъ: *Господи, и что бысть, яко намъ хощеши явитися, а не мірови* (Іоан. XIV, 22)? Что лучше, какъ услышать на сіе отвѣтъ изъ устъ Господа? Но и Онъ не даетъ прямаго на сіе отвѣта; и Апостолы, когда славу совершившагося воскресенія міръ хотѣлъ затмить ложью и клеветою, не вопрошали уже Господа, почто не является Онъ міру. Странное дѣло! Вопросъ предложенъ; отвѣта не дано; и однако видно, что вопросъ разрѣшился; ибо въ другой разъ не предлагали его

и тогда, когда крайняя нужда того требовала. Какъ же онъ разрѣшился? Остается догадываться, что онъ разрѣшился для Апостоловъ, какими либо другими наставленіями Господа, просвѣщеніемъ отъ Духа Святаго и самымъ опытомъ чудесныхъ дѣйствій и явленій Господа. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что Господь явился бы, на примѣръ, той самой Синагогѣ, которая изъ зависти предала Его на смерть. Думаете ли, что такая очевидность воскресенія обратила бы ее къ вѣрѣ, и привела ко спасенію? Напрасно! Противное сему дознано уже опытомъ. Воскресеніе Лазаря совершилось всенародно, и воскресшаго Лазаря могъ видѣть всякой, кто хотѣлъ. Но какое дѣйствіе произвела сія очевидность воскресенія въ членахъ Синагоги?—Они только болѣе ожесточились въ злобномъ невѣріи. *Совѣщаша же Архіереє, да и Лазаря убіютъ* (Іоан. XII, 10). Итакъ Господь не хотѣлъ явиться имъ, и другимъ подобнымъ не является, потому, что сіе для закоснѣвшихъ въ невѣріи было бы безполезно, и послужило бы имъ только къ большему ожесточенію и къ тягчайшему осужденію. Или предположимъ, если угодно, что и они, будучи поражены зрѣніемъ Воскресшаго Іисуса, были бы принуждены нарещи Его своимъ Господомъ. Что же бы послѣдовало?—Вмѣстѣ съ Петромъ, который такъ восхваленъ за исповѣданіе Христа Сына Божія, вы увидѣли бы Христовымъ исповѣдникомъ и Каіафу, изобрѣтателя Христоубійства; онъ пришелъ бы такимъ образомъ въ царство Христово, не какъ покаявшійся и желающій исправленія грѣшникъ, но какъ уловленный преступникъ, не имѣющій, куда убѣжать. Такихъ ли сыновъ царствія ожидаетъ царствіе небесное, которыхъ и земное царство не признаетъ достойными себя членами, когда знаетъ ихъ расположеніе? Итакъ премудръ Господь въ томъ, что не хощетъ до времени явиться міру въ славѣ Своего воскресенія: Онъ даетъ о Себѣ столько знаменій, чтобы желающіе могли познать и обрѣсти Его; но не поражаетъ всѣхъ чудесами, чтобы съ достойными сынами царствія, пріемлющими Его искренно и свободно, не смѣшать неключимыхъ рабовъ, только принужденно и притворно покаряющихся. О семъ предварилъ Онъ Апостоловъ, когда сказалъ: *не пріидетъ царствіе Божіе со усмотреніемъ* (Лук. XVII, 20). Наконецъ можно еще полагать не безъ основанія, что Господь щадитъ сыновъ міра, когда имъ не является. Ибо можетъ ли сухая трава также выдержать при-

сутствіе огня, какъ выдерживаетъ золото, которое имъ очищается и совершенствуется? Не превратитъ ли онъ ее мгновенно въ пепелъ и прахъ? Подобно сему присутствіе Божественнаго Іисуса, которое слабыхъ въ вѣрѣ укрѣпляетъ, вѣрныхъ и праведныхъ болѣе и болѣе очищаетъ и просвѣщаетъ, если бы открылось невѣрующимъ и тлѣющимъ во грѣхахъ, не попалило ли бы ихъ, и не разрушило ли бы своею чистотою и силою? Что сразитъ самаго сильнаго противника Христова, *егоже есть пришествіе по дѣйству сатанину во всякой силѣ и знаменіихъ и чудесѣхъ ложныхъ* (2 Сол II, 9)? Какая высочайшая сила? Какое Божественное оружіе? Одно дыханіе, или слово устъ, одно присутствіе Господа Іисуса: *Господь Іисусъ убіетъ духомъ устъ Своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего* (2 Сол. II, 8). Въ Савлѣ гонителѣ Христіанства скрытъ уже былъ избранный сосудъ Христовъ: но и онъ едва не разрушился [2]), когда сила явленія Христова нечаянно коснулась его, прежде нежели онъ былъ приготовленъ къ тому. Отъ свѣта Христова онъ палъ на землю, трепеталъ, ужасался, и отверстыми очами никого не видѣлъ.

Перестань, сынъ персти, дерзновенно искушать и раздражать Господа славы состязаніемъ съ Нимъ, почто не является Онъ для твоего удостовѣренія или утѣшенія; обрати вопросъ твой на себя, и себя истяжи: что дѣлаетъ тебя не способнымъ принять Его радостотворное явленіе, и что можетъ тебя приготовить къ сему, и сдѣлать сего достойнымъ? Сей вопросъ правиленъ: и потому есть на него прямый и ясный отвѣтъ Божественнаго Учителя, преданный намъ Его Богодохновенными учениками. *Аще кто любитъ Мя*, сказалъ Онъ, *слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Вотъ законъ и чинъ блаженнотворныхъ посѣщеній Божественнаго Спасителя! Какъ стеклянный сосудъ, дабы выдержать сильный жаръ, долженъ быть чистъ и согрѣтъ постепенно: такъ удобосокрушимый составъ естества человѣческаго, чтобы содѣлаться пріятелищемъ ощутительнаго присутствія Божія, долженъ быть прежде очищенъ поученіемъ въ словѣ Божіемъ, и постояннымъ упражненіемъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, и согрѣтъ любовію къ

---

[2]) По Евр. сборн.: не распался

Богу: тогда Богъ, хотя и есть *огнь поядающій* (Евр. XII, 29), не разрушитъ его святымъ Своимъ присутствіемъ, но *свѣтъ* Христовъ, *просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ* (Іоан. I, 9), какъ изъ ночнаго мрака воскресающій *день*, *озаритъ* его, и какъ *денница возсіяетъ въ сердцѣ* его (2 Петр. I, 19); тогда возможетъ онъ *откровеннымъ лицемъ взирать на славу Божію* во Христѣ, и не только радоваться о ней, но и *въ тойже* славный *образъ преображаться, якоже* достоитъ *отъ Господня Духа* (2 Кор. III, 18). По сему закону и чину открылись явленія Господа въ день Его воскресенія. *Ученикъ, егоже любляше Іисусъ* (Іоан. XX, 2) преимущественно предъ другими, также преимущественно предъ другими любилъ Его глубокою любовію духа: потому, кажется, онъ прежде всѣхъ пріялъ во глубинѣ духа своего посѣщеніе и радость Воскресшаго, когда увидѣвъ во гробѣ Господнемъ *ризы едины лежаща*, повѣрилъ воскресенію: *и видѣ и вѣрова* (Іоан. XX, 6. 8); потому, на него же, кажется, во первыхъ тайнымъ благодатнымъ мановеніемъ указалъ возлюбленный Спаситель, когда Ѳомѣ сказалъ вообще: *блаженни не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX, 29). Магдалина, изъ которой Господь *изгналъ седмь бѣсовъ* (Мар. XVI, 9), которой слѣдственно *отпущены грѣси мнози, много возлюбила Его* (Лук. VII, 47), живою и пламенною любовію сердца; потому первая привлекла Его видимое явленіе: *воскресъ Іисусъ заутра въ первую субботу, явися прежде Маріи Магдалини, изъ неяже изгна седмь бѣсовъ* (Мар. XVI, 9).

Христіанинъ! вѣруешь ли слову Господню: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мато. XXVIII, 20)? Если вѣруешь: то ты долженъ вѣрить и тому, что и въ нынѣшніе дни, подобно какъ въ первый день воскресенія, Господь является вѣрующимъ въ Него, и любящимъ Его, болѣе или менѣе ощутительно, по мѣрѣ ихъ способности и готовности, и даруетъ сердцамъ ихъ Свою Божественную радость и Свой премірный миръ. Подвизайся же и ты въ сіи святые дни, чтобы привлещи благодатное посѣщеніе усердною молитвою, прилѣжнымъ поученіемъ въ словѣ Божіемъ, благими дѣлами по заповѣдямъ Господнимъ, наипаче же пламенною любовію къ Умершему за тебя и Воскресшему. Зови Гостя небеснаго прилѣжнѣе, готовься ко принятію Его тщательнѣе, нежели какъ сіе дѣлаешь для безполезнаго большею частію принятія земныхъ гостей. И если Онъ

посѣтитъ тебя Своимъ Божественнымъ утѣшеніемъ: берегись, да *никтоже возметъ отъ тебя радости твоея* (Іоан. XVI, 22). Не погружай сердца твоего въ удовольствія міра и плоти: какъ свѣтильникъ уроненный въ воду или въ бреніе угасаетъ; такъ еси уронишь сердце свое въ похоти плотскія и страсти земныя, свѣтъ радости духовной угаснетъ, и изверженную изъ брачнаго чертога душу вновь объиметъ мракъ и смерть. Да сохранитъ отъ сего всѣхъ насъ Господь Іисусъ Христосъ, свѣтъ, и жизнь, и радость наша во вѣки. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

СЛОВА и РѢЧИ,

НЕНАПЕЧАТАННЫЯ

ПРИ ЖИЗНИ ПРОПОВѢДНИКА.

(Печатаются съ рукописнаго сборника М. М. Евреинова).

1823 годъ.

LXXVI.

7. Слово

по возвращеніи къ своей паствѣ изъ Санктпетербурга.

(Говорено въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ августа 15 дня).

Что мнѣ сказать? Откуда начать, или куда обратить слово, которому и предшествующее время, и настоящій день и побужденіе сердца, и обязанность служенія, вдругъ представляютъ многіе предметы; и указываютъ различные пути.

Первѣе всего—*благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя Имя Святое* (Псал. CII 1,)! Благословенъ сохраняющій полноту Церкви Своея, Небесный Пастырь, и Посѣтитель душъ, и въ отсутствіи земныхъ пастырей пасущій стадо Свое; и пастырей, яко агнцевъ, водящій жезломъ невидимымъ, призывающій и посылающій, удаляющій и возвращающій, разлучающій и паки соединяющій!

Величаетъ душа моя и Тебя, Благословенная Матерь Божественнаго Агнца и Пастыря, дивно нѣкогда Успеніемъ Твоимъ собравшая полный Соборъ Апостоловъ, и нынѣ къ сему торжественному воспоминанію Твоего Успенія сподобившая меньшаго изъ служителей Церкви сея пріити въ полноту сего священнаго собора.

Обращаюсь къ вамъ, Боголюбезные братія и чада Церкви сея, не умолчу нынѣ о томъ, о чемъ умолчалъ здѣсь за годъ

предъ симъ,—о скорби разлученія съ вами, которую тогда понесъ отсюда въ стѣсненномъ сердцѣ; не хотѣлъ я прикосновеніемъ раздражать рану, которой не могъ уврачевать. Послику не въ моей было власти отвратить самое разлученіе: то не сталъ уже я расточать слова безполезнаго сѣтованія о томъ; и въ безмолвной покорности вручилъ недавно воспріятое стадо благодати Пастыреначальника и молитвамъ пастырей: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, которыхъ помощь также благодарно исповѣдую и паки призываю къ соблюденію стада, съ вящшимъ преспѣяніемъ, даже до дня Іисусъ Христова.

Что касается до продолжительности отсутствія моего, скажу со Апостоломъ: *не хощу не вѣдѣти вамъ, братіе, яко многицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ* (Рим 1, 13). Чѣмъ возбраненъ былъ? Возбраненъ тою же священною властію, тѣмъ же закономъ послушанія, которые и въ началѣ меня сюда привели и вскорѣ отсюда воззвали; возбраненъ быхъ тѣмъ же самымъ дѣломъ служенія, которымъ возбуждалось и желаніе пріити къ вамъ. Неволя святая! Беззаконно было бы рваться изъ нея въ свою волю съ нетерпѣливостію, или упорствомъ.

Наконецъ пользуюсь дарованною свободою пріити къ вамъ, и притомъ не на краткое время. Скажу ли, что пользуюсь оною съ радостію? Не скажу: потому что не знаю, послужитъ ли сіе къ истинной радости вашей, а безъ сего радость моя была бы неосновательна и суетна: ибо, какъ насъ учили нашу радость и самую жизнь нашу полагать въ вашей радости о Господѣ, и въ вашей жизни по вѣрѣ: *нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ* (1 Сол. III, 8). Такимъ образомъ послѣ минувшей скорби разлученія, послѣ окончившихся трудностей отсутственнаго попеченія о Церкви, у меня остается одна безпокойная забота, забота неизвѣстности—будетъ ли продолженіе служенія моего благоугодно Богу, полезно Церкви, спасительно душамъ вашимъ. Итакъ скажу паки со Апостоломъ: *исполните мою радость* (Филип. II, 2). Облегчайте до всѣхъ васъ касающуюся заботу, вопервыхъ общими молитвами, вовторыхъ, облегчайте сію необъятную заботу—малыми [1]) заботами, каждый о своей душѣ, не теряя даннаго для спасенія ея времени, котораго каж-

[1]) Въ Чт. Общ. Л. Д. П.: частными...

дому изъ насъ остается не болѣе, какъ нѣсколько десятилѣтій, а иному только нѣсколько лѣтъ, или даже, можетъ быть, нѣсколько дней, и которое бывъ однажды потеряно, ниже цѣною вѣчности выкуплено быть не можетъ.

Кстати вспомянуть о смерти: ибо время обратить слово къ настоящему празднованію, а сіе должно насъ обратить къ размышленію о смерти.

Теперь ли говорить о смерти, скажетъ невнимательный любитель праздника, день веселія омрачать размышленіемъ о смерти? Иди съ симъ размышленіемъ туда, гдѣ оплакиваютъ умершаго. Нѣтъ! кто бы ты ни былъ, желающій отгнать отъ себя мысль о смерти, какъ неблаговременную, еще болѣе неблаговременна будетъ она для тебя, если, неприготовленнаго размышленіемъ, вдругъ поразитъ тебя самое зрѣлище смерти. Нѣтъ! теперь, когда смерть, повидимому, не угрожаетъ тебѣ, когда ты спокоенъ, когда ты празднуешь, теперь именно нахожу я благовременнымъ расположить тебя, если можно, къ внимательному размышленію о смерти, дабы ты могъ размышлять о ней въ полномъ присутствіи духа, и дабы дня веселія, забывъ о смерти, не употребилъ на дѣла мертвыя. Или лучше сказать, не я ищу ввести кого-либо въ размышленіе о смерти: но всѣхъ насъ къ оному ведутъ нынѣ Богомудрые учредители церковнаго чиноположенія, которые смерть сдѣлали предметомъ настоящаго празднованія.

Дивны вообще праздники Христіанскіе! Иногда, напримѣръ, мы празднуемъ временное рожденіе—Вѣчнаго, иногда крещеніе Того, на Которомъ никогда не было ни какой скверны, и Котораго именемъ очищаемся и возрождаемся мы въ крещеніи нашемъ, иногда Божественный образъ Преображенія—Того, Который всегда былъ и есть *сіяніе Славы Бога Отца, и образъ Упостаси Его* (Евр. I, 3), иногда страданіе, смерть и воскресеніе Того, Который есть Единый всегдашній источникъ жизни и блаженства для всего, что можетъ жить и блаженствовать. Впрочемъ при всей таинственности, которою ознаменованы сіи предметы празднованія, не трудно усмотрѣть то, съ какою точностію они всѣ опредѣляются исторіею Христіанской вѣры, и въ какой тѣсной состоятъ связи съ ея спасительнымъ ученіемъ. И между празднествами, въ которыхъ воспоминается Матерь Господня, сего рода есть, напримѣръ, Благовѣщеніе, то-есть, принесеніе Архан-

геломъ Дѣвѣ Маріи радостной вѣсти о предстоящемъ зачатіи отъ Нея Спасителя міра. Но послѣ того, какъ таинства вѣры Христовой достигли своей полноты, и запечатлѣлись сошествіемъ Святаго Духа на Апостоловъ въ присутствіи Матери Господней, какимъ образомъ Ея Успеніе, то-есть окончаніе земной жизни Ея, хотя и Святое, и знаменіемъ будущей славы Ея сопровождаемое, впрочемъ разрѣшающее только личную Ея исторію,— какимъ образомъ сдѣлалось предметомъ одного изъ всеобщихъ праздниковъ Христіанскихъ и притомъ высшаго чина? Какимъ образомъ событіе, въ которомъ Церкви представляется, по видимому, только лишеніе видимаго общенія съ Матерію Свѣта, сдѣлалось предметомъ свѣтлаго праздника? Какое въ семъ имѣли намѣреніе древніе священно-начальники? Мнѣ кажется, что сіи вопросы всего удобнѣе разрѣшаются тѣмъ, что я сказалъ, то есть, что учредители настоящаго празднованія желали симъ пріятнымъ путемъ вести насъ къ постоянному, благоговѣйному и, поколику то возможно, къ радостному размышленію о смерти.

Издревле памятованіе и размышленіе о смерти одобряемо было какъ сильное средство мудрости къ улучшенію жизни. *Помяни*, говоритъ Еврейскій мудрецъ, *помяни, яко смерть не замедлитъ и завѣтъ адовъ не показанъ ти бысть* (Сир. XIV, 12). И, положивъ мысль о смерти въ основаніе, тотчасъ на семъ основаніи созидаетъ онъ правила добродѣтельной и благополучной жизни. *Прежде неже умрети ты*, говоритъ онъ, *добро твори другу, и по силѣ твоей простри, и даждь ему. Не лишися отъ дне добра, и часть желанія блага да не прейдетъ тебе. Не инѣмъ ли оставиши притяжанія твоя и труды твоя, въ раздѣленіе жребія? Даждь и возми, и освяти душу твою* (Сир. XIV, 13 — 16). Если ты колеблешься, принять ли сіе ученіе дѣятельной мудрости: наставникъ не колеблется въ изысканіи средствъ убѣжденія; онъ обращается вновь на размышленіе о смерти и продолжаетъ: *Яко нѣсть во адѣ взыскати сладости; всяка плоть яко риза обетшаетъ, завѣтъ бо отъ вѣка: смертію умрети. Яко листъ расплощаяся на древѣ часть, овъ убо спадаетъ, другій же прозябаетъ: такожде и родъ плоти и крови, овъ убо умираетъ, овъ же родится. Всякое дѣло гніющее исчезаетъ, и дѣлаяй е съ нимъ отъидетъ* (Сир. XIV, 17 — 20). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же наставникъ предлагаетъ памятованіе о смерти, какъ вообще предохранительное

врачевство противъ грѣховъ: *во всѣхъ словесѣхъ твоихъ помилай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. VII, 39). Пророкъ Іеремія, оплакивая разрушеніе Іерусалима, одною изъ первыхъ причинъ сего страшнаго паденія полагаетъ то, что Іерусалимъ не памятовалъ о смерти. *Не помяне послѣднихъ своихъ, и низведеся пречудно* (Плач. Іер. I, 9). Какимъ образомъ отъ столь малаго, по видимому, начала, какъ мысль о смерти, или забвеніе о смерти, происходятъ столь великія послѣдствія добрыя или злыя, благополучныя или бѣдственныя? Не оскорблю ли я мудрости Христіанской, обращая въ вопросъ то, что еще прежде Христіанства утвердительно полагали, какъ извѣстное и очевидное; но когда вижу, какъ многіе изъ насъ не любятъ всего, что какимъ нибудь образомъ напоминаетъ о смерти, какъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ ея поражаются, или обращаются въ бѣгство: то само собой обличается, что мы слишкомъ мало, или совсѣмъ не знакомы съ правильнымъ или основательнымъ размышленіемъ о смерти; а потому, къ стыду нашему, не излишне для насъ и такое о семъ изслѣдованіе, какое употребляютъ въ предметѣ новомъ и неизвѣстномъ.

Итакъ спрашиваю, что лучше: оставить ли жизнь свою на произволъ теченія дней, какъ ладію-стремленію волнъ, понесутъ ли ее къ берегу, сокрушатъ ли о камень, погрузятъ ли въ бездну,—или напротивъ, назначить себѣ пристанище, избрать удобнѣйшій путь и по направленію сего править кормиломъ? Въ вѣкѣ, который хвалится образованностію и усиліями привести въ порядокъ всѣ части знанія и дѣятельности, можно надѣяться, что и основательный и легкомысленный согласно скажутъ: лучше начертать планъ жизни, поставить себѣ извѣстную цѣль, и дѣйствовать сообразно съ нею. Возмемъ же для понятнаго всякому примѣра одинъ изъ обыкновенныхъ мірскихъ плановъ жизни. Желаетъ кто-либо устроить и обезпечить благополучіе жизни пріобрѣтеніемъ богатства; чтобы усилить ходъ пріобрѣтенія онъ *лишается*, по вышеприведенному выраженію Еврейскаго мудреца, *отъ дне добра, и часть желанія блага проходитъ мимо его*, то—есть, онъ отказываетъ себѣ въ покоѣ, въ удовольствіи, и иногда въ необходимыхъ потребностяхъ; исполненіе: *даждь и возми*, дай неимущему, и возми себѣ изъ отложеннаго въ храненіе, онъ отлагаетъ дотолѣ, доколѣ, по его мнѣнію, обиліемъ пріобрѣтеннаго не приведетъ себя въ совершенную безопасность

отъ скудости Поступая такимъ образомъ, если не вспомнитъ онъ о смерти, *яко не замедлитъ*, то будетъ изнурять и мучить себя заботами пріобрѣтенія, не пользуясь плодами пріобрѣтенія, дотолѣ, пока наконецъ сокровенная судьба явится внезапно, и дѣломъ совершитъ надъ нимъ слово притчи Евангельской: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже уготовалъ еси, кому будутъ?* (Лук. XII, 20). Такъ даже мірской планъ жизни, для самого міра оказывается негоднымъ, если въ немъ не принята въ соображеніе мысль о смерти. Возвысимъ планъ жизни, и опять посмотримъ, можетъ ли онъ стоять, если не будетъ поддержанъ соразмѣрно возвышенными понятіями о смерти. Желаетъ кто-либо утвердить блаженство жизни на основаніи добродѣтели. Извѣстны давнія усилія человѣческой мудрости доказать, что добродѣтель сама для себя можетъ быть достаточнымъ основаніемъ, побужденіемъ и наградою. Ученіе сіе не оказало истинныхъ успѣховъ, или потому, что истина въ семъ случаѣ не благопріятствовала усиліямъ, или потому, что гордость мудрователей наводила на истину неестественный блескъ, который однихъ ослѣплялъ, но не просвѣщалъ, а для другихъ обнаруживалъ поддѣльный видъ истины, или, что наиболѣе вѣроятно, внутреннее достоинство и блаженство добродѣтели извѣстное только тѣмъ, которые достигли въ ней совершенства, не возбуждало тѣхъ, которые при первыхъ въ ней опытахъ встрѣчали только подвиги, которые совершить, препятствія, которыя преодолѣть, удовольствія, которыми пожертвовать надлежало. Посему нужно было подкрѣпить отъ-инуду основанія самой добродѣтели, на которой хотѣли основать блаженство: и хотя не озаренные свѣтомъ откровенія Божія не могли ясно созерцать того, что находится по ту сторону смерти, однако и они видѣли себя въ необходимости углубляться во мракъ гроба, чтобы тамъ хотя, такъ сказать, ощупью искать основаній, для утвержденія на нихъ нравственнаго порядка въ жизни. Если за предѣломъ настоящей жизни,—такъ разсуждали они, нѣтъ ничего кромѣ тлѣнія и ничтожества: то добродѣтель, которой такъ часто въ настоящей жизни не отдаютъ справедливости, навсегда лишается вѣнца за подвиги, вознагражденія за пожертвованія, и ободряющей надежды въ искушеніяхъ. Но если,—такъ какъ мы во всей познаваемой природѣ вещей не находили такого мѣста, гдѣ съ бытіемъ было бы сопредѣльно ничтожество, и всюду за предѣ-

ломъ одного встрѣчаемъ другой образъ бытія, —если за предѣломъ настоящей есть другая область жизни. если, —какъ требуетъ понятіе о Творцѣ міра Премудромъ и Праведномъ, —тамъ, гдѣ кончится тлѣнность, начинается безсмертіе, тамъ, гдѣ кончится смѣшеніе зла и добра, начинается царство порядка, въ которомъ добро по существу своему всегда блаженно, а зло по свойству своему всегда злополучно: то знающему и памятующему сіе можно ли не быть всегда готову, чтобы недолго подвизаться, немного пострадать, немного лишиться, и чрезъ то водворить въ себѣ добро, которое на вѣки водворитъ его въ блаженствѣ? Если бы даже сія надежда,—повторяю, что я говорю сіе по понятіямъ разсуждающихъ безъ помощи откровенія,—еслибы надежда блаженной жизни по смерти не была выше сомнѣнія, и тогда она еще достаточна къ тому, чтобы возбудить здравомыслящаго подвизаться для нея со всею ревностію: и въ томъ случаѣ, когда бы она не сбылась, подвизавшійся не теряетъ ничего, въ сравненіи со всѣми прочими; потому что ничтожество для всѣхъ одинаково. Но когда она совершится самымъ дѣломъ, тогда нѣтъ мѣры, коею можно было бы опредѣлить: сколько пріобрѣтаетъ подвизавшійся, и сколько не подвизавшійся теряетъ; и не только теряетъ онъ безпредѣльныя блага, но, что еще ужаснѣе, наслѣдуетъ безконечное зло. Такъ древніе нелицемѣрные любители дѣятельной мудрости, при помощи естественнаго разума и разсужденія, изъ размышленія о смерти извлекали сильнѣйшія, по ихъ состоянію, побужденія къ добру и, слѣдственно, средства къ блаженству.

Что сказать о Христіанинѣ? Сколько планъ жизни, начертанный для него въ Евангеліи, возвышеннѣе, нежели всякій другой: столько яснѣе, нежели какому бы то ни было мудрецу, сіяетъ ему руководящій и возбуждающій свѣтъ изъ гроба. Онъ знаетъ будущую жизнь не по заключеніямъ и догадкамъ, но по опыту, въ которомъ ее видѣли, и осязали: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV, 20). Пристально смотря въ живоносный гробъ Христовъ, какъ въ открытое окно будущаго вѣка, и пріемля оттолѣ въ храмину земной жизни небесный свѣтъ, онъ ощущаетъ непонятную для другихъ легкость—бодрствовать, какъ сынъ свѣта, подвизаться противъ царства тьмы, и совершать живыя дѣла свѣта. Ты долженъ умереть міру, заповѣдуетъ ему Евангеліе. Онъ говоритъ: повину-

юсь, потому что *міръ преходитъ, и похоть его: а творяй волю Божію, пребываетъ во вѣки* (1 Іоан. II, 17). Ты долженъ распять плоть со страстьми и похотьми. И какъ иначе? отвѣтствуетъ онъ; потому что *сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. VI, 8). Ты долженъ распяться со Христомъ. Не отрицаюсь: *аще бо съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ: съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (2 Тим. II, 11; Рим. VIII, 17). Угрожайте ему страданіями, онъ скажетъ: *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII, 18). Угрожайте ему смертію,—онъ будетъ отвѣтствовать: *желаю разрѣшитися, и со Христомъ быти... мнѣ еже жити, Христосъ: и еже умрети, пріобрѣтеніе есть.* (Филлип. I, 23. 21). Прилежнымъ, глубокимъ размышленіемъ о смерти, онъ не только разрушаетъ всѣ ея ужасы, но сообразуясь съ своими понятіями и чувствованіями, отъемлетъ у ней послѣднюю черту грознаго вида ея, отъемлетъ у смерти самое имя смерти, и называетъ ее успеніемъ, то есть, отхожденіемъ ко сну по трудахъ сея жизни, или, если угодно, можно назвать ее рожденіемъ въ лучшую жизнь, или воскресеніемъ отъ сей мертвенной жизни—въ смертной плоти, въ истинно живую—безсмертнаго духа. Такъ благоговѣйное Христіанское размышленіе о смерти, особенно при постоянномъ въ немъ упражненіи, становится, наконецъ, истиннымъ праздникомъ духа, въ которомъ онъ въ то же время и собираетъ силы для спасительныхъ подвиговъ настоящей жизни, и наслаждается предвкушеніемъ будущаго блаженства.

Спроси себя, слушающій сіе, умѣешь ли такимъ образомъ *праздновать Успеніе*, или ты только боишься смерти, или совсѣмъ не хочешь думать о ней? Вопросъ не маловажный; онъ можетъ показать тебѣ, въ какомъ состояніи душа твоя, и чего подлинно ты можешь надѣяться или бояться. Если ты часто, хотя и безъ страха призываешь къ себѣ смертный помыслъ, дабы поставить его судіею твоихъ дѣлъ и стражемъ твоей совѣсти: благо тебѣ! Онъ можетъ содѣлаться для тебя Ангеломъ, которому заповѣдано будетъ сохранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. Но если ты совсѣмъ не помышлялъ до нынѣ о смерти, и бѣгаешь всего, что напоминаетъ о ней: горе тебѣ! Сіе расположеніе духа не обѣщаетъ чистаго добра въ настоящей жизни, и не

предвѣщаетъ блаженства въ будущей, котораго впрочемъ при употребленіи средствъ, дарованныхъ благодатію, всѣхъ насъ да сподобитъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинная жизнь наша, предстательствомъ Преблагословенныя Дѣвы Маріи, Матери жизни. Аминь.

LXXXVII.

8. Слово

на память Преподобнаго Отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца.

(Говорено въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, сентября 25)

Ищите прежде Царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ Матѳ. VI, 33.

Сколь многаго ищетъ человѣкъ въ мірѣ, и, какъ кажется ему, ищетъ по необходимости. Напримѣръ: пищи, одежды, жилища, безопасности,—а для пріобрѣтенія и обезпеченія сихъ первыхъ потребностей,—денегъ, изобилія, власти, чести. Сколько разнообразныхъ средствъ употребляетъ для достиженія своихъ цѣлей! Какъ-то разумъ и трудъ, силу и хитрость, дерзость и низость. И какъ часто жалуется онъ, что искомое не находится, или найденное не удовлетворяетъ, что средства не приводятъ къ цѣли, и достиженная цѣль не вознаграждаетъ за средства, для нея употребленныя! Какое же было бы счастіе—найдти тайну: однимъ способомъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ, однимъ средствомъ достигать всѣхъ вожделѣнныхъ цѣлей!

Сію тайну, дѣйствительно, открываетъ намъ Іисусъ Христосъ, когда говоритъ: *ищите прежде царствія Божія.... и сія вся приложатся вамъ*. Позаботимся, какъ бы намъ утвердиться въ семъ ученіи, которое должно избавить насъ отъ всякой заботы. *Не печытеся*, говоритъ Онъ, *душею вашею, что ясте, или что піете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся.—Не скрывайте*

себѣ сокровищъ на земли (Матѳ. VI, 25. 19). Не заботьтесь ни о чемъ такомъ, о чемъ обыкновенно люди заботятся; предпочитайте всѣмъ заботамъ одну; одного и ищите паче всего: *ищите прежде царствія Божія*. Все прочее, чего ищутъ люди, найдется и будетъ пріобрѣтено само собою: *сія вся приложатся вамъ*.

Поелику сіе ученіе соединяетъ въ себѣ всѣ выгоды для жизни временной и вѣчной, и, несмотря на то, есть люди, которые давно знаютъ оное, а никогда оному не слѣдуютъ: то должно заключать, что почитаютъ оное или несбыточною баснею, или неразрѣшимою загадкою; или не вѣрятъ, что можно исполнить оное, и получить плодъ въ немъ обѣщаемый, или не понимаютъ и не надѣятся понять, какъ можно исполнить оное. Противъ сей, вознамѣренной ли, или необдуманной, явно произносимой, или кроющейся въ дѣлахъ сыновъ вѣка сего, клеветы и хулы на истину Христіанскую, что скажемъ мы въ защищеніе истины?—Можемъ и ничего не сказать, безъ вреда для истины, особенно здѣсь, гдѣ я говорю сіе, —ничего, развѣ еще одно слово Христово: *оправдися премудрость отъ чадъ своихъ* (Матѳ. XI, 19) Ты, истинное чадо Христова духа, намъ же по духу Отче, если по духу твоему жительствуемъ,--Ты, Богомудрый Сергіе, дѣломъ оправдалъ и оправдываешь премудрость Божію, представляя намъ въ себѣ опытно и ученіе Христово, и образъ исполненія онаго, и плоды вѣрнаго послѣдованія оному. Паче всего ища *царствія Божія и правды Его*, ты оставилъ все,—домъ, родителей, наслѣдіе, пришелъ сюда въ пустыню ненаселенную, невоздѣланную, безлюдную, безпомощную, не пекся, что яси, или что піеши, или во что облечешися; отрекся отъ земнаго сокровища и тогда, когда оно предлагаемо было тебѣ, какъ священное украшеніе и благословеніе Святителя. Въ семъ устраненіи отъ всякаго попеченія о земномъ, что ты обрѣлъ царствіе Божіе, сіе мы не только знаемъ отъ свидѣтелей житія твоего, но и сами видимъ даже до нынѣ, поелику оно являлось, и еще является въ тебѣ чрезъ дары прозорливости, нетлѣнія, исцѣленій, и чрезъ другія чудесныя дарованія Святаго Духа. А что къ симъ вожделѣннымъ дарамъ приложилось и все, о чемъ ты отложилъ попеченіе, о семъ свидѣтельствуетъ все въ процвѣтающей до нынѣ пустынѣ твоей, и самое каменіе здѣсь вопіетъ о семъ; ибо нѣтъ иной силы, которая бы все сіе могла создать, сохранить,

защитить, возвысить, обогатить, прославить, какъ сила царствія Божія, въ Тебѣ живущая.

Такъ, чада премудрости, которая не имѣетъ въ нихъ недостатка, оправдываютъ ученіе Христово дѣломъ и опытомъ, безъ сомнѣнія, сильнѣе всякаго слова и разсужденія: и подумаемъ мы, неуспѣшные ученики той же премудрости, не осуждаютъ ли они насъ своею дѣятельною мудростію, подобно какъ нѣкогда Ной *осудилъ* весь первый *міръ* не инымъ какимъ судомъ, какъ только своею дѣятельною вѣрою;—не осуждаютъ ли насъ примѣромъ своимъ, и не дѣлаютъ ли безотвѣтными предъ Богомъ, если мы знаемъ ученіе, видимъ исполненіе онаго, слѣдственно не можемъ съ основательностію сказать ни того, что оно несбыточно, ни того, что непонятно,—и все однако не послѣдуемъ оному полною вѣрою и точнымъ послушаніемъ, все печемся о земномъ, не ищемъ царствія Божія, или не прежде всего ищемъ царствія Божія и правды Его?

Сыны вѣка сего, которые, по отзыву о нихъ самой Премудрости, въ своемъ родѣ еще мудрѣйши суть паче сыновъ вѣка онаго, думаютъ, что и у нихъ есть свое оправданіе противъ сего суда сыновъ премудрости. Не всѣмъ же, говорятъ они, оставить міръ и пойдти въ пустыню. И міръ созданъ для человѣковъ: для чего же и міромъ не пользоваться? Наши званія въ обществѣ земнородныхъ, по необходимости заставляютъ насъ пещися о земномъ. И Самому Богу, Который далъ намъ предусмотрительность, искусство, силу, было ли бы угодно, если бы мы, оставя все сіе безъ употребленія, вздумали ожидать безпечно, чтобы сами собою пришли намъ пища въ уста, и одежда на рамена,—и чтобы жилище для насъ безъ насъ создалось вокругъ насъ и надъ нашею головою? Но что говоритъ о сихъ и симъ подобныхъ земныхъ мудрованіяхъ небесная Премудрость? Вотъ что говоритъ Слово посредствомъ Своего гласа, вопіющаго въ пустынѣ: *сый отъ земли, отъ земли есть, и отъ земли глаголетъ* (Іоа. III, 31). И еще чрезъ Пророка: *мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша* (Іерем. IV, 22). То есть: кто живетъ только по земному рожденію, въ плотскомъ и душевномъ человѣкѣ, а не по небесному рожденію отъ Духа Божія,—въ томъ земное только и открывается и дѣйствуетъ; и потому если онъ защищаетъ и оправдываетъ земныя дѣла, то симъ оказывается только его земное свойство, и не доказывается достоинство самыхъ дѣлъ. Мудрствующіе земное мо-

гутъ остроумно давать благовидность даже злымъ дѣламъ, которыя они любятъ, и которыхъ не хотятъ оставить: между тѣмъ какъ истинное добро, для котораго они не дѣлаютъ никакого подвига, хотя и близко и доступно, пребываетъ выше ихъ познанія и чувства, они не имѣютъ въ немъ убѣжденія, потому что не старались найти въ немъ вкуса.

Не забудемъ, ученики Небеснаго Учителя, что *грядый съ небесе, надъ всѣми есть* (Іоан. III, 31), что какъ существомъ Своимъ Онъ выше всякаго иного существа, такъ и Его ученіе выше всякаго мудрованія [1]). Возставать противъ небеснаго ученія сомнѣніями и прекословіями, значитъ метать стрѣлы на небо: небо не страшится отъ нихъ ранъ, и не имѣетъ нужды отражать опыхъ; онѣ опасны для тѣхъ самихъ, которые пускаютъ ихъ надъ главами своими. Не испытаніемъ и состязаніемъ, но вѣрою и послушаніемъ достигаются успѣхи въ небесномъ ученіи: *вѣруеши—узриши*, таковъ порядокъ божественнаго просвѣщенія! Темное объясняется, трудное облегчается, несообразимое приводится въ согласіе, невозможное становится возможнымъ, когда рѣшимся однажды на всегда, не заповѣдь Христову примѣнять къ нашей волѣ, но волю нашу предать Христу и Его заповѣди. *Аще кто хощетъ волю Божію творити, разумѣетъ о ученіи* (Іоан. VII, 17).

Къ чему помыслы многіе? Къ чему суетныя умствованія о сустѣ? Къ чему выискапная забота о томъ самомъ, какъ оставить заботу? Пригвозди умъ къ слову Христову; съ умомъ не раздѣляй сердца, дѣлъ и всей жизни; не попускай воображенію бродить между царствіемъ Божіимъ, къ которому призываетъ Христосъ, и между царствіями міра, которыя показываетъ сатана; не мечтай, чего сатана желаетъ, но дѣйствуй, чего Христосъ требуетъ. *Ищите царствія Божія.*

Если съ такимъ расположеніемъ хотя мало углубимся въ ученіе о исканіи царствія Божія, предпочтительно предъ всякимъ земнымъ исканіемъ: тотчасъ увидимъ, что небесная премудрость не оставляетъ никакого мѣста тѣмъ недоумѣніямъ, которыя силится противопоставить ей земное мудрованіе. *Ищите*, говоритъ она, *прежде царствія Божія.* Прежде,—слѣдственно, послѣ царствія Божія, не возбраняется искать и того, что необходимо для

[1]) Въ Чтен.: Онъ выше всѣхъ, такъ и выше всякаго мудрованія.

земнаго нашего пребыванія; слѣдственно, исканіе царствія Божія не принуждаетъ по необходимости бѣжать изъ міра въ пустыню, не запрещаетъ пользоваться въ мірѣ тѣмъ, что сотворено на служеніе человѣку, не препятствуетъ отправлять законныя дѣла мірскаго званія, или пріобрѣтать пропитаніе, одежду и жилище. Есть люди, которые все безъ исключенія оставили для царствія Божія, какъ напримѣръ—Апостолы, которые не обинуясь сказали Учителю своему: *се мы оставихомъ вся, и во слѣдъ Тебе идохомъ* (Марк. X, 28). Они за сей преимущественный подвигъ получили преимущественное обѣтованіе, что сядутъ на двунадесяти престолахъ судіями народа Божія; и послѣдователямъ ихъ въ семъ совершенномъ оставленіи всего, въ особенности обѣщано, что они сторицею воспріимутъ еще въ семъ вѣкѣ, въ залогъ будущаго воздаянія, все, что оставили для Христа и Его Евангелія. Если хочешь, поревнуй и впишись въ избранное воинство Царя Небеснаго, и не обязуйся никакими куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будешь; но если не имѣешь духа оставить для Него все безъ остатка по крайней мѣрѣ не предпочитай Ему и царствію Его никого и ничего въ мірѣ, поставь мысль о царствіи Божіемъ выше всѣхъ твоихъ помысловъ, желаніе царствія Божія выше всѣхъ желаній, дѣла для царствія Божія выше всѣхъ дѣлъ,—радуйся, когда есть о чемъ, но ни о чемъ не радуйся столько, какъ о Богѣ, печалься, когда встрѣчается печальное, но ни о чемъ не печалься столько, какъ о грѣхахъ предъ Богомъ; ищи потребнаго, но ищи безъ заботы, а царствія Божія всею силою домогайся. *Ищите прежде царствія Божія.*

И правды Его, присовокупляетъ Божественный Руководитель къ царствію Божію. Важное слово, на которомъ нѣкоторые не хотятъ утвердиться, и отъ того разрушаютъ все дѣло! Сынъ Адамовъ, каковъ есть теперь, хочетъ идти и царствовать со Христомъ; но сынъ Адамовъ есть плоть и кровь; *а плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ.* (I Кор. XV, 50). Какъ рыба не можетъ жить въ воздухѣ: такъ плоть съ ея страстями и похотями не можетъ жить въ царствіи Божіемъ. Надобно сыну Адамову родиться вновь, чтобы содѣлаться сыномъ Божіимъ. *Лице кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія* (Іоан. III, 3). Скажутъ: мы уже возродились въ крещеніи. Справедливо, но если сіе новое порожденіе неповрежденно сохра-

няется въ васъ, живетъ и возрастаетъ, какъ свойственно всякому порожденію живому. то покажите въ себѣ жизнь духа въ ея движеніяхъ и дѣйствіяхъ чистыхъ, святыхъ: *аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ* (Гал. V, 25). Покажите *плодъ духовный*, который *есть во всякой благостыни и правдѣ же и истинѣ* (Еф. V, 9), покажите же дѣла правды, достойныя царствія Божія, которое есть *правда, и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римл. XIV, 17) Кто послѣ благодати крещенія не приноситъ сихъ живыхъ плодовъ духа: въ томъ жизнь духа стѣснена и подавлена паки жизнію плоти, и должно опасаться, чтобъ оная совсѣмъ не угасла. Желаешь ли возбудить въ себѣ жизнь духовную, которая одна можетъ наслѣдовать царствіе Божіе? Возбуждай въ себѣ дѣйствія, ей свойственныя, сѣй и возращай плодъ правды. Не заботься условливаться съ міромъ и плотію, чѣмъ бы тебѣ пользоваться отъ нихъ, а имъ отъ тебя; помышляй, что всякое неправедное пріобрѣтеніе, неправедное употребленіе, неправедное удовольствіе повреждаетъ въ тебѣ царственную жизнь новаго, духовнаго человѣка, и низвергаетъ паки тебя въ осужденную жизнь ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ,—и потому какъ убѣгаешь яда, такъ убѣгай всякой вещи въ мірѣ, которою питается неправедное желаніе, или похоть; какъ желаешь жизни, такъ желай правды; какъ непрестанно бережешь жизнь, такъ непрестанно наблюдай правду. *Ищите царствія Божія и правды Его.*

Должно признаться, что не легкое исканіе, но какое пріобрѣтеніе! *Вся приложатся.* Вѣрнымъ исканіемъ одного, пріобрѣтено будетъ все, небесное и земное. Не затрудняй себя мыслію, что сіе обѣщаніе слишкомъ велико и чудесно; не колебли самъ своей вѣры. Тотъ, который *Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* (Рим. VIII, 32). Тотъ, Который въ началѣ все сотворилъ для человѣка,—я вспоминаю и сіе, но совсѣмъ не для того заключенія, какое выводятъ изъ сего чада міра,—Тотъ, Который все покорилъ человѣку непорочному, все покорилъ суетѣ для человѣка согрѣшившаго, затруднится ли все сотворенное обратить въ служеніе человѣку, возсозданному во Христѣ, наслѣднику и причастнику царствія Божія? Или, обратимся паки непосредственно къ слову нашего Божественнаго Учителя,—Тотъ, Который питаетъ птицъ небесныхъ, не сѣющихъ и не жнущихъ,

Который одѣваетъ крины сельные богатѣе, нежели какъ Соломонъ облачался, попуститъ ли погибнуть гладомъ, или жаждою, или наготою чадамъ Своимъ, которые для Него и въ надеждѣ на Него, алчутъ, и жаждутъ, и наготуютъ, и скитаются? Если въ цѣломъ царствѣ земномъ не будетъ хлѣба, и не будетъ человѣка, который бы могъ напитать сына царствія Божія: Богъ повелитъ врану быть его хлѣбодаромъ. Правда, сіе случилось съ Пророкомъ; но развѣ меньшаго попеченія достойны тѣ, которыхъ Іисусъ Христосъ поставилъ цари и іереи Богу и Отцу Своему?

Не бойтесь, Христіане, отлагать попеченіе о земномъ для попеченія о небесномъ, ничто не будетъ потеряно; *вся ваша*, если *вы Христовы* (1 Кор. III, 22). *Ищите* только *прежде* всего *царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ*. Аминь.

LXXXVIII.

9. Слово

въ день собора Святаго Архистратига Михаила.

(Говорено въ Архангельскомъ Соборѣ ноября 8).

Михаилъ же Архангелъ, егда со діаволомъ препираяся, глаголаше о Моусеовѣ тѣлеси, не смѣяше суда навести хульна, но рече· да запретитъ тебѣ Господь Іуд 9

Соборъ земныхъ воиновъ, собравшихся съ своимъ архистратигомъ, то есть, военачальникомъ, и являющихся въ стройномъ порядкѣ и торжественномъ видѣ, представляетъ намъ или самую войну, или, по крайней мѣрѣ, военную игру, которою воины къ дѣлу войны пріобучаются. Видъ войны долженъ возбуждать къ подвигамъ для безопасности отечества. Зрѣлище военной игры должно показывать образцы для желающихъ воинствовать, и питать надежду отечества. Если не такъ: зрители легкомысленны, зрѣлище безполезно.

Нынѣ Церковь призвала насъ созерцать соборъ небеснаго воин-

ства съ его военачальникомъ. Что мы увидимъ, и какое для насъ должно быть послѣдствіе видѣнія, если не хотимъ быть легкомысленными зрителями, если зрѣлище не должно для насъ остаться безполезнымъ? Увидимъ ли нѣкую войну небесную?—Увидимъ, если посмотримъ очами небозрителя Іоанна. Посмотрите, что онъ видитъ. *И бысть брань на небеси: Михаилъ и Ангели его брань сотвориша со зміемъ, и змій брася и ангели его. И не возмогоша, и мѣста не обрѣтеся имъ ктому на небеси. И поверженъ бысть змій великій, змій древній, нарицаемый діаволъ и сатана, льстяй вселенную всю, и поверженъ бысть на землю, и ангели его съ нимъ низвержени быша* (Апок. XII, 7—9). Не будемъ любопытны; не отважимся входить въ подробное испытаніе, что за таинственная брань, которую видитъ и показываетъ намъ тайновидецъ: но будемъ осторожны; помыслимъ о нашей безопасности. Опасно, когда война въ сосѣдствѣ; а область небесная, въ которой видимъ брань, и есть сопредѣльна съ областію земнородныхъ. Опаснѣе, когда врагъ и на сильнѣйшую область, нежели наша, не усомнился сдѣлать нападеніе: а онъ дерзнулъ вознести брань даже на небо, которое безъ сомнѣнія и неприступнѣе, и могущественнѣе земли. Еще опаснѣе, когда война уже въ нашихъ предѣлахъ: а брань небесная и подлинно продолжается низверженнымъ съ неба врагомъ уже въ нашихъ земнородныхъ предѣлахъ. Правда, онъ низверженъ къ намъ уже побѣжденный на небѣ: но то радость только для неба; для земли же новый ужасъ, какъ возвѣщаетъ тайновидцу небесный гласъ: *сего ради веселитеся небеса и живущіе на нихъ: горе живущимъ на земли и мори, ко сниде діаволъ къ вамъ, имѣя ярость великую, вѣдый, яко время мало имать* (Апок. XII, 12). Война, проигранная въ высшей области, превратила давнюю вражду въ ярость; скорый ходъ судебъ, совершающихся надъ землею, угрожающій ему новымъ низверженіемъ въ преисподнюю, доводитъ ярость его до крайней степени неистовства. *Сниде діаволъ, имѣя ярость великую, вѣдый, яко время мало имать.* Осмотритесь живущіе на земли и мори, не примѣтите ли вы уже сей ярости въ самомъ ея дѣйствіи вокругъ себя;—не примѣчаете ли, какъ врагъ толикократно вносившій адскую брань въ небесную область Церкви съ оружіемъ ересей и расколовъ, лжеученій и соблазновъ, суевѣрій и невѣжества, толикократно отраженный Ангелами Церквей и сов-

момъ право и твердо вѣрующихъ,—не могъ поколебать *твердаго основанія Божія*, которое донынѣ *стоитъ* непоколебимо, имущее печать сію: *позна Господь сущія Своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2 Тим. II, 19);— какъ врагъ оный сошелъ на землю, устремился на возмущеніе и разрушеніе земныхъ обществъ разнообразнымъ оружіемъ невѣрія, ложной философіи, забвенія о душѣ и о будущей жизни, необузданной роскоши, неукротимаго своевольства, клятвопреступныхъ злоумышленій, отчаянной дерзости, беззаконій и злодѣйствъ, которыхъ устыдились и ужаснулись бы языческія гражданства? И какіе страшные успѣхи сдѣлалъ онъ во время мало! Если не имѣете довольно вниманія, чтобы примѣчать возрастающее *пріумноженіе беззаконія*,—ибо люди, знающіе міръ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, чтобы не имѣть заботы дѣлаться лучшими, нежели каковъ онъ нынѣ, охотно увѣряютъ себя и другъ друга, что онъ всегда былъ таковъ,—можете ли оставить безъ вниманія хотя одно то, что и невнимательнаго поразить должно,—можете ли не примѣтить, какъ ясно предъ очами нашими совершилось преступленіе, которое въ Христіанствѣ едва сбыточнымъ представить можно было, именно: среди самаго Христіанства второе *распятіе Господа нашего*; ибо народъ, называющійся Христіанскимъ, точно то сдѣлалъ съ Его вѣрою, что Іудейскій съ Его лицемъ, всенароднымъ и торжественнымъ судомъ осудилъ ее, предалъ, отвергнулъ, поругалъ, и уничтожилъ бы, ссли бы ей, по ея вѣчному естеству, не надлежало воскреснуть изъ самой смерти Воистинну, *горе живущимъ на земли и мори! Снидe діаволъ!* Итакъ *блюдите, како опасно ходите. Трезвитеся, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8).

Но, дабы разсматриваніемъ опасной брани не устрашить васъ болѣе, нежели прилично въ день, въ который мы торжествуемъ и радуемся о небесныхъ и земныхъ защитникахъ нашихъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, обратимъ взоры къ зрѣлищу не столь грозному, но также въ своемъ родѣ поучительному, въ которомъ представится намъ не самая война, но пѣкій опытъ воснаго дѣла, пе сраженія, по поединка, не ярость врага, но искусство побѣдителя. *Михаилъ же Архангелъ, егда со діаволомъ препирался, глаголаше о Моисеовѣ тѣлеси, не смѣяше суда навести хульна, но рече: да запретитъ тебѣ Господь.*

Не смѣяши! Какъ? Михаилъ не смѣетъ? Архистратигъ небесныхъ силъ не смѣетъ? Онъ не смѣетъ *препираяся съ діаволомъ*? Не смѣетъ даже произнести грознаго слова противъ діавола? Гдѣ же власть Архистратига, гдѣ мужество того, которому нѣкогда въ глазахъ тайновидца, надлежало одержать рѣшительную побѣду надъ діаволомъ? Подлинно сіе странно и непонятно для людей несвѣдущихъ въ дѣлѣ брани духовной, или водимыхъ еще дерзостію плоти. Да научатся же отъ Михаила Архангела, и въ подвигахъ противу діавола, и въ обращеніи съ людьми оскорбляющими или непокорными, побѣждать ярость не сильнѣйшею яростію, но совершенною кротостію, гордость—смиреніемъ, дерзость—скромностію, несправедливость—великодушнымъ терпѣніемъ, словомъ,—*побѣждать благимъ злое* (Рим. XII, 21).

Михаилъ же Архангелъ егда со діаволомъ препираяся глаголаше. Какое разстояніе между сими препирающимися? Съ одной стороны Михаилъ Архангелъ чистый, благоугодный и возлюбленный Богу, и не простой Ангелъ, но Архангелъ, т. е. начальствующій надъ многими Ангелами; притомъ и не изъ тѣхъ Архангеловъ, которые начальствуютъ надъ чиномъ Ангеловъ, ближайшихъ къ человѣкамъ, низшихъ изъ девяти чиновъ небеснаго чиноначалія, но одинъ изъ седми верховныхъ Ангеловъ, которые превыше всѣхъ небесныхъ чиновъ, непосредственно предстоятъ престолу Тріипостаснаго Божества. Съ другой стороны діаволъ, духъ нечистый, грѣхомъ прогнѣвавшій Бога, осужденный, хотя приговоръ сего суда не во всемъ еще царствіи Божіемъ обнародованъ, и не во всей силѣ исполненъ. Если представимъ одного изъ первыхъ друзей царевыхъ и одного изъ послѣднихъ рабовъ, обличеннаго въ преступленіи и осужденнаго, разность между сими очень еще мала въ сравненіи съ разностію между Михаиломъ Архангеломъ и діаволомъ. Много ли позволитъ предъ собой вельможа осужденному преступнику. Но Михаилъ Архангелъ позволяетъ діаволу препираться съ собою. Когда повѣствователь о сей распрѣ замѣчаетъ, что Михаилъ *не навелъ хульнаго суда:* сіе даетъ разумѣть, что діаволъ произносилъ даже хульный судъ. А Михаилъ! Онъ не смѣлъ отвѣчать безумному по его безумію. Посмотрѣли бы на сію Ангельскую распрю люди, принимающіе себѣ высокія званія, которыя однакоже не выше земнаго, и вспомнили бы при семъ, какъ иногда обращаются они съ людьми, которыхъ почитаютъ ниже себя! Какъ

часто даже не за вину, и не въ распрѣ унижаютъ подобныхъ себѣ укоризненными и хульными названіями! Имена святыхъ, коими Церковь каждаго изъ насъ украшаетъ при самомъ рожденіи или крещеніи нашемъ, изламываютъ и искажаютъ для того, чтобы привить къ нимъ свое презрѣніе, къ своимъ во Христѣ братіямъ. Чего онъ стоитъ? — думаетъ о бѣдномъ богатый, который можетъ оцѣнить и купить многія тѣла человѣческія, но не знаетъ цѣны души Христіанской? Чего онъ стоитъ?. . Онъ стоитъ точно столько, сколько ты и я; онъ дѣйствительно купленъ цѣною, какой выше нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ,—онъ купленъ кровію Сына Божія. Мятежное діавольское свойство обнаруживаетъ тотъ, кто, не уважая общественнаго порядка, на высшихъ произноситъ дерзкій или хульный судъ, или по выраженію Апостола, *господства отметающеся, славы же хуля не трепещетъ* (Іуд. 8): но и тотъ не Ангельскимъ и не Христіанскимъ духомъ одушевляется, кто питаетъ въ себѣ, и дѣломъ или словомъ оказываетъ гордость, или презрѣніе къ низшимъ.

Обратимся еще къ Михаилу и сколько можно вслушаемся, о чемъ у него споръ съ діаволомъ. *Со діаволомъ препираяся, глаголаше о Моусеовѣ тѣлеси.* Повѣствователь не объясняетъ, въ чемъ именно состоялъ споръ о Моисеовѣ тѣлеси; и трудно дополнить сію краткость удовлетворительною догадкою. Сказываютъ, пишетъ одинъ изъ православныхъ толкователей Священнаго Писанія: «что Михаилъ Архангелъ послужилъ погребенію Моисея, а діаволъ противился тому, принося обвиненіе въ убіеніи Египтянина, полагая, что Моисей въ томъ виноватъ, и потому недостоинъ честнаго погребенія». Если кто спроситъ, какая была бы выгода для діавола оспорить погребеніе Моисея: пусть приведетъ себѣ на мысль, какъ часто злоба въ своемъ упорствѣ безумствуетъ; притомъ, еслибы удалось врагу показать Евреямъ поверженное, или еще поврежденное, и хищными животными истерзанное тѣло чудодѣйствовавшаго прежде вождя ихъ, сіе могло повергнуть ихъ въ крайнее уныніе, и нанести вредъ ихъ вѣрѣ и благосостоянію. Но какъ бы кто ни разсуждалъ о предметѣ сего спора, никто не усомнится въ томъ, что на сторонѣ Михаила была совершенная правда, а на сторонѣ противника его— несправедливость совершенная. Не смотря на то, діаволъ препирается, а Михаилъ Архангелъ не смѣетъ. Мы, за которыхъ так-

*

же, и безъ сомнѣнія, многократно Ангелы хранители наши препираются и сражаются съ діаволомъ, дабы сохранить насъ, не по нашему достоинству, но по ихъ небесному человѣколюбію, подражаемъ ли въ нашихъ земныхъ спорахъ терпѣнію и кротости небесныхъ защитниковъ нашихъ? Терпимъ ли и тогда, когда совершенно увѣрены въ несправедливости препирающихся съ нами? Сохраняемъ ли кротость и противъ явной наглости? Не часто ли напротивъ того съ упорствомъ и ожесточеніемъ препираемся за то, въ справедливости чего сами не увѣрены, и даже судомъ и тяжбою домогаемся того, на что не имѣемъ законнаго права; не стараются ли нѣкоторые злыми и хитрыми вымыслами длить тяжбы безъ конца, и самое святилище правосудія превращать въ вертепы грабежа и разбоя? По разсужденію Апостола и то одно постыдно для Христіанъ, что у нихъ есть тяжбы, хотя бы то были самыя справедливыя. *Уже бо отнюдь вамъ срамъ есть, яко тяжбы имате между собою. Почто не паче обидими есте, почто не паче лишени бываете* (1 Кор. VI, 7)? Что сказалъ бы ты, праведный обличитель, если бы воззрѣлъ на нынѣшнихъ Христіанъ и усмотрѣлъ, что изъ нихъ многіе, не только не научились быть обидимы и лишены, то есть, терпѣливо сносить обиды и отъятія собственности, но трудятся надъ искусствомъ обижать и лишать; за неосторожное слово противъ нихъ воздаютъ словомъ оскорбительнымъ, за оскорбительное слово мстятъ обидимымъ дѣломъ, за обидное дѣло готовы преслѣдовать даже до смерти? Какъ далеко все сіе отстоитъ отъ терпѣнія Христіанскаго и отъ кротости Ангельской. Должно опасаться, при недостаткѣ сихъ качествъ, чтобы небесные хранители наши совсѣмъ не отступили отъ насъ, ибо подобный приближается къ подобному,—и чтобы не предали насъ ихъ сопернику, къ которому мы добровольно приближаемся подобными ему свойствами и дѣйствіями.

Но, можетъ быть, найдется такой любитель распрей, который вмѣсто того, чтобъ осудить свой собственный порокъ, осмѣлится самого начальника Ангеловъ, отъ которыхъ мы должны ожидать дѣятельной помощи,—вникнуть въ излишней уступчивости несправедливому сопернику ихъ и нашему *Не смѣяше навести суда хулна.* Осмѣлимся защищать нашего защитника противъ обвинителей смѣлыхъ, но не разумѣющихъ правды Божіей; или лучше постараемся уразумѣть силу сей правды, кроющуюся въ

спокойномъ, и какъ бы бездѣйственномъ принятіи нападеній неправедныхъ. Почему не смѣлъ Архангелъ? Потому ли, что не имѣлъ довольно мужества, или довольно ревности противъ неправды, или довольно силы въ сравненіи съ соперникомъ? Но онъ все сіе доказалъ совершенною надъ діаволомъ побѣдою, о которой выше сказано. Почему же не смѣлъ онъ? Сіе открывается изъ собственныхъ Его словъ: *не смѣяше, но рече: да запретитъ тебѣ Господь.* Не смѣлъ потому, что и онъ зналъ силу заповѣди, которая намъ дана: не судите, да не судими будете. Не смѣлъ потому, что вѣдалъ постановленіе царствія Божія, которое и между нами провозглашено: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Римл. XII, 19). Не смѣлъ потому, что и онъ чтитъ власть Господа нашего, Который есть также Господь и Судія Ангеловъ: *ибо Самъ Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови; да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. V, 22. 23). Итакъ не предъ врагомъ своимъ, но предъ Богомъ не смѣлъ вѣрный служитель Божій; во мнимомъ бездѣйствіи его противъ соперника скрывалось глубокое дѣйствіе благоговѣнія предъ Богомъ и упованія на Его правду и силу, на правду непогрѣшительную, на силу всепобѣждающую. Вотъ высочайшее искусство духовной брани, полагать силу твари въ силу Божію! Сему военному искусству и Моисей училъ Израильтянъ, дабы получить побѣду, для которой у нихъ не было ни силъ, ни оружія: *Господь поборетъ по васъ, вы же умолкните* (Исх. XIV, 14). Но если немощному нужно предавать Богу судъ и отмщеніе за претерпѣваемую несправедливость для того, чтобы обратить въ пользу своего дѣла всемогущую силу Божію; то не менѣе и тому, кто, какъ Архангелъ, сильнѣе своего соперника, должно употреблять силу свою противъ неправды только по волѣ Божіей, и по возложенной свыше обязанности; а иначе спокойно предавать Богу справедливое прещеніе: *да запретитъ тебѣ Господь*! Богу отмщеніе: ибо Онъ Единъ и при безконечномъ гнѣвѣ, также безконеченъ въ любви, а тварь, какая бы ни была, еслибы возбудила въ себѣ такой огнь мщенія, какого достойны возстающіе противъ Бога, была бы въ опасности сама быть опалена собственнымъ огнемъ ярости. Судъ весь Сыну Божію, и на насъ человѣковъ, потому что Онъ Самъ на Себя воспріялъ не только судъ нашъ, но и *наказаніе мира нашего на Немъ* (Ис. LIII, 5), и потому Онъ Единъ стяжалъ власть про-

стить намъ; Судъ Сыну Божію и на самыхъ Ангеловъ, дабы предъ чистотою земныя плоти Его, безотвѣтна была нечистота духовъ злобы поднебесныхъ.

Намъ чадамъ Отца всеблагаго, намъ рабамъ Господа распятаго, приличнѣе терпѣніе и долготерпѣніе: ибо гнѣвъ не укрощается гнѣвомъ, и злоба не уничтожается злобою, подобно тому, какъ не гасятъ огня огнемъ, и отъ Яда не лѣчатъ тѣмъ же ядомъ. Къ сему сказано: *не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое.* Христианинъ! яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ, перенимай высокое искусство спасительной брани, котораго совершенный образецъ показываютъ тебѣ небеса. Учись непрестанно побѣждать злобу и лукавство діавола бдѣніемъ и осторожностію; духъ возношенія и раздора, возникающій въ тебѣ самомъ—кротостію и смиреніемъ, неправду человѣковъ—терпѣніемъ и упованіемъ на Бога. Не опасайся быть побѣжденъ, когда не будешь защищаться земнымъ оружіемъ и мышцею плоти. Богъ защитникъ беззащитныхъ: *Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ. На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Псал. XC, 11. 12). Аминь.

LXXXIX.

10. Слово

въ день Рождества Христова.

(Говорено въ Чудовѣ Монастырѣ 25 декабря)

> Сказаша о глаголѣ глаголанномъ имъ о отрочати семъ. И вси слышавшіи дивишася о глаголанныхъ отъ пастырей къ нимъ. Лук. II, 17. 18.

Кто еще теперь не дивится глаголу о рождествѣ Іисуса Христа, хотя уже столь много вѣковъ почти ежедневно глаголютъ о Младенцѣ семъ не простые только пастыри безсловеснаго

стада, но и простые и мудрые пастыри словесныхъ овецъ? Ибо что глаголютъ о Немъ пастыри Виѳлеемской страны? Они пересказываютъ небесный глаголъ, Ангельскую вѣсть, *яко родися вамъ днесь Спасъ, Иже есть Христосъ Господь* (Лук. II, 11); и если съ сею вѣстію приходитъ вамъ желаніе, какъ бы найдти Его, и забота, почему бы узнать Его, повѣствователи предупреждаютъ васъ: *се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита лежаща въ яслѣхъ* (Лук. II, 12). О знаменіе, которое обрѣтая, теряюсь, и узнавая, не постигаю! Христосъ дѣйствительный, совершенный Помазанникъ Божій: но Его знаменіе—не вѣнецъ и порфира, или—не увясло и риза святая [1]) въ честь и славу, но пелены! Господь: но вмѣсто престола въ яслѣхъ! Спаситель человѣковъ: но человѣки не даютъ Ему между собою послѣдняго угла, чтобы спасти младенческую жизнь Его, и отсылаютъ Его къ безсловеснымъ! Желаете ли еще слышать нѣчто изъ того, что глаголютъ о Немъ пастыри, которые вмѣсто жезла и палицы пасутъ разумомъ и ученіемъ? Новорожденный—и сущій прежде всѣхъ вѣковъ; младенецъ—и Отецъ будущаго вѣка; Сынъ человѣческій, но Сынъ Дѣвы, теперь и послѣ истинный Сынъ Дѣвы, а нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ также истинный Сынъ Божій; недавно въ чинѣ земныхъ тварей, но Тотъ Самый, Которымъ въ началѣ сотворено все и небесное и земное; днесь нѣмотствующій между безсловесными, но присно глаголющій и носящій всяческая глаголомъ силы Своея; какъ Слово сущее у Бога, человѣкъ Христосъ Іисусъ, и вмѣстѣ Сый надъ всѣми Богъ благословенный во вѣки! Но тщетно стали бы мы безъ числа умножать слова, чтобъ изрещи единственное Его Слово, послѣ глаголовъ изшедшихъ о Немъ въ концы вселенныя, Оно еще остается неизглаголаннымъ; послѣ славы прошедшей о Немъ отъ превыспреннихъ до преисподнихъ, Оно еще остается тайною. Блаженъ умъ, который, очистивъ чувства и утишивъ страсти, можетъ восходить превыше слова, дабы слышать Слово, которое тогда Само Себя изрекаетъ ему въ безмолвіи созерцанія! Не смѣя болѣе косноязычествовать съ мудрыми о томъ, что есть Отроча Само въ Себѣ, коснусь еще разъ и для самыхъ простыхъ внятнаго сказанія о томъ, что есть Отроча сіе для насъ человѣковъ. Ангелъ благовѣствуетъ *радость велію*, пастыри пересказываютъ,

[1]) Не златая ли?

что *родися вамъ днесь Спасъ. Той бо*, изъясняетъ также Ангелъ, *спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ*. О вѣсть сколько радостная, столько же и дивная! Что можетъ быть бѣдственнѣе грѣха, отъ котораго всѣ прочія бѣдствія? Онъ разлучаетъ человѣка съ Богомъ, поставляетъ во вражду съ другими человѣками и со всякою тварью, раздѣляетъ самого съ собою.

Грѣхъ лишаетъ душу—мира, умъ—свѣта, тѣло—нетлѣнія, землю—благословенія, всякую тварь—всякой доброты Онъ начинаетъ тѣмъ, что вселяетъ адъ въ человѣка, и оканчиваетъ тѣмъ, что человѣка во адъ вселяетъ. Итакъ, велія воистину радость, что наконецъ является Тотъ, Который *спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ*. И что же Онъ дѣлаетъ для спасенія грѣшниковъ? Раждается! Изъ безсмертной, Божественной жизни, раждается въ жизнь человѣческую,—смертную. Отлагаетъ славу, оставляетъ блаженство, сокрываетъ святыню, и пріемлетъ на Себя всѣ бѣдствія грѣха, кромѣ только самого грѣха. *Невѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори* Его Богъ Отецъ, *да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. V, 21). За то, что мы не захотѣли оставаться блаженными чадами Божіими въ раю, теперь Онъ младенчествуетъ бѣдственно на земли; за то, что мы употребляли во зло всѣ наши силы и способности, Онъ является теперь безъ всякія силы и способности. За то, что ноги наши текли на зло, и руки наши творили дѣла неправды, ноги ходящаго на крилу вѣтрению, и руки Вседержителя связаны пеленами. За то, что уста наши такъ часто глаголютъ суету, и языкъ нашъ сплетаетъ льщенія, что мы *благословляя языкомъ* имя *Бога и Отца* имъ жъ *кленемъ человѣки бывшія* сотворены *по подобію Божію* (Іак. III, 9); за наши безразсудныя проклятія и празднословія,—благословляющее Слово нѣмотствуетъ. За то, что *человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Пс. XLVIII, 21) звѣрскими страстьми и скотскими похотями, *Иже, во образѣ Божіи сый* не только *Себе умалилъ, зракъ раба приимъ въ подобіи человѣчестьмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся, якоже человѣкъ* (Фил. II, 6. 7), но и съ безсловесными вмѣнился жилищемъ и мѣстомъ покоя. И что еще? *Да мы будемъ правда Божія о Немъ*, Онъ исполняетъ *всякую правду*, весь законъ Божій; не нарушаетъ даже никакого человѣческаго закона, и при всемъ томъ *со безаконными вмѣнися* (Ис. LIII, 12), чтобы

насъ *искупить отъ клятвы закона* (Гал. III, 13), осуждающаго дѣла наши во адъ и погибель. Благословенный во вѣки содѣлается *за насъ клятвою*, чтобы возвести насъ отъ погибели. Спаситель нашъ Самъ снидетъ въ погибель; Онъ раждается на земли не для того, чтобы жить: ибо для сего не нужно было Ему земное рожденіе, но чтобы умереть, чтобы въ самый адъ низвести небесное рожденіе, наконецъ, чтобы изъ смерти породить жизнь, изъ ада сыновъ неба, изъ погибели извести спасаемыхъ. Такъ спасетъ Онъ *люди Своя отъ грѣхъ ихъ*.

Христіане! какъ слышите вы, какъ принимаете такія сказанія о Христѣ младенцѣ, кѣмъ бы ни были оныя предлагаемы? Не также ли, какъ глаголанныя отъ пастырей Виѳлеемскихъ о семъ Отрочати принимали всѣ слышавшіе? *И вси слышавшіи дивишася о глаголанныхъ отъ пастырей къ нимъ*. Подлинно, слишкомъ страшно и недостойно было бы, еслибы мы равнодушнѣе слушали громкія и ясныя вѣщанія Апостоловъ и учителей Церкви о Спасителѣ нашемъ, нежели какъ другіе слушали темныя рѣчи Пророковъ и гаданія; еслибы мы съ меньшимъ участіемъ взирали на самое дѣло спасенія нашего, нежели какъ другіе слышали одинъ слухъ о томъ. *Господи услышахъ слухъ Твой, и убоялся: Господи разумѣхъ дѣла Твоя, и ужасохся. Изшелъ еси во спасеніе людей Твоихъ*, во спасеніе со Христомъ Твоимъ (Аввак. III, 1. 2. 13). *Исповѣмся Тебѣ, яко страшно удивился еси: чудна дѣла Твоя, и душа моя знаетъ зѣло* (Пс. CXXXVIII, 14). *Како не дивимся*, поетъ Церковь, *Богомужному рождеству Твоему, Пресвятая?* Но да будетъ позволено вопросить и о томъ, какъ дивимся мы великому дѣлу воплощенія Сына Божія? Дивились всѣ слышавшіе отъ пастырей Виѳлеемскихъ о младенцѣ повитомъ, лежащемъ во яслѣхъ. Пастыри удалились; чудный младенецъ скрылся; удивленіе кончилось; и тѣ, которые прежде другихъ слышали о младенцѣ Спасителѣ, но не проникали въ тайну сію, и не послѣдовали Ему, вскорѣ испытали губительную руку гонителя, въ истребленіи младенцевъ ихъ. Примѣчайте сіе всѣ слышащіе, *и блюдите, како слышите*. Знаю, что пастыри ваши не удаляются отъ васъ, а напротивъ того будутъ васъ повсюду преслѣдовать славою Виѳлеемскаго младенца: но и міръ возшумитъ сильнѣе обыкновеннаго, чтобы заглушить гласъ ихъ, и чтобы отъ благоговѣйнаго удивленія чудеси Христа младенца отвлекать васъ къ разсѣянію, къ

увеселеніямъ чувственнымъ и зрѣлищамъ суетнымъ, и дѣламъ Христу неугоднымъ. Берегитесь, чтобы Христосъ, Котораго вы познали не только слухомъ ученія Его, но и общеніемъ таинствъ Его, не скрылся отъ васъ паки въ Свою недосязаемую непостижимость,—чтобы Слово Его, посѣянное въ сердцѣ вашемъ, не похитилъ врагъ, и оружіями, хотя не жестокими, какъ прежде, но столь же опасными, сколько они тонки, не истребилъ въ васъ небеснаго рожденія Старайтесь быть всегда не забытливыми слушателями Слова Христова, но творцами дѣла спасенія. Подражайте въ семъ пастырямъ, которые, услышавъ глаголъ Ангельскій, не довольствовались однимъ удивленіемъ, но *пригоша поспѣшивше, и обрѣтоша Маріамъ же и Іосифа, и Младенца лежаща во яслѣхъ* (Лук. II, 16). Подражайте самой Маріами, которая *соблюдаше вся глаголы сія, слагающе въ сердцы своемъ* (ст. 19) Положите глаголъ младенца Іисуса въ сердце ваше; и какъ имѣющая во чревѣ осторожно ходитъ и дѣйствуетъ, сохраняя зачатый плодъ: такъ и вы, ходя и дѣйствуя въ мірѣ между людьми, осторожно прикасайтесь и сообщайтесь, дабы ничто не могло изринуть изъ сердца вашего сладкой памяти и любви, намъ даннаго младенца Іисуса, и отъ Него зачатаго въ васъ духа спасенія, которое и да совершитъ Онъ во всѣхъ насъ благодатію Своею, вселяясь вѣрою въ сердца наши, и обитая въ нихъ во вѣки. Аминь.

1824 годъ.

XC.

11. Слово

на память иже во Святыхъ Отца нашего Алексія, Митрополита и всея Россіи Чудотворца.

(Говорено въ Чудовѣ Монастырѣ февраля 12).

> Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ, а иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ. Матѳ. V, 19.

Если должно, по слову Премудраго, чтобы *память праведнаго* была *съ похвалами* (Притч. X, 7), намъ не трудно воздать сей долгъ праведнику, котораго память нынѣ торжественно совершаемъ. Довольно взять отъ древа жизни одинъ добрый цвѣтъ,—и самъ собою составится вѣнецъ на главу праведника; довольно произнести одно живое слово, взятое изъ устъ Слова, все создавшаго и все украсившаго, чтобы увѣнчать похвалою достойнаго служителя сего самого Слова. *Иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ.* Сію мѣру великости поставивъ противъ духа и дѣяній Алексія, кто не усматриваетъ тотчасъ, какъ совершенно наполняетъ онъ сію священную мѣру духовнымъ возрастомъ? Какъ же скоро мы убѣждены признать, что Онъ есть *велій*—велій такою великостію, съ которою ничто на земли не равняется, поелику онъ *великій въ царствіи небеснѣмъ*, а небесное, безспорно, выше земнаго: то есть ли еще какая высота, на которую могла бы вознести Его похвала земная?

Цвѣтущее древо не имѣетъ нужды въ томъ, чтобы ему приносили цвѣты для его украшенія; по благотворности всеблагимъ Творцемъ созданнаго естества, оно ждетъ, чтобы кто его естественными цвѣтами себя украсилъ, или благоуханіемъ ихъ насладился, или плодами его напитался. Сему подобно и праведникъ, насажденный *въ дому Господни*, рукою благодати, *во дворѣхъ Бога нашего* процвѣтающій (Пс. XCI, 14) похвалами существенными, то есть, совершенствами, добродѣтелями и чудесами, не имѣетъ нужды въ томъ, чтобы мы приносили ему словесныя похвалы; но, по любви Божіей, въ немъ живущей, желаетъ и ожидаетъ, чтобы мы сами его существенными похвалами украшались и питались, то есть, чтобы, по образу Его, для собственной нашей жизни, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляли* (Филип. IV, 8).

Возмемъ же цвѣтъ Евангельскій, которымъ думали было мы украсить праведника. Поставимъ для самихъ себя данную Іисусъ Хрістомъ мѣру малаго и великаго, такъ, чтобы она могла показать, чего недостаетъ, или что нужно намъ для достиженія *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. IV, 13).

Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мнїй наречется въ царствїи небеснѣмъ: а иже сотворитъ и научитъ, сей велїй наречется въ царствїи небеснѣмъ.

Разорить малую заповѣдь,—сотворить, научить, — какія необыкновенныя мѣры великаго и малаго! Итакъ великъ ли тотъ, кто видитъ ниже себя тысячи подобныхъ себѣ, и можетъ ихъ преклонять и восклонять, низлагать и возстановлять, низвергать и возносить? Великъ ли тотъ, кто на раменахъ своихъ носитъ цѣлую область, или государство, и можетъ удерживать, направлять, даже увеличивать ихъ силы? Великъ ли тотъ, кто искусство и силу свою испыталъ въ браняхъ, и побѣдами доказалъ свое превосходство? Великъ ли, — найдутся и о семъ вопрошающіе,—великъ ли тотъ, который избытки и недостатки другихъ умѣетъ обращать въ составъ своего изобилія такъ, что люди, которые могли бы за стыдъ допустить его съ собою въ споръ о великости, принуждены обращаться къ нему для по-

лученія средствъ сохранить блескъ сей великости? *Ты глаголеши!* скажутъ мнѣ; ты почти назвалъ ихъ уже великими. Но нѣтъ! То, что праведно или неправедно, нарицается великимъ на земли, не соотвѣтствуетъ мѣрѣ великости небесной, которая совсѣмъ иная. Спросимъ и еще: малъ ли тотъ, кто не имѣетъ на земли ни великаго сокровища, ни великой силы, ни великаго искусства, ни великаго имени, кого предъ другими унижаетъ и степень званія, и бѣдность, и недостатокъ уважаемой въ обществѣ образованности, кто едва не ниже самой земли, въ которую онъ углубляется для извлеченія изъ нея питательной силы, или драгоцѣнностей, болѣе для другихъ, нежели для себя? Опять нѣтъ! И сей малый земли не соотвѣтствуетъ мѣрѣ того, что называется малымъ въ царствіи небеснѣмъ. Чтожъ? Неужели великіе и малые земли равны между собою?—Подлинно, велико ли между ими неравенство предъ Тѣмъ, Который безмѣрныя небеса измѣряетъ пядію? Не скажемъ однако, какъ и Господь не сказалъ, чтобы между ими не было различія; и между малыми земными мѣрами великаго и малаго есть правильныя различія, положенныя Тѣмъ, Который *вся мѣрою, числомъ и вѣсомъ расположилъ* (Прем. XI,—21), только не по земнымъ мѣрамъ идутъ небесныя. Давидъ при стадѣ Виѳлеемскомъ малъ предъ прочими сынами малаго въ народѣ своемъ Іессея; въ то же время тотъ же Давидъ уже великъ паче братій своихъ предъ Богомъ и предъ Пророкомъ Его Самуиломъ. Давидъ на престолѣ во Іерусалимѣ великъ и предъ Богомъ и вмѣстѣ предъ человѣками. Навуходоносоръ, безъ сомнѣнія, почиталъ себя очень великимъ, когда нарекъ себя создателемъ Вавилона великаго; но въ то же самое мгновеніе открылось, что онъ не выше безсловесныхъ. Сынъ Захаріи, живущій въ пустынѣ, одѣвающійся звѣриною кожею, питающійся дикою пищею, вѣроятно, дикимъ человѣкомъ казался многимъ изъ тѣхъ, которые *носятъ мягкая, и живутъ въ домѣхъ* (Матѳ. XI, 8): и кто бы подумалъ, что есть родъ великости, въ которой онъ переросъ всѣхъ рожденныхъ женами прежде его? Но и еще есть родъ великости, въ которой онъ не достигъ до меньшаго въ царствіи небесномъ. Къ чему же, наконецъ, могутъ послужить намъ столь разнообразныя мѣры великаго и малаго. Къ тому, чтобы къ нимъ примѣривалъ себя мнящійся быть болѣе другихъ, и не презиралъ малыхъ земли, не возносился предъ ними надменною мыслію,

предусмотрительно помышлялъ о времени, когда разновидная великость земная, подобно разносоставному истукану сновидѣнія Навуходоносора, разсыплется въ прахъ, и, можетъ быть, оставитъ его слишкомъ малымъ противъ мѣры небесной,—чтобы къ онымъ примѣривалъ себя и малый земли, и не завидовалъ великимъ, не упадалъ духомъ, заботился не о томъ, какъ бы возвыситься на земли, но, да не *наречется мній въ царствіи небеснѣмъ*.

Не разумѣющій, или нерадящій можетъ сказать, что для него довольно, если хотя *мній наречется въ царствіи небеснѣмъ*. Таковому отвѣтствуетъ Святый Златоустый: «егда слышиши меньшаго во царствіи небеснѣмъ, ничто же ино разумѣй, развѣ геенну и муку, царство бо онъ не наслажденіе вѣсть нарицати токмо, но и время воскресенія, и пришествіе оное страшное». И далѣе говоритъ «Мній будешь, сіе есть, отверженный, послѣдній,—послѣдній же всячески въ геенну впадетъ тогда», то есть во время всеобщаго воскресенія и открытія царствія Божія. «И подлинно, какъ разсуждаетъ тотъ же учитель Церкви, если тотъ, кто скажетъ брату: уроде, осуждается въ геенну, можетъ ли быть меньше осужденіе тому, кто *разоряетъ заповѣдь, и научаетъ тако человѣки*»? И такъ, *мній*, или малѣйшій *въ царствіи небеснѣмъ*, есть мѣра не только скудная, но страшная, мѣра не просто умаленныхъ и униженныхъ, но осуждаемыхъ и погибающихъ.

И кто упадаетъ въ толико низкую мѣру? *Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ*. Грозный приговоръ, который, какъ острая коса, подсѣкаетъ наши легкія надежды достигнуть царствія небеснаго! Кто изъ насъ можетъ похвалиться, что онъ не нарушаетъ ни единой, даже малой заповѣди? Кто не надѣется, однако, что и многіе малые грѣхи не увлекутъ его въ геенну? Гдѣ же теперь сія надежда? Нарушившій одну изъ малыхъ заповѣдей есть *мній въ царствіи небеснѣмъ*; а мній въ царствіи небеснѣмъ есть не иное что, какъ сынъ геенны.

Удержимся отъ отчаянія, и спокойнымъ размышленіемъ вникнемъ въ изреченіе Спасителя. Что должно разумѣть въ словахъ Его подъ указательнымъ названіемъ: *заповѣдей сихъ*? Конечно, такія заповѣди, которыя были въ очахъ, или въ мысляхъ слышащихъ, когда Онъ произносилъ судъ Свой о малыхъ и великихъ, въ отношеніи къ царствію Божію. Какія же то были заповѣди? Безъ сомнѣнія тѣ, которыми Господь изъяснялъ, и возвышалъ

въ то время духъ заповѣдей Моисеевыхъ. Заповѣди Моисеевы запрещали убійство, прелюбодѣяніе, клятвопреступленіе, обиду: Господь запретилъ и гнѣвъ, и любодѣйный взглядъ, и справедливую клятву безъ нужды, и сопротивленіе обижающему, заповѣдуя вмѣсто того любить враговъ. И сіи—то заповѣди назвалъ Онъ *малыми*, потому что запрещаемыя ими дѣйствія кажутся только малыми грѣхами, или совсѣмъ таковыми не кажутся людямъ, которые грубо держатся только письмени, то есть, чувственнаго понятія закона,—и не умѣютъ читать тонкій законъ духа на скрижаляхъ сердца, избѣгаютъ явныхъ, предъ очами самаго міра презрительныхъ пороковъ и беззаконій, но за ничто почитаютъ внутреннія нечистоты, мерзкія предъ очами Божіими.

Такимъ образомъ открывается, что нарушитель малыхъ заповѣдей, есть тотъ, кто хотя не убиваетъ, но въ тайнѣ злобствуетъ; не прелюбодѣйствуетъ, но не умерщвляетъ похотей; не обуздываетъ языка; не имѣетъ терпѣнія и любви ко врагамъ; иначе сказать, кто не имѣетъ сердца чистаго и духа праваго. О таковомъ какая чистая совѣсть не приступитъ къ приговору суда Христова, и не признаетъ, что *праведенъ Господь, наводяй гнѣвъ*?

Когда же слышимъ, что Онъ осуждаетъ и за единую изъ малыхъ заповѣдей неисполненную, почти такъ же, какъ за всѣ великія: не станемъ сами у себя малыми грѣхами отнимать надежду спасенія. Если вѣрно сказанное, что *уничижаяй малая, по малѣ упадетъ* (Сирах. XIX, 1): то хотя бы малые грѣхи и не строго осуждаемы были сами въ себѣ, они погубили бы насъ, доведя мало по малу до великихъ; и потому, должно не сѣтовать на строгость суда, но сею самою строгостію возбуждать себя къ необходимой осторожности противъ паденій, почитаемыхъ малыми. Прежде нежели грѣхъ обольститъ тебя тѣмъ, что онъ кажется малымъ: поражай его и отражай отъ себя грознымъ судомъ Христовымъ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, мній*, послѣдній, отверженный *наречется въ царствіи небеснѣмъ*.

Впрочемъ строгость суда сего въ полной силѣ своей устремлена не просто на малые грѣхи, нами содѣланные, но на грѣхи нами распространяемые. *Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречется*

въ царствіи небесномъ. Итакъ, намъ, поставленнымъ научать человѣка заповѣдямъ Божіимъ, намъ паче прочихъ угрожаетъ здѣсь Господь судомъ Своимъ; и въ то же время, какъ возвышаетъ сіе служеніе до великости небесной, сколько нибудь невѣрное хожденіе въ семъ служеніи Онъ уничижаетъ даже до геенны. *Праведенъ еси Господи, и правы суди Твои* (Пс. CXVIII, 137)! Какъ мы оправдаемся, если тѣхъ, которымъ посылаешь Ты насъ дати разумъ спасенія, мы введемъ въ заблужденія погибельныя? И *аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ?* Помилуй насъ уничиженныхъ; удали отъ насъ всякое слово растлѣнное, всякое дѣло, могущее соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Тя!

Но и вы, непризванные особеннымъ званіемъ Божіимъ къ тому, чтобы научать человѣки, не думайте, что судъ Господень на тѣхъ, которые научаютъ человѣка разорять заповѣди, васъ уже не коснется! Нѣтъ! И по васъ пройдетъ также мѣра посрамительнаго униженія и отлученія отъ царствія небеснаго, если не потщитесь, данными отъ Бога средствами, возращать себя во спасеніе, такъ чтобы, ежели не въ словѣ ученія, то въ дѣлѣ примѣра [1]), *просвѣщался свѣтъ ваш̀ъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16). Если родитель предъ дѣтьми, домовладыка предъ домашними, господинъ предъ рабами, начальникъ предъ подчиненными, даже кто бы ни былъ предъ ближними, *разоряетъ едину заповѣдей*, уже онъ не только разоряетъ оную, но и *научаетъ тако человѣки*. Дѣти естественно подражаютъ дѣламъ родителей, домашніе или рабы иногда почти невольно бываютъ запутаны въ безпорядочныхъ дѣлахъ домовладыки или господина; низшимъ перестаетъ казаться низкимъ дѣло, которое видѣли у высшихъ; если разоряющій заповѣдь имѣетъ, повидимому, только свидѣтелей, а не послѣдователей,—и тогда онъ или нарушаетъ чистоту ихъ мысли зрѣлищемъ грѣха, или еще вводитъ ихъ во грѣхъ осужденія, и такимъ образомъ непримѣтно *научаетъ разорять оныя малыя заповѣди*. Помни, Христианинъ, что грѣхъ, который ты содѣлаешь предъ очами ближняго, не только унижаетъ тебя предъ симъ ближнимъ, но и предъ всѣмъ царствіемъ Бо-

[1]) Въ Чтен.: спасенія,..

жіимъ, яко распространителя грѣха: *иже аще разорит единy заповѣдей сихъ малыхъ, мнiй наречется въ царствiи небеснѣмъ.*

Доселѣ большею частію о малыхъ, въ отношеніи къ царствію небесному, говорили мы, яко малые; и можетъ быть, не напрасно потому, что малыхъ во всякомъ отношеніи болѣе, нежели великихъ. Дерзнемъ ли далѣе говорить о великихъ въ царствіи Божіемъ? Но и они не требуютъ нашего малаго слова; и слово сіе не хочетъ быть тяжко слушателю продолжительностію; и близь насъ сущій великій царствія Божія проповѣдуетъ о семъ величіи паче всякаго слова.

Скажемъ только еще въ утѣшеніе малыхъ, что отъ малѣйшаго до великаго въ царствіи небеснѣмъ не такъ далеко, какъ то бываетъ въ земномъ царствіи. Тотъ, кто вчера малыми или даже великими грѣхами умаленъ и низверженъ былъ даже до геенны, сего дня можетъ покаяться, сотворить плоды достойные покаянія;—*а иже сотворитъ*, уже идетъ вслѣдъ за великими въ царствіи небеснѣмъ. Если же онъ примѣромъ своего исправленія возбудитъ и другихъ къ исправленію житія: то онъ уже не только *сотворилъ*, но и *научилъ*; *а иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствiи небеснѣмъ*, въ которомъ, наконецъ, многомилостивый Царь и Господь нашъ да сподобитъ всѣхъ насъ, малыхъ и великихъ, величать и словословить Его Единаго во вѣки. Аминь.

XCI.

12. Слово

въ день обрѣтенія мощей, иже во святыхъ Отца нашего Алексія, Митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца.

(Говорено въ Чудовѣ Монастырѣ, мая 20 дня).

Блажени плачущіи нынѣ: яко возсмѣетеся
Лук. VI, 21.

Что думаетъ міръ, слыша сіи слова Евангелія, если онъ когда нибудь думаетъ о Евангеліи? Онъ любитъ смѣяться, играть, веселиться, а ему совѣтуютъ плакать. Если не можно прожить безъ печали, онъ желаетъ по крайней мѣрѣ отдалять ее, сколько можно; а его хотятъ нынѣ же привести въ слезы. Ему кажется, что быть веселымъ, и быть счастливымъ есть одно и то же: а его увѣряютъ, что блаженство сокрыто въ плачѣ. Какое странное ученіе, думаетъ онъ, какая непріятная жизнь! Какая печальная вѣра!

Но что говорить о мірѣ? Что думаютъ чада вѣры, пришедшія сюда возвеселиться о блаженномъ подвижникѣ вѣры предъ Богомъ, Который *не далъ преподобному Своему видѣти истлѣнія* (Дѣян. II, 27)? Что думаютъ они, если обращаютъ вниманіе на то, что Евангеліе въ самый сей день веселія не стыдится оглашать ихъ словомъ плача? Думаютъ ли о томъ, какъ нужно и въ наши праздники, по подобію древнихъ, къ сладкимъ опрѣснокамъ привмѣшивать горькое зелie, къ радости плачь, чтобы сладость, не приправленная горестію, не повредила душевнаго вкуса и не породила болѣзней, — чтобы плачь, отверженный нами, какъ мирный руководитель къ блаженству, не постигъ насъ, какъ грозный каратель смѣха: *горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете* (Лук. VI, 25).

Подумаемъ о смѣхѣ міра—безъ смѣха, и о плачѣ Евангельскомъ—безъ унынія.

Подъ именемъ *смѣха* Евангеліе разумѣетъ, безъ сомнѣнія, не одинъ устный смѣхъ, и не собственно смѣхъ осуждаетъ. Кто не разсмѣялся когда нибудь въ жизни, кромѣ одного развѣ Сына Дѣвы, Котораго не разъ Евангеліе представляетъ плачущимъ, но никогда не показываетъ смѣющимся, дабы и внѣшнія естественныя дѣйствія Его были для насъ наставленіемъ въ духовныхъ добродѣтеляхъ? Разсмѣялась иногда и скромная Сарра; и хотя обличена въ томъ отъ Господа, однако не наказана рыданіемъ и плачемъ, и не лишена обѣтованія; но, получивъ обѣщаннаго сына, еще хвалилась смѣхомъ: *смѣхъ мнѣ сотвори Господь* (Быт. XXI, 6). И еслибы всѣхъ осуждать за нынѣшній смѣхъ; то не осталось бы, кому дать блаженство за слезы. И такъ *смѣющіеся*, которыхъ осуждаетъ Евангеліе, суть люди, которые преданы удовольствію чувственному такъ, что поставляютъ его предметомъ всѣхъ желаній, цѣлію всей дѣятельности, которые, по ихъ изъясненію, болѣе знаменательному, нежели сколько сами они понимаютъ, живутъ въ свое удовольствіе.

Подобнымъ образомъ не всякія слезы составляютъ плачь Евангельскій; ибо плачутъ даже и звѣри. Источникъ воды живыя, текущія въ животъ вѣчный, который отверзаетъ въ человѣкѣ Іисусъ Христосъ, и который образуетъ рѣки блаженства, не изъ тѣлесныхъ очей исходитъ; но, по изреченію Господа, *течетъ отъ чрева* (Іоан. VII, 38), то есть изъ внутренней глубины духа вѣрующаго. *Плачущіе* въ духѣ Евангельскомъ, будучи противоположны смѣющимися по духу міра, суть люди, которые чувственное удовольствіе находятъ грубымъ, низкимъ, недостойнымъ и ничтожнымъ, которымъ ничто земное не мило, ничто тлѣнное не дорого, но возлюбленъ Единъ Богъ и Его небесное царствіе, драгоцѣнна едина душа и ея вѣчное спасеніе; которые, углубляясь въ познаніе себя, чувствуютъ душу свою полною грѣховъ вольныхъ и невольныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, и горько *плачутъ нынѣ*, во времени, осуждая внутренно сами себя, и страшась осужденія Божія вѣчнаго; видятъ спасеніе свое, какъ бы на нити висящимъ надъ бездною погибели, и сокрушаются помышленіемъ о немощи своей и о неизвѣстности судьбы своей; низводятъ взоры въ преисподнюю, и рыдаютъ о томъ, что имъ угрожаетъ; возводятъ оные на небо, и воздыхаютъ о томъ, чего на

*

время уже лишились, и навсегда могутъ лишиться грѣхами своими; воспоминаютъ о возлюбленномъ Создателѣ, Промыслителѣ и Спасителѣ, и *отвержеся утѣшитися душа ихъ* (Пс. LXXVI, 3) чѣмъ-либо инымъ, кромѣ смиреннаго сѣтованія и уязвленія себя мыслію, отъ Кого удалились и Кого раздражили грѣхами; созерцаютъ вѣрою благодать, и въ ней помилованіе грѣшника и прощеніе грѣховъ, и сердце ихъ разстаяваетъ въ сладкія слезы любовію растворенная покаянія и благодарнаго умиленія. Подобно тому, какъ *оные смѣющіеся* живутъ для удовольствія, и удовольствіемъ измѣряютъ чувство жизни, сіи *плачущіе* живутъ нѣкоторымъ образомъ для слезъ и слезами питаютъ жизнь духа, какъ и сказалъ одинъ изъ таковыхъ самъ о себѣ: *быша слезы моя мнѣ хлѣбъ день и ночь* (Пс. XLI, 4).

Опредѣливъ такимъ образомъ смѣхъ міра и плачь Евангельскій, помыслимъ безпристрастно, который изъ нихъ сообразнѣе съ нынѣшнимъ состояніемъ человѣка на землѣ и съ дальнѣйшимъ его назначеніемъ.

Жить удовольствіемъ свойственно состоянію или райскому, или младенческому: райскому—по той причинѣ, что въ раю какъ нѣтъ зла, такъ нѣтъ страданія и скорби, а потому нѣтъ и плача и воздыханія; младенческому,—поелику младенецъ неспособенъ къ важнымъ упражненіямъ, и не знаетъ высшей цѣли жизни, а потому невинно слѣдуетъ побужденію чувственной природы избѣгать страданія, прилѣпляться къ тому, что пріятно занимаетъ чувства, играть, смѣяться. Но какъ изъ райскаго состоянія всѣхъ насъ вывелъ грѣхъ, а изъ младенческаго каждый въ свое время выходитъ путемъ природы и образованія; какъ въ райскомъ состояніи нынѣ быть мы не можемъ, хотя бы и желали, а младенчествовать послѣ совершеннолѣтія и не естественно и унизительно, то подумайте *смѣющіеся нынѣ*, живущіе только настоящимъ удовольствіемъ, какое странное и неумѣстное явленіе вы представляете изъ себя нынѣ, хотя бы ничѣмъ не угрожало вамъ будущее! Не напрасно мудрецъ входитъ въ распрю противъ смѣха и веселія: *смѣху рекохъ: поигрѣшеніе, и веселію: что сіе твориши* (Еккл. II, 2): «я сказалъ смѣху: ты безумствуешь; я сказалъ веселію: что ты дѣлаешь?» Испытавъ пріятное во всѣхъ на землѣ видахъ, онъ узналъ, что въ любезномъ смѣхѣ міра кроется нынѣ, и что изъ него послѣ откроется. *Даже среди смѣха*, говоритъ онъ, *болитъ*, сердце, *послѣдняя же радости*

въ плачь преходятъ [1]) (Притч. XIV, 13); то есть чувственное удовольствіе и само въ себѣ всегда нечисто, но смѣшено съ непріятностію, и утомительно и въ своихъ послѣдствіяхъ бѣдственно; ибо не только исчезаетъ, но и превращается наконецъ въ противное.

Самый опасный врагъ есть льстецъ, а самый опасный льстецъ есть чувственное удовольствіе. Не видимъ ли ежедневно, куда приводитъ оно тѣхъ, которые охотно ему позволяютъ обольщать ихъ? Въ позднее раскаяніе, въ болѣзни, въ нищету, въ безславіе, въ отчаяніе, въ погибель. Не видимъ ли, какъ смѣющаяся роскошная жизнь разрушаетъ благосостояніе людей, едва ли не чаще, нежели бѣдственныя приключенія, непредвидимыя и неотвратимыя? Какъ легкія забавы скорѣе уносятъ здоровье у играющихъ, нежели тяжкія работы у трудящихся? Какъ добровольные рабы чувственности властію привычки отдаются ей въ невольники, а наконецъ въ оковахъ болѣзней, подъ карательными орудіями врачей, становятся ея мучениками? Но, что всего ужаснѣе, не примѣчаемъ, какъ люди, которыхъ душа любитъ почивать, ясти, пити, веселиться,—съ сею же любовію лежатъ, но безъ сомнѣнія, уже не почиваютъ и на смертномъ одрѣ; съ сею же любовію и жаждою чувственныхъ удовольствій отходятъ туда, гдѣ нѣтъ ничего чувственнаго, которое они знаютъ и любятъ, но все духовное, о которомъ имъ едва ли когда во снѣ мечталось? Что найдутъ они *тамъ* для себя? Еслибы и не нашлось для нихъ ада, гдѣ огнь не угасаетъ, гдѣ червь не умираетъ, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ: ихъ чувственное вожделѣніе, въ высочайшемъ степени возбужденное и оставленное безъ малѣйшаго удовлетворенія, должно палить ихъ, какъ огнь, точить какъ червь, мучить и терзать ихъ. Таковъ, по необходимости, долженъ быть конецъ людей, которые, по выраженію Мудраго, *вмѣниша игралище быти животъ нашъ* (Прем. XV, 12). *Горе вамъ, смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете* (Лук. VI, 25).

Будемъ благодарны Евангелію за сей грозный гласъ, которымъ оно, желая насъ остановить на пути чувственнаго удовольствія, къ которому, по растлѣнной природѣ, всѣ болѣе или менѣе привлекаемся, указуетъ бездну, зіяющую поглотить насъ.

---

[1]) Съ еврейскаго текста.

Приимемъ съ вѣрою и послушаніемъ наставленіе нашего Божественнаго Учителя, которымъ Онъ посредствомъ кратковременнаго плача желаетъ предохранить насъ отъ вѣчнаго, и приготовить къ вѣчной радости. *Блажени плачущіи нынѣ, яко возсмѣются.*

Читаемъ въ книгѣ Ездры, что, когда, по разрушеніи храма Іерусалимскаго Вавилонянами, возвратившіеся изъ плѣна Іудеи вновь приступили къ созиданію онаго, тогда *мнози отъ священниковъ и левитъ, и князи отечествъ, и старѣйшины, иже видѣша домъ преждній на основаніи своемъ, и сей домъ предъ очесы своими, плакаху гласомъ великимъ, и народъ возклицающъ, въ веселіи возвышаху гласъ. И не можаху людіе познати гласа восклицанія веселящихся отъ гласовъ плача народнаго* (1 Ездр. III, 12. 13). Прекрасный образъ нашего состоянія, Христіане, и расположенія духа, какого требуетъ отъ насъ Евангеліе! Ибо *вся сія*, по изъясненію Апостола, *образи прилучахуся онѣмъ, писана же быша въ наученіе наше* (1 Кор. X, 11). Душа человѣка, испадшаго изъ благодати Божіей, есть разрушенный храмъ Божій. Враги, которые осквернили, обезобразили, опустошили его и поработили насъ, суть грѣхи наши. Могущественный Царь, Который *проповѣдуетъ плѣненнымъ отпущеніе* (Лук. IV, 18), и даетъ способъ возстановить разрушенный живый храмъ живаго Бога, есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Евангеліе на наши духовныя развалины посылаетъ духъ покаянія и вѣры, чтобы вновь воздвигнуть алтарь молитвы, возжечь огнь любви къ Богу и подать намъ надежду, что мы паки будемъ *жить въ помощи Вышняго, водворяться въ кровѣ Бога небеснаго* (Пс. XC, 1). Кто бы ты ни былъ, гражданинъ или пришелецъ духовнаго Іерусалима, священникъ или левитъ, князь отечествъ, или одинъ изъ народа вѣрующихъ, если умъ твой не ослѣпленъ чувственностію, и можетъ видѣть сіи развалины прежняго, сіе основаніе новаго храма духовнаго, если сердце твое не одебелѣло, какъ у невѣрующихъ, можешь ли ты въ минуты спокойнаго и благоговѣйнаго размышленія смотрѣть на свое состояніе холоднымъ окомъ и сердцемъ? Не должно ли прошедшее извлекать у тебя горькія слезы раскаянія, настоящее—кроткія слезы покаянія, будущее—сладкія слезы умиленія и радости? Въ семъ таинственномъ смѣшеніи печали и утѣшенія, плача и веселія,—уже и нынѣ начинается и ощущается блаженство плачу-

щихъ, которое совершитъ и откроетъ Господь, *отъявъ*, наконецъ, *всяку слезу отъ очію ихъ* (Апок. XXI, 4). *Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся* отъ утѣшителя Духа Святаго. Аминь.

XCII.

13. Слово

при посѣщеніи Города Верея.

(Говорено іюня 6).

> И азъ пришедъ къ вамъ братіе, пріидохъ не по превосходному словеси или премудрости. возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе: не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята 1 Кор II, 1.

Пришедъ къ вамъ, братіе, незнаемый въ лице, къ малознаемымъ по образу мыслей и жизни, недоумѣваю, что сказать вамъ, и какъ говорить съ вами.

Да разрѣшитъ сіе недоумѣніе, и да будетъ нынѣ моимъ и вашимъ наставникомъ Божественный Апостолъ Павелъ. Онъ, приводя на память Коринѳянамъ и вмѣстѣ повѣствуя для насъ, какимъ образомъ въ первый разъ приходилъ онъ къ нимъ съ проповѣдію Евангельскою, говоритъ къ нимъ: *азъ пришедъ къ вамъ братіе, пріидохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе. не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа и сего распята.*

Слышите ли, что говоритъ симъ гражданамъ сей пришелецъ, пришедшій отъ Бога? *Возвѣщалъ* имъ *свидѣтельство Божіе.* Примѣчаете ли, какъ говорилъ онъ съ ними? *Не по превосходному словеси или премудрости*, то есть, не употреблялъ онъ для привлеченія ихъ къ себѣ искусственнаго краснорѣчія, не разсыпалъ предъ ними сокровище знанія, но, сколько можно, простымъ словомъ предложилъ имъ главное и необходимое ученіе.

Посему, *и азъ пришедъ къ вамъ, братіе*, нынѣ, по тому же долгу служенія Евангельскаго, которое Господь нашъ первоначально ввѣрилъ Апостоламъ, а отъ нихъ чрезъ непрерывное преемство священнаго рукоположенія простеръ и до нашего недостоинства,—*прихожду не по превосходству словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе*. Не забочусь о искусствѣ слова человѣческаго, ни о богатствѣ знанія человѣческаго: Слово Божіе не имѣетъ нужды въ сихъ ничтожныхъ пособіяхъ, и Премудрость Божія даже утаеваетъ свои тайны отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открываетъ младенцамъ. Желаю, поколику Богъ даруетъ, въ простотѣ слова и въ чистотѣ истины возвѣстить вамъ *свидѣтельство Божіе*, или точнѣе сказать, не возвѣстить какъ новое, но какъ извѣстное въ мысляхъ и чувствованіяхъ вашихъ, возобновить къ общему назиданію

Что такое *свидѣтельство Божіе*? Апостолъ разумѣетъ подъ симъ названіемъ ученіе Христіанскія вѣры. Сіе очевидно изъ собственныхъ его словъ, которыми онъ, упомянувъ о свидѣтельствѣ Божіемъ, тотчасъ опредѣляетъ предметъ сего свидѣтельства: *не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята*. Называть ученіе Христіанскія вѣры свидѣтельствомъ Божіимъ Апостолы приняли отъ Самого Іисуса Христа: ибо, назначая ихъ проповѣдниками сея вѣры, Онъ сказалъ имъ: *будете Ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. 1, 8). А въ другомъ случаѣ то же самое назначеніе объяснилъ имъ слѣдующими словами: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа* (Матѳ. XXVIII, 19).

Свидѣтельствомъ Божіимъ ученіе Христіанскія вѣры называться можетъ или потому, что сіе ученіе свидѣтельствуетъ о Богѣ, или потому, что свидѣтельствуетъ о немъ Богъ. Оно свидѣтельствуетъ о Богѣ противъ заблужденій языческихъ, что Онъ есть единъ, вѣченъ и неизмѣненъ въ существѣ Своемъ и въ волѣ Своей, всемогущъ и премудръ, праведенъ и благъ. Противъ невѣдѣнія Іудейскаго свидѣтельствуетъ оно, что Единый Богъ есть Троиченъ, Богъ Отецъ безначальный и не рожденный, Сынъ Божій, рожденный отъ Бога Отца и единосущный съ Нимъ; Духъ Божій, исходящій отъ Бога Отца, равный Отцу и Сыну въ Божествѣ и славѣ. Всѣмъ человѣкамъ вообще свидѣтельствуетъ оно, что Богъ есть Творецъ, Промыслитель и Спаситель. Осо-

бенно свидѣтельствуетъ человѣкамъ, яко грѣшникамъ, что Богъ *не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. XXXIII, 11); что для сего Богъ Отецъ благоволилъ послать на землю Сына Своего Единороднаго, и Духа Своего Святаго: что Сынъ Божій, воплотившись отъ Пречистыя Дѣвы Маріи, въ лицѣ Своемъ соединилъ Божество съ человѣчествомъ, дабы все прочее человѣчество примирить и соединить съ Божествомъ; что Сей Богочеловѣкъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пострадалъ и умеръ, дабы умертвить нашего ветхаго человѣка, то есть, грѣховную въ насъ силу, отъ Адама въ насъ рожденную и собственными грѣхами нашими питаемую;—воскресъ, дабы воскресить въ насъ новаго человѣка, то есть, возбудить въ насъ благодатную духовную силу, жившую въ насъ прежде грѣха Адамова;—вознесся на небо, дабы всеобъемлющею властію Своего Божества все соестественное Себѣ человѣчество привлечь отъ земли на небо; что, по ходатайству Іисуса Христа, пришедшій на землю Духъ Святый, *дышущій, идѣже хощетъ*, наипаче дѣйственно и ощутительно дышетъ въ словѣ Евангельскомъ и въ таинствахъ церковныхъ; что сей Духъ невидимымъ, часто *невѣдомо откуда приходящимъ* дѣйствіемъ Своимъ грѣшника, закоснѣвающаго во грѣхахъ, обличаетъ, вразумляетъ, побуждаетъ обратиться къ Богу, не знающаго какъ обратиться научаетъ, изнемогающаго въ подвигѣ обращенія укрѣпляетъ и одушевляетъ, и такимъ образомъ вводитъ *внутрь* человѣка *царствіе Божіе*, которое есть *правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ*,—дабы наконецъ совершенно ввести человѣка въ царствіе Божіе, когда явится Іисусъ Христосъ, призвать благословенныхъ Отца Своего въ наслѣдіе царствія, уготованнаго имъ отъ сложенія міра. Вотъ въ немногихъ словахъ многознаменательное свидѣтельство Христіанскія вѣры о Богѣ и спасительныхъ дѣлахъ Его.

Нужно ли удостовѣреніе о томъ, что сіе, по содержанію своему столь важное для человѣковъ свидѣтельство, есть вѣрно и всякаго пріятія достойно? Самъ Богъ о немъ взаимно свидѣтельствуетъ и удостовѣряетъ о его подлинности! Не говорю о томъ, что и для самыхъ язычниковъ Онъ *не несвидѣтельствована Себе остави, благотворя, съ небесе намъ дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца наша* (Дѣян. XIV, 17),—или, напротивъ, отъятіемъ отъ земли Своего

плодотворнаго благословенія, напоминая человѣкамъ ихъ духовное неплодіе, и призывая ихъ принесть плоды достойные покаянія. Не говорю о чудесахъ, служившихъ удостовѣрительнымъ свидѣтельствомъ закону, который *пѣстунъ намъ бысть во Христѣ* (Гал. III, 24), ни о пророчествахъ, которыя также издалеча подавали Божественное свидѣтельство еще ожидаемому въ мірѣ Христіанству Поспѣшаю привести то Божественное свидѣтельство, которое Самъ Основатель Христіанства представляетъ о Себѣ и о истинѣ Своего ученія, съ такою силою удостовѣренія, что даже позволяетъ невѣрить Ему безъ сего свидѣтельства: *Аще*, говоритъ, *не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте, да разумѣете и вѣруете, яко во Мнѣ Отецъ и Азъ въ Немъ* (Іоан. X, 37. 38). И еще: *дѣла, яже даде Мнѣ Отецъ, да совершу я: та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мя посла. И пославый Мя Отецъ Самъ свидѣтельствова о Мнѣ* (Іоан. V, 36. 37). О какихъ говоритъ Онъ дѣлахъ? О тѣхъ, на которыя указуетъ яснѣе ученикамъ Іоанновымъ также, какъ на непреложное о Себѣ свидѣтельство· *слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, и глусіи слышатъ, мертвіи востаютъ и нищіи благовѣствуютъ* (Матѳ. XI, 5); а наконецъ, и Самъ Воскреситель мертвыхъ, умерщвленъ *бывъ плотію*, оживаетъ духомъ, и въ тѣлѣ Своемъ даетъ осязать раны, свидѣтельствующія бывшую смертность, и настоящее безсмертіе: кто кромѣ Бога можетъ совершать такія дѣла? Слѣдственно, въ нихъ Онъ Самъ говоритъ и свидѣтельствуетъ о Іисусѣ Христѣ, о ученіи Его и о вѣрѣ Его. Но какое представляетъ Онъ и еще собственное свидѣтельство Бога Отца: *Самъ свидѣтельствова?* То, которое Богъ Отецъ далъ Сыну Своему возлюбленному на Іорданѣ гласомъ Своимъ и явленіемъ Духа Своего Святаго,—на Ѳаворѣ также глаголомъ и явленіемъ свѣта и славы, наконецъ среди самаго Іерусалима и среди народа, когда на молитву Іисуса: *Отче' прослави имя Твое, пріиде гласъ съ небесе: и прославихъ, и паки прославлю* (Іоан. XII, 28). Правда, не всѣмъ тогда было внятно сіе свидѣтельство, но вскорѣ оно сдѣлалось внятно всѣмъ народамъ и племенамъ земнымъ, съ новыми поразительными знаменіями божественности, когда Духъ Святый, исполнивъ Апостоловъ, вдругъ всѣми человѣче-

скими языками началъ провѣщавать чрезъ нихъ величія Божія. Симъ свидѣтельствомъ Божіимъ—и было ли бы возможно иначе?—рыбари уловили мудрецовъ, нищіе покорили владыкъ земли, половина рода человѣческаго убѣждена была принять сіе свидѣтельство, и притомъ такъ, что для него совершенно перемѣнила образъ мыслей и жизни; мученики подписали сіе свидѣтельство кровію своею; и Церковь, свидѣтельствомъ Божіимъ ограждаемая и утверждаемая, побѣдивъ онымъ злобу и ярость враговъ внѣшнихъ, ухищренія и дерзость домашнихъ нарушителей мира и согласія, не побѣждаясь усиливающимися въ концѣ вѣковъ соблазнами, до нынѣ торжественно возвѣщаетъ свидѣтельство Божіе, и взаимно пріемлетъ отъ Бога свидѣтельство, что, по непреложному обѣтованію ея Основателя, даже до конца міра *врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI, 18).

Что должны мы, братіе, мыслить, что чувствовать, внимая свидѣтельству Божію, которое мы еще въ родителяхъ и прародителяхъ приняли, и которое такъ часто слышимъ вновь собственно для насъ возвѣщаемое, повторяемое, напоминаемое? *Подобаетъ намъ*, скажу со Апостоломъ, *лишше внимати слышанныимъ, да не когда отпадемъ*. Ибо, *како мы убѣжимъ, о толицѣмъ нерадивше спасеніи, еже зачало пріемше глаголатися отъ Господа, слышавшими въ насъ извѣстися, сосвидѣтельствующу Богу знаменми же и чудесы, и различными силами, и Духа Святаго раздѣленми по Своей Ему волѣ* (Евр. II, 1. 3. 4).

Нельзя, повидимому, опасаться, чтобы кто изъ насъ отступилъ отъ свидѣтельства Божія такъ далеко, чтобы возвратиться къ заблужденіямъ языческимъ, или невѣдѣнію Іудейскому Но могутъ быть люди, которые *Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его* (Тит. I, 16), или нарушаютъ чистоту вѣры Его и отступаютъ отъ единства Церкви Его, *избирая себѣ учителѣ*, какъ давно предвидѣлъ и сказалъ Апостолъ, *по своихъ похотехъ, чешемы слухомъ* (2 Тим. IV, 3), либо слухомъ грубымъ и чувствіемъ необученнымъ, избирая учителей невѣрія и разврата. *Сего ради* еще разъ глаголю съ Апостоломъ, *подобаетъ намъ лишше внимати слышанныимъ, да не когда отпадемъ* (Евр. II, 1).

Не служимъ, какъ язычники многимъ богамъ: но *подобаетъ внимати*, не есть ли для насъ богъ чрево? Не работаемъ ли

больше, нежели Богу, богатству? Не служимъ ли идоламъ страстей? Не хочетъ ли гордость наша поставить насъ самихъ идолами для другихъ?

Не превозносимся, какъ Іудеи, чадствомъ Авраама: но *подобаетъ внимати*,—не также ли дерзновенно и неразсудительно превозносимся именемъ Христіанъ, не сдѣлавшись истинными чадами Божіими чрезъ духовное возрожденіе, чрезъ живую вѣру, и чрезъ святое житіе?

Подобаетъ и тѣмъ, которые необдуманнымъ разномыслiемъ и непослушаніемъ Церкви Хрістовой дерзаютъ разсѣкать живое тѣло Хрістово, раздирать Его нешвенный хитонъ,—ей, *подобаетъ* имъ *внимати*, что дѣлаютъ они и какому свидѣтельству послѣдуютъ? Не седмь ли столповъ поставлены въ утвержденіе дома Премудрости Божіей? Не седмь ли духовъ Божіихъ посланы для управленія вселенскою Церковію? Не седмь ли таинствъ даны для освященія душъ? Какъ же дерзаютъ нѣкоторые мечтательною мыслію сокрушать тотъ или другой столпъ дома Божія, и думаютъ, будто можетъ быть время, когда перестаютъ дышать въ Церкви седмь духовъ Божіихъ;—яснѣе сказать, или повреждаютъ и разрушаютъ видимое утвержденіе Церкви въ священствѣ, или и другихъ таинствъ церковныхъ не хотятъ признавать?

Кто бы ты ни былъ, Христіанинъ, *подобаетъ* тебѣ прилежно *внимати*, да не скроется въ сердцѣ твоемъ какой либо глаголъ беззаконія, да не отпадешь и не отверженъ будешь отъ Бога, но да спасешься и во всеблаженное царствіе Его внидешь. Аминь.

XCIII.

14. Слово

въ недѣлю вторую по Пятидесятницѣ, при посѣщеніи города Можайска.

(Говорено 8 іюня).

> И прохождаше всю Галлилею Іисусъ, уча на сонмищахъ ихъ, и проповѣдая Евангеліе царствія, исцѣляя всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ Матѳ. IV, 23.

Іисусъ проходитъ всю Галилею, ходитъ по всѣмъ мѣстамъ области, чтобы творить людямъ различныя благодѣянія духовныя и тѣлесныя. Не ученики собираются къ Учителю, какъ имѣющіе въ Немъ нужду: но Учитель ходитъ повсюду, чтобы собрать учениковъ. Не болящіе ищутъ Врача, дабы получить отъ Него исцѣленіе: Врачь ищетъ болящихъ, дабы подать имъ исцѣленіе. Воистину, какъ Самъ сказалъ Онъ, *Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити* (Матѳ. XX, 28).

Если Онъ, Господь всѣхъ, съ такимъ попеченіемъ служитъ рабамъ Своимъ: кольми паче мы, рабы Его, должны служить другъ другу, кто чѣмъ можетъ ради Господа. О! еслибы и сіе малое по сей области хожденіе, въ которомъ и до васъ, братіе, мы достигли,—о! еслибы оно было не праздднымъ путешествіемъ, но по благодати Божіей, служеніемъ для васъ полезнымъ и Господу, примѣръ на сіе подавшему, благоугоднымъ.

Подъ руководствомъ собственнаго слова Его, скажемъ нѣчто теперь о проповѣданномъ отъ Него *Евангеліи царствія*, во уврачеваніе душъ нашихъ.

И прохождаше всю Галилею Іисусъ, уча на сонмищахъ ихъ, и проповѣдая Евангеліе царствія. Поелику Святый Евангелистъ Матѳей не пересказываетъ здѣсь словъ, которыми Гос-

подь проповѣдывалъ, то нѣкоторые могутъ недоумѣвать и спрашивать: что за проповѣдь то была? Что значитъ *Евангеліе царствія?* При внимательномъ разсматриваніи повѣствованія Евангельскаго, нетрудно удостовѣриться, что Евангелистъ говоритъ въ приведенныхъ нами словахъ о Евангеліи царствія, кратко, безъ объясненія въ чемъ оно состояло, полагая сіе уже извѣстнымъ изъ его повѣствованія; ибо, дѣйствительно, уже написалъ онъ выше тѣ самыя слова, которыми Господь проповѣдывалъ Евангеліе царствія. *Отнолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати, и глаголати: покайтеся, приближися бо царствіе небесное* (Мато IV, 17).

Изъ сего видно, что проповѣданное Іисусъ Хрістомъ Евангеліе царствія имѣло два предмета: во первыхъ, возвѣстить приближеніе царствія небеснаго; во вторыхъ, побудить къ покаянію.

Опять представляется недоумѣніе, опять раждается вопросъ: что такое *царство небесное?* что такое *приближеніе* царства небеснаго? Дабы разрѣшить сіе, надлежитъ привести на мысль, что Іудеи, къ которымъ говорилъ о семъ Господь, были люди мало способные къ прямому разумѣнію вещей духовныхъ, а болѣе преклонные къ чувственнымъ. Сіе говорю, не уничижая народъ Божій: ибо другіе народы, ему современные, были еще глубже погружены въ чувственность. Но таково было свойство времени ветхаго завѣта, и возрастъ рода человѣческаго въ то время, что Самъ Богъ благоволилъ дѣйствовать на сердца человѣческія наиболѣе обѣтованіемъ чувственныхъ благословеній, какъ-то: долгоденствія, многочадія, земли текущей медомъ и млекомъ, и представленіемъ духовнаго вѣдѣнія и духовнаго Богопочтенія въ чувственныхъ образахъ и обрядахъ. Усмотрѣвъ чувственное исполненіе обѣтованій Божіихъ въ сильномъ царствѣ Давида и въ мирномъ царствѣ Соломона, потомъ бывъ плѣнены, и, послѣ возвращенія изъ плѣна, оставлены безъ царей, среди враговъ, Іудеи никакого блаженства не могли вообразить такъ живо, какъ блаженство имѣть собственное царство, собственнаго царя. Посему, дабы понятнымъ и занимательнымъ для нихъ образомъ говорить о спасеніи, о блаженствѣ, надлежало говорить имъ о царствѣ. Но какъ они видѣли, понимали только блаженство царства земнаго, и земнаго же царства ожидали для блаженства: то, исправляя и возвышая ихъ понятіе, Божественный

Проповѣдникъ говорилъ имъ о *царствѣ небесномъ*. Итакъ *царство небесное* то же значитъ, что иначе мы называемъ душевнымъ спасеніемъ и блаженствомъ. Что сказалъ Божественный Учитель въ сихъ словахъ: *приближися бо царство небесное*, то же самое сказалъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ учениковъ Его въ слѣдующихъ словахъ: *нынѣ ближайшее намъ спасеніе* (Рим. XIII, 11).

Приближеніе царствія небеснаго, проповѣданнаго Господомъ нашимъ, не иное что значило, какъ приближеніе Царя сего царства, явленіе Его на земли; также и у Апостола *ближайшее спасеніе* значитъ преимущественную близость Спасителя, съ Его спасительными дѣйствіями. Такъ ли, напримѣръ, какъ для Апостоловъ, близко было царство небесное и спасеніе для Авраама, когда не только Царь и Спаситель нашъ еще не явился на земли, но даже тѣней и гаданій о Немъ не представляли ни законъ, ни Пророки? Потому, когда изъ такой дали временъ *увидѣлъ* Авраамъ очами вѣры *день Христовъ*, и увидѣлъ такъ ясно, что *возрадовася*, вѣра сія такъ уважена, что ему наречено великое имя *отца вѣрующихъ*. Напротивъ того, какъ близко было царство небесное и спасеніе, напримѣръ, для Апостола Павла, когда онъ въ отверстыхъ небесахъ увидѣлъ Господа, и собственнымъ гласомъ Его съ пути погибели обращенъ на путь спасенія.

Приближися царство небесное, взываетъ Божественный Проповѣдникъ: блаженство, потерю котораго вы оплакиваете, и которое жаждете возвратить, не то, которое вы имѣли во Іерусалимѣ и въ Давидѣ, и паки думаете имѣть въ царствѣ и царѣ земномъ; вы сами не понимаете, чего не достаетъ сердцу вашему, и къ чему оно стремится сильнымъ, но темнымъ желаніемъ; истинное блаженство есть то, которымъ вы обладали, и которое утратили въ раю и во Адамѣ грѣхопаденіемъ; и сіе блаженство, котораго такъ долго не имѣли и не знали въ мірѣ потому, что *вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Римл. III, 23), сіе царство, не земное, а небесное, котораго не видали на землѣ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ *грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, царствова смерть и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (V, 12. 14), сіе *спасеніе*, котораго тѣнь одну представлялъ законъ Моисеевъ, о которомъ столь долго изыскивали и испытывали Пророки (1 Петр.

I, 10), готово теперь открыться въ истинѣ и силѣ; уже Царь Небесный призываетъ и собираетъ сыновъ царствія, прошедъ чрезъ крестъ и смерть, въ воскресеніи получаетъ Онъ всякую власть на небеси и на земли, и, вознесшись на небо, уже *посаждаетъ* съ Собою *на небесахъ* (Ефес. I, 20) такихъ людей, которые ходятъ еще тѣломъ по земли, но которыхъ по духу житіе на небесѣхъ есть. *Приближися царство небесное.*

Изъ сего приближенія царства небеснаго, Божественный Наставникъ извлекаетъ то заключеніе, что должно покаяться. *Покайтеся приближися бо царство небесное.*

Покаяться значитъ перемѣнить прежнія мысли, какъ погрѣшительныя, оставить прежнія желанія, какъ безразсудныя и суетныя, прежнія дѣла, какъ достойныя осужденія и погибельныя, и воспріять новыя мысли, а слѣдственно и желанія и дѣла.

Подлинно, надлежало покаяться Іудеямъ, когда приближалось царство небесное, когда явился между ими Спаситель міра. Они думали о царствѣ земномъ, а имъ возвѣщается царство небесное: надобно перемѣнить мысли земныя на небесныя. Они, какъ блаженства, желали изобилія и богатства, власти и славы между народами, а имъ проповѣдуютъ, что блаженны нищіе духомъ, алчущіе и жаждущіе правды, изгнанные правды ради: надобно перемѣнить желанія чувственныя и страстныя на духовныя и безстрастныя. Они слегка и наружно исполняли принятые обряды набожности, а оставляли *вящшая закона, судъ и милость и вѣру* (Матѳ. XXIII, 23), и хваляся закономъ, *преступленіемъ закона*, какъ обличаетъ ихъ Апостолъ, *Бога безчествовали* (Рим. II, 23): надобно было перемѣнить дѣла лицемѣрно благовидныя, или явно беззаконныя на дѣла внутренно добрыя и чистыя, и начать новую жизнь, которою бы Богъ прославлялся въ душахъ и тѣлесѣхъ.

Такъ должно разумѣть проповѣдь Господню о приближеніи царства небеснаго, въ отношеніи къ первоначальнымъ ея слушателямъ—Іудеямъ. Но и мы, братія, не находимся ли между слушателями сей Божественной проповѣди? Не взываетъ ли Господь и къ намъ нынѣ въ Евангеліи: *покайтеся, приближися бо царство небесное*? Іудеи большею частію не вняли проповѣди Господней, и ветхій Іерусалимъ, *понеже не разумѣлъ времене посѣщенія* Его (Лук. XIX, 44), разрушился у самаго

основанія царства небеснаго. И вы *блюдитеся, како слышите* (Лук. VIII, 18).

Дни земные приходятъ и проходятъ, и вѣчное царство небесное становится ближе и ближе. Царство благодати и спасенія приближилось и открылось уже давно чрезъ спасительную проповѣдь Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Его спасительную для насъ крестную смерть и воскресеніе, чрезъ обильное изліяніе Святаго Духа на Апостоловъ, чрезъ распространеніе Христіанскія вѣры во всѣ концы вселенныя,—чрезъ что и мы во святомъ крещеніи сдѣлались сынами и наслѣдниками царства небеснаго. Приближается новое болѣе торжественное откровеніе царства небеснаго, какъ царство славы и блаженства. Предреченныя Господомъ знаменія временъ указываютъ сіе великое событіе со дня на день ближе. *Востанетъ*, сказалъ Онъ, *языкъ на языкъ, и царство на царство: и будутъ глади и пагубы, и труси по мѣстомъ. Вся же сія начало болѣзнемъ* (Матѳ. XXIV, 7). Сколько разъ уже являлось сіе начало послѣднихъ временъ! Какъ грозно было сіе знаменіе между прочимъ и въ сей самой области, во дни наши! *За умноженіе беззаконія*, говорилъ еще Господь, *изсякнетъ любы многихъ* (—12). О, какъ беззаконіе умножается! О, какъ возлюбленная любовь изсякаетъ. *И проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенней*, (—14), предрекалъ Онъ еще; и оно проповѣдано и проповѣдуется. Что далѣе? И *тогда пріидетъ кончина* (—14). Когда? Я не знаю; не знаютъ *ни Ангели* на небеси (—36): но знаю, и вамъ сказано, и теперь напоминается, что кончина пріидетъ точно въ такой часъ, какъ нынѣшній, въ который о томъ не знаютъ и не полагаютъ, чтобы то былъ часъ кончины, который, какъ сѣть рыбу, захватитъ живущихъ на землѣ; знаю и не трудно всякому понять, что если время за тысячу восемьсотъ лѣтъ до нашего называлось уже *кончиною лѣта*, то наши дни, конечно, еще ниже висятъ на концѣ вѣковъ, надъ бездною вѣчности; знаю, что Тотъ, Который проповѣдывалъ во Іудеи и въ Галилеѣ, что *приближися царство небесное*, вновь подтверждаетъ въ Іоанновомъ Откровеніи: *время близъ*, и даже клянется: *ей! гряду скоро* (Апок. XXII, 10. 20).

Покаемся братія, и принесемъ плодъ достойный покаянія, пока послѣдній, рѣшительный для всѣхъ или для каждаго въ особенности, часъ, то есть, часъ ожидаемаго пришествія Хрис-

това и великаго суда, или часъ смерти, за которымъ также ничего не видно далѣе, какъ судъ,—пока сей великій часъ не постигъ насъ безпечныхъ, какъ потопъ современниковъ Ноя, какъ огнь и жупелъ сограждан Лота. Покаемся не на день, въ который очищаемъ свою совѣсть предъ служителемъ олтаря, но на все послѣдующее время жизни. Покаемся, и не только дѣла злыя оставимъ, что и невѣрующіе частію дѣлаютъ, избѣгая осужденія отъ человѣковъ, но и сердца отъ страстей и похотей очистимъ, и помышленія исправимъ, да будемъ благоугодны Испытующему сердца и утробы. Не будемъ обезпечивать себя во грѣхахъ нашихъ тѣмъ, что много подобныхъ намъ грѣшниковъ, или и всѣ грѣшны; можетъ быть, тѣ, которые кажутся намъ по внѣшности подобными намъ грѣшниками, много успѣли во внутреннемъ сердечномъ покаяніи и въ тайныхъ добродѣтеляхъ; притомъ, несмотря ни на какое число, *потребитъ Господь вся дѣлающія беззаконіе* (Пс. С, 8)! Но да сохранитъ Онъ насъ отъ сего страшнаго жребія, и покаяніемъ истиннымъ да введетъ въ царство небесное, дабы блаженствовать въ Немъ, и славословить Его во вѣки. Аминь.

XCIV.

15. Слово

въ день святаго Апостола Варнавы, при посѣщеніи города Волоколамска.

(Говорено Іюня 12 дня).

> И послаша Варнаву преити даже до Антіохіи: иже пришедъ и видѣвъ благодать Божію, возрадовася, и моляше всѣхъ изволеніемъ сердца терпѣти о Господѣ. Дѣян. XI, 22. 23.

Когда святые Апостолы, находясь во Іерусалимѣ, услышали, что въ Антіохіи не только Іудеи, но и язычники начали принимать вѣру во Іисуса Христа: тогда они, для удостовѣренія, какъ

должно полагать, въ семъ вождѣленномъ событіи, а въ случаѣ подлинности онаго и для утвержденія вѣрующихъ, изъ среды себя *послаша Варнаву преити даже до Антіохіи*. Дерзаю сказать, что и меня въ сей вѣрный градъ послали Апостолы, если не словомъ повелѣнія, то дѣломъ примѣра, подобно какъ и сей самый Варнава съ Павломъ, въ другомъ случаѣ не требуя новаго повелѣнія отъ Апостоловъ, сами рѣшились повторить дѣло своего посланничества. *Подобаетъ*, говорили они, *посѣтити братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихъ же проповѣдахомъ Слово Господне, како пребываютъ* (Дѣян. XV, 36).

Святый Варнава, пришедъ во Антіохію *и видѣвъ благодать Божію*, то есть по благодати Божіей принятую и содержимую Антіохіянами вѣру Христову, *возрадовася*. Радуюсь и я, видя во градѣ семъ благодать Божію, то есть, вѣру Христову, отъ предковъ принятую и согласно со всею православною Церковію содержимую. Велика была радость Святаго Варнавы особенно потому, что сверхъ чаянія вновь приняли вѣру Христову и язычники: великая и то радость, когда вѣра, давно принятая, вѣрно сохраняется; ибо какъ есть препятствія насажденію вновь вѣры Христовой, такъ есть препятствія и сохраненію ея въ первоначальной чистотѣ и силѣ, хотя впрочемъ она можетъ побѣдить и тѣ и другія.

Посему и Святый Варнава не совершенно предался радости вѣрующихъ, но и заботился о нихъ, *и моляше всѣхъ изволеніемъ сердца терпѣти о Господѣ*. Сіе спасительное наставленіе Апостольское желаю и я раздѣлить со всѣми, которые не отрекутся слышать и принять мольбу мою.

Что значитъ *терпѣти о Господѣ*? Съ мыслію о терпѣніи всего сроднѣе мысль о бѣдствіяхъ и страданіяхъ. Посему *терпѣти о Господѣ* значитъ великодушно переносить бѣдствія и страданія за вѣру въ Господа. Подлинно сей родъ терпѣнія заповѣдуетъ Господь нашъ, когда говоритъ Своимъ послѣдователямъ: *предастъ братъ брата на смерть, и отецъ чадо: и востанутъ чада на родители, и убіютъ ихъ. И будете ненавидимы всѣми имене Моего ради: претерпѣвый же до конца той спасенъ будетъ* (Матѳ. X, 21. 22). Такъ *терпѣли о Господѣ* святые мученики!

Но какъ Господь обѣщаетъ спасеніе только претерпѣвшему до конца; мученичества же прекращаются, почему и терпѣніе

*

сего рода престаетъ: то нужно далѣе изыскивать, что значитъ *терпѣть о Господѣ*, хотя бы не было бѣдствій и страданій, испытующихъ терпѣніе. Въ словѣ Божіемъ находимъ, что *терпѣть Господа* иногда значитъ прилежно и неослабно молиться, доколѣ не умилостивимъ Бога, и не будемъ услышаны. Сіе видимъ въ Псалмопѣвцѣ, который говоритъ: *терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша молитву мою* (Пс. XXXIX, 1). Еще же и вообще люди мужественные и постоянные въ подвигахъ благочестія называются *терпящіи Господа*, что можно видѣть въ слѣдующемъ изрѣченіи: *терпящіи Господа измѣнятъ крѣпость, окрылатѣютъ аки орли, потекутъ и неутрудятся* (Ис XL, 31). Всѣ сіи роды благочестиваго терпѣнія, или однимъ словомъ, постоянство въ вѣрѣ, заповѣдывалъ Святый Варнава Христіанамъ Антіохійскимъ, когда молилъ ихъ, не только по нуждѣ, по требованію обстоятельствъ, но *изволеніемъ сердца терпѣти о Господѣ*.

Въ семъ разумѣ Апостольскаго слова, и я, хотя недостойный, но того же Слова служитель, *молю всѣхъ*, слушающихъ меня, *изволеніемъ сердца терпѣти о Господѣ*, то есть соблюдать твердость и постоянство какъ въ разумѣніи, такъ и во всякомъ дѣлѣ вѣры, и въ житіи, достойномъ человѣка вѣрующаго.

Порождени вы не отъ сѣмене истлѣнна, но не истлѣнна, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки (1 Петр. 1, 23); и дано вамъ *чадца*, каждому въ мѣру возраста его *познати Отца*, знать *Единаго истиннаго Бога и Его же послалъ есть Іисусъ Христа* (Іоан. XVII, 3). Такъ же неистлѣнною и неизмѣнною любовію возлюбите *словесное и нелестное млеко* ученія Христова, *да о немъ возрастете во спасеніе* (1 Петр. II, 2); напротивъ того не будьте, яко *младенцы*, легкомысліемъ и непостоянствомъ *влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Еф. IV, 14). Какъ младенецъ естественно желаетъ единаго млека и постоянно держится единыхъ сосцевъ матери: такъ вы постоянно держитесь ученія Христова, которымъ питаетесь отъ сосцевъ истинныя матери, православныя Церкви. Не прельщайтесь словомъ человѣческимъ, не увлекайтесь льстивымъ совѣтомъ, будьте постоянны въ послѣдованіи Слову Божію, поколику оно вамъ извѣстно; *терпите о Господѣ*.—Если и не воздвигаются нынѣ на послѣдователей Христовыхъ гоненія, производящія мученіе-

ство: и нынѣ однако, какъ и всегда, *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. XIV, 22) Итакъ посылается ли на тебя бѣдствіе и скорбь, и при тщательномъ испытаніи своей совѣсти, ты познаешь въ семъ наказаніе за грѣхи твои: *терпи о Господѣ*, и говори съ Псалмопѣвцемъ: *праведенъ еси, Господи, и правы суди Твои: благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ* (Псал. CXVIII, 137. 71). Если же и не примѣчаешь того, чтобы твоею виною привлечено было на тебя бѣдствіе, которое постигаетъ тебя: и тогда *терпи о Господѣ*, и говори съ Іовомъ *яко Господеви изволися тако быть: буди имя Господне благословено* (Іов. I, 21).

Научаетъ тебя благодать Божія молиться Богу о избавленіи отъ бѣдъ, просить Его помощи въ нуждахъ, а наипаче духовныхъ, относящихся ко спасенію души твоей и къ вѣчному блаженству твоему: берегись и въ семъ святомъ упражненіи непостоянства и нетерпѣливости. Господь заповѣдалъ намъ *молитися и не стужати* (Лук. XVIII, 1), то есть, не тяготиться, не скучать молитвою, но пребывать въ ней неослабно. И Апостолъ говоритъ намъ: *непрестанно молитеся* (1 Сол. V, 17). *Хощу*, говоритъ онъ еще, *да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (I Тим, II, 8), или сомнѣнія. Видишь ли плодъ твоея молитвы? Усугубь ее благодареніемъ Богу, *исполняющему во благихъ желаніе твое* (Пс. CII, 5) Не получаешь ли просимаго? Признавай несовершенство молитвы твоей, и продолжай ее съ новымъ усердіемъ, помышляя, что всеблагій Отецъ Небесный, если видимо не исполняетъ твоего желанія, то, безъ сомнѣнія, невидимо печется о благѣ твоемъ болѣе, нежели ты познать и вообразить можешь. Такъ и въ молитвѣ *терпи о Господѣ*.

Но чтобы не продолжить слова, скажу вообще: какой бы ты ни предпринялъ благочестивый подвигъ, въ какой бы ни началъ упражняться добродѣтели: не измѣняй принятому однажды благому намѣренію; и хотя бы предстояли тебѣ препятствія, хотя бы казалось тебѣ, что успѣхъ не соотвѣтствуетъ ожиданію твоему, не отчаявайся, не малодушествуй; и напротивъ того, хотя бы показалось тебѣ, что ты довольно успѣлъ въ добромъ дѣлѣ и подвигѣ, не облѣняйся, не будь безпеченъ, признавая себя *рабомъ неключимымъ*, когдабъ и *все повелѣнное сотворилъ*, ибо и

въ семъ послѣднемъ случаѣ ты *сдѣлалъ* бы *только должное* (Лук. XVII, 10), и потому не имѣлъ бы еще права остаться безъ дѣла. Такимъ образомъ въ трудности подвига уповай на Господа, *и терпи о Господѣ*; въ успѣхѣ дѣла не полагайся на себя, и паки *терпи о Господѣ*.

Молю всѣхъ вникнуть въ сіе Апостольское ученіе; и каждый со вниманіемъ да приложитъ оное къ себѣ, къ своей вѣрѣ и житію. Ибо многіе много противъ сего погрѣшаютъ. Часъ *терпятъ*, слушая Слово Господне; а потомъ нѣсколько дней слушаютъ житейскія, праздныя, суетныя, нерѣдко даже злыя и срамныя слова человѣческія: какъ же прозябнуть малому сѣмени Слова Божія, посреди столь многихъ плевелъ? Утромъ молятся и празднуютъ предъ Богомъ; а остатокъ дня предаютъ иногда объяденію и піянству: какъ же сохранится духъ молитвы въ чаду вина, и въ тяжкомъ пресыщеніи плоти? Нѣсколько дней постятся, одинъ день каются; а потомъ надолго возвращаются къ прежнему житію невоздержному и грѣховному: гдѣ же плодъ поста? Гдѣ плодъ достойный покаянія? Если бы сынъ твой одинъ день былъ у тебя въ послушаніи, а потомъ проводилъ многіе дни въ своевольствѣ: былъ ли бы ты имъ доволенъ? Какъ же Отецъ Небесный, Который, безъ сравненія, паче земныхъ родителей достоинъ послушанія нашего, и по лучшему духовному рожденію нашему отъ Духа Его, и по безпримѣрнымъ и безчисленнымъ благодѣяніямъ, какъ можетъ Онъ быть доволенъ нами, если мы одинъ день или часъ исполняемъ Его волю, а почти во всю жизнь нашу творимъ волю плоти нашея и похотей? Если бы рабъ твой, или временный наемникъ изрѣдка дѣлалъ твое дѣло, а всегда почти былъ празденъ, или работалъ на себя: почиталъ ли бы ты его достойнымъ награды? Не почелъ ли бы напротивъ того достойнымъ наказанія, либо изгнанія изъ дома? Какую же награду можемъ мы получить отъ Господа, Которому вѣчно и неотъемлемо принадлежимъ и мы, и все, что называемъ нашимъ, когда изрѣдка дѣлаемъ нѣкоторыя благія дѣла по заповѣдямъ Его, а въ прочее время остаемся для Него праздны, или работаемъ самимъ себѣ, или что хуже, міру служимъ и угодное діаволу творимъ, и не помышляемъ о волѣ Господа нашего.

Скажутъ: неужели каждый день постъ, каждую минуту молитва? Какъ жить, если ничего не дѣлать для временной и тѣлесной жизни? Напрасныя опасенія! Постись въ установленное

время: но въ другое время не будь роскошенъ и невоздержен̃ъ, и сохранишь плодъ поста. Приходи на молитву въ освященные дни и часы: а потомъ съ призываніемъ имени Божія всякое дѣло начинай и оканчивай; мыслію и сердцемъ со благоговѣніемъ воспоминай о Богѣ всюду и всегда, гдѣ и когда можешь; не говори словъ богопротивныхъ, и не слушай ихъ: не предавайся мыслямъ и желаніямъ нечистымъ и беззаконнымъ: такимъ образомъ во всякое время, и при всякомъ дѣлѣ научишься сохранять въ себѣ духъ молитвы. Питайся, но не пресыщайся; пей, утоляя жажду и подкрѣпляя немощь, но не потопляй въ винѣ ума, и не угашай духа; пріобрѣтай потребности временной жизни законнымъ и честнымъ трудомъ, но, при попеченіи о семъ, не забывай духовныхъ потребностей и жизни вѣчной; покайся, и не возвращайся на грѣхъ; *возложи руку на рало, и не обращайся вспять* (Лук. IX, 62). Если люди, сами непостоянные и временные, не любятъ другихъ людей непостоянныхъ: кольми паче неизмѣнному и вѣчному Господу приличествуетъ постоянное и ревностное служеніе вѣрою и добродѣтелію. *Молю*, убо, *всѣхъ* желающихъ быть рабами Его, достойными небесной награды, и чадами Его, достойными наслѣдія духовнаго и вѣчнаго, *изволеніемъ сердца терпящъ о Господѣ* во всякомъ дѣлѣ вѣры, и во всякомъ подвигѣ добродѣтели. Аминь.

XCV.

16. Слово

при освященіи храма во имя Святителя Николая, созданнаго тщаніемъ Его Сіятельства князя Сергія Михайловича Голицына въ Москвѣ, на мѣстѣ, называемомъ Котельники.

(Говорено августа 24-го)

Помяни Господи Давида, и всю кротость его Псал CXXXI, 1.

Мы пѣли сію священную пѣснь во время совершившагося здѣсь нынѣ тайнодѣйствія: теперь хотимъ нѣчто говорить о сей пѣсни. Тогда она была духовнымъ питіемъ, которое могло исполнить сердца наши сладостію веселія и восторгомъ благоговѣнія предъ Богомъ: теперь да будетъ она духовною пищею, которая бы, въ устахъ духа бывъ раздроблена и растворена размышленіемъ, напитала и подкрѣпила насъ заключенною въ ней спасительною силою дѣятельной мудрости.

Помяни Господи Давида и всю кротость его. Кто такъ поминаетъ Давида? Кто поручаетъ его памятованію или, яснѣе сказать, благоволенію и благодати Божіей? Кто съ такимъ дерзновеніемъ свидѣтельствуетъ предъ Всевышнимъ и Всевидящимъ о кротости или смиреніи раба Его? Кажется не самъ Давидъ: ибо едва ли позволила бы ему сія самая кротость, или смиреніе, свидѣтельствовать о себѣ и нѣкоторымъ образомъ провозглашать собственную добродѣтель?

Кажется Соломонъ, во дни своей мудрости и чистоты, поминаетъ своего благочестиваго родителя молитвеннымъ и торжественнымъ Псалмомъ, и вся церковь Іудейская участвуетъ въ семъ поминовеніи Слова, встрѣчающіяся въ продолженіи Псалма сего: *внидемъ въ селенія Его*, то есть, въ селенія Божіи, *поклонимся на мѣсто, идѣже стоятъ нозѣ Его*, представляютъ

зрѣлище народа, стекающагося во храмъ Божій. Далѣе, слова: *воскресни Господи въ покой Твой, Ты и кивотъ святыни Твоея*,— знаменуютъ величественный часъ освященія храма, когда священники вносятъ кивотъ завѣта Божія во Святая Святыхъ. Молитва: *Давида ради раба Твоего, не отврати лице помазанника Твоего* (ст. 7. 8. 10) —даетъ разумѣть, что Давидъ, который здѣсь поставляется ходатаемъ предъ Богомъ о пріятіи сея молитвы, не есть тотъ, кто произноситъ сію молитву; и что другой *Помазанникъ*, произносящій оную, есть Соломонъ, можно догадаться изъ того, что молитва произносится во время освященія храма, при чемъ Соломонъ и былъ, и произнесъ молитву, какъ описываетъ подробно книга Царствъ.

Чѣмъ же, или какимъ добрымъ словомъ поминаетъ Соломонъ Давида? Или какую добродѣтель его представляетъ, какъ особенно достойную непресѣкаемаго забвеніемъ памятованія Божія, или вѣчнаго воздаянія, и вмѣстѣ торжественнаго провозглашенія предъ всею Церковію? Ибо мало ли, что могъ бы поминать мудрый сынъ въ знаменитомъ родителѣ? Онъ могъ бы воспомянуть вѣру Давида, надежду на Бога, ревность по славѣ Его, мужество, которыя вдругъ просіяли въ одномъ подвигѣ Давида противъ Голіафа, когда послѣдній изъ сыновъ Іессеевыхъ противопоставилъ возрастъ отрока силѣ исполина и пращный камень пастыря овецъ—всеоружію воина. Онъ могъ бы восхвалить вѣрность и великодушіе, которыхъ самыя тяжкія несправедливости и продолжительнѣйшія гоненія отъ Саула не могли поколебать. Онъ могъ бы прославить терпѣніе и незлобіе, которыхъ дерзновеннѣйшія клятвы презрѣннаго Семея не могли возмутить. Онъ могъ бы напомнить народу собственно царскія добродѣтели и подвиги Давида, которыми онъ преодолѣлъ многихъ и сильныхъ враговъ своего царства, распространилъ его предѣлы, утвердилъ его благосостояніе, такъ что сыну своему, какъ нѣкое прочное наслѣдіе оставилъ *миръ и покой* (1 Пар. XXII, 9). Онъ могъ бы указать на сію чистую, истинно-царскую любовь къ народу, которая въ день гнѣва и мщенія Божія вдохнула Давиду сію молитву: *се азъ есмь согрѣшивый, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша? да будетъ нынѣ рука Твоя на мнѣ, и на дому отца моего* (2 Царст. XXIV, 17). Наконецъ онъ могъ бы въ самомъ глубокомъ паденіи Давида открыть высокую добродѣтель покаянія, которое однимъ сло-

вомъ: *согрѣшихъ ко Господу* (2 Царст. XII, 13),—сильно было мгновенно привлещи благодать и прощеніе въ тягчайшихъ преступленіяхъ, и, чрезъ сей примѣръ, на многіе вѣки дать спасительную надежду множеству борющихся съ отчаяніемъ грѣшниковъ. Но, не потому ли, можетъ быть, что сіи добродѣтели, сіи подвиги, поколику приносили пользу народу Божію, относились болѣе ко благу человѣческаго царства, нежели царствія Божія, а поколику приносили плодъ духовный, приносили оный болѣе самому подвижнику, нежели всему народу Божію: по сей, или другой причинѣ,—лучше вѣдаетъ то Богодухновенный Псалмопѣвецъ,—только не сіи добродѣтели, не сіи подвиги поминаетъ онъ въ Давидѣ предъ Богомъ и Церковію. Что же находитъ онъ предпочтительно достойнымъ такого вниманія? *Кротость его*, или смиреніе Давида. И какой именно подвигъ смиренія? Да слышимъ, какъ изображаетъ оный священная пѣснь: *яко клятся Господеви, обѣщася Богу Іаковлю: аще внйду въ селеніе дому моего, или взыду на одръ постели моея; аще дамъ сонъ очима моима, и вѣждома моима дреманіе, и покой скраніама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю* (Пс. CXXXI, 2 — 5). То есть: особенно достопамятный подвигъ смиренія Давидова составляло его усердіе создать храмъ, или по крайнѣй мѣрѣ по обстоятельствамъ тѣхъ временъ, скинію истинному Богу, для общественнаго Богослуженія,—усердіе столь живое и дѣятельное, что Давидъ не зналъ отдохновенія, не наслаждался сномъ, непрестанно занимаясь своею благочестивою заботою. Сіе расположеніе духа его названо кротостію или смиреніемъ, потому что какъ царь, и особенно, какъ царь ненаслѣдованнаго, но имъ вновь воздвигаемаго престола, онъ могъ бы помышлять о царскомъ великолѣпіи для себя самаго; но, забывъ себя, онъ видитъ только Царя царей, и о Его только домѣ и престолѣ помышляетъ. Подлинно, Давидъ занимался симъ во все свое царствованіе, ибо найдя кивотъ завѣта Божія, по возвращеніи его изъ плѣна Филистимскаго, такъ сказать, поверженнымъ внѣ скиніи въ Каріаѳіаримѣ, Давидъ устроилъ для него въ Іерусалимѣ новую скинію и перенесъ его въ оную; привелъ въ порядокъ служеніе Левитовъ; изъявилъ Пророку Наѳану свое желаніе создать храмъ, и, когда узналъ, что судьбами Божіими сіе предоставлено сыну его, неослабѣвая въ своей ревности, приготовилъ для будущаго зданія

вещества и сокровища; обрѣлъ по указанію Ангела и Пророка мѣсто для онаго; составилъ чертежи всѣхъ частей онаго и не прежде какъ въ послѣдніе дни свои, вмѣстѣ съ престоломъ, передалъ сіе дѣло Соломону.

И такъ, Соломонъ при освященіи храма Іерусалимскаго, предъ Богомъ и Церковію поминаетъ усердіе Давида ко храму Господню преимущественно предъ прочими его добродѣтелями. *Помяни Господи Давида, и всю кротость его: яко клятся Господеви.*

Поелику сей самый Псаломъ Богомудрые чиноположители церковные повелѣли намъ употребить и въ нынѣшнемъ освященіи храма: то, послѣдуя ихъ внушенію, не могу я преминуть теперь, чтобы не сказать, и чтобы не пригласить собравшуюся здѣсь Церковь вѣрующихъ сказать со мною: *помяни Господи* раба Твоего, который, самъ ли *клялся Господеви*, принялъ ли на себя обѣтъ, которымъ его предки *обѣщалисъ Богу Іаковлю*, не облѣнился, не воздремалъ, не потерялъ изъ виду дѣла Божія во многочисленныхъ заботахъ или въ суетномъ разсѣяніи дѣлъ человѣческихъ, доколѣ наконецъ нынѣ, чрезъ благодатное тайнодѣйствіе, *обрѣлъ* съ нами здѣсь *мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю.*

Но чтобы обратить предпринятое нами размышленіе къ нашему общему назиданію, примѣтимъ, Христіане, какъ важно предъ судомъ слова Божія, и слѣдственно предъ самимъ Богомъ, усердіе ко храму Его;—усердіе, говорю, ибо Псаломъ поминаетъ Давида не собственно созданіемъ храма, въ чемъ не многіе могутъ послѣдовать его примѣру, и чего самъ онъ не совершилъ, но его *кротость*, или смиреніе, съ которымъ онъ непрестанно готовъ былъ и старался служить храму, чѣмъ и какъ было ему возможно. Если ты не можешь, подобно Давиду, принять на себя обѣтъ, создать домъ Господу, дабы вся Церковь поминала тебя предъ Богомъ, учись по крайнѣй мѣрѣ взывать съ Давидомъ: *Господи возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего* (Пс. XXV, 8); или: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. CXXI, 1). Научись сему, дабы Ангелъ твой, который приноситъ молитвы твои предъ Бога, имѣлъ чѣмъ помянуть тебя предъ престоломъ славы Его.

Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ сказалъ Моисею о скиніи: *да сотворишиМи освященіе, и явлюся въ васъ* (Исх. XXV, 8), и

послѣ Соломону о храмѣ: *будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3), многочисленными опытами показалъ Онъ, что Онъ помнитъ людей, то есть, благоволитъ о нихъ, поколику они помнятъ и чтутъ Его святилище; и является имъ благодѣяніями, поколику они являются предъ Нимъ во храмѣ съ благочестивымъ смиреніемъ.

Мы, говоритъ Авія отъ лица Іудеевъ Израильтянамъ и Царю ихъ, *хранимъ стражбы Господа Бога Отецъ нашихъ*, то есть, вѣрно совершаемъ установленное отъ него Богослуженіе во храмѣ Его, *вы же Его остависте*: и отсюда смѣло заключаетъ: *сынове Израилевы, не ратуйте, понеже не благоспѣшится вамъ*. И въ самомъ дѣлѣ *Господь порази Іеровоама и Израиля предъ Авією и Іудою* (2 Пар. XIII, 11. 12. 15).

Цари Іудейскіе, съ особеннымъ усердіемъ ревновавшіе по храмѣ и Его Богослуженіи, какъ Езекія и Іосія, въ самыя опасныя для царства времена, имѣли самые необыкновенные опыты Божія благоволенія, храненія и защиты.

Но поелику, не смотря на неосѣненный чудодѣйственною благодатію храмъ, и благочестивыхъ ревнителей его, *тамо еще людіе жряху и кадяху на высокихъ* (2 Парал. XXXIII, 17; XXXIV, 25), и вообще болѣе пренебреженія оказано храму Божію, нежели усердія: то что наконецъ послѣдовало? *Осквернища домъ Господень, иже во Іерусалимѣ:—снѣде гнѣвъ Господень на люди Его дондеже не бысть исцѣленіе* (2 Парал. XXXVI, 14. 16). Забываемый неблагодарными Богъ забылъ ихъ въ свою чреду: и тогда храмъ, и престолъ, и царство, погреблись въ общихъ развалинахъ.

Послѣ плѣненія Вавилонскаго возстановленіе Іудеевъ началось возстановленіемъ храма. Препятствія охладили ихъ, и остановили *созиданіе* храма: и провидѣніе Божіе укоснило возстановленіемъ ихъ благоденствія. *Призрѣсте на многа*, говоритъ къ нимъ Пророкъ Аггей, *и быша мала*. Чесо ради сице? *Глаголетъ Господь Вседержитель: зане храмъ Мой есть пустъ, вы же течете кійждо въ домъ свой* (Агг. 1, 9).

Явился наконецъ живый, краеугольный камень духовнаго, неразрушимаго храма Божія, на которомъ *падый сокрушится*, и на которомъ преткнувшееся невѣріемъ Іудейство сокрушилось такъ, что на цѣлые вѣки разсыпалось въ концы вселенныя. Отъ чего тогда начался судъ сего разрушенія?—Первое преступ-

леніе, которое обличилъ во Іудеяхъ Іисусъ Христосъ, было пренебреженіе ко храму Божію, или по собственному Его изреченію, превращеніе дома Отца небеснаго *въ домъ купли*, храма молитвы *въ вертепъ разбойниковъ*.

Во время Христіанства, когда храмы распространены по всей землѣ, не такъ удобно преслѣдовать наблюденіемъ судьбу ихъ, и тѣхъ, которые чтутъ ихъ, или не радятъ о нихъ. И нѣтъ нужды. Единъ Богъ всѣхъ истинныхъ храмовъ: потому одинакова должна быть судьба ихъ и поклоняющихся въ оныхъ. Если важно было предъ очами Божіими уваженіе ко храму, который былъ сѣнь грядущаго, въ которомъ былъ жертвенникъ мертвыхъ жертвъ, не паче ли важно вниманіе ко храму, который есть обитель пришедшаго и явившагося, жилище истины, святилище живыхъ и живоносныхъ таинствъ.

Благодареніе Богу—думаютъ, можетъ быть, нѣкоторые: храмъ нашъ полонъ усердно притекшими въ него. Скажу охотно и я: благодареніе Богу за тѣхъ, которые съ усердіемъ и благоговѣніемъ наполняютъ его. Да помянетъ Господь ихъ благочестіе! Но, воспоминая примѣръ Давида, который представляетъ намъ священная пѣснь, не могу не вопросить: такъ ли въ насъ, какъ въ немъ, постоянно, такъ ли совершенно усердіе ко храму Божію? Забываемъ ли мы изъ усердія къ нему все собственное и житейское, какъ Давидъ забывалъ для онаго сонъ и отдохновеніе?

Когда металлъ, благочестивымъ искусствомъ посвященный въ церковные провозвѣстники, возвѣщаетъ одно изъ торжественныхъ славословій Божеству, и призываетъ насъ къ оному: не многіе ли слышатъ сіи священные звуки также безъ мысли и безъ чувства, какъ мѣдь издаетъ ихъ; и, не обращая на оные вниманія, идутъ иной на село свое, иной на купли своя, иные на суетныя зрѣлища, иные остаются продолжать свою работу, или свое увеселеніе, а иные не хотятъ оставить сладкаго сна? Тяжкое ли, говорятъ, преступленіе пропустить одно или нѣсколько Богослуженій? Если угодно, не скажу, что тяжкое; не желаю обременять чужихъ совѣстей; но разсуждай каждый самъ для себя и совѣтуйся съ своею совѣстію. Когда законное и не состоящее въ твоей волѣ препятствіе не допускаетъ тебя въ храмъ на славословіе Божіе: ты легко можешь оставаться спокойнымъ: но и въ семъ случаѣ, если ты любишь Бога,

и славу Его, и общеніе съ Нимъ, то, думаю, воздохнетъ духъ твой, и сердце твое скажетъ: *когда приду и явлюся лицу Божію*? (Пс. XLI, 3). А если, слыша призываніе во храмъ, не принужденно и добровольно идешь ты на дѣла собственной корысти, или на бездѣліе собственнаго удовольствія: въ семъ случаѣ, очевидно, ты предпочитаешь то, что избираешь, тому, что оставляешь,—то есть, предпочитаешь собственную корысть обязанности твоей къ Богу, предпочитаешь чувственную забаву радости духовной, предпочитаешь зрѣлищныхъ лицемѣровъ Богу и Его служителямъ. Скажутъ, можетъ быть, еще, что можно и не въ храмѣ призывать Бога. Не споримъ и противъ сего; и желаемъ, чтобы всѣ, которые говорятъ сіе, самымъ дѣломъ сіе исполняли. Одно только скажемъ таковымъ: не видано, и не слыхано, и само въ себѣ несообразно и несовмѣстно, чтобы тотъ, кто умѣетъ любить, призывать и благословлять душею своего Господа на всякомъ мѣстѣ владычествія Его, не захотѣлъ призывать и благословлять Его во храмѣ Его, въ соборѣ вѣрующихъ и святыхъ Его, когда сіе возможно и удобно. Давидъ, который *предзрѣлъ Господа предъ собою выну* (Пс. XV, 8), безъ сомнѣнія, умѣлъ, также выну, предстоять Ему въ молитвѣ и славословіи: но Давидъ потому не бѣгалъ отъ храма Его, а напротивъ, когда только могъ, бѣжалъ въ оный съ восхищеніемъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Пс. CXXI, 1).

Мы наполняемъ храмъ, но какъ наполняемъ его? Тѣломъ ли наполняемъ видимое пространство храма, или также и духомъ наполняемъ невидимыя чиностоянія между Ангелами, сослужащими намъ, и сами наполняемся благодатію Святаго Духа, и здѣсь нынѣ, какъ нѣкогда въ Сіонской горницѣ, хотя не ощутительнымъ дыханіемъ бурнымъ, но столь же истинно и дѣйственно дышущаго въ словѣ и таинствахъ? Сіе истинное исполненіе Церкви видятъ Богъ и Ангелы Его и тѣ изъ человѣковъ, которые стоятъ на высшихъ степеняхъ духовнаго созерцанія: но недостатокъ сей полноты можно и обыкновенному, только внимательному, зрителю примѣчать по видимымъ знаменіямъ. Не видимъ ли, на примѣръ, какъ служитель сей царской трапезы является въ сихъ царскихъ вратахъ, показуетъ Божественное брашно и взываетъ: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите*, но ни одинъ изъ предстоящихъ не приступаетъ?

Что сіе значитъ?—Если не во всѣхъ,—ибо у иныхъ преобладающій обычай отъемлетъ дерзновеніе,—то во многихъ не есть ли сіе знаменіемъ того, что такъ близко тѣснящіеся къ алтарю, даже до препятствованія священнослужителямъ въ ихъ служеніи, совсѣмъ не такъ близки къ оному духомъ, какъ тѣломъ; что они не имѣютъ довольно усердія и ревности приближаться къ Спасителю своему тогда, какъ Онъ Самъ къ нимъ приближается? Не примѣчаемъ ли также иногда, что послѣ тайнодѣйствія и молитвословія, и при началѣ поученія, когда къ новому духовному упражненію надлежало бы приступить съ новымъ вниманіемъ, нѣкоторые напротивъ теряютъ вниманіе, отступаютъ отъ поучающаго и удаляются отъ храма? И сіе не есть ли знаменіемъ того, что и умъ, и сердце таковыхъ, слѣдственно весь внутренній человѣкъ ихъ не принадлежитъ къ исполненію Церкви Божіей? Такъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ стоящихъ въ домѣ Божіемъ стоятъ въ немъ только, какъ праздные сосуды и наполняютъ его видимое пространство своею внутреннею пустотою. Такъ, можетъ быть, взирая на движеніе нашихъ желаній и помышленій, устремленныхъ не къ Богу, но къ міру, и намъ не слышимо глаголетъ Господь Вседержитель: *храмъ Мой естъ пустъ, вы же течете кійждо въ домъ свой;* и потому такъ часто *призираете на многа, и бываютъ мала*; не благословляя Бога во храмѣ, не обрѣтаете благословенія Его въ домахъ вашихъ.

Христіане! Взыщемъ дома Божія усердіемъ постояннымъ и всегдашнимъ, усердіемъ полнымъ и совершеннымъ: да взыщетъ насъ Богъ благодатію Своею. Молитва, таинства, ученіе да будутъ для насъ равно вожделѣнны во храмѣ; все прочее, входя въ него, будемъ оставлять за прагомъ, и забывать: тогда и наше смиреніе помянетъ Господь въ царствіи Своемъ. Аминь.

XCVI.

17. Слово

въ день Тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ, августа 30).

Возсіяетъ во днехъ его правда и множество мира, дондеже отъимется луна. Псал. LXXI, 7.

Надпись Псалма, изъ котораго взяты слова сіи, сказываетъ, что ихъ можно разумѣть *о Соломонѣ* и о его благословенномъ отъ Бога царствованіи. Можно, говорю, такъ разумѣть оныя; ибо не должно симъ ограничивать всего ихъ знаменованія. Правда Соломонова не могла сіять такъ долго, *дондеже отъимется луна*: Соломонъ угасъ, а правда его затмилась еще прежде, нежели угасла жизнь его Царь, Котораго правда и міръ сіяютъ и будутъ сіять, *дондеже отъимется луна*, и послѣ отъятія луны, солнца и звѣздъ еще сіять будутъ, есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Въ Соломонѣ представленъ только предварительный образъ Его, только заря Его дней, не знающихъ вечера.

Счастливъ Давидъ, который едва произнесъ о сынѣ своемъ сію молитву: *Боже судъ твой цареви даждь, и правду твою сыну цареву* (Пс. LXXI, 1), тотчасъ могъ присоединить и сіе предсказаніе о немъ: *возсіяетъ во днехъ его правда и множество мира*. Счастливъ Соломонъ, котораго царство представляло въ себѣ нѣкоторый образъ Божественнаго царства Христова.

Не сему ли подобнымъ счастіемъ счастливы мы Россіяне, когда, предстоя въ молитвѣ о царѣ нашемъ, въ то же время можемъ соединить съ нею не предчувствованіе, ожиданіе, надежду Богомъ благословеннаго и христо-подобнаго царствованія,

сіяющаго правдою и множествомъ мира, но чувствованіе наслажденія симъ благомъ, радость и благодарность за оное къ Богу, дающему *судъ Свой царевн, и правду Свою сыну цареву!*

Побѣдилъ царь нашъ враговъ своего царства, и вмѣстѣ враговъ правды и мира. Побѣдилъ не столько силою, которая была у враговъ нашихъ несравненно болѣе нашей, сколько правдою, которая на страну праваго дѣла нашего привлекла всемогущую правду Божію, и потомъ вложила въ самыхъ враговъ нашихъ довѣренность къ намъ и миролюбивыя расположенія. Побѣдивъ враговъ на брани, онъ побѣдилъ еще самую брань: ибо множество мира, наполняющее душу его, возсіявъ отъ нея, образовало свѣтлый, то есть, искренній, на правотѣ и любви основанный, не омрачаемый своекорыстіемъ, не затмѣваемый притворствомъ союзъ, который со дня на день заграждаетъ разныя устія бездны, изъ которой брань выходила на землю Христіанскую. Если онъ окружаетъ себя воинами; то для того, чтобы они были стражами его правды, тѣлохранителями его мира.

Будемъ, Россіяне, достойны счастія, или точнѣе сказать, благословенія Божія, которое имѣемъ въ Благочестивѣйшемъ Самодержцѣ нашемъ. Достойны же сего будемъ, если каждый, по своей возможности, будетъ соблюдать правду, которая сіяетъ отъ престола царя нашего и распространяетъ миръ.

Обыкновенная о правдѣ мысль въ обществѣ та, что правду соблюдать должны правящіе, а подчиненные и все общество имѣютъ право требовать и ожидать ея отъ правящихъ. Мысль справедливая: но въ ней только половина той правды, которою благоустрояется общество, и потому отъ нея не можетъ произойти полнаго мира; какъ можно примѣчать на самомъ опытѣ, что люди, требующіе отъ правящихъ правды, какъ отъ подданныхъ дани, безъ всякихъ другихъ разсужденій, при малѣйшемъ видѣ, или даже только подозрѣніи неправды, подымаютъ ропотъ, начинаютъ судить судей, и хотятъ писать новые законы правителямъ. Приложимъ другую половину, чтобы составилась цѣлая правда общественная, которая бы могла осіять общество до самыхъ дальнихъ его предѣловъ, до самыхъ нижнихъ его состояній, и, какъ богатую жатву, произвести *множество мира*. Правду соблюдать должны всѣ, и каждый, по своей возможности, въ своемъ кругѣ; и съ большею строгостію должны требовать правды отъ самихъ себя, нежели отъ другихъ.

Есть правда, которая требуется отъ правящихъ. О ней написано: *возлюбите правду судящіи землю* (Прем. I, 1). Есть правда, которая должна дѣйствовать въ цѣломъ народѣ, чтобы устроить его благоденствіе. О ней говоритъ опытная мудрость: *правда возвышаетъ языкъ* (Притч. XIV, 34).

Если любовь къ правдѣ одушевляетъ судящихъ земли, она, какъ солнце, сіяетъ народу, освящаетъ для него пути правды, возбуждаетъ и питаетъ въ немъ жизнь правды, смягчаетъ въ немъ жестокое, согрѣваетъ хладное, разгоняетъ мракъ лукавства и злобы, изсушаетъ нечистоты пороковъ и разврата. Если народъ охотно предается симъ впечатлѣніямъ правды, подобно какъ земля пріемлетъ благотворныя вліянія солнца: если, исполняясь силою правды, или чувствомъ ея, которое внушаютъ ему правящіе, не принужденно даетъ ей прозябать въ дѣлахъ своихъ: симъ образомъ правда начальствующихъ и подчиненныхъ взаимно поощряетъ однихъ другими; правда правящихъ отъ часу яснѣе сіяетъ въ очищаемомъ воздухѣ общественной жизни; правда подчиненныхъ отъ часу свободнѣе и обильнѣе прозябаетъ подъ благотворнымъ вліяніемъ начальствующихъ. Такъ правда правящихъ, сочетаваясь съ правдою подчиненныхъ, раждаетъ *множество мира*, то есть, благоустройство и благосостояніе обществъ во многихъ отношеніяхъ. Такъ *правда возвышаетъ языкъ*.

Вообразимъ напротивъ государство, въ которомъ любви къ правдѣ, одушевляющей судящихъ и правительствующихъ, не соотвѣтствуютъ господствующія въ цѣломъ народѣ расположенія. Какія должны быть отъ сего послѣдствія?—Солнце сіяетъ: но птицы ночныя не пользуются свѣтомъ его. Солнце сіяетъ: но грубыя испаренія нечистыхъ мѣстъ затмѣваютъ свѣтъ его, и благотворную теплоту его превращаютъ въ томящій жаръ. Правда царственная сіяетъ: но недостойные сыны царствія, закоснѣвшіе въ неправдѣ, не пользуются оною къ своему исправленію. Правда царственная сіяетъ: но поврежденный вкусъ и порочныя склонности народа дѣлаютъ его неспособнымъ живо чувствовать нѣжность попеченій правительства и познавать благотворность его намѣреній; а только и кажется, что повелѣнія его тяжки,—разумѣется, для своеволія, и трудны къ исполненію, для лѣности. Такъ нѣкогда сіяла правда Езекіи или Іосіи, но поелику народъ Іудейскій, какъ стада ночныхъ и нечистыхъ

птицъ, отъ часу болѣе уклонялся въ лучахъ идолопоклонства, отъ часу глубже погружался въ мерзости пороковъ языческихъ: то правда одного царя не могла дать множества мира царству, не могла возвысить цѣлаго народа, добровольно низвергавшагося въ бездну. Послѣ чудесныхъ побѣдъ, которыя праведный Богъ даровалъ правдѣ Езекіи надъ неправедными и нечестивыми Ассиріянами, сей царь не могъ упрочить своему народу мира далѣе предѣла своего царствованія. *Рече Езекія ко Исаіи: благо Слово Господне, еже глагола; да будетъ нынѣ миръ и правда во дни моя* (Ис. XXXIX, 8).

Итакъ, повторяю, будемъ, Россіяне, достойны благословенія, дарованнаго намъ отъ Бога въ царѣ, котораго престолъ сіяетъ правдою, дабы грады и веси, домы и хижины его державы наполнить множествомъ мира, подобно какъ онъ наполнилъ множествомъ мира царства и народы. Будемъ съ нашей стороны соблюдать правду, каждый въ своемъ кругѣ, каждый по своему званію и состоянію.

Какимъ образомъ?—скажетъ кто-нибудь алчущій правды. Покажемъ сіе, для примѣра въ нѣкоторыхъ особенныхъ званіяхъ и состояніяхъ.

Начну съ себя, дабы кто не ускорилъ обличать меня чрезъ Апостола въ сей, по моему званію, неправдѣ: *научая инаго, себе ли не учиши* (Римл. II, 21)?

Священницы твои, Господи, облекутся правдою (Пс. CXXXI, 9). Такъ, братія сослужители, правда для насъ должна быть облаченіемъ или одеждою, которая бы облекала всѣ члены существа нашего, всѣ орудія нашего дѣйствованія, дабы ничто въ насъ не являлось въ наготѣ неправды къ соблазну народа. Великое требованіе правды: отъ самихъ правящихъ въ кругѣ гражданскомъ едва ли столько требуется. Или представимъ, если угодно, законъ правды для нашего званія въ видѣ болѣе ограниченномъ: *служащіи олтарю*, говоритъ слово правды, *съ олтаремъ дѣлятся* (1 Кор. IX, 13). Вотъ наша правда! Вотъ свое каждому! Отъ насъ служеніе предъ олтаремъ, умилостивляющее Бога о нашихъ грѣсѣхъ и о людскихъ невѣдѣніихъ. Намъ отъ олтаря питаніе, потребное для жизни. Если мы, по выраженію Пророка, млеко ядимъ и волною одѣваемся, а овецъ Господнихъ не пасемъ; если питаемся хлѣбомъ алтаря, а приходящихъ къ нему не питаемъ словомъ жизни, не напаяемъ духомъ молитвы;

*

если другихъ учимъ, а сами поступаемъ вопреки ученію нашему: какая здѣсь правда? И можетъ ли въ семъ случаѣ служеніе наше быть служеніемъ мира для народа? Въ царствахъ земныхъ были уже опыты, что въ такихъ случаяхъ онъ начиналъ пренебреженіемъ служащихъ олтарю, а оканчивалъ отпаденіемъ вѣры и разрушеніемъ олтаря. Должно намъ служить олтарю всѣми нашими силами и способностями, всѣмъ нашимъ временемъ, всею нашею жизнію: такова правда, которою должны быть облечены священники Господни!

Воинствуетъ кто? Правду сего званія Іоаннъ Креститель изображалъ въ слѣдующихъ словахъ: *никого же обидите, ни оклеветавайте: и довольни будите оброки вашими* (Лук. III, 14). Или иначе сказать: отъ воина обществу безопасность и охраненіе, отъ общества воину честь и довольство. Но, если тотъ, который долженъ охранять мирнаго гражданина отъ обидъ внѣшнихъ враговъ во время брани, будетъ во время мира обижать его, или вынуждать изъ него для себя то, на что даются ему оброки отъ правительства; или если оружіе, ввѣренное воину на защиту отечества, содѣлается въ его рукахъ орудіемъ частнаго гнѣва и мщенія въ домашнихъ несогласіяхъ, и слѣпой мечъ, или огнестрѣльное орудіе поставится судіею и рѣшителемъ распрей: какая и здѣсь правда! Если такъ: то на что законъ и порядокъ общественный, на что царственное правосудіе? Предоставимъ все силѣ, гнѣву и мщенію каждаго; но тогда, говоритъ Апостолъ, *аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете* (Гал. V, 15).

Гражданинъ ли кто, живущій торговлею или художествомъ? Правда его званія есть доставлять произведенія, или пріобрѣтенія своей дѣятельности, имѣющимъ въ оныхъ нужду, за справедливую цѣну; а отъ нихъ,—то, что называютъ прибылью, получить, какъ воздаяніе за свой трудъ или лучше, какъ средство своего пропитанія. Если продающій захочетъ брать столько прибыли, сколько позволитъ невѣдѣніе или невнимательность покупающаго, если умноживъ свою прибыль, онъ не удовольствуется пристойнымъ содержаніемъ себя и своего семейства, но захочетъ вельможамъ подражать въ великолѣпіи: какая и здѣсь правда? И могутъ ли отъ сего произойти плоды мира для общества? Торговля, получившая качество уполномоченнаго обмана, сдѣлаетъ торгующаго презрительнымъ въ глазахъ другихъ

членовъ общества тѣ; съ которыми онъ хочетъ спорить въ великолѣпіи, но которые, по роду и званію своему, почитаютъ себя обязанными превзойти его въ ономъ, сдѣлаютъ для сего чрезмѣрныя усилія, и разстроятъ тѣмъ свое состояніе; долги сдѣлаются обыкновеннѣе богатства; взаимная довѣренность оскудѣетъ; кратко сказать: неправда будетъ раждать неправду, потомъ неправда будетъ сражаться съ неправдою, и всѣ неправды различныхъ званій и состояній будутъ имѣть одно согласное направленіе, чтобы разрушать миръ, или благоденствіе общества.

Я сказалъ еще: мы должны съ большею строгостію требовать правды отъ самихъ себя, нежели отъ другихъ. Объяснимъ сіе правило самымъ обыкновеннымъ примѣромъ: жалоба на неправду въ судѣ есть одна изъ жалобъ, часто слышимыхъ въ обществѣ. Положимъ, что бываетъ она и справедлива. Не въ извиненіе неправедно судящихъ, которые дадутъ въ томъ отвѣтъ Богу и верховной власти; но для изысканія источниковъ правды и неправды общественной, спросилъ бы я жалующихся на неправосудіе: такъ ли строго сами они хранятъ правосудіе, какъ взыскательно требуютъ онаго отъ другихъ? Если бы судія отъ цѣлаго сонма людей, окружающихъ его, слышалъ одни рѣчи, что они желаютъ найти въ судѣ правосудіе, каково бы оно ни было для нихъ, а не выиграть дѣло, какъ случится, только бы получить желаемое; что они отвращаются мысли быть развратителями суда, въ которомъ пришли искать правды: какое подкрѣпленіе имѣлъ бы судія противъ искусителя, который захотѣлъ бы совратить его къ лихоимству. Но если цѣлая толпа имѣющихъ нужду въ судѣ требуетъ только удовлетворенія, справедливо ли оно, или нѣтъ: если мзда идетъ въ судъ менѣе застѣнчиво, нежели правда: то народъ, жалующійся на неправду суда, не самъ ли усиливаетъ преступленіе, на которое жалуется?

Не скоро нашли бы мы конецъ спора, еслибы захотѣли представлять различные виды правды, какая требуется отъ каждаго изъ насъ, по его званію, состоянію и различнымъ отношеніямъ въ обществѣ. Всего удобнѣе всему научить можетъ правда Евангельская, которая заповѣдуетъ любить не только любящихъ, но и враговъ; давать взаимъ нуждающимся, безъ чаянія воздаянія, страдать за правду, безъ ропота, и не уклоняться отъ правды, для избѣжанія страданія. Если сія правда возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ: то свѣтъ ея не угаснетъ, и множество мира ея не оскудѣетъ, дондеже отъимется луна. Аминь.

XCVII.

18. Слово

по освященіи храма во имя Святителя Димитрія Ростовскаго Чудотворца въ Борисоглѣбскомъ общежительномъ Монастырѣ.

(Говорено сентября 12 дня [1]).

Какого слова ожидаютъ теперь отъ пришедшихъ изъ города живущіе въ пустынѣ сей? Не желаютъ ли, можетъ быть, по обыкновенію слышать, что происходитъ въ городѣ? Жаль, если тѣ, которые въ уединеніи могутъ вкушать сладость безмолвія, и въ невозмущенномъ воздухѣ зрѣть чистый свѣтъ Божій, добровольно попускаютъ своимъ желаніямъ и помышленіямъ бродить въ многолюдствѣ, гдѣ сквозь шумъ и пыль слышатъ и видятъ суету!

Кто чувствуетъ жажду любопытства, или, вѣрнѣе сказать, кто страждетъ болѣзнію пристрастія (ибо какъ не бываетъ излишней жажды безъ жара, такъ не бываетъ любопытства безъ пристрастія): тому, какъ врачевство, предлагаемъ городское извѣстіе, которое хотя слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ написано, и пришло не изъ нашихъ городовъ, однако еще и теперь, и у насъ, представляетъ къ сожалѣнію довольно сходное изображеніе города: *видѣхъ беззаконіе и прерѣканіе во градѣ. Днемъ и нощію обыдетъ и по стѣнамъ его: беззаконіе и трудъ посредѣ его, и не правда: и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть* (Псал. LIV 10 — 12). Не требуйте, чтобы къ сему свидѣтельству очевидца присовокупили мы, что и мы видѣли во

[1]) Въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ помѣщено «слово по освященіи храма Явленія Божіей Матери Преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами Пр. Михея въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ», съ средины сходное съ предлагаемымъ здѣсь; въ виду совершенной разницы въ началѣ и концѣ печатаемъ и то и другое, каждое въ своемъ мѣстѣ.

градѣ. Мы пришли сюда отъ безпокойствъ города искать пріятностей пустыни, и хотимъ лучше говорить что нибудь о пустынѣ между живущими въ пустынѣ.

Новымъ обитателямъ сей пустыни полезно, думаю, было бы услышать и увидѣть какого нибудь древняго любителя пустыни, который бы своимъ примѣромъ утвердилъ ихъ въ любви къ пустынѣ и наставилъ въ образѣ пустынножительства. Пусть же слышатъ они таковаго и видятъ, какъ онъ самъ себя изображаетъ: *и рѣхъ: кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу и почію. Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (ст. 7—9).

Правда, тотъ, кто сказалъ сіе въ Псалмѣ, былъ только временный пришелецъ пустыни по нуждѣ, а не постоянный житель ея по обѣту: но сіе не препятствуетъ намъ усматривать въ словахъ его черты добраго пустынножителя; и даже тѣмъ болѣе привлекательна любовь его къ пустынѣ и правильное изображеніе пустынножительства. Духъ Божій, Который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его Самуиломъ,—велъ его чрезъ разныя внѣшнія состоянія такъ и для того именно, чтобы въ нихъ показать намъ поучительные образы духовныхъ состояній.

И такъ, первая черта добраго пустынножителя есть желаніе пустыни, или усердіе къ пустынножительству. *Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ, и полещу и почію?*

Желаніе есть сѣмя или зародышъ всякаго свободнаго дѣла, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Какъ отъ души зависитъ жизнь, сила и достоинство тѣла: такъ жизнь, сила и достоинство всякаго дѣла зависитъ отъ желанія. Если желаніе не чисто: дѣло не достойно. Если желаніе слабо: и дѣло не сильно достигнуть своего совершенства. Если желанія нѣтъ, дѣло есть мертвое. Дѣла, которыя мы дѣлаемъ безъ искренняго желанія, не утѣшаютъ насъ самихъ, и не приносятъ удовольствія другимъ. Если такъ судятъ и чувствуютъ люди, которые дѣла только видятъ, а о желаніяхъ только догадываются: что сказать о судѣ Бога всевидящаго, испытующаго сердца и утробы? *Дастъ ти Господь по сердцу твоему* (Пс. XIX, 5), а не по наружному твоему дѣлу.

Посему кто желаетъ пустынножительствовать съ утѣшеніемъ для себя и съ благоугожденіемъ Богу: тотъ долженъ какъ на-

чать сіе дѣло съ искреннимъ желаніемъ, такъ и продолжить оное съ неослабнымъ усердіемъ. Надобно, чтобы еще въ мірѣ сказалъ онъ: *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ, и полѣщу и почію.* И когда чистое и пламенное желаніе, дѣйствительно, какъ на крилахъ голубиныхъ, принесетъ его въ пустыню: онъ долженъ часто вновь побуждать себя, расширять и приводить въ движеніе сіи крила, чтобы они имѣли довольно легкости и крѣпости нести его изъ пустыни на небо

Другая черта добраго пустынножителя есть рѣшительное и совершенное удаленіе отъ міра *Се удалихся бѣгая*

Если бы не было нужды удаляться отъ міра: то для чего бы и водворяться въ пустынѣ, предпочтительно предъ обыкновеннымъ образомъ жизни гражданскимъ и семейственнымъ? Не Богъ ли, сотворивый пустыню, созидаетъ и хранитъ грады, и самую пустыню не для того ли сотворилъ Онъ, чтобы населить ее? Не живутъ ли и въ городахъ рабы Его, которыхъ пустыня не достойна имѣть, подобно какъ напротивъ того другіе, которыхъ *недостоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитаются, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр. XI, 38)? Не обиталъ ли Самъ Онъ во градѣ, также какъ и въ пустынѣ, и не далъ ли Іерусалиму храма Своего, подобно какъ пустынѣ далъ скинію Свою? Не на всякомъ ли мѣстѣ можно поставлять Ему обитель въ душѣ, и покланяться Ему духомъ и истиною? *На всякомъ мѣстѣ владычествія Его благослови душа моя Господа* (Пс. CII, 22)!

Но что дѣлать, если сіе благословенное приглашеніе всюду и всегда благословлять Господа безъ успѣха я повторяю душѣ моей отъ того, что міръ въ то же время оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нуждъ, заботъ, похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать имъ, или утомленная симъ противоборствомъ жаждетъ приближиться къ Богу безъ препятствій со стороны тварей, и служить Ему безъ развлеченія? Въ семъ случаѣ не остается иного, какъ разторгнуть всякіе узы, привязывающіе къ міру, бѣжать изъ него какъ изъ Египта, какъ изъ Содома, и учредить для себя въ пустынѣ новое жительство добровольнаго изгнанничества, въ которомъ бы все окружающее говорило намъ, *яко не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII, 4).

Такимъ образомъ истинное пустынножительство есть также истинное удаленіе и совершенное отреченіе отъ міра, по заповѣди Апостола: *не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. II, 15). Кто приходитъ въ пустыню какъ преселенецъ, желающій перенести сюда выгоды прежняго жительства, или замѣнить ихъ другими, а не какъ бѣглецъ, бросившій все, чтобы только избавиться отъ того, что было причиною его бѣгства: тотъ не есть истинный пустынножитель. Кто въ пустынѣ ропщетъ на скудость, и, пользуясь необходимымъ, требуетъ не нужнаго подъ благовиднымъ именемъ утѣшенія; тотъ еще не удалился отъ роскоши міра; онъ подобенъ Израильтянамъ, которые въ пустынѣ воздыхали о мясахъ Египетскихъ, и долженъ вспомнить, что были нѣкоторые, которые, спасшись изъ погибающаго Египта, погибли въ спасительной пустынѣ, во гробѣхъ похотѣнія. Кто въ пустынножительствѣ болѣе желаетъ повелѣвать, нежели покаряться, тотъ еще не удалился отъ гордости и честолюбія міра, и ему нужно воспоминать мятежный сонмъ Корея, котораго конецъ показалъ, что чистая пустынная земля не хочетъ носить на себѣ властолюбивыхъ мятежниковъ. Кто въ пустынномъ общежитіи желаетъ имѣть что нибудь собственное, отдѣльно и, что всего хуже, тайно отъ общества: тотъ еще не удалился отъ корыстолюбія міра, и таковый найдетъ образъ свой въ ученикѣ Елиссея, который, восхотѣвъ тайно присвоить золото Неемана, явно наслѣдовалъ его проказу. Кто, вышедъ изъ міра въ пустыню, пристрастнымъ окомъ озирается на него подъ предлогомъ невинной любви къ роднымъ и знаемымъ, тому полезно взглянуть на жену Лотову, которая озрѣлась на Содомъ, изъ коего вышла, и, какъ говоритъ Премудрость, *стоитъ столпъ сланъ, невѣрныя души образъ* (Прем. Сол. X, 7).

Третія черта добраго пустынножителя есть упованіе на Бога. *Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури.*

Образъ пустынножительства былъ бы очень страшенъ, если столь суровая черта его, какою представляется совершенное отреченіе отъ міра, не смягчалась и не покрывалась пріятною и свѣтлою чертою совершеннаго упованія на Бога Спасителя. Случается даже, что удалившіеся отъ міра, чтобы избѣжать трудностей и опасностей для души, сверхъ ожиданія встрѣчаютъ для нея новыя трудности и самыя опасности въ пустынѣ. Сему не должно удивляться. Израильтяне въ пустынѣ болѣе перенесли

разнообразныхъ трудностей и болѣе видѣли опасностей, нежели въ семействѣ. Самъ Начальникъ нашего спасенія и совершеннѣйшій для насъ образъ онаго, гдѣ испыталъ сильнѣйшую брань противъ врага душъ, какъ не въ пустынѣ? Гдѣ болѣе перенесъ духовныхъ страданій, какъ не въ уединеніи сада Геѳсиманскаго? Для чего же, скажутъ, и удаляться отъ міра въ пустыню, отъ трудностей къ трудностямъ, отъ опасностей еще къ большимъ опасностямъ? Для того же, для чего Израильтяне вышли изъ Египта въ пустыню: ибо въ пустынѣ испытали они трудности и опасности, но очистились, научились и спаслись, а въ Египтѣ погибли бы въ рабствѣ и въ мерзостяхъ язычества; если бы они не вышли въ пустыню, то не пришли бы въ землю. текущую медомъ и молокомъ. Для того же, повторяю, для чего и Спаситель Духомъ Святымъ возведенъ былъ въ пустыню, и для чего удалялся Онъ въ Геѳсиманію, ибо въ пустынѣ побѣдилъ Онъ непобѣжденнаго дотолѣ врага душъ нашихъ, а въ Геѳсиманіи принесъ Онъ за преслушаніе человѣковъ духовную жертву послушанія Богу Отцу, и крѣпкую о спасеніи нашемъ молитву, въ которой *и услышанъ отъ благоговѣйства* (Евр. V, 7). Такъ и для насъ, если трудна и даже опасна пустыня: но есть причина убѣгать въ нее отъ міра погибельнаго. А дабы и трудности преодолѣть и опасности невредимо пройти, для сего не болѣе требуется какъ не быть нетерпѣливу, не унывать, не отчаяваться, но какъ бы состояніе наше ни казалось тяжкимъ и ненадежнымъ, непрестанно *чаять Бога спасающаго насъ отъ малодушія и отъ бури.* Если собственнымъ непостоянствомъ или нетерпѣливостію не прервемъ сего чаянія, *упованіе не посрамитъ* (Рим. V, 5), и помощь свыше пріидетъ непремѣнно тогда, и въ такой мѣрѣ, какъ сіе нужно для искренно желающихъ спасенія и для славы Спасителя.

Живущіе въ сей пустынѣ, если встрѣчаютъ еще особенныя трудности по новости своего жительства, то по благости Божіей имѣютъ и особенныя очевидныя побужденія къ упованію на Бога Спасителя, Который въ краткое время при малыхъ, по видимому, средствахъ и способахъ человѣческихъ, мѣсто сіе устроилъ, и утвердилъ, и освятилъ, и распространяетъ, и украшаетъ.

Внимайте себѣ и званію вашему, сестры о Господѣ, и ходите достойно сего благаго на васъ призрѣнія Отца небеснаго. Возлюбите пустыню, которую Онъ благословляетъ, забывайте

міръ, отъ котораго Онъ со дня на день васъ ограждаетъ и обезпечиваетъ, возбуждайте себя къ неослабнымъ подвигамъ для спасенія душъ вашихъ надеждою на Бога Спасителя.

А намъ, которые, послѣ кратковременной бесѣды въ пустынѣ о пустынѣ, должны возвратиться, въ молву города, *кто* и когда *дастъ крилѣ, яко голубинѣ, да полетимъ и почіемъ*? Когда облегчимся отъ чужихъ бременъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго бремени грѣховнаго? О Дающій однимъ крилѣ голубинѣ, чтобы летѣть въ пустыню, а другимъ клокчущій гласъ кокоши, чтобы въ городѣ и пустынѣ собирать птенцовъ Твоихъ подъ крилѣ Твои! Собирай Самъ и храни всѣхъ насъ подъ крилами благости Твоея, и стогнами ли града, тропинками ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ бѣжать ни въ какую пустыню. Аминь.

XCVIII.

19. Слово

на день памяти Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія Игумена, Радонежскаго Чудотворца.

(Говорено въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, сентября 25)

Блаженни алчущіи нынѣ: яко насытятся.
Лук. VI 21.

Является необыкновенный Учитель, собирается необыкновенное множество слушателей, преподается необыкновенное ученіе: не довольно ли уже сего для многихъ, чтобы возжелать, хотя пять словъ изъ сего ученія услышать и выразумѣть? Іисусъ Хрістосъ—необыкновенный Учитель для тѣхъ, которые менѣе знали Его, *бѣ бо уча ихъ яко власть имѣя, и не яко книжницы и фарисее* (Матѳ. VII, 29), а для насъ, болѣе знающихъ Его, единственный, Божественный Учитель, *въ Немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Кол. II. 3),

изшедъ съ Апостолами, какъ повѣствуетъ Евангелистъ Лука, *ста на мѣстѣ равнѣ и народъ ученикъ Его, и множество много людей отъ всея Іудеи и Іерусалима, и поморія Тирска и Сидонска, иже пріидоша послушати Его* (Лук. VI, 17. 18). Примѣчайте: не только Іудеи и Іерусалимляне оставили городъ, храмъ, священниковъ, книжниковъ, Фарисеевъ, и пришли въ пустое мѣсто слушать Сына тектонова, о Которомъ не знаютъ, *како Сей книги вѣсть не учився* (Іоан. VII, 15); но и жители приморской страны Тирской и Сидонской, сіе смѣшеніе Самарянъ и язычниковъ, люди, какъ описываетъ ихъ Пророкъ, *сѣдящіи во тьмѣ*, возстали отъ тьмы своей и пришли туда, гдѣ показался *свѣтъ*, сіяющій *во откровеніе языкомъ* (Лук. II, 32). И что же открываетъ Свѣтъ сей? Какое ученіе преподаетъ сей Учитель? Онъ преподаетъ науку о блаженствѣ, которой достоинство и необходимость можетъ понять послѣдній изъ невѣдущихъ, и въ которой первѣйшіе мудрецы міра всегда оказывали очень малые успѣхи. Возможно ли, чтобы кто въ самомъ училищѣ такого Учителя не радѣлъ о такомъ ученіи.

А нѣтъ ли не радящихъ? Не трудно примѣтить потому, что еслибы каждый тщательно внималъ ученію столь совершеннаго Учителя, какъ Іисусъ Хрістосъ, не было бы причины, почему бы не уразумѣлъ онаго каждый достаточно; уразумѣвъ, безъ сомнѣнія, каждый охотно принялъ бы оное; принявъ, исполнилъ бы дѣломъ; исполнивъ, обрѣлъ бы плодъ ученія и дѣла, то есть блаженство; и слѣдственно не было бы злополучныхъ, не было бы недовольныхъ. Они есть между нами; слѣдственно есть кому начинать учиться у Іисуса Христа наукѣ блаженства.

Совершившійся ученикъ совершеннаго Учителя и образъ Его для насъ, учениковъ твоихъ! И тебѣ кромѣ *народа учениковъ Твоихъ* предстоитъ *множество много людей*, ближнихъ и дальнихъ, *пришедшихъ* отъ градовъ и весей, чтобы видѣть, дѣломъ явленный, успѣхъ твой въ наукѣ блаженства; чтобы наблюдать твои слѣды, и поучаться отъ тебя путямъ блаженства; чтобы прикасаться тебѣ, и отъ избыточествующей въ тебѣ *силы* блаженства причащаться во *исцѣленіе* бѣдствующихъ душъ и тѣлесъ недугующихъ. Но ты не отверзешь нынѣ устъ своихъ учити насъ. Ходатайствуй о насъ предъ Учителемъ, дабы Онъ, какъ нѣкогда пятью хлѣбами, принятыми отъ рукъ ученическихъ, напиталъ пять тысящь, такъ нынѣ пятью собственными

Его словами, чрезъ недостойныя рабскія уста, подалъ живую пищу сему многому множеству людей, алчущихъ блаженства.

Блажени алчущіи нынѣ: яко насытятся. Кто суть сіи алчущіе нынѣ, которые насытятся, и насытятся такъ, что съ тѣмъ вмѣстѣ блаженны?—Ибо много видимъ и знаемъ алчущихъ нынѣ, которые и еще алкать будутъ и, по роду алканія насытясь, еще не будутъ блаженны.

Алчетъ нищій, доколѣ благотворительная рука не подастъ ему пищи. Бѣдствуетъ онъ, доколѣ алчетъ, но не блаженствуетъ еще и тогда, когда насытится. Не нужно много разсуждать, чтобы увѣриться, что и будущее духовное блаженство не можетъ быть плодомъ и наградою сего невольнаго тѣлеснаго алканія, если не присоединится нѣкоторое и свободное расположеніе, которое даетъ оному силу и достоинство. Алчетъ постникъ: и видно, что сему алканію послѣдуетъ нѣкое тайное, болѣе или менѣе блаженное насыщеніе, когда симъ образомъ *алчущіи нынѣ* съ охотою остаются еще алчущими заутра и далѣе, и когда вмѣсто того, что ядущіе пищею подкрѣпляютъ свое тѣло на краткое время, постящіеся постомъ утучняютъ, по выраженію Пророка, *кости* (Ис. LVIII, 11) свои на вѣки. Но да не соблазнятся любители поста, который и я почитаю вмѣстѣ съ ними,—да не соблазнятся, когда скажу, что и постъ не составляетъ всего алканія, которому Іисусъ Христосъ обѣщаетъ вѣчно—блаженное насыщеніе, но токмо часть онаго, а иногда и совсѣмъ къ оному не принадлежитъ. Ибо не видимъ ли между постящимися людей, которые пребываютъ въ алчбѣ поста, и алчутъ продолжать алчбу сію, но, конечно далеки еще отъ истиннаго насыщенія, когда или питаютъ себя тщеславіемъ, *помрачаютъ бо лица своя*, какъ обличаетъ ихъ Сердцевѣдецъ, *яко да явятся человѣкомъ постящеся* (Матѳ. VI, 16); или *снѣдаютъ домы вдовицъ* (—XXIII, 14); или даже человѣковъ снѣдаютъ подозрѣніемъ, и клеветою, и гнѣвомъ, и завистію, и злобою.

Не одно тѣло алкать можетъ. Есть алканіе души, и можетъ для нея быть пища, болѣе или менѣе насыщающая. Воля алчетъ исполненія или успокоенія желаній; умъ жаждетъ познанія. Сколько и въ семъ родѣ *алчущихъ нынѣ*, которые однако не насыщаются и не блаженствуютъ.

У многихъ душевный гладъ и вкусъ воли бываетъ подобенъ (такъ какъ онъ и даетъ направленіе) тѣлесному гладу и вкусу

роскошнаго. Сперва онъ алчетъ и жаждетъ такъ, что ищетъ удовлетворить необходимому требованію тѣла, утолить гладъ и жажду; потомъ, безъ нужды вымышляетъ разнообразныя требованія вкуса, и опять алчетъ и жаждетъ, чтобы удовлетворить симъ требованіямъ; наконецъ, когда и гладъ и жажда утолены потребнымъ, и вкусъ притупленъ излишнимъ, пресыщенный вновь алчетъ и жаждетъ, такъ сказать, самого глада и жажды, чтобы они пришли и опять принесли сму возможность насыщаться и пресыщаться. Такъ воля человѣческая. *алчущая нынѣ*, но не такъ какъ учитъ Іисусъ Хрістосъ, поколику она и *насыщенія* требуетъ непремѣнно *нынѣ же*, отъ настоящаго тлѣннаго міра, не знаетъ сытости; отъ естественнаго и существеннаго ей глада, или желанія блага, преходитъ она къ произвольнымъ требованіямъ и разнообразнымъ прихотямъ, и, удовлетворяя имъ, всегда неудовлетворительно, то пресыщеніемъ повреждаетъ душевный вкусъ, то избыткомъ глада снѣдаетъ самую душу. Что же наконецъ будетъ съ самоугодниками всякаго рода, питающими страсти, удовлетворяющими похотямъ, когда сей преходящій міръ, изъ котораго заимствуютъ они ложное насыщеніе неправильныхъ желаній, прейдетъ невозвратно,—когда *нынѣ* кончится, и останется *присно?* Когда, слѣдственно, только желанія не преходящей души останутся, а тлѣнная пища ихъ исчезнетъ? Что иное и можетъ быть, какъ развѣ предсказанное: *горе вамъ насыщеннїи нынѣ: яко взалчете* (Лук. VI. 25).

Воздержаніе ума еще менѣе почитается обязанностію, нежели воздержаніе воли. Жажда познанія, безъ дальняго разсмотрѣнія, пріемлется не только за естественное и невинное, но даже за благородное чувствованіе. И какъ роскошь чувственная оказываетъ какое-то уваженіе, умъ помрачающему вину, въ сравненіи съ очищающею оный водою; такъ не рѣдко роскошь ума съ пренебреженіемъ проходитъ мимо чистыхъ источниковъ Израилевыхъ, и съ жадностью принимаетъ изъ рукъ любодѣйцы Вавилонской, ложной мудрости міра, чашу, изъ которой сія *отъ вина ярости любодѣянія своего напоеваетъ вся языки* (Апок. XIV, 8). Наше время видѣло, и не къ блаженству своему, кажется, еще видитъ жаждущихъ такъ называемаго просвѣщенія, которые изъ чаши сей піютъ *вино* сперва духовнаго *любодѣянія*, пріемлютъ ученіе, которое приводитъ въ забвеніе священныя отношенія человѣка къ Богу, и вводитъ противное чистому закону

не растлѣннаго ума смѣшеніе истины съ ложью, зла съ добромъ, нравственности со страстями, духовнаго съ чувственнымъ: потомъ пьютъ *вино любодѣянія* даже чувственнаго, поелику отъ нечистыхъ понятій естественно происходятъ нечистыя чувствованія, и растлѣнное ученіе сопровождается развратною жизнію;— и въ которыхъ, наконецъ, *сіе вино любодѣянія*, въ высшей степени упоенія, превращается въ вино *ярости*; поелику обуявшіе отъ ложнаго просвѣщенія, подобно пьянымъ, не любятъ быть въ покоѣ, но съ мечтательною мыслію преобразованія, все хотятъ испровергнуть и разрушить, и не здравую жажду просвѣщенія, отъ неестественнаго питія превратившуюся у нихъ въ другую, еще болѣе неистовую жажду—быть просвѣтителями, не умѣютъ угасить иначе, какъ слезами и кровію людей и народовъ

Господи, Наставниче блаженства! Какъ много уже мы видимъ *алчущихъ нынѣ*, въ которыхъ не усматриваемъ ни признаковъ истиннаго насыщенія, ни надежды блаженства! Но еще не находимъ тѣхъ *алчущихъ нынѣ*, которымъ Ты, вѣрный въ обѣщаніяхъ Своихъ, обѣщалъ насыщеніе и блаженство. О! еслибы Ты Самъ показалъ намъ ихъ, чтобы намъ было можно узнать ихъ и легко и непогрѣшительно! Въ самомъ дѣлѣ, братія, Господь Самъ изъясняетъ слово Свое объ *алчущихъ нынѣ*, и прямо указуетъ намъ ихъ, когда говоритъ нѣгдѣ: *блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся*. Теперь видите алчущихъ и жаждущихъ, которымъ обѣщано истинное насыщеніе и блаженство: это алчущіе и жаждущіе не пищи и питія, не самоизобрѣтенныхъ удовольствій чувственныхъ, душевныхъ, мысленныхъ, но *алчущіе и жаждущіе правды*.

Теперь, въ изрѣченіяхъ Господнихъ объ алчущихъ, можемъ различить два главныя наставленія въ отношеніи къ блаженству. Во первыхъ наставленіе о средствѣ къ блаженству,—сіе средство есть *правда*. Во вторыхъ наставленіе о способѣ пользоваться симъ средствомъ для блаженства,—сей способъ есть *алканіе*.

Здѣсь вновь можетъ потребоваться изъясненіе того, что есть *правда*. Сіе изъясненіе можно найти въ словахъ, которыми Евангелистъ описываетъ блаженныхъ Захарію и Елисавету: *бѣста*, говоритъ, *праведна оба предъ Богомъ*. Но что значитъ *праведна?* объясняетъ: *ходяще во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ Господнихъ безпорочна* (Лук. I, 6). И такъ, подъ именемъ *правды*, должно разумѣть все, что дѣлается по заповѣдямъ Господнимъ, однимъ словомъ—добродѣтель.

Желаешь ли блаженства? Для сего нужна тебѣ правда, или добродѣтель. *Не имать* во блаженный градъ Божій *внити всяко скверно, и творяй мерзость и лжу* (Апок. XXI, 27). Жизнь вѣчную имѣть могутъ только исполнившіе заповѣди Божіи· *сотворивый та человѣкъ, живъ будетъ въ нихъ* (Гал. III, 12). Такъ должно по правдѣ Живаго Бога, Которому не прилично было бы допустить въ причастіе собственной Его вѣчной жизни непокорныхъ и противящихся волѣ Его,—собственной, говорю, Его жизни, ибо *Единъ Онъ* собственно *имѣетъ безсмертіе* (1 Тим. VI, 16), а всѣ прочія существа имѣютъ жизнь и безмертіе только по причастію Его жизни и блаженства. Такъ должно по свойству самой жизни вѣчной, ибо жизнь вѣчная не можетъ быть иная, какъ духовная, такъ какъ *плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣнія наслѣдствуетъ* (1 Кор. XV, 50); и какъ всякой жизни свойственна своя пища, пища жизни духовной опять не можетъ быть иная какъ духовная;—какая именно? Узнайте сіе отъ Того, Который есть Начальникъ и Образъ духовной жизни между человѣками. *Мое брашно есть*, говоритъ Онъ, *да сотворю волю Пославшаго Мя, и совершу дѣло Его* (Іоан. IV, 34). Спросите ли также и о питіи? Узнайте и о семъ отъ Него же: *иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. IV, 14). Вода же, которую Онъ, посему обѣщанію, дѣйствительно далъ женѣ Самарянской, была ученіе духа и жизни. Итакъ, ученіе правды есть питіе духовной жизни; дѣла духа, исполненіе правды есть пища духовной жизни; въ семъ душа обрѣтаетъ духовное насыщеніе, въ духовномъ насыщеніи вѣчное блаженство.

Впрочемъ, по разсужденіи, безъ труда, какъ должно думать, всякій согласится признать правду или добродѣтель соотвѣтственнымъ средствомъ для блаженства. Большее затрудненіе представляется въ томъ, какъ употребить сіе средство, и даже, можно ли употребить оное. Слышимъ строгій судъ Апостола, который есть также судъ самой правды и судъ Божій: *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. II, 10). Кто не согрѣшаетъ болѣе, нежели *во единомъ?* Кто потому не есть повиненъ всѣмъ заповѣдямъ? Кто же имѣетъ правду? Кто найдетъ ею блаженство?

Согласимся, что затрудненіе сіе для насъ непреодолимо: но согласимся для того, чтобы тѣмъ съ большимъ вниманіемъ обратиться къ наставленіямъ Божественнаго Учителя блаженства. Указавъ намъ правду, какъ средство блаженства, Онъ показываетъ и способъ, какъ воспользоваться симъ средствомъ, котораго употребленіе намъ кажется столь ненадежнымъ. Сей способъ называетъ Онъ алканіемъ: *блажени алчущіи.*

Алчущимъ называется тотъ, кто не имѣетъ пищи, и кто желаетъ ея. Лишеніе пищи, и желаніе пищи составляютъ алканіе. Посему алканіе правды есть такое расположеніе духа человѣческаго, въ которомъ онъ признаетъ себя лишеннымъ правды, и чувствуетъ, что не имѣетъ ея; но въ то же время желаетъ ея такъ, какъ алчущій желаетъ пищи, безъ которой жить не можетъ. Въ семъ состоитъ способъ употреблять правду, какъ средство блаженства, хотя между тѣмъ и то правда, что мы правды не имѣемъ, и не въ силахъ имѣть ея. Какъ извѣстностію того, что мы не имѣемъ пищи, изощряется чувство глада или желаніе пищи: такъ сознаніемъ того, что мы не имѣемъ правды, изощряется желаніе правды. Въ тѣлесномъ порядкѣ, усиленное желаніе пищи не можетъ доставить самой пищи, поелику здѣсь надъ самыми желаніями господствуетъ законъ внѣшней необходимости: но, въ порядкѣ духовномъ, усиленное желаніе правды можетъ привлещи самую правду, поелику здѣсь господствуетъ законъ свободныхъ желаній; поелику здѣсь не столько гладъ ищетъ пищи, которая бы напитала его, сколько живая пища ожидаетъ глада, который бы принялъ ее. Хотите ли видѣть, какъ живая духовная пища сама приходитъ къ алчущимъ? Хотите ли слышать, какъ она призываетъ ихъ къ себѣ, что бы напитать ихъ? Слышите: *Азъ есмь хлѣбъ животный: грядый ко Мнѣ, не имать взалкатися: и вѣруяй въ Мя, не имать вжаждатися никогда же* (Іоан. VI, 35). И еще: *Азъ есмь хлѣбъ животный иже сшедый съ небесе: аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (51). Кто истинно алчетъ правды, тотъ найдетъ хлѣбъ сей по вкусу себѣ, и не отречется вкусить его; *хлѣбъ* же сей *укрѣпитъ сердце человѣка* (Пс. CIII, 15), и силою правды, которой онъ алкалъ, исполнитъ его. Ибо сей чудесный хлѣбъ есть Тотъ, Которому еще Пророки нарекли имя: *Господь правда наша* (Іер. XXIII, 6), и Который самымъ дѣломъ *бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и*

освященіе и *избавленіе* (1 Кор. I, 30). Алкайте сего Хлѣба, или то же иначе, грядите къ Нему, вѣруйте въ Него, снѣдайте отъ Него: и вы будете вѣчно насыщены, или иначе, вѣчно блаженны. Если такъ вы алчете: то *блажени* вы *алчущіе нынѣ, яко насытитеся*, или будете насыщаемы присно.

Господи, хлѣбе животный, алчущее и не имѣющее собственной пищи существо наше питающій сокровенно и неисповѣдимо Божественною Твоею силою, видимо же плотію и кровію Твоею, мысленно же словомъ правды Твоея, которое также есть хлѣбъ жизни, по реченному Тобою: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4)! Се дерзнули мы преломить сей мысленный хлѣбъ братіи нашей: но Ты Единъ можешь благословить и умножить крупицы, взятыя нами отъ неистощимой трапезы Твоей, и напитать каждаго по его потребѣ. Сотвори сіе со всѣми нами. Если кто изъ насъ алчетъ только плоти и міра, и отъ нихъ думаетъ насытиться: угаси въ насъ сіе грубое и ненасытимое алканіе, и возбуди чистое и спасительное алканіе Тебя Единаго и правды Твоея. Если кто мнитъ себя нѣчто быти, и хочетъ быть доволенъ своею правдою или добродѣтелію: вразуми его, что Ты не пришелъ взыскать праведныхъ и насытить насыщенныхъ, что мнимое насыщеніе наше отъ собственныхъ нашихъ дѣлъ есть только притупленіе истиннаго вкуса духовнаго, которое нужно врачевать алканіемъ Тебя и Твоея правды. Если же кто воистину, и паче всего, вѣрою алчетъ правды, и Тебя, единственная правда наша, тому подай и сладкое насыщеніе надеждою, и паки здравое алканіе любви: ибо, какъ Ты весь сладость, то *ядущіи* Тя *еще взалчутъ, и піющіи* Тя *еще вжаждутся* (Сир. XXIV, 23): *насыщуся* совершенно, *внегда явитимися славѣ Твоей* (Пс. XVI, 15). Аминь.

XCIX.

20. Слово

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича.

(Говорено въ Маріинской церкви Императорскаго Вдовьяго дома, декабря 12).

Пощадитъ нища и убога, и души убогихъ спасетъ (Псал. LXXI, 13). Одинъ изъ Псалмовъ Давидовыхъ частію въ видѣ молитвы, частію въ видѣ пророчества, изображаетъ благословеннаго Богомъ царя. Первою чертою сего изображенія полагается даръ разсужденія или мудрость, царю потребная. *Боже,* восклицаетъ Давидъ, *судъ Твой цареви даждь* (Ст. 1)! Другую черту сего изображенія составляетъ правосудіе: *судитъ нищымъ людскимъ, и спасетъ сыны убогихъ, и смиритъ клеветника* (ст. 4). Далѣе въ изображеніи царя сего является распространеніе добродѣтели и благоденствія между его подданными: *возсіяетъ во днехъ его правда и множество мира* (ст. 7); необыкновенное разширеніе предѣловъ его владычества: *обладаетъ отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до концъ вселенныя* (ст. 8), низложеніе враговъ его: *врази его персть полижутъ* (ст. 9); покорность ему отдаленныхъ царствъ, уваженіе отъ всѣхъ царей; *Царіе Ѳарсійстіи и острови дары принесутъ; поклонятся ему вси царіе земстіи* (ст. 10. 11).

Теперь, кажется, уже всю мѣру царскаго величія наполнило изображеніе Давидово, кажется еще не найдется черты, которая могла бы присоединиться къ блистательнымъ чертамъ, доселѣ положеннымъ, или потеряться между ними: но Псалмопѣвецъ продолжаетъ: *пощадитъ нища и убога, и души убогихъ спасетъ.* Разумѣете ли, что̀ хочетъ сказать чрезъ сіе Пророкъ? Онъ хочетъ сказать, что и при высокихъ, собственно царскихъ добродѣтеляхъ, и при могуществѣ царства, и послѣ славы побѣдъ, и среди всемірной знаменитости, еще возвели-

*

чить, еще украсить, еще прославить можетъ царя—состраданіе къ нищимъ, избавленіе бѣдствующихъ,—*пощадитъ нища и убога, и души убогихъ спасти.*

Примѣчайте, Россіяне, какъ тотъ же вседѣйствующій Духъ Божій, Который въ пѣсни Давида тростію и письменами начерталъ образъ благословеннаго царя,—въ томъ же видѣ, тотъ же образъ начертываетъ событіями и дѣлами въ жизни благословеннаго Александра. Пріемля отъ него данный ему отъ Бога судъ и правду, видѣвъ его далекіе наслѣдственные предѣлы своей державы относящаго еще далѣе, враговъ его, поверженныхъ предъ нимъ въ персть, преклоняющихся предъ его доблестями царей и народовъ,—мы уже могли думать, что не оставалось еще добродѣтели, которая могла бы просіять въ жизни его новымъ, необыкновеннымъ дотолѣ свѣтомъ; но пришелъ невидимый художникъ, и наложилъ на семъ изображеніи новую, глубокую черту, которая изъ мрака отражаетъ усугубленный свѣтъ. Внезапное посѣщеніе Божіе на новую столицу простираетъ священную тѣнь сострадательной скорби по челу Государя Отца, изъ мрака и волнъ общаго бѣдствія въ новомъ живѣйшемъ сіяніи восходитъ озаряющее, согрѣвающее и оживляющее, солнце его человѣколюбія. Онъ сыплетъ сокровища, спасая души многихъ бѣдствующихъ; собственными стопами измѣряетъ всѣ слѣды общаго бѣдствія; смѣшиваетъ свои слезы со слезами послѣдняго изъ своихъ подданныхъ; всенародно предъ Богомъ оплакиваетъ жертвы смертоноснаго дня, которыя, и при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ смерти, многихъ бы имѣли оплакивающихъ; мѣняясь взаимно съ августѣйшею матерію своею наслѣдованными отъ нея чувствованіями человѣколюбиваго сердоболія, вмѣстѣ съ нею щадитъ съ нѣжностію семейственной любви, жалѣетъ нища и убога, и души убогихъ спасаетъ, учреждая и облегчая самыя подробности ихъ пропитанія, одѣянія и водворенія.

Сильное, и вмѣстѣ пріятное и для всѣхъ насъ, наставленіе въ человѣколюбіи,—если только не странно и не стыдно намъ имѣть нужду только еще учиться человѣколюбію, и особенно начаткамъ человѣколюбія.

Въ самомъ дѣлѣ, имѣть нужду еще учиться начаткамъ человѣколюбія, мнѣ кажется странно для человѣка. Не странно ли было бы вообразить гортань и легкое, которыя бы сказали:

научи насъ дышать; или вообразить око и ухо, которыя бы сказали: научи насъ видѣть и слышать? Если ты око; то ты естественно видишь: если ты ухо; то и безъ науки ты слышишь: если ты сердце: то ты любишь: сердцу же человѣка всего ближе любить человѣка, и притомъ естественнѣе простирать любовь къ другимъ человѣкамъ, нежели возвращать ее къ самому себѣ, подобно какъ оку свойственно не себя видѣть и уху не себя слышать, но другіе съ естествомъ сихъ чувственныхъ орудій сообразные предметы.

Какъ для человѣка, по самому понятію о человѣкѣ, странно имѣть нужду въ ученіи начаткамъ человѣколюбія, такъ для Христіанина, по понятію о Христіанинѣ, стыдно даже и то, если онъ и знаетъ и имѣетъ не болѣе, какъ начатки человѣколюбія, и если оно еще не содѣлалось въ немъ, по выраженію древняго мудреца, *духомъ разума человѣколюбивымъ* (Премуд. VII, 22. 23), или, по изреченію Апостола, *премудростію яже свыше, исполненною милости и плодовъ благихъ* (Іак. III, 17). Какъ называющемуся мудрецомъ постыдно было бы не умѣть болѣе, какъ по два или по три писмени въ книгѣ слагать въ слоги; поелику мудрецу свойственно сочетавать мысли и чувствованія въ умѣ и въ сердцѣ, и отъ сего сочетанія раждать новыя мысли и чувствованія, и объимать разумѣніемъ обширнѣйшіе предметы: такъ называющемуся Христіаниномъ постыдно не умѣть болѣе, какъ слагать въ любовь по два или по три сердца, сближенныя единодушіемъ, или привычкою, или сходствомъ склонностей, или взаимностію выгодъ; поелику Христіанину свойственно въ духовномъ созерцаніи видѣть весь родъ человѣческій однимъ родомъ и однимъ племенемъ, а родъ Христіанскій даже однимъ тѣломъ: *ибо единымъ духомъ мы вси во едино тѣло крестихомся, аще Іудеи, аще Еллини, или раби, или свободни: и вси единымъ духомъ напоихомся* (1 Кор. XII, 13); и сіе созерцаніе должно производить въ Христіанинѣ всеобъемлющія мысли человѣколюбія, какова сія мысль возлюбленнаго Павла: *аще страждетъ единъ удъ*, одинъ членъ тѣла, одинъ человѣкъ, *съ нимъ страждутъ вси уди* — всѣ человѣки по человѣколюбію. *аще ли же славится единъ удъ*, одинъ человѣкъ, *съ нимъ радуются вси уди*, всѣ человѣки по любви (1 Кор. XII, 26); духовное, повторяю, созерцаніе человѣчества должно производить въ Христіанинѣ всеобъемлющія и чувствованія

человѣколюбія, каково сіе чувствованіе того же Апостола: *сердце наше распространися, не тѣсно вмѣщается въ насъ* (2 Кор. VI, 11. 12), то есть, сердце наше такъ расширено любовію, что вмѣщаетъ всѣхъ васъ, и притомъ такъ вмѣщаетъ, что ни одному изъ васъ не тѣсно въ немъ, ни одного изъ васъ не любимъ мы мало, но всѣхъ объемлемъ любовію свободною, полною и совершенною.

Если ты называешься Христіаниномъ, а любишь только родныхъ, друзей, знакомыхъ, однимъ словомъ, любящихъ тебя; то напрасно ты называешься Христіаниномъ: ты носишь въ семъ случаѣ чужое, непринадлежащее тебѣ имя; люди, которые любятъ только любящихъ, правильно называются грѣшниками, мытарями, язычниками, а не Христіанами. Такъ называетъ ихъ Слово Божіе, которое безъ сомнѣнія не погрѣшаетъ въ наименованіяхъ: *грѣшницы,* говоритъ оно, *любящія ихъ любятъ* (Лук. VI, 32): *не и мытари ли тожде творятъ? не и язычницы ли такожде творятъ* (Матѳ. V, 46. 47)?

Оправдайся, если угодно, докажи право твое на имя Христіанина и въ томъ случаѣ, когда ты не имѣешь сего всеобъемлющаго человѣколюбія, которое во имя человѣчества и Христіанства пріемлетъ незнаемыхъ, какъ знаемыхъ, доброжелательствуетъ врагамъ, какъ друзьямъ, сострадетъ бѣдствіямъ чужихъ, подобно какъ своимъ. Скажи, почему думаешь ты быть Христіаниномъ? По правой вѣрѣ? Знайте, что Христіанство не знаетъ иной правой вѣры, какъ вѣру человѣколюбивую. *Вѣра бо,* говоритъ Апостолъ Іаковъ, *чиста и не скверна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбѣхъ ихъ* (Іак. I, 27). Почему же ты Христіанинъ? По закону, если угодно? И законъ не иной имѣетъ Христіанство, какъ человѣколюбивый: *аще убо,* говоритъ тотъ же Апостолъ, *законъ совершаете царскій, по писанію: возлюбиши искренняго своего, якоже себе самого, добрѣ творите* (Іак. II, 8). Почему же еще желаешь ты присвоить себѣ имя Христіанина,— не по любви ли къ Богу? Но нѣтъ и любви къ Богу, если нѣтъ любви къ человѣкамъ. Какъ не можно стать на верхней степени высокой лѣствицы, если не пройти нижнихъ степеней: такъ никто не можетъ сказать, что онъ достигъ высокой Христіанской любви къ Богу, если опъ не шелъ къ ней по степенямъ любви къ человѣкамъ; и если кто сіе скажетъ о себѣ,

то истинное Христіанство назоветъ его не Христіанпномъ, а лжецомъ; *аще кто речетъ, яко люблю Бога*, пишетъ Апостолъ Іоаннъ, *а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, Егоже не видѣ, како можетъ любити* (1 Іоан. IV, 20)? Если ты подлинно Христіанинъ, поклонникъ и послѣдователь Бога, изъ любви къ человѣкамъ ставшаго человѣкомъ и за нихъ пострадавшаго и умершаго, то тебѣ не долженъ быть незнакомъ и сей высочайшій законъ человѣколюбія: *большии сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13); а жертвовать для бѣдныхъ человѣковъ богатствомъ своимъ, для немощныхъ и болящихъ силою и крѣпостію своею, для бѣдствующихъ сердечнымъ участіемъ въ ихъ бѣдствіяхъ, словомъ, для каждаго своими способностями и трудами, поколику кто имѣетъ въ томъ нужду,—сіе должно быть для тебя пищею и услажденіемъ твоей жизни; иначе ты называешься Христіаниномъ не лучше того, какъ идола называютъ богомъ.

Желаю, чтобы никого не нашлось между нами, Христіане, на кого могло бы пасть сіе обличеніе, не моего недостойнаго слова, но самой истины Евангельской, и чтобы вы подлинно не имѣли нужды въ человѣческомъ ученіи тому, чему, если вы подлинно Христіане, научаетъ, или уже научилъ васъ Богъ: *сами бо вы*, по Апостолу, *Богомъ учени есте, еже любити другъ друга* (1 Сол. IV, 9).

Впрочемъ, да будетъ мнѣ позволено сказать еще немногія слова, внушаемыя нечуждымъ для насъ событіемъ, призывающимъ человѣколюбіе, и нѣкоторыми дѣйствіями, которыя между нами произвело сіе событіе.

Вижу и слышу, что многіе видимою и невидимою рукою наполняютъ лишеніе, которымъ Праведный въ наказаніи, и Милосердый въ правдѣ, Богъ посѣтилъ братій нашихъ, чтобы и намъ напомнить грѣхи наши, и возбудить насъ къ покаянію и къ дѣламъ правды и благости. Говорю видимой благотворительной рукѣ,—да исполнитъ тебя Всеисполняющій, и да благословитъ въ тебѣ примѣръ благотворенія; наипаче же говорю благотворительной рукѣ невидимой: *Видяй въ тайнѣ, Той да воздастъ тебѣ явѣ* (Матѳ. VI, 4).

Примѣчаю и слышу, что нѣкоторые, признавая и для себя въ другихъ посѣщеніе Божіе, и сострадая многимъ, чрезъ одно

бѣдствіе впадшимъ во многія, сіе сокрушеніе предъ Богомъ и сіе состраданіе къ человѣкамъ желали бы видѣть болѣе общими и болѣе торжественными. Для чего, вопрошаютъ они, властію не пресѣкутъ забавъ? Для чего не закроютъ зрѣлища? Подлинно, желательно, чтобы во время общественныхъ бѣдствій, духъ сокрушенія предъ Богомъ и состраданія къ человѣкамъ дѣйствовалъ не только въ частныхъ расположеніяхъ людей, но и въ общественныхъ распоряженіяхъ власти и въ направленіи сею народныхъ занятій. Такъ онъ и дѣйствовалъ нынѣ, и особенно тамъ, гдѣ былъ возбуждаемъ и направляемъ непосредственно духомъ Благочестивѣйшаго и Человѣколюбивѣйшаго Монарха. Но еслибы не такъ дѣйствовала постановленная власть, что до того вамъ, которымъ тѣмъ не менѣе предоставлена власть надъ вашими собственными страстьми и склонностями? Пресѣките ваши собственныя забавы, закройте зрѣлище отъ вашихъ собственныхъ глазъ, или, чѣмъ равно достигнется для васъ та же цѣль, закройте ваши глаза отъ зрѣлищъ. Нужно ли дѣтямъ жаловаться, для чего имъ не запретятъ играть: перестаньте сами играть, родители обрадуются, если вы обратитесь къ лучшимъ упражненіямъ; думаю, что мудрое правительство терпитъ и покровительствуетъ народныя забавы, подобно тому, какъ снисходительные родители допускаютъ дѣтскія игры. Рѣшитесь употребить часы забавъ на честный трудъ, на полезное ученіе, на невинныя и назидательныя бесѣды, на дѣла благотворенія или молитву: правительство, безъ сомнѣнія обрадуется, если отъ того домы зрѣлищъ сдѣлаются пусты, и охотно затворитъ ихъ; а Церковь еще радостнѣе отверзетъ вамъ врата Господни, чтобы въ нихъ входили праведные.

Еще слово къ вамъ, посвященныя и посвящаемыя сестры человѣколюбиваго сердоболія. Послѣ закона Божія, примѣръ вѣнценоснаго человѣколюбія да будетъ вамъ выну свѣтильникомъ въ путяхъ вашихъ. Богъ же да благословитъ начинаемое, и да совершитъ продолжаемое служеніе ваше немощствующимъ къ ихъ утѣшенію и облегченію, и къ вашей вѣчной наградѣ. Аминь.

1825 годъ.

С.

21. Слово

въ день, иже во святыхъ Отца нашего Алексія Митрополита Московскаго и всея Россіи Чудотворца.

(Говорено въ Чудовѣ Монастырѣ, въ четвертокъ первыя недѣли поста—февраля 12)[1]

Не мнози учители бывайте, братія моя вѣдящи, яко большее осужденіе пріимемъ, много бо согрѣшаемъ вси. Іак. III, 1. 2

Въ сей день умолкъ на земли Богомудрый и Богодѣйственный учитель Церкви Россійскія; и уже болѣе четырехъ вѣковъ, какъ онъ безмолвствуетъ: но еще въ сей самый день, послѣ столь многихъ лѣтъ, сонмы учениковъ собираются здѣсь, окрестъ безмолвнаго ложа его. Или онъ, и безмолвствуя, еще учитъ, и покоясь, еще дѣйствуетъ. По истинѣ, и теперь онъ учитъ той мудрости, тѣмъ добродѣтелямъ, той тайнѣ благодати, по дѣйствію которыхъ онъ *восхваляется* нынѣ съ прочими *преподобными во славѣ и радуется на ложи своемъ* (Пс. CXLIX, 5). И теперь дѣйствуетъ онъ для насъ, предъ Богомъ, силою своихъ молитвъ, подкрѣпляющихъ и возносящихъ наши немощныя и не окрыленныя молитвы, а предъ нами, силою жизни и нетлѣнія, которою духъ святыни, *напоившій*, по выраженію Апостола, все существо его, напоилъ и тлѣнное тѣло его, такъ что въ

[1] Въ собраніи 1848 г помѣщено слово на тотъ же день 1845 года; въ виду значительной разницы печатаемъ то и другое, каждое въ своемъ мѣстѣ.

семъ тѣлѣ, вмѣсто обыкновенныхъ отъ грѣха произшедшихъ немощей, имѣемъ мы открытыя *святыя мощи*, — могущественныя, чистыя и возвышенныя силы, которыя подобно, какъ вещественное благоухание чрезъ тѣлесное приближеніе и прикосновеніе, сообщаются чрезъ прикосновеніе вѣры, и чрезъ то производятъ возвышеніе и миръ нашихъ собственныхъ силъ и цѣлебныя дѣйствія.

И такъ, не напрасно, братія и соученики, собрались мы почтить учителя. Поелику же истинное почтеніе истиннаго достоинства должно быть не случайное и только наружное, но неизмѣнное и внутреннее: то, чтя сего истиннаго учителя нынѣ, мы не должны измѣнять сему почтенію и ни въ какомъ другомъ случаѣ; чтя достойнаго Евангельскаго учителя по установленному чину и обряду, мы должны также чтить достоинство Евангельскаго учителя по духу и сердцу.

По наставленію Апостола, предлагаю вамъ одинъ изъ способовъ чтить достоинство Евангельскаго учителя. Если ты священнымъ почитаешь царское достоинство: то не дерзнешь возложить царскій вѣнецъ на себя, или подобнаго тебѣ подданнаго. Если уважаешь власть: то не отважишься, не призванный, вмѣшиваться въ дѣла ея, напротивъ того со всякою готовностію исполнять будешь обязанности подчиненнаго. Подобно сему, если ты чтишь достоинство учителя, установленное въ Церкви Христовой: то не долженъ ты своевольно вторгаться на мѣсто учительское, или легкомысленно бѣгать за учителями, которыхъ никто не поставилъ, и за Пророками, которыхъ Богъ не посылалъ, но долженъ въ кротости и послушаніи проходить званіе ученика Евангельскаго, подъ руководствомъ поставленныхъ отъ Бога и Церкви учителей, страшась быть учителемъ и самъ для себя, а тѣмъ болѣе, безъ высшаго призыванія, руководствовать другихъ, или переучивать учителей, отъ Бога и Церкви поставленныхъ. *Не мнози учители бывайте, братіе моя.* Наставленіе, можетъ быть, болѣе для всѣхъ насъ нужное, нежели какъ съ перваго взгляда кажется.

Страсть быть и слыть учителями была господствующая въ Іудейскихъ книжникахъ и фарисеяхъ Они, какъ замѣчаетъ намъ Божественный Учитель, *любятъ зватися отъ человѣкъ: учителю, учителю* (Матѳ. XXIII, 7). Противъ сей страсти *Іисусъ глагола къ народомъ и ученикомъ Своимъ* (ст. 1), то есть, ко

всѣмъ Своимъ послѣдователямъ, не исключая и Апостоловъ: *вы же не нарицайтеся учители; единъ бо есть вашъ Учитель Христосъ, вы же братія есте* (ст. 8). Какъ же,—скажутъ, можетъ быть,—и въ Христіанской Церкви нѣкоторые называются Учителями? Какъ и Апостолъ Павелъ называетъ себя *учителемъ языковъ*? Какъ еще говоритъ онъ, что *положи Богъ въ Церкви первые Апостоловъ, вторые Пророковъ, третіе учителей* (1 Кор. XII, 28)? Какъ все сіе согласить? Не трудно согласить все сіе. Божественный Апостолъ, безъ сомнѣнія, не погрѣшаетъ, когда свидѣтельствуетъ, что *Богъ положилъ въ Церкви учителей*; а потому не погрѣшаемъ и мы, чтя учителей Церкви, которыхъ Богъ въ сіе званіе поставилъ; и паки Апостолъ не иное что дѣлаетъ, какъ свидѣтельствуетъ о истинѣ, когда говоритъ: *поставленъ быхъ азъ проповѣдникъ и Апостолъ, истину глаголю о Христѣ, не лгу, учитель языковъ въ вѣрѣ и истинѣ* (1 Тим. II, 7). Господь же не служеніе учительское въ Церкви уничтожаетъ, не говоритъ: да не будетъ учителей. Сіе невозможно, ибо когда есть ученики,—а всѣ Христіане суть ученики, и въ началѣ не иначе назывались какъ учениками,—то по необходимости должны быть и учители, особенно послѣ того, какъ *единый Учитель* вознесся на небо; и не о имени ревнуетъ тотъ, Который превыше всякаго имени, но наше мудрованіе смиряетъ, превозношеніе низлагаетъ, дерзость обуздываетъ, своеволіе отсѣкаетъ, осуждаетъ и запрещаетъ, такъ сказать, самозванство въ учительствѣ: *не нарицайтеся*, говоритъ, *учители*, не восхищайте сего званія сами себѣ, не вызывайтесь учить, когда вы не призываетесь къ сему; а если и будете къ сему призваны, если Богъ поставитъ, если священный законъ наречетъ васъ учителями, и тогда не возноситесь званіемъ, которое только по дару и по причастію вамъ принадлежитъ, поелику первоначально и по праву *единъ есть вашъ Учитель Христосъ*; почитайте себя не болѣе, какъ *братіями* тѣхъ, которые называютъ васъ учителями; будьте слуги, а не властители ученія и учениковъ: *болій въ васъ да будетъ вамъ слуга* (Матѳ. XXIII, 11).

Видно, что, не смотря на сіе благовременное предостереженіе, фарисейская страсть къ учительству, чрезъ принятыхъ въ Христіанство изъ Іудейства, вскорѣ прокралась и въ Христіанскую Церковь, когда Апостолъ Іаковъ возобновляетъ противъ нея увѣщаніе къ Христіанамъ своего времени. *Не мнози учители бывайте, братіе моя.*

Нѣтъ сомнѣнія, что не собственно множество учителей отвергаетъ Апостолъ, ибо въ какомъ бы то ни было обществѣ, а кольми паче въ Церкви, которая есть училище *премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной* (1 Кор. II, 7) множество людей просвѣщенныхъ и способныхъ преподавать другимъ спасительныя наставленія не можетъ составить обременительнаго излишества. Нѣтъ сомнѣнія, что Апостолъ, увидя множество таковыхъ, не запретилъ бы имъ учить, подобно какъ Моисей не запретилъ Елдаду и Модаду пророчествовать, и еще сказалъ бы вмѣстѣ съ нимъ: *кто дастъ всѣмъ людемъ Господнимъ быти Пророки*—или учители,—*егда дастъ Господь Духа Своего на нихъ* (Числ. XI, 29)? Но должно взять въ разсужденіе то, что истинно духовные люди и достойные учители почти не могутъ являться въ видѣ избыточествующаго множества: ибо какъ первый степень ихъ достоинства есть познаніе своего недостоинства, и высшій степень ихъ мудрости есть смиреніе, то, доколѣ можно, скрываются въ числѣ учениковъ и никогда по своей волѣ не умножаютъ собою числа учителей. Такъ Моисей и Іеремія даже тогда, какъ самъ Богъ посылаетъ ихъ проповѣдывать, еще уклоняются отъ сего: *избери могуща иного, егоже послеши*, говоритъ одинъ (Исх. IV, 13); *не вѣмъ глаголати*, восклицаетъ другой (Іерем. I, 6). Исаія по воззванію Божію соглашается быть посланъ, и то не прежде, какъ чудесно будучи очищенъ и воспламененъ пламенемъ Серафима. Въ Апостолахъ видимъ готовность быть ловцами человѣковъ и проповѣдывать царствіе небесное: но ни въ одномъ изъ нихъ не видимъ того, чтобы онъ самъ себя представилъ къ званію Апостола, не говорю, поставилъ себя въ оное. Такимъ образомъ, если не искать и даже убѣгать учительства есть отличительная черта достойныхъ онаго: то искать и домогаться онаго есть признакъ недостойныхъ. Слѣдственно, увидѣвъ множество людей, толпящихся около сѣдалища учительскаго, и наперерывъ старающихся занять оное, мы могли бы сказать всѣмъ имъ: удалитесь; ваше множество доказываетъ, что между вами нѣтъ ни одного достойнаго, ваше своевольство и усильное исканіе достоинства учительскаго обличаетъ ваше недостоинство. Сіе самое обличеніе, только покрытое кротостію, произнесъ Апостолъ, когда сказалъ: *не мнози учители бывайте, братіе моя*.

Люди, которые предпріемлютъ учить, не бывъ призваны къ тому, обыкновенно думаютъ оправдаться тѣмъ, что хотя дер-

зновенно ихъ предпріятіе, но дѣло ихъ спасительно. Апостолъ разрушаетъ сію мечту, вводя ихъ въ познаніе самихъ себя, и представляя имъ послѣдствія ихъ неумѣстной дѣятельности. *Вѣдяще*, говоритъ, *яко большее осужденіе пріимемъ: много бо согрѣшаемъ вси.*

Примѣчайте и здѣсь кротость и смиреніе истиннаго учителя: и тогда, какъ онъ творитъ дѣло учителя, онъ поставляетъ себя между учениками; и будучи обязанъ обличать ихъ грѣхи, произнесть на нихъ осужденіе, сіи чужіе грѣхи, чужое осужденіе онъ пріемлетъ на себя самаго. Не говоритъ—*осужденіе пріимите*, но—*пріимемъ*. Не говоритъ: *вы согрѣшаете*, но *согрѣшаемъ вси*. Но чѣмъ болѣе смягчаетъ онъ обличеніе для жестоковыйныхъ: тѣмъ большую силу получаетъ его увѣщаніе для разумѣвающихъ. Если Апостолъ по дѣлу учительства поставляетъ себя подъ страхомъ осужденія, въ общемъ числѣ съ людьми, много согрѣшающими: то какъ должно быть страшно дѣло сіе для всякаго другаго! Что сотворю, о единый Учителю? *Горе мнѣ, аще не благовѣствую* (1 Кор. IX, 16), поелику на то поставленъ: горе мнѣ, аще и благовѣствую, поелику недостоинъ. О судіе, праведно строгій для учителей болѣе, нежели для учениковъ! Егда пріидеши осудить мое недостоинство: пощади по крайнѣй мѣрѣ Твое постановленіе. А тѣ, которыхъ владычественная судьба Божія не поставила учить, которыхъ власть Церковная не послала проповѣдывать,—какъ они отваживаются учить и проповѣдывать, и какое думаютъ найти оправданіе въ томъ предъ верховнымъ Учителемъ и Судіею? Какъ не подумаютъ они о своихъ собственныхъ грѣхахъ, думая очищать чужіе? *Много согрѣшаемъ вси:* слѣдственно, если желаешь подвизаться противу грѣха, у каждаго изъ насъ много дѣла для себя самаго: благоразумно ли, оставя собственную хижину разрушающуюся, итти созидать чужой домъ, когда должность отъ насъ сего не требуетъ? Что, если много согрѣшая сами, и,—поелику грѣхъ есть тьма и творящій грѣхъ во тьмѣ есть,—не чисто видя истину сами, будемъ и въ другихъ только перестроивать по своему ветхое зданіе грѣха и неправды, а не созидать новое зданіе правды и святыни! Что, если вмѣсто плодоноснаго и питательнаго сѣмени ученія посѣемъ въ сердцахъ ближнихъ безплодные плевелы или колючее терніе? Что, если, дѣйствуя сами по своемудрію и своеволію, мудрствующихъ о Господѣ и правимыхъ волею Божіею найдемъ

себѣ не по мысли, не по сердцу, а потому, заблуждая сами, будемъ ихъ почитать заблуждающими, станемъ раздѣлять, вмѣсто того, чтобы приводить въ соединеніе вѣры, распространять соблазны вмѣсто назиданія, нарушать единомысліе, возмущать миръ Церкви? Какому осужденію подвергаемъ себя, какому другихъ, нами совращаемыхъ или соблазняемыхъ, и опять какому себя за нихъ?

Сколь основательны сіи опасенія, Церковь дознала многочисленными и многообразными печальными опытами. Для краткости приведу одинъ только примѣръ, который впрочемъ много скажетъ внимательному.

Въ посланіи Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна читаемъ слѣдующее: *писахъ Церкви, но первенстволюбецъ ихъ Діотрефъ не пріемлетъ насъ. Сего ради аще пріиду, воспомяну его дѣла, яже творитъ, словесы лукавыми укоряя насъ; и не доволенъ бывая о сихъ, ни самъ пріемлетъ братію, и хотящимъ возбраняетъ, и отъ Церкве изгонитъ* (III Іоан. ст. 9. 10). Слышите ли? Діотрефъ, о которомъ неизвѣстно, была ли въ немъ какая искра здраваго понятія о вѣрѣ и Церкви,—Діотрефъ, котораго имя дошло до насъ только по милости отверженнаго имъ человѣка,—Діотрефъ не пріемлетъ Іоанна, избраннаго между Апостолами, Богослова по преимуществу, тайновидца и главу Пророковъ новаго завѣта, не уважаетъ его посланія, злословитъ его, не пріемлетъ пріемлемыхъ Апостоломъ, и слѣдственно пріемлемыхъ Богомъ не пріемлетъ, запрещаетъ другимъ принимать ихъ, и изъ Церкви изгоняетъ ихъ! Кто бы сему повѣрилъ, если бы не самъ Апостолъ повѣствовалъ о семъ? Смотрите, какія нелѣпыя и Богопротивныя дѣла, какіе разрушительные безпорядки производитъ въ Церкви желаніе быть первымъ по собственному счету, и похищенная независимость отъ поставленныхъ учителей, мнящаяся быть довольною для себя и другихъ; смотрите, и будьте осторожны. *Не мнози учители бывайте, братіе моя.*

На кого сіе слово? думаютъ, вѣроятно, нѣкоторые изъ слушающихъ,—мы не учители и не ищемъ сего званія.—На васъ, если угодно; и точно на васъ сіе слово, когда вы такъ думаете. Ученику свойственно принимать для себя всякое слово ученія, какъ земля принимаетъ всякую каплю дождя, или всякое зерно сѣющаго, а не стараться отводить отъ себя обличительныя слова, какъ громовые удары, и не осматриваться вокругъ себя,

на кого падутъ оные. Если въ словѣ учащаго, какое бы оно ни было, менѣе искали вы для себя, а болѣе для другихъ. то вы слушали оное менѣе, какъ ученики, а болѣе, какъ учители другихъ, или какъ судіи учащаго. Въ такомъ случаѣ именно на васъ сіе слово: *не мнози учители бывайте, братіе моя.* Слушайте ученіе, какъ ученики для вашего сердечнаго назиданія, а не какъ учители для мысленнаго разбирательства, какъ ученіе предлагается, или до кого кромѣ васъ относится.

Какъ вамъ не найти многихъ учителей между собою, или лучше въ самихъ себѣ. Когда, на примѣръ, Церковь учитъ васъ посту по преданію отцевъ, по примѣру Апостоловъ и самого Спасителя нашего; но нѣкоторые изъ васъ говорятъ, или дѣломъ показываютъ свое мнѣніе, что заповѣдь поста не очень важна и почти можетъ быть оставлена безъ исполненія; другіе вмѣсто четыредесятницы по произволу назначаютъ себѣ нѣкоторое краткое время поста; иные учреждаютъ себѣ постъ роскошнѣе мясоястія,—что сіе значитъ? Не то ли, что единое истинное и чистое ученіе Церкви оставлено въ небреженіи, а всякъ самъ себя поставилъ учителемъ и составилъ собственное ученіе воздержанія, какъ можно менѣе противорѣчащее привычкѣ невоздержанія? И здѣсь мѣсто совѣту Апостола, если хощете принять оный: *не мнози учители бывайте, братіе моя*; не пренебрегайте древнихъ, общихъ, освященныхъ постановленій, не учитесь и не учите другъ друга вмѣсто того новымъ, разнообразнымъ, отъ мірскаго и плотскаго мудрованія происходящимъ обычаямъ, послѣдуйте матернему руководству Церкви съ дѣтскимъ послушаніемъ и простотою.

Что сказать о тѣхъ, къ болѣзнованію Церкви, многихъ учителяхъ, которые, оставя любовь отъ чиста сердца, и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя *уклоняются*, какъ обличаетъ ихъ Апостолъ, *въ суетствія, хотяще быти законоучители, не разумѣющее ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ* (1 Тим. I, 6. 7), которые изъ всякаго слова писанія хотятъ составить особый толкъ, изъ всякаго обряда церковнаго особую вѣру? Да дастъ имъ Господь разумъ, чтобы они сами себѣ воспомянули дѣла Діотрефа, размыслили о нихъ безпристрастно и благовременно избѣжали его участи. Аминь.

CI.

22. Слово

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

(Говорено въ Благовѣщенской Церкви Чудова Монастыря, марта 25).

Она же видѣвши, смутися о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе Лук. I, 29.

Она, сія Дѣва, въ столь глубокое погруженная уединеніе, столь удаленная отъ всякаго сообщества, что присутствіе Ангела, который и самъ есть дѣва, привело Ее въ смятеніе: *видѣвши, смутися*; Она теперь отверзаетъ чертогъ Свой, допускаетъ въ него и дѣвствующихъ и живущихъ въ супружествѣ; пріемлетъ безчисленныя цѣлованія, то есть благоговѣйныя привѣтствія, не только отъ безплотныхъ, или безплотнымъ въ чистотѣ подобныхъ, но и отъ человѣкъ, нечистыя устнѣ имущихъ; и не только не смущается, но еще успокоиваетъ смущенныхъ, не только не чуждается радости, но и наполняетъ ею приближающихся, не только не трепещетъ предъ благодатію, но и со дерзновеніемъ подаетъ ее требующимъ. Какая перемѣна! Никому недоступная тогда, когда Она была только *раба Господня*, всѣмъ доступная теперь, когда Она есть *Мати Господа*.

Воспользуемся удобностію доступа, приближимся, приступимъ, не только для того, чтобы видѣть славу безвѣстныя нѣкогда Дѣвы и насладиться симъ видѣніемъ, но и для того, чтобы по возможности узнать, какимъ образомъ изъ такой глубокой безвѣстности возрасла столь высокая слава, и чтобъ отъ плодовъ *заключеннаго вертограда невѣсты* (Пѣсн. IV, 12) Святаго Духа взять нѣчто на сѣмена для духовнаго вертограда собственныхъ душъ нашихъ.

Пріидите дѣвствующіе, и отъ Дѣвы Маріи пріимите утвер-

жденіе вашего подвига, созерцая въ Ней безпрекословно высокое достоинство—дѣвство, поелику оно Бога въ себѣ носитъ.

Пріидите живущіе въ супружествѣ, и отъ обрученныя, но не сочетанныя пріимите благословеніе вашихъ супружествъ: поелику всѣ человѣческія супружества рождали бы только чадъ гнѣва и наслѣдниковъ ада, еслибы Матерь-Дѣва не родила Сына, Который перерождаетъ ихъ въ сыновъ и наслѣдниковъ Божіихъ.

Пріидите любящіе уединеніе, и отъ размышляющей Маріи вразумитесь, что зерно уединенія есть смиренное богомысліе; а безъ сего уединеніе часто есть пустое упрямство или жестокое человѣконенавидѣніе, гнѣздо лукавыхъ помысловъ и виталище духа безумія.

Пріидите пристрастные къ сообществу, и возмите себѣ на замѣчаніе, что не въ суетѣ мірскихъ дѣлъ, не въ развлеченіи многолюдства, не въ шумѣ праздныхъ бесѣдъ посѣщаютъ душу небесныя силы, и слово Божіе сѣется въ сердце.

Но какъ не можно въ краткое время показать вамъ всѣ плоды вертограда Маріина, то-есть, изобразить къ наставленію вашему всѣ Ея совершенства и добродѣтели: то придержимся на сей разъ одной, взятой нами, малой, повидимому, вѣтви Евангельскаго объ оныхъ повѣствованія, на которой однако можемъ увидѣть, какъ нѣкій, полнотою силы преклоненный долу, гроздъ, смиренную мудрость и мудрое смиреніе.

Она же видѣвши, смутися о словеси его. Присутствіе небеснаго посланника, который приноситъ съ собою Дѣвѣ Маріи присутствіе Господа, благодать, благословеніе, радость, *радуйся*, говоритъ, *благодатная, Господь съ Тобою: благословенна Ты въ женахъ*, присутствіе такого посѣтителя, вмѣсто того, чтобъ произвести въ Ней подлинно радость, приводитъ Ее въ смятеніе. *Видѣвши, смутися.* Отъ чего такъ? Отъ того ли, что не узнала Она небеснаго вѣстника и приняла его въ началѣ за незнакомаго человѣка? Но если видъ незнакомаго, внезапно пришедшаго, привелъ Ее въ смятеніе: то должны были тотчасъ успокоить Ее кроткія и благочестивыя слова его; напротивъ того, Евангельское повѣствованіе самыя сіи слова полагаетъ причиною смятенія: *смутися о словеси его.* Или Ее потрясло явленіе вышняго духовнаго существа, неудобно переносимое немощнымъ и бреннымъ естествомъ человѣческимъ, какъ то по-

казываютъ примѣры Даніила и Іоанна? Но Ея чистота, безпримѣрная между рожденными отъ Адама, содѣлывала Ее безпримѣрно способною къ небеснымъ общеніямъ; и преданіе сказуетъ, что не первымъ уже для Нея опытомъ таковыхъ общеній было явленіе Гавріила. Отъ чего же сія, хотя юная, но уже опытная Собесѣдница Божества, *смутися о словеси* Ангела?

Помедлимъ отвѣтомъ на сіе, и приведемъ еще на память преданіе, что Дѣва Марія, также прежде благовѣщенія Архангелова, читала и уразумѣла пророчество Исаіи: *се Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и наречеши имя Ему Еммануилъ* (Ис. VII, 14). Сей примѣръ опредѣлительно даетъ знать о Пресвятой Дѣвѣ то, что и Евангельскія о Ней сказанія даютъ угадывать, то есть, что духъ Ея благовременно напитанъ былъ чтеніемъ Божественнаго Писанія, и не только млекомъ, но и крѣпкою пищею Божественной мудрости. А когда такъ: то трудно ли было Ей уразумѣть и то, что сихъ новыхъ и величественныхъ наименованій,—*благодатная, благословенная въ женахъ*,—языкъ Ангельскій, никогда нельстивый, не могъ дать никому, развѣ Матери Еммануила? Когда же сіе такъ: то не было ли удобно Ангельскому привѣтствію привести Ее не только въ радость, но и въ восторгъ? И какъ же, напротивъ, оно привело Ее въ смятеніе: *смутися о словеси его*.

Теперь время разрѣшить сей вопросъ. По всему видно, что онъ разрѣшиться долженъ не иначе, какъ глубокимъ смиреніемъ превознесенныя Дѣвы. Мудрость и вѣра духовно показали Ей образъ Матери Еммануиловой, то-есть Христовой, въ пророчествѣ Исаіи, а любовь и смиреніе тогда же вдохнули желаніе и тѣлесно увидѣть сію владычественную Матерь и быть Ея рабынею: но то же самое смиреніе не позволило Маріи увидѣть оный образъ въ Себѣ Самой даже тогда, какъ *въ словеси* Архангела, такъ сказать, зеркало предъ Нею поставлено было. Она слышала цѣлованіе, которое должно было вознести Ее паче всѣхъ: но постоянное стремленіе души Ея какъ всегда, такъ и въ сію минуту, было смиряться и унижать Себя паче всѣхъ. Такимъ образомъ какъ чистая вода колеблется и струится отъ дыханія тихаго вѣтра, не теряя впрочемъ чистоты своей, но еще оживляясь движеніемъ: такъ чистая душа Маріи восколебалась отъ слова небеснаго духа, не измѣняя впрочемъ чистотѣ своихъ чувствованій, но еще возбуждаясь къ дальнѣйшему преспѣянію въ жизни по Богу.

Что душевное волненіе Маріи не имѣло въ себѣ ничего бреннаго, и Ея смущеніе ничего нечистаго: что то не была малодушная робость, ни маловѣрное сомнѣніе о Божіемъ храненіи въ нечаянностяхъ, ни самолюбивое трепетаніе сердца отъ похвалы, ни борьба съ увлекающею прелестію похвалы, или стараніе скрыть прельщеніе, въ семъ удостовѣряютъ послѣдствія онаго смущенія. Малодушіе и маловѣріе не размышляютъ; прельщаемые похвалою не умѣютъ молчать, но или отвѣчаютъ на ласку ласкательствомъ, или притворно скромными словами отражаютъ отъ себя похвалу, чтобы сильнѣе привлечь ее. Ничего таковаго не видно въ Маріи. Ея смущеніе не лишаетъ Ее присутствія духа, и не выводитъ изъ свойственнаго Ей состоянія, не исторгаетъ у Нея ни одного необдуманнаго слова, не препятствуетъ Ей безмолвно размышлять о слышанномъ: *смутися о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе.*

При постигшей нечаянности, и нечаянности приводящей въ смущеніе, не увлечься симъ смущеніемъ, и не допустить себя поколебаться до основанія духа, не предаться ни робости, ни торопливости, ни отважности, не превознестись, когда превозносятъ, закрываться отъ предстоящей славы покровомъ смиренія, и въ то же время умѣть самое смиреніе закрывать отъ другихъ и отъ себя молчаніемъ, дабы въ смиренномъ словѣ не выдыхался духъ смиренія, противу внезапнаго смущенія имѣть въ готовности врачевство спокойнаго размышленія,—къ какому началу отнесете вы сіи расположенія и дѣйствія духа Маріина,—развѣ къ непобѣдимой силѣ благоразумія и зрѣлой мудрости духовной?

И такъ мы видимъ, что въ духовномъ вертоградѣ Богоневѣсты однимъ изъ величественныхъ прозябеній была мудрость; а землею, въ которой хранился корень мудрости и сила сего духовнаго прозябенія было смиреніе; и что орудіемъ къ воздѣлыванію земли смиренія и къ охраненію ея отъ дикихъ зелій была паки мудрость. Та, Которой надлежало содѣлаться Матерію смирившей Себя премудрости Божіей, въ совершенствѣ имѣла мудрость смиренную и смиреніе мудрое. Смиреніемъ охранялась Ея высокая мудрость отъ высокоумія и дерзости, мудростію обработывалось Ея смиреніе такъ, чтобъ не было въ немъ ничего низкаго, и чтобы оно было безпритворно, чисто и просто.

Заключимъ же изъ сего примѣра и для самихъ себя, что,

*

если желаемъ, чтобы вертоградъ душъ нашихъ процвѣлъ неувядающими цвѣтами и принесъ плодъ жизни вѣчной, то должно подвизаться намъ, чтобы имѣть мудрость смиренную и смиреніе мудрое. Кто думаетъ возрастать въ мудрости безъ смиренія: тотъ хочетъ, чтобы садъ его росъ безъ земли Кто думаетъ довольствоваться смиреніемъ безъ мудрости: тотъ хочетъ имѣть землю необработанную, хотя можетъ быть и тучную.

Что произвело столько разнообразныхъ мнѣній о истинѣ, которая есть одна, столько споровъ за мнѣнія, столько заблужденій? Что произвело въ философіи секты, въ Церкви ереси, въ гражданскихъ обществахъ возмутительныхъ умствователей о преобразованіяхъ, въ царствѣ Божіемъ безбожниковъ, между ангелами діавола? Что? Мнимая мудрость, мнимая, а не истинная, именно потому, что сей недостовало смиренія. Мнимые мудрецы земные вмѣсто земли насаждали вертоградъ свой въ воздухѣ, а діаволъ насадилъ его въ огнѣ, то-есть легкомысліе и гордость вздумали сдѣлать грунтомъ мудрости. Но если мнимая мудрость безъ смиренія приближаетъ къ діаволу: то, напротивъ, удаляясь отъ мудрости, куда приближается человѣчество, развѣ къ безсловесной природѣ?

Если, Христіанская душа, ты услышишь голосъ привѣтствующій тебя какимъ либо успѣхомъ въ дѣлахъ духа, и какимъ либо совершенствомъ, хотя бы то было даже благодатію: не спѣши предаваться радости; желаю тебѣ лучше *смущеніе* Маріи, то есть Ея смиреніе, чтобы духъ лести не похитилъ тебя на высоту, подъ которою нѣтъ ничего, кромѣ бездны.

Если и напротивъ скажутъ тебѣ, что стремленіе къ совершенству есть мечтательство, что любовь къ мудрости есть дерзкое мудрованіе, что размышленіе о вѣрѣ, поученіе въ законѣ Божіемъ, чтеніе слова Божія, или ненужно или опасно: вслушайся внимательно, походитъ ли сіе на гласъ Ангельскій, на ученіе духовное, на проповѣдь небесную? Сличите съ симъ истинный и чистый гласъ Пророческій: *блаженъ мужъ, его же воля въ законѣ Господни, и въ законѣ Его поучится день и ночь* (Пс. I, 2). Сличите съ симъ ученіе Божественнаго Учителя: *испытайте писанія* (Іоан. V, 39). Сличите съ симъ проповѣдь Апостола: *слово Христово да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости, учаще и вразумляюще себѣсамѣхъ* (Колос. III, 16). Сличите съ симъ примѣръ Ма-

ріи: никто не запретилъ юной Дѣвѣ Израилевой читать книгу Исаіи Пророка и надъ нею размышлять о Еммануилѣ.

Нѣтъ! Христіанство не есть юродство или невѣжество, но *премудрость Божія въ тайнѣ сокровенная, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу* (1 Кор. II, 7), и въ которой наше преспѣяніе да будетъ во славу Бога Отца и Сына и Святаго Духа, во вѣки. Аминь.

CII.

23. Слово

въ день Святаго Мученика Димитрія Царевича.

(Говорено въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ маія 15 [1])

Аще міръ васъ ненавидитъ. вѣдите, яко
Мене прежде васъ возненавидѣ. Іоан. XV, 18.

Не рѣдко міръ дѣлаетъ такія дѣла, которыя не только для ненавидимыхъ имъ ужасны, но и для любимыхъ имъ ненавистны. И спросилъ бы я у него, имѣетъ ли онъ какія средства успокоить, или утѣшить людей, пораженныхъ такими дѣлами.

Отдайте на судъ самого міра дѣло, которое одна изъ великихъ силъ міра, страсть честолюбія, совершила надъ сыномъ Царевымъ, не смягчась невинностію отрока, не устрашась крови, которую самый міръ, для блага своего, долженъ признавать священною. Безъ сомнѣнія, и міръ скажетъ: ужасно! ненавистно! А что можетъ онъ сдѣлать, чтобы сіе ужасное и ненавистное дѣло загладить или исправить?

Единъ Іисусъ Христосъ творитъ сіе чудо, что зло, которое міръ дѣлаетъ, и которое уничтожить не можетъ, не только уничтожается, но и превращается въ добро для тѣхъ, которые злостраждутъ отъ міра; что на событіе, въ высочайшемъ степени

---

[1]) Слово сіе помѣщается здѣсь въ виду значительной разницы съ находящимся въ собр. 1848 г. словомъ на тотъ же день 1846 года, которое будетъ напечатано въ своемъ мѣстѣ.

ужасное и ненавистное, можно взирать спокойно и съ любовію; что вопреки естественнымъ понятіямъ и чувствованіямъ, по которымъ самая благополучная смерть бываетъ печальна, самая злополучная смерть становится предметомъ праздника.

Такъ міръ во злѣ самоосужденъ и безсиленъ. Такъ Іисусъ Христосъ во благѣ могущественъ и побѣдоносенъ.

Посему Іисусъ Христосъ, предваряя Своихъ учениковъ и послѣдователей о ненависти міра, не подаетъ имъ средствъ, не требуетъ отъ нихъ усилій, противъ сего врага; не миритъ ихъ съ міромъ, какъ недостойнымъ ихъ союза, и не вооружаетъ ихъ противъ міра, какъ недостойнаго ихъ противоборства Онъ только предостерегаетъ ихъ, чтобы ненависть міра не привела ихъ въ страхъ и смятеніе; Онъ учитъ взирать на нее равнодушно, какъ на дѣло уже не новое. *Аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ.*

Научись же подлинно, Христіанинъ, не страшиться ненависти міра, возстающей противъ тебя за то, что ты послѣдуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и поступаешь добродѣтельно.

Могутъ нѣкоторые подумать, что наставленіе Господа, не страшиться ненависти міра, къ нимъ не относится, и дано совсѣмъ не для нашихъ временъ и обстоятельствъ. Мы не живемъ нынѣ, скажутъ они, среди враговъ и гонителей Христіанства, какъ жили первые послѣдователи Христовы; мы живемъ Христіане между Христіанами; міръ который нѣкогда ненавидѣлъ Христіанскій родъ, въ продолженіи временъ самъ переродился въ міръ Христіанскій. Кому неизвѣстна *побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша* (1 Іоан. V, 4)? Такъ, побѣдоносцы, торжествующіе побѣду, можетъ быть, не для васъ еще пріобрѣтенную! Міръ побѣжденъ, однако не уничтоженъ: онъ еще живетъ, и по прежнему ненавидитъ тѣхъ, которые суть Христовы, или хотя стараются быть таковыми. Міръ, побѣжденный вѣрою, плѣненный въ ея послушаніе, допущенный посему въ область ея, непримѣтно внесъ въ нее съ собою, и распространилъ въ ней, свой собственный духъ; и такимъ образомъ сей врагъ Христа и Христіанства очутился въ предѣлахъ самого Христіанства; прикрывшись именемъ Христіанскаго міра, онъ дѣйствуетъ свободно, и учреждаетъ себѣ мірское Христіанство; старается обратно перерождать сыновъ вѣры въ сыновъ міра, сыновъ міра не допу-

скать до возрожденія въ истинную жизнь Христіанскую; а на непокоряющихся ему, ненавистію, лукавствомъ, злословіемъ, клеветою, презрѣніемъ, кратко сказать, всякимъ оружіемъ неправды вооружается.

Справедливо ли то, что теперь сказано, удостовѣриться не трудно. Внимательный тотчасъ можетъ повѣрить сіе опытомъ Кто же такъ часто среди самого Христіанства воздвигалъ и воздвигаетъ вражды, раздоры, смятенія; ненавидитъ и гонитъ лучшихъ изъ Христіанъ; старается угашать свѣтильники Христіанства? Кто наполнилъ Христіанство Мучениками, пострадавшими отъ людей, которые также назывались Христіанами? Кто не давалъ спокойнаго дня въ жизни Василію или Григорію? Кто нѣсколько разъ изгонялъ Аѳанасія? Кто заточилъ Златоуста? Кто сію столь Священную и Богопріятную жертву заклалъ столь нечестиво и безбожно? Кто? Не ужели Христіане, которымъ вдохновенный отъ Христа духъ есть духъ любви и мира, кротости и незлобія, послушанія и терпѣнія? Кто же производилъ и производитъ таковые ужасы, какъ не міръ, нѣкогда побѣжденный вѣрою нашею, но потомъ,—о горе и безславіе Христіанству!—не рѣдко побѣждающій въ насъ вѣру нашу, не по ея немощи, но по нашему разслабленію и малодушію?

Кто хочетъ еще ближе видѣть, какъ и нынѣ міръ ненавидитъ тѣхъ, которые истинно суть, или желаютъ быть, Христовы: тотъ можетъ испытать сіе надъ самимъ собою тѣмъ скорѣе, чѣмъ совершеннѣе облечется въ умъ Христовъ и дѣла Христовы, и чѣмъ болѣе примѣтенъ будетъ міру въ семъ образѣ. Пусть предстанетъ кто премудрымъ и разумнымъ вѣка сего съ ученіемъ *о премудрости Божіей въ тайнѣ сокровенной* (1 Кор. II, 7), о коренномъ поврежденіи человѣческаго естества, о самоотверженіи, о возрожденіи, о внутреннемъ человѣкѣ, о жизни созерцательной, о дѣйствіяхъ Св. Духа, Которымъ по изреченію Святаго Дамаскина, *всяка душа живится и чистотою возвышается*, и наконецъ *свѣтлѣется Троическимъ единствомъ священнотайнъ*: чемъ глубже будетъ онъ излагать сіе безконечно глубокое ученіе, тѣмъ менѣе разумные будутъ разумѣть его; и тѣмъ удобнѣе, по увѣренности въ превосходствѣ своего разума, или презрятъ его, какъ мечтателя, или возненавидятъ, какъ опаснаго нововводителя, хотя сіе ученіе можетъ назваться новымъ только потому, что оно есть ученіе новаго, а не ветхаго чело-

вѣка; и опаснымъ только для плоти и міра, поелику оно имѣетъ цѣлію умерщвленіе плоти и побѣду надъ міромъ Или пусть отважится кто изъ людей, не скрытыхъ отъ міра низостію своего состоянія, съ полною Христіанскою рѣшимостію, отвергнуть пышность и роскошь, оставить забавы и зрѣлища, росточить имѣніе на нищихъ, прилѣпиться исключительно ко храму Божію и духовнымъ упражненіямъ: какими уязвляющими взорами преслѣдовать будутъ сего бѣглеца люди, такъ называемаго, хорошаго общества и изящнаго вкуса! Сколько стрѣлъ остроумія, или справедливѣе, остраго безумія на него посыплется! Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся люди, которые усумнятся въ его здравомыслии потому только, что онъ рѣшился мыслить и поступать по Христіански, не примѣняясь къ міру и его ложнымъ понятіямъ и неправильнымъ правиламъ.

И такъ нельзя не признать, что не только въ первыя времена Христіанства была, но есть и во дни наши ненависть міра противъ истинныхъ Христіанъ: и, если хотимъ быть безпристрастны, нельзя, думаю, не признаться многимъ изъ насъ, что есть и страхъ, производимый сею ненавистью, и малодушное угожденіе міру, именно для того, чтобы не подвергнуться сей ненависти. Для сего благоразумными и основательными кажущіеся люди позволяютъ себѣ дѣла легкомысленныя и суетныя; для сего желающіе быть честными людьми допускаютъ себя впадать въ дѣла безчестныя. Оскорбительно было бы для цѣлаго общества подумать, что нѣтъ въ немъ ни одного человѣка, могущаго разсудить, что игра есть упражненіе дѣтское, и потому людямъ зрѣлаго возраста и ума едва изрѣдко и на краткое время позволительное, для облегченія силъ, утомленныхъ долгимъ напряженіемъ во время важнѣйшей дѣятельности: какъ же изъяснить сіе странное явленіе общежитія, что цѣлыя общества людей зрѣлаго возраста и ума, игрою, въ уреченные часы каждаго дня, вѣрнѣе и постояннѣе занимаются, нежели дѣломъ званія или молитвою? Не иначе можно изъяснить сіе, какъ тѣмъ, что разсудительные, хотя и понимаютъ суетность сего упражненія, боятся быть отлученными отъ сонмища суеты, и потому добровольно порабощаютъ себя суетѣ, чтобы убивать ею свое время, а иногда и свое благосостояніе.—Не трудно благовоспитанной дѣвѣ или женѣ понять, что искусство Иродіады, награжденное нѣкогда кровавою главою проповѣдника покаянія и цѣ-

ломудрія, по сему одному воспоминанію не можетъ быть для размышляющаго Христіанина пріятнымъ упражненіемъ, и ни въ какомъ отношеніи не есть благородное искусство: какъ же идетъ Христіанка на поприще Иродіады? Вѣроятно, боится она, чтобы міръ не наказалъ ее презрѣніемъ за презрѣніе къ законамъ міра.—Благородный служитель правосудія желалъ бы сохранить руки свои чистыми отъ мздоимства: но боится, чтобы другіе не уничижили его благородной бѣдности, чтобы корыстолюбивый начальникъ не изгналъ его, не получая отъ него дани: и начавъ дарами благодарности, оканчиваетъ мздою неправды.

Вотъ случаи, которые показываютъ, какъ въ самомъ обыкновенномъ теченіи жизни въ мірѣ Христіанинъ искушается опасеніемъ ненависти отъ міра; и какъ удобно чрезъ сіе опасеніе дѣлается онъ или по нѣкоторой неволѣ рабомъ міра, или охотно становится его другомъ. И что же? Страхъ быть отвержену міромъ, доводитъ его до того, что онъ дѣйствительно бываетъ отверженъ Богомъ. Ибо *никтоже можетъ двѣма господинома работати* (Матѳ. VI, 24). *Иже восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. IV, 4).

Научись же подлинно Христіанинъ, не страшиться ненависти міра, возстающей противъ тебя за то, что ты послѣдуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродѣтельно.

Что страшиться? Утѣшая глаголетъ тебѣ Іисусъ Христосъ. Твое состояніе не есть необыкновенное; опасность твоя не есть нечаянная. Воззри на жизнь Учителя и Господа твоего, и познай, что съ Нимъ произошло все, что происходитъ, или еще можетъ произойти съ тобою. *Аще міръ васъ ненавидитъ: вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ.*

Но, Господи Іисусе! какое въ томъ утѣшеніе для насъ ненавидимыхъ міромъ, что и Ты былъ имъ возненавидѣнъ прежде насъ? Не сугубая ли въ томъ для насъ скорбь, что и Ты, самая Любовь, былъ ненавидимъ? Не сугубая ли въ томъ для насъ опасность, что и Ты, самая Жизнь, убіенъ былъ ненавидящими?

Не усумнимся, Христіане, во утѣшеніи Господнемъ. Если *вся, елика преднаписана быша, въ наше наставленіе преднаписашася, да терпѣніемъ и утѣшеніемъ писаній упованіе имамы* (Рим. XV, 4): возможно ли, чтобы слово Господа, особенно для утѣшенія сказанное, не было для насъ источникомъ утѣшенія? Если

сей источникъ глубокъ, углубимъ наше вниманіе; чѣмъ болѣе углубимъ, тѣмъ обильнѣе почерпемъ.

Вѣдите, глаголетъ, *яко Мене прежде васъ возненавидѣ*. Вѣдать, что и Христосъ былъ ненавидимъ, утѣшительно для насъ Христіане, во-первыхъ потому, что сіе можетъ послужить къ разрѣшенію сомнѣнія, на правомъ ли пути мы находимся. Ибо міръ, ненавидящій насъ за Христа, старается дать ненависти своей такой видъ, что не онъ противу Христа враждуетъ, но мы Христа недостойны Образъ мыслей и жизни, не такой чувственный и разсѣянный, какой любятъ въ мірѣ, міръ называетъ безразсудною и безполезною строгостію, упрямствомъ, странностію; стремленіе къ духовному—мечтательствомъ; понятія о жизни созерцательной, о искренномъ соединеніи человѣка съ Богомъ—крайнимъ безуміемъ, и даже хулою на Бога. Но когда слышимъ, что и о Христѣ, называвшемъ Себя хлѣбомъ животнымъ сшедшимъ съ небесе и Сыномъ Божіимъ, или возвѣщавшемъ смерть Свою, говорили: *жестоко слово сіе* (Іоан. VI, 60); *бѣса имать: неистовъ есть* (Іоан. X, 20); *хулу глаголетъ* (Лук. V, 21): тогда познаемъ, что и мы на пути Христовомъ, когда съ нами подобное встрѣчается. Тогда терніе, по которому ступаемъ, не столько уязвляетъ насъ, сколько утѣшаетъ, какъ ощутительный признакъ истиннаго пути. Тогда горькая чаша, которую подаютъ намъ, услаждается увѣренностію, что мы *піемъ чашу, юже Господь пилъ*; и что, слѣдственно, это не чаша гнѣва, но чаша спасенія.

Во-вторыхъ, вѣдать, что и Господь нашъ былъ ненавидимъ, утѣшительно намъ потому, что чрезъ сіе можемъ усматривать послѣдствія ненависти, которую претерпѣваемъ отъ міра, и конецъ нашего бѣдствія Если бы ненависть міра противъ Господа не окончилась побѣдою и славою Господа: то не могъ бы Онъ указывать на оную во утѣшеніе ненавидимыхъ міромъ учениковъ Своихъ. Но когда, видя себя на Его терновомъ пути, видимъ конецъ сего пути для Него. нѣтъ сомнѣнія, что и для насъ конецъ того же пути видимъ Итакъ пусть клевещутъ на истину; пусть ненавидятъ любовь: пусть убиваютъ жизнь: истина оправдается, любовь побѣдитъ, жизнь воскреснетъ.

Въ-третьихъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній, ненавидимымъ отъ міра вѣдать, что и Господь былъ ненавидимъ, утѣшительно потому самому, что въ семъ открывается ихъ со-

образность Его возлюбленному и вожделѣнному образу. Неужели пріятнѣе было бы Христіанину быть любиму міромъ, который Христа ненавидитъ? Нѣтъ! Пусть ненавидитъ меня сей міръ; пусть презираетъ; пусть отвергаетъ: любезна мнѣ сія ненависть; славно для меня сіе презрѣніе; пріятно сіе отверженіе, которыя приближаютъ меня ко Христу, и Ему уподобляютъ.

Сподоби насъ, Господи, уподобиться Тебѣ, если не дѣлами Твоимъ подобными, по крайнѣй мѣрѣ терпѣніемъ скорбей и бѣдъ Твоему терпѣнію подобнымъ. Но сохрани отъ бѣды малодушія, чтобы, изъ страха скорбей, не покориться врагу Твоему, не уподобиться міру прелюбодѣйному и грѣшному. Сотвори сіе съ нами благодатію Твоею, милосердый къ грѣшнымъ, дивный во святыхъ, препрославленный во вѣки! Аминь.

CIII.

24. Слово

по освященіи храма Успенія Пресвятыя Богородицы, что въ Казачей, за Москвою рѣкою.

(Говорено Іюля 15).

> И мнози отъ священниковъ и левитъ, и князи отечествъ, и старѣйшины, иже видѣша домъ преждній на основаніи своемъ, и сей домъ предъ очесы своими, плакаху гласомъ веліимъ, и народъ возглашающъ, въ веселіи возвышаху гласъ 1. Ездр. III, 12.

Надѣюсь, не покажется страннымъ то, что, смотря на сей возобновленный храмъ, воспоминаю я возобновленіе Іерусалимскаго храма, послѣ плѣненія Вавилонскаго. Сколь ни велика между ими разность, потому между прочимъ, что храмъ Іерусалимскій былъ единственный не только въ Іерусалимѣ, но и во всей землѣ Іудейской; а сей есть одинъ изъ многихъ и

въ единомъ семъ градѣ, который множествомъ храмовъ Божіихъ, какъ небо звѣздами, украшается и сіяетъ: но есть нѣкоторое сходство въ судьбѣ ихъ; ибо и тотъ, какъ сей, сожженъ былъ въ нашествіе не чтущихъ Бога враговъ, и сей, какъ тотъ, возобновленъ усердіемъ чтущихъ Бога гражданъ и народа.

Но зачѣмъ, скажутъ мнѣ, можетъ быть, нѣкоторые, зачѣмъ къ событію радостному ты приносишь воспоминаніе, въ которомъ веселіе смѣшано съ плачемъ? Зачѣмъ показываешь намъ различныя чувствованія людей, бывшихъ *при основаніи дому Господня*, а не единодушную радость торжествовавшихъ совершеніе онаго?

Подлинно, когда Израильтяне начинали возобновлять свой храмъ, сожженный Вавилонянами, тогда, при торжественномъ богослуженіи, они частію веселились, а частію плакали. *Многіи отъ священниковъ и левитъ, и князи отечествъ, и старѣйшины, иже видѣша домъ прежній на основаніи своемъ, и сей домъ предъ очесы своими, плакаху гласомъ великимъ, и народъ возглашающъ, въ веселіи возвышаху гласъ.* Но когда, по преодолѣніи препятствій, домъ Божій наконецъ совершился: тогда они забыли прежній плачъ и только радовались. *Сотвориша же сынове Израилевы, священницы и левиты, и прочіи сыновъ преселенія, обновленія дому Божія въ радости* (1 Ездр. VI, 16).

Радуюсь и я съ вами, которые въ годину искушенія были, если не сынами долговременнаго преселенія, то сынами бѣгства, или плѣнными въ собственныхъ вашихъ жилищахъ, или наконецъ жителями пепломъ усыпанной пустыни внутри города,— радуюсь, что умилостивленный Богъ вновь устроилъ ваши домы; радуюсь, что помилованные Богомъ, вновь устроили вы домъ Божій.

Радуюсь съ вами, священницы и левиты, что тамъ, гдѣ чада беззаконія и погибели хотѣли водворить мерзость запустѣнія, вновь *стоите* вы *въ украшеніи своемъ, да хвалите Господа.*

Дерзну и далѣе простерти радость: радуюсь съ вами, *силы небесныя, нынѣ съ нами невидимо служащія*, съ той минуты, какъ молитвою и тайнодѣйствіемъ призываемый, собственнымъ обѣтованіемъ—быть посредѣ собранныхъ во имя Его—преклоняемый, *вниде во врата* сія *Царь славы.*

Пріидите, скажу со Псалмопѣвцемъ, *возрадуемся Господеви,*

воскликнемъ Богу Спасителю нашему: предваримъ лице Его во исповѣданіи, и во псалмѣхъ воскликнемъ Ему (Пс. XCIV, 1. 2).

Но что мнѣ дѣлать? Когда я хочу только радоваться, *и въ веселіи возвышать гласъ*; когда перенимаю радостныя восклицанія у вѣдущаго воскликновеніе Псалмопѣвца: и онъ чрезъ радостныя воскликновенія предъ Богомъ вскорѣ приводитъ меня къ плачу. *Пріидите*, продолжаетъ, *поклонимся и припадемъ Ему, и восплачемся предъ Господемъ сотворшимъ насъ* (Пс. XCIV, 6).

Кто хочетъ, пускай довольствуется при настоящемъ обновленіи храма простою искреннею радостію, подобно какъ въ подобномъ случаѣ добрый Израильскій *народъ возглашающъ въ веселіи возвышаху гласъ*. Но кто, подобно какъ нѣкогда *мнози отъ священниковъ и левитъ, и князи отечествъ и старѣйшины*, не останавливается на томъ одномъ, что видитъ предъ очами своими, а побуждается видимымъ, и то, чего не видитъ, воспоминать, соображать, пусть размышляетъ со мною, о чемъ они плакали при основаніи дома Господня, и нѣтъ ли о чемъ заботиться и намъ при сей радости о совершеніи дома Господня.

Священники, левиты, князи, старѣйшины,—тѣ изъ народа, въ которыхъ должно предполагать болѣе разсужденія, болѣе проницательности, болѣе опытности,—священники и левиты, люди преимущественно предъ прочими упражняющіеся въ законѣ Божіемъ, и потому преимущественно способные испытывать и разумѣвать судьбы Божіи,—князи и старѣйшины, люди болѣе прочихъ знающіе прошедшее и настоящее состояніе цѣлаго народа, и на семъ познаніи могущіе утверждать вѣрныя надежды или основательныя опасенія о будущемъ его состояніи,—вотъ кто, при торжественно начинавшемся возобновленіи храма Іерусалимскаго, *плакаху гласомъ великимъ*. Печаль такихъ людей, сколь ни желательно было бы не примѣшивать ее къ общенародной радости,—болѣе, думаю, заслуживаетъ вниманія, нежели радость народа, часто необдуманная.

О чемъ же плакали они? Въ отвѣтъ на сіе повѣствователь сего произшествія, Ездра, не представляетъ ничего болѣе, какъ то, что они *видѣша домъ преждній на основаніи своемъ, и сей домъ предъ очесы своими*. Но что тутъ плачевнаго? На сіе даетъ намъ нѣкоторое изъясненіе современный Пророкъ Аггей, когда по

повелѣнію Божію, князю, первосвященнику и всему народу Іудейскому говорить: *кто отъ васъ, иже видѣ храмъ сей въ славѣ его прежней: и како вы видите его нынѣ, якоже не суща предъ вами* (Агг. II, 4)? Вотъ о чемъ плакали разсудительнѣйшіе между Израильтянами! Смотря на храмъ, едва возникающій изъ огромныхъ развалинъ, они приводили себѣ на память видѣнную нѣкогда славу его, кончившуюся поруганіемъ и разрушеніемъ; сличая уменьшенный, скудный, ничтожный видъ возобновленнаго зданія съ обширностію и великолѣпіемъ прежняго, сравнивая предпріемлющіе возобновленіе храма остатки двухъ только племенъ Израилевыхъ, малочисленные, слабые, бѣдные, не имѣющіе благоустроеннаго правительства, окруженные враждебнымъ сосѣдствомъ, съ созидавшимъ прежній храмъ народомъ, состоявшимъ изъ соединенія цѣлыхъ двѣнадцати племенъ, благоустроеннымъ, богатымъ, сильнымъ, вскорѣ послѣ побѣдоноснаго царствованія Давидова, въ мирное и мудростію могущественное царствованіе Соломоново,—соображая все сіе, сколь мало они могли быть довольны началомъ дѣла, которое имѣли предъ очами, столь же мало могли утѣшать себя надеждою на успѣшное совершеніе и прочное сохраненіе слабо начинающагося дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что люди, не только здравомыслящіе, но и богомыслящіе, воспоминая видимую славу прежняго храма, помышляли при томъ и о благодати, которая обитала въ немъ и облекала его славою; созерцали духомъ, что грѣхи народа удалили отъ него благодать, а чрезъ то и отъ славы обнажили его, и довели до запустѣнія; можетъ быть, и то еще примѣчали прозорливые, что грѣхи, подвергшіе прежній храмъ разрушенію, а народъ плѣненію, не совсѣмъ еще изглаждены симъ судомъ и наказаніемъ и въ возвратившихся изъ плѣна сынахъ преселенія, предпріемлющихъ возобновленіе храма; слѣдственно, еще не восходила для него новая заря благодати, далеко было солнце славы; еще не ясное утро надежды тогда было, но сумракъ и нощь страха и неизвѣстности, время не веселія и торжества, но сокрушенія, покаянія и плача, и потому *плакаху гласомъ великимъ*.

Съ вами теперь состязаться буду,—съ вами, у которыхъ не сей одинъ храмъ, но и многіе другіе, послѣ осквернения или опустошенія враждебною рукою, не только нашли руку возстановляющую и возобновляющую, но и достигли совершеннаго возобновленія, можетъ быть, не съ меньшимъ, или даже боль-

шимъ прежняго, благолѣпіемъ, и обрѣли прежнюю свою благодать и святыню. Думаете ли вы посему, что, смотря на сей успѣхъ вашихъ дѣлъ, на сію помощь свыше, имѣете вы право радоваться такъ, чтобы отложить всякую печаль, или страхъ, или заботу? Не могу согласиться съ симъ расположеніемъ безпечныхъ душъ, какъ ни охотно желаю вамъ радости полной и ничѣмъ ненарушимой. Ахъ! *работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Пс. II, 11).

Создать Богу храмъ, украсить, освятить,—благодатное дѣло предъ Богомъ и спасительное для человѣковъ! Когда видимъ въ Евангеліи, что создавшій Іудеямъ сонмище, то есть, Іудейскую храмину молитвы и священнаго поученія, чрезъ сіе между прочимъ дѣло проложилъ себѣ доступъ ко Спасителю нашему и Его къ себѣ привлекъ, обрѣлъ высокій даръ вѣры и высокую похвалу сего дара, исходатайствовалъ чудо исцѣленія: сіе не есть ли знаменіе и наставленіе намъ, сколь великое благословеніе и благодать ожидаетъ подвизающихся создать Христіанскій храмъ, въ которомъ Самъ Богъ во плоти, подъ покровомъ таинствъ, обитаетъ съ человѣками? Но сколь ни вѣрно сіе слово, что создать, украсить, освятить храмъ есть дѣло великое: тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что создать, украсить, освятить храмъ вещественный есть дѣло еще не совершенное и не оконченное.

Читающіе священныя книги знаютъ, какъ вещественно созданъ, какъ великолѣпно украшенъ, съ какою торжественною и всенародною молитвою освященъ, какимъ дивнымъ въ огнѣ и облакѣ наитіемъ благодати въ день освященія прославленъ былъ храмъ Соломона. Что естественнѣе было въ сіе время, какъ мысль объ окончательномъ совершенствѣ и совершенномъ окончаніи сего великаго дѣла? Едва ли не вкралась и въ сердце Соломона сія мысль естественная, но не благодатная: ибо надобно было Самому Богу явиться и вразумить его, что сіе дѣло требуетъ еще продолженія и дальнѣйшаго совершенія, и какого продолженія и совершенія требуетъ. *И явися Господь Соломону вторицею*, повѣствуетъ книга Царствъ, *и рече къ нему Господь. услышахъ гласъ молитвы твоея.* И далѣе: *освятихъ храмъ сей, его же создалъ еси, еже положити имя Мое тамо во вѣки: и будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни.* (3 Цар. IX, 2. 3). Довлѣетъ, Господи, могъ бы сказать на сіе Соломонъ, довлѣетъ; не совершено ли уже чрезъ сіе все

дѣло? Нѣтъ, глаголетъ Господь; еще не все, не довлѣетъ; слыши что еще требуется къ совершенству дѣла: *и ты аще пойдеши предо Мною, якоже ходи Давидъ, отецъ твой, въ преподобіи сердца и въ правотѣ, и еже творити по всѣмъ, яже заповѣдахъ ему, и повелѣнія Моя, и заповѣди Моя сохраниши: и возставлю престолъ царствія твоего во Израили во вѣки* (ст. 4. 5). Поелику же создатель и поклонники храма Іерусалимскаго не продолжали симъ образомъ его созиданія и освященія въ себѣ самихъ: то храмъ оказался на самомъ дѣлѣ несовершенъ и не проченъ; не разъ рушена святыня его, и весь онъ, сообразно съ угроженіемъ Господа, отверженъ отъ лица Его.

Если такимъ образомъ созиданіе и освященіе храма Іудейскаго, который назначенъ былъ для Богослуженія образовательнаго, наружнаго, чувственнаго, долженствовало быть продолжаемо и совершаемо въ его создателѣ и поклонникахъ: то что сказать о храмѣ Христіанскомъ, котораго предметъ и цѣль есть богослуженіе не образовательное только, но существенное, не наружное только и чувственное, но въ наружномъ и чувственномъ непремѣнно внутреннее и духовное? Нельзя иначе и думать, какъ что созиданіе, украшеніе и освященіе вещественнаго, рукотвореннаго, есть только приготовленіе и приспособленіе къ созиданію, украшенію и освященію перукотвореннаго, духовнаго храма въ создателяхъ и служителяхъ, въ общникахъ и посѣтителяхъ онаго. Ибо что говоритъ намъ о храмѣ Апостольское слово? *Не вѣсте ли*, говоритъ оно, *яко храмъ Божій есте вы* (1 Кор. III, 16)? Что и о созиданіи храма? *Ко Господу* говоритъ, *приходяще, камени живу, отъ человѣкъ убо уничижену, отъ Бога же избранну, честну, и сами яко каменіе живо зиждитеся, въ храмъ духовенъ* (I Петр. II. 4. 5). О украшеніи храма? — Хрістовъ *домъ мы есмы, аще дерзновеніе и похвалу упованія*, какъ благопотребные сосуды дома, какъ дому Владыка, украшенія, коими благоугождается *даже до конца извѣстно удержимъ* (Евр. III, 6). Наконецъ о святости храма?—*Храмъ Божій святъ есть*; но какой храмъ? *иже есте вы* (I Кор. III, 17). Итакъ, споспѣшествователи созданія и украшенія, и свидѣтели освященія сего видимаго храма! Созидается ли также, украшается ли, освящается ли Богу, не менѣе видимаго, и невидимый храмъ душъ вашихъ? Вотъ среди сего

радостнаго торжества моя тайная забота, мой страхъ; и — о если бы, при дальнѣйшемъ размышленіи о семъ, не нашлось причинъ къ сѣтованію и плачу!

Не имѣетъ умъ мой проницанія видѣть внутреннее состояніе храмовъ душевныхъ; недостойно слово мое обличать, не желаетъ сердце мое дерзновенно возмущать чью либо радость. Прибѣгаю къ слову одного изъ святыхъ, котораго и духовная проницательность выше сомнѣнія, и обличеніе выше прекословія для насъ грѣшныхъ. *Не воспріяли еще мы радости о спасеніи отъ Христа содѣланномъ*, говоритъ святый Макарій, *но жало смерти въ насъ углубляется. Не облекались еще въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ, и не совлекались ветхаго, тлѣющаго въ похотяхъ прелестныхъ. Не носили еще небеснаго образа, и не сообразились славѣ его. Еще не поклонились Богу духомъ и истиною: яко царствуетъ грѣхъ въ мертвенномъ нашемъ тѣлѣ.* И далѣе говоритъ: *не учинились еще храмомъ Божіимъ и обителію Духа Святаго: зане есмы храмомъ идоловъ, и вмѣстилищемъ духовъ злобы, по причинѣ душевнаго къ страстямъ стремленія* (Бесѣд. XXV, 4).

Но для чего далеко искалъ я обличителя? Обличители нашихъ беззаконій найдутся между самими обличаемыми. Спросите другъ друга: что произвела въ душевныхъ расположеніяхъ и нравственной жизни большей части изъ насъ бывшая година искушенія и наказанія? Послѣ столь грознаго посѣщенія Божія, болѣе ли прежняго страшимся мы грѣховъ и беззаконій? Бывшее уничиженіе научило ли насъ паче прежняго смиренію? Бывшія лишенія и нужды обуздали-ль роскошь, прекратили-ль склонность къ излишествамъ, обратили-ль насъ къ простотѣ и умѣренности? Сохранилось ли возбужденное опасностями единодушіе и забвеніе собственныхъ выгодъ для ближняго и для общества, и не вновь ли собственность раздѣляетъ насъ и возставляетъ одного противъ другаго? Если и не будутъ на сіе отвѣтствовать словами: отвѣтъ на сіе можно видѣть въ явныхъ и обыкновенныхъ дѣлахъ и поступкахъ; можно читать на стѣнахъ жилищъ, на украшеніяхъ, на одеждахъ, на мѣстахъ зрѣлищъ и увеселеній, на торжищахъ, на судилищахъ.

Чтожъ, если подлинно признаться должно, что послѣ общаго наказанія и дивнаго помилованія отъ Бога мы опять таковы,

каковы были, когда заслужили наказаніе? Какое въ семъ случаѣ утѣшеніе въ прошедшемъ? Какая радость въ настоящемъ? Какая надежда въ будущемъ?

Радуюсь съ вами о возстановленіи послѣ бѣдъ нашего внѣшняго благосостоянія, радуюсь о новомъ возгражденіи храма, паипаче радуюсь о возобновленіи храмовъ Божіихъ и святыни ихъ: но согласитесь и вы со мною, что надобно всѣмъ намъ заботиться и о домѣ душевномъ, надобно бояться, чтобы онъ не остался въ грѣховной ветхости, нечистотѣ, безобразіи, запустѣніи; а если уже сами видимъ въ себѣ духовный храмъ Божій, *яко не сущій предъ нами*, то достойно и праведно и сѣтовать и плакать великимъ плачемъ сокрушенія и покаянія.

Продолжимъ, сослужители и споклонники святаго храма, продолжимъ святое дѣло храма въ душахъ нашихъ. Будемъ духовный въ насъ храмъ Божій созидать подвигами благочестія, возобновлять исправленіемъ житія, украшать добродѣтелями, освящать вѣрою, молитвою и общеніемъ таинствъ; да дастъ Господь и сему храму Своему благодать и славу, и въ совершенномъ освященіи его Духомъ святымъ, да обрящемъ совершенную радость спасенія, которой никтоже возметъ отъ насъ. Аминь.

CIV.

25. Слово

въ Церкви Пресвятыя Богородицы въ честь иконы Ея Смоленскія, въ Новодѣвичьемъ Монастырѣ, по крестномъ ходѣ.

(Говорено іюля 28 [1].

Бысть же ходящимъ имъ, и Самъ вниде въ весь нѣкую: жена же нѣкая именемъ Марѳа пріятъ Его въ домъ свой Лук. X, 38.

Блаженна ты, неизвѣстная по имени весь: ибо Христосъ, Господь славы, посѣщаетъ тебя. Благословенъ ты небогатый, вѣроятно, домъ: ибо Христосъ, богатый милостію, входитъ подъ кровъ твой. Закхей погибалъ отъ страсти любостяжанія; но посѣщеніемъ Христовымъ *спасеніе дому* его *бысть* (Лук. XIX, 9). Будетъ спасеніе и дому Марѳы, принявшей Спасителя: будетъ безъ сомнѣнія.

Блаженно и всякое мѣсто и домъ, которыя удостоиваются посѣщенія Божественнаго. Наипаче же блаженъ человѣкъ, достойно пріемлющій Божественное посѣщеніе; ибо для него только и мѣсто невмѣстимый Богъ посѣщаетъ.

Мѣсто, гдѣ мы теперь находимся, свидѣтельствуетъ, что и малое, по видимому, посѣщеніе Божественное можетъ оставить по себѣ благодать великую и продолжительную. Не было здѣсь ниже безвѣстной вѣси, ниже убогаго жилища, когда Преблагословенная Богородица Своимъ священнымъ и чудотворнымъ изображеніемъ, на краткое время, только мимо шествуя, посѣтила

[1]) Въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг. помѣщено слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, сходное съ предлагаемымъ здѣсь; въ виду значительной разницы рѣшаемся напечатать и то и другое.

мѣсто сіе, и се—видимъ здѣсь, и цѣлымъ градомъ чтимый домъ славы Божіей, и сохраненную вѣками обитель спасенія.

Совершая въ настоящемъ торжествѣ какъ бы нѣкое подражаніе первоначальнаго благодатнаго посѣщенія, блаженны мы, если хотя сіе благочестивое воспоминаніе какъ бы самое благодатное посѣщеніе достойно приимемъ.

О если бы—скажетъ иной—о если бы только посѣтилъ меня Богъ Своимъ благодатнымъ посѣщеніемъ! Какъ бы уже не принять Его мнѣ съ благоговѣніемъ, съ усердіемъ, и слѣдственно такъ, какъ благоугодно посѣщающему?

Вопреки сему справедливѣе можно сказать: о если бы только ты былъ способенъ, расположенъ, готовъ принять достойно благодатное посѣщеніе! Возможно ли, чтобы тотчасъ не посѣтилъ тебя Богъ, Который по слову Іова *вниметъ умомъ* къ человѣку, *посѣщеніе творитъ ему по всяко утро, и во всякое мгновеніе испытуетъ его* (Іов. VII, 17. 18)?

Но что препятствуетъ человѣку съ успѣхомъ искать Бога, и достойно принимать Его благодатное посѣщеніе?—Евангельское повѣствованіе о Маѳѣ, принявшей Господа въ домъ свой, къ наставленію нашему показываетъ, что наиболѣе препятствуетъ въ томъ житейское попеченіе или пристрастіе къ земному.

Уже Маѳа не искала только посѣщенія Христова, но и получила оное: *пріятъ Его въ домъ свой*. Я сказалъ, и опять не удержусь сказать: благословенъ домъ Маѳы! Она приняла Божественнаго Посѣтителя со благоговѣніемъ: ибо и Господомъ нарекла Его, и отъ Него просила повелѣнія сестрѣ своей, будучи сама властна распоряжать въ своемъ домѣ. *Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави?—Рцы убо ей.*— Маѳа приняла Господа со усердіемъ: ибо тщательно готовилась угостить Его, подобно какъ и Авраамъ, во время бывшаго ему посѣщенія Господня. *Маѳа же молвяше о многъ службѣ.* До сихъ поръ не все ли заставляетъ думать, что Маѳа приняла Христа достойно и благоугодно Ему? Но не спѣшите мнѣніемъ рѣшительнымъ; подождите суда Христова. Что наконецъ глаголетъ Онъ? Не одобряетъ пріема, который дѣлала Ему Маѳа, и даруетъ преимущественное благословеніе Маріи, на которую Маѳа жаловалась. Что же тому причиною? Въ чемъ можно было укорить Маѳу? Она укорена въ житейскомъ попеченіи. *Маѳо, Маѳо, печешися, и молвиши о многъ.*

Если такимъ образомъ уже принятому благодатному посѣщенію повредило житейское попеченіе, и болѣе или менѣе похитило плодъ онаго: не больше ли еще можетъ вредить оно и препятствовать тѣмъ, которые еще только начинаютъ искать Бога и благодати Его?

При ближайшемъ разсмотрѣніи Евангельскаго повѣствованія можно различить особенныя нѣкоторыя дѣйствія, которыми житейское попеченіе препятствуетъ человѣку благоугождать Богу, и пріобрѣтать благодать Его, или сохранять пріобрѣтенную. Оно развлекаетъ и смущаетъ. Оно затмѣваетъ умъ отъ истины. Обезсиливаетъ волю въ избраніи лучшаго.

Житейское попеченіе развлекаетъ и смущаетъ. Посмотрите на Мароу. Хрістосъ въ ея домѣ,—Тотъ, для Котораго множество народа бѣгало по селеніямъ и по пустынямъ, чтобы увидѣть Его, или услышать слово Его,—Тотъ, Котораго *мнози царіе и пророцы восхотѣша видѣти, и не видѣша* (Лук X, 24), Тотъ,—Котораго *день Авраамъ радъ былъ видѣти*, и когда *увидѣлъ* только издалека, *возрадовался* (Іоан. VIII, 56),—искомый, вождѣленный, для Мароы близокъ, видимъ, слышимъ. Но что Мароа? Радуется ли о Немъ? Наслаждается ли Его лицезрѣніемъ и слышаніемъ глаголовъ Его?—Едва ли! У нея совсѣмъ иное занятіе, иныя чувствованія; она думаетъ и заботится о мукѣ и елеѣ, о хлѣбѣ и рыбахъ; Христа какъ будто нѣтъ для нея. *Мароа же молвяше о мнозѣ службѣ.* Наконецъ негодованіе на сестру, не раздѣляющую сей заботы, обращаетъ ее ко Господу: по и то для того, чтобы чрезъ Него не умепьшить, а увеличить сію заботу и сіе развлеченіе. *Ставши же рече: Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? Рцы убо ей, да ми поможетъ.*

Христіанинъ! знаешь ли, что Хрістосъ, если еще не посѣщаетъ тебя дѣйствительно, по крайней мѣрѣ стоитъ у вратъ твоихъ, и ожидаетъ, чтобъ ты принялъ Его въ домъ свой! Если намъ не вѣришь въ семъ: слыши, какъ Онъ Самъ о Себѣ возвѣщаетъ всѣмъ намъ: *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечерялю съ нимъ, и той со Мною* (Апок. III, 20). Скажемъ ли на сіе: не видимъ Тебя, Господи, стоящa; не слышимъ Твоего толцанія!—Безполезный споръ! Господь не обманываетъ насъ; *оправдится Онъ во* всѣхъ *словесѣхъ Своихъ* (Псал. L, 6).

Какъ же случается, что Онъ стоитъ при дверехъ, а мы не видимъ; Онъ толцетъ, а мы не слышимъ? Точно также, какъ подобное сему случилось съ Марѳою. Житейское попеченіе влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ занятія къ занятію, отъ заботы къ заботѣ; и какъ оно большею частію не бываетъ, и почти не можетъ быть такъ успѣшно, какъ бы мы желали: то неудача смущаетъ насъ, недостатокъ помощи, или препятствіе отъ другихъ раздражаетъ; желанія и страсти шумятъ, какъ вѣтры, какъ волны; мы мятемся всуе; волнуемся на свою погибель, и въ семъ обуреваніи не примѣчаемъ кроткаго присутствія, не слышимъ тихаго гласа вождѣленной и спасительной благодати.

Житейское попеченіе затмѣваетъ умъ отъ истины. Таковое затмѣніе ума обличаетъ Господь въ Мароѣ, когда сказуетъ ей, что *едино есть на потребу*. Удивительно, что Мароа прежде сего вразумленія не уразумѣла сей истины, если не въ глубокомъ и сокровенномъ, по крайнѣй мѣрѣ въ простомъ и открытомъ ея знаменованіи. Если не вдругъ могла она постигнуть, что единое на потребу есть Богъ, и Его Слово, по реченному: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4); если не довольно ясно для нея было, какимъ образомъ единое на потребу есть царствіе Божіе, по реченному: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33): какъ бы, кажется, не понять ей по крайней мѣрѣ того, что для Рекшаго: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Іоан. IV, 34), для Постившагося четыредесять дней и нощей, для Питающаго многія тысящи народа немногими хлѣбами, не суть на потребу многіе роды пищи и питія? Что Пришедшій въ міръ, *да свидѣтельствуетъ истину* (Іоан. XVIII, 37). Нарицающій Себя хлѣбомъ животнымъ, Призывающій къ Себѣ жаждущихъ, благоугождается не тѣмъ, чтобы представляли Ему въ изобиліи брашно гиблющее, не тѣмъ, чтобы отъ Него принимали брашно негиблющее, воду живую, то есть, слово истины и спасенія?—Нѣтъ! Не поняла сего пекущаяся о мнозѣ: и не поняла по тому самому, что пеклась о мнозѣ, что привычка житейскимъ заниматься, и о житейскомъ заботиться, какъ свинецъ, отягчала крило ума, и не допускала вознестись къ духовному разумѣнію.

Не такъ ли нѣкоторые и между нами, Христіане, хотя и бы-

вают подъ однимъ кровомъ съ Христомъ, какъ то бываетъ по истинѣ во храмахъ Его, хотя почти видятъ Его въ таинствѣ, хотя слышатъ Его въ Евангеліи, не умѣютъ однако толикими благами пользоваться и наслаждаться? Евангеліе для насъ довольно непонятно; таинство весьма закрыто; молитва утомительна. Не знаемъ какъ находятъ въ Евангеліи Божественный свѣтъ, въ таинствѣ Божественную силу, въ молитвѣ Божественную радость, блаженство и самое небо. И почему не дается намъ духовный разумъ и чистое созерцаніе?—Потому, что житейское попеченіе связуетъ нашъ умъ, обременяетъ его тяжкими земными помыслами, покрываетъ его мглою нечистыхъ страстей и чувственныхъ желаній; изъ орла, которому бы надлежало въ чистомъ воздухѣ зрѣть на Солнце истины, превращаетъ въ крота, роющагося въ землѣ и въ прахѣ дѣлъ земныхъ, безполезныхъ для духа.

Житейское попеченіе обезсиливаетъ волю въ избраніи лучшаго. *Марія благую часть избра*, глаголетъ Господь; избрала же она то, чтобы *сѣдши при ногу Іисусову, слышати слово Его*. Какъ не избрала и другая сестра сей благой части? Развѣ не желала она приближиться къ Іисусу? Но сіе желаніе оказалось въ ней еще прежде, нежели въ Маріи, *когда Марѳа пріятъ Его въ домъ свой*. Почему же одно сѣмя желанія неодинаково произрасло и принесло плодъ?—Потому что въ сердцѣ Маріи оно расло свободно: а въ сердцѣ Марѳы заглушали оное плевелы житейскихъ попеченій? *Молвяше о мнозѣ службѣ*.—Волею духа стремилась она ко Господу, и привлекала Его къ себѣ; но склонностію къ житейскому отвлекалась отъ духовнаго Ему благоугожденія къ тѣлесному служенію, и не достигала близости къ Нему благодатной.

Можно и во всякое время и повсюду примѣчать, какъ различно въ различныхъ душахъ дѣйствуетъ желаніе благодати и спасенія, соотвѣтственно тому, бываетъ ли оно въ нихъ полное, свободное и единичное, или въ дѣйствіи своемъ раздѣляется, воспящается, ослабляется какимъ-либо желаніемъ земной природы и склонностію житейскою. Видимъ людей, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ все только начинаютъ дѣло спасенія своего, а не совершаютъ онаго; долго ищутъ Бога, и не находятъ; видятъ нѣкоторую зарю благодати надъ собою, и не могутъ дождаться дня ея, озаряющаго сердце. Отъ чего сіе? Отъ того, что начинаютъ дѣло спасенія, но, по пристрастію къ зем-

ному и житейскому, не совсѣмъ оставляютъ дѣла погибели: ищутъ Бога, но не хотятъ лишиться тварей: ждутъ утѣшенія благодати, но не хотятъ растаться съ утѣшеніями растлѣнной природы. Видимъ напротивъ и такихъ, которые позже другихъ приступаютъ служить Богу, но болѣе въ томъ успѣваютъ. Блудный сынъ упреждаетъ старшаго брата во благодати отчей. Магдалина, извѣстная грѣшница и бѣсуемая, внезапно является равноапостольною; Савлъ гонитель вдругъ превращается въ Павла Апостола. *Мытари и грѣшницы варяютъ въ царствіи Божіи* (Мато. XXI, 31) насъ, мнящихся быть природными сынами царствія Божія Какимъ образомъ совершаются чудеса сіи? Сильнымъ, рѣшительнымъ, всѣ прочія желанія поглощающимъ желаніемъ благодати и спасенія.

Посему слово Божіе сильно возстаетъ противъ смѣшенія житейскихъ попеченій съ желаніями духовными, столь обыкновеннаго, къ сожалѣнію, между нами. *Никтоже*, говоритъ Оно, *можетъ двѣма господинома работати* (Мато. VI, 24). Итакъ, если ты рабъ житейскаго попеченія: то не можешь въ тоже время быть рабомъ Божіимъ. *Идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Мато. VI, 21). Итакъ, если *твое сокровище*—то, чего ты желаешь, о чемъ печешься, что любишь, находится на земли: то не думай, чтобы *сердце* твое нашлось на небеси у Бога. *Никтоже воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ* (2 Тим. II, 4). Итакъ, если ты внутренно привязанъ къ чему либо житейскому: то не прельщай себя мыслію, что ты угоденъ Вождю Христу, побѣдителю міра.

Посему нерѣдко Самъ Богъ, когда кого приготовляетъ къ особенному Своему посѣщенію, или дарованію благодатному, рукою крѣпкою расторгаетъ и сокрушаетъ всѣ, даже непорочныя узы, привязывающія человѣка къ земному и житейскому. Надлежало ли дать обѣтованія Аврааму? *Изыди*, сказано ему, *отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего* (Быт. XII, 1). Не могъ ли благословить Іакова и Богъ, когда благословлялъ его Исаакъ въ домѣ своемъ? Напротивъ онъ взятъ изъ объятій благочестивыхъ родителей; съ опасностію, безъ помощи, безъ сопутника, приведенъ въ неизвѣстное мѣсто; спалъ на пустынномъ мѣстѣ, и—здѣсь нашелъ для себя и домъ Божій, и могущественное благословеніе Божіе. Какой путь велъ

Іосифа ко благодати тайновидца и къ славѣ спасителя?—Путь Египетскій, рабство и темница. Когда и гдѣ болѣе открылся Богъ Израильскому народу?—Тогда, какъ онъ былъ отторженъ отъ Египта, и еще не привязанъ къ землѣ обѣтованной,—тамъ, гдѣ земля не льстила ему ничѣмъ земнымъ, но во всемъ отсылала его къ Небу.

Не та ли была мысль блаженныхъ отцевъ нашихъ, которые заповѣдывали намъ въ извѣстныя времена отъ множества святыхъ храмовъ во градѣ убѣгать съ молитвою во храмы нѣсколько удаленные и болѣе уединенные; не та ли, говорю, была мысль ихъ, чтобы вразумить насъ, какъ нужно, взыскующимъ Бога и благодати, оставлять позади себя все, что насъ обыкновенно занимаетъ въ мірѣ, все земное, все житейское?

Отложимъ Христіане бремя, котораго тягость, можетъ быть, не довольно знаемъ, потому что ходить безъ онаго не испытали; отложимъ бремя житейскихъ попеченій. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ и упражненіяхъ жизни отложимъ попеченіе излишнее, суетное, заботливое, происходящее отъ неумѣренныхъ желаній, отъ неосновательнаго сужденія о вещахъ, отъ недостатка вѣры въ Бога и надежды на Его провидѣніе. А когда особенно призываемся къ дѣламъ Божіимъ, къ молитвѣ, къ упражненію въ словѣ Божіемъ, къ духовнымъ подвигамъ для обрѣтенія благодати Божіей,—*всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе*. Послужимъ Богу духомъ, *да обрѣтованіе духа пріимемъ вѣрою* (Гал. III, 14). Празднованія, начатаго духомъ, да не скончаемъ плотію. Языческой то былъ праздникъ, когда *сѣдоша людіе ясти и пити, и восташа играти* (Исх. XXXII, 6). Пришедши сюда съ молитвою, да возвратимся отсюда въ домы съ благодатію и миромъ. Аминь.

CV.

26. Слово

въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

(Говорено въ Московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ, августа 15)

Святый Діонисій Ареопагитъ былъ на погребеніи Богородицы, и что притомъ происходило, частію можно видѣть въ его писаніяхъ. *Мы*, пишетъ онъ, *и многіе изъ священныхъ нашихъ братій собрались для зрѣнія живоначальнаго и Богопріемнаго тѣлеси. Прибылъ и Богобратъ Іаковъ и Петръ, между высокими Богословами верховный и старѣйшій. Послѣ зрѣнія благоугодно было всѣмъ іерархамъ, поколику каждый былъ способенъ, пѣснословить безмѣрно могущественную благость Богоначальственной немощи* (о Божеств. имен гл. 3).

Подъ именемъ *Богоначальственной немощи*, какъ изъясняетъ святаго Діонисія святый Максимъ, *должно разумѣть вольное снисхожденіе Сына Божія даже до плоти, кромѣ грѣха. Ибо, по причинѣ вольнаго къ намъ снисхожденія, все претерпѣвъ даже до смерти, смерти же крестныя, и немощи наши Онъ понесъ.*

Пріятно даже до нынѣ узнавать единую, святую, соборную и Апостольскую Церковь, между прочимъ, по единству ея священныхъ и Апостольскихъ обычаевъ. Послѣ столь многихъ вѣковъ, отъ дня успенія Пресвятыя Богородицы, и нынѣ для сего дня *собираются многіе изъ священныхъ нашихъ братій.* Въ подражаніе Божественному зрѣлищу Сіонскому или Геѳсиманскому и здѣсь представляется для благоговѣйнаго зрѣнія изображеніе *живоначальнаго и Богопріемнаго тѣлеси*, какъ бы въ день его погребенія. *Вся іерархія пѣснословитъ*, или, иначе сказать, словомъ и пѣснопѣніемъ прославляетъ *безмѣрно могущественную благость* Сына Божія, въ Его спасительномъ

воплощеніи, чрезъ немощь и смерть проложившаго путь къ безсмертію и славѣ Божественной.

О, если бы могли мы теперь услышать хотя одно изъ тѣхъ самыхъ пѣснословій, которыя по внушенію святаго Духа принесены были Господу и Матери Его въ первоначальномъ Апостольскомъ Успенскомъ Соборѣ! Но святый Діонисій только сказываетъ о нихъ, а ничего изъ нихъ не пересказываетъ.

Слышу по крайнѣй мѣрѣ родъ пѣснословія, приличествующаго настоящему случаю, изъ устъ усыновленника Пресвятыя Дѣвы и ближайшаго служителя Ея въ Ея жизни и погребеніи. *Блаженъ*, восклицаетъ Іоаннъ, *и святъ, иже имать часть въ воскресеніи первомъ* (Апок. XX, 6).

Кто же первѣе можетъ имѣть часть въ воскресеніи, какъ не родившая Начальника воскресенія? И преданіе увѣряетъ, что и Она, какъ Онъ, въ третій день послѣ Своего погребенія, однѣ погребальныя пелены оставила во гробѣ Своемъ. Итакъ, первѣе всѣхъ *блаженна еси* и паче всѣхъ *свята* еси Мати Дѣво, яже первая *имаши часть въ воскресеніи Твоего Сына и Бога*!

Но что есть *воскресеніе первое*, поколику въ немъ и многіе участіе имѣть могутъ? Поищемъ на сіе отвѣта, не для любопытства, но для славы Воскресителя, и для наставленія нашего.

Каждый день возвѣщаемъ мы себѣ и другъ другу воскресеніе, когда говоримъ въ символѣ вѣры: *чаю воскресенія мертвыхъ*. При семъ обыкновенно думаютъ объ одномъ только всеобщемъ воскресеніи умершихъ человѣковъ. Но въ семъ разумѣ нельзя сказать: *блаженъ и святъ, иже имать часть въ воскресеніи*: поелику во всеобщемъ воскресеніи участіе имѣть будутъ не только святые, но и грѣшные, не только блаженные, но и подлежащіе осужденію въ муку вѣчную. *Грядетъ часъ*, возвѣщаетъ Самъ Начальникъ воскресенія, *въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая, въ воскрешеніе живота: а сотворшіи злая, въ воскрешеніе суда* (Іоан. V, 28. 29).

Какое же воскресеніе возвѣщаетъ намъ тайновидецъ, предоставленное исключительно блаженнымъ и святымъ? Оно называется *первымъ:* слѣдственно, воскресеніе не одно. Если не находимъ перваго воскресенія, поищемъ другаго, или послѣдняго: не укажетъ ли послѣднее на первое?

Всякъ видяй Сына, глаголетъ воплощенный Сынъ Божій, *и*

вѣруяй въ Него, имать животъ вѣчный, и воскрешу его Азъ въ послѣдній день (Іоан. VI, 40). Найдено послѣднее воскресеніе: послѣднее потому, что должно совершиться въ послѣдній день сего преходящаго міра. Отъ сего предѣла по необходимости должно возвратиться назадъ путемъ временъ, чтобы искать воскресенія перваго. Далеко ли? Безъ сомнѣнія, не далѣе дня воскресенія Самого Іисуса Христа. Ибо, какъ говоритъ Апостолъ, *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (I Корин. XV, 20). *О Христѣ вси оживутъ*, продолжаетъ онъ, *кійждо же во своемъ чину начатокъ Христосъ, потомъ же Христу вѣровавшіи въ пришествіи Его: также кончина* (22. 23. 24). Итакъ воскресенія перваго, воскресенія блаженныхъ и святыхъ, должно искать между днемъ воскресенія Христова и послѣднимъ днемъ міра. Гдѣ же они? Подлинно, взятіе Пресвятыя Дѣвы съ тѣломъ на небо, по признакамъ оставшимся на землѣ, подобное воскресенію Христову, не есть ли первый примѣръ перваго воскресенія? Если Матерь Начальника воскресенія послѣдуетъ за нимъ въ воскресеніи въ третій день по Своемъ успеніи: то не можетъ ли случиться, что и нѣкоторые другіе, по преимуществу святые и достойные блаженства, какъ напримѣръ тѣ, которые жизнь свою отдали за имя Воскресителя, чрезъ многіе, можетъ быть, вѣки, однакожъ ранѣе послѣдняго всеобщаго воскресенія умершихъ и измѣненія живущихъ, получатъ нѣкоторое предварительное, особенно имъ предоставленное участіе, какъ въ воскресеніи, такъ и въ славѣ и блаженствѣ, ему свойственныхъ? Какъ просто, повидимому, и непринужденно симъ образомъ изъясняются слова тайновидца—*души растесанныхъ за свидѣтельство Іисусово, и за слово Божіе, ожиша; прочіи же мертвецы не ожиша;—се воскресеніе первое* (Апок. XX, 4. 5)!

Но *кто разумѣ умъ Господень* (Рим. XI, 34)? Человѣкъ не вѣдающій, *что породитъ находящій день* (Притч. III, 28), можетъ ли домогаться вѣдѣнія о томъ, что родятъ вѣки, чреватые тайнами Божіихъ судебъ? — *Вышшихъ себе не ищи*, учитъ благочестивый мудрецъ, *и крѣпшихъ себе не испытуй: яже ти повелѣна, сія разумѣвай, нѣсть бо ти потреба тайныхъ* (Сир. III, 21. 22).

Повинуюсь опытному наставнику. Оставляю испытаніе таинъ будущаго, которыхъ подлинно не столько истинное разумѣніе

потребно, сколько ложное опасно. Ищу разумѣть только повелѣнное.

Блаженъ и святъ, иже имать часть въ воскресеніи первомъ.— Есть ли что здѣсь повелѣнное? А святость? Не повелѣлъ ли о ней Самъ Богъ; *святи будите, яко Азъ святъ есмь* (1 Петр. I, 16). А блаженство? Не повелѣно ли намъ искать его подъ именемъ *царствія Божія*? Но какъ тайновидѣцъ провозглашаетъ *блаженнымъ* и *святымъ* того, кто имѣетъ часть въ *воскресеніи первомъ*: то не должно ли опасаться, что кто не имѣетъ никакого участія въ *воскресеніи первомъ*, тотъ столь же мало можетъ надѣяться *блаженства*? Сіе заставляетъ насъ уже съ заботливостію о самихъ себѣ возобновить вопросъ: что же есть *воскресеніе первое*?

Воскресеніе бываетъ изъ мертвыхъ: ибо кто живъ, тому воскресать не нужно. Посему къ уразумѣнію воскресенія вести можетъ правильное познаніе того, что есть смерть. И такъ что есть смерть? Разлученіе души отъ тѣла? Понятіе обыкновенное въ языкѣ человѣческомъ, но чуждое для языка Христіанскаго и для слова Божія. Чуждое для языка Христіанскаго: ибо не сами ли вы говорите, напримѣръ: *успеніе Богоматери*? А сказать: празднуемъ *смерть Богоматери*—не почли ли бы вы сего выраженіемъ грубымъ, такъ сказать, иноплеменническимъ въ Христіанствѣ, почти укоризненнымъ? Чуждое для слова Божія; ибо когда, напримѣръ, Адаму сказано: *въ оньже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. II, 17): а онъ жилъ обыкновенною для насъ, видимою жизнію, послѣ вкушенія отъ запрещеннаго древа, девятьсотъ тридцать лѣтъ: то не ужели скажемъ, что слово Божіе не исполнилось? Если же, какъ всякій долженъ признать, оно исполнилось вѣрно и точно: то не открывается ли, что смерть, по разуму слова Божія, совсѣмъ не то, что мы себѣ воображаемъ при видѣ бездушнаго тѣла? Истинная смерть родилась на земли точно въ день перваго грѣха, и съ того дня жила съ Адамомъ, участвовала въ его дѣлахъ и въ рожденіи его дѣтей, почему и разродилась вмѣстѣ съ родомъ человѣческимъ.

Что же есть смерть? Для отвѣта на сіе, по разуму слова Божія, всего лучше употребить вопросъ: что есть жизнь? Ибо смерть есть только лишеніе жизни. Итакъ, пріидите, познаемъ жизнь въ ея источникѣ. *Въ Томъ животъ бѣ*, сказуетъ Бого-

словъ, *и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (Іоан. I, 4). Въ Богѣ-Словѣ жизнь, и сія жизнь есть свѣтъ человѣковъ. Причастіе жизни сущей въ Богѣ-Словѣ и свѣта его—есть истинная жизнь человѣка. Она есть дѣятельное состояніе свѣта, спокойствія, свободы, силы, чистоты, нетлѣнія.

Слѣдственно, разлученіе съ жизнію Бога-Слова, и отчужденіе отъ свѣта Его, есть истинная смерть человѣка. Она есть состояніе мрака, скорби, безпокойства, немощи, нечистоты, наконецъ тлѣнія.

Слѣдственно, возобновленіе общенія съ жизнію Бога-Слова, и возвращеніе къ свѣту Его, есть истинное воскресеніе человѣка, въ которомъ участвующій блаженъ и святъ.

Послѣднее воскресеніе нечестивыхъ въ тѣлахъ осужденія не есть истинное воскресеніе: поелику они воскресаютъ не для общенія съ жизнію Бога-Слова и свѣтомъ Его, но для новаго удаленія отъ Него: *отъидите отъ Мене проклятіи* (Мато. XXV, 41); они воскресаютъ для *второй смерти* (Апок. XXI, 8)

Послѣднее воскресеніе праведныхъ съ тѣлесами славы есть воскресеніе истинное, но не начальное, а окончательное; оно есть торжественное въ тѣлесахъ праведныхъ открытіе предварительнаго, сокровеннаго, духовнаго воскресенія, подобно какъ тѣлесная смерть есть только видимое явленіе предшествовавшей смерти невидимой, духовной. Сила послѣдняго, тѣлеснаго воскресенія заключается въ предварительномъ, духовномъ. Послѣднее тѣлесное воскресеніе нечестивыхъ потому не есть истинное и блаженное, что въ нихъ не предшествовало оному первое, духовное воскресеніе.

Посему *блаженъ и святъ, иже имать часть въ воскресеніи первѣмъ*, то-есть духовномъ.

Итакъ желаемъ ли, чтобы въ насъ исполнялась *воля Божія—святость наша?* Подвизаемся ли, чтобы достигнуть блаженства? Должно вмѣстѣ съ симъ желать и подвизаться, чтобы и намъ имѣть участіе въ воскресеніи первомъ, въ воскресеніи духовномъ, чрезъ умерщвленіе плоти отреченіемъ отъ ея удовольствій, чрезъ вѣру въ Воскресителя и любовь къ Нему, чрезъ непрестанное обращеніе и отверзеніе къ Нему сердца и ума, яко къ живоначальному Солнцу духовъ, для принятія отъ Него лучей свѣта и жизни.

Такъ поступалъ Апостолъ, который съ попеченіемъ и забот-

ливостію, какъ бы колеблясь между страхомъ и надеждою, говоритъ: *аще како достигну въ воскресеніе мертвыхъ* (Филип. III, 11). Такъ поступать убѣждаетъ онъ и другихъ, когда восклицаетъ: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. V, 14). Отъ какого сна пробуждаетъ онъ и къ какому воскресенію возбуждаетъ? Не Апостольское дѣло пробуждать кого либо отъ обыкновеннаго тѣлеснаго сна; но и къ послѣднему тѣлесному воскресенію возбуждать также не Апостольское дѣло. ибо тогда *Самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ Архангеловѣ, и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе* (1 Сол. IV, 16), тогда *мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан V, 25). Слѣдственно, Апостолъ хочетъ насъ пробудить отъ сна чувственности, отъ смерти невидимо заражающей и отравляющей всю плотскую жизнь нашу; онъ хочетъ возбудить насъ къ воскресенію первому, духовному.

Странное ученіе, скажутъ, можетъ быть, люди, не знающіе иной жизни, кромѣ той, которая звѣзднымъ свѣтомъ и стихійною теплотою движится въ плоти и крови; странное ученіе, которое весь міръ живущихъ человѣковъ превращаетъ въ кладбище, наполненное движущимися мертвецами, и совѣтуетъ мертвымъ заботиться о своемъ воскресеніи! Да! Странно сіе для тѣхъ, которые, по выраженію Апостола, *ходятъ въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни Божія, за невѣжество сущее въ нихъ, за окаменѣніе сердецъ ихъ* (Ефес. IV, 18). Но можетъ ли находить сіе страннымъ тотъ, кому не странно ученіе Господа Іисуса? Не Онъ ли превратилъ святый градъ въ кладбище, а почтенное и многочисленное общество фарисеевъ во множество движущихся гробовъ, когда назвалъ ихъ *гробами невѣдомыми* (Лук. XI, 44) и *гробами повапленными, иже внѣуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвыхъ, и всякія нечистоты* (Мѳ. XXIII, 27)? Или когда возлюбленный ученикъ Его духовнымъ созерцаніемъ видитъ и сказуетъ, что *не любяй брата, пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. III, 14); а сіе можно видѣть всякому, какъ много между человѣками не любящихъ брата, то есть, кого нибудь не любящихъ: то подумайте, сколько видитъ онъ на земли мертвыхъ, движущихся въ видѣ живыхъ!

Кто спитъ, тотъ неразумѣетъ въ то время, что спитъ онъ; а въ сновидѣніи обыкновенно почитаетъ себя бодрствующимъ, и только при

пробужденіи становится для него яснымъ и очевиднымъ то, что онъ спалъ и мечталъ: такъ мертвый прегрѣшеніями не разумѣетъ въ семъ состояніи, что мертвъ онъ; и думаетъ, что сновидящая жизнь плотская и чувственная одна и есть истинная жизнь; надобно ему отъ слова Евангелія, силою благодати, пробудиться или воскреснуть въ жизнь духовную, дабы узнать, какъ тяжелъ былъ его сонъ, какъ ложны его сновидѣнія, какъ истинна его смерть, какъ многаго ему недоставало для блаженства. И потому страннымъ ли, безпокойнымъ ли кому сіе кажется; но мы на то поставлены, чтобы, по примѣру Апостола, взывать и пробуждать спящихъ и мертвыхъ: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ.*

Если страннымъ кажется сіе ученіе, симъ обличается только то, что Христіанскій міръ устранился отъ истиннаго духа и разума ученія Христова, которое есть также ученіе и научившихся отъ него святыхъ и блаженныхъ. Призовемъ въ свидѣтеля и въ наставника одного изъ нихъ. *Подлинная смерть*, говоритъ Святый Макарій, *внутрь сердца находится и кроется, и человѣкъ внутренно умерщвляется. Аще убо кто прейдетъ отъ смерти въ животъ по внутреннему человѣку, тотъ воистину во вѣки живетъ и не умретъ* (Бесѣд. XV, 37). И въ другомъ мѣстѣ: *сіе тѣло подобіе есть души, а душа есть образъ духа. И какъ тѣло безъ души есть мертво, не могущее ничего содѣлати: такъ безъ души небесной, безъ духа Божественнаго мертва есть душа въ разсужденіи царствія и ничего не можетъ содѣлати благопріятнаго безъ Духа Святаго* (Бесѣд. XXX, 3). И паки: *егда твоя душа сообщится съ Духомъ Божіимъ, и душа небесная внидетъ въ твою душу, тогда ты содѣлаешься совершеннымъ человѣкомъ, наслѣдникомъ и сыномъ Божіимъ* (Бесѣд. XXXII, 6). И еще: *въ общее же воскресеніе и самыя тѣла тѣхъ, которыхъ души напередъ таинственно предвоскресли* (вотъ первое воскресеніе) *и просвѣтилися небесною славою, вмѣстѣ съ оными воскреснутъ* (вотъ послѣднее воскресеніе), *прославятся и просвѣтятся* (Бесѣд. XXXIV, 2).

Помолимся убо и мы, заключаю съ святымъ Макаріемъ, *дабы силою Божіею и намъ заклатися и умрети вѣку злобы темныя; истребитися въ насъ духу гнѣва, и воспріяти душу Небеснаго Духа, и пренестися изъ злобы темныя въ свѣтъ Христовъ, и упокоиться въ блаженной жизни во вся вѣки* (Бесѣд. I, 9) Аминь.

CVI.

27. Слово

въ день Тезоименитства Его Императорскаго Величества Благовѣрнаго Государя Императора Александра Павловича.

(Говорено въ Успенскомъ Соборѣ августа 30).

Радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ Лук. X, 20.

Въ радости проводимъ мы настоящій день: потому что на немъ написано возлюбленное имя Александра, верховнаго для насъ на земли виновника побѣдныхъ и мирныхъ радостей общественныхъ, охранителя и распространителя непорочныхъ радостей семейственныхъ и личныхъ, собственную радость и покой приносящаго въ жертву, *да* мы подъ Его державою *тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. II, 2).

Желаемъ ли сію возвышенную на землѣ радость еще возвысить нѣкоторымъ образомъ въ достоинство небесной радости? Мы имѣемъ и для сего твердое основаніе: ибо нѣтъ сомнѣнія, что радостотворное для насъ *имя* Александра, благословенное въ дѣлахъ благословенныхъ, *написано на небесѣхъ* (Лук. X, 20), откуда благословляется благое, откуда невидимо управляются правительства сего видимаго міра, откуда исходятъ судьбы людей и народовъ.

Радость праведная, радость святая! Сіяй какъ ясное утро, согрѣвай сердца, какъ лѣтній полдень, услаждай и упояй, какъ вино зрѣлаго винограда! Пусть раздается *гласъ радости и спасенія въ селеніихъ праведныхъ* (Пс. CXVII, 15).

Да будетъ только радость праведная и святая по своему предмету, также праведна и свята по своему образу и дѣйствіямъ. Да будетъ радость достойна предмета радости.

Дайте мнѣ и себѣ нѣсколько досужныхъ минутъ радости, чтобъ развить сію мысль въ нѣкоторое наставленіе каждому изъ насъ.

Есть обычай, по которому каждый изъ насъ нѣкоторою радостію и торжественностію ознаменовываетъ день своего имени, какое онъ получилъ отъ Церкви. Что за обычай? Когда съ радостію воспоминаютъ и празднуютъ день рожденія, сей обычай легко изъясняетъ себя, хотя бы и не говорило Евангеліе о радости, *яко родися человѣкъ въ мірѣ* (Іоан. XVI, 21).

Не трудно вообразить, что бытіе лучше ничтожества; что жизнь на землѣ, подъ солнцемъ, превосходнѣе мертваго сна или темничнаго заключенія младенца въ матерней утробѣ; и потому не удивительно, что мы съ торжествомъ воспоминаемъ день, которымъ для насъ вѣчное ничтожество кончилось, и девятимѣсячный гробъ раскрылся [1]). Но когда одинъ названъ Криспомъ, а другой Гаіемъ: что торжествуютъ они? Не вижу, откуда бы взять на сіе отвѣтъ, развѣ изъ приведенныхъ въ началѣ сего слова словъ Христовыхъ: *они радуются, яко имена ихъ написаны суть на небесѣхъ.*

Имена не такъ маловажны, какъ думалъ о нихъ упоминаемый въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ Галліонъ. *Аще стязанія суть о словеси и о именехъ*, говорилъ онъ, *судія азъ симъ не хощу быти* (Дѣян. XVIII, 15), и думалъ, что поступилъ очень разумно, съ презрѣніемъ отвергнувъ предметъ спора, достойный презрѣнія, но въ самомъ дѣлѣ обнаружилъ языческое невѣжество и недостатокъ обыкновеннаго даже разсужденія. Если бы только переименовать его изъ Римскаго гражданина въ раба: онъ, вѣроятно, тотчасъ догадался бы, что есть имена, которыми не должно пренебрегать, и которыя достойны быть предметомъ важнаго состязанія.

Если важными почитаются нѣкоторыя земныя имена: колико должны быть важнѣе имена небесныя. Земное обыкновенно возвращается въ землю, тлѣетъ, разрушается, забывается: гдѣ теперь многоцѣнные списки римскихъ гражданъ, многоцѣнные, говорю, потому, что именно признается одинъ изъ нихъ: *азъ многою цѣною нареченіе жительства стяжахъ* (Дѣян. XXII, 28). Но туне по благодати даруемое нареченіе жительства не-

[1]) Въ «Чтен.»: кончился.

беснаго ни въ книгахъ истлѣть, ни въ памятникахъ разрушиться, ни въ памяти изгладиться не можетъ; ибо тлѣніе, разрушеніе, забвеніе не имѣютъ мѣста въ небесномъ жительствѣ

Слово Божіе, слово живое вообще, въ которомъ слѣдственно и въ особенности имена принимать должно за слова живыя, во многихъ случаяхъ заставляетъ насъ думать о именахъ со вниманіемъ и съ важностію. Надобно ли показать мудрость только вышедшаго изъ рукъ творческихъ человѣка и его власть надъ прочими земными тварями? Слово Божіе приписываетъ ему нареченіе именъ, а нареченнымъ отъ него именамъ достоинство, по которому не нужно ихъ перемѣнять. *Всяко еже аще нарече Адамъ душу живу, сіе имя ему* (Быт. II, 19). Должно ли прославить верховную мудрость и могущество Самого Бога? Ему приписывается нареченіе именъ вещамъ небеснымъ. *Исчитаяй множество звѣздъ и всѣмъ имъ имена нарицаяй* (Пс. CXLVI, 4). Надобно ли воинствующему за Христа и побѣждающему обѣщать награду, высшее достоинство, блаженство? Ему обѣщается новое имя. *Дамъ ему камень бѣлъ, и на камени имя ново написано* (Апок. II, 17).

Чтожъ такое имя, по разуму слова Божія? Имя есть существо или свойство вещи, представленное словомъ; имя есть нѣкоторымъ образомъ сила вещи, заключенная въ словѣ: ибо напримѣръ, имя Іисуса, какъ замѣтили самые Апостолы, даже въ устахъ людей не послѣдовавшихъ Іисусу, ниже пріявшихъ Духа Святаго, *изгоняло бѣсовъ* (Мар. IX, 38).

Посему понятно, какъ важно *имя, написанное на небесѣхъ*, или однимъ словомъ, небесное, и какъ радостно получить такое имя. Ибо имя небесное должно представлять собою свойство небесное, должно заключать въ себѣ небесную силу. *Радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ*, если онѣ подлинно тамъ написаны.

Съ паденія перваго человѣка изъ состоянія духовнаго въ плотское, изъ райскаго, близкаго къ небесному въ земное, низпала въ немъ и дарованная ему Творцемъ способность нарекать имена. Утративъ прозорливость и силу духа, онъ сталъ нарекать имена не столь, какъ прежде, сообразныя съ истиною, не столь полныя силою, какъ напримѣръ, онъ назвалъ перваго сына своего Каиномъ, то-есть, *пріобрѣтеніемъ* (Быт. IV, 1), а опытъ показалъ, напротивъ, что Каинъ былъ человѣкъ потерянный.

*

Такъ произошло, что земныя имена совсѣмъ иногда не годились, чтобы написать ихъ на небесахъ: посему, для нареченія въ жительство небесное, Самъ Богъ переименовывалъ древле Аврама Авраамомъ, Сару Саррою, Іакова Израилемъ, и во дни новаго завѣта Самъ Господь переименовалъ Симона Петромъ, то есть *камнемъ* (Мѳ. XVI, 18) твердаго исповѣданія вѣры, Іакова и Іоанна *Воанергесъ*, то-есть *сынами грома* (Марк III, 17), или гремящими провозвѣстниками Евангелія; подобно сему и Апостолы переименовали Іосію Варнавою, то-есть сыномъ утѣшенія; а иногда и чрезъ Ангеловъ еще до рожденія на земли нарекаемы были имена предопредѣленнымъ для неба человѣкамъ, какъ напримѣръ Іоанну. Получившіе такимъ образомъ имена свои отъ Бога, отъ Христа, отъ Ангеловъ, отъ Апостоловъ, водимыхъ Духомъ Святымъ, самое происхожденіе сихъ именъ имѣли для себя залогомъ увѣренія въ томъ, что имена ихъ написаны на небесахъ, и слѣдственно имѣли основательную причину радоваться о именахъ своихъ. Но какъ чудесное и особеннымъ внушеніемъ Святаго Духа управляемое нареченіе именъ не могло быть для всѣхъ, а только для нѣкоторыхъ, по особеннымъ намѣреніямъ Провидѣнія: то что дѣлать съ прочими, желающими гражданства небеснаго? Какъ и имъ доставить имена, которыя бы приносили съ собою небесную надежду, и сей надеждѣ свойственную радость?—Способъ, который изобрѣли для сего тайнодѣйствователи Церковные, состоитъ въ томъ, чтобы каждому пріемлемому въ Церковь, какъ въ предградіе града небеснаго, давать такое имя, которое въ комъ либо другомъ прежде, какъ-то, въ Патріархахъ, Пророкахъ, Апостолахъ, Мученикахъ и прочихъ святыхъ, уже оказалось написаннымъ на небесахъ. Получая такія имена, мы вѣрою и надеждою прививаемся такъ сказать къ свойствамъ, и пріобщаемся благодати жившихъ прежде насъ человѣковъ, которыхъ не *имена* только, Божіимъ предопредѣленіемъ, а ихъ вѣрою и надеждою, *написаны суть на небесѣхъ*, но которые уже и сами дѣйствительно на небесахъ обитаютъ; и для привлеченія туда и насъ невидимо простираютъ руки, или лучше сказать, дѣйствуютъ невидимою силою молитвенною и благодатною. *Радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ!* Сіе послѣ Христа говорятъ намъ самыя имена, которыя чрезъ служителей Церкви приходятъ къ намъ отъ небесныхъ человѣковъ; сіе говорятъ

намъ и тѣ дни, на которыхъ Церковію написаны радостныя для насъ имена сіи. Вотъ истинное основаніе обычая праздновать день своего имени; вотъ духъ и сущность того, что просто называютъ *именинами*.

Послѣ сего можемъ сказать каждому, кто когда-либо желаетъ радостно праздновать день своего имени: радость праведная и святая по своему основанію! Только да будетъ она также и свята по своему образу и дѣйствіямъ; да будетъ она достойна своего предмета.

Если ты радуешься, что тебѣ дано имя небесное: надобно тебѣ радоваться по образу небесному, дабы радость твоя могла достигать отъ земли до небесъ, и утверждать твой союзъ съ небесами, о которомъ ты радуешься. Образъ радости небесной, сколько на земли можетъ быть извѣстенъ, состоитъ въ томъ, чтобы умомъ воскриленнымъ и сердцемъ отверзтымъ къ Богу, благодарить и прославлять Его, какъ единаго Виновника всего, что можетъ быть предметомъ истинной радости. Если сердце твое расширяется и трепещетъ отъ радости, но не возносится въ то же время къ Богу: то радость твоя не по образу небесному, потому не содружаетъ, но разлучаетъ тебя съ небомъ; она есть по образу земному, и, по образу всего земнаго, вскорѣ исчезнетъ, когда суетою расширенное сердце придетъ стѣснить другая суета, или скорбь, или забота.

Если пріятно тебѣ носить имя небесное, а имя небесное, какъ выше сказано, долженствуетъ быть знаменіемъ и выраженіемъ свойства небеснаго: то надобно также, чтобы тебѣ пріятно было впечатлѣвать въ себѣ небесныя свойства, такъ чтобы онѣ ознаменовывались и выражались въ твоей жизни и дѣяніяхъ. Небесныя свойства суть духовность, истина, благость, нерастлѣніе, любовь, смиреніе, чистота: если ты не имѣешь сихъ свойствъ и не пріобрѣтаешь ихъ подвигами, то ты можешь имѣть только пустые звуки или мертвыя письмена имени небеснаго, а не силу онаго; если ты добровольно преданъ владычеству жизни земной, склонностямъ чувственнымъ, дѣламъ плотскимъ, то никакое небесное имя не дѣлаетъ тебя небеснымъ человѣкомъ:—оно тебя не возвышаетъ, но ты его унижаешь. Тебѣ на сей случай глаголетъ Всевѣдущій: *вѣмъ твоя дѣла, яко имя имаши яко живъ, а мертвъ еси* (Апок. III, 1).

Христіане, чада Божіи! Имена, которыми теперь взываю къ

вамъ, суть общія для всѣхъ насъ небесныя имена, подъ которыми съ нашими особенными именами должно явиться намъ на небесахъ. Подвизайтесь жить по духу Христову, дѣйствовать по образу Христову, представлять себя непрестанно Богу и Церкви Его чадами послушанія, святыми во всемъ житіи по звавшему вы Святому; поощряйте себя къ таковымъ подвигамъ близкими примѣрами предшествовавшихъ намъ, первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ: и потомъ дерзайте вѣрить и *радоваться, яко имена и ваша* собственно *написана суть на небесѣхъ*. Аминь.

CVII.

28. Слово

по освященіи храма Святителя Алексія, въ селѣ Черкизовѣ.

(Говорено сентября 6).

> Ты еси Петръ, и на немъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей Матѳ. XVI, 18.

Тогда, какъ мы освящаемъ церковь рукотворенную, и молимъ Бога, чтобы Онъ утвердилъ храмъ сей до вѣка непоколебимымъ, Евангеліе возвѣщаетъ намъ непоколебимую твердость Церкви нерукотворенной, то-есть общества вѣрующихъ *во единаго истиннаго Бога*, въ Троицѣ славимаго, и *Его же послалъ есть* Богъ Отецъ, *Іисуса Христа*, Богочеловѣка, *Сына Бога живаго*. Благая и благовременная вѣсть! Ибо если бы Церковь нерукотворенная могла быть потрясена и разрушена, то какая была бы надежда созидать на многіе вѣки церковь рукотворенную? Если не будетъ Церкви живой, то-есть вѣрующихъ человѣковъ: церковь каменная или разрушится, бывъ оставлена безъ попеченія, или, по крайней мѣрѣ, останется пуста и безполезна. Но когда

знаемъ, что никакая враждебная сила не можетъ одолѣть Церкви живой, духовной: то есть надежда, что и вещественная церковь или храмъ, не будетъ допущенъ до паденія, и не вотще стоять будетъ. Ибо если онъ и обветшаетъ отъ времени: живущій въ живой Церкви Духъ Христовъ, побудившій создать храмъ, вновь возбудитъ кого-либо, ветхое въ немъ обновить, поврежденное исправить, неблаголѣпное украсить, скудное обогатить, и на новыя дѣла святыни призвать новое освященіе благодати, какъ сіе нынѣ въ храмѣ семъ дѣйствительно совершившееся каждый изъ насъ видитъ собственными очами.

Итакъ пріимемъ отверзтымъ сердцемъ слово Господне, сколько для Петра, столько же и для всѣхъ насъ радостное: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей.*

Полезно со вниманіемъ посмотрѣть на твердое созиданіе Церкви Христовы. Сіе можетъ послужить къ нашему собственному наказанію и утвержденію.

Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою. Дабы правильно разумѣть, какимъ образомъ *на семъ камени*, который есть Апостолъ Петръ, *создана Церковь*, должно прежде всего утвердить коренную истину, что всеобщее, глубочайшее основаніе, также и первый, краеугольный камень зданія церковнаго, есть не иной кто, *какъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго. Основанія*, говоритъ Апостолъ, *инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. III, 11). *Наздани бывше*, говоритъ онъ также въ другомъ мѣстѣ Христіанамъ, *на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу: о Немже всяко созданіе составляемо, растетъ въ церковь святую о Господѣ: о немже и вы созидаетеся въ жилище Божіе Духомъ* (Ефес. II, 20—22). Посему и Петръ положенъ въ основаніе Церкви не прежде, какъ онъ положилъ въ ея основаніе Христа. Прежде Петръ сказалъ Господу: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго.* Потомъ уже Господь сказалъ Петру: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою.* Примѣчайте и то, что хотя Господь обѣщаетъ Петру на немъ создать Церковь: *на семъ камени созижду*; но не обѣщаетъ, чтобы Церковь была его, а называетъ ее Своею: *созижду церковь Мою.* Не хотятъ сего примѣчать западные, которые силятся утверждать, будто Церковь

принадлежитъ одному Петру, а Петръ одному Риму: и не напрасно называются они западными, не по мѣстоположенію только ихъ области въ стихійномъ мірѣ, но и по состоянію ихъ въ области духа въ вечернія времена Церкви: поелику истина вѣры, которая на Востокѣ взошла и возсіяла въ чистомъ стремленіи къ царствію небесному, заходитъ и меркнетъ у нихъ, какъ въ облакѣ или туманѣ, въ смѣшенномъ желаніи земнаго владычества.

Какимъ же образомъ *на семъ камени*, который есть *Петръ* Апостолъ, создана Церковь Христова? Приближимся, посмотримъ. Когда Іисусъ Христосъ явился въ мірѣ, тогда стояла церковь Іудейская, а Христіанской даже и основанія не видно было;—основаніе разумѣйте то, о которомъ теперь говорено было. Тайну сего основанія прежде всѣхъ Петру *не плоть и кровь явили*, то-есть не человѣкъ возвѣстилъ, но явилъ *Отецъ*, *иже на небесѣхъ* (Мѳ. XVI, 17). *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго*, сказалъ Петръ,—и открылось основаніе Церкви Христіанской. Прежде всѣхъ Петръ увидѣлъ сіе основаніе, и прежде всѣхъ возлегъ на семъ основаніи сей камень; и прежде прочихъ Апостоловъ получилъ обѣщаніе, что на немъ самомъ возвысится потомъ зданіе. *Ты еси Петръ*, и *на семъ камени созижду Церковь Мою*. Дѣйствительное созиданіе на семъ камени началось по сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ. Посмотрите, какъ и теперь прежде прочихъ, и какъ твердо полагаетъ Петръ прежде положенное основаніе, *еже есть Іисусъ Христосъ*. *Твердо убо да разумѣетъ весь домъ Израилевъ*, говоритъ Петръ Іудеямъ, *яко и Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть, Сего Іисуса, Егоже вы распясте* (Дѣян.II, 36). Смотрите далѣе, какъ быстро растетъ зданіе: *приложишася въ день той душъ яко три тысящи* (ст. 41). И далѣе: *мнози отъ слышавшихъ слово, вѣроваша; и бысть число мужей яко тысящь пять* (IV, 4) Вскорѣ присоединились къ Петру въ дѣлѣ сего созиданія и прочіе Апостолы: и по нѣсколькихъ лѣтахъ Іаковъ и пресвитеры его, въ одномъ Іерусалимѣ, уже не тысящами, но тьмами считали Христіанъ, указывая ихъ Павлу: *видиши ли, брате, колико темъ есть Іудей вѣровавшихъ* (XXI, 20)! Видите уже, безъ сомнѣнія, и вы, братіе, и разумѣете, какимъ образомъ *на камени*, который есть *Петръ* Апостолъ, созидалась *Церковь Христова*. Она созидалась проповѣдію Петра и прочихъ Апостоловъ, крещеніемъ отъ нихъ, помазаніемъ Святаго Духа чрезъ ихъ рукопо-

ложеніе, таинственнымъ преподаяніемъ отъ нихъ животворящаго тѣла и крови Христовы вѣрующимъ, другъ друга пріимательнымъ отъ нихъ распространеніемъ священства со властію тайнодѣйствовать, и вязать, и рѣшить духовно, чрезъ что созиданіе Церкви, Апостолами начатое, и послѣ того, какъ сіи камни основанія и утвержденія сокрылись въ Церкви невидимой, небесной, также чрезъ ихъ преемниковъ, пастырей и учителей, непрерывно продолжаетъ Верховный Зиждитель Христосъ. *Той далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники,*—для начатія созиданія, *овы же пастыри и учители* для продолженія созиданія,—тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, *къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (Ефес. IV, 11. 12). Павелъ ли кто, Аполлосъ ли, или кто бы то ни былъ, но, по преемству отъ нихъ пріявшій тоже *дѣло служенія, — Богу есмы споспѣшницы;* а вы *Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте* (1 Кор. III, 9).

Видимъ образъ созиданія Церкви: посмотримъ на твердость сего зданія.

И врата адова не одолѣютъ ей. Можно ли было ожидать иного? Если Зиждитель Церкви есть Богъ и Христосъ Его: то кто можетъ быть ея разрушителемъ? Какой врагъ, ищущій ея разрушенія, можетъ быть такъ силенъ, какъ Богъ, Который ее утверждаетъ и подкрѣпляетъ? Вѣрно слово: *и врата адова не одолѣютъ ей?*

Если испытующій спроситъ, почему и въ какомъ разумѣ Господь не просто здѣсь именуетъ *адъ*, но въ особенности указуетъ *врата адовы*: въ разрѣшеніе сего примѣтимъ, что Господь въ изреченіи Своемъ Церковь уподобляетъ зданію града, которому другой враждебный градъ въ созиданіи препятствовать, и которое разрушить старается, какъ сіе особенно испытали Іудеи съ Іерусалимомъ послѣ плѣненія Вавилонскаго. У вратъ града, по древнему обыкновенію, собирались обладающіе градомъ и старѣйшины его для общественныхъ совѣщаній и предпріятій. Врата града враждебнаго бываютъ особенно страшны, и потому особенно могутъ быть указаны, когда выходитъ изъ нихъ вражеское войско. Посему когда Господь не просто именуетъ *адъ*, но въ особенности указуетъ *врата адовы*: чрезъ сіе представляется уму нашему все, что̀ адъ имѣетъ наиболѣе страшнаго и могущественнаго, если можно назвать могуществомъ его хитрость и ярость.

Едва открылось на земли созиданіе Церкви Хрістовы, какъ и врата адовы отворились, и изрыгнули противъ нея многочисленныя враждебныя силы и многообразныя орудія. Врата адовы отверзлись противъ Христіанства на земли въ Іудействѣ и въ язычествѣ. Сила и хитрость, клевета и ласкательство, угрозы и прельщенія, невѣжество народа и тонкости ученыхъ, буйство черни и искусство правительства, поруганіе, изгнаніе, грабительство, мученія, множество извѣстныхъ и новоизобрѣтенныхъ родовъ ужасной смерти,—все подвигнуто было, чтобы *одолѣть* Церковь Христіанскую. И что же? Синагога, храмъ и градъ Іудеевъ, капища, идолы, престолы, воинства, цѣлый міръ язычниковъ, все рушилось и разсыпалось въ прахъ: а Церковь Хрістова осталась, возрасла, утвердилась, возвысилась, расширилась, возгосподствовала. Адъ посрамленный, но не истощившійся въ хитростяхъ и злобѣ, хотѣлъ—было подкопаться подъ основаніе Церкви, и отворить себѣ новыя тайныя врата противъ Церкви, чрезъ ереси и расколы: но гдѣ уже Арій, Македоній, Несторій, Діоскоръ и множество древнихъ и новыхъ ересеначальниковъ и расколоначальниковъ съ ихъ сонмищами? *Врата адовы* отворились въ семъ случаѣ противъ Церкви только для того, чтобъ ея изверги туда низринулись, а ей *не одолѣли*, и поелику *небо и земля прейдутъ*, *словеса же Хрістовы не мимо идутъ*, никогда никакими усиліями, ни ухищреніями, *врата адовы не одолѣютъ ей*.

При семъ размышленіи о твердомъ и неразрушимомъ созданіи Церкви Хрістовой, нельзя не вспомнить о современныхъ и ближнихъ намъ, не знаю, какъ лучше назвать ихъ — врагами ли, какъ они мыслятъ, или братіями, какъ мы желали бы, — о тѣхъ, которые, уклонясь отъ единой святой, соборной и Апостольской Церкви, вздумали созидать себѣ какую-то иную, которой основаніемъ и подпорами служатъ имъ бѣглецы священства, и самопоставленные наставники, никѣмъ никогда непосвященные. Подумайте, что вы созидаете? Хрістосъ созидаетъ *Церковь Свою*: а вы чью созидаете? Не признаетесь ли вы сами, что не Хрістову Церковь созидаете, когда сами себя почетнымъ образомъ называете *Онуфріевымъ согласіемъ*, *Ѳеодосіевымъ согласіемъ* и подобными названіями? Когда истинная Церковь Хрістова называлась человѣческими именами?

Истинная Церковь созидается такъ, что всѣмъ вѣрующимъ

глава и основаніе есть *Христосъ*, на Немъ утверждаются, и преемствомъ отъ Его *Апостоловъ* священнаго рукоположенія, и общеніемъ прочихъ таинствъ неразрывно соединяются всѣхъ временъ и мѣстъ православные *пастыри и учители*, а съ ними и прочіе вѣрующіе. На комъ или на чемъ основаны Θеодосій, или Онуфрій и подобные имъ? Кто рукоположилъ ихъ? Кто благословилъ ихъ учить? И въ комъ изъ нихъ искать твердости и единства, съ Церковію неразлучнаго, когда они другъ на друга возстаютъ, и другъ друга разрушаютъ?

Врата адовы не одолѣютъ истинной Церкви. Но если, какъ вы говорите, нѣтъ епископства, или совсѣмъ нѣтъ священства и таинствъ: то скажите также, что Церковь лишилась своего утвержденія; скажите, что *врата адовы одолѣли ей*, скажите, что слово Христово не сбылось; если же сего сказать не смѣете: то признавайтесь или нѣтъ устами, — совѣсть ваша, рано ли, поздно ли, должна признаться, что мы имѣемъ твердую, подкрѣпляемую священствомъ и таинствами, а потому *не одолѣнную вратами адовыми* Церковь Христову: и слѣдственно ваши самовольныя и самодѣльныя построенія, воздвигнутыя во враждѣ противъ Церкви, суть не иное что, какъ вновь построенныя и отворенныя врата адовы, на прельщеніе невѣдущихъ малымъ нѣкимъ подобіемъ Церкви притворно прикрашенныя. Кто видитъ и разумѣетъ, да бѣжитъ и ищетъ своего спасенія въ безопасномъ градѣ единыя святыя, соборныя и Апостольскія Церкви: а кто по упрямству, или по корыстолюбію и любоначалію, еще не хочетъ видѣть и разумѣть, тому да умягчитъ Господь сердце, и да отверзетъ очи прежде, нежели врата адовы совсѣмъ поглотятъ его.

Мы же, братія, стоящіе въ твердой и неодолимой оградѣ православныя Церкви, возблагодаримъ за нее и за себя премудраго и всемогущаго Зиждителя и Хранителя. Притомъ помыслимъ, что сколь неодолима она въ своей полнотѣ и цѣлости: столько, напротивъ, каждый изъ стоящихъ въ ней порознь долженъ опасаться и нападенія и одолѣнія. *Мнѣйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X, 12). Для сего да держимся вѣры Христовы всею силою духа и сердца; да утверждаемъ всякое мнѣніе и дѣло наше на основаніи ученія Апостольскаго, Пророческаго и Отеческаго; да укрѣпляемъ и ограждаемъ себя силою благодати чрезъ общеніе Божественныхъ

таинствъ; да ходимъ выну, яко чада послушанія предъ Богомъ и Его Церковію. Аминь.

CVIII.

29. Слово

въ день обновленія храма Іерусалимскаго, и по случаю обновленія храма великомученика Никиты, въ Басманной.

(Говорено сентября 13)

Писано есть: домъ Мой, домъ молитвы есть Лук. XIX, 46

Обновленіе нынѣ въ Іерусалимѣ: и здѣсь отчасти обновленіе. Мѣсто дало намъ праздникъ: пусть мѣсто дастъ намъ и слово.

Мѣсто, гдѣ мы стоимъ теперь, гдѣ совершается служеніе Богу, просто и обыкновенно называется храмомъ Божіимъ, какъ напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ первомученика Стефана: *Соломонъ созда Ему храмъ* (Дѣян. VII, 47). Но кромѣ сего писаніе, именно Пророкъ Исаія, а по немъ и Само живое Ипостасное Слово Божіе, Іисусъ Христосъ, храмъ Божій называетъ *домомъ Божіимъ и домомъ молитвы*. Два имени одной вещи, которыя многому о сей вещи научить могутъ, если разсмотримъ оныя съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Писано есть: домъ Мой, домъ молитвы есть. Очевидно, что писаніе говоритъ сіе отъ лица Божія. Такимъ образомъ вы слышите Самого Бога, объявляющаго вамъ, что храмъ есть домъ Божій. Если же Самъ Богъ указываетъ намъ домъ Свой: то нѣтъ мѣста ни какому прекословію, или сомнѣнію о семъ. Достовѣрно знаемъ, и несомнѣнно должны мы вѣровать, что это домъ Божій.

Итакъ мы здѣсь точно въ домѣ Божіемъ. Подумайте о семъ *стоящіи въ храмѣ Господни, во дворѣхъ дому Бога нашего* (Пс. CXXXIII, 1).

Когда ты входишь во дворъ человѣка: ты не знаешь, близко ли онъ, потому что не знаешь, дома ли онъ въ то время. Въ домѣ Божіемъ нѣтъ мѣста сей неизвѣстности. Поелику Богъ вездѣсущъ; и потому присутствуетъ Онъ на всякомъ мѣстѣ, которое и не есть домъ Его: то возможно ли, чтобы Его не было тамъ, гдѣ преимущественно предъ другими мѣстами благоволилъ Онъ быть дому Его?

Когда ты входишь въ домъ человѣка и узнаешь отъ его служителей, что онъ дома: тогда ты знаешь, что онъ близко; тогда можешь думать, что вскорѣ увидишь его лицемъ къ лицу, и что, можетъ быть, за легкою преградою, онъ уже слышитъ твои слова и движенія. Такъ, когда ты вошелъ въ домъ Божій, и когда при томъ увѣренъ ты, что того и быть не можетъ, чтобы Живущаго въ домѣ семъ не было дома: то подумай, какъ близко Вездѣсущій! Если духъ твой чистъ: то, можетъ быть, и безъ возбужденія, или указанія, *уже откровеннымъ лицемъ взираетъ* онъ *на славу Господню* (2 Кор. III, 18). А если ты видишь здѣсь еще только домъ, а не Живущаго въ немъ: то знай, что все, видимое здѣсь тобою, есть только легкая преграда, закрывающая отъ тебя присутствіе и лицезрѣніе великаго Владыки и Обитателя сего дома; что самый *воздухъ*, сквозь который ты видишь, есть только *покровъ* Невидимаго; что только око тѣлесное, которое душа твоя, по выраженію святаго Макарія (Сл. 5 гл. 6), *надѣваетъ* на себя, чтобы видѣть тѣлесный міръ, подобно тусклому стеклу, препятствуетъ духу твоему видѣть предметы духовные, тѣмъ не менѣе близкіе. Чтожъ, еслибы отнять сію преграду, снять сей покровъ, разоблачить тонкое духовное око твое отъ грубаго тѣлеснаго? По истинѣ, ты самъ увидѣлъ бы то видѣніе, которое изображаетъ тебѣ Церковная пѣснь: увидѣлъ бы здѣсь *Царя всѣхъ Ангельскими дориносима чинми*.

Итакъ здѣсь Богъ. Близъ насъ Онъ. Слава Его покрываетъ насъ. Чистыя небесныя силы окрестъ насъ и между нами. Какъ не колеблется земля? Какъ стоитъ человѣкъ? Какъ не исчезаетъ грѣшникъ?

Здѣсь Богъ всемогущій. Да благоговѣетъ вся земля предъ лицемъ Его! Да смирится человѣкъ! Да вострепещетъ грѣшникъ!

Здѣсь Богъ всеблагій. Да хвалитъ Его всякое дыханіе! Да утѣшится не обрѣтающій утѣшенія въ тваряхъ! Да не отчается грѣшникъ!

Такъ и подобнымъ сему образомъ, наименованіе дома Божія, данное въ писаніи храму Божію, много можетъ вразумлять насъ о высокомъ достоинствѣ сего священнаго мѣста, и о расположеніяхъ, съ какими должно входить въ него, и пребывать въ немъ.

Дальнѣйшее и болѣе опредѣленное наставленіе о расположеніяхъ, какихъ требуетъ отъ насъ храмъ Божій, заключается въ другомъ его наименованіи: домъ молитвы. *Домъ мой*, сказано, *домъ молитвы есть*.

Самъ Богъ содѣлываетъ храмъ домомъ Своимъ, когда владычественно нарицаетъ его симъ именемъ, и когда дѣйствительно приходитъ обитать въ ономъ Своею благодатію, чрезъ таинственное освященіе онаго. Но содѣлаться домомъ молитвы долженъ онъ посредствомъ человѣка: поелику Богъ не имѣетъ нужды совершать какую-либо молитву въ храмѣ Самъ для Себя; а человѣкъ имѣетъ обязанность и потребность приносить молитву Богу.

Какимъ же образомъ храмъ долженъ содѣлаться чрезъ человѣка домомъ молитвы? На сіе могутъ мнѣ отвѣтствовать, что тутъ не о чемъ спрашивать; разумѣется, что для сего нужно, чтобы человѣкъ приносилъ въ ономъ свою молитву; и какъ домомъ называютъ постоянное жилище, принадлежащее извѣстному владѣльцу: то, дабы храмъ справедливо назывался домомъ, а не распутіемъ, или только гостинницею молитвы, надобно, чтобы молитва была въ немъ совершаема постоянно, и была въ немъ господствующимъ упражненіемъ человѣка.

Безспорно такъ. Но вотъ что заставило меня предложить вопросъ, который могъ другимъ показаться излишнимъ. Въ храмѣ Іерусалимскомъ установленная молитва совершалась постоянно, и Богослуженіе было господствующимъ упражненіемъ; въ немъ пѣли псалмы Давидовы и приносили жертвы, по закону Моѵсееву, когда явился въ немъ Господь нашъ, и сказалъ бывшимъ въ храмѣ томъ: *писано есть: домъ Мой, домъ молитвы есть; вы же сотвористе его пещеру разбойникомъ*. Видите, какъ можетъ храмъ, и при соблюденіи молитвеннаго чина, быть непохожъ на домъ молитвы: ибо что менѣе походитъ на домъ молитвы, какъ пещера, или какое нибудь жилище разбойниковъ? Итакъ думаю, что не только не излишенъ, но и весьма нуженъ, и требуетъ особеннаго разрѣшенія сей вопросъ, какимъ

образомъ долженъ храмъ содѣлаться чрезъ человѣка домомъ молитвы, такъ чтобы онъ не только не походилъ на пещеру разбойниковъ, что было бы весьма ужасно для входящихъ въ него, но ниже на собраніе празднаго многолюдства, или на мѣсто зрѣлищъ; ибо и сіе недостойно дома молитвы и дома Божія.

Дабы найти на сіе отвѣтъ посредствомъ того же примѣра, который даетъ силу вопросу, вопрошаю опять: что сдѣлало храмъ Іерусалимскій пещерою разбойниковъ? Евангельская исторія отвѣтствуетъ, что сіе сдѣлали продающіе въ немъ и купующіе, продающіе овецъ и воловъ и голубей для жертвоприношеній, и пѣняжники, или мѣновщики денегъ. Но что въ нихъ разбойническое, когда Евангеліе не говоритъ, чтобы они похищали что-либо изъ храма, или дѣлали ему какой ущербъ своею продажею и куплею, а продавали, какъ должно заключать, каждый свое излишнее, и покупали каждый на свои деньги? Искаше собственной корысти въ домѣ Божіемъ дѣлало ихъ такъ гнусными предъ очами Владыки сего дома, какъ разбойники, дѣлающіе добычу; и поелику осуждены и изгнаны Господомъ не одни продающіе, но и купующіе, и поелику также Господь *не даяше, да кто мимо несетъ сосудъ сквозѣ церковь* (Марк. XI, 16), занятіе въ храмѣ мірскимъ и постороннимъ для храма дѣломъ дѣлало ихъ нарушителями и хищниками святыни его; корыстолюбіе и мірское дѣло въ храмѣ превратило его въ пещеру разбойниковъ. А какъ всякая страсть или склонность чувственная и порочная гнусна предъ очами Божіими; всякое не только дѣло мірское, но и попеченіе житейское, и помышленіе суетное, какъ чуждый сосудъ, недостойно святаго дома Божія, то дабы сохранить достоинство дома молитвы, дабы не превратить его въ пещеру разбойниковъ, или во что другое, сему подобное, должно изгонять изъ него всякую страсть, отлагать при входѣ въ него всякое житейское попеченіе, не вносить въ него никакой мысли суетной.

Подумай, посѣтитель святаго храма Божія, какъ ты его посѣщаешь, и что изъ него дѣлаешь твоимъ посѣщеніемъ!

Если чада и служители дома Божія пѣснословятъ и молитвословятъ; а ты не внимаешь, и разсѣяваешься мыслями: то не разрушаешь ли ты дома молитвы, который они созидаютъ и украшаютъ?

Не подражаешь ли и ты пѣняжникамъ Іерусалимскаго храма,

если приходишь сюда съ лукавымъ намѣреніемъ, чтобы на мелкую монету, какъ можно, краткихъ и поспѣшныхъ моленій, вымѣнять безцѣнное сокровище благодати Божіей?

Если не продая и не покупая здѣсь, и не внося сюда чуждыхъ домашнихъ сосудовъ видимо, ты приносишь сюда и заботливыя помышленія о твоихъ купляхъ и продажахъ, и обладающее тобою желаніе прибытка, или другія страсти и похоти, столь же чуждыя дому Божію: то не превращаешь ли ты, не сего видимаго храма, что̀ не во власти твоей, но,—что́ столь же преступно и бѣдственно для тебя,—не превращаешь ли сердца твоего, коему надлежало быть внутреннимъ живымъ храмомъ живаго Бога,—не превращаешь ли въ пещеру разбойниковъ?

Но что дѣлать, если чуждыя дому Божію желанія, попеченія и помыслы невольно вторгаются въ него съ нами? — Во первыхъ не должно рабски предаваться таковымъ желаніямъ, попеченіямъ и помысламъ внѣ храма, но непрестанно подвизаться, чтобы освободить отъ оныхъ сердце свое; во вторыхъ, со вступленіемъ во храмъ особенно должно пригвождать плоти своя страху Бога въ немъ живущаго, и неотступнымъ вниманіемъ слѣдовать за каждымъ дѣйствіемъ и словомъ совершаемаго Богослуженія; въ третьихъ, при нечаянномъ уклоненіи мысли отъ священнаго предмета ея занятія, какъ можно скорѣе должно возвращать оную изъ сего бѣгства, и съ внутреннимъ покаяніемъ и сокрушеніемъ сердца повергать предъ Отцемъ небеснымъ; въ четвертыхъ, должно приносить молитву Богу, не яко отъ себя только, но всегда во имя Господа Іисуса, то-есть, съ вѣрою и упованіемъ на Его за насъ ходатайство, силу и помощь; наконецъ, должно входить и углубляться во внутренность сердца своего, и въ тишинѣ и смиреніи, съ любовію и желаніемъ ожидать посылаемаго въ сердца наши Богомъ Духа Сына Его, вопіюща: Авва Отче! Такъ устрояется для каждаго изъ насъ, и ненарушимо соблюдается, или и поврежденный возобновляется, не внѣшній только и образовательный, но внутренній и существенный домъ Божій и домъ молитвы, и мы пріемлемся въ немъ, какъ чада Божіи, чего и да сподобитъ насъ Отецъ небесный, чрезъ Единороднаго Сына Своего, во Святомъ Духѣ Своемъ Аминь.

CIX.

30. Слово

въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

(Говорено въ Никитскомъ Монастырѣ, ноября 21)

Приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ Ея, искреннія Ея приведутся Тебѣ. Псал. XLIV, 15.

Что такое видитъ Божественный Пророкъ? Кто сей Царь? Какія это дѣвы? Для чего во множествѣ приводятся онѣ къ Царю? Кто ими предводительствуетъ?

Царь есть Іисусъ Христосъ, Котораго впрочемъ царство нѣсть отъ міра сего. Дѣвы суть чистыя души, единаго Іисуса Христа возлюбившія такъ, что уже ни къ чему въ мірѣ плотскою любовію не привязаны. Приводятся онѣ къ сему Царю, чтобы получить царствіе небесное, чтобы не только принадлежали онѣ сему царствію, какъ рабыни, но чтобъ и оно принадлежало имъ, какъ царскимъ дщерямъ, какъ невѣстамъ царя, какъ царицамъ. Предводительствуетъ ими великая невѣста царева—Церковь, среди же собора церковнаго первенствуетъ верховная Невѣста царева—Богоблагодатная Дѣва Марія.

Нынѣшній праздникъ приведенія Пресвятыя Дѣвы во храмъ Господень есть нѣкоторымъ образомъ торжественное открытіе шествія дѣвъ къ Царю. Посему прилично избранъ онъ особеннымъ праздникомъ одного изъ храмовъ сей обители дѣвъ и женъ, посвящающихъ себя Богу. Пусть онѣ въ семъ праздникѣ, какъ въ картинѣ, какъ въ зеркалѣ, видятъ свою Божественную, но тѣмъ не менѣе близкую Предшественницу, и искреннюю Покровительницу, начинающую путь Ея высочайшаго совершенства, и мало-по-малу научаются познавать и побуждаются проходить предлежащій имъ путь *въ слѣдъ Ея*; пусть научаются, какъ полагать для себя начало приведенія къ Богу, пусть возбуждают-

ся мыслію о совершенномъ къ Нему приближеніи, даже до соединенія съ Нимъ.

Краткое изображеніе пути приведенія души къ Богу найдемъ мы въ томъ же псалмѣ Давидовомъ, изъ котораго заимствованы первыя слова настоящаго слова: изъясненіе же словъ пророческихъ дастъ намъ Василій Великій.

Начатки пути приведенія души къ Богу псаломъ изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *слыши дщи и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и домъ отца твоего. И возжелаетъ царь доброты твоея, зане той есть Господь твой, и поклонишися Ему* (ст. 11. 12).

Въ изъясненіи сихъ словъ Святый Василій говоритъ слѣдующее: «Призываетъ Пророкъ чрезъ сіе Церковь на слышаніе и соблюденіе повелѣваемыхъ. Названіемъ *дщери* присвояетъ себѣ оную, будто сотворилъ ее себѣ дщерію чрезъ любовь. *Слыши дщи и виждь.* Симъ словомъ *виждь* поучаетъ ее, чтобы она имѣла умъ къ созерцанію и познанію пріобученный. Вообрази, глаголетъ, тварь, и, помощію порядка въ ней сущаго, восходи наконецъ къ созерцанію Творца. Потомъ, преклоняя ея высокую выю гордости: *приклони*, рече, *ухо твое*, не теки по внѣшнимъ баснямъ, но воспріими смиреніе гласа, который въ Евангельскомъ словѣ; *приклони ухо твое* къ сему ученію, чтобы тебѣ позабыть злобные оные обычаи и отеческія ученія. Почему *забуди люди твоя, и домъ отца твоего*: всякъ бо *творяй грѣхъ отъ діавола есть.* Изжени, продолжаетъ, демонскія ученія, забуди жертвы, плясанія нощныя и басни, на блудодѣяніе и на всякую нечистоту разжигающія. Того ради я *дщерію* моею назвалъ тебя, чтобы возненавидѣла ты отца, который тебя прежде родилъ въ погибель. Ибо, ежели забвеніемъ загладишь скверну злыхъ ученій: то воспріимеши свою *доброту* и *вождѣленна* явившися Жениху—Царю. *Зане той есть Господь твой, и поклонятся Ему.* Чрезъ сіе: *зане той есть Господь твой*, показуетъ нужду повиновенія: *поклонятся* же *Ему*, то-есть вся тварь». До здѣ святый Василій.

Далѣе, совершенство приближенія къ Богу псаломъ изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *вся слава дщери царевы внутрь: рясны златыми одѣяна и преиспещрена. Приведутся Царю дѣвы въ слѣдѣ Ея, искренніи Ея приведутся тебѣ* (ст. 14. 15).

Въ изъясненіи сихъ словъ Пророческихъ паки святый Васи-

лій говоритъ о Церкви слѣдующее: «когда очистилась она отъ древнихъ ученій лукавства и, послушавъ наставленія, забыла люди своя и домъ отца своего: то Духъ Святый, увидя сущую въ потаенности чистоту ея, повѣдаетъ о ней: *вся*, глаголетъ, *слава дщери царевы*, то-есть невѣсты Хрістовы, чрезъ усыновленіе содѣлавшіяся дщерію царевою, внутрь есть. Сіи слова поощряютъ во внутреннія Церковной славы таинства входить: ибо внутрь есть доброта невѣстническая. Иже бо благоукрашаетъ самого себе Отцу видящему втайнѣ, и молится, и вся дѣетъ, не да явится человѣкомъ, но да явится единому Богу: той имѣетъ всю славу внутрь, такъ какъ и дщерь царева. Да и рясны златыя, коими вся одѣяна и преиспещренна, внутрь суть. Ничего не ищи во внѣшнемъ златѣ и тѣлесномъ испещреніи: но одѣяніе разумѣй нѣкое достойное, да украситъ того, который сотворенъ по образу Создавшаго, о которомъ также говоритъ и Апостолъ: *совлекшеся ветхаго человѣка съ дѣяніями его и облекшеся въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу Создавшаго его*. И иже *облечеся во утробы щедроты, благость, смиреномудріе, кротость и долготерпѣніе*: внутри одѣянъ есть, и по внутреннему человѣку украшенъ. Но такъ и Павелъ совѣтуетъ облещися Господомъ Іисусомъ, не по внѣшнему человѣку, но чтобы умъ нашъ Божія память покрывала. Я думаю, что духовная риза исткана бываетъ, когда къ поучительному слову присовокупляется спутешествующее дѣяніе. Ибо какъ тогда тѣлесная одежда исткана бываетъ, когда основа и утокъ переплетаются: такъ когда слово предъидетъ, и дѣянія послѣдуютъ, честнѣйшее нѣкое одѣяніе содѣлываетъ души, которая словомъ и дѣломъ, добродѣтелію исполнену жизнь имѣетъ. *Рясны* же привѣшены къ ризѣ, и тѣ суть мысленныя. И для того *златыми* называются: понеже слово есть больше дѣла, для того есть оно какъ рясны нѣкія, кои отъ основанія до дѣйствія тканія доходятъ. Послѣдуютъ же невѣстѣ Господней души нѣкія, кои, не пріимши сѣмени словъ чуждыхъ, приведутся Царю, идущія за невѣстою. Да слышатъ убо тѣ, кои обѣщали дѣвство Господеви, что дѣвы приведутся къ Царю, но дѣвы, сущія близъ Церкви, которыя послѣдуютъ ей, и не заблуждаютъ отъ Церковнаго благочинія».

Если къ сему духовнаго разума исполненному ученію великаго по истинѣ учителя Церкви, позволительно пристать и на-

*

шему, только еще ученическому слову: да *слышатъ убо*, скажу и я, да слышатъ убо *тѣ, кои обѣщали дѣвство Господеви*, и не сіи токмо, но и всѣ, коихъ души обѣщали и воспріяли сочетаніе Христу и усыновленіе Богу въ крещеніи, да слышатъ, какъ Духъ Святый призываетъ ихъ, въ слѣдъ Церкви, приходитъ къ Христу Царю, и наставляетъ на путь сей: до какого совершенства въ приближеніи къ Богу достигать должно, и какое блаженство въ семъ приближеніи обрѣсти можно.

Слыши дщи. Слыши, душа Христіанская! Ибо тѣмъ же словомъ, которымъ призывается Церковь Христіанская вообще, и каждая порознь душа Христіанская призывается. Слыши, что глаголетъ тебѣ Богъ въ писаніи Своемъ, или въ словѣ ученія, что глаголетъ Онъ тебѣ въ собственной твоей совѣсти. Слушай внимательно, и храни слышанное: не попускай, чтобы слово истины и спасенія въ одно ухо твое вошло, а въ другое вышло.

Слыши дщи и виждь. Можетъ Христіанская душа не только слышать Бога, ее призывающаго, но и видѣть Его. Или я неправду сказалъ теперь? Можно подозрѣвать, если угодно кому: но, безъ сомнѣнія, правду сказалъ и написалъ Божественный Давидъ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну* (Пс. XV, 8). Подвизайся же и ты, чтобы видѣть Сущаго—разумомъ въ тваряхъ, внѣ тебя существующихъ, а духомъ въ собственномъ сердцѣ твоемъ. Лучше слышишь, разумѣешь и сохранишь слово, когда имѣешь предъ очами глаголющаго.

Приклони ухо твое. Слушай спасительное ученіе со смиреніемъ: хотя Богъ глаголетъ съ высоты; но только смиренные ясно слышатъ, и вѣрно узнаютъ гласъ Его. Гласъ благодатный тихъ, а міръ шуменъ: всею силою отвращай, и заграждай внутренній слухъ твой отъ тварей и устремляй вниманіе духа твоего къ Богу.

Забуди люди твоя, и домъ отца твоего. Забвеніе означаетъ здѣсь бездѣйствіе не памяти, но сердца, какъ напримѣръ, человѣку, который съ нами говоритъ, какъ знакомый, мы выговариваемъ, что онъ забылъ насъ, потому что насъ не посѣтилъ, или другимъ образомъ не оказалъ намъ сердечной къ намъ привязанности. Тѣ, кои обѣщали дѣвство Господеви, и потому явнымъ образомъ отдѣлясь отъ людей своихъ, и отъ домовъ отцевъ своихъ, заключились въ оградѣ только съ подобными себѣ, поступаютъ тѣмъ болѣе благоугоднымъ Призвав-

шему ихъ образомъ, чѣмъ совершеннѣе тою же оградою ограждаютъ сердце свое отъ привязанности къ сродникамъ и знаемымъ, чѣмъ рѣже выносятъ ногу за ея священный прагъ. Ибо то вѣрно, что доколѣ не забудутъ оставленнаго за оградою, дотолѣ не найдутъ искомаго внутри ограды. Прежде *забуди люди твоя, и домъ отца твоего*: а потомъ уже и *возжелаетъ Царь доброты твоея*. Но и въ какомъ бы домѣ ни жила, къ какимъ бы людямъ не принадлежала ты, душа Христіанская, надобно тебѣ *забыть люди твоя, и домъ отца твоего*, оставить грѣхи, въ которыхъ ты родилась, возненавидѣть и отвергнуть дѣла діавола, не любить ничего въ мірѣ столько, сколько любишь Христа, и даже совсѣмъ ничего въ мірѣ не любить иначе, какъ во Христѣ возлюбленномъ.

И возжелаетъ Царь доброты твоея, зане той есть Господь твой, и поклонишися Ему. Когда ты перестанешь желать суеты земныхъ тварей: тогда Царь небесный возжелаетъ твоея доброты. И тогда симъ образомъ ты познаешь въ Немъ не только Господа всѣхъ, но и въ особенности *Господа твоего*: тогда уже не нужно требовать отъ тебя поклоненія Ему, какъ въ началѣ подвига сего требуютъ, и къ сему побуждаютъ; ты сіе исполнишь свободно, съ радостію, съ восхищеніемъ; *поклонишися Ему*, не только какъ рабыня Господу, со страхомъ, но и со дерзновеніемъ любви, какъ жениху невѣста, какъ царю дщерь царева. Тогда не столько ты будешь подвизаться, чтобы благоугодить Ему добродѣтелями, сколько Самъ Онъ будетъ облекать и украшать тебя ими, какъ брачнымъ одѣяніемъ невѣсты, какъ царственною утварію дщери царевы.

Дерзнетъ ли далѣе, и возможетъ ли внѣшнее слово проникнуть во внутренній чертогъ Невѣсты Христовы, чтобъ изнести оттуда хотя часть славы Ея для внѣшнихъ взоровъ?—Нѣтъ! По крайней мѣрѣ до великаго суда и откровенія сыновъ Божіихъ и царствія славы, *вея слава дщери Царевы внутрь*. Заключимъ со святымъ Василіемъ: *сіи слова поощряютъ во внутреннія Церковной славы таинства входить, ибо внутрь есть доброта невѣстинская*. Аминь.

СХ.

31. Слово

въ день Рождества Хрістова.

(Говорено въ Московскомъ Чудовѣ Монастырѣ, декабря 25).

Хрістосъ раждается: славите!

Симъ восклицаніемъ нѣкогда въ нынѣшній праздникъ началъ слово свое Святый Григорій Богословъ. И оно такъ пріятнымъ показалось Церкви, знающей и любящей гласъ избраннаго между пастырями ея, что и нынѣ симъ самымъ восклицаніемъ начинаетъ она обыкновенную торжественную пѣснь настоящаго праздника. Хрістосъ раждается: славите!

Если пріятно намъ такъ часто повторять начало слова Григоріева въ церковномъ пѣніи: почему не повторить, хотя изрѣдка, нѣчто изъ того же слова, въ церковномъ поученіи?

«Мы, говоритъ Святый Григорій, для которыхъ предметъ поклоненія есть Слово, если должны дать нѣкое пиршество, составимъ пиршество изъ слова, изъ закона Божія, изъ повѣствованій, частію нѣкоторыхъ другихъ, частію относящихся къ настоящему торжеству». Я же къ сему присовокуплю: если должны дать нѣкое пиршество слова, чего не можемъ вамъ обѣщать отъ нашей скудости, то приступите съ нами къ готовой давно, и еще не истощенной, трапезѣ Богослова. Внемлите, и вкушайте духомъ! Я буду только служитель трапезы, а угоститель вашъ святый Григорій: мои уста, его слово.

«Богъ всегда былъ, есть и будетъ. Или лучше: Онъ всегда есть. Ибо слова: былъ, будетъ, означаютъ усѣченіе нашего времени и непостоянной природы. А Онъ есть всегда Сущій. Такъ и называетъ Онъ Самъ Себя въ откровеніи Моисею на горѣ. Ибо Онъ имѣетъ въ Себѣ въ совокупности всецѣлое существованіе, которое не начиналось и не окончится, какъ бы нѣкое море существа, безмѣрное и безпредѣльное, стоящее превыше

всякаго понятія времени и природы. Одинъ только умъ начертываетъ себѣ нѣкую тѣнь Его, и то темно и уменьшительно. Не изъ того, что̀ въ Немъ, но изъ того, что̀ окрестъ Его, слагаются умопредставленія, одно по другомъ, Который прежде нежели удержанъ, убѣгаетъ, прежде нежели объятъ умомъ, исчезаетъ. Столько же озаряетъ вышнюю часть духа нашего, какъ быстрая, не останавливающаяся молнія озаряетъ очи. Мнѣ кажется, что для сего сіе творитъ Богъ, чтобы постижимымъ привлекать къ Себѣ (такъ какъ совершенно непостижимаго нельзя ни надѣяться, ни достигнуть), а непостижимымъ удивлять, чрезъ удивленіе возбуждать желаніе, чрезъ желаніе очищать, чрезъ очищеніе Богообразными содѣловать. А содѣлавшихся уже таковыми вводить съ Собою въ общеніе, такъ что смѣю сказать нѣчто отважное: Богъ съ богами соединяется, и познавается ими, можетъ быть, столько же, сколько уже знаетъ знаемыхъ.

Поелику же не довольно было для благости обращаться въ созерцаніи только самой себя, но должно было благу излиться и простерться, да будетъ множество благодѣтельствуемыхъ,— ибо сіе свойственно было крайней благости: то, во первыхъ вымышляетъ Богъ Ангельскія и небесныя силы. И сія мысль стала дѣломъ, которое Словомъ исполнилось и Духомъ совершилось. Такъ произошли свѣтлости вторыя, служители первыя свѣтлости, умными ли духами представлять ихъ должно, или огнемъ невещественнымъ и безтѣлеснымъ, или приписать имъ нѣкоторую другую природу, къ сказаннымъ ближайшую.

«Когда сіи первыя произведенія прекрасно были Имъ устроены: Онъ вымышляетъ вторый міръ, вещественный и видимый,— дабы показать, что Онъ силенъ произвесть не только сродную Себѣ природу, но и совсѣмъ чуждую. Ибо сродныя Божеству естества суть умныя, и умомъ только постигаемыя, а совсѣмъ чуждыя—тѣ, которыя подлежатъ чувствамъ.

Уже умъ и чувственность (то-есть умная и чувственная тварь), разлученныя такимъ образомъ другъ отъ друга, стояли въ своихъ предѣлахъ, и носили въ себѣ величіе Зиждителя слова, какъ безмолвные хвалители и велегласные проповѣдники великаго дѣла. Но еще не было растворенія изъ обѣихъ, и смѣшенія противныхъ, знаменующаго большую мудрость и великолѣпное обиліе естествъ, и не все богатство благости было вѣдомо. Сіе-то желая показать Творецъ Слово,—показать, говорю, живот-

ное, состоящее изъ обоихъ естествъ видимаго и невидимаго,—созидаетъ человѣка, взявъ тѣло изъ вещества, уже существовавшаго, а отъ Себя вложивъ жизнь, которую Писаніе называетъ умною душею и образомъ Божіимъ;—созидаетъ чрезъ сіе нѣкій другой міръ, въ маломъ великій, на землѣ поставляетъ другаго Ангела, поклонника разносоставнаго, зрителя видимой, таинственника невидимой твари, владыку на землѣ, владычествуемаго свыше, земнаго и небеснаго, временнаго и безсмертнаго, средняго между величіемъ и низостію, духовнаго и плотянаго, духовнаго ради благодати, плотянаго ради превозношенія,—духовнаго, чтобы онъ пребывалъ и прославлялъ Благодѣтеля,—плотянаго, чтобы страдалъ, и страданіемъ вразумлялся и научался, величаясь величіемъ,—животное, въ здѣшнемъ домоводствѣ поставляемое, и въ иное преставляемое, и, что̀ составляетъ конецъ таинства, стремленіемъ къ Богу обожаемое. Ибо къ сему ведетъ меня сей малый свѣтъ истины, чтобы и узрѣть и ощутить свѣтлость Божію, достойную Того, Который связалъ меня и разрѣшаетъ, и паки свяжетъ высшимъ образомъ.

Такъ созданнаго человѣка, почтивъ свободою, чтобы благо столько же принадлежало избравшему, какъ и даровавшаго сѣмена онаго,—Богъ поставилъ въ раю, каковъ бы онъ ни былъ, дѣлателемъ безсмертныхъ насажденій, то-есть, можетъ быть, Божественныхъ помышленій, какъ простѣйшихъ, такъ и совершеннѣйшихъ, нагимъ по простотѣ и безъискуственной жизни, безъ всякаго прикрытія и огражденія; ибо такимъ надлежало ему быть первоначально; далъ ему законъ, какъ вещество для свободы. Законъ сей состоялъ въ заповѣди,—отъ которыхъ насажденій надлежало ему вкушать, и къ которому не прикасаться. То было древо познанія, не на зло въ началѣ насажденное, и не изъ зависти запрещенное,—да не направляютъ сюда языковъ своихъ богоборцы, и да не подражаютъ змію,—но доброе для благовременно пріобщающихся: — ибо древо сіе, сколько я то вижу, было созерцаніе, къ которому только совершеннѣйшимъ по душевному расположенію, восходить не опасно; а не доброе для тѣхъ, которые просто еще, и желаніемъ лакомы, подобно какъ и совершенная пища не полезна въ нѣжномъ возрастѣ, которому еще млеко надобно.

«Когда же по дѣйствію зависти діавола, и по искушеніи жены, въ которое она впала, какъ болѣе слабая, и въ которое

ввела какъ болѣе ласкательная,—о горе моей немощи! ибо немощь прародителя есть моя немощь;—когда, говорю, забылъ онъ данную заповѣдь, и побѣжденъ горькимъ вкушеніемъ. тогда за сіе зло содѣлался изгнанникомъ, и отъ древа жизни, и изъ рая, и отъ Бога; тогда въ первый разъ узналъ свой стыдъ и скрылся отъ Бога. Плодомъ сего была смерть, пресѣкающая грѣхъ, чтобы зло не было безсмертно. Такимъ образомъ и наказаніе было дѣло человѣколюбія: ибо такъ, по моему мнѣнію, наказываетъ Богъ!

«Много было вразумленій прежде, за многіе грѣхи, которые произрастилъ корень зла, по разнымъ причинамъ и временамъ. Вразумляемъ былъ человѣкъ словомъ, закономъ, Пророками, благодѣяніями, угрозами, язвами, наводненіями, пожарами, войнами, побѣдами, пораженіями, знаменіями съ неба, знаменіями изъ воздуха, отъ земли, съ моря, внезапными превращеніями людей, городовъ, народовъ, что̀ все имѣло цѣлію истребленіе зла. Но сильнѣйшаго, наконецъ, врачевства требуетъ человѣкъ отъ жесточайшихъ болѣзней, каковы суть. взаимное убійство, прелюбодѣйство, клятвопреступленіе, и крайнее и первое изъ всѣхъ золъ идолослуженіе и пренесеніе поклоненія отъ Творца къ тварямъ

«Противъ всего сего поелику требовалась сильнѣйшая помощь: то сильнѣйшая и подана. Сія помощь есть самое Слово Божіе, предвѣчное, невидимое, необъятное, безтѣлесное, начало отъ начала, свѣтъ отъ свѣта, источникъ жизни и безсмертія, изображеніе первообразной красоты, недвижимая печать, неизмѣнный образъ, Отчее опредѣленіе и Слово. Онъ входитъ во Свой образъ, носитъ плоть ради плоти, соединяется съ умною душою ради моей души, чтобы подобное подобнымъ очистить, и становится человѣкомъ по всему кромѣ грѣха. Зачинается въ Дѣвѣ, по душѣ и по тѣлу предочищенной Духомъ, ибо надлежало и рожденіе почтить, и дѣвство предпочесть. Исходитъ же Богъ съ воспріятымъ человѣчествомъ въ единствѣ изъ двухъ противныхъ, изъ плоти и духа, изъ коихъ одинъ обожилъ, а другая обожилась. О необычайное соединеніе! О дивное растореніе! Сущій начинаетъ быть, несозданный созидается; невмѣстимый вмѣщается посредствомъ умной души, посредствующей между Божествомъ и грубою плотію. Богатый нищетствуетъ, нищетствуетъ по плоти моей, чтобы я обогатился Его Божествомъ. Пол-

ный истощается: ибо истощается отъ Своей славы на краткое время, чтобы мнѣ причаститься Его полноты. Какое богатство благости! Какое со мною таинство! Я пріобщился образа Божія, и не сохранилъ его. Богъ пріобщается моей плоти, чтобы и образъ Свой спасти и плоть обезсмертить. Втораго пріобщается общенія, еще удивительнѣйшаго, нежели первое; ибо тогда лучшее преподалъ, а теперь пріобщается худшаго. Сіе божественнѣе прежняго; сіе возвышеннѣе для тѣхъ, которые умъ имѣютъ.

«Пріими же нынѣ рожденіе, и взыграй, если не какъ Іоаннъ во чревѣ, то хотя какъ Давидъ по поставленіи кивота. Уважь перепись, въ которую ты въ небеса записанъ. Благоговѣй къ рожденію, которымъ ты разрѣшился отъ узъ рожденія. Почти малый Виѳлеемъ, который опять въ рай привелъ тебя. Поклонись яслямъ, изъ которыхъ ты, бывъ безсловесный, напитался словомъ. *Познай*, яко *волъ стяжавшаго и*, повелѣваетъ тебѣ Исаія, и яко *оселъ ясли господина своего* (Исаіи, I, 3).

«Теки ео звѣздою, приноси дары съ волхвами, злато, и ливанъ, и смирну, какъ Царю, какъ Богу, какъ мертвому ради тебя. Съ пастырями славь, съ Ангелами ликовствуй, съ Архангелами пѣснословь.

«Возненавидь одно изъ обстоятельствъ рождества Христова,— Иродово младенцеубійство, или лучше, и предъ симъ благоговѣй, какъ предъ жертвою сверстниковъ Христовыхъ, закалаемою прежде новой жертвы. Если Христосъ бѣжитъ во Египетъ; бѣги съ Нимъ охотно. Прекрасное дѣло бѣжать со Христомъ гонимому. Если Онъ умедлитъ въ Египтѣ, воззови Его изъ Египта добрымъ Ему и тамъ поклоненіемъ. Пройди безпорочно чрезъ всѣ возрасты и силы Христовы (подражаніемъ), какъ Христовъ ученикъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран

От издателей I

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Слова и рѣчи, избранныя самимъ проповѣдникомъ для изданій 1844, 1848 и 1861 годовъ.

1821 годъ	Слово при вступленіи въ управленіе Московскою паствою	1
—	Слово въ день торжественнаго вѣнчанія и священнаго помазанія на царство Императора Александра Павловича	9
—	Слово о нетлѣніи св. мощей, на память Преподобнаго Сергія	15
—	Слово въ день Собора св. Архистратига Михаила .	24
—	Слово къ воспріемлющимъ обѣтъ сердобольныхъ вдовъ	30
—	Слово на Рождество Христово	35
1822 годъ.	Слово въ день Алексія Митрополита и въ недѣлю сыропустную	42
—	Слово въ недѣлю крестопоклонную	50
—	Слово въ 5 недѣлю великаго поста	56
—	Слово въ день Благовѣщенія Пресв Богородицы .	64
—	Слово въ день св. Пасхи	71
—	Слово при освященіи храма Живоначальныя Троицы, созданнаго тщаніемъ княгини Евдокіи Николаевны Мещерской, и при открытіи основаннаго ею, Высочайше утвержденнаго, Борисоглѣбскаго женскаго общежитія	75
—	Слово въ день Святителя Николая	82

		Стран.
1822 годъ.	Слово въ день св. Мученика Благовѣрнаго Димитрія Царевича	88
—	Слово въ день обрѣтенія мощей Святителя Алексія .	95
—	Слово въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, при посѣщеніи города Коломны	102
—	Слово при посѣщеніи города Серпухова . .	111
—	Слово въ день обрѣтенія мощей Преп. Сергія . .	118
1823 годъ	Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Павловичу предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ	125
—	Рѣчь Ему же, въ день тезоименитства Его Величества	126
—	Слово въ день вѣнчанія на царство и муропомазанія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича	127
—	Слово при открытіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія	134
1824 годъ.	Слово въ недѣлю по Воздвиженіи	142
—	Слово въ день Благовѣщенія Пресв Богородицы	148
—	Бесѣда о нищетѣ духовной	156
—	Слово въ день Вознесенія Господня	161
—	Рѣчь при открытіи дома трудолюбія въ Москвѣ	168
—	Рѣчь Преосвящ Епископу Дмитровскому Кириллу, по рукоположеніи его	171
—	Слово на Рождество Христово	175
1825 годъ.	Слово въ недѣлю Ваій	181
—	Слово въ день св. Пасхи	188
—	Слово въ день Вознесенія Господня	195
—	Бесѣда о прикосновеніи вѣры ко Христу . . .	201
—	Слово въ день Святителя Алексія	206
—	Слово въ день Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла	212
—	Слово въ день Преп. Сергія, о судѣ Святыхъ . .	219
—	Бесѣда о упокоеніи труждающихся и обремененныхъ	227
—	Бесѣда изъ притчи о плевелахъ	234
—	Слово въ день Знаменія Пресв Богородицы . . .	240
—	Слово предъ присягою для избранія судей . . .	248
—	Рѣчь при всенародномъ открытіи хранящагося въ Моск Успенскомъ Соборѣ завѣщательнаго акта въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, о назначеніи на наслѣдственный Всероссійскій Престолъ Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго	254
—	Слово къ новоизбраннымъ судіямъ предъ произнесеніемъ присяги	256

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Слова и рѣчи, напечатанныя при жизни проповѣдника, но не вне сенныя въ собранія 1844, 1848 и 1861 годовъ

Стран

1824 годъ Слово въ день Св Пасхи 263

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ

Слова и рѣчи, не напечатанныя при жизни проповѣдника.

1823 годъ Слово по возвращеніи къ своей паствѣ изъ С.-Петербурга, Августа 15 273

— Слово на память Преп Сергія 281

— Слово на день Собора Св. Архистратига Михаила 287

— Слово въ день Рождества Христова. 294

1824 годъ Слово на память Святителя Алексія 299

— Слово въ день обрѣтенія мощей Святителя Алексія 306

— Слово при посѣщеніи города Вереи. 311

— Слово въ недѣлю 2 по Пятидесятницѣ, при посѣщеніи города Можайска 317

— Слово въ день св. Апостола Варнавы, при посѣщеніи города Волоколамска. 322

— Слово при освященіи храма во имя Святителя Николая въ Москвѣ, на мѣстѣ, называемомъ Котельники. 328

— Слово въ день тезоименитства Императора Александра Павловича. 336

— Слово по освященіи храма во имя Святителя Димитрія, Ростовскаго Чудотворца, въ Борисоглѣбскомъ общежительномъ монастырѣ 342

— Слово на день памяти Преп Сергія. 347

— Слово въ день рожденія Императора Александра Павловича 355

1825 годъ. Слово въ день Святителя Алексія 361

— Слово въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы. 368

— Слово въ день св. Мученика Димитрія Царевича. . 373

— Слово по освященіи храма Успенія Пресв. Богородицы, что въ Казачей, за Москвою рѣкою . 379

— Слово въ Церкви Пресв. Богородицы въ честь иконы Ея Смоленскія, въ Новодѣвичьемъ Монастырѣ, по крестномъ ходѣ. 387

— Слово въ день Успенія Пресв. Богородицы 394

Стран.

1825 годъ. Слово въ день тезоименитства Императора Александра Павловича 401

— Слово по освященіи храма Святителя Алексія, въ селѣ Черкизовѣ 406

— Слово въ день обновленія храма Іерусалимскаго, и по случаю обновленія храма Великомученика Никиты, въ Басманной 412

— Слово въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы 417

— Слово въ день Рождества Христова 422

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано:	Должно быть:
5	15 снизу	возникнутъ	возникнуть
12	7 сверху	*разума* 1) Тим.	*разума* (1 Тим.
25	2 сверху	служенію	служеніи
116	10 сверху	естъ	есть
127	15 сверху	Тимофея	Тимоѳея
132	4 снизу	*сшоть*	*стоть*
161	11 снизу	нимъ	ними
168	13 снизу	лицо	лице
176	6 сверху	Если [3])? ты	? Если [3]) ты
195	9 снизу	взяшся	взятся
228	19 сверху	силахъ	силамъ
270	5 сверху	еси	если
294	7 сверху	Яда	яда
306	15 сверху	блаженттво	блаженство
323	1 сверху	вождѣленномъ	вожделѣнномъ
328	1 снизу	*идьжестоясть*	*идьже столсть*
344	3 сверху	*польщу*	*полещу*
384	7 снизу	дому Владыка, украшенія, коими благоугождается	украшенія, копми благоугождается Дому владыка,
385	11 сверху	*углубляется*	*углубляется*
390	10 сверху	вождѣленной	вожделѣнной
—	8 снизу	не	но
391	16 снизу	попеченій?	попеченій.
406	15 снизу	на немъ	на семъ

Напечатанное на стр. 82 примѣчаніе относится къ стр 83.